

**Рауль
Мир-Хайдаров**

Том третий

Рауль Мир-Хайдаров

Том третий

Интервью
для столичной
газеты

Казань
Kazan-Kazan
2011

УДК 82
ББК 84-4
М-63

Мир-Хайдаров, Р. М.

Том третий. Интервью для столичной газеты.

М-63 Собрание сочинений. В 6 т. Том III. Интервью для столичной газеты / Рауль Мир-Хайдаров.— Казань: Kazan-Kazan, 2011.— 576 с.

ISBN 978-5-85903-073-6 (3)

ISBN 978-5-85903-070-5

«Масть пиковая» — остросюжетный социально-политический роман с детективной интригой, написанный на огромном фактическом материале. Бывший и. о. Генерального прокурора России Олег Гайданов в недавно вышедшей вторым изданием мемуарной книге «На должности Керенского, в кабинете Сталина», стр. 431 сказал о Мир-Хайдарове и его романах: «...Ничего подобного я до сих пор не читал и не встречал писателя, более осведомленного в работе силовых структур, государственного аппарата, спецслужб, прокуратуры, суда и ...криминального мира, чем автор тетралогии «Черная знать». В ней впервые в нашей истории дан анализ теневой экономики, впервые показана коррупция в верхних эшелонах власти, сращивание криминала со всеми ветвями власти...» Не зря американская газета «Филадельфия инкуайер» назвала Рауля Мир-Хайдарова «исследователем мафии», а специалисты из спецслужб называют его крупнейшим аналитиком, заглянувшим на десятилетия вперед, предвидевшим исламский фактор и терроризм XXI века».

ISBN 978-5-85903-073-6 (3)

ISBN 978-5-85903-070-5

© Мир-Хайдаров Р. М., 2011
© Изд-во «Kazan-Kazan», 2011

ТВОРЧЕСКАЯ БИОГРАФИЯ

МИР-ХАЙДАРОВ РАУЛЬ МИРСАИДОВИЧ — писатель, заслуженный деятель искусств (1999), лауреат премии МВД СССР (1989), родился 17 ноября 1941 года в поселке Мартук, Актюбинской области, в семье оренбургских татар.

По образованию — инженер-строитель. Он много лет проработал в строительстве, и работа позволила ему изъездить страну вдоль и поперек. В молодые годы увлекался боксом, имел первый спортивный разряд. В партии никогда не состоял, большим начальником не был. В возрасте тридцати лет на спор с известным кинорежиссером написал рассказ «Полустанок Самсона», опубликованный в московском альманахе «Родники» и записанный на Всесоюзном радио. В 1975 году был участником VI Всесоюзного съезда молодых писателей.

В сорок лет Рауль Мир-Хайдаров оставляет строительство и становится профессиональным писателем. Он издал более трех десятков книг в главных издательствах СССР: «Молодая гвардия», «Советский писатель», «Художественная литература». Его книги переводились на многие иностранные языки и языки народов СССР. Есть книги, изданные на грузинском, каракалпакском, узбекском. Вся проза Р. Мир-Хайдарова переведена на татарский язык. Почти все его произведения имели журнальные публикации и записаны на Всесоюзном радио. У него пять раз выходили собрания сочинений.

Широкую известность писателю принесла серия «Черная знать», в которую входят тетралогия романов: «Пешие прогулки», «Двойник китайского императора», «Масть пиковая», «Судить буду я» и тематически примыкающий к ним роман «За всё — наличными». Книги из серии «Черная знать» имели по десять-пятнадцать изданий каждая. Это остро сюжетные политические романы с детективной интригой, написанные на огромном фактическом материале. В них впервые в нашей истории дан анализ теневой экономики, впервые показана коррупция в самых верхних эшелонах власти, включая кремлевскую. Показано сращивание криминала со всеми ветвями государственной власти. Первый роман из тетралогии — «Пешие прогулки» — вышел в 1988 году в «Молодой гвардии» с предисловием известного критика и редактора журнала «Континент» Игоря Виноградова. Этот роман на сегодняшний день выпущен двадцатью изданиями (из них четыре раза по 250 тысяч экземпляров) и продолжает издаваться. После выхода романа на автора было совершено покушение, и он чудом остался жив, проведя двадцать восемь дней в реанимации и долгие месяцы в больницах. Ныне писатель — инвалид второй группы.

Американская газета «Филадельфия инкуайер» прислала специального корреспондента Стива Голдстайна в связи с покушением на Р. Мир-Хайдарова и посвятила этому событию целую полосу под заголовком: «Исследователь мафии». Позже писатель выступал во многих европейских газетах по проблемам преступности, давал интервью. Это о Р. Мир-Хайдарове сказал в своей книге «На должности Керенского в кабинете Сталина» бывший и. о. Генерального прокурора России Олег Иванович Гайданов: «Ничего подобного я до сих пор не читал и не встречал писателя, более осведомленного о работе силовых структур, государственного аппарата, спецслужб, прокуратуры, суда и ...криминального мира, чем автор тетралогии «Черная знать».

В своих романах автор зафиксировал хронику смутного времени. После покушения и выхода новых романов жизнь в Ташкенте стала для него невозможной: постоянные угрозы и шантаж, угнали машину, рассыпали набор романа «Судить буду я», запретили постановку пьесы, написанной драматургом В. Баграмовым по роману «Пешие прогулки». И Мир-Хайдаров переезжает в Москву и, конечно, пишет. Уже в России дописывается последняя книга тетралогии «Судить буду я», написан пронзительно грустный ретро-роман о жизни, о любви — «Ранняя печаль». В 1997 году вышел роман о российской мафии, о жизни «новых русских», о крупных аферах в России — «За все — наличными».

В молодые годы известный романист страстно увлекался футболом, дружил со знаменитыми футболистами своего времени: Михаилом Месхи, Славой Метревели, Гурамом Цховребовым, Геннадием Красницким, Станиславом Стадником, Берадором Абдураимовым... Любил и знал балет, дружил с народным артистом СССР Ибрагимом Юсуповым, учеником Юрия Григоровича. Поклонник джаза — был знаком со многими джазменами из оркестров Орбеляна, Кролла, Вайнштейна, Гаджиева, Гобискери. Специально брал отпуск зимой, чтобы побывать в московских театрах, общался с Олегом Далем, Валентином Никулиным. Смотрел все знаменитые спектакли театра «Современник» конца 60-х — начала 70-х.

Ныне остались увлечение живописью и, конечно, писательский труд, любовь к которым оказалась сильнее и футбола, и джаза, и театра. Он — обладатель одной из самых больших частных коллекций современной живописи в России.

В 2001 году в Казахстане, на родине писателя, на государственном уровне был отмечен его юбилей. В дни 60-летия в областном историко-краеведческом музее Актюбинска был открыт зал, посвященный знаменитому земляку, в нем выставлены шестьдесят картин, подаренных им городу из его частной коллекции. Одна из улиц его родного Мартука названа именем Рауля Мир-Хайдарова. Там же, в Мартуке, открыт литературный музей писателя и действуют два школьных музея. Р. Мир-Хайдаров — почетный гражданин Казахстана.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Романы:

- «Пешие прогулки» (1988). 20 изданий
- «Двойник китайского императора». 16 изданий
- «Масль пиковая» (1990). 15 изданий
- «Судить буду я» (1992). 10 изданий
- «Ранняя печаль» (1996). 6 изданий
- «За всё — наличными» (1997). 8 изданий

Книги повестей и рассказов:

1. «Полустанок Самсона» (1975) — рассказы
2. «Оренбургский платок» (1978) — рассказы
3. «Такая долгая зима» (1978) — рассказы
4. «Путь в три версты» (1979) — рассказы
5. «Знакомство по брачному объявлению» (1980) — повести
6. «Жар-птица» (1981) — рассказы
7. «Дамба» (1984) — повести и рассказы
8. «Чти отца своего» (1987) — повести и рассказы
9. «Из Касабланки морем» (1987) — повести и рассказы
10. «Седовласый с розой в петлице» (1988) — романы и повести
11. «Налево пойдешь — коня потеряешь» (1990) — романы и повести

Собрания сочинений:

1. Изд-во «Художественная литература» (Москва, 1990) — однотомник
2. Изд-во «Голос» (Москва, 1992-1993) — собрание сочинений в 4-х томах
3. Изд-во «Грампус Эйт» (Харьков, 1995) — собрание сочинений в 3-х томах
4. Изд-во «Южная Пальмира» (Днепропетровск, 1996) — собрание сочинений в 4-х томах
5. Изд-во «Идел-Пресс» (Казань, 2006) — собрание сочинений в 5-ти томах

Романы «Ранняя печаль», «За всё — наличными» и «Масль пиковая» записаны на аудиокассетах на 87 часов звучания.

Общий тираж книг превышает 5 миллионов экземпляров.

e-mail: mraul61@hotmail.com
сайт: www.mraul.ru

О ПРОЗЕ И РАННЕЙ ПЕЧАЛИ ПИСАТЕЛЯ РАУЛЯ МИР-ХАЙДАРОВА

Сергей АЛИХАНОВ
академик

Мне, в силу личных симпатий к прозе писателя и дружеских отношений с автором (к тому же я оказался биографом Рауля Мир-Хайдарова), известны все его литературные пристрастия, его любимые поэты и прозаики. Он ещё не ступил на литературную стезю, когда его кумиром стал И. А. Бунин, и прочитал прозу мастера в юные годы, когда все ложится на сердце крепко и навсегда. Переболел он и западной литературой, что было характерно для молодежи шестидесятых-семидесятых годов — Фицджеральдом, Томасом Вулфом, Голсуорси, Дзюмпеем Гомикавой — романистами, тяготевшими к социальным проблемам, а главное, к емкой, образной фразе.

Позже, уже сложившимся писателем, издавшим десятки книг, Рауль Мир-Хайдаров открыл для себя Валентина Катаева, обязательно надо добавить, позднего Катаева. И Катаев, лично знавший Бунина с юных лет и всю жизнь считавший его учителем, стал для Рауля Мир-Хайдарова вровень с великим Буниным.

Поздний Катаев, на взгляд писателя, никак не уступает по музыкальности фразы, стилистике, ярчайшим, неожиданным эпитетам и сравнениям кудеснику слова — Бунину. А по форме, построению сюжета дает большую фору традиционалисту Бунину. Впрочем, как считает Рауль Мир-Хайдаров, и в мировой литературе не очень много писателей, так виртуозно владеющих формой, как Катаев.

Такое трепетное отношение к своим кумирам, глубокое знакомство с их творчеством не могли не сказаться на манере, стилистике писателя. Он так же, как и его кумиры, тяготеет к предложениям на треть и полстраницы, умеет так описать вещь, обстановку, интерьер, застолье, что невольно видишь описываемое перед собою как на экране.

Писатель всегда сетовал, что поздно открыл для себя Катаева, хотя понимал, что лучшие свои произведения тот написал на излете жизни. Рауль Мир-Хайдаров завидовал молодым, идущим вслед ему писателям, для которых был уже написан и издан весь поздний Катаев. Еще больше жалел он, что Катаев не успел показать Бунину свои лучшие вещи, настоящего Катаева, оправдавшего, да что оправдавшего, далеко превзошедшего ожидания своего учителя. Иван Алексеевич оценил бы и форму, и содержание книг

юноши, когда-то, в далеком 1918 году, пришедшего к нему на дачу с первыми своими стихами. До слез обидно, что Бунину не удалось прочитать «Траву забвения» — воспоминания о нем самом. Новая форма и новое содержание пришли к Катаеву через пятнадцать лет после смерти кумира юности.

Катаев повлиял на Рауля Мир-Хайдарова, повлиял на его главный роман «Ранняя печаль», хотя автор, может быть, пришел к такой форме неосознанно, интуитивно. Недавно, перечитывая, по настоянию Рауля Мир-Хайдарова, произведения Катаева, в «Траве забвения» я наткнулся на авторское рассуждение. Привожу текст дословно: «...я ищу... чего-то, что не походило бы на роман. Отсутствие интриги для меня недостаточно. Я хотел бы, чтобы сама структура была другой, чтобы эта книга носила характер мемуаров одного лица, написанного другим...»

И меня тут же пронзила мысль, что именно по этому «рецепту» скроен роман «Ранняя печаль». Автобиографическая книга Рауля Мир-Хайдарова, написанная от имени вымышленного Рушана Дасаева. Я тут же связался с автором и зачитал катаевские строки, высказал свои соображения. Странно, не единожды читавший «Траву забвения» Мир-Хайдаров не помнил этих строк и бросился листать томик Катаева, который у него всегда на письменном столе. Через минуту он радостно сообщил мне, что только теперь разгадал мучившую его тайну: откуда родилась блестящая форма самой любимой его катаевской вещи «Юношеский роман». Еще одного мгновения ему оказалось достаточным, чтобы соотнести «рецепт» Катаева с «Ранней печалью» — и он с грустью сказал: «Как жаль, что Валентина Петровича нет уже почти двадцать лет, а то я сейчас бы поставил эти слова эпиграфом и отнес любимому писателю».

Вот так: Катаев не успел к Бунину, Мир-Хайдаров — к Катаеву. В таких горестных утратах, когда ученик не успевает отчитаться перед учителем, и рождается литература, и что-то по-настоящему стоящее создается только на излете жизни.

Рауля Мир-Хайдарова роднит с любимым писателем еще одно качество — сила воображения. Эта грань таланта Рауля Мир-Хайдарова наиболее очевидна.

Рауль Мир-Хайдаров добился заслуженного признания у себя на родине и далеко за ее пределами. Литературное имя он приобрел, создав серию социально-политических романов, в которых современный мир предстает перед читателями в правдивом и даже шокирующем отображении.

Роман

ШИРОКОВ С. В.

Масль пиковая

Роман

Часть I

Масль пиковая, масль черная

*Убийство в Прокуратуре республики. Дон-Жуан из ОБХСС.
Ночной налет на Прокуратуру республики. Смерть Рашидова.
Валет пиковый. Украденная докторская диссертация.
Сыщик и вор в одном лице. Человек из Ростова по прозвищу
Кощей. Прокурор — ночной грабитель. Загородный дом
в подарок любовнице. Жемчужное кольцо для Наргиз. Абрау-Дюрсо
для наемного убийцы. Золотой «Ролекс».*

Вязкие осенние сумерки, неожиданно опустившиеся на оживленную привокзальную площадь, уничтожили сразу краски всего живого вокруг. Казалось, еще минуту назад полыхала огнем листва старых канадских кленов у трамвайной линии, а чуть поодаль, в палисаднике, могучие платаны и необхватные дубы роняли желтые увядшие листья на разноцветный рыхлый ковер, устилавший узкий пыльный скверик, — и в мгновение ока, как по волшебству, все лишилось цвета, потеряло четкость контуров, словно дымком окутало окрестности. Пропали вдруг ослепительные краски хан-атласных платьев, враз поблекли разноцветные спортивные сумки и туркменские хурджины, радовавшие глаз, потеряла прелесть пестрая одежда ребятни, принаряженной в дорогу, и само бирюзовое здание вокзала с нежно-зеленой крышей сделалось серым, неудобным.

Сумерки поглотили не только цвета, они, кажется, приглушили даже звуки. Какой веселый трамвайный перестук стоял над площадью, какие звонкие детские голоса, смех раздавались то тут, то там, и вдруг эта внезапная ватная тишина с невнятными шорохами отъезжающих с площади автобусов, троллейбусов, и почему-то вдруг все, словно сговорившись, перешли чуть ли не на шепот. Что это? Магия наступающей ночи? Колдовство сиреневых азиатских сумерек? Еще одна загадка Востока?

И в этот самый миг, когда, казалось, никому и ни до кого нет дела, интереса, ибо в сутках наступал то ли час безвременья, то ли час перерыва, чтобы вечерняя жизнь набрала энергию для вступления в самую яркую, красочную часть дня, на площади появилась машина, не то желтая, не то кремовая, не то серая, не то белая,— трудно было в дымных сумерках определить цвет. Развернувшись у темных клумб с чахлыми розами, машина въехала на густо заставленную платную стоянку. Можно было поклясться, что никто не обратил внимания на обычный маневр, хотя человек, сидевший за рулем, очень был озабочен именно этим фактом.

Владелец нового жигуленка не сразу покинул салон, он задержался на некоторое время, словно раздумывая, стоит ли парковать машину? Глаза его цепко осматривали торопящийся следом за ним на стоянку транспорт. Ничего подозрительного ему не почудилось, и он распахнул дверцу.

Машинально, проверяя надежность замков, обошел «жигули», и тут в глаза ему бросился ярко-красный отсвет над входом в здание вокзала. Неоновые буквы вспыхнули разом — ТАШКЕНТ,— и от этого жизнь как-то сразу ожила кругом, что-то прорвало ватную тишину, и он услышал за спиной веселый трамвайный звонок. «Эй, поберегись!» — предупреждал замешкавшихся прохожих кондуктор. Но вдруг первые три буквы неожиданно погасли, и на фронтоне здания на заокееанский манер обозначилось: «КЕНТ».

Владелец припарковавшейся машины невольно улыбнулся, почему-то повторил вслух: «Кент...» — и решительно двинулся к станции. То тут, то там, на всей огромной территории привокзальной, вспыхивали фонари, озарялись светом стекла зала ожидания, а из распахнутых настежь окон ресторана на втором этаже грянула музыка — вечер на столичном вокзале вступал в свои права. Человек, оставивший машину на платной стоянке, а звали его Сухроб Ахмедович Акрамходжаев, был высок ростом, чуть грузноват, хотя

еще чувствовалось что-то спортивное в осанке и в легкости походки. Не сразу и не каждый мог определить его возраст, слишком молодожаво он выглядел, наверное, этому способствовала и его манера поведения, свободная, раскованная, однако лишенная вульгарности, да и стиль одежды, пожалуй, не выдавал его положения в обществе. Сухроб Ахмедович не имел в руках ничего, и если бы и наблюдали за ним, наверное, подумали бы, что он приехал кого-нибудь встречать. У первой платформы стоял проходящий поезд Москва — Душанбе, и перрон оказался многолюдным, шумным, но у него вряд ли могли оказаться тут ненужные знакомые. Круг людей, среди которых он вращался, если даже изредка пользовался поездами, предпочитал все-таки свой фирменный «Узбекистан».

Сухроб Ахмедович, выйдя на первую платформу, на всякий случай пристально оглядел нумерацию вагонов и направился к голове поезда. Внешне он не бросался в глаза. Неяркий твидовый пиджак, темно-серые строгие брюки, на ногах удобная бесшумная «саламандра»; ворот однотонной вишневого цвета рубашки распахнут, но это не портило вида, скорее наоборот, подчеркивало элегантный, спортивный стиль молодожавого мужчины.

В его планах все было рассчитано по минутам, но он все-таки машинально глянул на часы — тяжелые, массивные, блеснувшие золотом, швейцарский «Ролекс», — успевал.

Он шел, смешавшись в толпе встречающих и отъезжающих, то и дело поглядывая на номера вагонов и вроде отыскивая кого-то взглядом. Делал он это вполне профессионально, натурально, и театральный, и киношный режиссер остались бы довольны, доведись им снимать сцену на вокзале.

У подземного перехода он на секунду остановился и, чертыхнувшись, перевязал шнурок на левом ботинке, убедился лишний раз, что хвоста за ним вроде нет. Он догадывался, что догляд за ним мог быть куда изощреннее, чем его несложные хитрости.

В туннеле он услышал, что до отхода поезда Ташкент — Наманган осталось пять минут. Пока все шло по четко выверенному плану.

Из перехода он двинулся к своему вагону. Вышколенный проводник мягкого спального дожидался запоздавших пассажиров, хотя другие уже поспешили подняться к себе и убирали подножки. Важный пассажир протянул скучающему железнодорожнику два билета. Тот невольно спросил, а где же попутчик. На что получил такой ответ:

— Видите ли, я храплю во сне и не хотел бы, чтобы мой недуг доставлял неприятности соседу. Оттого всегда покупаю билет на все купе.

Хозяин вагона находился в добром настроении, к поездке прибыл после обильного застолья с друзьями в чайхане, поэтому переспросил шутя:

— Даже в том случае, когда в составе только четырехместные купе?

Но вопрос не сбил с толку человека в твидовом пиджаке, он сказал:

— Нет, до сих пор мне не приходилось покупать для себя четыре билета сразу, впрочем, я редко пользуюсь поездами,— и, считая, что разговор окончен, он легко поднялся в вагон, успев при этом глянуть вдоль состава в одну и другую сторону.

Следом поднялся и проводник, отчего-то сожалея о своем вопросе. Многолетний опыт работы подсказывал ему, что таким людям вопросов задавать не следует. Пассажир, хоть и без галстука и без обычного холуйского сопровождения, принадлежал к тем, кто редко гнется перед кем-то в поклоне, на Востоке такие за версту заметны, а он на своем веку повидал их немало. За пять минут до отхода, зная, что из двенадцати купе занято лишь семь, проводник радовался, что поездка будет необременительной и, может, даже денежной, но человек с двумя билетами почему-то невольно вселил в него тревогу.

Запоздалый пассажир быстро зашел в свое купе, ему не хотелось встретить тут знакомых, это осложнило бы его планы, хотя и на этот случай у него имелись варианты.

— Пронесло! — произнес он, с улыбкой оглядывая свое временное пристанище. Нехитрый дорожный уют двухместного купе радовал глаз, вагон был новый, содержался опрятно. Белье, ковры, посуда на столе — все отличалось чистотой, свежестью и настраивало на приятное путешествие. Сухроб Ахмедович, которого узкий круг людей знал еще и под кличкой Сенатор, глянул в большое зеркало на двери, слегка поправил волосы — и остался доволен собой, внешних следов волнения, спешки он не обнаружил.

В вагоне было тепло, и он снял пиджак, но, прежде чем повесить у зеркала, достал из кармана машинально, как делал всякий раз, пачку сигарет и зажигалку, и в этот момент скорый поезд тронулся.

Пассажир комфортного купе глянул в окно на проплывающий перрон столицы и увидел далеко и высоко на фронте здания вокзала четыре буквы «...кент». Он достал из длинной дымчато-серой

пачки сигарету и щелкнул зажигалкой. Сигарета и зажигалка были одной фирмы «Кент», но ассоциация не вызвала улыбку, как несколько минут назад. Мысли его летели уже впереди экспресса.

Так в некотором раздумье он просидел минут десять, еще и еще раз прокручивая в голове свои дальнейшие действия, как неожиданно раздался стук и распахнулась дверь в купе. Проводник принес традиционный чай, заварил из личных запасов, он еще переживал свою бестактность и хотел несколько сгладить впечатление после неловкого вопроса. Человек без галстука не давал ему покоя, он лихорадочно перебирал в памяти разных высоких начальников, от секретарей обкомов до директоров торговых баз, которых ему довелось обслуживать в пути, но этого, с мягкими, вкрадчивыми шагами, припомнить никак не удавалось.

Проводник поставил на стол фарфоровый чайник и пиалы, спросил, не нужно ли еще чего-нибудь принести, но, чувствуя, что его не видят и не слышат, поспешил ретироваться из купе. То, что пассажир чем-то всерьез озабочен, бросилось бы в глаза и менее искушенному человеку. Конечно, он заметил и американские сигареты, и роскошную зажигалку, молодые наманганские пижоны, возвращаясь из Ташкента домой, нередко угощали его и хвалились: десять рублей пачка! Человек, куривший такие дорогие сигареты, требовал к себе внимания.

Как только проводник покинул купе, Сухроб Ахмедович сразу почувствовал, что ему хочется пить, и с удовольствием налил себе пиалу. Хорошо заваренный самоварный чай на углях помог ему расслабиться, и он, быстро опустошив чайничек, долго глядел в окно, мысленно отдалившись от предстоящих дел. А за окном мелькали дальние пригороды Ташкента, ночь властно вступала в свои права, и он вновь невольно посмотрел на часы. Спать так рано он никогда не ложился, но сегодня ему предстояло подняться еще до рассвета и отдохнуть как следует не мешало — день его ожидал непростой, да и обратная дорога заботила, в понедельник, как всегда в десять, он должен быть на работе. Его отсутствие или даже опоздание на час не останется незамеченным, а привлекать к себе внимание ему не хотелось.

Пассажир снял часы с запястья и поставил будильник «Ролекса» на три часа пополуночи, проспав он не имел права, иначе срывалась вся рискованная поездка. Конечно, проводник мог поднять в любое время, но Сенатор вовсе не желал, чтобы тот знал, на какой стан-

ции он сошел, тогда сведущие люди легко догадаются, куда он держал путь, а связь эту афишировать не хотелось. Катастрофическим для служебной карьеры мог оказаться тайный визит в горы, узнай кто-нибудь его маршрут.

Да что карьера, прямая дорога в тюрьму, в этом он не сомневался и оттого взвешивал каждый шаг. Сухроб Ахмедович долго держал в руках часы, ощущая приятную тяжесть, потом положил их на стол рядом с сигаретами и зажигалкой. Но часы отчего-то притягивали внимание, и он снова взял их в руки, протер носовым платком граненое сапфировое стекло без единой царапины, почистил золотые звенья тяжелого браслета. Иногда у него спрашивали — неужели золотые? И он всегда отвечал: что вы, имитация, правда, известной фирмы. Ничего из своих личных вещей он так не любил, как эти солидные часы.

Ему нравились их массивность, хорошего тона золото, дымчатый платиновый циферблат, изящные, светящиеся по ночам стрелки и, конечно, абсолютно точный ход. За время, что он их имел, видел на руках всего несколько часов этой марки, да у таких деятелей, что его невольно гордость распирала. Он вспомнил, как получил этот «Ролекс» в подарок три года назад, в день похорон Рашидова.

За день до этого близкие друзья сообщили ему доверительно, что накануне, в инспекционной поездке в столице Каракалпакии, Нукусе, на руках у своего друга и родственника, секретаря обкома Камалова, от инфаркта внезапно умер Рашидов.

Новость для тех, кто хоть сколько-то владел ситуацией в крае, оказалась сногшибательной. Умер хозяин крупнейшей республики, человек, державший бразды правления в крае единолично, решавший не только кадровый вопрос, но и любой другой, зачастую поражавший воображение своей масштабностью. Ушел из жизни человек, бывший приближенным недавно умершего генсека Брежнева и пользовавшийся дружбой и покровительством многих крупных людей в Москве. Было от чего залихорадить республике.

Правда, преемник Брежнева Андропов вроде не испытывал восторга от его деятельности и не числился у него в друзьях-приятелях, намекали, что даже, наоборот, мол, зачистили в Ташкент его эмиссары — и отнюдь не для того, чтобы выразить восторг бесконечными достижениями солнечного края, видимо, насчет успехов у того имелись иные данные.

Вот и накануне, говорят, приезжал человек из Москвы, беседовали с глазу на глаз более пяти часов, и слышал потом Сухроб Ах-

медович, что отбыл в свою последнюю поездку Шараф Рашидович не в добром расположении духа. И вот — инфаркт. Тревога вмиг поселилась в крупной чиновничьей среде и в аппарате.

Работал тогда Акрамходжаев прокурором одного из районов Ташкента и особых шансов на продвижение не имел, хотя и был кандидатом юридических наук. Все места, на которые он метил, занимали люди, с которыми ему, казалось, тягаться не по силам, за каждым стояли богатые и влиятельные кланы, а за некоторыми ощущалось покровительство самого Рашидова или его приближенных.

А к Шарафу Рашидовичу он, к сожалению, как ни пытался, так и не приблизился ни на шаг. Даже поговаривали, что тот как-то неодобрительно обронил, чего это, мол, Сухроб Ахмедович так рвется к власти, молод еще, время его не пришло. После этого кое-кто предпринял попытки ссадить его даже с поста районного прокурора, но тут он, что называется, показал зубы, дал понять, что своего не уступит.

В тот день, когда он получил весть о смерти Верховного, в Прокуратуре республики намечалось совещание, объявленное задолго до неожиданного события.

Прокурор явился в здание на улице Гоголя намного раньше назначенного часа, он надеялся встретиться кое с кем из коллег и узнать ситуацию поточнее, чтобы не ошибиться в выборе новой политики, угадать новый курс, который явно изменится после долгих лет единовластия. Хотя официального уведомления о смерти первого секретаря ЦК ни в печати, ни по радио и телевидению еще не было, чувствовалось, что в Прокуратуре республики новость знает каждый.

К его удивлению, на месте не оказалось никого из руководства, с кем он намеревался встретиться, не видно было и коллег. Видимо, уже кинулись попытать свой шанс при смене власти с помощью могучих кланов и родственников. О совещании не могло быть и речи, хотя никто не удосужился его отменить. И все-таки он пришел не зря. Позже, анализируя случившееся в тот же день, он считал это подарком судьбы, предназначенным ему свыше.

Он шел безлюдным коридором второго этажа к широкой мраморной лестнице, ведущей в просторный холл, как вдруг внизу резко запахла тяжелая входная дверь и в вестибюль влетел пожилой, совершенно седой человек с дипломатом в руках. Секундой позже следом за ним ворвался молодой, спортивного вида мужчина, явно преследовавший того, кто искал убежище в прокуратуре. Человек с дипломатом уже

вбежал на лестницу, и прокурору даже представился шанс помочь ему, но он почему-то спрятался за колонной и молча выжидал, что же произойдет дальше. Убегавший, которому до спасительного второго этажа оставалось всего несколько ступенек, неожиданно оступился, выронил дипломат из рук. Тот с грохотом полетел вниз, а следом и сам человек скатился с лестницы к ногам преследовавшего. Догонявший ловко подхватил дипломат и зло пнул расprostертого у его ног человека, грязно выругавшись при этом.

Вдруг за спиной у него раздался шорох. Постовой милиционер, опомнившийся от страха, наконец-то расстегнул кобуру. Мужчина ловко, как в пируэте, развернулся, прикрывая грудь дипломатом, и тихо прошипел:

— Брось, папаша, пушку, не то пристрелю! — в руках у него действительно поблескивал тяжелый вороненый пистолет. Милиционер дрожащей рукой отбросил оружие в сторону. И тут произошло невиданное: валявшийся на полу старик невероятным усилием воли вскочил на ноги и вцепился в руку преследователя, державшего вальтер, прохрипев при этом:

— Коста, я ведь тебя предупреждал при первой встрече, что наши пути когда-нибудь пересекутся в храме правосудия...

Человек с дипломатом криво усмехнулся, явно не считая старика за серьезную помеху, и резко рванул его на себя, но руку с пистолетом освободить не удалось, и тогда он, не раздумывая, коварно ударил свою жертву головой в лицо. Кровь брызнула на обоих и разлетелась по стенам вестибюля, но хозяин дипломата мертвой хваткой держал преследователя. Видимо, охотник за странным дипломатом считал секунды, понимая, что вот-вот кто-нибудь появится в холле или на лестнице и отход усложнится, поэтому, не раздумывая, выстрелил в упор, затем в злобе еще и еще.

В этот миг входную дверь широко рванули и в холл ворвался человек в милицейской форме. Прокурор без труда узнал в нем полковника Джураева, начальника уголовного розыска республики, о невероятной храбрости которого ходили легенды. Он чуть ли не с порога прыгнул на человека по имени Коста, каким-то жестоким приемом сломал его пополам и отбросил к стене, где вахтенный милиционер нашаривал на полу свой пистолет, а сам успел подхватить на руки окровавленного хозяина дипломата.

На шум выстрелов высыпали люди из кабинетов, кинулись заповздо мимом Сенатора в вестибюль. Посередине забрызганного кро-

вью холла сидел знакомый им всем полковник Джураев, держа в руках окровавленную голову какого-то человека, и в неутешном горе, глотая слезы, шептал:

— Прости, прокурор, не успел, прости...

Услышав из уст Джураева — «прокурор», человек у колонны сразу понял, кто этот человек, жизнью заплативший за то, чтобы дипломат с документами остался в стенах прокуратуры. Ну, конечно, это бывший областной прокурор Азларханов! Но, боже, как он постарел, поседел, а ведь еще шесть-семь лет назад каким орлом ходил. Сухроб Ахмедович не раз встречал его в этом здании на разных собраниях и совещаниях, было его имя на слуху. Ему прочили славную карьеру! Реформатор — так, кажется, называли его недоброжелатели и завистники. Потом убили его жену, а сам он попал в неприятность, связанную с какой-то коллекцией не то керамики, не то фарфора, и жизнь пошла под откос. Прокурор даже слышал, что коллега давно умер в больнице от инфаркта.

Подробностей последних лет жизни Азларханова он не знал, хотя слышал, что тот ввязался в борьбу с одним влиятельным в крае родовым кланом. Судя по тому, что разыгралось у него на глазах, Азларханов до последней минуты не слагал с себя полномочий прокурора. Выходит, действительно сильный был человек, подумал равнодушно Акрамходжаев. Подтверждал версию и неподкупный полковник Джураев, объявившийся в Ташкенте лет пять назад. Многим он тут попортил, да и сейчас портит, кровь. Откуда он взялся на нашу голову, не раз задавались вопросом дружки Сенатора, хотя и знали ответ, что прокурор Азларханов ходатайствовал за него перед МВД республики. «Один уже отвоевался за правду», — почему-то зло подумал прокурор и вдруг услышал подтверждение своим догадкам.

— Товарищи, да это же Амирхан Даутович Азларханов, помните, работал у нас прокурором области... — зашумели, загалдели кругом, все дружно признали бывшего коллегу.

Районный прокурор в суматохе хотел незаметно пройти к двери и уехать, у подъезда его ждала машина, но вдруг мелькнула шальная мысль-мечта: завладеть бы документами в кейсе, наверное, быстро пошел бы в гору. Многие важные господа: министры, депутаты стали бы искать дружбы со мной, а я бы уж знал, кого миловать, кого в тюрьме сгноить. Не стал бы рисковать жизнью по мелочам прокурор Азларханов, не тот человек, он всегда предлагал радикальные перемены в нашем деле, мечтая о верховенстве законов надо всем,

о правовом государстве, значит, выследил крупную дичь, раз пошли на такой отчаянный шаг — пристрелить в самой прокуратуре. Не мешало бы вместе с документами в кейсе заполучить и этого отчаянного парня со странным именем Коста, вот такие нужны боевики, которые не останавливаются ни перед чем, выполняют свой долг до конца, цены нет таким людям, продолжал подогрывать себя прокурор, все еще скрываясь за колонной. Отсюда, сверху, все хорошо просматривалось. Он видел, как молоденький дежурный из приемной прокурора республики звонил в «Скорую помощь», требовал немедленно врача, хотя было ясно, что помощь бывшему коллеге уже не нужна. Разве что для Коста, который корчился у стены, видимо, полковник Джураев повредил ему позвоночник.

Прокурор медлил уходить, хотя и не видел причин задерживаться, даже появившись вдруг начальство, с которым он хотел встретиться, сейчас вряд ли удалось бы уединиться и пофилософствовать, какие и откуда задуют ныне ветры в паруса Правосудия. Что-то упорно удерживало его у колонны, и какой-то бес шептал: думай, думай, возможно, это твой единственный шанс в жизни завладеть тайной многих влиятельных людей. Шальная мысль-мечта кружила голову, ему стало внезапно жарко, и он ослабил узел галстука. Наверное, он побледнел и выглядел неважно, потому что пробежавший мимо знакомый следователь спросил участливо: «Вам плохо?»

Акрамходжаеву не хотелось привлекать к себе внимания, он улыбнулся и неопределенно махнул рукой, мол, ничего, по сравнению с тем, что творится внизу.

Неожиданно Джураев, у которого наконец-то забрали окровавленного прокурора и положили тут же посреди холла на носилки с инвентарным номером имущества гражданской обороны, вырвался из плотного окружения и кинулся к телефону, видимо, вспомнил что-то важное. Было слышно на весь вестибюль, как он приказывал кому-то: «Срочно передайте всем постам ГАИ: немедленно примите меры к задержанию белых «жигулей» модели 2106 с номерным знаком ТНС 85-04. Перекройте выход из города и будьте крайне внимательны, преступники вооружены и не задумываясь пустят оружие в ход».

Подъезжая к прокуратуре, начальник уголовного розыска республики видел начало преследования на улице, и опытный глаз его приметил подозрительную машину, наверняка страховавшую Коста. В полковнике проснулся сыщик.

Но, положив трубку, он горестно признался:

— Зря я поднял тревогу, номер, по всей вероятности, у таких профессионалов фальшивый или машина угнанная.

— Все равно, вы правы, поостерегутся сегодня постовые на дорогах, а то слишком много их погибает в последнее время от доверчивости,— поддержал кто-то полковника.

Разговаривая по телефону и объясняя что-то окружившим его людям, начальник уголовного розыска не выпускал дипломат из рук, он наверняка знал о его содержимом. Появился он тут не случайно, на какую-то минуту опоздал на назначенную встречу с погибшим.

Но вот Сухроб Ахмедович разглядел, что к Джураеву энергично пробирается начальник следственного отдела прокуратуры, и он почувствовал, что столь желанный для него кейс сейчас исчезнет в одном из сейфов второго этажа.

Забрать кейс к себе на работу полковник Джураев не мог, он знал о содержимом дипломата и догадывался, что в родном министерстве немало желающих уничтожить крамольные документы Азларханова. Однажды тот намекнул ему о связях мафии с высшими чинами МВД, и сегодня в коротком разговоре предупредил, что его руководство не должно знать об их встрече.

Строить планы дальше не имело смысла, и прокурор отошел от колонны, поспешив вниз, прямо к полковнику Джураеву, вокруг которого не убывала толпа, но в двух шагах невольно приостановился, не захотел вдруг, чтобы сыщик видел его здесь.

Полковник тем временем протянул дипломат начальнику следственного отдела и сказал:

— Пожалуйста, спрячьте у себя в сейфе, но прежде в присутствии коллеги из другого отдела опечатайте его, там бумаги чрезвычайной важности, они касаются таких людей... А утром лично передайте Прокурору республики, сегодня его уже не будет, в ЦК партии экстренное совещание, и продлится оно долго.

Дипломат будоражил воображение, Сухроб Ахмедович, простояв в вестибюле, вновь машинально поднялся на второй этаж, а с правого крыла начальник следственной части с коллегой как раз направлялись снова в вестибюль. Из обрывков разговора на ходу он понял, что бумаги опечатаны и завтра будут переданы прокурору, сейчас их заботили похороны Азларханова, и они поспешили на помощь полковнику Джураеву.

Сенатор ранее работал в следственной части республиканской прокуратуры следователем по особо важным делам и хорошо знал

начальника этого отдела, даже был с ним в приятельских отношениях, это он помог ему стать районным прокурором.

Расстроенный Акрамходжаев еще некоторое время постоял у колонны, откуда видел трагедию, потрясшую республиканскую прокуратуру. Он слышал, как врач из медсанчасти МВД, прибывший за Коста, просил помощника прокурора связаться с Институтом травматологии, чтобы помогли срочно сделать рентген, собственная установка у них не работала третий месяц.

Внизу две женщины швабрами оттирали окровавленный пол, а вахтенный милиционер сидел понуро, зная, что теперь придется подыскивать другую работу, а жаль, до пенсии оставалось всего три года. Предстояли последние часы дежурства, и, откровенно говоря, его пугала ночь в здании, где на глазах произошло убийство, в голову лезли разные страхи.

Сенатор, расстроенный не меньше вахтенного милиционера, завел свою машину и медленно поехал в сторону Алайского базара, раздумывая, возвращаться ему на работу или нет, и вдруг увидел — навстречу ему по пустынной улице неслись белые «жигули» шестой модели с номерным знаком ТНС 85-04. Акрамходжаев хорошо запомнил команду полковника Джураева всем городским постам ГАИ. Видимо, вспугнутые машиной начальника угрозыска, они выжидали где-то во дворах и сейчас выскочили из укрытия, пытаясь узнать что-либо о судьбе своего сообщника.

Неожиданно Сенатор подал фарами сигнал тревоги, таким образом водители предупреждают друг друга о засаде, устроенной работниками ГАИ. За рулем сидел молодой парень, крупные очки скрывали половину его лица, как только машины поравнялись, из белых «жигулей» раздался звук клаксона, благодаривший за оповещение, кроме этого водитель высунул из открытого окна сжатую в кулак мощную руку, в запястье охваченную кожаным ремнем. Машина пронеслась не сбавляя скорости, и прокурор не сумел больше ничего разглядеть, хотя видел еще двоих на заднем сиденье, не успел он и глазом моргнуть, как «шестерка» свернула в кварталы жилых домов. Конечно, они срисовали мой номер и через час-два узнают, кому принадлежит машина, и будут обескуражены еще больше, не поймут, то ли радоваться, то ли печалиться, думал он, и свернул к старому мединституту. Ехать на работу он раздумал.

Проезжая мимо республиканского НИИ травматологии, он увидел, как из санитарной машины, принадлежавшей медсанчасти МВД,

врач и сопровождающий работник охраны осторожно достали носилки с Коста и понесли его в здание. Рабочий день подходил к концу, и они спешили сделать рентгеновский снимок, понимал это и водитель, перехвативший у врача одну ручку носилок. Так, втроем, почти бегом поднимались они по крутым ступеням похожего на казарму здания, возникшего совсем недавно в центре города. Но вряд ли тюремный врач и его товарищи думали сейчас об архитектурной неудаче зодчих столицы.

Прокурор Акрамходжаев уже доехал до развалин величественного польского костела, зияющего десятки лет пугающими провалами окон и дверей, наглядно демонстрирующего реальное отношение государства к религии, как невольно подумал: «Ну, ладно, дипломат с тайнами многих влиятельных людей оказался для меня недостижимым, но ведь Коста я могу заполучить, если приложить усилия, такой парень в долгу не останется, да и хозяева его, наверное, мне при случае пригодятся». И он решительно развернул машину назад — в нем проснулся азарт охотника, авантюрное в характере взяло верх. Впрочем, рисковать крупно он не собирался, судьба Коста зависела от обстоятельств, а точнее, от нашей неразберихи, которую он предвидел.

Прокурор въехал на территорию Института травматологии, хотя и видел запрещающий знак, но он не считался в жизни с гораздо более серьезными запретами, не то что дорожными. Оставив «жигули» у розария, он вошел в здание с черного хода, успев разузнать по дороге, где находится рентгенологическое отделение. Искать ему не пришлось, снимки делали на первом этаже. Вольнонаемного охранника из тюремной обслуги он заметил еще издали, тот стоял в коридоре один, равнодушно озираясь по сторонам, а из плохо притворенных дверей кабинета заведующего отделением слышалась перепалка.

Нужно было задержаться у двери от силы минуту, не больше, не привлекая внимания охранника, чтобы услышать, как развиваются события и совпадают ли они с тем, что надумал изощренный в уголовных делах ум прокурора. Приближаясь к охраннику, Сенатор достал сигареты и спросил:

— Браток, не найдется ли спичек?

Тот долго хлопал по карманам форменных брюк, пока не нашарил коробок. Первую спичку, услужливо зажженную охранником, он ловко загасил, прикурил только со второй. Услышав аромат дорогих сигарет, служивый попросил закурить, и прокурор великодушно протянул ему сигарету.

За это время он услышал, как незнакомый голос отбивался от просителя.

— Войдите и вы в мое положение. Рентгенолог уже ушла, отключено высокое напряжение установки. Больного оставим в изоляторе, утром сделаем клизму, и к десяти снимок будет готов.

— Не можем мы его оставить на ночь, он преступник и должен находиться под стражей,— настаивал знакомый голос врача медсанчасти МВД.

В ответ он услышал смех и следующее:

— Чудак вы, коллега, да куда же он убежит с поврежденным позвоночником, да еще со второго этажа, но если вы уж так боитесь, в изоляторе два места, пусть останется с ним сопровождающий, не возражаю. Я распорядюсь насчет ужина...

Дальше Акрамходжаев не слушал, быстро направился к пролету второго этажа узнать расположение изолятора. Вдогонку он услышал в коридоре, как врач сказал охраннику.

— Сабиров, тебе придется здесь переночевать...

На втором этаже помещалось отделение острой травмы, и больных в коридоре не было.

Палату с надписью «Изолятор» он отыскал рядом с туалетом, откуда как раз выходила санитарка с ведром и шваброй. Прокурору все становилось ясным, оставалась только одна существенная деталь для задуманной операции, и он спросил:

— Будьте добры, подскажите, где на этом этаже ближайший телефон?

Начальственного вида мужчины всю жизнь внушали страх старухе, и она поторопилась объяснить.

— Прямо и возле шестой палаты налево, там за углом и находится столик дежурной сестры по корпусу.

Он поблагодарил словоохотливую женщину и спросил на всякий случай:

— Как зовут медсестру и когда она меняется?

— Да только заступила, теперь уж до утра, а величают Халимой Насыровной. Но она больно строга и шумлива, может не пустить к больным в гражданской одежде, так что лучше вертайтесь вниз и попросите у бабы Нюры в вестибюле халат.

— Спасибо, спасибо,— сказал обрадованный прокурор, — я, пожалуй, последую вашему совету и не стану нарушать больничный порядок, — и повернул назад.

В вестибюле он узнал телефон дежурной медсестры отделения острой травмы и тут же из холла позвонил по автомату. Услышав женский голос, он спросил:

— Халима Насыровна?

Как только прозвучало: «Да, я слушаю вас», он повесил трубку. И в этот момент почувствовал, что все задуманное свершится, он всегда доверялся интуиции, и она почти никогда его не подводила. Он достал вторую монетку и набрал номер своего помощника в прокуратуре.

— Салим, я сейчас буду, и если у тебя на вечер есть дела, отмени, нам предстоит срочная работа, и, пожалуйста, предупреди наших друзей, сегодня они могут понадобиться.

Он посмотрел на часы и отметил для себя, что с этой минуты начался отсчет задуманной операции, лишним временем он не располагал.

Он всегда ездил по городу с превышением скорости, а сейчас, возбужденный азартом предстоящего дела, и вовсе несся как угорелый, смущая бесправное ГАИ и постовых. На территории его района ему еще и честь отдавали, а на регулируемых перекрестках, заведя машину, устраивали зеленую улицу.

Салим, его правая рука в прокуратуре, старый университетский однокашник, встречал у порога. Из краткого телефонного разговора он понял, что шеф затеял что-то важное, они давно работали вместе и понимали друг друга, как пара профессиональных картежных шулеров.

Такое взаимопонимание не могло в конце концов не объединить их за карточной игрой, повальным увлечением многих должностных лиц в последнее десятилетие. Они держались повсюду вместе со школьных лет, помнится, кто-то назвал их в студенческие годы — сиамскими близнецами. Лидером, вожаком в этой связке, со стороны виделся прокурор, более родовитый по происхождению, но это на взгляд непосвященных. Хашимов вряд ли уступал своему другу в чем-то, он был силен и в тактике, и стратегии, и наиболее рискованные операции организовывал все-таки он, не зря у него была кличка: Миршаб — Владыка Ночи. В общем, они стояли друг друга.

Они сразу прошли в приемную и плотно затворили двойные двери с тамбуром, обитым звукопоглощающим ковроланом. И по внешнему виду шефа Салим Хасанович догадался, что тот затеял что-то неординарное, поэтому его несколько удивило начало.

— Знаешь, Салим, мы сегодня с тобой должны переступить закон... — Прокурор произнес это с такой патетикой в голосе, что помощник невольно улыбнулся и не удержался, чтобы не прокомментировать странное заявление.

— А я думал, что мы этим занимаемся уже давно...

Хозяин кабинета неожиданно ответил вполне серьезно:

— Что мы творили до сих пор, ерунда, мелкая уголовщина, жалкие меркантильные интересы. За такие проказы и отвечать-то стыдно. То, что я задумал, — уже политика, борьба за власть, и это должно вывести нас на новые круги жизни, другие высоты, интересы, в иные кабинеты. — И он брезгливо посмотрел вокруг.

Осмотрелся и помощник, но ничего жалкого, унижающего не увидел, наоборот, бухнули они сюда средств немало. Он не стал перебивать хозяина апартаментов, и тот с незнакомым доселе пафосом продолжал:

— Нам с тобой уже за сорок, до каких пор мы будем служить на побегушках у бездарей, у которых одно достоинство и преимущество — связи и тугая мошна? Ныне нам судьба предоставила шанс многих из них взять за горло и заставить потесниться за нескудеющей скатертью-самобранкой...

Потом он неожиданно сделал паузу, закурил и, пустив ровное колечко дыма в потолок, продолжал уже обычным тоном.

— А натворили мы с тобой немало, ты прав. Но русские говорят — семь бед, один ответ. Может, наш новый грех и покроет старые, я об этом тоже думал. Да и время смутное, надо готовить прочные тылы. Умер Леонид Ильич, благоволивший к нашему краю, словно не выдержав горя, скончался его друг Шараф Рашидович, а новая политика Кремля, да и сам ее хозяин Андропов пугает всех, кого я знаю. Поэтому, дорогой мой Салим, я решил рискнуть, пойти ва-банк, и давай приступим к делу, счетчик уже включен.

Прокурор решительно поднялся с места, плотно задернул шторы большого окна, выходящего на улицу, включил свет и сказал:

— Сейчас мы запустим машину, провернем первый этап операции, на мой взгляд, несложный, а уж потом, после программы «Время», я посвящу тебя в главную ее часть.

— Ты мне не доверяешь? — растерянно спросил Миршаб.

— О чем речь: доверяешь или не доверяешь, по нам давно уже одна намыленная веревка на двоих плачет. Я не хочу, чтобы ты прежде времени стал меня отговаривать, а вдруг я смалодушничая,

послушаю тебя, а потом всю жизнь буду каяться, что упустил свой шанс. Нет, нашей дружбой я рисковать не стану. Заполучу часа через три Коста, а там и отступить будет некуда.

— Какого еще Коста? — спросил ничего не понимающий помощник.

— Отличный парень, бьюсь об заклад, на сегодня среди наших друзей-боевиков нет такого отчаянного. Кстати, распорядись заодно насчет солидного ужина у своей прекрасной Наргиз. Я слышал, ты ей дом с хорошим участком купил, туда и доставят Коста. Я знаю эту махаллю, много уважаемых людей там живет, да и участковый мой знакомый.

— Прошу тебя, Сухроб, не путай ее в наши дела, а в гости всегда пожалуйста, не только в моем доме, но и в доме Наргиз всегда рады видеть тебя.

— Коста пробудет у нее сутки, от силы двое, не думай, он не бездомный человек, просто попал в беду.— По тому, как заговорил шеф, он понял, что дело решенное и придется смириться.

Прокурор нервно посмотрел на часы, затем вышел из-за стола и сел рядом со своим помощником, некоторое время он раздумывал, а потом заговорил торопливо:

— А теперь слушай внимательно. Сейчас ты пригласишь ко мне того работника ОБХСС, на которого есть материал о взятке и вымогательстве, я знаю, что он энергично ищет подходы к тебе и ко мне, чтобы замять дело. Его я беру на себя, тут выгода двойная: он провернет операцию с Коста, и нам не надо искать человека в милицейской форме; да к тому же на всю оставшуюся жизнь он вместе со своим тестем у нас в капкане, при случае скажем, кого он похитил из больницы, новость будет не для слабонервных. А ты объезди катраны в районе и найди двух карманников, эти больше всего подойдут в ассистенты капитану, у них выдержка, а хладнокровия и артистизма им не занимать. Да и дело для них пустячное, положить на носилки Коста, я тебе не сказал, что у него, кажется, поврежден позвоночник, спокойно вынести со второго этажа, определить в машину, и на следующем квартале они свободны. Кстати, отыщи два белых халата для щипачей, а специальные жесткие носилки в изоляторе есть. Даю тебе на все полтора часа, из больницы мы должны забрать Коста не слишком поздно, иначе можем вызвать подозрение.

— Прямо детектив какой-то с похищением, переодеванием, — мрачно пошутил Хашимов, направляясь к двери, но возражать не стал.

— Еще какой детектив, дорогой Салим, двухсерийный, и кража со взломом будет,— достал помощника голос уже в тамбуре. Шеф пребывал в отличном настроении, а это придало уверенности его одноклашнику.

Как только помощник покинул кабинет, Сенатор достал из недр старинного двухтумбового стола початую бутылку коньяка, плеснул себе на дно пузатого бокала, помедлив, повторил. Нет, прокурор нервничал, да еще как, рука так дрожала, что он чуть не опрокинул тонкостенный хрустальный бокал «баккара».

Спрятав бутылку с глаз, он достал папку с материалом на капитана Кудратова и принялся ее изучать. До сих пор у него не выпадало времени детально ознакомиться с бумагами, но Сенатор чувствовал, что придется замять дело, уж слишком высокие люди ходатайствовали за него, в таком случае и не разживешься, вдруг потом шантажировать станут, с обэхаэсниками надо быть осторожным, там народ собрался тертый, за каждым кто-то стоит, боится, туда за красивые глаза и способности не особенно берут. Чем больше он вникал в обстоятельства, тем сильнее раздражался, то и дело у него невольно вырывалось вслух: подлец, негодяй, законченная сволочь, суший разбойник! Сказав довольно-таки громко: «Нет, таким людям не место в органах!» — прокурор вновь полез в стол за бутылкой, наглость капитана вывела его из себя.

Если бы Миршаб мог видеть и слышать сейчас своего разгневанного шефа, наверное, еще раз от души посмеялся бы, тем более мотаясь по катранам и подыскивая по его приказу подходящих карманников, кстати, в воровской иерархии стоящих на самой высокой ступени элиты, так сказать, бластного мира.

Время, отведенное помощнику, истекало, как вдруг в дверь раздался робкий стук, и на пороге появился щеголеватый капитан. Видимо, он редко чувствовал себя виноватым и никогда не каялся, прокурор почувствовал это, хотя тот, согнувшись, с печальным лицом затравленно прошептал:

— Я капитан Кудратов, вызывали?

«Из молодых, да ранний, ну и поколеньице растет, не приведи господь»,— первое, что успел подумать прокурор.

— Как же ты дошел до такой подлой жизни? — рявкнул хозяин кабинета в искреннем гневе и хлопнул об стол папкой с делом капитана так, что из нее разлетелись бумаги: заявления, жалобы, акты, экспертизы, одна спланировала к ногам Кудратова. Прокурор был человек эмо-

циональный, увлекающийся, с артистической натурой, он на самом деле забыл, для чего пригласил этого щеголя, уж слишком потрясли его деяния хваткого обэхаэсника, ведь работал-то в органах без году неделя.

Кудратов поднял бумажку, она оказалась коллективной жалобой на него из продмага, он догадывался, о чем там речь, помнил и суммы, не знал одного, написали ли о том, что он склонял там к сожительству молоденьких продавщиц. Из-за них он и взял под микроскоп работу гастронома, дышать не давал, слишком уж аппетитные девочки бегали в каждом отделе. С первого дня работы в органах капитан сделал для себя открытие: какие же дураки директора торговых точек, что приглашают на работу пригожих женщин и смазливых девчонок, половина неприятностей магазина как раз из-за них. Но сейчас вряд ли мог он ясно представить хоть одно миловидное личико в кокетливой белой пилоточке фирменного магазина.

Он протянул дрожащими руками прокурору жалобу на самого себя, пытаясь не встретиться при этом глазами, взгляд прокурора не сулил ничего хорошего.

— Ну, отвечай, расскажи о трудной жизни, голодных детях и маленькой зарплате, я включил диктофон.

Прокурор хотел добавить, что же ты, мерзавец, так круто обложил торговлю, как дальше деловым людям жить, если им на одного тебя воровать приходится, да и кто ты, сопляк, чтобы хапать за всех в районе, и повыше тебя начальники есть, место свое знать надо. Но он этого не сказал, ушлый капитан принял бы это как команду поделиться награбленным, нет, с ним следовало действовать тоньше, деликатнее. Сенатор вычислил, на какую сумму тот успел нафаршироваться, и четко знал, сколько попавшийся должен отстегнуть ему. Но следовало делать пока все по букве закона, сохраняя лицо власти, а там подготовь почву — и деньги приплывут сами собой, без усилий, а главное, без принуждения, искусство получения взяток — тонкая штука, и прокурор владел им гораздо лучше, чем уголовным кодексом и правом вообще. Хозяин кабинета, принуждая капитана к разговору, придвинул диктофон, и тот вдруг выпалил:

— Я больше не буду, я молодой, исправлюсь...

— На исправление я и готовлю документы, — ухмыльнулся прокурор. — На сколько, думаешь, тянут твои шалости?

— Сказали, на пять...

— Плохие у тебя, капитан, адвокаты, пять это только за взятку, а ущерб, который ты нанес, беспричинно опечатав склад «Универса-

ма», после чего тебя не могли два дня отыскать, а мы теперь знаем, где ты развратничал все это время. А в магазине отключились холодильники и пропало товаров на пятьдесят тысяч, а таких случаев по делу еще три, так что ущерб от твоей деятельности тянет под сто тысяч, а это знаешь чем пахнет?

Удар был нанесен мастерски, эффектно, капитан крепко засомневался в силе своих покровителей, впрочем, гарантий ему не давали.

— Помогите, век не забуду,— взмолился Кудратов, вмиг потеряв спесь и надменность.

— А знаешь, как тебя зовут в торговле? Чума — такие, как ты, и есть мор для народа,— вновь распалился прокурор и вдруг вспомнил, для чего вызвал капитана.

От волнения он встал и, задумавшись, прошелся перед капитаном. Надо было менять тактику, и тут Кудратов сам помог, взмолившись еще раз.

— Не губите, рабом вашим буду...

— А ты думаешь, легко мне закрыть дело, и почему я должен рисковать за тебя? Ты мне кто: брат, сват? У меня на сегодня уже запланирован один риск, между прочим, просили те же люди, что ходатайствовали за тебя, теперь я не знаю, какую их просьбу выполнить — то ли тебя пожалеть, то ли того шофера?

— Какого шофера? — с надеждой спросил капитан.

— Много будешь знать, скоро состаришься,— отрезал прокурор, продолжая расхаживать по кабинету.— Впрочем, говорят, клин клином вышибают, может, мне удастся две просьбы твоих покровителей выполнить, обе судьбы в твоих руках, как говорится, куй свое счастье сам. Согласен рискнуть?

— Я же сказал, рабом вашим буду, только спасите от позора и тюрьмы,— приободрился капитан, почуяв неясную пока перспективу.

— Дело, в общем, не хитрое, но элемент риска есть,— сказал прокурор спокойно, возвращаясь на место. — Я хотел просить другого человека, но если готов, почему бы не попробовать, заодно проверим, хозяин ли ты своему слову. — Прокурор посмотрел на часы и с улыбкой произнес: — Если не струсил, то через два часа неприятности твои и того шофера будут позади.

— Что я должен сделать? — нетерпеливо перебил Кудратов.

— Ничего особенного, но прежде я обязан ввести тебя в курс дела, в общих чертах, конечно, я не хотел бы ни к чему принуждать — вольному воля.

К одному большому человеку приехал гость, сегодня после обеда на машине хозяина он разъезжал по городу и совершил аварию, сам тоже пострадал. Сейчас он лежит в больнице, а утром им займутся как следует. Твоя задача с двумя молодыми симпатичными людьми, готовыми на благородный поступок, подняться на второй этаж, спросить у дежурной по этажу Халимы Насыровны, где изолятор, положить этого человека на носилки и спустить вниз к машине, и на следующем квартале ты свободен. В случае успеха операции хозяин машины скажет, что «Волгу» у него угнали. Ну как, возьмешься?

— Согласен, если вы не разыгрываете меня, это же сущий пустяк.

— Да, по сравнению с чем ты влип, конечно, семечки. Тем более, там уже постарались наши друзья, в изоляторе находится охранник из тюремной больницы по фамилии Сабиров, за полчаса до вашего прихода начальство по телефону через ту же медсестру отпустит его домой. Звонить будет начальник караульной службы, майор Саидов — запомни. И последнее, если медсестра спросит, почему забираете, спокойно скажешь: начальство велело — и дашь понять, что знаешь и о звонке майора, и об охраннике Сабирове, которого отправили домой. Ну, а если случится сверхнепредвиденное, действуйте по обстановке. Сбежать со второго этажа или спрыгнуть на козырек первого, а там на землю, ду-маю, не проблема для таких орлов. Ну что, по рукам?

Капитан, все еще не веря в удачу, вяло протянул руку.

— А сейчас сходи в чайхану, она через два дома, выпей чаю, переведи дух, взвесь свои шансы, никуда не звони, через час поедем в больницу.

Как только Кудратов вышел из кабинета, прокурор позвонил в чайхану, давний и верный прием, не раз приносивший успех.

— Ахмад-ака, сейчас от меня вышел один молодой симпатичный капитан, посмотри, отлучится ли он из чайханы, воспользуется ли телефоном?

— Хорошо,— только и ответил чайханщик, он хорошо понимал прокурора.

Салим Хасанович опоздал почти на полчаса.

— Что, в нашем районе двух щипачей найти стало сложно? — встретил его вопросом шеф.

— Представь себе, так оно и есть. У них сегодня что-то вроде конгресса, большого курултая. Делят столицу на зоны влияния, говорят, появились за последние годы в республике новые авторитеты,

они и перекраивают карту Ташкента, старикам приходится тесниться, молодежь требует свое.

— Ну куда власти смотрят? И кто вообще правит в этом городе? — завелся сразу Сенатор. — Выходит, уголовный мир сам по себе, а органы правопорядка сами с усами, — закончил он неожиданно задумчиво.

Помощник, не переставая удивляться сегодняшнему философскому настрою своего шефа, ответил:

— Попали в точку, у них одни заботы, у нас другие. Они знают то, что знаем мы, и даже больше. Мы тоже знаем, кто есть кто, паритет налицо, и овцы целы, и волки сыты. Но что касается карманников, я отозвал двух делегатов с конгресса, и они ждут в машине, толковые ребята, понимают все с полуслова, нам бы таких сотрудников.

— Обижаетесь, брат, в нашей системе почище орлы есть, не то что карманы обчистят, а государство по миру пустят. Жаль, ты с делом Кудратова не ознакомился, вот он почистил торговлю, так почистил, и легиону щипачей такой размах не по зубам, за год на особо крупные хищения потянул.

— Сдаюсь, сдаюсь, — миролюбиво поднял руки вверх помощник. — Значит, дожал ты его, я видел, он сидит в чайхане.

— А куда ему деваться, фирма веников не вяжет, но, доложу тебе, наглец, каких свет не видал. И я решил, что одной операции по спасению Коста с него недостаточно, придется ему крепко раскошелиться, не по рангу берет, значит, нас с тобой в грош не ставит, думает, что его тесть пуп земли. Подожди, я и до тестя доберусь... — закончил он вдруг с угрозой, и тут раздался телефонный звонок.

Прокурор держал трубку слегка на отлете, и Салим Хасанович слышал.

— Капитан только что ушел. Пришел подавленный, но быстро оклемался. Никто к нему не подходил, чайханы не покидал, телефоном не пользовался.

— Спасибо, Ахмад-ака, работаешь профессионально, говорят, ты увеличил ночной тариф на водку, не растеряешь клиентов?

— Не растеряю, любишь водку среди ночи пить, раскошеливайся, хороший сервис во всем мире дорого стоит. — И оба громко рассмеялись.

— Ну вот, все в сборе, приступим к первой фазе операции, — сказал прокурор и достал из сейфа пистолет, который уже лет десять

находился в розыске, а купил он его случайно, в прошлом году отдыхая в Цхалтубо.

— Пушка? Зачем? — спросил удивленно помощник.

— Нас ведь ждут сегодня не только изысканный ужин у прекрасной Наргиз, но и дела, дорогой. Я чувствую себя увереннее, когда эта вороненая штука со мной.

Кстати, как насчет ужина? У нас ведь важный гость, хочется ему сделать сюрприз. Бьюсь об заклад, сейчас он о рюмке хорошего коньяка и бокале шампанского и не помышляет, я не говорю уж о перепелках и плове, который так великолепно готовит очаровательная хозяйка нового поместья.

— Все в порядке, из-за ужина и опоздал, пришлось заехать на базар и заглянуть в подвалы «Интуриста», разжиться деликатесами. Обрадовали вашими любимыми миногами и копчеными угрями, думаю, гость по достоинству оценит неожиданный прием. Там, между прочим, все знают о смерти Рашидова.

— Еще бы, в подвале да чтоб не ведали. Они, я думаю, раньше всех и пронюхали, а может, даже до того, — хмыкнул прокурор.

В это время вновь раздался знакомый робкий стук в дверь и в тамбуре, не решаясь войти, появился капитан Кудратов.

«А он действительно еще сопляк, да к тому же и хлыщ, и кто же таким людям доверяет столь важные участки работы: ни опыта, ни мудрости жизни нет за плечами, ни опыта службы в органах», — подумал Салим Хасанович, неприязненно разглядывая в упор зятя известного в столице человека.

— Подожди в приемной, — небрежно отмахнулся прокурор, и капитан захлопнул перед собой дверь.

Читая мысли своего помощника, словно карты, он сказал:

— Каков тесть, таков и зять, каждый по себе дерево рубит. — И оба непринужденно засмеялись. — Два слова перед тем, как выехать. Салим, ты с капитаном и щипачами садись в «рафик» и следуешь за мной. Не доезжая травматологии, остановитесь, я дам сигнал. К больнице я подъеду один, из автомата позвоню на этаж, и только через полчаса, когда уйдет охранник, въедете во двор, прямо к подъезду. Ну, вот вроде все, с капитаном я детали оговорил, и щипачи знают свое дело. Ну, давай присядем на дорогу, да храни нас Аллах.

Они сделали «оминь» и поспешили к машинам.

Подъехав к больнице, прокурор позвонил с уличного автомата.

— Отделение острой травмы? — Услышав знакомый голос, переспросил: — Халима Насыровна? Вас беспокоит начальник караульной службы городской тюрьмы майор Саидов. Мне доложили, что на вашем этаже, в изоляторе, лежит больной преступник. Наш врач без согласования с начальством оставил его на ночь, а это грубейшее нарушение устава...

— Да куда ж он денется, — перебила весело дежурная по корпусу, — он же с переломанным позвоночником, я была в изоляторе, накормила вашего больного и охранника.

— Спасибо, убежать он, конечно, не убежит, но инструкция для нас закон, мы обязаны ее выполнять. Поэтому сейчас мы высылаем за ним транспорт и людей, подъедет один лихой капитан, а утром привезем его снова на рентген, так будет по правилам и надежнее.

— Пожалуйста, забирайте, если у вас такие строгости.

— Да, еще, чуть не забыл. Там рядом с ним должен быть наш охранник Сабиров, полноватый парень, с усиками. Звонила его жена, у него смена в пять часов вечера закончилась, если еще не ушел, пусть едет домой, к ним неожиданно гости из Башкирии нагрянули.

— Хорошо, хорошо, я передам. — Трубку на другом конце провода положили.

Сенатор вытер платком вмиг ставшие влажными руки и спокойно отправился к машине, почему-то страшно хотелось пить.

Отъехав от больницы, он развернулся у старого ТашМИ и встал на новое место, откуда хорошо проглядывался единственный вход на территорию. Ему не хотелось, чтобы кто-нибудь случайно увидел его машину, он знал, что завтра закрутится такая карусель — похищение особо опасного преступника ЧП, и любая деталь сегодняшнего вечера станет важной.

Прокурор нервно посмотрел на часы, по расчетам, Сабиров должен был уже выйти.

«Неужели догадался позвонить своему начальству?» — мелькнула лихорадочная мысль, этого варианта он не предусмотрел. Если так, следовало спешно ретироваться, но в этот момент он увидел охранника. Тот задержался у ворот, стрельнул у прохожего сигаретку, потом раздумывал несколько минут, словно дожидался тюремной машины, но вдруг сорвался с места и побежал к остановке. От ТашМИ, сияя огнями, поднимался трамвай на Юнусабад.

Прокурор вздохнул свободно и вновь достал платок, влажные руки еще предательски подрагивали.

Включив дальний свет, моргнул раз, другой, как условились с Салимом, и «рафик» на противоположной стороне улицы Энгельса медленно покотился к воротам травматологии. Территория больницы хорошо освещалась, и прокурор со своего места отчетливо видел, как капитан легко спрыгнул с переднего сиденья, что рядом с водителем, подождал мгновение, пока вышли из салона карманники в белых халатах, и они вместе направились вверх по мраморной лестнице. Капитан держался молодцом, уверенно, и на ходу что-то объяснял своим подельщикам.

Неожиданно Сенатор злорадно подумал об обэхаэснике: «Ну и дубина, даже не подозревает, на какое дело его подписали». Но мысленно все же пожелал Кудратову удачи.

Как только белые халаты скрылись в темном провале распахнутой настежь двери, прокурор глянул на часы, вся операция, по его замыслу, должна была занять десять минут, не больше. Прокурор достал из-за пояса пистолет, переложил его в накладной карман пиджака и, выйдя из машины, стал нервно вышагивать возле «жигулей», невольно отсчитывая время, секунды тянулись медленно.

Когда, по его подсчетам, пошла десятая минута, он развернулся лицом к больнице и увидел, как по ярко освещенной лестнице несли носилки с Коста. Щипачи, не привыкшие что-либо таскать, тяжело гнулись, и капитан помогал переднему, на которого и падала главная нагрузка на крутых ступенях, но тут на помощь им выскочили Салим с шофером, и уже через две минуты носилки с больным исчезли в чреве машины, и «рафик» рванул от места недолгого пристанища Коста.

— Слава Аллаху, удача сама идет мне в руки,— сказал прокурор и, засунув пистолет снова за пояс, нырнул в машину. Ожидая, пока «рафик» сделает разворот у костела и проедет мимо него, он включил магнитофон, неторопливо, с удовольствием закурил. Предчувствие успеха кружило голову, хотелось опорожнить бокал шампанского. Приятно было осознавать себя рискованым и смелым человеком, у него по-прежнему дрожали руки, но это уже была другая дрожь.

Пропустив пикап, поехал следом, соблюдая заметную дистанцию, он знал, что, по уговору, в следующем квартале, возле гостиницы «Узбекистан», любимого места сборища карманников и прочих дельцов, Салим должен высадить щипачей. На площади перед отелом РАФ на минуту тормознул, и двое элегантно одетых воришек мгновенно растворились в праздной толпе.

Дальше он держал «рафик» в поле зрения, махалля, в которой поселилась прекрасная Наргиз, освещалась плохо, и прокурор боялся потерять их в многочисленных тупиках и проездах, утопающих в зелени.

«Неужели Салим решил пригласить капитана на ужин к Наргиз?» — подумал он раздраженно, как вдруг пикап вновь остановился и обэхаэсник ловко спрыгнул на пыльную обочину.

Проезжать мимо, сделав вид, что не заметил, было поздно, и прокурор тормознул «жигули». Опустив стекло окошка передней дверцы, сказал:

— Ну что ж, капитан, я убедился, что вы хозяин своему слову, с вами можно иметь дело. Я постараюсь помочь вам, но, как вы сами выразились, моя просьба и ваша — несравнимы...

Капитан, прижимая ладонь правой руки к сердцу, радостно кивал головой.

— Спасибо, Сухроб-ака, спасибо. Я все понимаю, век вашим должником буду...

Вдалеке «рафик» уже сворачивал налево, и Сенатор, боясь упустить его из виду, рванул машину с места, обдав капитана выхлопными газами и пылью из-под английских шин «Гудьир».

«Умнеет прямо-таки по часам», — весело подумал прокурор. Он видел по глазам капитана, что тот понял — без денег, и немалых, ему из дела не выпутаться.

Пропетляв еще минут десять по улицам Рабочего городка, «рафик» въехал в махаллю, где помощник недавно приобрел дом для своей любовницы. Машина остановилась у глухого кирпичного забора, который трудно было назвать традиционным восточным дувалом, ибо он скорее походил на тюремную ограду, только без колючей проволоки, но он не сомневался, что по верху высокой стены в слой бетона вмуровано битое бутылочное стекло, отличительная деталь новых строений и нового времени. Прокурор не стал выходить из машины, пока Коста не внесли в дом. Как только «рафик» свернул в соседний переулок, он въехал во двор, и помощник затворил хорошо смазанные железные ворота.

«За таким забором можно долго держать оборону», — почему-то подумал Сенатор, и в этот момент с веранды его окликнула Наргиз. Прокурор, слыша за спиной шаги своего помощника, дождался его, и они вдвоем поднялись на хорошо освещенную веранду, где уже был накрыт стол.

— Ну, здравствуй, прекрасная Наргиз, вот пришел к тебе на новоселье,— гость обнял и поцеловал ее, недавнюю танцовщицу известного фольклорного ансамбля.

— Я счастлива приветствовать вас в своем доме, Сухроб-ака, и надеюсь видеть вас с Салимом теперь почаще.— И она, извинившись, поспешила на кухню, пообещав пригласить к дастархану через полчаса.

— А у нас до застолья еще есть дела, и полчаса как раз кстати,— ответил он, затем, обращаясь к помощнику, добавил: — Салим, с самого начала операции меня почему-то мучает жажда, будь добр, налей чего-нибудь.

Миршаб прошел к дальнему углу стола, достал из ведерка со льдом бутылку шампанского, ловко и бесшумно откупорил ее и налил два глубоких бокала. Когда он вернулся к шефу, прокурор сказал:

— Спасибо, дорогой, ты читаешь мои мысли, я как раз хотел шампанского, и давай выпьем за успех второй части операции.

— За успех! — поддержал Салим, и они залпом опорожнили бокалы.

— Сейчас я пойду познакомлюсь с Коста, а ты позвони нашим друзьям, пусть приезжают троим: Сергей, Погос и этот Беспалый, как его?

— Артем,— подсказал помощник.

— Да, да, и пусть Артем захватит инструмент, сейф на Гоголя простейший.

— Ты хочешь совершить налет на Республиканскую прокуратуру? — вырвалось удивленно у Салима.

— Да, на прокуратуру, и не вижу причин для особого волнения, объект как объект. Вскрыть сейф в банке куда рискованнее, там всегда готовы к ограблению. А налет на прокуратуру будет первым в ее истории, я сегодня видел, какие там лопухи стоят на охране, пенсионеры...

— Что важного для нас может храниться в сейфе на Гоголя, я даже представить не могу. Если тебе нужна какая-нибудь информация из прокуратуры, проще найти посредника и купить ее,— не в первый же раз.

— Ты, как всегда, прав, дорогой Миршаб, но на этот раз у нас нет времени ни на посредника, ни на куплю-продажу, утром документы должны попасть на стол к Прокурору республики.

— Я теперь уже ничего не понимаю. Откуда выплыли эти документы и как они попали к начальнику следственной части? — сказал растерянно помощник.

— Не напрягай зря голову — не поймешь, пока я за ужином не введу тебя в курс дела. Но поверь, у нас редкий шанс играть по-крупному, ва-банк. А теперь иди, звони нашим друзьям, пусть приезжают через полтора часа, успеют на ужин, подумают, что это мы для них накрыли такой богатый стол, а меня проводи в комнату к Коста.

Салим, свободно ориентировавшийся в просторном доме Наргиз, показал спальню, где находился нежданный гость, а сам отправился звонить Беспалому, компания дожидалась вызова шефа у него на квартире.

Сенатор на секунду остановился перед дверью, понимая, какой непростой предстоит разговор, и, отдавая отчет, сколь выгодны и в то же время непредсказуемы последствия контакта с таким решительным человеком, как Коста, не говоря уже о тех, кто стоит за ним. Прокурор отчетливо сознавал не только риск, связанный с похищением Коста и налетом на Прокуратуру республики, но и ясно представлял угрозу, которой себя подвергал, если по каким-то соображениям операция не устроит владельцев дипломата, тут плата одна — голова. Но зато в случае удачи...

У Сенатора от волнения учащенно забилось сердце, и он решительно толкнул дубовую дверь с тонированным стеклом. В беззаконной спальне с высоким потолком, на низкой жесткой тахте, у самой стены, поглаживая ворс роскошного афганского ковра, лежал Коста. Хорошо смазанная дверь на медных петлях открылась бесшумно, и Коста вроде не слышал или ловко притворился, что не заметил, как в комнату вошел человек. По крайней мере, он не повернул головы, не прервал своего занятия, хотя почувствовал, как дохнуло ветерком из распахнутой двери, да и шаги, приглушенные пушистым паласом на полу, слышал, он вообще отличался поразительным слухом.

— Добрый вечер,— приветствовал прокурор, понимая, что первый ход уже проигран.

Коста лениво повернул голову, но более внимательный, чем прокурор, человек заметил бы, как моментально окинул он цепким взглядом вошедшего.

— Добрый, добрый,— ответил Коста без видимого волнения и интереса и вдруг неожиданно застонал.

— Что с вами?— кинулся к нему прокурор, желая помочь, но Коста вдруг затих, вроде смутился минутной слабости, и попросил поправить подушку.

Как только Сенатор склонился над ним, Коста левой рукой сгреб пиджак и рубашку у горла, а правой выхватил пистолет у прокурора из-за пояса и тут же приставил к его груди. Пистолет он углядел сразу, как только тот переступил порог. Прокурор, не ожидавший от пострадавшего такой прыти, опешил.

— Ты что, сумасшедший? — хрипел он сдавленным горлом.— Я же спас тебя от тюрьмы, от вышки, отпусти сейчас же.— Ощущая на груди холодную сталь пистолета, он боялся случайного выстрела.

— Не дергайся,— ответил Коста тихо,— ты сегодня уже видел, как я пристрелил одного, ты будешь вторым; одним прокурором больше, одним меньше, срок один.

Вошедший от неожиданной пронизательности Коста обмяк, не понимая, откуда он все знает.

— Я видел тебя там, в прокуратуре, ты прятался за колонной,— пояснил вдруг Коста свое ясновидение.— А теперь говори, где дипломат? — И прокурор ощутил, как дуло пистолета впилося в его тело, такой выстрелит не задумываясь, он это уже действительно видел.

— Дался тебе дипломат, благодари Аллаха, что самого вырвали из тюрьмы,— по-настоящему возмутился Сенатор.

— Это у вас лишь бы ноги унести и сослаться на объективные обстоятельства, мы так не работаем, для нас дело, доверие, репутация дороже жизни. Где дипломат?

— Толку от того, что ты узнаешь где,— не на шутку злился прокурор.

Коста так дернул его за ворот, что по комнате брызнули пуговицы, а рубашка лопнула на спине.

— Где дипломат?

— В прокуратуре,— прохрипел Акрамходжаев и бессильно повалился на тахту.

— Немедленно прикажи, чтобы принесли сюда телефон, или я точно тебя пристрелю.— И Коста приставил дуло к виску Акрамходжаева. Пистолет у виска почему-то снял паралич воли и страха, и прокурор сказал спокойно:

— Если даже и пристрелишь меня, телефон в доме не появится, махалля на окраине города, строение новое, месяц как въехали, АТС тут еще не скоро построят. — Он не врал. Миршаб пошел звонить Беспалому в чайхану. Там находился единственный в квартале телефон-автомат.

Новость для Коста прозвучала столь неожиданно, что он растерялся, у него имелась в запасе одна козырная карта, и та оказалась бита, и он отпустил ворот и вернул Сенатору пистолет.

— Ну, брат, ты и псих,— сказал прокурор мирно, поправляя на груди рубашку.

Происшедшее не испортило ему настроения, наоборот, подтвердило мнение о важности дипломата и того, что он имеет дело с серьезными людьми.

— Давайте будем знакомиться.— И он снова приблизился к тахте, но подавать руки Коста не стал.— Сухроб Ахмедович Акрамходжаев, прокурор...

— Меня зовут Коста,— ответил дружелюбно больной,— и, я думаю, вы обо мне наслышаны.

Искушенный прокурор пропустил намек-вопрос мимо ушей, понимая, что Коста хочет втянуть его в нужный для себя разговор, но человек на тахте считал варианты куда быстрее, чем его новый знакомый Акрамходжаев, он тут же задал вопрос в лоб:

— Почему вы решили спасти меня от справедливого возмездия, ведь я на ваших глазах, считай, при вашем попустительстве, убил вашего коллегу, прокурора Азларханова, человека весьма известного в крае?

Сенатор понял, что ему лучше всего отвечать с такой прямоотой, с какой был задан вопрос, с подобными типами следовало играть в открытую, по крайней мере на первых порах, это притупит его бдительность.

— Нынче, в кого ни ткни, все недовольны своим положением, я не исключение. Годы бегут, я уже не мальчик, и пост районного прокурора меня не устраивает, не вижу я и перспектив роста. Вам ли не знать кадровую политику в республике, Верховный держал под контролем каждое мало-мальски важное кресло. Вы, наверное, удивитесь, что я сказал «держал», да, да, держал. Открою для вас тайну, его уже нет, позавчера он неожиданно умер в инспекционной поездке в Нукусе.

— Вы ошибаетесь, прокурор, для меня это не тайна. Больше того, вчера с некоторыми людьми я был там и поцеловал его на прощание в высокий лоб, извините, что перебил, продолжайте.

Сказанное Коста только вселило уверенность, что он на правильном пути, и Сенатор тихо продолжил:

— Я, конечно, искал пути к Верховному, но он почему-то не подпускал меня. И вот сегодня, случайно оказавшись свидетелем сцены

в прокуратуре, я подумал, если я смогу заполучить дипломат и вас, моя судьба, наверное, круто изменится.

— У вас есть шанс выкрасть дипломат? — невольно вырвалось у Коста.

— Нет. Что мог, я уже сделал,— ответил прокурор безжалостно. Он не хотел пока, до времени, посвящать Коста в свои планы.

— Жаль, вы правильно рассчитали, окажись дипломат в ваших руках, ваша жизнь изменилась бы, точно, думаю, вы смогли бы получить то место, на которое стремитесь.

«Это я без тебя догадался»,— мысленно ухмыльнулся прокурор.

— Но, откровенно говоря, вы крепко осложнили свою судьбу, ввязавшись в эту историю. Чтобы вы не считали меня неблагодарным, скажу честно, моя жизнь мало чего стоит, тем более сегодня, когда я упустил дипломат. Она обретет смысл, ценность, если удастся заполучить документы обратно или хотя бы уничтожить их.

— Если только взорвать прокуратуру,— зло пошутил собеседник, но Коста шутки не принял.

— А что, прекрасная идея, но важно знать хотя бы этаж, крыло здания, комнату, а то рванем махину, а сейф останется целехоньким. Есть у нас в Ташкенте полтонны взрывчатки, купили у геологов, и специалист найдется. — И Коста с надеждой посмотрел на прокурора.

— Выбросьте этот план из головы, прежде всего я не знаю, на каком этаже дипломат, во-вторых, здание занимает полквартала, и вашей взрывчатки не хватит даже для одного крыла, и не забудьте — у нас в распоряжении только ночь...

Но Коста уловил, что прокурор чего-то не так договаривает, то ли от страха, то ли еще по какой причине, и поэтому он угрожающе выпалил:

— Я не зря сказал, что, выкрыв меня из больницы, вы основательно осложнили себе жизнь. В дипломате документы на людей, претендующих на место Рашидова. И решайте сами, кем вы хотите их иметь: друзьями или врагами? Там компрометирующие материалы на многих деловых людей, миллионеров нашего края, и тех, кто не в ладах с законом и по существу правит уголовным миром в республике. — Коста сделал паузу, вроде раздумывая, посвящать или не посвящать, но все же рискнул туманным намеком. — Впрочем, правят они не только уголовным миром... Вот во что вы влипли по неосторожности, прокурор...

— Что же мне делать? — растерялся прокурор.

— У вас только один выход: я запишу вам телефон, для страховки даже два, по любому из них от моего имени потребуете встречи с Артуром Александровичем. А сейчас главное: постарайтесь обдумать, кто в прокуратуре может знать, где находится кейс, установите их адреса, телефоны. Вы сами сказали, у нас в распоряжении только ночь... У Артура Александровича есть люди, они по вашим адресам дознаются, где наши бумаги, и непременно выкрадут их, чего бы это ни стоило. Надеюсь, вы понимаете теперь, что ваша жизнь тоже связана с этим чертовым кейсом?..

— Да, да,— задумчиво кивнул Сенатор, он мысленно считал свои варианты.

— Пожалуйста, ручку, бумагу,— потребовал Коста, и прокурор машинально протянул ему свою записную книжку и «паркер». В этот момент раздался осторожный стук в дверь.

— Войдите,— сказал он, не оборачиваясь, знал: это Миршаб.

Бесшумная дверь, блеснув тонированным стеклом, широко распахнулась, и помощник вкатил тележку, заставленную закусками и напитками.

«Салим все делает кстати и вовремя»,— благодарно подумал прокурор о своем однокашнике и, перехватив тележку, пододвинул ее к тахте.

— Ого! — воскликнул Коста.— Миноги! Угри! Таким закускам позавидовал бы и сам Икрам Махмудович.

— Какой Икрам Махмудович? — пытаюсь поймать на слове, спросил прокурор.

— Икрам Махмудович? У вас будет возможность познакомиться с ним. Другого такого гурмана в крае, я думаю, не сыскать.

«Да, его голыми руками не взять»,— подумал Сенатор, а вслух спросил:

— Признавайтесь, Коста, не предполагали, что сегодня поздно вечером вам предложат шампанское, да еще не какое-нибудь барахло местных винных заводов, а настоящее «Абрау-Дюрсо»?

— О шампанском и миногах, конечно, не предполагал, но когда в палату вошел капитан с молодыми людьми в белых халатах, я, честно говоря, подумал, что за всем этим маскарадом стоит Артур Александрович, ведь стоило мне только взглянуть на парней, как стал ясен род их занятий. Один из них успел подать мне знак, а такими сигналами обмениваются только в специфической среде, и он неведом даже вам, работникам органов, в нашем мире разглашение подобных тайн

карается смертью. Я не удивлюсь, если завтра узнаю, что за мною в изолятор после вас приходили другие люди. Вы успели опередить Японца, а это редко кому удавалось.

— Вы имеете в виду Артура Александровича? — спросил небрежно прокурор.

— Да, я имел в виду его людей, он никогда не бросает своих в беде, сейчас ищут пути не только к дипломату, но ищут и меня...

— Ну, что ж, давайте выпьем за знакомство, за успех предстоящего дела,— предложил Сенатор, и они втроем подняли бокалы.

Прокурор взял свою записную книжку и «паркер», лежавший на широкой тахте рядом с Коста, мельком глянул на телефонные номера абонентов, находящихся в разных концах Ташкента, и сказал:

— Мы вынуждены вас оставить, в нашем распоряжении только одна ночь, утром документы должны быть на столе у Прокурора республики. Я об этом сам слышал. Сейчас подадут горячее, ужинайте, развлекайтесь, я попрошу, чтобы принесли магнитофон, а мы пойдем заниматься делами, пожелайте нам удачи.

— Ни пуха ни пера! — сказал Коста, подняв руку со сжатым кулаком, и они вышли из комнаты.

Салим, не проронивший в комнате ни слова, в коридоре сказал:

— Пойдемте в спальню, я дам вам новую рубашку и галстук. — О том, что произошло до его прихода, он не спрашивал.

Когда Сенатор примерял к новой рубашке галстук, Миршаб неуверенно спросил:

— Не стоит ли нам остановиться, опасную игру мы с тобой затеяли, как бы не потерять того положения, что имеем?

— Ты, как всегда, прав, дорогой Салим. И дело опасное, и головы потерять можем. Но я сам себя загнал в угол и теперь не могу отступать. Единственное, что я могу тебе предложить,— остаться здесь.

— Ты же знаешь, мы с тобой что нитка с иголкой,— Салим Хасанович встал рядом и трогательно обнял старого товарища за плечи.

— Спасибо,— сказал прокурор, глядя в зеркало, и оба невольно улыбнулись, но улыбка вышла грустной.

Они прошли на веранду, где младшая сестренка Наргиз все еще заставляла стол закусками. Салим, извинившись, оставил его одного, пошел на кухню помогать хозяйке. Время торопило садиться за щедро накрытый дастархан, меньше чем через час должны нагрянуть сюда Беспалый с друзьями, а многое еще предстояло обговорить наедине.

Оставшись один, прокурор крепко пожалел о том, что предупредил владельцев белых «жигулей» о грозящей им опасности. Этим он прежде всего обозначил себя, и не исключено, что сейчас у дома в старом городе поджидают его дружки Коста, люди Артура Александровича со странной кличкой Японец, которую прокурор уже не однажды слышал. Теперь, даже пожелай он по какой-то причине избавиться от Коста, не получится, спрос будет только с него. И на суде том, в отличие от нашего, народного, не станешь юлить, лгать, изворачиваться, пользоваться лжесвидетелями; не поможет ни судья, ни адвокат, и телефонное право там не имеет силы, придется держать ответ по всей строгости и отвечать головой. Вот что значит необдуманно включить всего лишь прерывистый свет дальних фар.

Выходит, основательно загнал себя в угол. Теперь при желании он никак не мог отступить от идеи налета на прокуратуру, правда, был ход, когда он представлял рискованный шаг самому Артуру Александровичу. А что он имел в этом случае? Конечно, на денежное вознаграждение они не посядут и за Коста, и за информацию, в каком кабинете находится кейс,— можно считать, что тысяч сто уже в кармане.

Но деньги его не волновали, ровно половину этой суммы на неделе принесет капитан Кудратов, а таких источников пруд пруди, повсюду тащат, куда ни кинь взор, и с прокурором поделаются, только пожелай. Нет, действительно, не в деньгах счастье, пословица народная, а народ, как правило, не ошибается. Ну, пожалуй, должностишку какую попримечнее можно у них выклянчить, не больше,— размышлял он лихорадочно, но, как ни крути, ничего такого, о чем он мечтал, не предвиделось. Ах, как бы вертелись перед ним эти чванливые и с гонором господа, мечтающие занять кабинет на пятом этаже белоснежного здания на берегу Анхора, заполучи он дипломат!

Распорядиться компроматом он сумеет, в этом Сенатор не сомневался.

После разговора с Коста появился еще один жесткий вариант без выбора: дипломат в целостности и сохранности следовало передать Артуру Александровичу и тем самым скромно, но с весомым паем вступить в некую могущественную корпорацию, чьи люди так бесцеремонно метят на место самого Рашидова. Хозяева, имеющие такой пай, автоматически определяют свое положение в структуре, прокурор знал это. Но ведь информация, хранящаяся в дипломате, она действительно не на один день, и при смене власти, как сегодня,

да и в разных ситуациях, она вновь обретает ценность, даже спустя десятилетия, а значит, обладая тайной, владеешь положением, судьбами людей,— мучился он сомнениями. Как ни крути, все возвращалось к мысли — стать единственным хозяином таинственного кейса, иначе опять рядовой на всю жизнь, даже если и член некой могущественной подпольной организации. Но как выполнить задуманное? Как воплотить столь яркую и вожделенную мечту в реальность?

Обхватив двумя руками голову, он понуро смотрел перед собой в одну точку, и как-то не вязался щедро накрытый стол, радовавший глаз и душу, от которого исходили манящие запахи, с его позой. Пожалуй, такая фотография имела бы под собой подпись: «Что бы это значило?», и ответ оказался бы непростым.

Трудные вопросы клонили его седеющую голову, и богатый дастархан не радовал, не слышал он ни запахов, ни ароматов, витающих в доме. Одно ему становилось очевидным — следовало попытаться самому, без помощи Японца, добыть дипломат, а уж потом будет видно. Что я делю шкуру неубитого медведя, подумал он, и враз избавился от сомнений. Человек крайне эмоциональный, он легко возбуждался и так же быстро впадал в уныние, в пессимизм. Поэтому сестренка Наргиз, Мамлакат, удивилась, когда мрачный Сухроб-ака вдруг поднял голову, озорно улыбнулся ей и сказал неожиданно заговорщически:

— Давай, пока нет сестры, пропустим с тобой по бокалу шампанского, боюсь, когда она появится, тебе этого не позволят.

— Давайте,— легко согласилась, засмеявшись, Мамлакат, ей нравился Сухроб-ака, от него зависел даже такой богатый и влиятельный человек, как Салим Хасанович, купивший сестре роскошный дом, от которого она приходила в восторг — сад, бассейн, финская сауна.

— А вот и мы,— на веранде появился Салим с Наргиз.

Мамлакат едва успела сполоснуть бокалы и вернуть их на серебряный поднос рядом с ведерком для шампанского. Сестра любила порядок и к сервировке относилась с предельным вниманием, это в ней особенно ценил Салим-ака. Хозяйка дома поставила посреди стола большой ляган с горячей закуской: перепелки, фаршированные свежей бараньей печенью и курдючным салом.

— Ух! — вырвалось вдруг у прокурора, и он сразу услышал все запахи и ароматы, исходившие от стола, особенно оценил сервировку, серебряные приборы и высокие изящные бокалы для шампанского.

— Ну, Наргиз — волшебница! — воскликнул он искренне и предложил тост за нее.

Миршаб, десять минут назад оставивший шефа в глубоком раздумье, приятно удивился перемене его настроения, значит, надумал что-то толковое или отменил операцию, решил он и с радостью поднял бокал за хозяйку. Он не знал, как отнесется шеф к покупке дома для своей любовницы, оттого и тянул с сообщением, выходит, снята еще одна мучившая его проблема.

Прежде чем приступить к перепелкам, прокурор спросил:

— А гостя не забыли? Жаль, если он не отведает коронного блюда Наргиз.

— Гость превыше всего, ему и магнитофон занесли,— ответил за хозяйку дома Миршаб.

С двумя десятками перепелок вчетвером справились быстро, от печеночной начинки тушки получились нежными, мягкими, хотя и жарились в кипящем оливковом масле, это совсем не то, что перепелки на вертеле. Когда женщины ушли за следующими горячими закусками, слоеной самсой с рублеными ребрышками молодого барашка и с курдючным салом матерого кучкара, мужчины на некоторое время остались одни за столом. И за двумя рюмками армянского коньяка, в отсутствие женщин, прокурор ввел помощника в курс дел второй части операции, опуская кое-какие детали.

— Теперь ты понимаешь, почему я не посвятил тебя сразу в свои планы. Мероприятие я затеял нешуточное,— сказал он, видя, как побледнел помощник. — Но отступать поздно, слишком велика цена дипломата, и нам не простят малодушия, остановки на полпути,— пытался воодушевить однокашника прокурор.

— Понимаю,— ответил Миршаб — если нас не пристрелит охрана в прокуратуре, то наверняка это сделает Коста, которого мы спасли от тюрьмы.

— Верно. Назад хода нет,— спокойно, философски, как не однажды за этот странный вечер, ответил Сенатор.

Принесли пышущую жаром самсу, и запах баранины забил все другие ароматы, витавшие над богатым столом. Прокурор мельком глянул на часы и подумал, что Артем, по кличке Беспалый, как раз успеет с друзьями к плову, главному блюду узбекского застолья. И плов Наргиз подавала не простой, а всегда из красного намаганского риса девзира, а мясо к нему Миршаб

покупал только караучкара, черного барана, оно особой калорийности, вот отчего не пьянеют мужчины за восточным дастарханом, хотя и тут потребляют не меньше, чем где-либо.

Хозяйка дома, увидев, что гость тайком глянул на часы, и истолковав это по-своему, сказала:

— Я уже заложила рис, и минут через десять — пятнадцать подам плов. Пожалуйста, налегайте на закуски, никто еще не приронулся ни к икре, ни к казы, а я так старалась...

— Спасибо, все очень вкусно, — ответил с улыбкой гость, — и плов кстати, сейчас к нам подъедут приятели, они уж точно сметут и икру, и китайские грибы сян-гу, и заливные, и холодные языки, так что не расстраивайся прежде времени. — И он засмеялся, знал, что Салим не предупредил ее о визите банды Беспалого.

— Что же вы мне раньше не сказали, — всплеснула руками Наргиз, — надо поставить приборы вашим друзьям, а то обидятся. — И она выпорхнула из-за стола, поспешила ей на помощь и Мамлакат.

— Повезло тебе с Наргиз, и я одобряю твой щедрый подарок, она стоит таких затрат. Давай выпьем за нее, в этом доме, наверное, еще не раз будет отдыхать наша душа, — сказал прочувственно прокурор, вконец успокаивая своего друга. Теперь Миршаб без сомнений был готов идти за ним в огонь и воду.

Едва Наргиз успела расставить приборы для вновь прибывающих гостей, как раздался звонок у железных ворот — Беспалый прибыл минута в минуту, и Сенатор отметил его пунктуальность. Точность, аккуратность, расчетливость прокурор ценил даже выше, чем смелость, риск, отчаянную храбрость, из опыта работы знал, что девяносто процентов преступников попадались именно из-за отсутствия этих трех первых качеств, таким людям он доверял больше всего. Встречать гостей в сад вышел и прокурор, он понимал, что такое установить контакт, когда идешь на столь опасное задание, сам и подвел их к столу. Ничто на нем не напоминало о том, что они уже начали трапезничать, и высокий гость лишний раз отметил способности и такт хозяйки дома.

Кто знает уголовный мир по нашим книгам и фильмам хотя бы пятилетней давности, то его познания безнадежно устарели. Вряд ли в трех молодых мужчинах, тепло встреченных на дорожке у розария, кто-нибудь по внешнему виду мог заподозрить преступников: милые, обаятельные, на первый взгляд, хорошо воспитанные люди, прекрасно одетые, с неплохими манерами.

Наргиз и Мамлакат и приняли их за таковых, впрочем, и о делах своих поклонников из прокуратуры они мало что знали, на Востоке женщин в дела не посвящают и на груди у любовниц о тяжелой жизни не исповедуются. Да и знай кто их ближе, мог бы сказать, что Сергей — архитектор проектного института, коммунист, активный общественник, заядлый филателист, заботливый семьянин, причастен к другой, тайной жизни? Час назад по заданию Беспалого он угнал от ресторана «Зеравшан» «жигули», причем машину своих знакомых, на ней они и приехали в загородный дом Наргиз.

Другой, Погос, высокий, красивый, волоокий, таких женщины не оставляют без внимания, тоже член партии, служит в Министерстве сельского хозяйства, заведует отделом, по анкетам выглядит прилично. Сейчас как раз оформляет документы на круиз вокруг Европы, а туда, за кордон, у нас выпускают только достойных, особо доверенных. И деньги, что обещал ему Артем за ночную вылазку, были весьма кстати. Какая операция, что придется делать — грабить, убивать, воровать, выколачивать из кого-то должок, украсть у должностного туза дитя — он не спрашивал и даже не думал, знал, что Беспалый зря не позовет и по мелочи пачкаться не станет.

Только третий, Артем, по кличке Беспалый, не был членом партии, не имел высшего образования, зато хранил память о двух сроках отбывания в тюрьме, работал сварщиком в системе «Пиво — воды». На службе особенно в глаза не бросался, но здороваться с ним подбегал первым сам управляющий трестом, не говоря уж о начальниках рангом пониже. Ходила за ним и репутация человека с золотыми руками и светлой головой. Восстанавливал он и не поддающиеся ремонту импортные автоматы, холодильники, всякие поточные линии, установки для мороженого, иногда за мастерство его любовно называли — Ювелир, но в миру он был больше известен как Беспалый. Кличку он привез с места первой отсидки в Караганде, там в драке, перехватив острую как бритва финку, и остался он без одного пальца. Поговаривали, что в сезон не меньше чем полсотни его личных автоматов с газированной водой работало день и ночь в самых горячих точках Ташкента: аэропортах, автовокзалах и на железной дороге. Теперь Беспалый копил деньги, чтобы купить пай в игорном бизнесе, как между собой дельцы называли комнаты игровых автоматов, заполонившие столицу. Ведя подобный образ жизни, Артем Парсегян нуждался в поддержке, особенно людей из правовой среды, поэтому он очень дорожил дружбой с прокурором и примчался на помощь

своему покровителю по первому зову. Сухроб Ахмедович, представив ночных гостей хозяйке дома, широким жестом пригласил за дастархан. Прежде чем сесть за стол, Беспалый оглядел его из конца в конец и, не скрывая восторга, произнес:

— Я затрудняюсь, с чего начать, здесь настоящее поле чудес, и я даже вижу мой любимый салат из молодых ростков бамбука...

— Какие проблемы, дорогой Артем, я видел и для тебя заготовленную коробку в подвале... — перебил Парсегыяна помощник прокурора.

— Разве дело в подвале, Салим, все есть, такой умелой хозяйки не хватает,— ответил Беспалый, сразу расположив к себе Наргиз.

С приходом запоздалых гостей за столом сразу стало шумно, весело, празднично, оживилась и Мамлакат, прокурор заметил, как она смущается взглядов Погоса, наверное, так откровенно на нее не смотрел еще никто, но он не стал портить настроения инженеру, успеется, и смотрел тот, видимо, на женщин по привычке, не было в его глазах той живинки, страсти, которая отличает подлинный интерес, внимание; он, возможно, не отдавал себе отчета, что перед ним девушка воспитанная, несмышлениш, он просто привык к своей неотразимости.

Повеселела и Наргиз, ей нравилось, как молодые люди хвалили закуски, салаты, самсу, аппетит опоздавших к столу словно заразил остальных, и все снова дружно принялись за еду, не особенно налегая на спиртное, Беспалый не пил совсем. Вскоре Салим с хозяйкой дома подали плов в двух больших ляганах, перед тем как приступить к нему, пропустили еще по маленькой рюмке коньяка, как сказал Сенатор, по последней, после плова пить не рекомендуется, собравшиеся знали об этом.

Когда подали целый поднос разноцветных чайников с зеленым чаем, Сухроб Ахмедович глянул на своего помощника, тот на Наргиз, и женщины незаметно исчезли из-за стола. Сенатор посмотрел на часы и сказал:

— Пора приступать к делу, ночь не резиновая.

— Мы к твоим услугам, шеф, и нет дела, с которым нельзя справиться за осеннюю ночь, будем пить прекрасный китайский напиток и внимательно слушать тебя,— улыбнулся Беспалый, наливая подельщикам в пиалы чай, но те словно по команде отставили их в сторону, как только хозяин заговорил об операции.

— Начну не по-восточному. Сразу, без обиняков, по-русски говоря, с места в карьер, время все-таки торопит. — Сенатор почему-то

встал и говорил тихо, но внятно. — Вначале экспозиция. В одной организации в сейфе лежит опечатанный дипломат. Что в нем? То, что интересует и вас, и нас — деньги, драгоценности, они конфискованы в Джизакской области.

— Значит, есть там и жемчуг, армяне-репатрианты с Ближнего Востока весь сбывают его на родину Шарафа Рашидовича.

— Возможно, — спокойно ответил Артему прокурор.

Сам он к жемчугу был равнодушен, предпочитал бриллианты, к тому же знал, что в кейсе нет ни того, ни другого. Отвечая Беспалому, он мельком глянул на своего помощника, как тот среагировал на сообщение о деньгах и драгоценностях в дипломате. Миршаб, как и подобает мужчине, хранил спокойствие, понимая, что прокурор зачем-то решил блефовать.

— Операция с риском, но не сложнее и не опаснее, чем любая другая такого рода, надеюсь, результат оправдает нашу смелость. Как говоришь ты, Артем, кто не рискует, тот не пьет шампанское... Здание, где находится кейс, охраняется, но я его хорошо знаю, работал там когда-то и все рассчитал до мелочей, оттого подробности на месте. Ставки такие: половина ваша, половина наша с Салимом, идет?

— С условием, — вмешался Беспалый, прокурор настороженно глянул на Парсегына. — Прежде чем делить, одно самое красивое и дорогое ювелирное изделие или жемчужное ожерелье подарим чудесной хозяйке дома, такой роскошный ужин, внимание стоят презента. — Все дружно согласились с неожиданным предложением.

— На каком этаже находится сейф? — спросил Парсегына.

— На втором. Комната безоконная, поэтому вначале проникнем в холл у лифта, окно там не зарешеченное. После нашего налета хватятся и примут настоящие меры безопасности и усилят охрану. Пока гром не грянет, мужик не перекрестится, так и у нас в стране. А какая разница где, здание всего-навсего четырехэтажное, это ведь не Нью-Йорк — ограбление на пятидесятом или восьмидесятом этаже... А почему, Артем, тебя волнует этаж? — встревожился прокурор, зная, что Беспалый просто так вопросов не задает.

— Да третий день что-то сводит правую ногу, оттого сам за рулем не езжу, возят, боюсь, вдруг прихватит в тот момент, когда придется жать на тормоза. Сказываются бетонные полы штрафного изолятора, первый срок по молодости я оттуда почти не вылезал, дрался с лагерными паханами насмерть, требуя к себе уважения, там за красивые глаза ничего не уступают.

— Да, жаль, конечно, надеемся, пронесет. А на будущее рекомендую слетать на родоновые источники Ходжа-Оби-Гарма. Это на Памире, в Варзобском ущелье, забудешь про свои радикулиты-артриты. Но на всякий случай скажи, смогут Сергей или Погос вскрыть сейф, если с тобой что случится?

— Вряд ли,— сказал неуверенно Беспалый и посмотрел на своих компаньонов.

— Что же вы так, кругом в стране растут комплексные бригады, все совмещают профессии, а у вас непорядок,— вступил в разговор помощник, и все невольюно рассмеялись.

— А нельзя ли кого подключить в счет вашей доли, куш все-таки нешуточный? — спросил Сенатор.

— Понятно, что в счет нашей, вы тут ни при чем,— задумался Беспалый, потом после тягостной паузы сказал: — Есть один парень, не наш, он из Ростова, полгода как освободился, кликуха Кошей, одни кости да наколки, но ас, рекомендовали авторитетные люди. Он никогда не был в Ташкенте, захотел наши края посмотреть, погреться, да и фруктов, как он говорит, хоть раз в жизни досыта наестся, в тюрьме с витаминами туго, а он провел там треть жизни.

— А он сидел с тобой или с кем из ташкентских? — спросил прокурор, у него уже созрела идея в отношении Кошея.

— Нет, ни со мной, ни с другими ташкентскими он срок не тянул, просто позвонили друзья, сказали, примите на пару недель человека, пусть отдохнет, дело обычное. И насчет дела намекнули, мол, если подвернется, лучше Кошея взломщика не найти.

— Идет, Кошей так Кошей, только не оказался бы он в этот час в стельку пьян или обкурен,— поостерегся прокурор,— отдыхает же человек...

— Нет, он свое уже отпил, нутро не принимает, оттого на фрукты прилетел. Сейчас он в форме, как раз в карты катает по-крупному.

— Прекрасно, тогда по машинам. Артем садится ко мне, и мы забираем по пути к себе ростовского любителя фруктов, а все остальные в краденые «жигули» к Погосу. Если тормознет ГАИ, спокойно остановитесь, Салим скажет, что у прокуратуры кто-то оставил угнанную машину, а вы, мол, доставляете ее хозяину, Сергей назовет адрес и фамилию своих приятелей, эти данные будут и у постового, в таком случае после операции придется доставить транспорт владельцу.

Отъехав на приличное расстояние, прокурор спросил:

— Инструмент в норме, все прихватил? Придется минут на двадцать погасить свет, электрическое хозяйство там у забора, лучше не придумаешь.

— Все в порядке. За то время, что мы с вами не виделись, я получил западногерманское, да еще и комплект шведского ручного и электрического инструмента. Фантастика, какая сталь, какие режущие возможности, где же наши Круппы и Золингены?

— Не мешало бы и мне дома, в хозяйстве, приличный набор иметь,— сказал прокурор, он действительно был равнодушен к хорошему инструменту,— нельзя ли и мне достать?

— Скоро не обещаю, но путь подскажу. Я заказал по каталогу одному человеку, регулярно бывающему за кордоном, у вас таких знакомых больше, чем у меня.

— Что ж, это идея, спасибо. Непременно воспользуюсь советом.

Въехали на Луначарское шоссе, и, хотя Парсегян не назвал адреса, прокурор догадался, где находится Кощей, он знал почти все катраны в городе, а в этом, рядом с правительственной резиденцией, действительно играли по-крупному, и содержал его человек известный, всякого он на порог не пускал. Что ж, если Кощей засветился в самом дорогом катране Ташкента, Сенатора это вполне устраивало, след от татуированного ростовчанина должен остаться ясный. Приехали туда, куда и предполагал прокурор. Когда Беспалый хотел выйти из машины, прокурор удержал его.

— Нет, только не ты, тебя в этот вечер не должны здесь видеть,— сказал он вполне резонно, хотя вложил в предупреждение прежде всего свой интерес. — Пусть зайдет туда этот красавчик Погос. К Кощейю не подходить, научи его подать знак, чтобы тот непременно вышел. Пусть у кого-нибудь стрельнет сотню-другую, это будет его алиби на всякий случай,— опять, говоря справедливо, он преследовал свои цели.

Минут через семь из ворот огромного двухэтажного загородного дома вышел, озираясь по сторонам, франтоватого вида худой мужчина.

— А вот и Кощей,— сказал Артем и поспешил из машины. Они о чем-то долго спорили, Кощей при этом нервно жестикулировал, и Сенатор подумал, что ростовчанин то ли крупно выигрывает, то ли крупно проигрывает, прокурора устраивало последнее, в таком случае он оказался бы покладистее.

Погос не показывался, видно, неохотно давали ему взаймы, зная его замашки. «Денег не дают, но какое надежное алиби сколачива-

ет», — съехидничал прокурор. И в эту минуту Акрамходжаев профессионально подумал, вот если бы Погос или Сергей влипли по одному делу с Беспальым, они бы никогда не показали на Артема, взяли все на себя. Ибо показать на вора в законе равносильно смерти, если и признают сей факт на каком-то этапе следствия, на очной ставке или же на суде откажутся все равно. А ведь наши теоретики-законники даже не учитывают такого сложившегося положения, а оно сплошь и рядом, почти в каждом деле. В тюрьму отправляется всякая шушера, а люди, подобные Беспалому, обретя опыт и положение, больше никогда. А умники-депутаты сидят в своих креслах и строчат законы, давно не владея ситуацией в преступной среде, меняющейся с каждым днем, а мы вынуждены отправлять в тюрьму второй эшелон мелких исполнителей, хотя виновные продолжают пить шампанское и готовить очередное преступление, зло подумал прокурор о наших законодателях. Он часто забывал, когда и кто он есть на самом деле, путался, ощущая себя сыщиком и вором одновременно, боялся одного, чтобы на каком-нибудь крупном совещании в прокуратуре не брякнуть чего-нибудь такого, что явно выдало бы его с головой.

Задумавшись о несовершенстве закона, запутавшегося между реальностью и теорией, при вечной оглядке и ссылке на судопроизводство и право развитых западных стран, без учета, что наша жизнь ни по каким параметрам не может сравниться с их, разве что мы такие же двуногие, прокурор не заметил, как на заднее сиденье шумно ввалились Беспальый с Кощеем.

— Что-то у тебя водила больно важный, — хлопнул костлявой татуированной рукой взломщик прокурора по плечу.

— Оставь человека в покое, а лучше скажи дяде «здравствуй», он не любит фамильярного обращения, — сказал довольный Артем, видимо, долго пришлось уламывать гастролера.

— Ну вот, снял из игры, когда масть шла, неизвестно, что я с вами иметь буду, а штук пять мимо меня сейчас проехало, и еще вежливость требуют, откуда она появится, если из пасти деньги рвут.

— Заглохни, Кощей, хозяин действительно подумает, нашел какого-то балобола, а я тебя рекомендовал... — Артем сказал без нажима, но Кощей сразу притих, приосанился, дошло до него, что не Беспальый сегодня главный, а этот за рулем.

— Да будет вам, ребята, после катрана с его хохмочками нелегко вписаться, вы словно шпионы важные, детективов по видуку насмотрелись, что ли? — сказал Кощей примирительно.

— Посмотри, пожалуйста, внимательно по карманам, нет ли каких документов с собой, не дай бог случайно выпадут,— спросил предусмотрительно прокурор.

— Я ведь на дело не собирался, ксива с собой. — И гость протянул Артему новенький паспорт. — Еще билет на Ростов есть,— добавил он, шаря по карманам,— я дома туда и обратно купил сразу.

— Бог с ним, с билетом, он не выпадет,— сказал небрежно человек за рулем, он очень хотел, чтобы билет остался в кармане.

Подъезжая к площади Пушкина, Акрамходжаев мельком глянул на часы: все шло по задуманному графику. Прокурор был убежден, что самое лучшее время для преступлений — промежуток между тремя и четырьмя ночи, этот час он высчитал давно, проанализировав сотни дел, да и на практике убедился.

Время подходило к трем, до цели осталось пять-семь минут езды. Как только они въехали в переулок за старым роддомом, на территорию, примыкавшую ко двору прокуратуры, Беспалый засуетился, он догадался, куда они приехали, но вслух говорить ничего не стал. И лишь когда они вышли из машины, он произнес:

— Сухроб, это же республиканская Прокуратура!

— Ну и что,— спокойно ответил прокурор,— Уголовный кодекс не учитывает разницы ограбления банка и прокуратуры.

— Но все же... — с сомнением, нерешительно ответил Беспалый,— такого налета я еще не совершал.

— Вот и прекрасно, появится новый опыт, впрочем, ты, наверное, догадываешься, что и они не готовы к встрече с нами, так воспользуемся своим преимуществом. Если приступаем к делу, мы с тобой пойдем на рекогносцировку, а они пусть ждут нас в машинах и сидят тихо, не курят.

Беспалый обошел машины, дал команду и вернулся к Акрамходжаеву, и они вдвоем исчезли в темноте.

— Службу я начинал в прокуратуре,— вводил в курс дела шепотом Сенатор,— и когда нужно было исчезнуть с работы, я никогда не выходил из парадного, таким же образом я поступал, когда опаздывал, так что знание черного хода сегодня сгодится. Они шли запущенным двором старого роддома, застроенного всякими подсобными и жилыми помещениями, лишь у забора он имел небольшой сад и густо заросший виноградник, принадлежавший хозяевам деревянного флигелька. Днем из окна прокуратуры он заметил, что владельцы строения обрезали и утепляли на зиму лозу.

Большая, устойчивая дюралевая лестница, выпускаемая местным авиазаводом, которой они пользовались, стояла рядом с бетонным забором прокуратуры, ее следовало перенести метров на десять влево, туда, где находилось электрическое хозяйство внушительного здания. Все оказалось на месте, и лестницу доставили вдвоем в нужное место. Ночь стояла малолунная, без звезд, но видимость была. Территория прокуратуры освещалась хорошо, и пересечь такое пространство незамеченными представлялось рискованным занятием, электричество мешало.

Обдумали ходы дальше. Решили вдвоем перелезть через забор, во двор закинули заранее приготовленную нейлоновую стремянку, ход на территорию туда и обратно был налажен. Прежде чем ступить во владения прокуратуры, Артем сходил за инструментом. Акрамходжаев сам провел Парсегыяна к энергетическим шкафам здания. Уговорились так: Артем подготовит все для отключения, а выключит Сенатор, он единственный в банде имел оружие и вызвался страховать подельщиков прямо во дворе, мало ли что может случиться, и рисковать дипломатом он не хотел, все выглядело разумно, благородно и получило одобрение Парсегыяна.

Подготовив щит, Парсегян должен был пойти за Сергеем с Погосом, те при электрическом освещении запоминали оконный проем на втором этаже, где им предстояло выставить стекла и обеспечить дорогу в здание для Кощея. После этого они возвращались в машину и ждали окончания операции. Дальше в дело вступал ростовчанин. Кабинет находился рядом с окном, чуть вправо у лифта, и на двери табличка «Начальник следственной части т. Ходжаев А. Х.», на простейший замок финской фирмы «Бодэ» на входе и систему запоров орловского сейфа у него должно было уйти минут семь-восемь, вот и все, при удаче, конечно.

Проводив Беспалого со двора, прокурор стал дожидаться здесь же архитектора с инженером, щит он выключит, как только они двинутся к зданию. Он еще раз посмотрел на часы, стрелки показывали четверть четвертого. Важно, когда я выключу свет, чтобы охранник спал или дремал или хотя бы в этот миг смежил веки, открыв глаза, он потеряет ориентир во времени, не поймет, давно ли он заснул и долго ли спал, этих минут, пока придет в себя и предпримет какие-нибудь действия, вполне достаточно, чтобы кейс оказался в руках Кощея, — рассуждал он, удивляясь своему хладнокровию и спокойствию. С Коста он волновался больше, действительно, все приходит с опытом. Философствовать

ему долго не пришлось, над забором появилась кудрявая голова Погоса, и Сенатор натянул для сообщника нейлоновую стремянку. «Дали ли ему займы?» — почему-то мелькнула мысль, и прокурор улыбнулся.

Следом за красавчиком появился Сергей, по тому, как они ловко одолели забор, Акрамходжаев понял, что со спортом они дружны и тренируются регулярно. В машине они переоделись, и сейчас оба были в простейших трико и мягких тапочках, у Сергея на шее болтался рулон особой самоклеющейся пленки! Пленка наклеивалась на оконное полотно, и стекло бесшумно вырезалось, никогда не раскалываясь при этом. Алмазный стеклорез, фонарик, нож-стамеска и моток шелковой бечевки составляли все их снаряжение. Показав окно и прикинув, как к нему удобнее добраться, прокурор вывел из строя щит и мягко подтолкнул парней в спину — вперед!

Имя в одной руке зажженную сигарету, в другой пистолет, он держал на прицеле дверь прокуратуры, именно в ней должен был появиться охранник, услышь он шум во дворе. Чуткое ухо прокурора уловило, как раз, другой, третий что-то хрустнуло, осыпалось под ногами сообщников, штурмующих второй этаж, увидел он краем глаза, как дважды шарил по стене мгновенный луч фонарика, но дверь, ведущая в здание, оставалась запертой. Видимо, милиционер, натерпевшийся за день страха, дремал, время для сна самое коварное. Если он очнется даже тогда, когда в дело вступит Кощей, раздумывая о времени, о том, почему погас свет, не успеет ничего сделать, — рассуждал Сенатор о действиях охранника, и пока рассчитал все верно.

Операция по выемке стекла затягивалась, как вдруг он услышал, как на шелковой бечевке спустили на землю первое оконное полотно, на второе уйдет минуты две, не больше. Прокурор повеселел, и вдруг, когда он пытался закурить новую сигарету, кто-то положил ему на плечо руку... Сенатор хотел резко развернуться и выстрелить, как услышал голос Артема:

— Как дела, шеф? — Они с Кощеем стояли рядом.

Прокурор, пытаясь скрыть страх и волнение, ответил:

— Нормально, по графику. Через две-три минуты они будут здесь, и последний этап за маэстро. — Но потом не вытерпел, все же выговорил: — Вы нарушили операцию, а если сейчас шухер? Все застрянем на лестнице, да еще ты, Артем, со своей ногой, давай марш в машину и никакой самодеятельности. Нас с Кощеем ждать за рулем.

— Правильно говорит мужик, дуй, Беспалый, в «жигули». Нам зрители и аплодисменты ни к чему, — поддержал его ростовчанин.

Они видели, как от здания отделились фигуры. Сергей и Погос побежали к забору, слышно было, как дружки тяжело дышали. Приблизившись, они как в эстафете передали фонарик Кощею.

— Ну, я пошел, — сказал спокойно ростовчанин и трусцой двинулся к зданию, видимо, для него это было делом обыденным. На бегу у него на шее болтался небольшой кожаный мешочек с инструментом.

Прокурор проводил Сергея с Погосом за забор и сказал, что они могут уезжать и ждать их в старом городе, у районной прокуратуры, где он работал. И опять Сенатор занял свою позицию и взял на прицел дверь, но на этот раз не услышал ни одного шороха, не увидел ни одного всполоха фонарика, Кошей действовал как ас, прокурор хорошо видел, как тот исчез в высоком оконном проеме, до цели тому оставалось три шага.

«Неужели через несколько минут сбудется мое желание и тайна многих влиятельных людей окажется у меня в руках?.. — размышлялся он. Но какой-то жесткий внутренний голос оборвал сладкие мечты, он шептал: — Возьми себя в руки, будь предельно внимателен, собран, осталось всего лишь пять минут...»

Если он раньше не сводил глаз с двери, то теперь то и дело отвлекался на окно, но Кошей пока не появлялся. Когда, по его расчетам, время уже истекло и он подумал, не случилось ли чего с ростовчанином, и жалел, что не снабдил Кошею оружием, тот появился в проеме окна.

«Ура!» — хотелось кричать прокурору, и он уже не сводил с него глаз, боялся, чтобы не упал, не оступился, не загрохотал чем-нибудь.

Это волнение, азарт, нетерпение подвели Сенатора, он не увидел, как бесшумно открылась дверь, которую он долго держал на прицеле, и на бетонном крыльце появился милиционер. Если днем он долго не мог расстегнуть кобуру пистолета и не помешал Коста пристрелить прокурора Азларханова, то сейчас он держал оружие в руках и был полон решимости исправить свою растерянность, нерасторопность, в таком случае он получал шанс дослужить до пенсии в милиции. Он действительно дремал, когда выключили свет, но темноту он воспринял совсем иначе, не по логике прокурора-налетчика, сразу достал пистолет, он всю ночь ожидал нападения. Странный дипломат, из-за которого на его глазах убили человека, не давал ему покоя, и, услышав невнятные шорохи на втором этаже, он понял, что делать, и так же потихоньку, как и налетчик, пробрался к двери, чтобы встретить его с добычей.

Как только Кощей с дипломатом в руках появился во дворе, с крыльца раздался окрик:

— Стоять не двигаясь, иначе пристрелю!

Милиционер преодолел две ступеньки низкого крыльца и, держа пистолет навывтяжку, двинулся к ночному грабителю. И в этот момент Кощей услышал, как впереди, у забора, грохнул выстрел, он даже увидел вспышку огня, а сзади, вскрикнув, упал охранник. От неожиданности происшедшего взломщик не сдвинулся с места, хотя видел, как навстречу бежал человек, страховавший его.

— Ну, ты молодец, шмаляешь что надо! — сказал он шепотом, протягивая кейс, а человек по кличке Сенатор вдруг поднял пистолет и выстрелил еще раз — пуля, навывлет пробив голову Кощей, впилась в росший у крыльца дуб.

Прокурор, вырвав дипломат из рук Кощей, подбежал к охраннику и перевернул его на спину, чтобы забрать пистолет, и в этот момент тот прошептал удивленно:

— Сухроб Ахмедович?! — Милиционер хорошо знал всех прокуроров города.

Сенатору ничего не оставалось, как выстрелить еще раз, теперь уже в упор, как Коста днем.

Заткнув за пояс второй пистолет, прокурор побежал к забору, одолев шаткую нейлоновую стремянку, сдернул ее обратно, пригодится еще не раз. К машине он бежал не таясь, знал, что пистолетные выстрелы уже взяты на учет. Беспальный, конечно, догадывался, что происходит на территории прокуратуры, поэтому развернул машину, подогнал ее ближе и не выключал мотор.

Едва прокурор ввалился в салон, он только спросил:

— А Кощей?

Сенатор, хватая ртом воздух, кинул ему на колени окровавленный пистолет, и Артем понял, что означали три выстрела во дворе. Да и жест «оминь», который сделал сообщник, не оставлял никаких сомнений, и машина рванула с места. Беспальный оценил и тактическую мудрость шефа, отправившего Погоса с места еще пятнадцать минут назад, прорываться сейчас двум машинам было бы рискованно. На перекрестке он чуть замедлил, раздумывая, в какую сторону податься, как прокурор потянул руль вправо и приказал:

— К старому ТашМИ, дурак, сразу выскакивай на обводную дорогу, центр уже перекрыт, у нас эта система блокировки отработана лучше всего.

Едва машина выскочила на обводную дорогу, Сенатор попросил:

— Сбрось скорость, не гони. И останови где-нибудь у арыка, хочу вымыть руки. — И вдруг неожиданно рассмеялся: — Смотри, Артем, оказывается, я до сих пор не выпускаю кейс из рук. — И он перекинул его небрежно на заднее сиденье и после паузы сказал радостно: — И все-таки операцию мы выполнили!

— А Кощей? — грустно спросил Беспалый.

— Побед без потерь, дорогой Артем, не бывает,— философски изрек прокурор. — А доля его святая, я готов и из нашей половины отступить, если друзья его потребуют,— закончил он, тем самым закрыв тему.

А Кощей своей смертью отвечал на более важные, на взгляд прокурора, вопросы: почему и кто выкрал дипломат из Прокуратуры республики?

Утром, даже без обратного авиабилета в кармане, опытный следователь по татуировкам написал бы биографию Кощей, а через час по картотеке установил подлинную его фамилию.

По долгу службы он знал, что в прокуратуре находятся несколько дел по жестоким разбойным нападениям бандитских групп именно из Ростова, они трясли в жарком краю подпольных миллионеров, не брезгуя никакими средствами. И налет выглядел вполне оправданным, да и почерк совпадал, те и другие отличались особой дерзостью, не останавливались ни перед чем. Тем более, если в течение дня следователь выяснит, отбывал ли взломщик по кличке Кощей когда-нибудь тюремный срок с ташкентскими, ответ только упрочит версию, высчитанную коварным Сенатором и подкинутую им сыщикам родной прокуратуры. И розыск преступников, минуя Ташкент, уйдет за пределы республики, а затем тихо-тихо заглохнет, на что и рассчитывал прокурор, хорошо знавший методы работы правоохранительных органов.

Увидев широкий и полноводный арык, Парсегян остановил машину и вышел вместе с Сенатором, ему тоже следовало отмыть ручку пистолета от крови. Прокурор тщательно, с мылом, вымыл руки, лицо, оттер с рубашки кровавый мазок от пистолета охранника, причесался. Закончив туалет, он сказал:

— А пушку дарю тебе, ты давно искал оружие.

— Спасибо, надежная вещь,— поблагодарил Артем, он знал цену подарка.

— Ну, теперь давай гони, небось нервничают ребята, пора и по домам, скоро им на работу.

Когда подъехали к прокуратуре в старом городе, угнанная Сергеем машина уже стояла там, и парни действительно нервничали. Увидев, как из машины вышел Сенатор с дипломатом, они сразу повеселели, значит, операция удалась, о Кощее они как-то сразу и не вспомнили.

Миршаб, приехавший на тех же угнанных «жигулях», дожидался шефа в его кабинете, туда и ввалились они разом. Хозяин кабинета широким жестом метнул тяжелый дипломат на длинный полированный стол для совещаний, вплотную примыкавший к его старинному, двухтумбовому.

Прежде чем вскрыть кейс, он достал из недр своего стола начатую бутылку коньяка, налил себе на дно бокала, а остатки пустил по кругу, оставшееся пили прямо из горла, так велико было нетерпение, напряжение читалось на лицах. Прокурор жестом потребовал нож, и Артем, достав кнопочную финку, срезал шнуры с сургучной печатью прокуратуры. Сенатор попытался улыбнуться и громко сказал:

— Раз, два, три! — И распахнул дипломат.

Сообщники невольно столкнулись лбами, дружно склонившись над кейсом. И вздох разочарования вырвался разом.

— Кощей схватил, видимо, не тот дипломат, — сказал Артем и грязно выругался.

Акрамходжаев молча сидел, обхватив голову руками, большего отчаяния не удалось бы сыграть и Смоктуновскому. Салим, как всегда, проявлял выдержку. Погос готов был заплакать.

— У меня столько долгов, я должен оплатить круиз, а завтра мне еще обещали включить счетчик за карточный проигрыш. — Его положению завидовать не приходилось, каждый из присутствовавших здесь знал, что такое включенный счетчик, он снится только в кошмарных снах.

— Наверное, там был еще один дипломат, сейф-то большой, наполный, а я его не предупредил, Кощей не виноват, он свое сделал, да будет земля ему пухом, — прервал свое театральное молчание прокурор, потом, словно спохватившись, добавил: — Друзья, я виноват, я и беру ответственность на себя. Салим, открой мой сейф. — И, подойдя к Погосу, обнял за плечи. — Не горюй, парень, твоя беда поправима, отдашь долги, не такие мы люди, чтобы бросать своих в беде.

Подойдя к распахнутому сейфу, прокурор достал три банковские упаковки сторублевок — десять тысяч в каждой и бросил их на стол со словами:

— Вот ваша доля, ребята, вы свое дело сделали.

Вмиг повеселели лица у сообщников, а Беспалый обратился к помощнику:

— Салим, нет ли еще бутылки, обмыть щедрый жест шефа?

Тот молча кивнул головой и скрылся у себя в кабинете. Через минуту он вернулся с двумя бутылками коньяка.

— Обидно, Наргиз осталась без подарка,— пожалел Артем, разливая «Варцихи».

Прокурор небрежно захлопнул дипломат и с усмешкой, обращаясь к помощнику, сказал:

— А теперь, Салим, ты должен изучить документы и найти покупателей, но меньше чем за пятьдесят кусков не отдавай, иначе мы действительно погорим на тридцать тысяч. — И кейс снова исчез в сейфе.

Выпив, все заторопились домой, они спешили отдохнуть пару часов перед работой, а для прокурора с помощником дела еще не начинались. Как только сообщники уехали, они закрыли прокуратуру и кинулись снова к сейфу.

— Дешево отделались, я думал, выйдет гораздо дороже,— сказал Салим, доставая кейс обратно.

«Если бы ты знал, чем я заплатил за тайны этого дипломата!» — подумал прокурор, но даже однокашнику, старому другу, не стал говорить о двух убийствах, которые он совершил всего лишь час назад.

Прокурор сел за свой стол, а помощник, положив перед ним дипломат, намеревался примоститься рядом, как тот неожиданно проговорил:

— Дипломат мы должны вернуть хозяевам утром. — И, взглянув на часы, продолжил: — Но владеть им мы будем еще целых четыре часа, так что ты не особенно расслаживайся...

— Отдать кейс? Зачем же мы рисковали? — растерянно спросил помощник, сегодняшнюю ночь он впервые так часто не понимал своего шефа.

— Не отдать мы не имеем права, из нас просто вытрясут души, сейчас они как раз над этим думают. Помнишь, в начале второй части операции я сказал, что отступать не могу, нас не поймут и не простят, сейчас снова такая же ситуация. Люди, которым принадлежит кейс, так сильны, что нам с тобой и представить трудно, и для них наша с тобой жизнь — тьфу...

— Догадываюсь, я видел, Коста даже сломанный ведет себя как посланник Аллаха на земле.

— Ну, хорошо, что наконец-то понял, с кем мы имеем дело, теперь слушай меня дальше. Мы вернем дипломат, отдадим Коста некоему Артуру Александровичу, по кличке Японец, потому что приперты к стене, но тайной дипломата владеть будем.

— Как же будем, если ты собираешься его отдать? — опять ничего не понимая, спросил Миршаб. Хозяин кабинета терпеливо улыбнулся непонятливости помощника.

— Сейчас ты пойдешь к японскому ксероксу в подвале и будешь снимать копии со всех документов, что я тебе дам. А я прослушаю выборочно вот эти четыре кассеты, — он достал их из кейса, — и на скоростной записи перепишу их. Затем мы снова вложим документы и кассеты в дипломат, опечатаем и вернем хозяевам, которые мечтают сейчас, не зная, что предпринять, хотя догадываются, что я как-то причастен к смерти прокурора Азларханова.

Пройдет время, забудется эта история, тот, кто чуть не допустил утечку информации, не станет предупреждать влиятельных людей, замешанных в деле, не в его интересах, тем более если документы вернулись к нему. А мы с тобой будем использовать материал по своему усмотрению, но теперь уже находясь внутри той влиятельной компании.

— Значит, Коста и дипломат — наш вступительный взнос в тайный «масонский» орден, по существу правящий в крае?

— Наконец-то начал снова читать мои ходы наперед, — похвалил он товарища. — Выходит так, но боюсь, что наши партбаи обидятся за сравнение с масонами, но бог с ними. В руках у нас теперь тайна многих из них, и, умело распоряжаясь ею, где кнутом, где лаской, мы добьемся того, о чем я всегда мечтал, — власти... А теперь, дорогой Салим, прервем сладкие мечты — и за дело. Пожалуйста, принеси из своего кабинета двухкассетный «Шарп», что конфисковали на прошлой неделе, а сам иди в подвал, готовь ксерокс. Минут через десять я передам тебе первые документы.

Он достал бумаги, лежавшие наверху, они оказались расписками и странными ведомостями на зарплату, аккуратно вырезанными из бухгалтерских отчетов. Мельком пробежав страницу за страницей, Сенатор от удивления присвистнул, весьма любопытные фамилии фигурировали в ведомостях, особенно в стопке расписок, видимо, до сих пор тщательно оберегаемых от постороннего глаза.

— Неплохо для начала,— сказал он возбужденно помощнику, вносившему магнитофон в комнату, и показал ему на десятки аккуратно сколотых расписок в получении крупных сумм от некоего Шубарина с инициалами А. А. И тут до него дошло, что Артур Александрович, на немедленной встрече с которым настаивал Коста, и есть Шубарин, по кличке Японец. Фамилия поставила все сразу на место, он уже слышал об этом миллионере, одном из хозяев теневой экономики края, по его душу прикатила в прошлом году ростовская банда, вдруг бесследно пропавшая, хотя приезд ее в Ташкент работники угрозыска по своим источникам-осведомителям зафиксировали в отчетах, знали, сколько их, кто они, ведали и о цели, вот тогда мелькнула фамилия — Шубарин...

Салим, видя необычайное возбуждение шефа, взял стопку расписок, стал машинально листать их и вдруг радостно воскликнул:

— Попался, голубчик, наконец-то!

Прокурор отвлекся от очередной бумаги и спросил с любопытством:

— Кого ты там выловил?

— Тестя нашего обэхаэсника, капитана Кудратова.

— Я же тебе говорил сегодня, что доберемся и до него, просто не ожидал, что и он затесался в эту колоду, валет пиковый... — Прокурор неожиданно для Миршаба выругался, потом, включив магнитофон, добавил: — А там людей повыше тестя Кудратова полно, на такую удачу я и рассчитывал, теперь понимаешь, почему Коста так икру метал, грозил всеми смертными карами, если мы не добудем и не вернем дипломат.

Акрамходжаев подкинул помощнику еще стопку бумаг, которые успел наспех проглядеть, все они безусловно представляли интерес, и Салим с первой партией документов отправился в подвал к множительной установке.

— На всякий случай по три экземпляра, — крикнул прокурор вслед однокашнику.

Слушать записи, даже выборочно, он не стал, неожиданно почувствовал, что у него гораздо меньше времени, чем предполагал, содержимое дипломата уже с первого взгляда представляло огромный интерес и, конечно, требовало более внимательного прочтения, анализа, выборки. А в кассетах, наверняка, комментарии к документам или тайны, не подтвержденные документами, могла быть там и срочная информация, но, как бы там ни было, переписать следовало, и он,

сняв звук, включил скоростную запись. На четыре кассеты по инструкции «Шарпа» требовалось восемьдесят шесть минут. Значит, подумал Сенатор, у меня в запасе всего лишь полтора часа, за это время я должен бегло ознакомиться с бумагами в кейсе, а Салим успеть снять с них копии, как только запишется последняя кассета, следует позвонить по телефону, который вручил Коста несколько часов назад.

Сенатор почему-то ощущал смутную тревогу и понимал, что владельцев кейса необходимо успокоить как можно раньше, чтобы они не наломали дров. Прокурор вновь углубился в документы, попадались такие, которые тут же хотелось пустить в дело, но понимал, нельзя, приходилось себя сдерживать; он чувствовал, что обзавелся сверхъядерным оружием, оттого так радовался: тихо повизгивал, похохатывал, притоптывал ногами в восторге...

Салима за ксероксом мучил один вопрос: почему шеф назвал теста капитана Кудратова, высокопоставленного партийного аппаратчика, — валетом, да еще пиковым, неужели он еще тайно и в карты катает? Поэтому, вернувшись в кабинет за очередной порцией бумаг, не выдержал и спросил:

— А что, тесть Кудратова действительно катает в карты по-крупному?

— С чего ты взял, что Ачил Садыкович играет в карты, нашел в бумагах его долги? — засмеялся прокурор, видимо, представил того за карточным столом или что Коста включает партийному боссу счетчик.

Теперь настал черед удивляться помощнику.

— Ты же сам сказал — валет пиковый, а потом еще выругался.

— Было дело,— вспомнил Сенатор,— я действительно сказал про него валет пиковый, ты что, до сих пор не слышал это выражение? Оно, кстати, родилось в стенах нашей республиканской Прокуратуры для новейшей классификации преступников, так сказать, особой его касты — валет пиковый — и все становится на свои места. — И шеф пояснил: — Ты, наверное, и сам обратил внимание по нашим делам, если мы раньше имели дело с карманниками, домушниками, угонщиками автомобилей, скупщиками краденого, с фарцовщиками, валютчиками, артельщиками, то вдруг обнаружилась мощная прослойка, не относящаяся ни к одной из ранее известных категорий преступников, — костяк ее составляют партийные и советские руководители, да таких рангов, что людей из правоохранительных органов оторопь берет, когда они натываются на такой айсберг, не знают, куда идти жаловаться и с кем со-

гласовать его арест, случается, что нужно получить добро на санкцию у того, на кого вышел. И наши коллеги из Прокуратуры республики придумали для этой категории лиц шифр — валет пиковый,— и всем сразу становится ясно, какой тип всплыл в деле.

— А я думал, он и в самом деле катает в карты, представляешь, приходишь в какой-нибудь привилегированный катран-салон, а там сидит Ачил Садыкович и химичит особой полиграфией картами. — И оба рассмеялись.

Миршаб забрал очередную пачку документов и вернулся к ксероксу, по тому, как шеф торопился записать кассеты, он понял, что надо спешить. Но валет пиковый почему-то не шел из головы, нет, он вполне разделял сметку и находчивость коллег из Прокуратуры республики, шифр в десятку, точнее не скажешь. А куда отнести нас с шефом? К королям, тузам пиковым? Куда ни глянь, с отчаянием подумал он, кругом масть пиковая, масть черная. Как говорят русские: вор на воре сидит и вором погоняет. Катимся к какому-то взрыву, обреченно думал рассудительный Хашимов. Он и не надеялся уцелеть от очередного гнева народного, оттого и держал в тайне от шефа в домашнем сейфе пистолет, и жил, пока веревочка вислась, но что-то неясное уже дышало в затылок, мучило в страшных снах, оттого и столь щедрый подарок — дом для Наргиз, хотелось хоть в чьей-то памяти остаться внимательным, добрым, щедрым... «Гуляй, Вася, одна живем!» — как кричал на днях у пивной пьяный мужик.

«Масть пиковая, масть черная»,— повторял он вслух, работая с ксероксом, и подумал внезапно, какое точное название для романа о жизни жуликоватых поводырей, дорвавшихся до власти. И снимал он не три копии, как просил шеф, а четыре. Одну лично для себя, на всякий случай, а вдруг разойдутся пути-дороги с Сухробом?

А прокурор тем временем просмотрел еще пачку документов, какую бумагу ни возьми, имела вес, таила в себе тайну, требовала внимательного прочтения, можно было безошибочно размножать все подряд, так он и решил поступить.

На самом дне дипломата обнаружил два больших плотных конверта, они лежали как бы отдельно, и он с новым приливом волнения достал их. Может, в них главная тайна?

С первых же страниц хорошо отпечатанного текста понял, что бумаги эти не имели ничего общего с тем, что он отложил для размножения. Чем больше вчитывался, тем яснее понимал, что это научные рассуждения прокурора Азларханова о нашем праве, о государствен-

ном устройстве, юстиции, судопроизводстве, прокуратуре, о законах, которые он предлагал незамедлительно принять. Не зря его называли Теоретик, Реформатор, подумал одобрительно он об убитом коллеге. И вдруг его осенило: так это же готовая докторская диссертация! От радости он встал и заходил по комнате.

Конечно, научный трактат теперь Азларханову ни к чему, рассуждал прокурор, а мне кстати, если я намерен штурмовать новые рубежи. Доктор юридических наук Акрамходжаев — вполне впечатляет, и к этому титулу вполне подойдет самая высокая должность. Прав Коста, дипломат действительно не имел цены, выходит, он отбил у прокурора свою научную работу.

«Это не для размножения», — решил Сенатор и спрятал оба толстых конверта в стол, подумал, что он и Владыке Ночи об этом не скажет, пусть думает, что шеф такой умный и скромный, втайне докторскую подготовил. Был у него на примете человек, клепавший за солидные деньги докторские, он собирался как-нибудь сделать ему заказ, выходит, хорошо, что не поспешил. Теперь можно было зайти к нему, передать бумаги и откровенно сказать, вот, мол, работал долгие годы, помоги оформить, довести до кондиции, не привнося ничего со стороны, только опираясь на мои труды. За деньги, разумеется, просьба выглядела бы достойной, скромно и со вкусом — прокурор порадовался за себя.

Уже заканчивалась третья кассета, и, чтобы ускорить работу, он сам отнес в подвал остальные бумаги.

— Через полчаса я перепису монолог бывшего коллеги Азларханова, за это время, я вижу, и ты управишься, умная машина все-таки ксерокс. Мне кажется, мы должны вернуть кейс хозяевам до начала работы, поменьше любопытных глаз будет. Не исключено, что с самого утра поднимут всех нас по тревоге, два трупа во дворе Прокуратуры и взломанный сейф у начальника следственной части, такого я что-то не припоминаю в своей практике.

— Наверняка сегодня объявят еще об одном ЧП, национальном, так сказать, о смерти Рашидова, это тоже коснется нас, — добавил Салим.

— Давай заканчивать, а я пойду наводить контакты с Артуром Александровичем. Интереснейший человек, хотя невольно, даже заочно внушает страх. — И прокурор поспешил к себе, нужно было записать последнюю кассету.

Заправив «Шарп», Сенатор достал записную книжку и открыл страницу с записью Коста. Он уже собрался позвонить, как вдруг по-

думал, а что если они нагрянут раньше, чем будет вновь опечатан дипломат, ответов в таком случае он не находил, весь риск, да и сама жизнь шли насмарку. Тут спешить следовало осторожно. В одной бутылке, что принес помощник по просьбе Беспалого, на дне осталось еще граммов сто пятьдесят коньяка, и ему неожиданно захотелось выпить, сдерживать себя он не стал. Нервы были на пределе, а еще предстояла встреча с Шубариным, от того, как она пройдет, в дальнейшем зависело многое. Рассуждая о предстоящей встрече с хозяином дипломата, прокурор и не заметил, как в комнате появился Миршаб.

— У меня все готово,— сказал он и бросил на стол три пачки копий документов.

Акрамходжаев хотел вначале положить их в сейф, но тотчас передумал, попросил помощника спрятать бумаги у себя в кабинете, а сам принялся укладывать подлинники в кейс, тут же «Шарп» выдал последнюю кассету.

Как только они опечатали кейс и спрятали в сейф, шеф взялся за телефон, а помощник пошел в чайхану принести пару чайников чая, а если удастся, и горячих лепешек. Прокурор набрал номер телефона в центре города, несмотря на ранний час, трубку тотчас подняли, словно дежурили. Ответил женский голос.

— Мне, пожалуйста, Артура Александровича,— спросил он как можно спокойнее, беспечнее.

— Одну секунду, кто его спрашивает?

— Прокурор Акрамходжаев. — Таиться не имело смысла, они о нем, наверное, уже немало знали.

— Наконец-то,— радостно вырвалось у нее, потом, спохватившись, она сказала: — Не могли бы вы назвать номер своего телефона, он непременно позвонит вам в течение десяти минут.

Он продиктовал свои координаты. Любопытство брало верх, захотелось ему проверить систему работы Шубарина, и он набрал другой номер абонента на Чилназаре.

Ответили тотчас, правда, говорил мужчина, сдержанно, корректно и почти слово в слово, только спросил, куда позвонить: на работу или домой, телефонами они уже располагали.

Как только появился Миршаб, прокурор сказал:

— Я уже позвонил, они начеку и наверняка скоро будут.

Помощник поставил поднос с чайниками, горячими лепешками и большой пиалой густой домашней сметаны на стол и, как обычно, спокойно обрадовал:

— Мне кажется, они уже здесь, я видел, по крайней мере, три машины, они пронесли мимо прокуратуры туда и обратно.

— Не было ли среди них белых «жигулей» шестой модели ТНС 85-04? — выстрелил вопросом Акрамходжаев.

— Была, эта-то мне и попалась дважды.

— Они, — сказал прокурор, и в этот момент зазвонил телефон.

Сухроб Ахмедович поднял трубку, настраиваясь на разговор, уселся поудобнее. «Я буду у вас через пять минут» — только и сказал спокойный мужской голос и оборвал разговор.

— Он будет здесь через пять минут, — сказал растерянно прокурор помощнику, хотя тот и сам все слышал, он по привычке держал трубку на отлете. Сенатор сразу отметил, как трудно будет с таким человеком, как Шубарин, захватить инициативу разговора, начало уже было за ним, он диктовал ход событий.

— Не дал и чаю попить, — сказал спокойно Владыка Ночи, — у него, видимо, в машине японская телефонная установка на сто номеров или как минимум связь через систему «Алтай», на которую тоже не всякий имеет выход. Хорошо, собаки, работают! — закончил он восхищенно.

— Помнишь, как не раз в прокуратуре, МВД поднимали вопрос о том, что преступники технически оснащены лучше нас...

— У начальства, да и в ЦК ответ один: начитались зарубежных детективов, теперь, правда, еще и на видеофильмы ссылаются.

— Откуда же им знать про преступность: живут в спецдомах, определенных районах, милиция там дежурит днем и ночью и уголовники обходят эти кварталы стороной, бомбят квартиры рядовых граждан. И карманников, и хулиганов они почувствовали бы сразу, если хотя бы иногда пользовались общественным транспортом, — завелся сразу прокурор, горазд он был на праведные речи.

Салим вспомнил про надгробный памятник Никите Сергеевичу Хрущеву на Новодевичьем кладбище работы известного скульптора Эрнста Неизвестного, ныне живущего в Америке, тот состоял из двух половинок белого и черного мрамора, так и его друг, не ожидаешь, когда и какой половиной души живет, сейчас, понятно, говорила светлая сторона.

«Попить чаю мы теперь не успеем, разве только с гостем, но до чая там скорее всего не дойдет», — вяло рассуждал Сенатор, поглядывая на румяную лепешку, как вдруг распахнулась дверь и в комнату вошел человек.

— Здравствуйте,— сказал он с порога и, подойдя к столу, протянул руку. — Шубарин Артур Александрович.

Назвались и хозяева кабинета. Впрочем, вошедший безошибочно определил сразу, кто есть кто, видимо, описали их подробно и профессионально.

Сенатор пытался вспомнить, где видел этого собранного волевого человека, в котором чувствовались одновременно интеллект и сила, качества столь редкие, как и подобное словосочетание. На собраниях партийного актива в ЦК? Хотя вряд ли. Если откровенно, такой тип людей ему не встречался вообще, а первоначальная ложность восприятия от того, что он при виде вошедшего спутал реальность жизни с кино. Да, да, он видел его, видел в разных лицах в десятках полицейских фильмов, что собирал специально в своей фильмотеке. Наверное, прокурор не удивился бы, заговори Шубарин по-английски.

Конечно, что-то неуловимо выдавало принадлежность его к партийной элите, номенклатуре, к касте, в которой находился и сам прокурор, имел он этот штамп, пусть не ясно выраженный, истершийся, но имел, наверное, того требовала жизнь, само его существование, но в остальном, в манерах, экипировке, внешности и даже походке человек был иного круга, для которого и классификации нет, ибо нет людей, а есть редко встречающиеся экземпляры с невероятно выраженным чувством достоинства, проявляющегося во всем,— вот такой человек и сидел перед ним.

— Извините за столь ранний визит, прокурор,— начал гость сразу без восточных эквивалентов, хотя, вероятнее всего, знал и традиции, и ритуал,— но обстоятельства, к которым вы, видимо, случайно оказались сопричастны, требуют того, чтобы вы прояснили кое-что, а в лучшем случае помогли. — Шубарин говорил ясно, ничуть не смущаясь кабинета, где он находился и где его могли записывать, зная о визите. Видимо, хорошо ведал, к кому обращается, или настолько был уверен в своей силе и власти людей, стоящих за ним, что ранг прокурора не производил на него впечатления.

Наверное, внезапный гость, как и сам Сенатор, в эту ночь не сомкнул глаз, но по его внешнему виду этого не скажешь, хотя они были, кажется, ровесниками. Человек, сидевший перед прокурором, несомненно обладал большой энергией, волей и терпением, лишь слабая, едва обозначенная ниточка морщинок под глазами говорила о бессонных часах, да и сами глаза порою выдавали огромную

напряженную работу, которую он сосредоточил на себе. Он походил на пружину, готовую разжаться с огромной силой, с таким партнером всегда следовало держаться начеку.

Безукоризненно выглаженная бледно-голубая рубашка, однотонный на американский манер галстук, со скромным, но многозначущим парижским оттиском «Карден» на нижнем поле. Светло-серого цвета костюм с едва заметной голубой полоской известной английской фирмы «Дормей» и туфли «Рейнбергер», мягкие, на низких каблуках, вишневого цвета в тон галстука — все говорило Сенатору, что они отовариваются из одних и тех же источников, да и там это все не каждому дают, прокурор знал расклад, потому что торговая база «Узбекбрюляшу», куда поступает дефицит из дефицита, и зачастую по прямым договорам, находилась на его территории.

Черт возьми, он выглядит и держится так, словно пришел на важный ужин, а хозяин дома — его крупный должник, позавидовал Сухроб Ахмедович и выдержке гостя, и его умению подать себя.

Медлить дальше было нельзя, молчание становилось неприличным, следовало отвечать, и отвечать напрямую, любые уловки только запутали бы его самого и подорвали к нему доверие, которого он желал добиться, тем более сегодня Шубарин встретится с Коста, а тот доложит все как есть, но не хотелось сразу выкладывать все карты...

— Так получилось, что я случайно оказался свидетелем, как молодой человек по имени Коста не сумел отобрать дипломат у бывшего прокурора Азларханова и сам попал в руки милиции. Я догадался, что документы в кейсе представляют интерес или денежный, или политический, а скорее всего и то, и другое, иначе какой был смысл так рисковать собой и тем более убивать человека из органов правосудия, возмездие тут последует однозначное и шансов на помилование никаких. Чисто абстрактно я подумал, вот если бы завладеть мне тайной дипломата, но это виделось нереальным. Мне понравился Коста, его отчаянность, чувство долга и преданность своим хозяевам, и в какой-то момент у меня мелькнула мысль, что смог бы спасти его, это казалось мне по силам.

Сухроб Ахмедович нервничал и попросил жестом помощника налить чай.

— Я не понимаю мотивов вашего поступка, — направил разговор в нужное русло Шубарин, — вы вполне преуспевающий прокурор, профессионально ценитесь высоко, не бедны... Есть шанс сделать

карьеру. Зачем вам симпатизировать профессиональному преступнику и тем более желать спасти его от справедливого наказания?!

«Кто из нас прокурор? — подумал, ощущая дискомфорт, Сенатор и понял, в каких жестких руках он оказался, тут, как Коста, следовало служить до последнего вздоха, других, видимо, близко не подпускали.

— Спасибо, лестно слышать аттестацию из уст такого человека, как вы, Артур Александрович. Но вы ошиблись в одном, главном, не имел я шансов по-настоящему сделать карьеру, не смог найти ходов ни к Верховному, ни к его приближенным. Людей, недовольных своим положением, — тьма, я один из них...

— Что ж, спасибо за откровенность, и вы решили заполучить Коста, чтобы добиться расположения его хозяев?

— Если честно, то да. Но, видимо, следует учесть, что вчера я спас и ваших ребят из белых «жигулей», по городу уже была объявлена облава на эту машину, и они вряд ли об этом предполагали, не рассчитали возможностей полковника Джураева.

— Мы оценили ваш жест и ожидали, что вы вступите с нами в контакт.

— С кем? — искренне удивился хозяин кабинета. — С ветром в поле? Машина вполне могла быть угнанной или с фальшивым номером.

— Логично, вполне. Но в конце концов вы вышли на нас, и у вас, к нашему изумлению, оба номера телефонов, которыми пользуются в экстренных случаях, откуда при вашем полном неведении эти данные?

«Не знает, что Коста у меня?» — удивился еще раз прокурор, а вслух сказал:

— Коста дал мне эти номера.

— Значит, Коста у вас? — от неожиданности Шубарин привстал.

— Да, я же сказал: почувствовал, что выкрасть его мне по силам, и сделал это.

— А мы решили, что поздно вечером его все-таки забрали в тюрьму, и каялись, что опоздали всего лишь на час, поверили медсестре, чисто сработали. — И после паузы, наблюдая, как прокурор наслаждается произведенным эффектом, добавил: — В вашей расторопности есть резон, я имею в виду утренний звонок, опоздай вы с ним еще на полчаса, я не знаю, чем бы закончился инцидент, мои ребята уже около часа крутятся возле прокуратуры. Теперь для меня многое прояснилось, и я, с вашего позволения, дам отбой, ведь там, на улице,

не знают, как идут здесь дела, и не дай бог у кого-нибудь сдадут нервы и ворвутся в окно с автоматом.

— Вы всерьез? — позволил себе улыбнуться прокурор.

— Вполне, в окно за вашей спиной, это по плану. — И, не дожидаясь ответа хозяина кабинета, негромко сказал: — Ашот!

И тотчас в комнату вошел угрюмого вида мощный парень, он наверняка стоял в тамбуре двери. Спортивная куртка на узкой талии выпирала. Сенатор сразу понял, что это пистолет.

— Ашот, а ты единственный оказался прав, прокурор Акрамходжаев не такой уж плохой человек, как уверяли меня многие, и против нас он не таил зла, наоборот, он спас Коста.

Что-то наподобие радости, ликования мелькнуло на секунду на угрюмом лице, но Ашот успел унять свой восторг.

— Пожалуйста, дай отбой и отправь ребят домой, а мне занеси дипломат, что заготовили с вечера.

Ашот вернулся быстро, и они продолжили разговор.

— Вы сказали, что Коста дал вам телефон, наверное, он настаивал на немедленной встрече со мной? — спросил Шубарин, буравя глазами прокурора, и в них не читалось ни симпатии, ни признательности, ни жалости, и все это походило скорее на допрос, чем на разговор равных, особенно теперь, в присутствии Ашота, расстегнувшего куртку. И только сейчас Сухроб Ахмедович понял, что он подписал бы себе смертный приговор, не выкради он кейса или вовремя не поставь Шубарина в известность о том, где он хранится — тут пощады не знали, не стали бы колебаться, как Беспалый перед Прокуратурой.

И все-таки отвечать даже на самые неприятные и жесткие вопросы хорошо, когда знаешь, что ответы устроят экзаменатора. И поэтому он отогнал неожиданно навалившийся страх и ответил спокойно, взвешивая слова:

— Да, Коста настаивал на встрече с вами, угрожал. Но время было позднее, и вам без моего участия все равно ничего сделать бы не удалось, даже взорви вы Прокуратуру, как он предлагал. Мой звонок означал бы лишь предложение на сотрудничество, а точнее, единоразовый контакт, а не сотрудничество на равных. Другое дело — добудь дипломат я сам, это давало мне право на определенное место среди вас, на достойное отношение ко мне, я бы не хотел особого диктата над собой, этим я сыт по горло.

Сенатор видел, как Шубарин весь напрягся от волнения и с трудом сдерживал себя от желания задать вопросы, так и просившиеся на язык.

— Я, как и вы, располагаю определенной силой и решил все-таки добыть дипломат сам, хотя вначале и считал это для себя неприемлемым. Коста убедил меня, что в кейсе находятся бумаги чрезвычайной важности и они касаются даже тех, кто завтра может занять место Шарафа Рашидовича, и я подумал, что не имею морального права подводить таких людей, вносить сумбур в сложившуюся кадровую политику. Кроме этого, он открыто сказал, что мне не простят малодушия, остановки на полпути.

— Дипломат у вас? — не сдержался гость, наверное, впервые в жизни, по крайней мере во взрослой ее части.

— Да, кейс у меня, в надежности и сохранности,— ответил как можно беспечнее Акрамходжаев и увидел, как на глазах меняется Шубарин, словно на фотонегативе проявляется на нем усталость долгого дня и долгой ночи. «Как много сил, воли надо иметь, чтобы так держать себя в руках»,— восхищенно подумал Сенатор и откинулся на спинку кресла, внутренне торжествуя, наконец-то он сломал Шубарина.

Ранний гость сидел некоторое время молча, слегка ослабив узел своего карденовского галстука, потом поднял голову, и Сенатор вновь увидел прежнего Шубарина, минутный шок прошел, он снова взял себя в руки и в прежнем духе спросил:

— Где дипломат? — Вопрос не сулил ничего хорошего в случае отказа или промедления. Прокурор это понял сразу, почувствовал, как напряжился за его спиной парень по имени Ашот.

Но прокурор ни тянуть, ни отказывать не собирался, поэтому сказал помощнику.

— Салим Хасанович, пожалуйста, откройте сейф.

Звякнули ключи, появился из стальных недр невзрачный дипломат венгерского производства, и прокурор чуть привстал с места и толкнул его по полированной поверхности длинного стола для совещаний, кейс благополучно застыл перед Артуром Александровичем.

Шубарин положил на него руку, словно раздумывая о чем-то, и потом вдруг не то спросил, не то сказал:

— Сегодня ночью во дворе Прокуратуры прозвучало три пушечных выстрела, это из утренней сводки МВД.

— И нашли два трупа,— закончил прокурор. — Такова цена дипломата, мы потеряли там хорошего залетного человека.

Хозяин кейса кивком головы попросил Ашота вскрыть дипломат, и тот, как совсем недавно Беспалый, тоже вынул кнопочную

финку и срезал шнуры с сургучной печатью. Шубарин слегка приподнял крышку, достал верхнюю стопку бумаг, знакомые прокурору расписки на крупные суммы, тут же вернул их на место и сказал:

— Наш дипломат.

Ашот без всякой команды подал Шубарину другой, более изящный, с цифровым кодом, лакированный, бычьей кожи атташе-кейс.

— Буду откровенен, как и Коста, документы в дипломате представляют особую ценность, одним они могут сломать карьеру, другим жизнь, а большинству сулят неприятности и потерю доходов. Поэтому вы без обиняков должны назвать сумму, я не буду торговаться, ваш риск того стоит. — И он щелкнул замком кода.

— Я отдаю вам дипломат, возвращаю Коста и не настаиваю ни на какой денежной компенсации, вы же сами сказали, что я не беден...

— Отказываетесь от такой суммы? — гость распахнул крышку атташе и развернул его к прокурору, он до краев был заполнен деньгами в банковских упаковках.

— Деньги я могу найти доступными мне средствами,— сказал неопределенно прокурор, не глядя на плотно уложенные пачки купюр, он понимал, прими он вознаграждение, Шубарин и его друзья посчитают себя квитыми, но не на это рассчитывал Сенатор.

Возьми он деньги, не смог бы толком распорядиться и бумагами из кейса, сразу стало бы ясно, откуда ветер дует, понятно, где источник. Японца не проведешь, документы лучше шли бы в ход, если бы он сам принадлежал к масонскому ордену, как выразился насчет шубаринской компании Миршаб.

Настойчивость, с какой прокурор отказался от денег, несколько смутила Артура Александровича, он допускал восточный такт, традиции, где ничего не делается откровенно, в лоб, где и узаконенную взятку не берут как должное, всяких он тут навидался — и дающих, и берущих, но чтобы отказаться от такого вознаграждения, даже не поинтересовавшись, сколько там, для него оказалось внове, и он с интересом посмотрел на прокурора.

«А я всегда думал, что у восточных людей стремление к высоким должностям одно — чем выше сидишь, тем больше берешь. По крайней мере, так вели себя те, с кем я знался до сих пор», — рассуждал Артур Александрович и понимал, что встретил иной тип восточного человека, в чем-то напоминавший его самого. Деньги — серьезная проверка, и он выдержал ее.

— Извините, Сухроб Ахмедович, я неверно понял вас, — сказал вполне искренне Шубарин. — Но мой жизненный принцип — всякая стоящая и ответственная работа должна щедро вознаграждаться. Если деньги для вас в данном случае не являются мерой оплаты, я найду способ отблагодарить вас и думаю, что отныне вы можете рассчитывать на мою помощь и на покровительство моих друзей. Своим поступком вы уже выразили отношение к нам.

Еще раз извините за жест с деньгами, наверное, для вашего искреннего порыва помочь уважаемым людям наше желание откупиться, бросить кость, показалось обидным, оскорбительным, я недооценил вас... В связи со смертью Рашидова у моих друзей есть шанс занять его место и наверняка произойдут крупные кадровые перемещения, и для вас, безусловно, найдется достойное место...

— А кто, на ваш взгляд, заменит Рашидова? — вырвалось у долго молчавшего Миршаба.

— Скорее всего, это будет секретарь Заркентского обкома партии, старый друг Шарафа Рашидовича, но не меньше шансов и у другого человека — Акмаля Арипова, известного аксайского хана, тоже близкого приятеля Рашидова, он двигает на этот пост двух знакомых вам людей, оба они из Ташкента. Вот — кто-нибудь из трех, других претендентов я не принимаю всерьез, но к любому из них у нас есть ходы, не волнуйтесь, на этот раз вы поставили на верную карту. — Гость достал из верхнего кармашка пиджака визитную карточку и протянул ее прокурору, считая разговор оконченным, заключил: — Наверное, мы встретимся с вами завтра на похоронах Хозяина?

— Вы переоценили мои возможности, у меня нет приглашения, и вряд ли кто мне его предложит.

— Ну, это не проблема, Анвар Абидович взял для меня у распорядителя два, и оба без фамилий, заполните их на свое имя с Салимом Хасановичем, пусть для многих не покажется неожиданным ваше повышение. — Он протянул на прощание руку хозяину кабинета и в последний момент спохватился: — Мне хотелось в столь непростой день нашего знакомства сделать вам какой-нибудь памятный подарок, чисто символически, пожалуйста, примите эти часы, они даже там, на Западе, редкие, они будут означать, что вы наш человек. — Шубарин снял с запястья «Ролекс» и передал прокурору, тот не посмел отказаться, жест был столь искренен, дружелюбен, щедр.

Так эти роскошные швейцарские часы «Ролекс» оказались у Сенатора.

*Завтрак в тени бронзового вождя. Парк в стиле «ретро».
Досье на генерала КГБ. Харакири по-самурайски. Коллекционер
подметных писем. Троицкий как кумир. Зеленое знамя ислама.
Хан, обожавший кличку «Гречко». Тайное досье аксайского Креза.
Забытые развлечения римских патрициев. Лифт для черной
«Волги». Королевство кривых зеркал. Двое в шевровых сапогах;
Двойник обладателя двух «Гертруд». Одиссей и Пенелопа.
Плата за убийство — канцелярская папка. Жилет из кевлара.
Двойной агент из Верховного суда. Жуликоватые поводыри.
Табиб, специализирующийся на смерти. Восточный Распутин.*

Поезд несся в ночи, грохоча на стыках плохо уложенных и безнадзорных путей, вагоны то мотало в стороны, то кидало в такие ложбины, что казалось, состав сейчас выскочит из колес или же не впишется в какую-нибудь кривую, но мало кто об этом думал, все привыкли и к качке, и к тряске и, наверняка, считали, что так и должно быть, потому что иного не видали и не представляли, что есть другие железные дороги.

Но Сенатор знал и другие поезда, и другие дороги, однажды он экспрессом Москва — Вена проехал по Австрии, а возвращался домой через Восточный Берлин, тоже на колесах, вот тогда он понял, что такое железная дорога и каким комфортным может оказаться путешествие по ней. Он не сравнивал дороги Австрии и Германии с путями Среднеазиатского отделения Министерства путей сообщения СССР, не располагал таким беспечным настроением для анализа, а толчки и мотания не мог не замечать, потому что его то и дело било то об стенку, то об стол, на столешнице все подпрыгивало, звенело, переезжало из края в край.

Нужно было вздремнуть хотя бы два-три часа, но сон не шел, и при такой неритмичной качке, когда его раз за разом кидало на то-

щую перегородку, вряд ли удастся уснуть, он теперь и со снотворным засыпал трудно и не всегда. Воспоминание о знакомстве с Шубариным подняло настроение, в трудные дни своей жизни он теперь всегда отыскивал Артура Александровича, и полчаса разговора с ним наедине за чашкой ли чая, за рюмкой ли коньяка действовали на него как сеанс опытного гипнотизера, экстрасенса. Удивительное спокойствие, хладнокровие, рассудительность, которыми так ярко обладал Японец, передавались запутавшемуся в делах собеседнику, и Артур Александрович всегда находил выходы из любых ситуаций, пока он ни в чем не подводил его, а со дня смерти Рашидова прошло уже почти три года.

— Три года... — сказал вслух нараспев прокурор, ощущая их такими долгими в своей жизни. Он взял чайник и направился в коридор за чаем, теперь он понял, что спать ему сегодня не придется. Попросив проводника заварить покрепче, он заодно справился о ходе поезда, скорый шел по графику, и ничего пока не вызывало тревоги. Он любил работать по ночам, и помощником в ночных бдениях всегда служил чай. Хозяин вагона постарался и заварил такой, какой требовался, и он вновь провалился памятью в три последних года, показавшиеся ему такими долгими, хотя они были годами взлета, о котором он так страстно мечтал.

Ко времени похорон Рашидова страна уже год жила с Юрием Владимировичем Андроповым, человеком, знавшим истинное положение дел в государстве. Среди многих неблагополучных районов державы его внимание привлекал и Узбекистан. Еще в бытность свою председателем Комитета государственной безопасности он знал, что американцы вели аэрофотосъемку нашей территории и каждый раз с поразительной точностью прогнозировали виды на урожай. В американских, да и в других зарубежных источниках не раз уже появлялись данные о том, что в Узбекистане ежегодно приписывают около миллиона тонн хлопка. В подтверждение слухов в стране как раз вспыхнул постельно-бельевой кризис, и это при сборе в девять миллионов тонн! Наверное, это и послужило последней каплей терпения многолетнего воровства.

Не было в Москве ни одного серьезного ведомства, ни партийного, ни советского, ни одной значительной газеты, куда бы простые дехкане из республики и коммунисты, не променявшие совесть на подачки, не писали открытым текстом об обмане государства, о повальных хищениях вокруг. Уже намечались дела, позже назван-

ные «хлопковыми», появились в республике первые следователи из Москвы, но еще ничто не предвещало ни грома, ни молнии, никто не предполагал ни масштабов миллиардных хищений, ни огромного количества людей, замешанных в них, ни уровня должностных лиц, причастных к казнокрадству.

Прогноз Шубарина оказался верным, Рашидова сменил человек Акмаля Арипова. Аксайский хан на поверку оказался сильнее, чем думал друг Японца. В первую же осень преемник Рашидова тут же написал очередной миллион, на меньшее рука уже не поднималась.

Сенатор, человек расчетливый и осторожный, удивлялся беспечности, царившей вокруг, никто не верил в серьезные перемены, а они должны были грянуть по одной простой причине: страна неудержимо скатывалась к кризису — экономическому, экологическому, политическому, межнациональному, финансовому, печальный список подобных явлений можно было перечислять до бесконечности. И он пошел ва-банк — напечатал в партийной газете серию статей, передал редакции многолетние размышления убитого прокурора Азларханова о правовом государстве, которым мы так и не стали, о многих сложностях и противоречиях, накопившихся в крае. Статьи вызвали шок в республике, смелость суждений, неординарность взгляда говорили о новом мышлении, принципиальности автора, широте охвата проблем, такой оценки действительности и перспективы не позволял себе еще никто.

Неделю у него на работе и дома обрывали телефоны, друзья удивлялись, спрашивали — откуда на тебя нашло? Он отвечал кратко — наболело! Не было только серьезной реакции сверху, но и она вдруг последовала, на одном крупном совещании генсек Андропов высказал мысли, очень созвучные статьям Сенатора, вот тогда его впервые и пригласили в ЦК.

Там в долгой беседе с одним из новых секретарей ЦК он признался, что публикации, вызвавшие столь бурный интерес в республике, — из его докторской диссертации, которая уже несколько лет из-за обстановки в стране лежит в столе. С докторской, то есть с двумя украденными папками прокурора Азларханова, по решению ЦК ознакомили ведущих правоведов республики. С учетом небольших замечаний ему предложили защиту докторской в стенах местной академии. Так через год он стал доктором юридических наук. Правда, надо учесть, что идею встретиться с прокурором новому руководителю ЦК подал секретарь Заркентского обкома партии, а того, естественно, попросил об этом Шубарин.

Продвинулся он за год со своим помощником и по службе, получил высокое назначение в Верховный суд республики, о нем заговорили как о крупном перспективном юристе, прочили завидную карьеру, хотя он знал, что это Японец щедро рассчитывается за дипломат и за Коста, наверное, у него появились и новые резоны в отношении своего нового протеза. Шубарина трудно было разгадать, хотя казалось, почти всегда он говорил в открытую, не скрывая своих намерений. Присутствовал он и на банкете по случаю защиты докторской, поздравляя наедине, сказал, что подобную широту и демократичность взглядов на наше право имел и убитый прокурор Азларханов. Сенатор не понял ни тогда, ни после, одобряет ли он его взгляды или намекает на что-то иное. Отделался Сенатор тогда общей фразой:

— Идеи принадлежат всем, витают в воздухе, важно их публично обнародовать, застолбить свой приоритет.

Медленно, но твердо страна шла к переменам, наводя порядок и в самых верхних эшелонах власти. И вдруг — болезнь и неожиданная смерть Андропова, жестко взявшегося вывести в державе казнокрадство, взяточничество, землячество, коррупцию, бесхозяйственность и разгильдяйство, начавшего чистку в партии.

Но назначение последующим генсеком бывшего приближенного Брежнева говорило об откате политики на прежние позиции. Как возрадовались приходу к власти безликого Черненко — не высказать, не было только бурных митингов и манифестаций в его поддержку, хотя они прошли в душах крупных чиновников и власть имущих. В те дни по долгу службы Сенатор приходил несколько раз в ЦК, какое ликование видел он на лицах, восторг нельзя было спрятать, а ведь там работали люди, хорошо владеющие собой. Как переменялось вдруг отношение к нему самому, его в упор никто не видел. В иных глазах он читал откровенно: «Ну что, писака, прошли твои времена? Свободы, демократии, правового государства захотел? Верховенства закона над партией?»

В те дни он долго не мог найти Артура Александровича, собирался даже поехать к нему в Лас-Вегас, где пока еще находилась его основная резиденция, но Шубарин словно чувствовал настроение своего нового друга, нагрянул как-то поздним вечером домой, и поговорили они тогда до полуночи.

— Не паникуй... — говорил Шубарин, как всегда, спокойно и взвешенно, — помнишь ленинскую работу «Шаг вперед и два шага назад»? Сейчас у нас произошло нечто подобное, условно, конечно.

Государству не миновать перемен, и даже радикальных, поверь мне, я владею экономической ситуацией в стране, она плачевна, абсолютно нечего предложить внешнему рынку, все допотопно, громоздко, нефтедоллары проели, пропили, а новые не светят. Экономика: пустые прилавки и обесцененные деньги толкнут страну к политическим реформам. Но мысли, что вы успели высказать при Андропове в своих нашумевших статьях, давно уже живут в народе, его интеллигенции, просто вам удалось их раньше других обнародовать, оттого они попали в подготовленную почву, вызвали резонанс, легли на душу гражданам.

Людам из аппарата, к коим принадлежите и вы, до сих пор не было свойственно высовываться без указания, жить и творить анонимно — вот их кредо. А в вас увидели живого человека, личность — это любят массы, но не приемлет аппарат. Оттого он так дружно и молниеносно выразил сегодня свое отношение к вам. Но они прощались и на этот раз, путь демократизации общества и создание правового государства — единственное, что выведет страну из тупика кризисов. Народ любит опальных князей, и вы еще пожнете плоды своей популярности от нынешней немилости аппарата, поверьте мне.

И по существу нашего беспокойства со сменой власти в Кремле — насколько я знаю, ваши теоретические изыскания в области права и ваша частная жизнь и устремления несколько разнятся, как утверждают писатели, знатоки человеческих душ, автор и его литературный герой — не одно и то же. Оттого, я думаю, душевного разлада вы не испытываете. Москва далеко, и пока у власти Черненко, почти все решается здесь, в Ташкенте. Ваша карьера и благополучие зависят от конкретных людей, очень многим обязанных вам, не будем же мы каждому аппаратчику объяснять ваши особые заслуги.

Разговор с Шубариным внес спокойствие в душу, он даже выработал после встречи с ним особую тактику поведения, демонстративно подчеркивая кое-где, что он находится в опале у верхних эшелонов власти, но это не мешало ему занимать довольно-таки значительный пост в Верховном суде и жить прежней жизнью, хотя с тех пор с Беспальным не грабил по ночам ни банков, ни сберкасс, ни подпольных миллионеров, подробным списком которых располагал, и этот список-досье у него пополнился, когда он внимательно разобрался с бумагами убитого прокурора Азларханова. Документы те, как сложный роман, следовало читать по многу раз, всегда отыскивались новые подробности, детали. Иная информация поворачивалась вдруг совер-

шенно неожиданной стороной, а какие связи, ответвления они таили и предполагали, только многое нужно было достраивать самому, логически вычислять варианты. Видимо, Азларханов готовил материалы в спешке и все-таки рассчитывал прокомментировать их куда шире, чем сделал он это в магнитофонных записях, не исключено, что он сам предполагал вести столь скандальное дело. Интереснейший получился бы процесс — почти в каждой очной ставке предстал бы сам бывший прокурор Азларханов, ему пришлось бы на суде быть и свидетелем, и обвинителем одновременно, и в этом случае вряд ли кому-либо из преступной шайки, включая министров, секретарей ЦК и обкомов, удалось бы выскользнуть на свободу, крепкой хваткой и профессиональным умением обладал скромный теоретик, на поверку оказавшийся и лучшим практиком.

Сухроб Ахмедович так вжился в роль опального демократа, что позволял себе время от времени письменно рассылать редакторам газет и журналов предложение написать для них статью, обзор, комментарии. Уже одно название или тема бросали в дрожь и ужас руководителей прессы, и они, под всякими надуманными предложениями, любезно отказывали или навязывали совершенно безобидные проблемы, якобы волнующие редакцию, в общем, случалось то, на что и рассчитывал коварный Сенатор. Заполучив желанный ответ, он подшивал его в специальную папку и при случае показывал коллегам, друзьям, доказывая, что ему не дают дышать, развернуться его научной мысли, закрывают дорогу в академию, в стенах которой он так блестяще, «на ура», защитил докторскую, вот уж куда метил дальновидный ночной взломщик с дипломом юриста.

Внимательный и верный помощник Миршаб, тенью двигавшийся по службе вслед своему патрону, в те дни как-то отметил про себя: «Если он раньше хотел быть сыщиком и вором в одном лице, что, впрочем, ему блестяще удавалось, то теперь к этим двум ипостасям он хотел еще — угнетать и защищать угнетенных одновременно, душировать свободу и быть ее глашатаем». Поистине шеф поражал даже издавшего виды Салима Хасановича.

То, что Артур Александрович оказался абсолютно прав в своих прогнозах и выводах, подтвердил и факт следующего продвижения Сенатора по службе. Да-да, еще при жизни верного ленинца Черненко, при том самом аппарате, который, казалось, проявлял к нему немилость и не давал дорогу. Со смертью Брежнева кадровая чехарда, как смерч, пронеслась повсюду, особенно при Юрии Владимировиче Андропове.

Преуспел в кадровых перемещениях и Черненко, или, точнее, те, кто стоял у его кровати, не миновала эта эпидемия и Узбекистан, тут перестановки происходили куда чаще, чем где-либо. Каждое утро, открывая газету, обыватель злорадно интересовался, ну, посмотрим, кого сегодня скинули. И не проходило дня, чтобы его любопытство не удовлетворялось.

Продвижение Сенатора по службе обошлось без помощи и протекции Артура Александровича, он в это время находился во Франции, отъезжая, шутил — хочу встретиться с Карденом, хотя прокурор понимал, дай встретиться двум деловым людям и не мешай, выиграли бы обе страны, особенно советские покупатели.

Освобождалось место заведующего административным отделом ЦК, он узнал об этом случайно, впрочем, о таких вакансиях не трубят в трубы, делается, как и делалось, в тиши, келейно. Знал Сенатор и кто метит на замещение, знал и от каких людей зависит назначение; должность эту он давно примерял на себя, в последнее время, прослыв просвещенным и широко мыслящим юристом, и впрямь уверовал в свою исключительность. Шансов теоретически не имел никаких, тем более без помощи Шубарина. И тут он вспомнил про бумаги Азларханова, в его документах при удачной комбинации находился путь ко многим людям у власти, умело шантажируя, можно было рассчитывать на их поддержку. Но пользоваться взрывоопасным материалом напролом он не решался. Появись предлог насторожиться пытливому Японцу, он сразу вычислит, что прокурор ведет нечестную игру, догадается, что есть копии с тех документов, что выкрали из Прокуратуры республики. Играть с огнем не следовало, Ашот, да и тот же Коста, давно восстановивший форму в лучших клиниках и на курортах страны, выколотят любые признания если не у него, то у Салима, опыта им не занимать.

Но он не хотел упускать момент, когда еще подвернется такая благоприятная ситуация сделать карьеру, подобные места не каждый день освобождаются, можно вакансию прождать всю жизнь. Сенатор умерил бы свой пыл, довольствуясь креслом в Верховном суде, если бы знал, что на постах выше сидят люди широко образованные, с высочайшим интеллектом, благородные не только в душе, но и в поступках, наверное, таким-то людям он не стал бы поперек дороги. Но ведь он знал карьеру почти каждого высокопоставленного лица, кто за ними стоит, откуда они родом, на ком женаты сами и с кем породнились детьми, какими приблизительно капиталами располагают,

кто за них пишет книги и докторские, умные статьи и доклады, кого они покрывают, тащат наверх, и тех, кто покровительствует им.

Два дня, в субботу и воскресенье, они вместе с Салимом не выходили из дома, словно пасьянс, раскладывали документы из дипломата и так и эдак, час за часом прослушивали записи Азларханова, искали вариант, который никак не должен был насторожить Японца, но тщетно — все представляло определенный риск, беспроигрышный расклад не выстраивался. В понедельник утром Миршаб, оставшийся ночевать в особняке прокурора, приводя в порядок разбросанные по столу документы, обратил внимание на одну ведомость по выдаче зарплаты с особо крупными суммами, они ее изучали уже десятки раз, не фигурировала там ни одна искомая фамилия, не виделось хода к тем, кто решал судьбу назначения.

— Сухроб! — позвал он из другой комнаты злого, не выпавшего друга. — Посмотри, пожалуйста, вот эту фамилию, не родной ли это брат нашего уважаемого Тулкуна Назаровича?

«Назаров Уткур» — увидел в ведомости Сенатор. Они оба хорошо знали, что на Востоке родные, единокровные братья часто живут под разными фамилиями.

— Нет, Тулкун Назарович — ферганский, это всем известно, а ведомость из другой области, — ответил огорченно прокурор.

— А знаешь, где отец Тулкуна Назаровича начинал свою карьеру и десять лет был там секретарем горкома и лишь на старости смог вернуться в Фергану, а точнее в Маргилан, а ведомость как раз получается из тех мест. Не стал, наверное, он, уезжая оттуда, оставлять особняк кому-нибудь, все-таки у него семь сыновей, Уткур Назаров, видимо, и есть старший брат.

— Любопытно, любопытно, — сразу повеселел хозяин дома, — если так, я прижму этого партийного бонзу. Ты сегодня же должен выехать на место и осторожно набрать материал на него, если, конечно, он родственник уважаемого Тулкуна-ака.

Вечером того же дня Салим позвонил домой шефу и радостно сообщил, что они верно взяли след, и обещал завтра вернуться не с пустыми руками.

— Ай да Салим! — восхищался Сенатор товарищем, на удивление жене, даже открыл шампанское и поднял за него тост.

Вот он, вариант без риска, хотя ниточку они дернули все из тех же бумаг, теперь он крепко прижмет к стенке спесивого вельможу и Шубарину заодно нос утрет. Работая в Верховном суде, он сам мог

располагать материалом на его братца, если прежде на него заводили дела, да и почему бы ему не взять под микроскоп родню этого босса, если от него зависело назначение на столь высокий пост,— логика железная, да и Миршаб наверняка привезет материал достаточный, и ссылаться на ведомость из шубаринской кормушки не придется.

Помощник появился на следующий день к концу работы. Войдя в кабинет, он сказал шутя:

— Еще не обжили как следует кабинет в Верховном суде, а придется перебираться в Белый дом...

— И всего-то на третий этаж,— ответил в тон шеф.

— А ты хотел сразу на пятый? — спросил помощник, и они вместе рассмеялись.

Салим расстегнул портфель и бросил на стол три казенные папки с кратким, как выстрел, обозначением — «Дело», две из них были старые, из плотного картона, с хорошим ясным тиснением, вероятнее всего, записи в них велись еще чернилами, до эры шариковых ручек. Третья, самая толстая, заведена год-два назад, и фамилия «Назаров» на обложке писалась добротным фломастером. Сенатор не проявил к папкам никакого интереса, даже брезгливо отодвинул их на край стола, ему все стало ясно, но он на всякий случай спросил:

— Что, умен, талантлив, невероятно изворотлив братец Уткур?

— С чего ты взял! Примитивен до раздражения. Обычная схема для нашего края: один брат идет работать в правоохранительные органы, другой в партийный аппарат, третий в советский, а остальные занимают хлебные должности: на мясокомбинате, на лесоскладе, винно-водочном заводе, торговле, строительстве, автотранспорте, нефтебазе и тянут, что только могут. Да при такой страховке со всех сторон, абсолютной безопасности и самый осторожный станет тащить день и ночь. Потом, как ты знаешь, такие люди роднятся с себе подобными, если в клане нет выхода на прокуратуру, они найдут его через молодоженов, в каждом доме и жених, и невеста найдутся, которые никогда не пойдут против воли родителей. Говорят, однажды Уткур Назарович похвалялся, что на всей длинной цепи проверок и контроля, в каждом звене у него есть родня, она и предупредит его заранее, и не заметит того, чего не надо, и защитит, если потребуется. Уткур возглавлял там в разное время три особо чтимые на Востоке места: мясокомбинат, лесоторговлю, а в последние годы и по сей день — крупный автокомбинат с парком междугородных автобусов, автобазой рефрижераторов и большегрузных автомоби-

лей-дальнобойщиков, место даже почище, чем мясокомбинат вместе с винзаводом.

Два старых дела, это когда он возглавлял мясокомбинат и лесоторговлю, замяли старые сослуживцы и выдвиженцы отца, хотя не обошлось и без помощи Тулкуна Назаровича, он тогда в народном контроле республики работал, его заключение дважды и спасло вороватого братца Уткура. А третье дело завели уже при Юрии Владимировиче Андропове, и вряд ли бы он выкрутился, но изменилась обстановка в стране в связи с приходом Черненко, к власти вернулись многие друзья и коллеги отца. Но самое большое влияние на ход дела оказал наш общий ныне друг Шубарин. Все до одного водителя забрали свои заявления о том, что директор автокомбината облагал их непомерной данью за каждый рейс. Видимо, крепко поработали Ашот и Коста с друзьями, шоферы — народ вольный, упрямый, и то сдались, дружно сказали, что оговорили директора за принципиальность и твердость.

Время поджимало, и они решили действовать безотлагательно. Сенатор набрал по вертушке четырехзначный номер телефона Тулкуна Назаровича и довольно-таки твердо просил принять его утром. На вопрос, по какому поводу и почему такая спешка, ответил туманно: «Не телефонный разговор...»

Старый и многократно проверенный прием заставить человека волноваться, думать, что же это за тайна, что нельзя ее доверить телефону.

— Дожал ты все-таки его, и первый ход за тобой, мог при его замашках и амбиции и отмахнуться от встречи,— сказал Салим, как только шеф положил трубку.

— Да я припру его к стенке не только из-за должности, карьеры, а еще и для того, чтобы они всерьез считались со мной. Такие люди понимают только силу, грубую силу, а мы сегодня с тобой при общем хаосе и растерянности вокруг могучи как никогда.

Направляясь в Белый дом, он проанализировал свою первую встречу с Шубариным после налета на республиканскую Прокуратуру, так же тщательно оделся и так же жестко запланировал строить разговор, жать до последнего и дать понять, что он всерьез и надолго решил перебраться в здание на берегу Анхора.

Проговорили они час пятнадцать минут, возник момент, когда важный хозяин кабинета даже порывался выставить нахального шантажиста за дверь, но тот начал выдавать такие подробности, что Тул-

кун Назарович сразу перешел на примирительный тон, а в конце концов, добитый, устало спросил:

— Чего вы хотите, чего добиваетесь?

— Я бы не хотел, чтобы меня несправедливо оттесняли от должностей,— сказал он веско и с достоинством и тут же сам похвалил себя за ответ. Уроки Шубарина и общение с ним пошли на пользу.

— Разве служба в Верховном суде не устраивает вас? — удивился хозяин кабинета.

— Я признателен, что вы высоко оценили мое сегодняшнее положение, но я знаю, что моя кандидатура не рассматривалась здесь ни на один серьезный пост, я не числюсь у вас даже в резерве. Разве это справедливо? По-партийному? Я спрашиваю вас как коммунист коммуниста. Я — доктор наук, человек с большой практикой, наверное, вам и мои взгляды на правовую реформу известны, они широко обсуждались в республике.

— В каком отделе вам хотелось бы работать в ЦК? — спросил хитрющий Тулкун Назарович, поняв, куда клонит шантажист.

— Я знаю, у вас сейчас вакантно место заведующего Отделом административных органов... — небрежно бросил Сенатор.

— Это сложно, мы сейчас рассматриваем две кандидатуры, есть и за, и против,— начал уклончиво хозяин кабинета.

— Вот вы и предложите третью, в ситуации, обозначенной вами, будет выглядеть вполне объективно, вашу кандидатуру и рассматривать будут иначе,— польстил он на всякий случай, чувствовал, что тот ему пока не по зубам и лучше с ним разойтись полюбовно.

Уходя, оставил для ознакомления три папки с делами его брата Уркура с новейшими комментариями к ним, над которыми они с Салимом трудились всю ночь, было над чем призадуматься, на выводы и предложения они не скупилась. Приложил прокурор к делам и кучу анонимных жалоб, которых в достатке привез с собой помощник, все они писались с глубоким знанием жизни вечного директора Назарова.

Через три недели, когда Артур Александрович вернулся из Франции, он тут же позвонил Сенатору, решили обмыть новое назначение, возвращение из Парижа, долго уговаривали друг друга, на чьей территории встретиться. Шубарин приглашал к себе домой, прокурор настаивал у себя. Спор разрешил Салим. Он тоже собирался отметить свое повышение. Впервые за долгие годы работы вместе с прокурором они разъединились. Хашимов остался в Верховном суде, и должность шефа перешла к нему автоматически, на этом настоял Сенатор в разго-

воре с Тулкуном Назаровичем. Чтобы пойти на такой шаг, они долго размышляли и решили, что держать под контролем дела в Верховном суде важнее всего, все-таки последняя инстанция, суд — венец правосудия. Тут и дела крутые, и цены — отведи от вышки иного дельца, и миллион в карман за один заход. А как это делается, они знали. Нанимают журналистов и прочую пишущую братию до суда, которые со слезой в голосе пишут о жестокости советских законов, о гуманности, присущей и отличающей социалистическое общество от всего мира, что не наказание искоренит преступность, а воспитание, сострадание, любовь — полный набор социальной и нравственной демагогии, которой нас пичкают газеты последние двадцать лет.

После таких газетных выступлений самое время спустить на тормозах любое дело, где намечалась исключительная мера, и миллион в кармане, и прослывешь гуманистом, человеком либеральных взглядов; миллионы и имели в виду, оставляя Хашимова на работе в Верховном суде.

Миршаб предложил отметить три важных события в жизни каждого из них в доме своей любовницы Наргиз.

— У Наргиз? — переспросил Шубарин, он всегда должен был четко знать, куда идет, и страховал себя не хуже, чем иной заокеанский президент.

— Там, где находился Коста, — пояснил прокурор.

— Ах, у Наргиз, — сразу вспомнил тот, — которая так чудесно фарширует перепелок паштетом из печени, Коста с ума свел моего помощника в Лас-Вегасе, рассказывая о кулинарных чудесах хозяйки дома. Он заинтриговал и меня, у Наргиз я согласен...

— Вы все равно нигде, кроме ЦК, не бываете без сопровождения, без телохранителя, смените сегодня Ашота на Коста. Когда Ашот рядом, забываешь, что ты свободный человек, хозяин своей судьбы, сильная личность... — И оба невольно рассмеялись.

— Впрочем, дорогой Сухроб, не идеализируйте Коста, за его приятными манерами, внешним обаянием, кавказской велеречивостью и галантностью скрывается человек куда более жестокий, чем мрачный Ашот, — неожиданно проронил патрон, то ли запугивая, то ли предупреждая на всякий случай.

Шубарин высказался, как всегда, неопределенно, таинственно, зловеще, с чем Сенатор уже вынужден был свыкнуться. Гадать и читать мысли Японца оказывалось бесполезным делом, все могло проясниться в самый неподходящий момент.

За богато накрытым столом у Наргиз Артур Александрович, поздравив Сенатора с высоким назначением, все же чуть позже, выбрав момент, немножко попенял, то ли за самостоятельность, то ли за чрезмерную жесткость, он так и не понял за что. Скорее всего за то, что он чуть не наступил на интересы одного из давних друзей и покровителей самого Шубарина.

— Ну, ты, Сухроб, даешь, брать за горло самого Тулкуна Назаровича — это же беспредел, как выражается Ашот. Надо, милый, чтить авторитеты, ты же на Востоке живешь...

Сенатор, словно не понимая, ответил:

— Дорогой Артур Александрович, откуда же я мог знать, что уважаемый Тулкун Назарович ваш давний друг, вы не особенно широко вводите меня в их круг. Да и ждать я не мог, вы далеко, наслаждаетесь в Париже, гуляете по Елисейским полям, а вакансия могла и тью-тью, меня они в расчет не принимали. Вот я и решил напомнить о себе, взял кое-кого, и не его одного, — откровенно блефовал Сенатор, — от кого зависело сие назначение, под микроскоп, результаты превзошли все ожидания. Я думаю, что и вы всегда так поступаете, когда становятся поперек дороги...

— Не осуждаю, я просто поражен вашей хваткой, целеустремленностью, припереть с первого захода к стенке такого скользкого и тертого пройдоху, — задача не для дилетантов.

— Спасибо, Артур Александрович, — перебил прокурор.

— В чем-то, наверное, вы и правы, я думаю, вы заставили их считаться с собой. И, если откровенно, они не могли дожидаться меня, чтобы выяснить, какие истинные намерения у вас, чего вы хотите, чего добиваетесь?

— Какие уж цели, Артур Александрович, — поспешил успокоить Сенатор, — друзья моих друзей для меня святы, ничего дурного я не затевал против него, да и других тоже, я хотел одного, чтобы со мной считались, поняли, что и мое время пришло.

— Да, твое время пришло, и давай выпьем за твое здоровье. — Говорил на этот раз Шубарин ясно, подтекста никакого не вкладывал, Сенатор чувствовал.

Через два месяца после прихода Сенатора в Отдел административных органов ЦК умер генсек Черненко, и вновь залихорадило партийный аппарат и руководство в республике — какой курс дальше возьмет Кремль? С первых шагов нового генсека Горбачева стало ясно, что он продолжит начатое Андроповым — обновление

и оздоровление общества, временно прерванное его болезненным предшественником. Курс на перестройку объявлялся программным в действиях партии. И сразу же к Акрамходжаеву стали поступать предложения из газет и журналов выступить у них на страницах. Одним он вежливо отказывал, ссылаясь на занятость, для других, центральных, партийных, подготовил несколько публикаций, благо, работы из украденного дипломата позволяли освещать немало проблем, накопившихся в крае.

Изменилось к нему и отношение аппаратчиков. Повсюду, куда бы он ни приходил, с ним вежливо здоровались, раскланивались, улыбались, в иных глазах он опять читал откровенное: «Ну что, дождался своего времени, писака? Опять застрочил в газетах о проблемах и перегибах, будто мы их не знали. Посмотрим, посмотрим, как далеко пойдут ваша гласность и демократия, куда выведет плюрализм мнений, обещать да развенчивать авторитеты мы все горазды...»

Честно сказать, интерес, усилившийся к его личности, несколько испугал Сенатора, аппаратное кредо: твори и властвуй анонимно — ему было ближе по душе. Но, как говорится, палка о двух концах, иного пути, как временно прогнать и подняться, не представлялось, да и слухи, популярность наверняка пригодятся, когда он надумает стать академиком, тогда уж на пятый этаж замахнуться не грех, не боги горшки обжигают... Чем он хуже ставленника Акмаля Арипова, занявшего пятый этаж? Да ничем, видятся, встречаются же каждый день.

С приходом нового генсека работы у Сенатора прибавилось, видимо, со злоупотреблениями, хищениями, коррупцией, приписками в республике решили разобраться окончательно и безвозвратно. С каждым месяцем увеличивалось число областей, где начинали работать следователи, число их росло в геометрической прогрессии, они полностью занимали старую гостиницу ЦК на Шелковичной. Такой наплыв опытных криминалистов сам по себе становился опасным, потому что выпадал из-под контроля.

Сенатор всячески старался помочь следователям, заботился об их быте, питании, вступал при возможности в личный контакт с каждым, ибо только таким путем он мог догадываться о направлениях и масштабах проводимой работы, о ее перспективах.

Но наверху царил беспечность, никто всерьез не воспринимал огромный отряд приезжих следователей, скорее всего по аппаратному опыту рассчитывали на очередную кампанейщину, — ну, пере-

сажают две-три сотни председателей колхозов, сотню директоров хлопкозаводов, еще тысячу людей рангом пониже, к чьим рукам тоже прилипла золотая пыльца с хлопковых миллионов, на том, мол, и покончат, и все пойдет по-прежнему.

Обеспокоенный размахом следствия в республике, Сенатор направил стопы к Тулкуну Назаровичу. Он понимал, что когда-нибудь его могут обвинить в сговоре с московской прокуратурой, в предательстве интересов своего народа, гибели его лучших сынов, цвета нации, знал, что на высокие слова и громкие эпитеты в таком случае не посядут. Демагогия — еще до конца не оцененное оружие, на Востоке им блестяще владеют. Нет, он не хотел ни за кого отвечать, он, как прежде, хотел быть сыщиком и вором в одном лице, душить свободу и быть ее глашатаем.

Тулкун Назарович сразу оценил его тревогу и в сердцах выпалил:

— Да, проглядели мы тебя, раньше следовало двигать, наверное, при твоей хватке они бы не очень разгулялись у нас.

В тот день они долго совещались за закрытыми дверями. Хозяин кабинета даже отменил назначенные заранее встречи, никого не принимал, не отвечал на телефонные звонки, дело действительно не терпело отлагательства. К ночи они выработали стратегию по сдерживанию, а при возможности и дискредитации тех, кто прибыл в край навести порядок.

Через несколько дней запустили пробный шар, в одной из газет вышла статья под заметным названием: «Кому, если не нам, наводить порядок на отчей земле?» Под публикацией стояла подпись Хашимова, теперь уже крупного работника Верховного суда республики. Газетный очерк имел дальний прицел — выявить истинную расстановку сил в крае, он затрагивал не только тех, кто приехал в длительную изнурительную командировку с мандатом от Генеральной прокуратуры, но и тех, кого партия направила на постоянную работу в правоохранительные органы, да и на другие ключевые посты, где все пошло взяточничеством, землячеством, кумовством, коррупцией.

Миршаб ничего не отрицал из того, что почти ежедневно появлялось то в центральной, то в республиканской печати. Факты, события, суммы, фамилии, должности поражали своей дикостью, наглостью, масштабностью, полным разложением большинства власть имущих в крае — этого он не оспаривал, даже давал им жесткую оценку, не расходящуюся с официальной точкой зрения. Отмечая заслугу людей Прокуратуры СССР, проделавших гигантскую работу,

он тут же исподволь излагал стратегию, выработанную коварным Сенатором и прожженным политиканом Тулкуном Назаровичем. Она вкратце выглядела так: «Сами наломали дров, сами и разберемся». Конечно, рецепт так примитивно не подавался, Миршаб постарался, пошла в ход изощренная демагогия, наподобие «народ очистится от скверны сам», «негоже, чтобы в нашем доме друзья наводили порядок, а мы стояли в стороне». Смысл читался между строк: «мы и сами с усами», «разберемся и без помощи пришлых свидетелей».

Как и рассчитывали стратеги, статья нашла и своих горячих сторонников, и противников тоже. Даже появилось несколько подборок-отзывов, где весьма осторожно, чтобы не чувствовалась рука дирижера, цитировались строки в поддержку: «народ очистится от скверны сам», «без помощи извне», «созрел».

Но, как бы там ни было, все выглядело пристойно, демократично. На время слава Миршаба затмила даже нарастающую популярность Сенатора, он говорил то, что хотели услышать многие. Его и услышали, статью перепечатали почти все газеты в республике, включая и районные, на многих крупных совещаниях стала мелькать мысль, не пора ли свернуть работу пришлых следователей, когда у нас огромная армия своих высококлассных юристов.

В статье Миршаба уделялось много внимания уличной преступности, квартирным кражам, угонам автомобилей, террору карманников и рэкетиров, но за всей этой заботой таилась изощренная цель — отвести следователей от должностных преступлений, отвести руку Правосудия от верхнего эшелона казнокрадов. Тулкун Назарович даже отписал в Москву петицию, по старым шаблонам, в которых изрядно поднаторел, мол, народ хочет своими собственными руками навести порядок в доме.

Ответ оказался обескураживающим, не вкладывался в сложившуюся годами логику. Порыв трудящихся и юристов приветствовался и поощрялся, но чтобы быстрее очиститься и приняться за созидательный труд, предлагались дополнительные силы со всех краев страны. Но Тулкун Назарович с Сенатором, судя по делам и программам нового генсека, на иной ответ не особенно рассчитывали, хотя надежды брезжили: а вдруг? Чем не демократический жест: сами воровали — сами разбирайтесь!

Но и не считали, что зря поработали, вселили заметную нервозность в среду людей, занятых расследованием преступлений в крае, кое у кого отбили охоту копаться глубоко, кое в ком поселился страх,

а люди, приехавшие на постоянную работу, почувствовали зыбкость и ненадежность своего положения, поняли — тут им не простят ни малейшей ошибки.

Новое окружение Сенатора на службе, растерявшееся от быстро сменяющихся событий, не уверенное в завтрашнем дне, инстинктивно тянулось к нему, державшемуся уверенно, с достоинством. Уроки Шубарина он закреплял день ото дня, и тягу эту к себе он тоже использовал: одних успокаивал, другим обещал содействие, у третьих ловко выпытывал то, что ему требовалось. Оттого для него не оказался неожиданным вызов на пятый этаж, где в узком кругу следователи по особо важным делам поставили вопрос об аресте заркентского секретаря обкома, да-да, того самого, который еще совсем недавно метил в кабинет, где сейчас решалась его судьба. Для всех без исключения, включая и самого преемника Рашидова, решение Москвы оказалось неожиданным. Сенатор читал недоумение на онемевших от страха лицах, лишь он один оказался готов к случившемуся, правда, и он не ожидал, что начнется с покровителя Шубарина.

Несмотря на строжайшую конфиденциальность разговора в кабинете первого секретаря ЦК, Сухроб Ахмедович сразу связался с Шубариным в Лас-Вегасе и попросил вечером непременно быть в Ташкенте.

Странное Сенатор испытывал чувство, узнав о решении арестовать секретаря обкома Тилляходжаева, он... радовался, да-да, радовался, хотя и знал, Анвар Абидович во многом определил его судьбу, но сейчас он не принимал этого во внимание, он давно где-то вычитал, что сердечность, сострадание, жалость — чувства, излишние для политика. А с точки зрения политика и дальних его целей повод для радости, для шампанского представлялся значительный. Прежде всего, устранялся будущий конкурент, потому что Тилляходжаев, насколько он знал, не оставлял своих претензий на власть в республике. Секретарь Заркентского обкома обладал опытом партийной работы, говорят, имел крупные связи в Москве, владел огромным состоянием, прокурор догадывался, что золота тот накопил больше, чем кто-либо в крае, и уступал разве что аксайскому хану.

Но кроме положения, богатства, связей он имел в друзьях Шубарина, Японца, тайная власть которого в крае не была до конца понятна даже самому Сенатору. И такой конкурент устранялся сам собой, ни забот, ни хлопот, ни денег, ни выстрелов, разве не повод для шампанского из подвалов Абрау-Дюрсо, тут, наверное, не грех откупо-

ритель и французское «Гордон Верт» из запасов «Интуриста». Но это только один повод для радости и шампанского, а второй казался ему даже более значительным.

Шубарин терял главного покровителя, которому долго служил верой и правдой и считал его хозяином. Представлялся шанс, правда очень трудный, тонко дать понять Артуру Александровичу, что он так высоко взлетел и собирается отныне покровительствовать ему. Затея представлялась Сенатору не на один день, он понимал, кого хотел подмять под себя, но игра стоила свеч — прибрать к рукам Шубарина означало заодно и тех людей, которые много лет стояли у него на содержании. Разве такой расклад и перспектива не повод для радости, улыбок, шампанского, тут и сплясать не грех, думал он, мысленно готовясь к разговору с Шубариным.

Вечером Артур Александрович объявился в доме Акрамходжаева, он уже знал, что прокурор по пустякам не отвлекает, значит, что-то стряслось и требовало его участия. Хозяин дома встретил гостя приветливо и внешне мало походил на озабоченного проблемами человека, и это понравилось Японцу, он уважал людей сдержанных. Гостя ждали и встретили накрытым в зале столом, бывал он здесь не часто, но регулярно, и хозяйка дома запомнила вкусы и привычки необычного среди друзей мужа человека, он единственный не приходил в дом без цветов и без подарков, причем всегда изысканных и редких, и ей было приятно хлопотать, когда муж предупреждал ее — сегодня у нас будет человек из Лас-Вегаса. Когда они перешли на время в домашний кабинет прокурора и удобно расположились друг против друга в добротных, мягких кожаных креслах с высокими спинками, хозяин дома некоторое время театрально молчал, словно взвешивая, стоит или не стоит говорить, или, точнее, хотел показать, как важно то, что он сейчас скажет.

— Я должен раскрыть вам, — наконец-то заговорил он, — секрет государственной важности — сегодня принято решение об аресте Анвара Абидовича...

Компаньон принял новость по-мужски, только чуть заскрипела хорошо выделанная бычья кожа прекрасно сохранившегося старинного австрийского кресла.

— Когда это должно произойти? — как всегда, рассудительно спросил собеседник, наверняка стремительно считая варианты, связанные с неожиданной новостью.

— Наверное, недели через две, должны согласовать с Москвой, все-таки впервые арестовывается человек такого уровня и обвине-

ние ему предъявляется серьезнейшее. Уверен, его арест и в Москве, и в стране вызовет не меньший шок, чем у нас. Вы бы видели лица тех, кого ставили в известность, зрелище не из приятных. Многие сегодня не уснут спокойно...

— Я догадывался об этом и предупреждал его,— сказал вдруг Шубарин, — как только арестовали его свояка, начальника ОБХСС области полковника Нурматова, чья жена давняя любовница Анвара Абидовича.

— Вы думаете, оттуда пойдет главный материал обвинения?

— И оттуда тоже, за год до ареста, случайно узнав, что и полковник копил золото, Анвар Абидович отобрал у него двенадцать килограммов собранного, большей частью в царских монетах. Нурматов долго этого не мог пережить, хотя и знал, что свояк без ума от монет.

— Силен обэхаэсник, решил конкуренцию самому хозяину области составить, они, наверное, все такие, я тут потрянул одного, молодого да раннего, правда, он еще капитан,— прокомментировал прокурор, вспомнив Кудратова.

— Когда полковника арестовали, я предложил отравить его, был у нас один шанс, Анвару Абидовичу позволили встретиться с ним, как-никак родственник. Он должен был угостить свояка сигаретой, а через сутки тот бы неожиданно скончался, и ни одна экспертиза, тем более наша, советская, с ее допотопным оборудованием и средствами, не установила бы причины. Но он пожалел Нурматова, больше того, сказал, что спасет его. Он и встретился с ним, чтобы заручиться согласием, что освобождение полковник оплатит из своего кармана, сумма тут шла на сотни тысяч, хозяин расценки знал.

— Не один он не понимает, что времена изменились и еще как круто поменяются,— сказал неопределенно хозяин дома, разливая поданный к разговору чай.

— Я так и сказал, что нынче времена другие, нет ни вашего друга Леонида Ильича, дочке которого вы дарили каракулевое манто, нет и всеильного Шарафа Рашидовича, любившего и опекавшего вас, и зять бывшего генсека, хотя и генерал-лейтенант и второй человек в МВД, и за миллион не вытащит Нурматова из петли, потому что занялись полковником не только следователи по особо важным делам Прокуратуры СССР, но следователи КГБ, а им предлагать взятки — все равно что нырять в кипящее масло.

— И что он ответил на такую откровенность?

— Сказал, что я еще не знаю силы и мощи партийного аппарата, где он не последний человек, впрочем, его трудно было в чем-то переубедить, особенно в последние годы, когда тесно контактил с семьей Леонида Ильича.

— И что, он совсем не внял, говорили вы все-таки убедительно, особенно насчет следователей КГБ, по его делу тоже присутствовал человек оттуда, вы как в воду глядели, — пытаюсь прояснить для себя кое-что, хитро обронил хозяин дома.

— Освобождение полковника Нурматова он считал себе по силам, и я его особенно не отговаривал от этой затеи. Мне лично Нурматов был глубоко несимпатичен, и судьба его меня не волновала. К себе я его и на дух не подпускал, хотя он всячески стремился сблизиться. Однажды он попытался взять меня за горло, не вышло. Хотел, пользуясь мундиром, испытать на испуг, и я не стал жаловаться хозяину на самоуправство свояка, хотя Тилляходжаев догадывался, что между нами пробежала черная кошка. Но я показал ему, что его ждет, приехал среди бела дня на работу и вывез его прямо из кабинета, натерпелся он страха на всю жизнь. Меня всерьез беспокоила судьба самого Анвара Абидовича, может, я старомоден, сентиментален, но я обязан ему многим и не хотел уходить в сторону при первой беде хозяина. Убедить в грозящей опасности мне его все-таки не удалось, но кое-что я все-таки предпринял, на будущее, так сказать. У него большая семья, шесть детей, уже пошли внуки.

— Да, двое его сыновей заканчивают юридический факультет нашего университета, — вставил свое слово прокурор, давая понять, что и он хорошо осведомлен о семье человека, недавно претендовавшего на место Шарафа Рашидовича.

— Толковые ребята, раз в месяц непременно обедаю с ними в чайхане на Бадамзаре. Мы с Анваром Абидовичем решили, что они останутся в Ташкенте. Каждому я помог приобрести кооперативную квартиру в уважаемом районе, есть у них и загородные дома, купленные отцом на подставных лиц еще пять лет назад, будущее молодых людей мы успели все-таки продумать. Но я не об этом хотел сказать. После ареста полковника Нурматова я попросил его ссудить миллион одним моим знакомым, затеявшим крупное дело и имеющим надежное прикрытие, заверил, что этот миллион и будет страховать его семью, что бы с ним ни случилось. Отдавая «лимон», он автоматически становился первым пайщиком и на одни проценты с оборота мог обеспечить даже своих малолетних внуков. Тут он не стал упи-

раться, наверное, подумал — какая разница, где они лежат. Он был неплохой экономист и в последние годы не жаловал бумажные деньги, может, оттого расстался с ними без сожаления, зная, что они обесцениваются с каждым днем. Как бы там ни было, пока я жив, его семье не придется бедствовать, даже если он, несмотря на его колоссальные связи, и не сможет вырваться из беды, в которую попал...

И вдруг, когда хозяину дома показалось, что Шубарин настроился на сентиментальную волну, смирился, что секретаря обкома больше нет у власти, прозвучал жесткий вопрос, вернувший его на землю.

— Чем вы конкретно можете помочь моему патрону? И кого из свидетелей в первую очередь нужно убрать или серьезно побеседовать с ними, чтобы облегчить участь нашему другу и покровителю?

— Помочь? — искренне удивился прокурор, понимая, что не Шубарин, а он сам попадает под еще большее влияние Японца и что тот диктует свою волю, а вопрос его скорее похож на приказ. — Увы, во-первых, дела я не видел, оно в руках у следователя КГБ. Во-вторых, все начнется, когда предъявят обвинение и пойдут допросы, тогда и станет ясно, кто больше всего мешает ему и кому следует дать «прикурить»... Конечно, я уверен, все будут отрекаться от этого дела, как черт от лада-на, и мне придется заниматься им вплотную, не исключено, что я смогу видеть его и присутствовать на каком-нибудь допросе, это в моей компетенции... Трудные времена настали, Артур Александрович... — заключил он на философской ноте.

— Нет, почему же трудные? Легкими они никогда не были, а теперь стали непонятными, это верно. Как только пойдем, чего хочет новая власть, так многое и образуется. — И, считая разговор оконченным, сказал: — Через час пятнадцать минут вылетает самолет на Заркент, я должен срочно встретиться с ним, может, и удастся что-нибудь предпринять. А вам за информацию спасибо. — И, пожав руку, стремительно вышел из кабинета.

«Вот так прибрал к рукам Шубарина», — подумал растерянно прокурор и кисло улыбнулся.

Арест секретаря обкома из Заркента словно разбудил крупных должностных лиц от спячки, снял со многих глаз пелену беспечности, и Сенатор стал замечать тайное объединение или примирение кланов, состоявших в давней вражде, не поделивших сферы влияния в республике. Наконец-то поняли — время не для конфронтации и амбиций, что выжить можно, только действуя единым фронтом против перемен, против тех, кто пытается навести порядок.

В этой ситуации Сенатор понял, оценил, какой ключевой пост он занимает в столь ответственный для республики период. К нему стекалась информация практически из всех административных органов, включая КГБ, он имел возможность присутствовать на любом мало-мальски важном оперативном совещании, будь то в МВД, прокуратуре, Министерстве юстиции, Верховном суде, находящимися под надежным оком Салима. Правильно они рассчитали когда-то, за столбив место в Верховном суде, там решалась судьба многих денежных людей, не принадлежащих к партийной элите, ими занималась вплотную Москва. Сенатор видел официальные рапорты следователей по особо важным делам, где они отмечали, что начальник областной торговой вотчины Тилляходжаева, некий Шудратов, арестованный одновременно со свояком секретаря обкома, предлагал миллион только за то, чтобы его дело передали в Верховный суд республики, видимо, хорошо знал нравы местной Фемиды.

Еще одним нескончаемым источником информации Сенатору служили... анонимные письма, их поток, и без того никогда не прерывавшийся с тех печальных тридцатых годов, в период правления Андропова — Черненко вырос в десятки раз.

Снова, пользуясь историческим опытом, одни пытались руками государства потопить других, и опытный глаз Сухроба Ахмедовича безошибочно видел в большинстве из них только корысть и зависть, иных, добывающихся правды и справедливости, встречалось мало, они тонули в море оговоров, да они и не интересовали прокурора.

Можно сказать, у него даже хобби появилось, он тщательно и любовно собирал подметные письма, систематизировал их по тематике: хищения, взятки, должностные преступления, аморальное поведение, политическая неблагонадежность. Часто из разных источников сигнализировали об одном и том же, и опять же он интуитивно чувствовал — стоит ли за ними дирижер, закоперщик или действительно прорвало плотину терпения. Такую информацию он ставил особо высоко, выделял ее, тут, при надобности, прихлопнуть человека ничего не стоило. Иногда он часами читал анонимки, для него это было увлекательнее самого изошренного кроссворда, так он тренировал свой коварный ум: высчитывал, сопоставлял, анализировал, приходил к неожиданным выводам.

Будь у меня время, размышлял он однажды, сокрушаясь, я бы написал трактат «Должность и преступность». Наверное, человечество потеряло из-за его занятости удивительный по наблюдениям и выво-

дам труд, предметом он владел в совершенстве, преступность знал не понаслышке и должностями Аллах не обидел.

Арест первого секретаря Заркентского обкома партии вызвал в регионе шок. Непонятно, что успел предпринять он за две недели до задержания, предупрежденный верным вассалом, но действия его оказались непредсказуемыми для многих.

Он добровольно и без сожаления расстался с наворованным богатством, отдал сто шестьдесят восемь килограммов золота и шесть миллионов рублей, сердечно признался, что запутался в жизни, нанес партии непоправимый вред и хотел бы, по его словам, раскаянием и помощью следствию искупить вину перед обществом. Следствие, воспользовавшись его раскаянием, применило тактическую хитрость, объявив, что Тилляходжаев в закрытом судебном заседании приговорен к расстрелу и что приговор обжалованию не подлежит. Как оживились, приподняли головы многие арестованные чиновники из партийного и государственного аппарата в московской тюрьме под романтическим названием «Матросская тишина»! Все, что только можно было свалить, они дружно перекладывали на Анвара Абидовича, какой с мертвеца спрос.

Следователи терпеливо фиксировали заведомую ложь и по вечерам показывали протоколы допросов Тилляходжаеву, вызывая у того справедливый гнев, бывшие коллеги в подлости и коварстве превзошли все его ожидания. Учитывая эмоциональность секретаря обкома, вспышки возмущения надо было видеть, такие бурные сцены не удавались и гениальным актерам. Не менее интересными оказывались очные ставки с оговорившими его высокопоставленными соратниками по партии, с соседями по многочисленным президиумам. Что и говорить, трудной ценой он выторговал себе жизнь. У него осталось одно желание — умереть в собственной постели, оттого и старался угодить следствию, чтобы за рвение скостили ему и те пятнадцать лет, что получил он взамен расстрела.

Чистосердечное признание и раскаяние бывшего хозяина Заркента многим в республике не понравилось, дважды пытались подпалить его дом, чтобы укоротить язык, но дважды поджигателя в последний момент настигала пуля в затылок. Двое убитых с канистрой бензина у глухого дувала дома Тилляходжаевых наводили на серьезные размышления, от семьи отступились, третьего смельчака не нашлось. Артур Александрович оставался верен своему слову и страховал семью своего покровителя надежно, ровно год в семье под видом род-

ственника жил незаметный парень по имени Ариф, стрелял он всегда на звук, пользуясь глушителем, промашка исключалась.

Спас Анвару Абидову однажды жизнь и Сухроб Ахмедович, он случайно узнал, что, когда Тилляходжаева привезут в Ташкент на очную ставку с одним высокопоставленным человеком, находящимся еще у власти, его отравят. Деталей и исполнителей заговора против секретаря обкома он не знал, но посчитал своим долгом поставить Шубарина в известность. Японец встал за своего бывшего покровителя стеной, что, в общем-то, понравилось Сенатору. Японец и потребовал, чтобы он немедленно поставил в известность КГБ, что прокурор и сделал.

Вслед за Анваром Абидовичем последовал арест еще целого ряда крупных деятелей, что вновь явилось полной неожиданностью для населения. Покончил с собой при задержании туз бубновый, каратепинский хан, тот самый секретарь обкома, который без ложной скромности любил, когда его называли «наш Ленин», не меньше. Располагал информацией Сухроб Ахмедович, что нити хищений в особо крупных размерах потянулись к некоторым секретарям ЦК. Край, где он жил, для посвященного человека открывался еще одной неожиданной стороной. При всей неограниченной власти партийного аппарата тут на равных правили и тайные силы, что-то наподобие теневого кабинета.

Скажи кому-то, что вопрос назначения иного министра решается не в Ташкенте, а в скромном горном кишлаке Аксай, под Наманганом, наверное, многие приняли бы это за байку и посмеялись. Но смеяться не следовало, Сенатор знал расклад сил как никто другой, и если бы за него ходатайствовали из Аксая, то он уже давно сидел где-нибудь повыше даже, чем сегодня. Скромный директор агропромышленного объединения, дважды Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета, ценитель чистопородных скакунов, бывший учетчик тракторной бригады, недоучка Акмаль Арипов, любивший, возможно, в пику каратепинскому хану, чтобы его называли «наш Сталин», но и благожелательно откликавшийся на «наш Гречко», чуть ли не подменял Верховный Совет республики. Сюда, в Аксай, прежде всего тянулись за поддержкой соискатели министерских портфелей. Он считал себя настолько сильным, что позволял себе, не таясь, называть самого Шарафа Рашидовича — Шуриком. Шурик и звонил ему чуть ли не ежедневно, отладили дорогостоящую правительственную связь с резиденцией аксайского хана. Не смог Сенатор в свое вре-

мя найти дорогу ни к Шарафу Рашидовичу, ни к аксайскому хану, они вполне обходились и без районного прокурора Акрамходжаева, но сегодня без него, как он считал, не может обойтись и всесильный Акмаль Арипов.

Если к судьбам многих высокопоставленных деятелей он относился равнодушно, а иной раз и радовался их беде, то его отнюдь не радовало, что следователи по особо важным делам все теснее сжимали кольцо вокруг аксайского хана. Акмаля Арипова отдавать в руки правосудия Сенатору не хотелось.

Почему же человек из ЦК так переживал, что следствие вплотную заинтересовалось делами и личностью Акмаля Арипова? Он что ему — брат, сват, помог когда? В своем нынешнем положении он вряд ли был нужен Сенатору. Вроде все верно, но только не для тех, кто знал истинную силу аксайского хана. Мудрый человек был Рашидов, что и говорить, и силой несметной располагал, хоть явной, хоть тайной, но и тот начинал день с телефонного разговора с Аксаем и ни одну серьезную должность не утверждал, не посоветовавшись с другом Акмалем, и с недругами сводил счета силами людей народного депутата Арипова.

Акмаль-ака был настолько богат, что однажды вполне серьезно сказал хлопковому Наполеону: «Я Крез, а ты нищий». Это Анвар Абидович-то нищий! Десять пудов золота враз отдал добровольно государству и шесть миллионов наличными, с учетом того, что Шубарин предупредил его за две недели до ареста.

Но главное богатство Креза из Аксяя составляли все-таки не деньги, и не золото, и не целый табун чистокровных скакунов. Он имел настоящее, профессиональное сыскное бюро, куда люди приходили ежедневно из года в год как на службу. Располагал он огромным досье практически на всех должностных лиц республики, велись и отдельные папки на людей из Москвы, посещающих республику. Правовые органы много, наверное, отдали бы, чтобы заполучить такой бесценный архив, хранящийся в специальных железобетонных катакомбах Аксяя. Может, обладая невероятным компроматом на все случаи жизни, он когда-то сблизился и с Шарафом Рашидовичем? Отсюда, из Аксяя, из его подвалов, шли подметные письма на неугодных людей, отсюда запугивали, шантажировали, провоцировали, дискредитировали, и для всего этого он располагал штатом людей, служивших ему верой и правдой. Вот почему спешили в кишлак, затерянный в горах, окольцованный не одной сетью охраняемых шлагбаумов, на по-

клон министры, будущие и опальные. Только заручившись поддержкой аксайского хана, получив от него посвящение в сан, можно было считать себя полномочным министром. И вокруг такого человека сжималось кольцо, и в один день могли исчезнуть в государственной казне сотни миллионов рублей и пропасть в недрах КГБ бесценные архивы, все шло к этому, в исходе судьбы аксайского хана Сенатор иллюзий не питал. Потому что видел и знал, что от него все отвернулись, каждый спасался в одиночку, да и тот сам не чувствовал время, жил прежней гордыней, уповал на власть денег и наемных нукеров, которые могли запугать кого угодно, все ждал — если не завтра, то послезавтра в стране изменится ситуация.

Может быть, и изменится ситуация, но к тому времени архив и денежки уплывут в Ташкент на одну и ту же улицу, ибо КГБ и Центральный банк республики находятся на Ленинградской, какой толк, если потом Акмаля-ака, как пострадавшего от разгула демократии, и освободят, и назначат персональную пенсию за заслуги перед партией и народом. Без денег, без тайных досье, без наемных нукеров какой же он хан? Не проходило ни одного крупного закрытого совещания, где не заходил бы разговор о нем. Уже готовились документы о лишении Акмаля Арипова депутатской неприкосновенности и множества высочайших наград страны.

О том, что Акмаля Арипова оставили один на один с Прокуратурой, он догадывался еще и потому, что никто не интересовался его делами, как случалось постоянно по поводу судьбы того или иного человека. Смущало и то, что сам Первый, некогда спасший его при Брежневе, на совещаниях очень резко отзывался о нем. Что это могло значить? Тактика? Маневр? Или что-то изменилось между ними? Или Первый откровенно сдавал своего старого друга, чтобы выжить самому? Вопросов хватало, а ответов не было. Если это уловка, маневр, тот мог в личных беседах, что вели они по долгу службы один на один, намекнуть, что следует выручить уважаемого человека из Аксая. Он даже провоцировал Первого пару раз, но тот нейтралитет держал четко, словно не замечал намеков, и Сенатор понял, что хана Акмаля решили уступить Фемиде без боя.

И тут пришла неожиданная мысль — рискнуть, как некогда с ограблением Прокуратуры республики. Если уж он так поднялся от содержимого небольшого дипломата, к каким людям нашел ходы, и какие двери сейчас открывал ногой, и с кем уже успел поквитаться, то, завладей он архивом и многочисленными досье аксайского хана!..

От таких перспектив кружилась голова, как в лихом танце начинало стучать сердце, хотелось петь, плясать, кричать, кричать на весь Белый дом: «Ну, теперь вы все у меня в руках!»

А к архиву заполучить бы и людей, много лет занимавшихся слежкой и сбором компромата, всех этих изощренных фотографов с их фоторужьями и приборами ночного видения, каллиграфистов, иные доносы писались от конкретного лица, профессиональных шантажистов и шантажисток, поднаторевших в судебных заседаниях. Говорят, у Акмаля-ака имелся специалист высокого класса по любой пакости, он располагал кадрами широкого профиля, но не чурался и мастеров узкой специализации: был у него, к примеру, человек, читавший по губам, и таиб, готовивший яды.

А деньги? Какой суммой располагал аксайский Крез? Тут мнения расходились, одни называли сумму, приближающуюся к миллиарду, другие настаивали на пятистах миллионах. Что ж, даже если и полмиллиарда, на которых сходилась большинство, поделить пополам, то и оставшаяся часть вполне впечатляла. Так ведь это речь только о наличных. Как и любой восточный человек, аксайский хан любил золото, если «нищий» Анвар Абидович сдал в казну чуть больше десяти пудов, а точнее, сто шестьдесят восемь килограммов, так сколько успел накопить более предприимчивый, с коммерческой жилкой хан Акмаль?

Попутно мучил его и такой непростой вопрос. Казалось бы, зачем ему деньги, он и тем средствам, что имел, не находил применения, да и архив вроде ни к чему, одни хлопоты да опасность. Он и так теперь, особенно став доктором наук и опубликовав серию статей по правовым вопросам, стал заметной фигурой в республике, и в Белом доме ныне не последний человек, благоволил к нему Тулкун Назарович, да и Шубарин находился под рукой, никогда не откажет в помощи, они сейчас вроде с полуслова понимают друг друга.

Так зачем же, по-цыгански говоря, валету пиковому напрасные хлопоты? Зачем ариповские миллионы, пуды золота, архивы и грязных дел мастера впридачу? Конкретно — зачем и почему, с высоты своей научной степени он не мог ответить. Не знал. Знал, что сегодня, может, и не надо, но завтра вполне могло сгодиться все, включая шантажистов и шантажисток, поднаторевших в судах. Скорее всего, в Сенаторе опять выиграли авантюрные начала, а жажда власти стала еще более неутоленной, когда он оказался у ее родника. Теперь в нем проснулся еще и политик, а в политике, как он считал, все сгодится,

все средства хороши. Сенатор по-своему расценивал путь любого политика, он, по его разумению, заключался в том, что политик всегда хочет быть первым, лидером, почти как спортсмен, поэтому вечные расколы, фракции, новые партии, каждому из них не удается постоять на пьедестале. Сегодня он тайно изучал Троцкого и понимал его, опять же по-своему. Тому, на его взгляд, наплевать и на коммунизм, и на социализм, и на любую другую идеологию, в том числе и на страну, в которой он занимался политикой и жаждал перекроить, перестроить ее. Ему было важно всегда слыть первым, лидером, поэтому он не сходилась во взглядах ни с Лениным, ни со Сталиными не по идеологическим мотивам, а, прежде всего, по существу своей природы, сути. Он ни с кем бы и не сошелся ни в чем, тому подтверждение — троцкизм как собственное явление, жаль, что объектом его экспериментов, тщеславия стала Россия, которую он мало знал и, откровенно говоря, не любил и столько палок наставил в колеса ее истории.

Сколько новых сил, рвущихся к власти, сразу обнажилось вдруг, продолжает философствовать он, да и партию, КПСС, со счета сбрасывать не следует, она хоть и подрастеряла авторитет в народе и опешила от горлопанов, на сегодня это реальная мощь, зря заблуждаются в ее возможностях неформалы и новая поросль пантюркистов и панисламистов, разве не смешна их ориентация на ортодоксального Хомейни, это скорее отпугивает людей, чем привлекает. Вот в зеленом знамени что-то есть, зеленое знамя привлекает многих, оно генетически сидит в каждом мусульманине, этого марксисты не учли. Да откуда им было понять восточные народы, когда они толком не знали русской нации, для которой в тиши, уюте и комфорте Запада готовили революцию. А семьдесят лет унижения религии мусульман только способствовали ее твердости. Мусульманская религия аскетична, для нее не обязательны роскошные храмы и мечети, для нее важна компактная среда обитания единоверцев. Ошибка марксистов, все-таки бравших за модель будущего западные государства и Россию, состояла в том, что они не учли, что мусульманские народы живут компактно на своих исконных, исторически сложившихся землях, миграции коренного населения в другие районы практически нет, и вытравить отсюда ислам невозможно, с ним можно лишь мирно сосуществовать.

Да, в зеленом знамени, долго стоявшем в углу, что-то есть, это сродни партии «зеленых», неожиданно возникшей во всей Европе, в исламе привлекательно многое, особенно для тех, кто делает

ставку на мораль, единство. Вот им поперек дороги, наверное, стоять не стоит...

Мысли его все время кружатся вокруг власти, кто дальше будет представлять реальную силу? Останется ли КПСС правящей партией или появятся новые политические силы в стране? Какой будет КПСС, или какие люди будут определять ее линию, такие, как Тулкун Назарович, или искренние сторонники нового генсека Горбачева, чьих рьяных последователей в крае он еще не видел, особенно в верхних партийных эшелонах? А может, если послушать новых пантюркистов, чьи листовки с программами уже появляются в Коканде и по всей Ферганской долине, Узбекистан будет развиваться самостоятельно, вне союза с Россией?

Тогда кто же придет здесь к власти? Столько лет рваться к власти и вдруг у самой вершины ее остаться у разбитого корыта?! Нет, этого он не должен допустить. Значит, ему всячески надо способствовать перестройке, чтобы КПСС оставалась в крае по-прежнему единственной правящей партией? Но уверенности в этом у него нет. Наверное, мешает все-таки вечная раздвоенность души, желание сидеть на двух стульях одновременно. Да, потерпи КПСС поражение, ему несдобровать, тем более сегодня, когда он так высоко в ней поднялся, рассуждает с волнением Сенатор. А если Узбекистан каким-то образом получит самостоятельность вне федерации с другими союзными республиками, и прежде всего Россией, не означает ли это, что КПСС автоматически теряет силу в крае и переход в другую партию будет осложнен, прежде всего, его нынешним положением в рядах правящей? А может быть, новые силы вовсе не допустят ни одного коммуниста к власти, скажут: хватит, нахозяйничались, довели, чего ни коснись, до развала. Вполне возможны и такие аргументы, горестно вздыхает он.

Но тут же лицо его светлеет, и он даже улыбается и с облегчением переводит дух, как же он раньше не догадался. Нет, любой власти без коммунистов никак нельзя, ведь в партии состоит прежде всего аристократическая часть нации, ее белая кость, голубая кровь, какой человек из рода ходжа не имеет членского билета КПСС, покажите мне его — внутренне горячится прокурор, сам он, понятно, гордится своим происхождением. А эти люди всегда правили и будут править в крае при любой системе, при любом цвете знамени, а уж при зеленом тем более. Все партбаи сдадут билеты, долго служившие им надежным прикрытием и допуском к кормушке, и дружно вступят в любую другую, но тоже только правящую. Как он сразу об этом

не подумал? Так же, как и все, поступит и он, и при таком раскладе никто даже не припомнит, кем был во времена правления КПСС некий Сухроб Акрамходжаев.

Уяснив для себя крайние случаи в будущем, он философски подумал — нигде в мире к власти не приходят мудрые и дальновидные, а только хитрые и коварные, живущие одним днем. После меня хоть трава не расти, после меня хоть потоп — это прежде всего о политиках, рвущихся к власти. Мудрецы и философы вопрошали во все времена: почему не учитываются уроки истории? Да потому, что историю делают неучи, недоучки. За примерами далеко ходить не надо, недоучка аксайский хан, бывший учетчик тракторной бригады, долгие годы влиял на судьбу республики больше, чем весь Верховный Совет вместе взятый.

Так рассуждал он почти каждый день, взвешивая ситуацию «за» и «против», но ясности выбора не представлялось, ситуация менялась на глазах, тут действительно требовалось стать хамелеоном, чтобы угодить всем сразу: и левым, и правым, неформалам и националистам, либералам и радикалам — у него голова шла кругом, все, казалось, набирали силу, все имели перспективу. Вот когда пригодилось его умение быть сыщиком и вором в одном лице. Каким умением надо обладать, чтобы прослыть в среде прикомандированных следователей одним из немногих в крае, на кого можно положиться, и, вместе с тем, у пиковых валетов числиться своим парнем, «засланным казачком» в прокуратуру.

Но и тут, и там он прежде всего преследовал свои интересы, никакие идеи, идеалы в расчет не принимал, он попросту их не имел. Не волновало его ни красное, ни зеленое знамя, никакое другое, даже в полоску, он хотел быть всегда, при любой власти наверху, как его любимый политик Троцкий, труды которого он тайно изучал в Белом доме в служебное время.

Но на кого бы ни ориентировался Сенатор, все равно упирался в аксайского хана, в его архив, в его деньги, в своих планах на будущее он не мог никак его ни обойти, ни объехать. Следовало рисковать, вступать с ним в контакт, подать ему руку в трудную минуту, может, удастся заручиться его поддержкой и стать если не наследником его архивов и миллионов, то хотя бы совладельцем. И миллионы, и архивы хороши и полезны при любой власти, при любом знамени.

Но и риск нешуточный! Узнай кто, что он ищет подходы к аксайскому хану, при нынешнем к нему отношении официальных властей

и правовых органов это стоило бы ему не только поста, к которому он так долго стремился, но и партбилета, и свободы. Он знал столько тайн, служебных секретов, и выдача их другой заинтересованной стороне иначе, чем предательством государственных интересов, не квалифицировалась бы, об этом он хорошо знал, юрист все-таки, доктор юридических наук. Это еще только часть потерь, лишился бы всего: дома, семьи, капиталов, положения в обществе. Лишался перспектив, впереди вполне светило звание академика, а при определенном раскладе он мог и за пятый этаж Белого дома повоевать. Это ли не риск? Он настолько всерьез замыслил встречу с Акмалем, что не делился планами ни с Тулкуном Назаровичем, ни с Шубариным, хотя был уверен — те могли подсказать что-нибудь дельное.

Не имел он и никаких гарантий успеха, куда ни кинь — риск. И реакцию на добрый жест, участие в его судьбе невозможно предугадать, все знали, какой Арипов самодур. Можно и вовсе не вернуться домой, убьют и бросят труп в пропасть на радость шакалам, гиенам и горным орлам. Ни могилы, ни следа не останется на земле, по этой части аксайский хан большой дока, а может, придумает еще более изощренную смерть — кинет избитого и связанного в клетку к голодным свиньям, боровы и сгрызут до последней косточки, никаких вещественных доказательств не оставят, и такое он практиковал. А то запрет в подвал и напустит туда змей, говорят, от ужаса тут же сходят с ума или случается разрыв сердца. Кровожадный народный депутат, обласканный и обвешанный государством орденами, обладал невероятной фантазией, как отправить на тот свет человека, тут равных ему не сыскать.

Конечно, все «против» могли испугать кого угодно, но Сухроб Ахмедович так верил в свою удачу и понимал, что «за» в этом деле решают проблемы на все случаи жизни, хоть при красных, хоть при белых, тем более при зеленом знамени. Вариант, что называется, беспроигрышный, в случае успеха, разумеется. И опять ему припомнилась присказка Беспалого: «Кто не рискует, тот не пьет шампанского!» Он, конечно, и сегодня без риска мог пить шампанское до конца дней своих, но теперь он, как и аксайский хан, одержим манией величия, ему больше, чем шампанского, хотелось власти. Вот какая жажда его мучила, она и толкала его в Аксай.

Долго взвешивать не приходилось, все подвигалось к аресту Арипова, и он решился на отчаянный шаг, и вот тайная поездка в горы, в резиденцию аксайского хана.

Сейчас в поезде Ташкент — Наманган прокурор все-таки пожалел, что не оставил жене письма на тот случай, если он в понедельник не вернется домой. Ей следовало немедленно связаться с Японцем и назвать место, куда он тайно отбыл. Шубарин, конечно, тут же примчится на выручку, ему нет смысла терять своего человека на таком посту.

Поезд продолжал грохотать на стыках, по-прежнему его кидало из стороны в сторону, но било о стенку уже реже, он как-то наловчился владеть телом. Человек из ЦК посмотрел на часы, до нужной станции оставалось еще почти два с половиной часа, сон ушел окончательно, и вялости он не чувствовал, может, воспоминание, где все пока складывалось удачно, бодрило его? А может, чай? Не мешало еще заварить чайник крепкого, дело шло к тем самым трем часам ночи, лучшему времени для преступлений, высчитанных доктором юридических наук, но в эти же часы человек теряет над собой контроль, сегодня расслабляться он не имел права. Он взял чайник, осторожно вышел в коридор, титан не остыл, но он на всякий случай открыл топку и пошуровал кочережкой, тлеющие угли зажглись огнем, он не спешил, мог и подождать, пока закипит.

Купе проводника оказалось распахнутым настезь, сам он, раскинув руки, безбожно храпел, на столике лежали ключи. Сенатор взял их, вышел в тамбур и беззвучно открыл дверь на левую сторону по ходу поезда, потом вернул связку на место, все это заняло минуты две, не больше. Он даже покопался в шкафчике у хозяина вагона, нашел-таки пачку индийского чая из личного запаса.

Вернувшись в купе, Сенатор долго вглядывался в набегающие в ночи разъезды, полустанки, станции, с трудом разобрал название одной из них на пустынном перроне и сличил по памяти с тщательно изученным расписанием, скорый шел по графику. Оставшееся время пролетело быстро, прокурор даже его не заметил, может, оттого, что он начинал мысленно строить разговор с директором агропромышленного объединения.

Вариантов начала беседы он перебрал великое множество, и ни один его не устраивал, с ханом Акмалем нельзя говорить ни в подобострастном, ни повелительном тоне, и тот и другой путь губителен, обречен на провал. Он понимал, как не хватало ему перед поездкой консультации с Шубариным, тот бы выстроил ему разговор четко по компасу. Но в том-то и дело, что связь с аксайским ханом он желал держать в строжайшей тайне, он не сказал о поездке даже

Хашимову. Если в будущем у него случится взлет, он не хотел, чтобы его связывали с ханом Акмалем. Как в случае с докторской, свалившейся как снег на головы всех знавших его людей, он и тут готовил сюрприз. Он хотел внушить всем, что его сила в нем самом, а сильный человек, судя по всему, скоро мог понадобиться. Поезд начал двигаться медленнее, тормозить, на маленьком, ничем не примечательном полустанке он делал двухминутную остановку, пропускал спешивший навстречу скорый Наманган — Ташкент, глухой разъезд как нельзя лучше устраивал прокурора.

«Пора», — сказал он вслух и рассовал по карманам сигареты, зажигалку, расческу, носовой платок. Из портмоне достал трешку и положил краешек ее под чайник так, чтобы сразу можно было увидеть, это на тот случай, чтобы не привлекать внимания, вроде как прошел в соседний вагон, сознательный жест. Выходя, он еще раз присел на полку, как обычно перед важной дорогой, а она, считай, у него только начиналась, сделал «оминь» и только тогда мягко притворил за собой дверь купе.

Проводник продолжал храпеть, но уже на другом боку, и Сенатор, пройдя мимо него своими вкрадчивыми шагами, вышел в тамбур, открыл дверь, глянул вдоль состава, как и перед посадкой, выждал почти минуту и, когда состав чуть тронулся с места, спрыгнул на щебеночную насыпь. Тускло освещенный перрон разъезда находился впереди, и его удивило, что даже дежурный не вышел на перрон. Такой вольности нравов на транспорте прокурор не ожидал, о железной дороге он по старинке думал гораздо лучше.

Скорый, сияя цепочкой огней в коридорах купированных вагонов в середине состава, плавно тронулся, и три красных сигнальных фонаря хвостового плацкартного некоторое время болтало из стороны в сторону далеко за входными стрелками, но скоро и они исчезли в ночи.

Сухроб Ахмедович продолжал стоять на обочине пристанционных путей, то и дело поглядывая в темноту по обе стороны разъезда, мелькала тревожная мысль: неужели прокол на первом же этапе? И когда уже начали брать отчаяние и злость, слева от вокзальной пристройки дважды мигнули фары машины. «Наконец-то» — облегченно вздохнул Сенатор и шагнул с насыпи, «жигули» медленно шуршали ему навстречу. Не доезжая, машина включила свет ближних фар, и он узнал белую «шестерку» Шавката, двоюродного брата своей жены, он в прошлом году и хлопотал за машину в Автовазе. Свояк намере-

вался выйти из машины, обняться по традиции, но прокурор жестом остановил его и сам распахнул переднюю дверцу.

— Ты что, опоздал? — вместо приветствия спросил он.

— Нет, что вы, я давно уже здесь, — поспешил оправдаться Шавкат. — Я видел даже вдали огни приближающегося поезда и в это время задремал, наверное, минуты три-четыре, не больше, открыл глаза, а состав уже хвост показал, и я включил свет, извините...

— Да, время между тремя и четырьмя ночи самое коварное, — сказал удовлетворенный ответом прокурор, лишний раз получив подтверждение собственной теории.

Машина отъехала от разъезда и через несколько минут уже катила по асфальтированному шоссе, ведущему в Наманган. Шавкат, расспрашивая о здоровье, о доме, о детях, сестре, одной рукой настраивал приемник, хороший концерт — лучший помощник водителю в ночной езде.

Гость невольно поежился, и это не осталось незамеченным.

— Да, ночи в наших краях прохладные, чувствуется близость гор, да и осень на дворе. — И Шавкат, открыв «бардачок», протянул родственнику хромированную фляжку, которая в большом ходу у авиаторов и военных людей. — Согреет, я захватил на всякий случай.

— Спасибо, молодец, — повеселел Сенатор и, отвинтив крышку, с удовольствием отхлебнул несколько раз. — И коньяк неплохой...

— Я же знаю ваши вкусы, настоящий армянский, — заулыбался свояк, он уже думал, что гость обиделся на него.

— Как с вертолетом?

— Все в порядке, и даже сегодня есть одна путевка в Папский район, ее я и оформил Баходыру, и вылет его раньше других не бросится в глаза, самая дальняя точка для нашего авиаотряда.

— Как ты объяснил ему столь ранний вылет?

— Проще простого. Он знает, что в Аксай постоянно наведываются большие люди, комиссия за комиссией. Хозяйство Акмала Арипова словно визитная карточка края, мы ведь тоже газеты читаем. Я сказал, что сегодня там с утра какое-то совещание выездное, а вы не смогли прибыть со всеми вчера, оттого и спешите появиться там чуть свет, чтоб до начала переговоров кое с кем.

— Молодец, вполне логично...

— Впрочем, доставил бы и без всяких объяснений, я же главный диспетчер, и от меня зависят все выгодные рейсы, — сказал самодо-

вольно Шавкат. Он знал, что родство с человеком из ЦК позволяет ему иметь особое положение в области.

— Не зазнавайся,— мягко пожурил Сенатор, но остался доволен хваткой свояка и подумал, что непременно надо как-нибудь поохотиться в горах с вертолета. — А что собирается Баходыр делать в Папском районе?

— Как что? Дефолиация в полном разгаре, опыляем с воздуха хлопчатник.

— Значит, травят народ не только с земли, но и с воздуха? — спросил гость.

— Мы люди маленькие, нам что скажут, мы то и выполняем, это вам, в Ташкенте, с вашими коллегами решать. А вообще-то беда, конечно, в дни опыления столько жителей страдает, особенно дети. А скот, которого и так мало в сельских подворьях, сколько его травим.

— Белое золото! Хлопок — гордость узбекского народа! — съязвил мрачно Сенатор и больше на эту тему не говорил, он-то знал, что хлопок стал бедствием, проклятием для всех: и селян, и горожан. Он еще раз отхлебнул из фляжки, откинулся на спинку сиденья, чуть отбросив ее назад, с удовольствием закурил, перед этим любезно протянув длинную дымчато-серую пачку сигарет свояку.

— У, «Кент»! — Шавкат потянулся за зажигалкой.

Перед Сухробом Ахмедовичем невольно мелькнули огненно-красные неоновые буквы на фронтоне вокзального здания столицы. И тут он вспомнил об оплошности, что допустил перед отъездом. Он достал портмоне, где имелся вкладыш с записной книжкой, вырвал оттуда страничку и написал своим четким, каллиграфическим почерком: «Артур Александрович Шубарин». И протянул бумажку Шавкату, мурлычущему под нос какую-то мелодию.

— Если до понедельника не дам о себе знать, позвони сестре в Ташкент, пусть свяжется с этим человеком и скажет, что я поехал к аксайскому хану.

— Это так опасно? — с тревогой спросил свояк.

— Нет, страхуюсь на всякий случай, ты ведь знаешь характер Акмаль-ака,— поспешил успокоить Шавката прокурор.

— И знать не хочу, тут его вся округа боится, вплоть до секретаря обкома...

— Светает,— произнес, зевая и потягиваясь, пассажир, и разговора об Акмале Арипове не поддержал, хотя мысли его и крутились вокруг Аксяя.

Приехали в авиаотряд, расположенный в районном центре Китаб, когда уже почти рассвело, но до рабочего времени осталось еще часа два. Все шло по графику, вертолет все равно не стал бы подниматься в темноте. Шавкат предложил позавтракать в ближайшей чайхане, где он заранее договорился с чайханщиком, но гость отказался, сказал шутя:

— Не хочу перебивать аппетит, позавтракаю вместе с аксайским ханом, поэтому поспешим, ты же знаешь — он не станет меня дожидаться, если я опоздаю, и сядет за дастархан один. — И они оба рассмеялись.

Шавкат подъехал прямо к вертолету, занявшему стартовую площадку. Баходыр находился в кабине и проверял навигационные приборы, машину он увидел уже рядом, почти на взлетной полосе. Он хотел спрыгнуть на землю, но Шавкат остановил его жестом, мол, не до церемоний, гость опаздывает. Неожиданный пассажир и впрямь спешил, он торопливо подал руку диспетчеру, своему родственнику, и без робости, уверенно поднялся в кабину рядом с пилотом. Тут они и обменялись приветствием под шум заработавших лопастей. Минут через пять тяжелая винтокрылая машина взмыла в воздух и взяла курс к горам.

Вертолет оказался старый, герметичность никудышная, и шум в пилотской стоял невозможный, они едва слышали друг друга, но все же несколькими фразами успели перекинуться.

— Баходыр, сколько лететь до Акся?

— Минут сорок, не больше, но сейчас попутный ветер, и я думаю уложиться в полчаса, вы ведь опаздываете?

— Нет, успеваю вполне, просто любопытно, я впервые пользуюсь вертолетом. Думал, что у вас работа куда комфортнее.

Баходыр рассмеялся.

— Мы те же шоферюги, только воздушные.

— Вы летали раньше в Аксай?

— Да, неоднократно. Я доставлял в загородный дом высоко в горах охотников. Солидные люди, из Москвы, у всех такие ружья, закачаешься — «Зауэр», «Винчестер», «Манлихер» и новейшие автоматические, пятизарядные «Беретта» и «Франчи», итальянские.

— Высоких гостей на таком драндулете? — удивился высокий гость.

— Нет, конечно, на другом. У местного начальства есть вертолет для особых случаев, я на нем тогда летал. Проштрафился, пришлось вот

в сельхозавиацию перейти, бутифосом поля обрабатывать. Честно говоря, там тоже работа не сахар, стой всегда навтыжку, выслушивай пьяные бредни, да еще поддакивай. Вас прямо у правления высадить?

— Не знаю, как тебе удобно, можно у какого-нибудь поста у въезда в Аксай, говорят, он со всех сторон не однажды шлагбаумами перекрыт.

— Да, шлагбаумы — его страсть, не хуже Гитлера забаррикадировался, бетонных бункеров под землей настроил, от кого таится? Но я вас у поста ссаживать не стану, там любого незнакомого человека вопросами замучают, а если станете права качать, дерзить, могут и по шее дать, нукеры у него всегда руки распускают... Уж лучше я вас на лобном месте высажу, прямо перед правлением объединения. Там памятник Ленину, возле него есть айван, он там частенько на виду сидит, думу великую думает. Я однажды ему из Намангана какой-то мешок срочно доставил, не приземляясь, прямо к его ногам на айван бросил. Видимо, что-то важное в мешке было, он тут же через своего холуя сообщил, что жалует меня бараном, пришлось сесть, там как раз рядом площадь для демонстраций, она, как и в Москве, называется Красной, он говорит — у меня все должно быть по-ленински.

— Что, хороший баран? — живо заинтересовался пассажир, о жизни по-ленински в Аксае он давно знал.

— О да! Настоящий каракучкар, один курдюк потянул на полтора пуда, иногда он намеренно щедр, любит о себе легенды.

Приблизились к горам, и вертолет стало болтать, порою он попадал в воздушные ямы и проваливался всей тяжестью вниз, словно терял управление, но всякий раз Баходыр контролировал положение, он, видимо, действительно был хороший пилот, если ему вверяли жизнь охотников из загородного дома. Неприятная и ненадежная штука — вертолет, думал в эти минуты Сенатор, но понимал, что иного пути добраться в Аксай незамеченным у него нет. Как прорваться сквозь частокол шлагбаумов, оставаясь неузнанным, там и среди нукеров есть люди, что стучат в оба конца.

А с тех пор, как аксайским ханом занялись вплотную не только работники прокуратуры, но и следователи КГБ, наверняка взяли на учет тех, кто наведывается к дважды Герою Социалистического Труда. Оставался только путь по воздуху, тем более, если рядом обрабатывают поля дефолиантом. Нет, на этом этапе он рисковать не мог, оттого и выбрал вертолет. Летели высоко, и Сухроб Ахмедович почти все время видел внизу петляющий серпантин дороги,

ведущей в Аксай, и насчитал уже три ряда охраняемых шлагбаумов, заметил, как задирали головы постовые вслед раннему вертолету, по их реакции Сенатор понял, они знали, чем занимается сельхозавиация. Но на шлагбауме у въезда постовой увидел, что вертолет будет пролетать над поселком, тут же кинулся в будку оповестить кого-то, что неожиданный гость появился в небе Аксяя.

Последнее не осталось незамеченным и Баходыр, и он прокомментировал:

— Видели, как шустро нырнул человек в чапане в сторожку, видимо, разгадал, что кто-то летит в Аксай, а это уже ЧП, сюда прибывают только по приглашениям, званными, таков незыблемый порядок, установленный для всех ханом Акмалем.

— Да, гости все уже в Аксае, а меня, конечно, с воздуха не ждут, — ответил как можно беспечнее человек из ЦК, подтверждая версию Шавката, ему не хотелось настораживать пилота.

Показалась длинная тополевая аллея, над которой и шел Баходыр. Поселок еще спал, но в некоторых дворах на огородах уже копошились люди, копали картошку.

— Вот и прилетели, — сказал пилот, и запоздавший гость сразу увидел и величественный памятник Ленину, и помпезное здание объединения с какой-то непонятной башней-пристройкой в торце, он-то знал, что это грузовой лифт.

Хан Акмаль въезжал в него на машине и поднимался на четвертый этаж, по-иному гордость и положение не позволяли. Прокурор не удивился бы, если кто-то в шутку сказал, что у лифта его дожидались носилки под балдахинном с четырьмя дюжими членами партии (иным, наверное, верный ленинец не доверял), которые доставляли директора агропромышленного объединения в его роскошный кабинет. Сенатор понял, что попал в королевство кривых зеркал, увидел он и площадь, явно не по масштабам поселка, приметил и айван, где «наш Гречко» любил думать наедине великую думу о судьбах края, о том, как жить по-ленински. Над нею и завис Баходыр, и через минуту он уже стоял на айване, покрытом дорогим ярко-красным ковром.

Сенатор помахал пилоту, и вертолет с ревом взмыл вверх и вернулся к хлопковым полям. Еще спускаясь по шаткой стремянке, он заметил, как от здания управления спешили к нему два человека. Прокурор сошел с айвана, неловко было стоять на текинском ковре ручной работы в грязных башмаках, и, не глядя в сторону приближа-

ющихся людей, достал сигареты и не спеша закурил. «Официальный визит начался», — попытался он мысленно пошутить, но шутивого настроения не было и в помине.

— Ассалом алейкум, — раздалось вдруг у него за спиной, и Сенатор вальяжно обернулся, увидел двух расплывшихся в улыбке крепко сбитых мужчин в добротных заморских костюмах, купленных как бы на вырост, и мягких удобных шевровых сапогах, за которыми чувствовался уход.

Хозяин Аксяя в моде был консервативен, носил порою и полувоенный френч, и сапоги из мягкой козлинки, такого же стиля придерживались остальные.

— Ваалейкум ассалом, — ответил он и поздоровался с ними за руку. По тому, как каждый из них улыбался полным ртом золотых зубов, на ночных сторожей они не походили, хотя он понимал, что на Востоке определить положение человека по внешнему виду, экипировке — задача безнадежная, тут живут по иным законам, как сказал кто-то из англичан, изучавших Среднюю Азию, «окнами во двор».

Как по волшебству из-за кустов вынырнул аккуратненький, поджарый старичок, весь в белом, и, безмолвно поставив на край айвана поднос с чайниками и горячими лепешками, тут же исчез с глаз, растворился. Хозяева великодушным жестом пригласили гостя к столу. В дальнем углу просторного айвана лежали углом мягкие атласные курпачи и тугие подушки, и в этот угол вписывался клетчатый дастархан, прикрытый двумя слоями марли. Один из мужчин сдернул марлю, и перед ранним гостем предстал живописный натюрморт: хрустальные вазы с фруктами, конфетницы, колотый орех и миндаль в глубоких индийских чашах из меди, стояли и три разные по цвету и размерам закрытые фарфоровые масленицы, наверное, в них подавали мед к орехам, сметану к лепешкам и варенье, если, конечно, хан к нему не был равнодушен.

Сенатор сразу почувствовал, как проголодался, потому без особых церемоний снял обувь и занял предложенное у дастархана место. Как только разместились на прохладных с ночи курпачах, один из хозяев сделал «оминь», как бы проверяя на прочность атеизм гостя, и стал разливать чай. Пили чай с фруктами, ели обжигающие лепешки с густой домашней сметаной и медом, обменивались ничего не значащими фразами, словно предоставляя друг другу возможность первым задать конкретный вопрос.

Сенатор хорошо разобрался в восточной этике и событий не форсировал, за ним теперь чувствовалась и европейская школа особой дипломатии, почерпнутая у Шубарина. Но все же прокурор удивился терпению своих утренних сотрапезников, как не спросить, кто ты такой и зачем пожаловал, у человека, в прямом смысле свалившегося с неба на святое место у памятника Ленину. «Силен Восток, сильны люди хана», — подумал Сенатор, не спеша отхлебывая прекрасный китайский чай «лунь-цзинь», воду для самовара, как сообщили хозяйева, доставляли специально из горных родников.

Между тем солнце уже заметно поднялось, на улицах Аксия появились люди, иные, пробегая мимо правления, с любопытством поглядывали на тех, кто сидел на священном месте. Старичок в белом появлялся дважды, меняя быстро пустеющие чайники, опять он не проронил ни слова. Может, он глухонемой, подумал Сенатор, в королевстве кривых зеркал и такое требование могло предъявляться к обслуге.

Понемногу начали нервничать и суетиться хозяйева, один из них даже среагировал на сообщение о времени, переданном по громкоговорителю «Маяком». Наверное, скоро должен был объявиться настоящий хозяин, хан Акмаль, и золотозубый постарше в конце концов без обиняков, по-европейски, спросил:

— Как доложить?

Прокурор достал из верхнего кармашка твидового пиджака стопку хорошо отпечатанных визитных карточек на мелованном финском картоне и молча протянул одну из них.

Искушение заглянуть в нее было велико, гость читал это по глазам, но человек в шевровых сапогах удержался от соблазна и, до конца выдерживая восточный церемониал, сказал:

— Вы извините, мы должны оставить вас, скоро должен прийти хозяин. А вы отдыхайте, пейте чай. Если захотите покушать, кликните Сабира-бобо, он вмиг организует шашлыки хоть из печени, хоть из мяса. Каждый день на рассвете мы свежем барана, зарезали и сегодня, так что не стесняйтесь, — и учтивые сотрапезники, пятясь спиной, отошли от айвана.

Когда по дороге в правление встречавшие обходили большую чинару, он увидел, как они дружно склонили головы над его визиткой. Как только скрип двух пар ухоженных сапог перестал доноситься до райского местечка в тени памятника Ленину, гость по привычке достал из кармана сигареты, зажигалку и положил рядом на пустую

тарелку из английского сервиза со сценами охоты. Потом отыскал взглядом среди заставленного дастархана пепельницу, которую приметил раньше, сделав при этом вывод, что хан курит, и придвинул ее поближе к себе.

Солнце начинало пригревать, утренняя свежесть прошла, и он поспешил снять пиджак и, оглянувшись вокруг, сладко потянулся. За завтраком они сидели чинно, по-восточному скрестив ноги, Сенатор дома жил по-европейски, и такая поза давалась с трудом, и, оставшись один, он с удовольствием вытянул ноги и сгреб под себя подушку, такая вольность еще допускалась. Тут наверняка чтители традиции, и любая промашка оценивалась бы не только как хамство, но и оскорбление хозяев. «Не задремать бы», — подумал он и закурил.

Сладкий дым табака из Вирджинии привычно успокаивал, настраивал на размышления, но что-то сковывало его изнутри, не было привычного ощущения свободы, присущей ему раскованности. «Неужели на меня так действует воздух Аксая?» — улыбнулся прокурор, но чувство тревоги не покидало, хотя причин для волнения пока вроде нет, встретили вполне любезно.

Хотелось мысленно отрепетировать хотя бы несколько первых фраз для хана Акмаля, но ничего путного в голову не приходило. Сенатор придвинул к себе чайник, он оказался пустой, беспокоить старика ему не хотелось, но он на всякий случай оглянулся, стараясь понять, откуда же доставляли чай из родниковой воды, но высокие стены тщательно подстриженной и ухоженной живой изгороди, оплетенной еще и ярко цветущей лоницерой вокруг айвана, не позволяли ничего увидеть. Тем большим оказалось его удивление, когда через несколько минут перед ним вновь возник Сабир-бобо и опять же безмолвно поставил чайник. Не успел он кивком головы поблагодарить, как старик опять незаметно исчез. Еще больше он поразился, когда налил себе чай, он действительно хотел попросить старика, чтобы ему заварили черный, в Ташкенте все-таки ему отдают предпочтение, хотя пьют и зеленый.

Когда он заканчивал с чаем, услышал шум сбоку, прямо по Красной площади со свистом пронеслась черная «Волга». Наверное, хан Акмаль пожаловал на службу, подумал гость, и не ошибся. Сиявшая лаком машина подъехала к башне-пристройке, и он слышал, как со скрежетом распахнулся грузовой лифт и лимузин исчез в его чреве. День в стране чудес начался.

Прокурор не спеша допил чай, затем выкурил еще одну сигарету, забрал свои пожитки и сошел с айвана. Ему казалось, что сейчас его сотрапезники доложат о визите неожиданного гостя с вертолета и его пригласят в управление, а может быть, к нему поспешит и сам директор агропромышленного объединения, все-таки человек из ЦК?

Гость не спеша прохаживался вдоль стены живой изгороди, изредка незаметно поглядывая в сторону управления, куда беспрестанно входили и выходили люди, он понимал, что за ним могли и наблюдать из окна, но никто к нему не спешил, не окликал. Так прошло довольно-таки много времени, человек из ЦК, не выдержав, даже глянул на часы, с тех пор, как директор явился в свою резиденцию, прошло больше часа.

«Спокойно, спокойно»,— твердил себе Сенатор, с беспечным видом вышагивая вокруг айвана, дымить он перестал, чтобы не дать понять, что волнуется, хотя курить хотелось. Он вполне допускал, что у хана Акмаля могло быть совещание или какие-нибудь срочные звонки в Ташкент. А может быть, экстренно наводили справки о нем? Так прошагал он еще час и, устав, вновь забрался на айван.

Как только он расположился удобно на мягких курпачах, опять возник из небытия Сабир-бобо, он принес огромный медный поднос, где на большой тарелке из того же английского сервиза со сценами охоты истекали жиром горячие, только с мангала, шашлыки, а рядом — другая, более глубокая тарелка с мелко нашинкованным репчатым луком, посыпанным красным корейским перцем, шашлыки прикрывали две румяные, еще хранящие жар тандыра лепешки.

«Наверное, это значит, что меня еще не скоро примут»,— подумал прокурор и принялся за еду, шашлыки выглядели вполне аппетитно. Он пожалел лишь о том, что оставил фляжку с коньяком в машине, сейчас она пришлась бы кстати и к обеду, и к настроению.

Баранина оказалась молодая, нежная, жарили на саксауле, и повар знал свое дело, прокурор не очень увлекался шашлыками, но аксайские ему понравились. Не успел он расправиться с первой порцией, как принесли вторую, поначалу удивил странный изгиб шампуров, но по аромату он догадался, что это тандыр-кебаб. Шашлыки в специальной раскаленной печи без открытого огня в Ташкенте почти не делают, остались кое-где мастера в Ферганской долине, видимо, такой и обслуживал привередливого хана Акмаля. Вместе с тандыр-кебабом безмолвный старик принес глубокую чашку с острым салатом ачик-чучук и два чайника чая, после шашлыков всегда жажда мучает.

«Кормят здесь прилично»,— отметил про себя с иронией гость, тайком посматривая в сторону правления, но там вроде как о его визите и не знали, хотя айван у памятника хорошо просматривался из окон четвертого этажа. «Загнал я себя в тупик, — рассуждал спокойно Сенатор, — ведь теперь обратно свободной дороги нет, если не впускают, то уж отсюда тем более без воли хана и шагу не ступить». Страх он не испытывал, да и раздражение прошло, мелкое чванство хана даже пошло ему на пользу, тот так очевидно выставлял свои слабости. Сегодня ли, при его положении, выдерживать полдня на площади заведующего Отделом административных органов ЦК?

Прокурор сразу почувствовал свое превосходство над человеком, въезжающим на четвертый этаж в черной «Волге». Теперь, точнее уяснив ситуацию, он понимал, что ни совещание, ни срочные звонки ни при чем, мелкая тактика, блажь, желание подавить гостя, мол, знай, к кому приехал! «Наверняка он по старинке думает, что я приехал к нему за советом или помощью, а может, даже за благословением на пост»,— анализировал он события, спокойно попивая чай, и задавался вопросом, как такой человек мог стать самым близким другом Рашидова.

Когда он закончил с шашлыком, вместе с безмолвным стариком появилась молодая девушка. Она принесла кумган с тазиком, и гость вымыл руки. Девушка тщательно прибрала дастархан, поставила свежие фрукты, обновила посуду, и даже ваза с цветами появилась. Через некоторое время девушка вернулась с пачкой газет. Прокурор перекинулся с ней несколькими ничего не значащими фразами. Разговаривая, держался, как обычно, раскованно, знал, ее будут подробно расспрашивать о самочувствии гостя. Газеты дали лишний раз понять, что наверху о нем не забыли и что-то лихорадочно предпринимают. Сенатор всегда в любой игре оценивал первый ход, теперь он считал, что дебют за ним.

Газеты оказались недельной давности, большинство из них, за исключением местных, прокурор читал. Он лениво перебирал страницы, тайно поглядывая на четвертый этаж, поблескивавший свежесмытыми стеклами, и заметил, что время от времени то к одному, то к другому окну подходили люди и смотрели в сторону памятника. Конечно, их не интересовала штампованная скульптура Ленина, зовущего массы трудящихся вперед. Наверное, даже глядя на вождя в упор, они видели на пьедестале все-таки своего хана Акмаля, тут все: и власть, и идеалы, и нравы были ариповскими, других

авторитетов, даже ленинских, не допускалось, хотя опять же все делалось от имени вождя, застывшего в порыве на безлюдной площади Акса. Поистине страна чудес, Зазеркалье кривых зеркал!

Мельтешение вокруг окон говорило ему, что директор агропромышленного объединения на месте и он все-таки озабочен его приездом или, скорее всего, обескуражен его терпением. Наверное, он не понимал, почему бы гостю не встать с айвана и не подняться пешком, без привилегированного лифта на четвертый этаж в служебные апартаменты выдающегося хозяйственника края, как нарекла его наша щедрая на эпитеты и словоблудие пресса, в том числе и центральная. Но Сенатор был не так прост: не позвал сразу по приезде, теперь уж он сам туда не пойдет, пусть поломают голову со своими советниками — зачем пожаловал без приглашения, да еще тайно, прокурор Сухроб Акрамходжаев в Аксай? Не из простых задачка, не из простых, с чем он приехал, не догадаться никому, сочтут за безумие, за дерзость делать такие предложения всемогущему хану Акмалю.

Солнце припекало, и на айване становилось душно, тень от скульптуры вождя сдвинулась правее, и он решительно посмотрел на часы и подумал: «Если через полчаса никто не подойдет и ничто не прояснится, то встану и попытаюсь уехать из Акса, тогда уж точно зашевелимся». Наверное, жест его истолковали правильно, отпущенное на испытание время истекало, минут через двадцать он опять услышал скрип знакомых сапог и у айвана появился улыбающийся как ни в чем не бывало один из утренних сотрапезников.

— Извините — дела, хлопоты. Я доложил о вашем приезде, Сухроб-ака, но директора срочно вызвали по депутатским делам в обком, и он уже час как выехал в Наманган, но распорядился принять вас как следует.

— Как выехал? От управления машина не отъезжала, скрип грузового лифта я бы услышал,— спросил строго Сенатор.

— Извините еще раз, вы у нас впервые в Аксае и не знаете, что попасть в наше здание, как и выйти, можно разными путями, да и черных «Волг», скажу вам по секрету, с одинаковыми номерами несколько, иногда они сбивают людей с толку. Хозяин сказал, что будет ужинать с вами, пойдемте, я отведу вас в гостевой дом. Отдыхайте с дороги, покупайтесь, сейчас там как раз к вашему приходу сменили воду в бассейне и включили прогреться финскую сауну.

Прокурор опять вспомнил, что он находится в королевстве кривых зеркал, забыл о подземных бункерах, катакомбах, тоннелях, вы-

ходящих к реке и шоссе. Хан любил путать следы даже без причины, наверное, чтобы держать свой народ в вечном страхе. Говорят, иной раз в поселке появлялся его двойник, он подолгу сиживал на айване, перебирал четки, вроде напоминал — я здесь, я все вижу! Хотя сам хан в это время находился где-нибудь в Москве на сессии Верховного Совета или уезжал в гости к своему другу Шарафу Рашидовичу.

А черные «Волги» с одинаковыми номерами постоянно шныряли вдоль полей и строек, внушая страх, — все-таки помнили, что машина время от времени останавливалась и из нее выходил хан Акмаль с настоящей кожаной камчой, и горе тому, кто попадался на его пути без лопаты или кетменя.

Гостевой дом оказался не рядом, как предполагал прокурор, пришлось ехать. Располагался он в колхозном саду, вернее, вычурный особняк с собственным садом декоративных деревьев и редких кустарников находился внутри большого яблоневого массива и был обнесен густой сеткой-рабицей высотой почти в два метра, несмотря на то, что владения тщательно охранялись.

Со всех сторон внутреннего парка вдоль изящного забора тянулась проволока для сторожевых волкодавов. По тому, как суетилась служба во дворе, он понял: приказ о встрече гостя поступил недавно.

Когда он проходил высокой застекленной галереей, видимо, служившей в суровые времена года зимним садом, то увидел справа крытый бассейн, его стены, выложенные голубым кафелем, заманчиво оттеняли цвет воды. «Не мешало бы искупаться, целую вечность не плавал», — подумал прокурор, сожалея, что не имеет купальных принадлежностей. Каково было его удивление, когда, войдя в отведенную ему комнату гостиничного типа, он увидел на кровати мягкий банный халат приятного золотистого цвета, плавки в фирменной упаковке, белое махровое одеяло и такое же полотенце — все абсолютно новое. Сенатор тут же облачился в пижаму, оказавшуюся ему впору, и отправился поплавать. Для начала он заглянул в сауну, дверями выходящую к бассейну, там уже хлопотал человек, ладил в предбаннике электрический самовар, загружал холодильник чешским пивом.

«Вполне цивилизованно живет горный хан», — отметил гость, хотя и был наслышан о здешней роскоши и роскоши охотничьих домиков в горах, необыкновенных конюшен с мраморными колоннами и резными дверями, где содержались десятки чистопородных скакунов, чьи цены на аукционе поражают воображение количеством ну-

лей свободно конвертируемой валюты, но бассейн с подогретой водой и экипировкой к нему все-таки удивил прокурора.

Он долго и с удовольствием плавал, наслаждаясь комфортом вычурного по форме и размерам бассейна, наверняка хан Акмаль скопировал свой купальный зал из какого-нибудь видеофильма о красивой жизни, слишком многое говорило о нездешней архитектуре — и высокие стрельчатые окна среди стен, выложенных из красного необожженного кирпича, и стеклянный потолок, легко драпирующийся темно-вишневой плотной тканью, и пальмы в кадках, и редкие карликовые деревья, умело и к месту расставленные повсюду, и ковровые дорожки, и паласы, и ковры, тщательно подобранные по цвету. Он, наверное, купался бы еще, но окликнул человек из сауны и спросил:

— Сухроб-ака, сто десять градусов вас устроят?

Пришлось, прихватив халат, перебираться в сауну.

Наверное, и от бассейна, и от сауны с богато накрытым столом в предбаннике он получил бы огромное удовольствие, если бы в самом конце не произошла одна заминка, в общем-то несущественная — расшатались нервы, но испортившая ему настроение, заставившая задуматься о том, где он находится.

Из сауны он выбежал в купальный зал раза три, приятно было, распарившись, нырнуть в голубую раковину современного бассейна с изумительной мягкой, прохладной водой, заполняемой все из того же источника, где брали и воду для самовара. Купаясь в последний раз, он поплыл в дальний конец бассейна, где у изгиба находилась причудливо гнутая лестница из хорошо обработанной нержавеющей стали, таких металлических трапов имелось три, но с этого при его росте и комплекции выбирать из воды казалось удобнее всего. Подплывая, издали он протянул руки к поручням, чтобы затем рывком подтянуть тело и сразу занести обе ноги на ступни, выложенные узкой полосой водоотталкивающего каучука, чтобы не сорвались ступени и чтобы гость не поранился.

Едва он коснулся кончиками пальцев металла, как его будто ударило током, он в страхе вскрикнул, моментально захлебнувшись при этом, и рванулся на середину бассейна, он подумал, вот еще один изощренный прием аксайского хана, избавляющий его от недругов, подключил ток к поручням, и нет человека — красивая смерть в голубом бассейне. Но через секунду он понял, случись такое, его уже не было бы в живых, вода и есть идеальный проводник электриче-

ства. И он оценил, как расшалились у него нервы и что не следовало ему в предбаннике увлекаться коньяком, несмотря на прекрасную закуску к нему. Хорошо, что толстая дверь сауны оказалась плотно прикрытой и человек из obsługi не слышал его испуганного крика.

Прокурор вновь подплыл к трапу и, уверенно взявшись за поручни, поднялся из воды, но тут же вынужден был сесть на широкий бордюр, опоясывающий бассейн, ноги от испуга предательски дрожали и отказывались идти. Желание продолжить застолье в предбаннике мигом улетучилось, и он, неторопливо распрощавшись с хозяином сауны, отправился к себе. Войдя в комнату, он быстро разобрал кровать и нырнул под простыню, перед разговором с человеком, обладающим двумя «Гертрудами¹», необходимо было выспаться.

Проспал он непонятно сколько времени, несмотря на беспокойство, охватившее его в купальном зале, заснул мгновенно и спал крепко, наверное, и поднялся бы к ночи, но его разбудил все тот же утренний сотрапезник в скрипучих сапогах.

— Вставайте, вставайте, Сухроб-ака,— теребил он его за плечо,— через час приедет хозяин, повара уже давно принялись за ужин, вставайте.

Прокурор нехотя встал, только когда золотозубый человек покинул комнату, до него дошел смысл слов — через час он увидит человека, к которому с таким риском добирался. Он вновь поспешно облачился в золотистый махровый халат и поспешил в бассейн, только вода могла вернуть бодрость и свежесть, так необходимые в предстоящем трудном разговоре с человеком крутого нрава.

Купался долго, ему даже захотелось, чтобы первая встреча произошла именно здесь, в бассейне, он бы с удовольствием протянул ему мокрую руку, но вскоре о подобном методе знакомства передумал и покинул купальный зал. В комнате имелся телевизор, но в четырех стенах ему сейчас было тесно, душно, хотя в окне и стрекотал мощный кондиционер, и он поспешил во двор гостевого дома. Решил прогуляться по парку, имевшему редкие деревья из ботанического сада Шредера, где он любил бывать.

Он видел, как в дальнем углу двора, на летней кухне, хлопотали два повара, и им помогала уже знакомая ему Мавлюда, приносявшая газеты, но безмолвный старик в белом пока не появился. Для прогулки он вы-

¹ «Гертруда» — Герой Социалистического Труда. Высшая степень отличия в СССР (иронич.).

брал самые дальние аллеи парка, чтобы не встречаться с Ариповым сразу, как тот войдет во двор, словно он поджидал его, но гулял по дорожкам, с которых хорошо просматривались зеленые ворота гостевого дома. Уже смеркалось, и часть аллей перед приездом хозяина полили из шлангов, обдали и деревья, особенно у беседок, и в саду чувствовалась свежесть, как после дождя.

Сказывалось и окружение огромного яблоневого массива, запах спелых яблок долетал сюда в парк, где фруктовых деревьев не было, но и от диковинных деревьев и кустарников, частью еще цветущих, от розария и от малинника исходил волнующий аромат. С гор, где росли ореховые рощи и дикая алыча, ветер тоже приносил свои запахи, и все это, смешавшись здесь, у дома, создавало неповторимую ауру, от которой дышалось легко и свободно.

Зажглись фонари на дальних и ближних аллеях, вспыхнуло декоративное освещение у беседок и у густых кустов можжевельника, соседство с которыми, говорят, обещает долголетие, загорелись огни и у закрытых наглухо зеленых ворот — хозяина загородного дома еще не было.

Прокурор гулял по дорожкам, посыпанным на старый манер влажноватым красным песком, и ему вспомнился вдруг ташкентский летний кинотеатр его детства «Хива», который, говорят, в эпоху немого кино назывался «Солей», он тоже имел удивительно ухоженный внутренний дворик с садом, и аллеи его тоже посыпались красноватым песком, и в этом далеком аксайском саду ему неожиданно почудились запахи детства. Но вернуться воспоминаниями в босоногое отрочество, когда он смотрел кино в «Хиве», уютно расположившись на орешине, свисающей над залом, ему не дали. С порога ярко освещенного дома его окликнул все тот же золотозубый человек в дорогом костюме на вырост.

— Сухроб-ака, пожалуйста, в дом.

Прокурор подумал, что хан опять что-нибудь выкинул, откладывает встречу на утро, но ошибся: когда он приблизился, человек в скрипучих сапогах, улыбаясь, сказал:

— Пожалуйста, следуйте за мной, хозяин ждет вас.

Следуя за плотным человеком, не назвавшим себя с самого утра, Сенатор подумал, что и здесь, под загородным домом, туннель. Как же он объявился, не с вертолета же на стеклянную крышу бассейна опустился? Не стоило ломать голову, следовало лишь принять во внимание, что хозяин любит цирковые трюки, и вдруг он зло на-

звал про себя директора объединения — Иллюзионистом, это имя аксайскому хану подходило более всего.

Они миновали купальный зал, прошли еще галереей — зимним садом и свернули налево в коридор с паркетными полами, застеленный ярко-красной ковровой дорожкой, и золотозубый постучал в первую же дверь с левой стороны. Прокурор не слышал, что раздавалось в ответ на стук, но провожатый толкнул дверь внутрь и широким жестом пригласил войти первым.

Сенатор вошел в комнату с приглушенным, мягким освещением, после яркого света в коридоре он даже на минуту как бы потерял остроту зрения, и не сразу разглядел человека, лежавшего в свободной позе на высокой курпаче у стены, как только он с приветствием направился к нему, тот, несмотря на свою грузную комплекцию, легко поднялся и тоже пошел навстречу, золотозубо улыбаясь.

Что Карден, Хуго Босс, Бернард ле Рой, Ги ля Рош, Карвен, успел усмехнуться в душе Сенатор — вот вам настоящий законодатель мод — Акмаль Арипов. Теперь он понял, откуда такая тяга к золотым зубам у аксайской номенклатуры. Они сошлись как раз посередине комнаты и обменялись рукопожатием.

— Пожалуйста, прошу к дастархану,— хозяин дома короткопалой рукой пригласил на ковер.

Гость успел оглядеться, комната оказалась обставленной на восточный манер, ни одного стола, стула, никакой мебели вообще, кругом ковры, курпачи, подушки. Большие окна, выходящие в розарий, распахнуты настежь, видимо, хан не выносил кондиционера, но в зале чувствовалась прохлада, наверняка днем держали на полу ледяную воду в мелких корытах,— старый восточный способ охлаждать жилые помещения.

— Извините, ради Аллаха, что заставил вас ждать,— сказал Акмаль-ака, заняв прежнее место у стены,— дела, заботы. Сами понимаете, непростое время, перестройка. Хотим и новой власти доказать, что не зря у нас знамена, и республиканские, и союзные. — И он кивком головы показал куда-то за спину гостя.

Сенатор невольно оглянулся — вся стена, завешанная огромным кроваво-красным ковром, вплотную заставлена свернутыми знаменами, от стены до стены сплошь тяжелый бархат, шитый золотом, лишь по древкам на полу удавалось подсчитать, сколько их — но и без счета панорама впечатляла. «Ничего себе место для встречи организовать,— отметил про себя прокурор,— хочет авторитетом подавить?»

— Только доложили о вашем приезде — звонок из обкома, пришлось срочно ехать в Наманган, только вернулся. Не обижайтесь, у каждого свое начальство. Не мог же я сказать, что у меня человек из ЦК, начались бы расспросы: кто, откуда, зачем, почему мы не знаем? — Иллюзионист внимательно посмотрел на прокурора, проверяя, как среагирует гость.

Сенатор сделал вид, что не придавал значения словам, но понял, как тот ловко зондирует ситуацию, пытаясь понять, кто стоит за его визитом. Сам он, глядя на мокрые волосы директора и отекавшее от сна лицо, понял, что Акмаль-ака, так же как и он, отдыхал в этом доме и следом за ним купался в бассейне, возможно, и в сауну заглянул, но он сделал вид, что верит рассказням хозяина загородного дома.

— Я понимаю, Акмаль-ака, работа есть работа. У меня действительно частный визит. Я не в претензии, к тому же я приятно провел время, спасибо. У вас дивный бассейн и прекрасная сауна, таких и в Ташкенте мало.

— Стараемся. В Аксае всегда рады гостям, что же, Сухроб-джан, раньше не приезжали? — спросил опять же с намеком Иллюзионист.

Сенатор решил тоже в самом начале беседы поставить хозяина дома в тупик и ответил без обиняков:

— Раньше не мог. Должность не позволяла. Вы ведь не всех так радушно принимали? Сейчас я подумал, что и мне пришел черед навестить в Аксай, посмотреть, как вы живете, много наслышан о вас...

Ответ его явно озадачил Иллюзиониста, он не сразу нашелся что ответить, и в этом прокурор увидел слабость законодателя мод Аксая и его окрестностей. Но он все-таки ответил:

— Гостям мы всегда рады, вы убедитесь в этом. Новое время, новые люди, жаль, не знал вас раньше. Правда, читал ваши статьи в газетах, они и тут много шума вызвали. Я рад за вас, горд, что и у нас правовая мысль не дремлет, не все должно приходиться к нам из Москвы. Я всегда стоял горой за таких людей, помогал. Вы правы: в том, что вы у нас не бывали, — не ваша вина, а вина тех, кто вовремя не привез способного человека, здесь он всегда мог найти помощь и понимание. Зря думают некоторые, что Аксай утерял свое значение для республики, это недалековидные люди, и я рад вашему приезду, Сухроб.

И, понимая, что разговор на трезвую голову становится опасным, он похлопал в ладоши, и тут же в комнату вошли Мавлюда и еще одна девушка удивительной красоты. Они расторопно убрали

чайник и пиалы, стоявшие перед хозяином, накинули поверх клетчатой скатерти еще одну, белоснежную, и стали дружно заставлять дастархан закусками, салатами, фруктами. В последний момент в комнату вошел безмолвный старик, обслуживавший утром, опять во всем безукоризненно белом, и на отдельном подносе подал две высокие бутылки коньяка и две рюмки к ним. Наверное, по каким-то законам шарията девушкам не велено прикасаться к вину. Какая целомудренность у хана, усмехнулся Сенатор, зная его замашки, он и Коран попрали сотни раз. Видимо, спектакль разыгрывался для него, мол, учись, горожанин, настоящим народным традициям, которые так блюдет Акмаль-хан.

Директор объединения самолично разлил коньяк и, подвинув гостю рюмку, налитую до краев, проникновенно сказал:

— Как бы там ни было, вы мой гость, и я рад, что вы нашли дорогу к моему дому. За знакомство в столь трудное для страны время! Вам ли не знать по должности, сколько врагов у перестройки. Но мы и этот этап одолеем, партии все по плечу! За знакомство, за партию, работающую в новых условиях гласности и демократии! — И хозяин протянул рюмку через щедро накрытый дастархан.

«Ничего себе, для начала лихо. То ли еще будет!» — отметил про себя гость, но с улыбкой поддержал тост. Едва он выпил, хозяин пододвинул тарелку с лимонами.

— Пожалуйста, свои, имеем лимонарий. Полмиллиона дохода в год, отправляли учеников в Ташкент к Фахрутдинову. Теперь сами платные курсы и продажу саженцев организовали — деньги кругом под ногами у предприимчивого человека, только завистники ходят по купюрам, а считают их почему-то в чужих карманах.

«К чему бы это? — мелькнула мысль. — Неужели думает, что я по поводу хищений в лимонариях?» Хотя и там суммы в сотни тысяч, лимонарий не волновал прокурора, но лимоном с удовольствием закусил. Он в самом деле, как и многие ташкентцы, отдавал предпочтение не итальянским, не марокканским, не греческим, не грузинским, а лимонам Фахрутдинова, сочным, с мягкой кожурой, без горчинки, а какое варенье из них наладились делать ташкентские хозяйки!

Прокурор окинул взглядом обильный дастархан, раздумывая, что бы положить на тарелку, как Иллюзионист предложил казы — конскую колбасу.

— Уже сентябрь, и мы забили молодого жеребца, уверен, такого казы, кроме Аксая, нигде нет, удесятерит силы мужчины. —

И он громко и нарочито засмеялся, наверняка фраза служила дежурной шуткой сотни раз.

В лошадях аксайский хан, конечно, разбирался как никто другой и жеребцов для колбасы откармливал специально, по своей технологии, и он, поблагодарив хозяина, положил на тарелку несколько кружочков казы. Хозяин вновь налил рюмку до краев, видимо, ему не терпелось разогреть гостя как можно быстрее.

— Как поживает Тулкун Назарович? — спросил он вдруг, желая прояснить для себя кое-что перед новым тостом.

— На пятом этаже я не часто бываю, высокие люди, высокие заботы. Но по работе приходится общаться, слава Аллаху, жив-здоров, по-прежнему полон энергии, замыслов. Нам, молодым, есть у кого учиться, с кого брать пример, — ответил Сенатор уклончиво, не афишируя связь.

— Не скромничайте, Сухроб Ахмедович, знаем, что вы и на пятом этаже у многих открываете двери ногой, догадываемся, что вы сегодня — один из самых перспективных работников ЦК. Хорошо, что не зазнались и о старых кадрах говорите тепло, теперь ведь молодые как о прошлом, — охают да осмеяют, а мы ведь тоже не сидели сложа руки, знамена за красивые глаза не присуждают, за труд... А еще вот что скажу, Сухроб-джан, говорят, мир стоит на трех китах, неверно, категорически не согласен с такой научной точкой зрения, мир стоит на дружбе, на крепкой сцепке мужских рук.

— На круговой поруке, — подсказал с издевкой сотрапезник, но Иллюзионист иронии не понял, он радостно подхватил, уловив суть:

— Молодец, юрист и за столом юрист, правильно — круговая порука, и поэтому давайте выпьем за наших друзей, когда-то мы помогли подняться Тулкуну Назаровичу, он, наверное, вам, вот на этом земля и держится...

«Неужели он успел переговорить с ним днем?!» — подумал прокурор, но тут же успокоился, Иллюзионист по привычке крупно блефовал.

Выпили за друзей, а также за круговую поруку. Гость старался хорошо закусить, он понял, для чего затеял гонку тостов хан Акмаль. Внесли горячие закуски, опять тандыр-кебаб и нарын, тончайше нарезанная крутая холодная лапша, смешанная с мелко нарезанной печенью, мясом, обложенная сверху кружочками казы и в толщину бритвенного лезвия нашинкованным репчатым луком и присыпанная черным перцем. Спустя минут пять Мавлюда внесла еще и дымя-

щийся ляган с мантами, что-то среднее между русскими пельменями и грузинскими хинкалями, мелко резанная баранина с луком и курдючным салом, готовится на пару в специальной посуде. С такой закуской захмелеть сложно.

Обладатель двух «Гертруд» как бы случайно спрашивал то об одном, то о другом человеке, порою предлагал даже тост за кого-нибудь из них. Он усиленно зондировал почву, пытался выяснить — может, кто из его друзей-нахлебников послал к нему прокурора, он-то догадывался, что сгущаются тучи над головой, хотя и не знал подробностей, разладилась связь со столицами. Порою Иллюзионисту казалось, вот уж за этой фамилией... неожиданный гость скажет наконец: «А я к вам, Акмаль-ака, от него с поручением». Но фамилии людей, которые он, все-таки остерегаясь, выкидывал как карты из колоды, желаемого результата не давали, все отскакивало от этого непробиваемого человека без галстука, в странном, на его взгляд, пиджаке. Он хорошо понимал, что не выведывает, как он обычно привык, а раскрывается, но остановить себя уже не мог и потихоньку наливался злобой. Спросить напрямую: кто прислал, зачем — не позволяла гордость, и положение гостеприимного хозяина обязывало не торопить событий.

Высокий гость умело поддерживал разговор, не отказывался выпить то за одного, то за другого, отмечая, как по крутой спирали нарастал список фамилий, интересующих Акмаль-хана. Сенатор понимал, что вот-вот прозвучит фамилия самого Первого, с которым он был в дружбе, как и с Рашидовым, наверняка он не забыл, как тот спас его два года назад, но хан почему-то медлил, выкидывал другие карты.

Прокурор удивлялся краткой, но меткой характеристике многих, кого Иллюзионист вспоминал, и эти люди теперь по-новому открылись перед ним. Двумя-тремя фамилиями он буквально поразил Сенатора, уж эти люди казались ему такими неподкупными, строгими, принципиальными, а, оказывается, давно водили дружбу с Иллюзионистом, а эта дружба их ко многому обязывала. Поистине: скажи, кто твой друг...

Человек из ЦК видел, что хозяин дома, не добившись инициативы в разговоре, начинает потихоньку раздражаться и много пить, пора было переходить к цели своего визита, но момента удобного тоже не представлялось, а то, что директор агрообъединения нервничал и терял уверенность, оказывалось ему на руку. Он не приехал просить по мелочам. К тому же вспомнил, что хан Акмаль по природе своей «сова», любил гулять ночи напролет, значит, не стоило спешить.

Разливая остатки второй бутылки, хан Акмаль заметил, что он форсирует события в ущерб себе, ташкентский гость пить умел и ел на зависть, а у него самого сегодня аппетита не было, да и злоба непонятная душила, и он чувствовал, как пьянеет, упускает инициативу в разговоре, хотя пить умел и редко кто перепивал его. Следовало сделать перерыв: выйти на воздух, собраться с мыслями, ведь разговора по существу еще не было, считай, разминка, проба сил, и первый раунд он начисто проиграл.

Поэтому он сказал вдруг весело:

— Давайте, Сухроб-джан, я покажу вам ночной парк, погуляем по его аллеям, у меня такие редкие деревья и кустарники растут, ташкентский ботанический сад позавидует. Кто знает мою слабость, дарит мне саженцы экзотических, реликтовых пород деревьев, кустов, цветов. Знайте и вы путь к моему сердцу, вы ведь тоже в интересных местах отдыхаете — в Гаграх и Цхалтубо, Форосе и Ялте. А пока мы погуляем, девочки обновят дастархан, проветрят комнату, а повара опустят в котел рис. Что бы мы ни ели, чем ни закусывали, все равно царь узбекского стола — плов, а в Аксае его готовить умеют, хотя вы, господа ташкентцы, думаете, что все самое лучшее только у вас.

— Нет, что вы, я так не думаю, особенно после вашего тандыр-кебаба и лепешек с джиззой, и девушки у вас красавицы, наверное, у нас таких и в знаменитом хореографическом ансамбле «Бахор» не сыскать,— польстил откровенно Сенатор хозяину и девушкам. Прямая лесть попала в точку, она, видимо, была милее и привычнее хозяину загородного дома.

— Молодец, спасибо, что оценил. Сразу видно, человек со вкусом, а то придет иной лапотник, все нос воротит, это ему не так, это не нравится. Пойдем, Сухроб, дорогой, подышим у кустов можжевельника, это, говорят, жизнь продлевает, если мы коньяком ее сократили, то сейчас восстановим в полном объеме. Если бы мы не пили, не курили, сколько лет могли прожить, проводя вечера рядом со священным можжевельником и в окружении любимых лошадей.

Гость знал еще одну страсть аксайского хана, тот порою ночи напролет проводил в конюшне рядом с загоном любимого жеребца Самана. Кто-то прочно внушил ему, как и теорию о трех китах, что тот, кто подолгу общается с лошадьми, ест конину, проживет долго, отсюда маниакальное влечение к скакунам, к постоянному росту табуна.

Кони в Аксае содержались куда лучше людей, им он уделял не только внимание, но и любовь.

Видимо, парк не только был тщательно спланирован (чувствовалась в нем крепкая рука ландшафтного архитектора), но и умело освещен, тут наверняка поработали театральные осветители, столь неожиданным подчас казались их решения. То освещение, что видел он в сумерках, дожидаясь хана Акмаля, оказалось предварительным, затравкой, во всем великолепии оно предстало сейчас. Хозяин загородного дома наверняка знал, какой ошеломляющий эффект производил его ночной сад на гостей, потому и устраивал гуляния по аллеям в полночь.

Низкие мощные прожекторы подсвечивали от земли огромные, уходящие в темноту звездного неба необхватные дубы или стройные японские деревья фейхоа. То тщательно, с геометрической точностью высвечивались повороты дорожек, то в чаще деревьев вдруг вспыхивал яркий источник света, и спящий сад преображался, играл новыми, невидимыми днем красками, то какое-нибудь одинокое дерево словно крупным планом попадало на экран и завораживало внимание, и сразу бросалось в глаза совершенство его ствола, ветвей, всего контура, зеленого абриса, и в ночи по-иному слышался шепот его листьев. Мы ведь не избалованы ни ландшафтной архитектурой, ни особым вниманием к общественным паркам, может, где и есть подобные чудеса на закрытых государственных дачах или в иных правительственных заведениях, но даже Сенатор, кое-где бывавший и кое-что выдававший, воскликнул искренне, не пытаясь потрафить напыщенному хану.

— Фантастика!

— Это вам не Ташкент, не вшивая госдача, — самодовольно буркнул Иллюзионист, довольный произведенным впечатлением на важного гостя.

Сенатор на минуту представил, какие иллюминации, какой фейерверк огней, салютов, взрывов красочных петард, шутих, выстрелов сигнальных ракетниц устраивается здесь, когда хан организует прием в честь своего дня рождения, который он назначил себе из-за удобства или иных амбиций на Первое мая, возможно, ему казалось, что все праздничные шествия в его честь, прекрасный парк к этому дню набирал силу после недолгой аксайской зимы.

«Отшумели его карнавалы», — подумал прокурор, глядя на Иллюзиониста, склонившегося над клумбой ночных фиалок, и почему-то пожалел, что ни разу не довелось ему побывать на дне рождения хана Акмаля, не из-за чувств, что питал к нему, а просто из-за праздника, широко, с помпой, с фантазией организуемого в Аксае. Он много

слышал о них, и вот теперь он гуляет в этом саду, где некогда гремела музыка, слышался смех, а хан всем казался вечным и могучим.

— Хотите, я вам покажу мое любимое место в парке? — вдруг спросил хан Акмаль, неожиданно оказавшийся рядом.

Запах ночных фиалок вблизи чувствовался так остро, он будоражил воображение, волновал гостя, и ему не хотелось уходить из этого дивного уголка, но и любопытство брало, что же вызывает восторг и любовь самого хозяина чудного парка, и, словно боясь спугнуть тишину, заполненную запахами цветов, он негромко сказал:

— С удовольствием, Акмаль-ака, с удовольствием...

Они свернули по дорожке налево, обойдя прекрасно освещенный угол с голубыми елями. В умелой подсветке ели серебрились и казались порою не земными, а, скорее, марсианскими, и шелест ветвей, шорох иголок отдавал чем-то металлическим, алюминиево-легким. Хозяин хорошо знал свой парк, свободно в нем ориентировался, прошли мимо кактусовой плантации, возле нее гость гулял один, дожидаясь хана Акмаля. Но сейчас, в ночи, она тоже выглядела иначе, особенно те кактусы, что цвели по ночам большими ярко-красными цветами. У кактусов он хотел задержаться, но хозяин, даже не взглянув на плантацию, свернул направо, в кипарисовую аллею, и тут прокурор почувствовал влажность, запах воды.

«Какой-нибудь цветной фонтан с мраморным лягушатником», — подумал он, но ошибся. Хотя насчет воды и лягушатника оказался прав. Три небольших, метров на семь каждый, лягушатника, разделенных между собой тонкой стенкой, составляли как бы аквариум, так же, как и все вокруг, искусно освещенный изнутри, с боков и сверху. Дно во всех трех отсеках аквариума мерцало розовой хорошо глазурированной керамической плиткой, а стены, как и в бассейне, оказались выложены голубым.

Во всех трех делянках цвели лилии и лотосы, такое волшебство Сенатор видел впервые. Белые нежные лилии, желтые, розовые, лиловые, чем-то напоминающие гибридные хризантемы, заморские лотосы — от этого великолепия нельзя было оторвать взгляд. Вспугнутые людьми, зашевелились в глубине сонные золотые карпы, они лениво бороздили пространство, задевая стебли лилий и лотосов, и цветы начинали покачиваться, создавая вокруг себя мелкую рябь.

Компрессоры, трещащие за спиной, постоянно подавали кислород в лягушатник, и мелкие пузырьки, поднимавшиеся со дна, создавали удивительно живую картину природы, забывалось ощу-

щение ее рукотворности. Тугие, полные хлорофилла листья лилий оттеняли благородный цвет кувшинок, они как в икебана дополняли композицию, и казалось — уж ничего ни добавить, ни прибавить, но природа и тут шутила над всезнающим человеком. На одном листе лилии вдруг, откуда ни возьмись, появилась лягушка, она словно пчела пила нектар из цветка, потом долго недоуменно смотрела на неожиданных ночных посетителей их дома, затем с шумом плюхнулась в глубину, спугнув крупного, с красными плавниками, золотоспинного сазана.

Природа быстро обживает рукотворное, трещали рядом цикады, роилась над водоемом, привлеченная светом, всякая мошкара, обитающая возле воды, она, наверное, и становилась добычей лягушек, облюбовавших жительство в бетонном аквариуме. Видение завораживало, и прокурор забыл о том, где он находится, чьи это владения и зачем он сюда приехал. «Гипноз какой-то», — сказал про себя Сенатор и пожалел, что не захватил фотоаппарат, дивный получился бы кадр.

— Вот эти неземные цветы больше всего волнуют мою душу, — вернул его в действительность жесткий голос хана Акмаля. — Жаль, мало выпадает времени бывать здесь, это и есть мой самый любимый уголок в парке.

Прокурор, увидев на противоположной стороне аквариума обвитуя плющом скамейку с высокой спинкой, хотел направиться к ней, посидеть на свежем воздухе, созерцая удивительное цветение ночных лотосов, но хозяин дома взял его за руку.

— Пора, уходя из дома, мы дали команду заложить рис, а плов не любит ждать. Да и повара обижать не хочется, старался человек, уже дважды сигналил фонариком от летней кухни, — сказал Акмаль-ака, и они не спеша вновь направились в комнату, заставленную знаменами.

Как только они расположились у обновленного дастархана, снова объявился Сабир-бобо с тем же подносом и опять с двумя бутылками прежнего коньяка «Двин». Прогулка подействовала на обоих отрезвляюще, особенно на директора агрообъединения, к нему вроде вернулось настроение и исчезла явно просматривавшаяся злоба, грозившая взрывом, так, по крайней мере, показалось гостю.

— Хорошо, что догадались погулять по ночному саду, посетить мой любимый уголок, теперь вы мне, Сухроб-джан, стали как-то ближе, понятнее. И давайте выпьем за ваш приезд, за ваши дела, что при-

вели сюда, пусть они будут удачными. За успех! — сказал Иллюзионист, сразу беря быка за рога и приглашая гостя к откровенному разговору без восточных церемоний, время разминки истекло.

Прокурор выпил, он тоже, как и хозяин дома, считал, что пора приступать к делу. Ночь шла на убыль, и Иллюзионист вроде настроен мирно, но тут вошла девушка, в начале застолья помогавшая Мавлюде, и внесла огромный ляган плова, обсыпанный сверху зернами дашнабадских гранатов. Уходя, она так игриво посмотрела на прокурора, что он даже засмутился от неожиданности и растерял слова, с которых хотел начать беседу. Выручил плов, на него они дружно и налегли.

Видимо, к плову разыгрался аппетит и у хозяина дома, теперь и он ел, активно подбадривая гостя, придвигая к нему лакомые кусочки курдючной баранины и популярно читая лекцию о баранах и баранине. Например, говорил он, что особо уважаемых гостей угощает правой частью туши, видя недоумение гостя, пояснил, что баран всегда ложится на левый бок, а правый бок по этой причине вбирает куда больше солнечных лучей, оттого и мясо на нем оказывается сочным, и целебным, и нежным, потому что никогда не мнется, а вес гиссарских баранов в этих краях достигает шестидесяти — восьмидесяти килограммов.

«Каким гурманом, чревоугодником надо быть, чтобы высчитать подобное, да еще в том краю, где люди месяцами не видят даже мороженого мяса!» — удивился гость, но отметил, что баранина в плове действительно необычайно вкусная. Надо не забыть рассказать об открытии хана Акмаля Шубарину, чей друг, некий Икрам Махмудович — большой гурман, сочтет это за бесценный подарок.

Так за оживленным разговором они и управились с ляганом плова, тотчас, словно подглядывали, вошли обе девушки с кумганами и медными тазиками, надраенными до солнечного блеска, и мужчины вымыли горячей водой руки, ибо ели по традиции пятерней. Мавлюда прислуживала хозяину дома, а подруга — прокурору, и вновь она игриво улыбалась, а, подавая полотенце, дважды намеренно коснулась его руки.

«Что еще затеял хан, за что решил так щедро одарить?» — мелькнула волнующая мысль, но она долго не задержалась. Человек из ЦК вспомнил о предстоящем деле, и стройная девушка в шальварах с трогательной родинкой на щеке, так мило и очаровательно улыбающаяся, как-то сразу вылетела из головы.

Прежде чем приступить к разговору, гость предложил закурить директору и закурил сам, за сигаретой, казалось, его предложения не покажутся столь дерзкими.

— Дорогой Акмаль-ака, я хоть прежде и не числился в ваших друзьях, решился на самостоятельный визит в Аксай по двум причинам,— наконец отважился гость. — Первая. Насколько я вижу, возглавляя определенный отдел в ЦК, многие ваши друзья и покровители отвернулись от вас, бросили на произвол судьбы. Я не знаю причин их поведения, может, страх за собственное благополучие, может, страх перед непонятным временем, от которого многие в шоке, может, у них имеются еще какие-нибудь доводы, но я не вижу, чтобы они проявляли активное участие в вашей жизни, как прежде.

Вторая причина, скажу откровенно, она более всего меня и подвинула к этому поступку, над вами всерьез сгущаются тучи, уже готовы документы, чтобы лишить вас депутатской неприкосновенности.

— Я знаю и то, и другое, дорогой Сухроб,— перебил вдруг Арипов,— давай выпьем еще по одной, разговор предстоит непростой о моей судьбе за моим дастарханом... дожился. — Иллюзионист говорил глухо, растерянно. Видно, новость все-таки была неожиданной, хотя он по привычке автоматически блефовал.

Оба они знали, что после плова спиртное не употребляют, больше налегают на кок-чай, но тут никто из них не стал церемониться, сослаться на традиции, ритуал, повод для выпивки представился серьезный. Предложив выпить, хан Акмаль брал как бы тайм-аут, прерывал разговор, ему всегда нужно было время собраться с мыслями, он не отличался молниеносным искрометным умом, как, например, Шубарин, или Миршаб, или тот же прожженный политик Тулкун Назарович.

Разливая коньяк, он искоса посматривал на гостя, словно не доверяя ни ему, ни его словам, потом, словно нащупав какую-то нить, спросил осторожно:

— Если вы отважились на такой шаг, как визит в опальный Аксай при вашем служебном положении, наверное, у вас есть вариант, предполагающий выход из того мрачного положения, что вы обрисовали мне? — Долгий, витиеватый вопрос, в нем крылась и угроза, и шантаж («при вашем служебном положении»), хан говорил в своей обычной манере, льстивой и коварной одновременно.

Гость потянулся через дастархан и пододвинул к себе тарелку с тонко нарезанными лимонами, хозяин после неприятных сообще-

ний заметно утерять хлебосольность. Прокурор намеренно тянул время, готовил хозяина загородного дома к главной новости, от того, как он ее примет, и зависел успех задуманного Сенатором.

Ответ требовал определенной деликатности, такта, ведь хан Акмаль уже сказал «о моей судьбе за моим дастраханом». Прокурор почему-то вспомнил древний обычай у Тимуридов, к чьим предкам аксайский Крез постоянно себя причислял и бахвалился — гонца, доставившего неприятную весть хану, всегда казнили. Сегодня он невольно находился в роли подобного вестника.

— Вариантов-то, к сожалению, — начал он осторожно, — уже, считай, нет. Вашим делом занят следователь по особо важным делам, помогают ему коллеги-следователи из КГБ, они настолько остерегаются утечки информации, что даже я мало чем располагаю по вашему делу, кроме того, что сказал. Вы, наверное, знаете, кого уже успели арестовать, и можете представить, в каком свете они выставили вас и вашего друга Шарафа Рашидовича. Ну, тому ни холодно ни жарко, он на том свете, и пусть земля ему будет пухом. Но теперь все стрелы, как я вижу, сосредоточены на вас, тем более, сделав себе харакири, ушел из жизни каратепинский хан, а Анвар Абидович решил признанием и покаянием вымолить себе жизнь, и он, похоже, вас не шадит, вы ведь с ним долго соперничали...

— Сволочь! — вырвалось вдруг зло у Иллюзиониста.— Однажды я ударил его плетью и сожалел об этом долго, теперь жалею, что не забил его до смерти! — прозвучало как взрыв, короткий и мощный, хана впервые за весь вечер прорвало, но он тут же затих, сник. Враз опали крутые плечи под тонким шелковым халатом, и тяжело опустилась бритая голова, всем видом он выказал смиренность судьбе и обстоятельствам, и прокурор подумал, что подоспел момент сказать главное.

— Выход один. Вам нужно уезжать, пока не поздно.

— Куда? — раздался покорный голос аксайского Креза, притупивший внимание прокурора.

— Ну, тут варианты есть, и даже на выбор,— воодушевился гость,— вам подойдут районы с компактным проживанием узбекского населения, а такие оазисы есть в Южном Казахстане, Чимкентской, Джамбульской и даже Алма-Атинской областях, на всей территории Таджикистана, включая и столицу Душанбе, есть такие места и в Киргизии, особенно в Ошской области, есть поселения в Туркмении, особенно их много вблизи Хорезма и Чарджоу. Там вы не будете

ощущать оторванности от своих корней, снимается языковой барьер, вам будут понятны психология и образ жизни вашего окружения, это та самая среда, где вы сумеете незаметно раствориться.

Есть и крайний вариант, пока идет война в Афганистане и Термез прифронтовой город, я могу переправить вас через Амударью, или, как говорят военные,— через речку, контрабандистами эта дорога хорошо освоена. Там более двух миллионов узбеков живут кучно, и оттуда вам не заказана дорога ни в одну мусульманскую страну, где обитают сунниты, в Турцию, например, или Кувейт, а может, даже в Саудовскую Аравию со священной Меккой. Но этот путь, я должен сразу оговориться, обойдется вам недешево.

— Ну, вариант с Афганистаном снимем сразу, я хотел бы умереть на своей земле, там я пропаду с тоски. А в остальных случаях пойду дорабатывать до пенсии куда-нибудь завхозом или ночным сторожем? — убаюкивал он бдительность Сенатора.

— И это я предусмотрел,— клюнул на удочку хана Акмаля гость. — Я приготовлю вам не только новый паспорт с какой-нибудь традиционной для восточных народов фамилией, но и пенсионную книжку, все на законных основаниях, это в наших силах. Оформим небольшую, скромную, как у большинства трудящихся, пенсию. Заранее приглядим вам приличный дом с хорошей усадьбой, и переждете-пересидите всю эту перестройку, гласность где-нибудь в тиши. Если же что-то изменится в жизни страны, как рассчитывают многие уважаемые и авторитетные люди, вернетесь из изгнания живым и невредимым назло своим врагам.

— Неплохая идея, неплохая, по крайней мере звучит убедительно,— сказал Иллюзионист, расправив плечи и приободрившись. — Давайте-ка, Сухроб-джан, выпьем еще, я что-то протрезвел от всех ваших сообщений.

Выпили. Прокурор вновь долго и тщательно закусывал, давая возможность разговариваться хозяину дома, судя по лицу, о чем-то лихорадочно соображавшему. На разговор он оказался пока не настроен, а вот вопросы прозвучали резонно.

— А зачем вам, Сухроб-джан, преуспевающему функционеру, попавшему в струю нового времени, нового мышления, пытаться спасти меня, или, говоря юридическим языком, увести от ответственности? Зачем вам этот риск? В изгнании, или, точнее, в бегах, я вряд ли смогу вам чем помочь. Отчего такая забота, когда все от меня отвернулись, бросили на произвол судьбы, как вы выразились? Ведь

даже сам Первый, некогда спасший меня и кому я помог подняться на этот пост, не протягивает мне руки помощи, наверное, считая, что я уже совсем обреченный. Какие же планы у вас и кого вы представляете?.. Ни один из ныне сильных, как я уразумел, для вас не авторитет, не интересен, и вряд ли в вашей перспективе для кого-то из них есть место. И опять напрашивается вопрос — почему ваш выбор пал на меня, человека из старой затасканной колоды, представляющего самую черную ее масть — пиковую?

«Ничего себе тугодум,— подумал прокурор,— вопросы в лоб и требуют таких же прямых ответов, иначе не поверит, подумает, ловушка какая-нибудь».

Сенатор закурил сигарету, чтобы иметь паузу для обдумывания ответов, и не спеша, но твердо начал, как бы продолжая давно выношенную мысль:

— Вы правы, ваши наблюдения поразительны, я действительно не ставлю ни в грош никого из тех, кого вы назвали, хотя они до сих пор на коне. Скажу больше, раз уже пошел такой прямой и откровенный разговор, если я не ставлю в один ряд с ними Тулкуна Назаровича, к которому все-таки испытываю симпатию, то в моих планах на дальнейшее нет места даже для него, иначе бы я согласовал с ним визит к вам, все это отработанный пар, заигранная колода, вчерашний день, они продвигались и работали в иной обстановке, в иное время, к которому при любых переменах возврата больше нет. Большинство из них не знали настоящей борьбы в жизни, конкурентности, им все досталось на блюдечке с голубой каемочкой: кому по родству, кому по землячеству, кому по происхождению, кого-то из них сажали на пост те или иные люди, подобные вам, чтобы иметь наверху своего человека, а точнее, марионетку. Сегодня они в такой растерянности, в какой не пребывает ни один слой населения. Они озабочены одним: как выжить, как сохранить привилегии, ничего не меняя.

А чтобы что-то перестраивать, надо иметь мысли, знания, желание,— они же привыкли к руководящим указаниям сверху на все случаи жизни, и готовых рецептов новой жизни не оказалось ни у кого. И день ото дня становится очевидным, что священные для них догмы давно мертвы. И послушание, оказывается, не есть главная добродетель, требуется инициатива, мысль, суждение и высказанное вслух, желательно публично, собственное мнение, все то, что еще вчера порицалось и подавлялось. Конечно, еще многие по привычке важничают, молчаливо хмурия высокие лбы, выдавая импотентность за воз-

держание, да сроки-то неумолимо проходят, как ни оттягивай конец, становится очевидным — кто есть кто и кому какая цена. Разве в такой ситуации им до вас, Акмаль-ака, каждый форсирует ближайшие планы, рвет последнее, что можно еще урвать из кормушки: квартиру, машину, дачу — для себя, детей, впрок, на всякий случай, вот чем сейчас они заняты, им ли до судьбы Арипова, до судьбы Отечества? Могу ли я рассчитывать на таких людей?

Гость, сбрасывая пепел сигареты, украдкой глянул на хозяина дома, какое впечатление производит на него его эмоциональная речь, но по отрешенному лицу хана было трудно что-либо понять, хотя в том, что он слушал внимательно, Сенатор не сомневался, и лениво смеженные веки говорили не о безразличии, наоборот, наверняка он прятал глаза, боясь прежде времени выдать свое отношение к разговору.

— Теперь что касается вас. Почему мой выбор пал на вас, почему я решил протянуть руку помощи? У англичан есть похвала «Селф мейд мен» — это значит: человек, сделавший себя сам. Поговорка в полной мере относится к вам, но и она при всей своей щедрости не полностью характеризует вас. Вы не только создали себя сами, вознеслись так высоко в обществе, как только возможно, но и создавали других по своему желанию и усмотрению. Вы имели колоссальное влияние на Шарафа Рашидовича, вам его преемник обязан избранием в Белый дом. Да и был ли в последние десять лет человек в крае, вознесшийся круто, минуя вас? Думаю, что нет. Не будучи профессиональным политиком, вы и есть настоящий политик, наверное, единственный на сегодня в крае. Отдать вас в руки правосудия в шаткое, неустойчивое время, когда нет ясности ни в чем, было бы непростительной ошибкой. А вдруг все вернется на круги своя и обществу вновь потребуется сильный человек, жесткая рука? А где его взять? Опять возникнет дефицит, как сегодня, на инициативных, самостоятельных, честных. А те, кого мы упоминали сегодня и на кого я не намерен рассчитывать впредь, готовы служить любой идее, любой власти, лишь бы сохранить привилегии, для них социализм, капитализм, фашизм — все без разницы, такие и продадут в любую минуту, как предали вас.

Я не знаю досконально всех ваших идей — ни политических, ни хозяйственных, ни национальных, но вы уверенно претворяли их в жизнь и, судя по первоначальному впечатлению, вряд ли собираетесь отступить, перестраиваться, мне это больше по душе, чем бесхребетность, беспринципность. За вами реальное знание ситуации

в крае, знание души, традиций и чаяний народа, наверняка не исчерпано до конца и ваше политическое и финансовое влияние на события,— осторожно закинул удочку прокурор.

Хан Акмаль по-прежнему слушал, прикрыв глаза, но руки его нервно перебирали четки, и на скрытый вопрос гостя он никак не реагировал, и тот продолжал.

— Спасая вас, я не ставлю никакой конкретной цели, хотя, может быть, я вас о чем-то и попрошу, но об этом позже. Убежден, такой человек, как вы, заслуживает помощи, несмотря ни на какие ошибки, заблуждения, злоупотребления, наверное, этого требовали какие-то высшие цели, интересы, пока неведомые мне.

Теперь самая трудная и последняя часть вашего вопроса — кого я представляю, кто стоит за мной и какие цели преследую я сам? Что бы я ни сказал по этому поводу, всё покажется неубедительным, а порою даже ложью. Возможно, я покажусь вам человеком с непомерным тщеславием, пытающимся взять груз не по плечам,— судить вам. Шаг к тому, что затеял, я сделал — сижу перед вами. Наверное, Акмаль-ака, вы отдаете себе отчет, что сегодня — безвременье, безвластие, хотя видимость власти и сохраняется. Отсюда неустойчивость, неопределенность во всем, и потому на данный момент я никем не уполномочен вести переговоры с вами, никто не стоит за мной, я пока представляю самого себя.

От неожиданности хан Акмаль выронил четки и поднял помутневшие то ли от выпивки, то ли от внутреннего напряжения глаза и, не скрывая разочарования, злобы, спросил строго:

— А кто вы такой, чтобы игнорировать всех и так высоко возносить себя?

Сенатор рассчитывал на эту реакцию и, чтобы сбить пыл хана, вновь потянулся за сигаретой, оказавшейся последней в пачке.

— Кто я такой? — сказал он, закурив.— Человек не растерявшийся, реально знающий обстановку на сегодня, в будущем имеющий возможности оказывать влияние на события в крае, как вы прежде. А если еще откровеннее, я хочу заменить вас, природа не терпит вакуума, ваше место все равно рано или поздно кто-нибудь займет, я решил, что мне это по силам. И вам, наверное, лучше знать своего преемника в лицо. Ваши друзья, имея власть, проворонили ситуацию и сегодня без сожаления отдают вас на заклятие, и если я, единственный, прорвался к вам с помощью, не логично ли благословить меня, назначить своим преемником?

Аксайский Крез засмеялся, сначала тихо, а затем зашелся в громком, истерическом хохоте. Гость не сразу понял, то ли это искусственная, деланная веселость, то ли хозяину действительно смешно, а может, опять какой-нибудь трюк, чтобы сбить его с толку. Следовало спокойно выждать и не любопытствовать.

Насмеявшись вдоволь, хозяин вытер слезившиеся глаза и сказал, улыбаясь, вполне искренне:

— Вспомнил один старый случай, о нем лет двадцать назад печатали в газетах. Помните, в Конго при Чомбе арестовали нашего корреспондента «Известий» Николая Хохлова? Так вот, он беседует со своим сокамерником в тюрьме, естественно, о политике. Сосед по нарам разъясняет корреспонденту позицию своей партии, программу, цели, часто упоминает пышное ее название. Идеи партии настолько привлекательны, смелы, пронизаны духом демократии, свобод, что наш журналист не выдерживает и честно признается, что, к сожалению, не знает ни этой партии, ни ее численности, ни где размещается ее штаб-квартира, хотя и живет в Браззавиле давно. Заключенный не смущается неведением корреспондента известной газеты и говорит, что немудрено, вы и не могли знать об этой партии ничего. Вконец смущенный Хохлов спрашивает — она что, тайная? Да нет, отвечает коллега по несчастью, — не тайная, но дело в том, что эту партию я придумал здесь, в тюрьме, в этой камере, и пока состою в ней один, но место генерального секретаря я решил зарезервировать за собой, идеи все-таки мои! Не кажется ли вам, что ваши амбиции в чем-то схожи, уважаемый товарищ Акрамходжаев?

— Да, действительно, история смешная. Наверняка нечто подобное происходит сейчас и у нас в стране. Пользуясь демократией, свободой слова, терпимостью к разным идеям, и у нас развелось немало людей, подобных вашему генсеку без партии из Конго. Но в остальном я все-таки с вами не согласен. Для начала хотя бы то, что я нахожусь на свободе, а сегодня в наших условиях, когда расчищаются расшидовские конюшни по аналогии с авгиевыми, мало кто может дать гарантии на этот счет, у многих рыло в пуху. Даже в вашем положении, при ваших регалиях, связях, деньгах шансов остаться на свободе никаких, это однозначно, на что же рассчитывать остальным?

Сенатор увидел, как побледнело лицо у Креза, он вроде собирался что-то сказать или даже прервать его, но сдержался, удар был нанесен сильно и вовремя. Действительно, смеется тот, кто смеется последним.

— Теперь насчет тех, кого я представляю, или, по-конголезски, о членах партии, о программе. Повторяю, сегодня не время ни формировать единомышленников, ни определять какую-нибудь стратегию. Пусть все пройдут проверку временем, выдержат беспрецедентную чистку, а потом я определюсь, буду знать, на кого можно положиться и у кого какие взгляды на самом деле. Мое нынешнее служебное положение напоминает мне работу рентгенолога, я вижу всех, кого хочу, насквозь. А насчет программы — спешить тоже не следует, неизвестно, куда еще страна повернет.

Прокурор почувствовал, что в разговоре произошел какой-то перелом, и, судя по растерянности хана, в его пользу, и он уже уверенно продолжал:

— Обстоятельства, дорогой хан, и определяют и стратегию, и тактику, и людей, которые лучше всего подходят для этого. Вы формировали правительство и партийный аппарат на свой лад, делали ставку на людей, которые ныне предали вас. Впрочем, оговорюсь, предательство я бы пережил, если за ним стояла цель, но я не могу пережить их растерянности, трусости, никчемности. Вы можете хотя бы сегодня понять, что все, кого двигали много лет, сказались полными ничтожествами, не способными даже защитить себя, где уж тут думать об Отечестве. Всю жизнь метались между официальным курсом и вашими желаниями, а сегодня не могут прибиться ни к тому, ни к другому берегу, потому что везде опасно и нигде нет гарантий, а эти люди живут только при гарантии их привилегий. А то, что за привилегии следует бороться или их защищать, они к этому не приучены, готовы служить при ясной погоде и попутном ветре, а сегодня штормит...

— Тут вы в точку попали, Сухроб-джан, не на тех людей мы ставку делали, не ту породу вывели, — спокойно поддержал Иллюзионист.

— Вот именно, метко вы сказали — не та порода. Ныне они ни народу не подходят, ни власти, оттого и злобствуют, мешают перестройке, лежат бревном, да что там бревном, железобетонной глыбой на путях обновления.

— Перестройки? — переспросил ехидно хан Акмаль.

— А почему бы и нет? Только на ее дорогах есть возможности найти реальную самостоятельность республики, ее независимость, а там посмотрим, все революции делались поэтапно, даже Октябрьской, если не запамятовали, предшествовала главная — Февральская. Сначала проедемся с партией на трамвае перестройки, а там видно

будет. А при самостоятельности Узбекистана, как я ее себе представляю, мы сможем быть здесь не тайными хозяевами края, как вы, дорогой хан, а открытыми, легальными. Суверенитет предполагает многое, тут уж вы не будете свои желания подстраивать под настроение Кремля, а такой путь открывает только перестройка, ей действительно альтернатив на данном этапе нет, она вполне совпадает с вашими целями, насколько я их знаю, Акмаль-ака.

Политика вещь тонкая, и я в ней, честно говоря, пока не большой специалист, но я найду себе стоящих советников, консультантов, один, я думаю, уже есть, — Сенатор выразительно посмотрел на хозяина дома и понял, что тот остался доволен таким поворотом разговора, — сейчас столько неформальных объединений плодится каждый день, и порою в их программах я вижу рациональное зерно, я и отберу из них лучшее, столкну лбами наиболее амбициозных идеологов, чтобы в их распрях понять настоящую суть и прикурить от их молнии, отберу идеи, что выживут в спорах и подойдут моим устремлениям и, конечно, сложившимся обстоятельствам.

Так могу ли я сегодня говорить о какой-нибудь конкретной программе? Возвращаясь опять к вашему конголезцу, скажу: был бы лидер, а партия и программа найдутся, дайте только срок.

— Убедить вы меня не совсем убедили, но здоровое зерно в ваших суждениях есть. Эх, если бы я мог вас консультировать и поддерживать легально хотя бы года два-три, мы с вами преобразили бы наш край. — Хозяин потянулся к пачке. Увидев, что она пустая, сказал: — Я сейчас принесу. — И исчез из комнаты.

Отсутствовал он долго, минут десять. Вернулся с двумя пачками точно таких же сигарет «Кент» и небрежно бросил их на дастархан.

Прежде чем закурить, аксайский Крез сказал:

— Вы меня сегодня бросаете из огня да в полымя, черт возьми, если бы вы знали, как я жалею, что устраняюсь от активного влияния на события в крае! Только сейчас я увидел перестройку вашими глазами, понял, какой это мощный локомотив для наших целей, если умело пользоваться его тягой и попутным ветром. Давайте выпьем за новое мышление, как говорит с трибуны наш эмоциональный генсек.

Они снова выпили, на этот раз хозяин был куда гостеприимнее, вновь предлагал закусить, поддвигал то одно, то другое. «Значит, я нашел-таки путь к упрямому хану», — подумал радостно прокурор, но тут Иллюзионист одарил его новым вопросом:

— И все-таки, Сухроб-джан, чем же я буду обязан за ваш риск, за сохранение мне жизни, я привык за все платить и хотел бы знать цену. Идеи идеями, а деньги деньгами. Если вы собираетесь меня заменить, как вы выразились, и играть впредь такую же роль, как и я, в судьбах края, вам следует кое-что иметь в кармане, политика без денег мертва, особенно у нас на Востоке, тут на голую идею не клюнут, уж поверьте моему опыту! — Аксайский Крез, опять довольный, громко засмеялся, почувяв слабое место напористого претендента на ханский престол.

Настал черед изворачиваться человеку из ЦК, от просьбы помочь финансами ему все равно не уйти, но не хотелось, чтобы это прозвучало жалко, унизительно, да и вырвать следовало солидную сумму, а не крохи, подачки, поэтому он начал издали:

— Вы же прекрасно знаете, для политики всегда находятся деньги, такова уж природа человека. Идея зеленого знамени витает в воздухе, и она притягательна для многих,— вновь осторожно закинул удочку гость,— и на такие дела не скупятся, а в нашем крае, по моим скромным подсчетам, на руках гуляет около двух миллиардов незаконно нажитых денег, это огромная сумма в такой бедной стране, как наша, тем более наличными.

Я уже говорил, что моя нынешняя работа напоминает мне рентгенологию, я уже просветил сотни людей, и данные о них заложил в память компьютера. Большинство из них еще на свободе, а многие из них даже не догадываются по своей беспечности, самоуверенности, что им давно сели на хвост. У каждого из них в обмен на информацию я могу вытянуть изрядную сумму, я ведь буду апеллировать только к людям, имеющим миллионы. Но это будет меня кое к чему обязывать, к тому же многих из них мне действительно не жаль. И если ради целей надо будет поступиться принципами, я это сделаю, но деньги добуду.

Есть еще причина, почему они могут легко расстаться с деньгами. Правда, этот вариант коварный, не делает мне чести, но с вами, моим будущим главным советником, я поделюсь. Кажется, англичане сказали, что в политике все средства хороши. А план такой: я подготовлю секретный документ на фирменном бланке ЦК КПСС, разумеется, фальшивый, в котором будет туманная информация о якобы предстоящей реформе денег и о суровых мерах по их обмену только по месту работы, с подробной декларацией и так далее, тут страху нагнать несложно. Этот документ я буду показывать каждому отдельно, и им ничего не останется, как с радостью расстаться с деньгами, в надежде, что этот жест при определенных обстоятельствах будет оценен.

— Сухроб, ты — дьявол! Такая идея не могла прийти даже мне в голову, ты действительно политик, восточный политик... Скажи честно, почему не начал операцию с меня, я бы клюнул?

Подача оказалась столь к месту, что Сенатор воспрянул:

— Ну, во-первых, не в деньгах счастье, вы понимаете, я их в конце концов найду. А зачем мне вас обманывать, если я хочу с вами сотрудничать и очень рассчитываю на вашу помощь не только финансами... К тому же, как вы понимаете, реформа неизбежна, вы ведь чувствуете шаги инфляции.

— Логично. Но все-таки, сколько ты рассчитывал заполучить в Аксае?

Настойчивость, с какой обладатель двух «Гертруд» допытывался насчет денег, несколько смущала прокурора и даже вновь настояжила, но он объяснил ее жадностью хана. О его скупости ходили легенды, в порыве откровенности Иллюзионист любил похвалиться, как некой добродетелью: «Я жадный человек, очень жадный, для меня недоплатить — равно что найти», — и в довершение такого признания громко смеялся, осерясь золотозубым ртом.

— В начале нашего разговора я сказал, что, возможно, и попрошу об одной важной для меня услуге, в моих планах она занимает куда более ценное место, чем деньги.

— Что может быть ценнее денег, за них можно любую услугу купить, — не сдержался вновь хан, коньяк, видимо, снова ударил ему в голову, они заканчивали и новые бутылки Сабира-бобо.

— Нет, такую услугу я нигде купить не могу. Другого человека, кроме вас, который может услужить мне в этом вопросе, просто нет. Я имею в виду вашу картотеку, ваши досье на многих интересующих меня людей. Говорят, она уникальна, и вы ее собирали по крохам, систематически, в течение двадцати лет, я бы не хотел, чтобы эти бесценные сведения попали в руки КГБ, они знают, что у вас есть подобные документы. Бумаги не помогут вам, а лишь усугубят ваше положение, слишком взрывоопасно их содержание. Если бы мы располагали временем, а его уже нет, я бы доставил сюда новейший комплект компьютера и специалистов, и они месяца за три-четыре, в крайнем случае за полгода, заложили бы все в его память — и не пришлось бы содержать столь внушительные и трудоемкие хранилища в ваших знаменитых подземельях со штатом людей, имеющих к ним доступ, сделали бы несколько копий и хранили их в надежных тайниках, а уничтожить все заложенное — дело секундное, стоит лишь клавишу нажать.

— Да, возможности компьютера я вовремя не оценил: жизнь, быт, информатика — все стремительно меняется, и я уже порой за чем-то не поспеваю, но и старомодным мышлением я понимал громоздкость, неудобство, опасность своего тайного архива, и оттого с самых интересных материалов сделал несколько фотокопий. Мне кажется, чтобы уничтожить все мои материалы, нужно по крайней мере недели две и человек пять, не гнушающихся тяжелой физической работой.

— Раз уж вы коснулись своего любимого детища, позвольте, я задам один давно мучающий меня вопрос?

— Пожалуйста.

— Рашидов не опасался растущих объемов ваших досье?

— Нет, от него я и получал много интересующих меня материалов, и не всегда в частных беседах. Однажды доставили в Аксай от него целый опечатанный контейнер бумаг. Шурик мне доверял, кто знает, может, он считал, что это не мои досье, а его?

— Какой Шурик? — растерянно спросил гость, посчитав Иллюзиониста окончательно опьяневшим и несшим всякую чушь.

— Шурик? Разве вы не слышали, что я давно дал ему такое прозвище и за глаза иначе его не называл?

Гость облегченно вздохнул, ведь подумал было, напрасно проговорил ночь с пьяным человеком.

— Теперь вы согласны, что моя просьба поделиться информацией из ваших источников дороже денег? — спросил он, вкладывая в сказанное лезть, и продолжил: — Но и информация, не подкрепленная крепкими финансами, всего не сделает. А деньги, что я хочу у вас заполучить, послужат прежде всего возвращению вас в легальную жизнь. Ведь изменись обстановка в стране, власть, ее цели — все для вас станет на место, но чтобы это произошло, нужны люди, средства, долгая работа и, конечно, удача.

— Да, удача, случай, обстоятельства в политике не последнее дело. Значит, дорогой прокурор, хотите заполучить мое досье, а заодно и мои деньги? — спросил хан Акмаль слишком уж весело и почему-то поднялся.

«Вот я и добрался до главного, — подумал Сенатор, — теперь не мешала бы мне его жадность и самоуверенность, что он в обмен на бумаги выкупит себе жизнь, с КГБ такие торги не пройдут, это не ОБХСС, придется расшифровать каждую строку тайных досье, а за грехи ответить по закону, там миллионами никого не соблазнишь. Вера во всеси-

лие денег может на этот раз его погубить. Самое слабое место подобных людей, — неожиданно подумал гость, — они абсолютно уверены, что все продается и все покупается, дело лишь за ценой». Такая мысль показала ему даже открытием, и он решил дома занести это в дневник, где он фиксировал свои жизненные наблюдения.

Хан ходил где-то за его спиной, и высокий ворс афганского ковра ручной работы скрывал его грузную поступь, зато он хорошо слышал его дыхание, тяжелое, одышливое от жирной пищи, частого курения и неумеренных выпивок. Наверное, просчитывает, какой суммой следует поделиться, чтобы и гостя не обидеть, и интереса его к себе не потерять, подумал человек из ЦК и потянулся к серо-голубой пачке «Кент», отыскавшейся среди ночи и в Аксае.

И вдруг произошло невероятное. Хан Акмаль, ходивший у стены со знаменами, сделал стремительный рывок к дастархану, у которого спиной к нему полулежал на мягких подушках гость, переступил через него, грубо выругался, и с силой ударил ногой по руке, наконец-то дотянувшейся до пачки «Кент», лежавшей в дальнем углу скатерти. Пачка сигарет, словно выпущенная из катапульти, глухо ударилась в оконное стекло. Гость не успел ничего понять от неожиданности, как хан начал пинать его ногами, приговаривая:

— Дураков ищешь, мент поганый? Думаешь, не знаем, с кем ты в Ташкенте якшаешься день и ночь, ходишь в доверенных людях у нового прокурора республики, с твоей помощью они пересажали половину уважаемых людей республики. Сейчас ты подробно расскажешь, с кем так замечательно выстроил идею отнять без особых хлопот у меня все: и деньги, и тайны людей правящих? Кто помог? Москвичи, следователи по особо важным делам, догадались, или твои друзья в прокуратуре, или в КГБ такую складную сказку сочинили — ислам, зеленое знамя, деньги во имя будущего свободного Узбекистана...

А я, дурак, ведь чуть не клюнул. Как ловко придумал — занести все в компьютер, а копию в КГБ, в прокуратуру, да? Вот сейчас вызову человека, он большой мастер по части дознания, не скажешь — живым не выпустим. И смерть, достойную предателя своего народа, придумаем. Ты, кажется, говорил, что тебе тандыр-кебаб у меня понравился и бассейн? Так вот — умрешь в наслаждении: или уничтожим в прекрасном голубом зале, или сжарим живьем в тандыре, а потом отдадим свиньям, чтобы и следа твоего поганого в Аксае не осталось.

А перед смертью послушай теперь меня, умник. Ты думаешь, закон в руках у прокуратуры, суда, юстиции, МВД, КГБ — чушь

собачья, это для тех, кто не догадывается, кто хозяин в стране. А хозяин один, он и есть закон, имя его — партия! Я, к твоему сведению, сопляк, член ЦК, депутат обоих Верховных Советов, я могу ошибаться, даже совершать преступления, но я и люди, подобные мне, я имею в виду видных членов партии, неподсудны. Самое большее наказание — отстранят от дел и отправят на пенсию, и то с персональными привилегиями, которые таким, как ты, шелкоперам, законникам, и не снились. Да ты сначала поинтересовался бы, дурья башка, кто из Москвы, из больших людей бывал здесь, в Аксае, с кем я общался там, у них в столице, у кого с Шарафом Рашидовичем гуляли в гостях на дачах в Белокаменной. Они ведь тут такое вытворяли да такое по пьянке говорили, а у меня все зафиксировано, подшито в дело. У меня натура такая, есть бухгалтерская жилка, люблю учетность и отчетность.

Так что, милый, я с этими людьми в одной обойме, в одной упряжке, кто же позволит меня посадить. А ты предлагаешь мне стать иммигрантом в стране, где я настоящий хозяин. Не выйдет! Пока у руля партии и государства мои друзья, ни тебе, ни твоим коллегам, даже из КГБ, я не по зубам, заруби это себе на носу. А сейчас ты на собственной шкуре испытаешь — испугался я тебя или нет, даже если ты и заведующий отделом ЦК,— и он громко крикнул: — Ибрагим! Ибрагим!

Прокурор услышал еще издали, в коридоре, за закрытой дверью скрип сапог бегущего человека. Наверное, кто-нибудь из утренних сотрапезников, подумал он и не ошибся, в комнату влетел, гремя чем-то железным в руках, тот, который и провел его в эту краснознаменную комнату, и он наконец за весь долгий день услышал его имя — Ибрагим.

Учтивый сотрапезник подбежал к лежащему гостю и с ходу пнул кованым сапогом в бок, прокурор аж передернулся, подумал, не выбил ли он ребро, такая острая боль ударила сразу в позвоночник, и в этот момент Ибрагим поддал ему еще раз, и Сенатор дико закричал.

— Кричи, кричи, тут тебя ни твое КГБ, ни МВД не услышат,— злорадно сказал Иллюзионист и засмеялся, его поддержал золотозубый вассал.

Ибрагим вдруг рванул его правую руку к себе, и только теперь гость увидел, что гремевшее в руках железо — наручники. Человек в костюме на вырост привычным движением защелкнул их на руке и перехватил левое запястье, но тут вышла заминка, он хотел за-

мкнуть чуть выше часов, но зев наручников оказался для этого мал, гость все-таки был крупный мужчина. Ибрагим кинулся расстегивать браслет, но это ему не удавалось, «Ролекс» имел двойной запор с секретом. Не выдержав возни помощника, хан Акмаль поспешил ему на помощь и, только прикоснувшись к тяжелому золотому браслету, который Ибрагим наверняка считал своей добычей, вдруг удивленно, отчасти с испугом спросил:

— Откуда у вас, Сухроб-джан, эти часы? — Вопрос прозвучал в такой интонации, что Ибрагим невольно отошел подальше, почувствовал, что произошло какое-то недоразумение.

Сенатор моментально уловил растерянность хозяина, понял, что это его единственный шанс остаться живым, ибо знал, что в горячке хан непредсказуем, поэтому, собрав всю выдержку, спокойно ответил:

— Японец подарил.

— Какой японец, настоящий, из Страны восходящего солнца? — вытирая взмокший лоб, спросил хан Акмаль.

— Артур Александрович, есть такой человек, близкий друг Анвара Абидовича, он и Шарафа Рашидовича хорошо знал, а Японец — его московская кличка.

— Артур — ваш знакомый? — уже совсем ошалело спросил хан Акмаль и жестом подозвал Ибрагима, чтобы тот снял наручники.

— Да, мы с ним хорошие друзья, и он мне многим обязан, — ответил спокойно избитый гость, словно ничего не произошло, и потянулся за второй пачкой сигарет, лежавшей там же, где и первая.

Иллюзионист услужливо протянул огонек зажигалки и закурил сам.

— Ничего себе история вышла, я-то думал, ты «засланный казачок». — Сомнения все еще отражались на его одутловатом лице, и мысль работала лихорадочно: как быть, как быть? — прокурор читал это без особых усилий, и вдруг лицо хана Акмаля просветлело, обращаясь к Ибрагиму, он сказал: — Соедини-ка нас по срочной с Артуром, сейчас глубокая ночь, наверняка дома, он порядочный семьянин, скажи, что его просит Акрамходжаев.

«Наконец-то сообразил, как проверить», — подумал Сенатор и с удовольствием затыкнулся, бок от удара сапогом побаливал. Прежде чем выйти из краснознаменной комнаты, Ибрагим снял с подоконника телефонный аппарат и поставил его перед прокурором. «Хоть бы он оказался дома, хоть бы был дома», — твердил как заклинание гость, вспылчивый нором аксайского хана гарантий не пред-

полагал. Они продолжали молча курить, разрядить обстановку хану, видимо, не хватало фантазии, а у гостя для светской беседы были слишком напряжены нервы. Так они просидели минут семь-восемь, не больше, эти мгновения для прокурора показались часами.

Наконец-то распахнулась дверь и на пороге появился другой золотозубый, второй сотрапезник за завтраком, он, вежливо обращаясь к гостю, произнес:

— Сухроб-ака, пожалуйста, возьмите трубку, на проводе Ташкент.

Как ни старался прокурор себя сдерживать, но все-таки рванул трубку торопливо, и суетливость его не осталась незамеченной хозяевами.

— Здравствуйте, Сухроб Ахмедович,— раздался в трубке, как всегда, бодрый голос Шубарина,— рад вас слышать даже среди ночи, но, честно говоря, не ожидал, что вы забрались так далеко, надеюсь, приятно проводите время у моих друзей? — Японец говорил в свойственной только ему манере, лаконично, с подтекстом, он давал понять, что догадался, что прокурор попал в беду и разговор прослушивают.

— Да, ночь выдалась фантастическая, сожалею, что не подбил вас на совместную поездку, здесь такой удивительно волшебный парк, бассейн, сауна, и хозяин встречает по-хански.

— Для потехи не зажаривает ли кого-нибудь из гостей живьем, это в его духе...— сбивая все на шутку, со смехом спросил Артур Александрович.

— Я здесь один, ночь впереди, и программа развлечений мне неизвестна, я ведь в Аксае первый раз, может, и такое предстоит.

— Понял, желаю хорошо погулять, пожалуйста, передай трубку «Гречко».

— Здравствуй, Артур, извини, что поднял среди ночи, пили тут за твое здоровье,— говорил Иллюзионист, не сводя глаз с Сенатора. — Ко мне нагрянул неожиданно гость, жаль, без тебя. Мы с ним малость повздорили, ты уж извини, он, оказывается, твой друг.

— Да, он мой друг, дорогой Акмаль, и нет цены его жизни, ты уж с ним повнимательнее, да смотри, чтобы он в понедельник на работе был вовремя, он сказал, где работает? — еще раз подстраховал Шубарин прокурора, не понимая, что привело того к опасному хану.

— Сказал, сказал, не беспокойся, доставлю в лучшем виде. Жаль, Артур, что мы в последнее время мало видимся, и я не знаю

всех твоих друзей,— успел бросить упрек хозяин дома, и разговор неожиданно прервался.

Сенатор знал привычки Японца и понял, что тот обрубил разговор, слишком долгие беседы вызывают любопытство ночных телефонисток.

— Да, промашка вышла,— вполне искренне признался Иллюзионист,— вы уж извините, Сухроб-джан, я, наверное, действительно уже стар, не могу отличать друзей от врагов, раньше я такие непростительные ошибки не совершал, людей читал словно книгу. Но вы должны понимать — и история-то непростая, разговор шел о жизни и смерти, вариантов не слишком много, чтобы выбирать. Исма! — крикнул он неожиданно. Вошел двойник человека с наручниками.— Пусть зайдет Ибрагим и извинится перед дорогим гостем, он, кажется, невежливо с ним обошелся.

Человек, которого звали Исма, ответил:

— Акмаль-ака, он и так, узнав, что Сухроб-джан близкий друг Артура, места себе от страха не находит. Чтобы не попадать на глаза гостю, ушел домой, я не стал его задерживать, у него все из рук валится...

— Ну ладно, пусть придет утром извиняться,— буркнул хозяин дома. — Раз уж пришел, распорядись, чтобы включили сауну, а повара пусть быстренько пожарят штук двадцать перепелок в кипящем курдючном жире, можно и шашлыки из печени. Стол накройте в другом месте, лучше на воздухе, чтобы ничто не напоминало гостю о неприятных минутах, а мы с Сухроб-джаном пойдем в бассейн, поплаваем. Вода освежает, бодрит, в воде легче проходят обиды, по себе знаю. Все понял?

— Да, хозяин,— по-военному ответил Исма и быстро заскрипел в коридоре сапогами.

— Вставайте, Сухроб, покинем это неудачное место, зайдите к себе в комнату, возьмите халат, оставшуюся часть ночи проведем приятнее. Я вижу, вы, как и я, ночной человек, сова, и, может, оба любим именно предрассветные часы, что наступают, я жду вас в купальном зале.

Когда минут через десять он появился в купальном зале, Иллюзионист уже был там, расхаживал в просторном, до пят, ярко-красном балахоне с капюшоном, висевшем у него за спиной как казачий башлык.

Увидев гостя, он скинул махровый халат прямо на ковровую дорожку и плюхнулся в бассейн. Не стал дожидаться особого приглашения и Сенатор, вода манила еще сильнее, чем вечером.

Прокурор, вспоминая о своих страхах в бассейне всего несколько часов назад, вспомнил и про тандыр, где могли изжарить его живьем, подумал, что его сомнения не были столь беспочвенны, ведь обещал Иллюзионист и смерть в роскошном купальном зале, отчего в таком случае не током? Но сейчас страха он не ощущал, и не оттого, что рядом купался сам хан Акмаль, а потому, что имел гарантию Шубарина, тот если страховал, то надежно.

Сенатор также небрежно скинул золотистый махровый халат на ковровую дорожку, оглядел кровоподтек от сапога Ибрагима на левом боку и шумно, как и хан Акмаль, плюхнулся в воду.

Вынырнув у противоположной бровки, он подумал, как хорошо, что Иллюзионист затеял ночное купание, прохладная вода с гор успокаивала, даже унялась боль в боку, бассейн служил психологической разрядкой после того шока, что он пережил в краснознаменной комнате. Хан Акмаль шумными саженками подплыл к гостю и, видя, что тот уже почти успокоился, сказал:

— Сухроб-джан, как хорошо, что у вас на руке оказались эти часы, они спасли вам жизнь, честно говоря, на меня от горя, от обиды затмение нашло. И я, конечно, знаю, что меня бросили, предали, порвалась связь и с Ташкентом, если бы располагал прежней информацией, как при Шурике, разве я не знал бы, что вы в друзьях с Артуром? А он молодец: людей с такой хваткой мало, вот кому бы я отдал портфель министра экономики даже в исламском правительстве. Идеология — идеологией, религия — религией, а Шубарин лучше других знает, как народ накормить, обути, он извергается идеями, как нефтяной фонтан. Тут, в Аксае, я претворил в жизнь многие его проекты и рад, что у вас под боком такой надежный советник. А его преданность этому мерзавцу Тилляходжаеву поразила всех, оттого и отступились от его семьи. Ведь я в курсе дел, и еще этот тайный ночной стрелок, стреляющий без звука, мистика какая-то.

— Ариф стрелял с глушителем, а его пятизарядный «Франчи» имеет прибор ночного видения, он стреляет на звук, на голос, на шорох, я видел, как он тренируется, — фантастика!

— Да, у Артура всегда все первоклассное: и бухгалтера, и плановики, и мастера, и даже убийцы, а какие у него телохранители, я хотел у него переманить Коста, не удалось, — сказал с сожалением Иллюзионист, — а какие подарки он делает? Радуетесь как ребенок, его подарок и спас вам жизнь, а меня от греха. Мне он подарил «Ролекс» лет пять назад, мы случайно, не сговариваясь, встретились в Москве,

я с Шарафом Рашидовичем на сессии Верховного Совета СССР был, обедали в его любимом ресторане при гостинице «Советская», Артур его «Яром» на старый манер называет.

Вручая за столом подарок, он сказал: «Акмаль-ака, вот часы известной швейцарской фирмы, сделаны они для меня по индивидуальному заказу, таких — с платиновыми стрелками и платиновым циферблатом — немного, и у кого вы увидите их на руке, считайте, что это наши люди, они вас поймут и окажут поддержку».

— Жаль, у вас на руке не оказалось «Ролекса», быстрее нашли бы общий язык, — засмеялся гость.

— Да, я тут ношу их редко, слишком уж бросаются в глаза в нашей глуши, считай, только раз они и пригодились бы, — ответил Иллюзионист.

— Один раз, но мне он чуть не стоил жизни, — с обидой произнес гость.

— Не будем об этом вспоминать, дорогой Сухроб-джан, все хорошо, что хорошо кончается, я обязательно искуплю свою вину. Поверьте, я умею не только наказывать...

В дверях сауны, выходящих к бассейну, появился уже знакомый банщик и сказал:

— Сухроб-ака, уже сто десять градусов, можно и в сауну...

— Сауна это хорошо, живо хмель выгонит, — рассмеялся хозяин загородного дома, и они поплыли в разные стороны к трапам, гость к тому, где ему показалось, что его ударило током.

В парной хан Акмаль снова вернулся к мучившей его мысли.

— Да, быстро стали меня забывать, быстро списали. Прошло только три года, как нет нашего Шурика, и все пошло кувыркком, какие-то новые люди повсюду, без роду, без племени. Поистине по-русски: с глаз долой — из сердца вон. И Артур меня бросил, впрочем, я сам должен был знать, как идут у него дела, обязательно наткнулся бы и на вас. К Шубарину я обращался редко и только по просьбе Шурика, если дела решались за пределами республики. У Японца большие связи в Москве, да и повсюду. И ваш вертикальный взлет, как у английского истребителя «харриер», я проворонил, видимо, действительно стар стал, не понимаю время.

Если бы вы знали, как трудно ощущать, что уже не владеешь ситуацией, чего-то недопонимаешь. Не будь я так упрям, понимай время, уже два года назад перевел бы свои архивы в память компьютера.

Приезжали тут из Москвы два спеца, прислал их надежный человек, он мне видеофильмы уже много лет поставляет, они за большие деньги хотели сделать то, что ты сегодня предлагал, у них компьютер был «ИБМ». А мне тогда казалось, что в натуре, в бумагах, надежнее, целее. Сегодня я понял, что мог бы забрать в изгнание и весь архив, самое ценное в моей жизни, в одном чемодане. Владея им, я по-прежнему был бы силен и, по крайней мере, сохранил бы жизнь, торгуя сведениями оттуда. Иная информация дороже жизни, тем более, если она касается чужой. Иногда за убийство я рассчитываюсь не деньгами, а канцелярской папкой с двумя-тремя бумажками, за деньги могли бы и отказаться, за сведения никогда, срабатывает во много крат надежнее, эффективнее. Вот что такое, дорогой Сухроб-джан, мой архив, которым вы хотите завладеть, ему цены нет.

— Знаю, дорогой директор, оттого и рискую. Даже допускаю мысль, что больше половины бумаг окажутся ненужными, новое время сметает многих людей, а вслед за ними и кланы, навсегда. Уж поверьте мне, пройдет два-три года, и не останется даже понятия — номенклатура, на ней все ныне и стоит, и ею же все стопорится в перестройке, а у вас ведь досье на нее в основном. Предполагаю, что партии придется кое-где потесниться, а где-то уступить права, увидите, доживем еще и до беспартийных министров. Но может оказаться, что какое-то досье будет стоить сотен, оно одно может решить серьезный политический расклад. И еще. К какому правовому государству ни стремились бы, какими бы мы демократичными и прогрессивными ни стали, наверное, жизнь в наших краях всегда, при любом режиме, при любом знамени, будет иметь свой восточный колорит, я имею в виду политический и должностной, свою специфику, вот для этой самой специфики сгодятся все ваши досье, это уж точно.

— Да, вы все правильно рассчитали, должности и деньги не изменят ни при какой демократии, они всегда будут притягательны,— поддержал тщеславие новоявленного политика дважды Герой Социалистического Труда.

Долго наслаждаться в сауне и в бассейне им не дали, пришел Исмаг и доложил, что в саду накрыт стол и что перепелок подадут минут через десять. Они вернулись из парной в купальный зал еще раз и прямо в халатах подошли к айвану, где снова их ждал щедрый даштархан.

В бассейне и сауне Сенатор ощущал какой-то новый прилив сил, бодрости, наверное, все-таки это был короткий эмоциональный

всплеск после пережитого стресса в краснознаменной комнате, и он вроде был готов гулять до утра, и тут ему не хотелось уступать хану Акмалю в энергии, жизнелюбии, что ли. Но едва он занял свое место на мягких курпачах, с удобной подушкой под боком, как понял, что чертовски устал, и его уже не радовали ни обилие и изысканность стола, ни улыбки подружки Мавлюды, адресовавшиеся ему все чаще и чаще.

Опять появился Сабир-бобо, на этот раз с другим подносом и всего одной бутылкой коньяка, он принес шоколадно-темный «Ахтамар». Сенатор машинально подумал, неужели у хана кончились запасы «Двина», но тот, словно уловив его мысли, сказал:

— «Двин» мягче, с него хорошо начинать застолье, а я вижу, вас клонит в сон, на этот случай «Ахтамар» надежнее, сейчас вы сразу почувствуете, проверено.

Выпили. И впрямь коньяк подействовал бодряще, чему гость обрадовался, ведь дела он все-таки не решил, а уже давно наступило воскресенье.

Но разговор как-то не клеился, уходил в сторону, прокурору хотелось, чтобы после беседы с Шубариным хозяин дома сам вернулся к основной теме, но тот не то чтобы юлил, но ни о деньгах, ни об архиве не говорил. Все больше о лошадях, о женщинах, о Шурике, но когда он уже сам собрался спросить — как же все-таки насчет дела, по которому он приехал, хан неожиданно сказал:

— Я вижу, вы устали, к ночным застольям не приучены, но если вы всерьез намерены заняться политикой, и это должны одолеть, все пригодится. Иногда какую-то уступку, подпись я вырываю на рассвете, днем вы ее не заполучите. Что касается вашего визита, а я вижу по глазам — вам не терпится узнать результат, считайте, что я вам помогу. Хотя я сожалею, что о вашей затее не знал Артур Александрович. За ним всегда стоят солидные люди, игнорировать их грех, несерьезно. Сейчас уже утро, идите отдыхайте. Зульфия проводит вас, пообедаем после трех часов пополудни, к этому времени я приготовлю то, что представляет для вас интерес, и продумаю, как вас отправить незаметно, Артур очень беспокоился, чтобы вы не опоздали на работу. Он сразу понял, какому риску вы себя подвергаете, связь со мной афишировать нынче не модно.

— Зульфия! — громко крикнул хозяин в темноту, и из-за кустов можжевельника, окружавших айван, выпорхнула улыбающаяся подружка Мавлюды. — Пожалуйста, отведи гостя в дом, а то он заплута-

ет, если не в саду, то в коридорах. И не забудь поставить у кровати столик с минеральной водой или холодным чаем, после таких застолий жажда мучает.

Зульфия выслушала молча и так же молча глазами дала понять, чтобы гость следовал за ней. Едва они отошли подальше, Сенатор взял ее руку и сказал:

— Весь вечер мучился, придумывая тебе имя, а оказывается, тебя зовут Зульфия — красивое имя, и оно тебе очень идет. Зульфия... — проговорил прокурор шепотом и нараспев.

Она повернулась к нему и озорно ответила:

— Зачем же мучились, Сухроб-ака, спросили бы, вам бы я не соврала.

Он хотел сказать ей еще что-нибудь ласковое, нежное, но на пороге дома их уже поджидал золотозубый Исмат, и, увидев его, Зульфия как-то сразу посерьезнела, прибавила шаг, образовав заметную дистанцию. Как только они вошли в комнату, он попытался ее обнять, но она, шурша хан-атласным платьем, ловко выскользнула из его рук и, улыбаясь, сказала:

— А как же насчет минеральной воды, яхна-чая, вас ведь жажда до смерти может замучить?

— О, это уже вторая моя смерть за сегодняшнюю ночь будет, Ибрагим собирался меня живьем зажарить на вертеле в тандыре, без чая и минеральной я не умру, меня другое будет мучить — тоска по тебе, — попытался отшутиться гость.

Выглянув на секунду в коридор, она неожиданно заговорщически прошептала:

— Потерпите немного, сейчас Акмаль-ака с Исматом уедут, я сама слышала, как они договаривались, и тогда я к вам загляну...

Зульфия ушла от него, когда уже совсем рассвело.

Поднялся он в два часа дня сам и сразу, уже по привычке, отправился в бассейн. В доме стояла тишина, словно он вымер, слышалось лишь щебетанье птиц в саду, пернатые со всей округи, даже с гор, облюбовали владения аксайского хана. Дверь сауны распахнута настежь, но банщика не видно, наверное, парилка сегодня отменялась. На секунду мелькнула тревога, не задумал ли хан еще какую пакость, от него все можно ожидать, но опять успокоил состоявшийся разговор с Шубариным, его страховали. Теперь уже другая мысль мучила — какую сумму отвалит Иллюзионист в счет будущего государства с ислам-

ским знаменем или новой партийной власти сталинско-брежневского образца с твердой рукой, где хан Акмаль вновь будет почитаться за образец верного ленинца?

Плавал он долго, часы на стене из красного обожженного кирпича успели отбить три пополудни, и только тогда он услышал, как у зеленых ворот раздался сигнал черной «Волги» хана Акмаля, его музыкальный итальянский клаксон узнавался издали.

«Наконец-то»,— подумал Сенатор, но выходить из бассейна не спешил, пусть хозяин дома думает, что гость не волнуется. Услышав за спиной скрип знакомых сапог, прокурор вынужден был оглянуться, прежде чем его окликнут и поздороваются. К бассейну шел не директор, как он рассчитывал, а Исмат.

— Салам алейкум, Сухроб-ака,— приветствовал он гостя довольно-таки сухо,— как отдыхали в нашем доме, как настроение? — Традиционный восточный ритуал, когда обмениваются ничего не значащими фразами.

— Спасибо, все нормально, отдохнул прекрасно. А где же Акмаль-хан, он обещал пообедать вместе со мной после трех, но в доме, как мне кажется, ни одного человека, кроме вас.

— Да, все верно, обед уже почти готов, но Акмаль-хан забыл сказать, что он состоится в другом месте, там вас и ждут, я за вами.

Прокурору пришлось прервать купание и идти спешно переодеваться. Шагая коридорами просторного дома, он то и дело озирался по сторонам, хотел увидеть Зульфию, попрощаться с ней, а может, вывести, отчего изменились планы у хана.

«Волга», выехав из яблоневого сада, повернула в сторону грязной снежной шапки гор вдали. Миновали шлагбаум, где охранник, вчера ранним утром приметив вертолет, бросился в сторожку предупредить по телефону то ли Ибрагима, то ли Исмата. Сегодня дежурил другой, толстый, в мятой киргизской шляпе из белого войлока. Через полчаса одолели еще один охраняемый пост, хотя дорога вела только в горы и ни одной машины не попадалось навстречу.

«Как в строго охраняемом заповеднике»,— подумал прокурор и стал оглядываться по сторонам. Пологие склоны гор из-за обилия водопадов, мелких речушек зеленели густой сочной травой, многие годы не знавшей косы. Ореховые сады и дикие яблони, росшие вперемежку с арчой и кустарником, спускались к буйно цветущим альпийским лугам, нигде ни обрывка газеты, целлофана, ни стекла, блеснувшего на солнце, много лет народу сюда ходу нет, только до-

веренным пасечникам, егерям, охотоведам. Хан Акмаль собственной волей объявил горы заповедной территорией, везде расставил предупредительные щиты, обещающие крупный штраф, суровое наказание за нарушение владений, а кое-где даже обнес высокой колочей проволокой. Почувствовав тишину, покой и безлюдье, сюда потянулся отовсюду зверь, налетела и птица, и горы стали богатым охотничьим угощем хана. И на зайца, и на лисицу, и на оленя, и на кабана, и на джейрана, и на косулю, волка и росомаху, и даже на медведя можно было охотиться в ханских владениях.

В горных речках плескалась форель, а в озерах обжились бобры и ондатра. Десять лет прошло, как охотоведы завезли из Сибири соболя, куницу, колонка и белку, они тут хорошо прижились под охраной человека.

Дорога к охотничьему дому в горах, а они, как понял Сенатор, ехали туда, не была такой уж явной, хотя, казалось бы, как спрячешь дорогу, но и тут хан исхитрялся. Асфальт часто петлял, иногда прерывался, ближе к горам даже стоял знак «Тупик», и дорога обрывалась километра на два, но затем вновь шла аккуратно мощенная трасса, которую знали только хорошо посвященные люди. И тут Иллюзионист блефовал по привычке, уж, казалось, зачем, территория и так объявлена заповедной, кругом шлагбаумы — и вдруг такие сюрпризы, тайные тропы. Наверное, все-таки, чтобы никто не подглядывал закрытую жизнь хозяина и его высокопоставленных гостей, слуг народа, как любил иногда называть себя хан Акмаль.

Огромный дом, каменное строение, он лишь по специфике мог называться уменьшительно — охотничий домик, что для непосвященного предполагает непрезентабельность, минимум комфорта, гарантируя лишь тепло и крышу над головой, ибо сама охота и есть дорогое и редкое в наш век удовольствие, выпадающее на долю лишь избранных. Но по двум квадратным трубам дымохода, с обеих сторон брандмауэрной стены высокой черепичной крыши гость быстро определил, что в доме на каждой половине имелся зал с камином, а два камина говорили о претенциозности хозяина, никто не обделен — ни те, кто играет в карты, ни те, кто хотят спокойно смотреть телевизор или слушать музыку, разная, видимо, тут собиралась публика.

Подъехав ближе к красно-кирпичному зданию с битумно-черной расшивкой швов, прокурор догадался, что и купальный зал с бассейном и сауной, и охотничий дом — творения рук одного архитектора, а скорее всего, и то и другое скопировано почти один к одному с тщатель-

ной привязкой к местности из какого-нибудь модного журнала, а может быть, из каталогов известной строительной фирмы или архитектурной мастерской. В последние десять лет все это в изобилии, включая каталоги по одежде, аппаратуре, ввозилось в Узбекистан, здешние подпольные миллионеры обслуживались предприимчивыми людьми по каталогам, в числе таких людей, конечно, был и хан Акмаль. Те коммивояжеры, что регулярно доставляли в Аксай видеофильмы, могли завезти и каталоги по архитектуре, тем более по просьбе директора.

Если бы не явно восточная открытая веранда, примыкающая к особняку, и высокие резные двери, характерные опять же только для Средней Азии, то снимок охотничьего дома хана Акмаля вполне можно было принять за строение в швейцарских Альпах, или на Пиренеях, на границе Франции с Испанией, или где-нибудь на Балканах, в Черногории, Косове, а, может, в Греции, в предместье Солоник, есть похожие места. Горы, они почти везде одинаковы, и разницу может заметить только опытный глаз или человек, хорошо знающий местность, теперь гостю становилось понятным, почему владельцы новомодных карабинов «Беретта», «Франчи» любили прилетать сюда на охоту, такие условия и таких глухонемых слуг, как Сабир-бобо, видимо, мало где могли предоставить.

Въехали за высокую ограду, выложенную из камня, видимо, территория была обнесена задолго до постройки здания с двумя каминными залами, или же когда-то на месте краснокирпичного здания имелось другое сооружение, переставшее устраивать разбогатевшего хозяина и из-за удобства строительной площадки и удивительного ландшафта вокруг снесенного в пользу псевдомодерна в стиле тридцатых годов. О том, что каменная ограда стара, говорил тот факт, что вся она поросла мелкими вьющимися растениями, такие заборы по весне сами по себе зацветают густой яркой зеленью, но чтобы так ровно и плотно — на это нужны годы и годы. Нынешние каменные стены, и архитектура самого здания придавали нездешний вид горной резиденции хана Акмаля.

В дальнем углу двора, где разместилась дощатая летняя кухня, крытая горевшей на солнце белой жесью, полыхали огни очага, топившегося тяжелой и жаростойкой лиственницей из соседнего, за перевалом, лесного кордона, сновали взад-вперед знакомые по загородному дому повара. Возле них мелькнула и поджарая фигура Сабира-бобо, опять же во всем белом. Вблизи особняк оказался умело спроектированным, такие здания в этих краях не строят, предпо-

читают возводить дом на ровных площадках. С той стороны, откуда они въехали, попадали к парадному входу, но сразу на второй этаж, потому что возвели здание в двух уровнях, и, обойдя строение, можно было заглянуть на первый, откуда наверх вела широкая винтовая лестница из хорошо полированного дуба.

Как только они вышли из машины и «Волга» стала осторожно съезжать в подземный гараж, имевший крутой уклон, на пороге появился сам Иллюзионист в спортивном костюме «Адидас», в мягких кроссовках, вероятнее всего, он только что вернулся с прогулки. Там, в какую сторону ни пойдешь — водопады, родники, мелкие речушки, альпийские луга, как рассказывал по дороге об охотничьем домике Исмаил, прекрасно знавший места.

— Задерживаетесь, задерживаетесь, дорогой Сухроб-джан, — встретил хозяин, поглядывая на часы, и Сенатор увидел золотой «Ролекс», что получил хан Акмаль пять лет назад в ресторане гостиницы «Советская». Его взгляд не остался незамеченным, и Иллюзионист сказал: — Да, да, те самые, решил похвалиться. — И, поздоровавшись, протянул левую руку, часы у него оказались абсолютно новенькими, видимо, хан действительно их редко носил. — Прошу в дом, я только с прогулки, дошел до самого дальнего водопада Учан-су, проголодался, да и вы, видимо, сегодня еще не сели за стол, небось и голова со вчерашнего побаливает, просит, чтобы ее полечили.

Хан Акмаль сегодня был приветлив, улыбчив, источал радушие и гостеприимство. Но все же не покидала мысль: а почему он меня так далеко в горы завез, ведь часа через три-четыре я должен отправиться в обратную дорогу? Самолетом он все-таки не располагает, к чему напрасные хлопоты, я ведь приехал не восторгаться охотничьим домиком в стиле модерн и угодами, где водятся кабаны и олени.

Прошли просторную прихожую, обшитую темным деревом, одолели коридор, куда выходила лестница с первого этажа, взятая в ажурное кольцо из литой бронзы, по верху обрамленная тем же дубом, что и перила лестницы, чтобы какой-нибудь загулявший гость не свалился вниз, и хан Акмаль распахнул высокую дверь, оказавшуюся входом в каминный зал.

Зал был просторным, он свободно вмещал два столовых гарнитура ручной работы из Порт-Саида. Тяжелая, неуклюжая мебель, каждая рассчитанная на двенадцать персон, неожиданно полюбившаяся местным нуворишам и партийной элите и оттого резко подскочившая в цене, здесь, в просторе дома, казалась к месту. Возможно,

впечатление это складывалось оттого, что дальняя стена комнаты была занавешена огромным гобеленом светло-золотистых тонов, под цвет обивки мебели. Сюжет гобелена подчеркивал назначение дома, изображался царский выезд на охоту с псами и псарями, свитой и вельможами, дамами и кавалерами. Живописное полотно, что и говорить, оно привлекало внимание сразу, только потом, наглядевшись, наткнулся глазами на камин, искусно обложенный снаружи местным рваным камнем и зиявший за тяжелой решеткой красным нутром из жаропрочного кирпича. На всю ширину камина, а он, пожалуй, тянул почти метра на два, висели над ним изумительные по красоте рога сохотого, прекрасно обработанные, наверняка — подарок одного из охотников, подобные экземпляры лосей в этих местах не водились. Такие рога и по красоте, и по размерам регистрируются международным охотничьим союзом, и счастливчику выдаются сертификаты, подтверждающие мировой стандарт.

Хан уловил восхищение гостя, большинство из местной номенклатуры обычно восторгались гобеленом, и поэтому с гордостью сказал:

— Настоящие чемпионские рога! У меня на них есть документ, сертификат называется, по-немецки написано. Такие экземпляры, говорят, на аукционах тысячи долларов стоят, мне один большой человек подарил, сказал, что они в этом доме к месту.

Сенатору казалось, что хан Акмаль предложит осмотреть дом, оба этажа, покажет и свою коллекцию ружей, но он неожиданно пригласил за один из накрытых столов, возле которых суетились две новые девушки. И гость почему-то решил, что хан куда-то торопится, может, он надумал вместе с ним наведаться в Ташкент? Но Иллюзионист, тоже читавший мысли гостя, открылся сразу, недоверие прокурора могло перерасти в неприязнь к нему, а ему сейчас этого не хотелось. Самоуверенный выскочка, делавший в большой политике первые шаги, чем-то походил на него самого, только был гораздо более образован, с иной хваткой, и в его стратегии имелась логика, и во времени он ориентировался куда увереннее многих.

— Вы, наверное, удивились, что обед перенесли сюда, в охотничий домик, но так сложились обстоятельства, и у меня не было возможности предупредить, не стану же я вас будить. Дело в том, что ко мне вечером прибывает Тулкун Назарович...

Ах, вот он что затеял, решил подложить мне свинью, мелькнула молниеносная мысль у человека из ЦК. Скомпрометировать задумал и отстранить от дел или же, наоборот, хочет пристегнуть ко мне

Тулкуна Назаровича, чтобы держать мои действия под контролем? Прокурора не устраивал ни тот, ни другой вариант, он не хотел никакой опеки, ни с кем прежде времени не собирался делиться планами. С трудом сохраняя спокойствие, он сдержался от вопроса и продолжал чистить яблоко, поглядывая на каминные часы, начавшие отбивать четыре часа пополудни.

Пауза затягивалась, хозяин дома ожидал, что эффект будет большим, но не сработало, и ему ничего не оставалось, как продолжить:

— Он прибывает в Наманган на какое-то совещание, назначенное на завтра, решил почему-то встретиться со мной. Он не догадывается о вашем визите ко мне? — растерянно спросил хан Акмаль.

— Нет, не должен, я же вам сказал, что это моя частная инициатива, — жестко ответил Сенатор, но про себя подумал, неужели позавчера засветился на ташкентском вокзале...

— Вы не беспокойтесь, с вашими делами я управился, все готово, — продолжил торопливо хан, ощущая недовольство гостя. — Решили вопрос и с вашим отъездом, Исмаат сядет в Намангане на скорый поезд в двухместном купе, а вы войдете в вагон на первой же остановке поезда, она будет через час двадцать семь минут после отправления. На эту станцию вас и доставят мои люди.

— Зачем же беспокоить Исмаата, — перебил гость хозяина дома, — пусть он отдаст билеты проводнику и скажет, что пассажиры сядут на такой-то станции. Для верности пусть вложит пятерку-десятку и попросит напоить чаем в дороге.

— Этого я сделать не могу. Артур очень беспокоился за вас, мои люди посадят вас в вагон, в купе вас примет Исмаат. Когда Исмаат увидит, что за вами захлопнется дверь вашего дома, и позвонит Артуру, что вы у себя, тогда моя миссия будет окончена, такие у нас правила. Точно так же вам придется доставлять людей на место, которые придут к вам с серьезным разговором, запомните на будущее. К тому же вы не учли, какая сумма будет с вами и какие документы. Вы не смотрите, что Исмаат не производит впечатления, как Коста или Ашот, но и он свое дело знает, можете спать спокойно, вы будете под надежной охраной.

— Спасибо, я как-то об этом не подумал.

— А теперь давайте выпьем, пообедаем, а потом прогуляемся к моему любимому водопаду, заодно поговорим о делах, когда еще увидимся, теперь я в Ташкент не ходок... — И хан Акмаль принялся разливать коньяк, на этот раз он уже стоял на столе.

Выпили, закусили, но застолье сегодня тянулось вяло, никак не могло набрать темп, и коньяк не помогал. Сенатор думал, зачем сюда собирался пожаловать Тулкун Назарович, неужели тоже решил предупредить старого друга о грозящей ему опасности? Мучила и другая мысль: не сообщит ли хан Акмаль о его визите и не окажется ли он сам на крючке у этого опытного интригана? А может, сам хан Акмаль срочно его вызвал, сославшись на то, что прокурор затеял в обход власть имущих что-то важное и хотел заручиться у него в Аксае поддержкой — появилась и такая мысль. Что ж, при таком раскладе он вроде снова возвращал к себе интерес, попадал в эпицентр внимания, как прежде. Но зачем ему это? Разве я не объяснил, что все они — битая карта? — задавал он себе вопрос и сам же себе отвечал, вполуха слушая хозяина дома и лениво ковыряя вилкой в знакомых тарелках английского фарфора со сценариями охотничьей жизни.

Но Тулкун Назарович все-таки не шел у него из головы, что же крылось за его неожиданной, тоже тайной поездкой в Аксай? Но вслух он спросил:

— Гость остановится в загородном доме, где мы вчера с вами пировали?

— Нет, он просил меня принять его здесь, в охотничьем доме, он с Шарафом Рашидовичем бывал здесь не раз, сюда никто не может нагрязнуть, даже случайно. Он, кстати, как и вы, хотел сохранить свой визит в тайне.

— Не проще ли было оставить меня там, внизу, я не стораю от нетерпения увидеть его? — обронил прокурор, вновь почувствовав какой-то подвох.

— Не волнуйтесь, встречи не произойдет, я думаю, и у него нет желания сегодня увидеть вас за этим столом. Представляете, что с ним случится, если вы вдруг войдете в зал, — инфаркт самое меньшее, он ведь отдает отчет, какой отдел вы возглавляете в ЦК, с кем встречаетесь ежедневно. От разговора с ним я не жду каких-то результатов, чисто по-человечески меня разбирает любопытство, предупредит ли он меня об опасности, как вы, или нет? Или же придет жаловаться и по старой привычке просить денег. Но как бы там ни было, я обязательно поставлю в известность, с чем он заявился, заодно прошу паю его, я решил дальше делать ставку только на вас. Почему я перенес обед сюда? Тут объяснение простое. Все, что вы просите, находится тут, поблизости, в горных тайниках, и я уже был здесь, когда получил сообщение о визите Тулкуна Назаровича.

Я практически не успевал отобрать вам фотокопии, спуститься с гор, пообедать с вами и встретить нового гостя на въезде в Аксай, поэтому я перенес встречу в охотничий домик, вот и весь расклад. Я давно уже никого не принимал здесь, и следовало самому осмотреть дом, чтобы все выглядело по-прежнему. Через два часа мы вместе с вами поедем ему навстречу, в машине у меня телефон, и с какого-нибудь поста передадут о передвижении гостя, как только они покажутся на горизонте, я сойду, а вас доставят на станцию.

Видя, что гость не вполне доверяет его словам, хан решил изменить кое-что в намеченной программе и потому вдруг сказал:

— Я понимаю вашу настороженность, Сухроб-джан, меня бы тоже смутил визит Тулкуна Назаровича и навел на неприятные мысли, но так сложились обстоятельства, и, чтобы вы до конца не портили себе обед, я сразу же передам вам обещанное, может, это вновь вернет ваше доверие ко мне. — И Иллюзионист вышел из-за стола и покинул комнату на несколько минут.

Вернулся он вместе с Сабиром-бобо, сам он нес большой потертый кожаный чемодан, а старик в белом — шеголеватый атташе-кейс и какую-то большую коробку, тщательно запакованную и прихваченную со всех сторон широкими полосами самоклеющейся ленты, судя по всему, не очень тяжелую. Поставив коробку и кейс у стола, Сабир-бобо молча покинул каминный зал. Аксайский Крез бросил туго набитый чемодан прямо на стол и, кивком головы пригласив гостя, начал открывать замки.

— Вот деньги на благие дела, что вы задумали, и пусть над нашим краем скорее взвьется зеленое знамя ислама, — сказал хан и распахнул крышку. Чемодан доверху был уложен вперевязку банковскими упаковками сторублевков, а поверху для страховки еще и перетянут вдоль и поперек широкими кожаными ремнями, чтобы не болталось, видимо, в нем не однажды куда-то доставляли деньги.

Сколько же здесь миллионов, и не куклу ли мне заряжает хан, от него всего можно ожидать, а внизу какие купюры, может, червонцы? — мелькнула мысль у Сенатора, а вслух он хитро спросил:

— Я должен написать вам расписку? — Надеюсь таким образом узнать сумму, дареному коню ведь в зубы не смотрят.

— Обычно я так и поступаю, но сегодня другой случай, и пусть мое доверие станет основой наших отношений. А в дипломате фотокопии досье, которые, на мой взгляд, пригодятся вам в первую очередь, наверху там лежат документы и на сегодняшнего Первого,

я отдаю вам его на растерзание. И последнее. Вчера я обещал чем-то заглазить свою вину перед вами — вот этот подарок в коробке, надеюсь, он порадует вас не один раз. Подарок особый, вам он как нельзя кстати, его по старой привычке привез мне два месяца назад тот самый человек из Москвы, что доставляет мне фильмы и кое-что по мелочи. Это прибор, довольно-таки компактный, несложный в обращении, как все японское, им можно прослушивать разговоры на расстоянии пятидесяти метров, сквозь любые стены, можно подсоединиться ко всякому телефону, наверное, таких приборов и в КГБ пока нет. Привезли прибор в страну по дипломатическим каналам, так что за ним хвоста нет. Хорошая игрушка, жаль, что она мне почти не нужна. Из своего кабинета на третьем этаже вы сможете свободно прослушивать разговоры Первого, любые секретные совещания у него, на которые не будете иметь доступ. Все тайное в Белом доме отныне для вас станет явным. Техника — грозное оружие, жаль, раньше не было таких приборов.

Хан Акмаль не на шутку разволновался, ему даже пришлось снять куртку.

— А больше мне жаль другого, знай я вас хотя бы три-четыре года назад, до смерти Шурика, я сделал бы ставку на вас, посадил бы на трон, у меня тогда и сил, и средств хватало, и мы наверняка не оказались бы сегодня в такой ситуации. Если не при Андропове, так после его смерти подавно, отвели бы руку Фемиды от Узбекистана, разве мы одни погрязли в грехах, по сравнению с Кавказом мы, на мой взгляд, просто шалунишки.

— Да, вы правы, Акмаль-ака. Упущен год при Черненко, тогда, если бы приложить усилия, можно было и выдворить всех следователей с нашей территории, Костя знал, что его патрон благоволил к нашему краю, любил Шарафа Рашидовича и не хотел бы, чтобы отсюда пошли неприятные известия, связанные хоть с Ленчиком, хоть с его зятем, генералом Чурбановым, хоть с дочкой Галей.

— Эти трусы и невежды проморгали время и сами теперь оказались в горящем лесу, от огня теперь никому спасения нет. Бог с ними, Сухроб-джан, и прежде чем предложить тост, чтобы эти деньги принесли вам удачу, я сделаю еще один подарок — верну подлинник досье на вас. Завели его недавно, как только вы объявились в Верховном суде. Ныне, конечно, у меня не те возможности, чтобы похвалиться собранным, и это, скорее, жест моего доверия, расположения к вам, по чужим досье вы поймете, что я располагал интересными

сведениями и разными источниками. Кстати, в некоторых важных документах я указал, от кого исходила информация, агентура в особых случаях может вам пригодиться. — И хан Акмаль еще раз отлучился из-за стола.

Долгое отсутствие и натолкнуло Сенатора на мысль о том, что хан решил отдать его досье в последний момент, он действительно хотел расположить гостя к себе.

Вернулся хозяин дома с тощей канцелярской папкой, и ему тотчас вспомнилась вчерашняя фраза Иллюзиониста: «За иное убийство я рассчитываюсь не деньгами, а обыкновенной папкой с документами». Тогда смысл сказанного не то чтобы не дошел, он не потряс его, а вот сегодня, когда хан Акмаль небрежно бросил двадцатикопеечный бухгалтерский скоросшиватель с порядковым номером на коробку с прослушивающей аппаратурой из Японии, все прояснилось, стало на место — редкий по коварству ход.

Только теперь он понял, почему иной раз за деньги не решишь того, что можно сделать за сведения о собственной персоне, следовало всегда уравнивать ценность двух чужих жизней, одна из которых зависела от тощей канцелярской папки, находящейся в твоих руках. Располагая огромным банком информации, Сенатор еще никогда не воспользовался подобным смертельным приемом — хан умел загребать жар чужими руками, было чему поучиться. Невольно пришел на память прокурору капитан Кудратов из ОБХСС, когда тот проделал за него с Салимом опасную часть операции по спасению Коста.

— Так давайте выпьем, чтобы то, ради чего вы настойчиво добивались ко мне, рискуя карьерой и жизнью, принесло вам удачу,— наконец-то предложил тост хан Акмаль, и гость с удовольствием поднял бокал.

Весь обед, опять же умело приготовленный и любезно подаваемый двумя хорошенькими девушками, прокурор сдерживал себя, чтобы не обращать внимания на коробку, где сверху лежало досье на него самого. Это давалось ему с трудом, испортило все наслаждение от трапезы, но экзамен, вольно или невольно устроенный Иллюзионистом, он выдержал, ни разу не потянулся взглядом к папке с четырехзначным номером, начертанным ярко-красным жирным фломастером. Заканчивая обед, Сенатор опять посмотрел на каминные часы и вспомнил, что, когда они садились за стол, хозяин сказал: «Через два часа мы выезжаем отсюда». До назначенного времени

оставался ровно час, сегодня опять наступал день с жестким регламентом: дорога, поезд, встреча Тулкуна Назаровича.

Взгляд гостя на часы не остался незамеченным, хан Акмаль сказал:

— Да, у нас с вами в распоряжении еще час, все идет по графику, я обещал показать вам свой любимый водопад, к нему мы сейчас и пойдем. — Он взял стоявший перед ним хрустальный колокольчик и позвонил, через некоторое время в зал вошел Сабир-бобо.

— Мы сейчас пойдем прогуляемся, я должен показать Сухроб-джану хотя бы ближайшие окрестности дома, московские гости, много повидавшие, говорят, что здесь красоты не уступают швейцарским, когда у него еще будет возможность приехать на отдых к нам. А ты загрузи в машину Джалила вещи нашего гостя, до Акса я поеду с ними, а моя «Волга» будет идти следом, я пересяду в нее, как только получу сообщения о приближении Тулкуна Назаровича. Вернусь я сюда вместе с новым гостем часа через три, тебя тоже предупредят по телефону, постарайся сделать все как в прошлый раз. Тулкун человек капризный и надменный, тем более он приезжает опять с этой любовницей, татаркой, Накия или Нажия, кажется, ее зовут, ты у девочек спроси точнее, они ее тоже запомнили, и не забудьте в комнате поставить белые розы, это ее страсть. Сумасшедшая баба, в прошлый раз задумала купаться ночью голой у меня в парке среди моих любимых лилий и лотосов, и даже Тулкун не смог остановить, все спрашивала, кто красивее — я или лилии,— засмеялся хан, видимо, вспомнив скандальную историю годичной давности. Старик в белом выслушал хозяина молча и, ни слова не сказав, вышел из комнаты. Человек из ЦК так и не решился спросить, почему он всегда молчит, но то, что старику отведена в доме не последняя роль, Сенатор почувствовал только сегодня.

Во двор спустились через первый этаж, воспользовавшись лестницей в середине коридора, которую гостю все-таки хотелось увидеть, она вела прямо в бильярдный зал, и у прокурора сложилось цельное впечатление о доме, хотя он не видел ни одной спальни комнаты, ни большого банкетного зала, о нем ненароком упомянул за обедом Иллюзионист. Огибая строение, Сенатор высчитал, что в дом можно попасть еще и с торца здания; аксайский хан, как и везде в среде своего обитания, понастроил тайных входов и выходов, наверное, чтобы держать под контролем жизнь своих высокопоставленных гостей.

Внутренний двор оказался куда просторнее, чем та часть с парадного входа, он полого спускался к темневшему вдаль ущелью

и занимал гектара два, огороженный все тем же каменным забором. Не облагороженный, как в парке с лилиями, но бережная рука человека чувствовалась внимательному глазу, она тут не старалась подменять природу. Да, на Акмаля-хана работали люди со вкусом.

Они шли рядом, вполголоса переговариваясь, а из окна второго этажа каминного зала им долго глядел вслед безмолвный человек в белом, наверное, он старался запомнить незваного гостя, спустившегося с неба как снег на голову и внесшего сумятицу в жизнь его хозяина. Волновал его и чемодан с деньгами, из Аксая многие уезжали с деньгами, но столько не увозил еще никто, а ведь еще вчера, когда хан Акмаль вышел за сигаретами и перекинулся с ним и Ибрагимом двумя-тремя фразами, жизнь этого человека, казалось, была уже решена, она не стояла и ломаного гроша. А сегодня хан вернул ему даже досье на него, ничем особо не примечательное, что, впрочем, тоже есть характеристика человека, тут главное, с каких позиций посмотреть. Хан, не найдя ничего интересного, сказал однозначно: «Хорошо метет следы, такого голыми руками не возьмешь». И держится с ним хан уважительно, как в лучшие годы с Шарафом Рашидовичем. Старик чувствовал, что с этим человеком без галстука ему придется еще не раз иметь дело, и он старался не только запомнить, но и понять его, а бытовые обыденные привычки опытному человеку говорили о многом.

Например, он не сводил с него глаз за обедом, в специальное окошко, умело задрапированное над камином, среди роскошных рогов сохатого, как среагирует он на досье на самого себя, которое хан специально бросил на расстоянии протянутой руки, а тот даже глазом в ту сторону не повел, понимая, что его в очередной раз проверяют. Такое поведение говорило о многом, прежде всего о характере, силе воли, сдержанности, культуре, уме, наконец. А как он равнодушно глянул на деньги, даже не спросив сколько, когда хан распахнул крышку чемодана. Многие тут от жадности теряли контроль над собой, проверка деньгами практиковалась в Аксае в особо изощренной форме, и не всякий из уважаемых выглядел достойно, как этот джентльмен без галстука.

— Мы, наверное, не скоро увидимся, а телефонам я не очень доверяю, большинство из них прослушивается, и не обязательно по требованиям органов или с санкции прокурора, тем более у такого должностного лица, как вы, владеющего государственными секретами,— сказал хан Акмаль,— поэтому, пожалуйста, спрашивайте, что вас интересует, наш восточный такт, сдержанность ино-

гда мешают делу. Мы сегодня должны оговорить многое, в свою очередь, я тоже кое о чем вас спрошу. Но если мне вдруг понадобится передать вам что-то срочное, я воспользуюсь только нарочным, у вас теперь во дворе ЦК много жалобщиков, как мне сказали, так что мой посланник не бросится в глаза, это будет обязательно житель Аксая, поэтому, пока не уехали, восстановите в памяти всех, кого вы видели тут, у меня не работают случайные люди. Воспользуюсь я, при надобности, и вашими днями в общественной приемной ЦК, поэтому, уходя, не забудьте заглянуть в коридор, может, там будет ходок и от меня.

Вот только теперь Сенатор не чувствовал подвоха в словах Иллюзиониста и очень жалел, что неожиданный приезд Тулкуна Назаровича не дал ему толком затронуть волнующие его проблемы.

— Спасибо за подслушивающую аппаратуру, но я хотел бы получить и вашего человека, читающего по губам, мне о нем с восторгом говорил Шубарин, он как-то пользовался его услугами. Что он за человек? Располагая деньгами, я немедленно купил бы ему дом в Ташкенте и перевез его туда с семьей, он-то мне нужен будет часто, человек всегда мобильнее любой техники.

— Наверное, ему больше подойдет квартира, а не собственный дом, он холостяк, двадцать восемь лет, пять из них провел в тюрьме, там он и обучился своему редкому ремеслу, ко мне попал случайно, я спас его от нового срока заключения. Работает он фантастически, я проверял его несколько раз на себе. Сижу, разговариваю с кем-нибудь, передо мной магнитофон, а Айдын, он турок-месхетинец, где-то метров за тридцать с биноклем в руках располагается на дереве, на шее у него тоже магнитофон, для контроля. А затем слушаем обе записи, точность поразительная, хорош он и тем, что и узбекский, и русский знает в совершенстве, ведь у нас порою в разговоре невольно переходят с одного языка на другой, особенно грешат этим партработники и городская интеллигенция.

— Спасибо, Акмаль-ака, считайте, я его забрал, как только подготовлю ему жилье, за ним приедет человек, вы уж поговорите с Айдыном, что работа ему предстоит серьезная, иногда, мол, государственной важности, ну, и оплата, разумеется, профессорская. Скажите ему, раз он знает Артура Александровича, что требования у меня будут точно такие же. Но это лишь одна просьба. Я хотел бы в некоторых случаях пользоваться и вашим табибом, укорачивающим человеческую жизнь. Шубарин как-то упоминал о сигарете, выкурив которую, прощаешься

с жизнью на следующий день, и главное, невозможно определить отравление при экспертизе. Не ваш ли лекарь мешает в табак хитрое зелье?

— Нет, не мой, Артур к нему не обращался, я бы знал. А что касается сигареты, ничего в нее не мешают. Сигарета — вещь хрупкая, нежная, тем более фирменная, чем обычно и привлекают курильщика. А делается это так, сигаретку сутки держат в особой табакерке, и она впитывает ядовитый аромат, не убивающий вкуса и запаха табака. Такая табакерка у меня есть, разживемся и для вас. Способов отправить человека на тот свет тайно нынче много, есть снадобье, вызывающее через время инфаркт и даже опасные раковые заболевания, в каждом конкретном случае лучше советоваться со знахарем, как я и делаю, он столько людей на тот свет отправил, что в сотрудничестве с вами не откажет, но он работает не в Аксае, сюда он навевывается в горы на все лето за травами, а живет он у вас под рукой, в Ташкенте, я с Айдыном передам его координаты, я рад, что вы собираетесь работать всерьез.

Они выбрались далеко за ограду охотничьего дома и шли рядом хорошо вытопанной тропинкой в горы, то и дело останавливаясь, но разговоры у них были не об удивительной природе, открывающейся вокруг. Уже доносился шум водопада, но они его не слышали, их волновало другое. Гость, пользуясь минутами откровения непредсказуемого хана, торопился прояснить ситуацию.

— Хотя вы отказались от расписки, я все-таки вернусь еще раз к деньгам.— Сенатор упорно гнул свое.— Там, мне кажется, миллионов шесть, не больше...

— Да, вы почти угадали, всего пять,— уточнил Иллюзионист.

— Пять или шесть — в принципе особой разницы нет, и та, и другая сумма невелика. Вы знаете, чтобы сейчас повернуть какое-нибудь серьезное дело, нужны счета с пятизначными и шестизначными цифрами. Я расцениваю ваш взнос как первоначальный, что-то вроде аванса в привлекательное, но рискованное предприятие. — Сенатор ожидал, что хан вскипит, скажет что-нибудь о неблагодарности, но он ошибся.

— Да, пожалуй, можно считать мой вклад даже не авансом, а единовременным пособием, я отдаю себе отчет, что задуманное вами стоит больших денег, я сам вчера говорил, что огромные средства необходимы для создания молодежного, студенческого движения, бесплатно заниматься политикой никто не станет, на все нужны деньги. И считайте, что они у вас есть. Но если я немедленно передам

вам средства и архивы, ответьте, зачем нужен я сам? — Хан посмотрел на гостя, и в его взгляде не было присущей ему всегда агрессии, видимо, он говорил искренно. — Я и документами поделился лишь отчасти, отдал то, что, считаю, может пригодиться вам в ближайшее время, и опять из тех же соображений. Денег должно хватить примерно на год, если за это время ваша работа покажется целесообразной, эффективной — за финансирование не волнуйтесь. Денег я скопил достаточно и хотел использовать примерно на те же цели, что и вы, тут у нас разногласий нет.

— А как вы узнаете, эффективна ли моя работа, движется ли? Политика — не бег на короткие дистанции, если вдруг вам придется уехать или, извините, хуже того, вас арестуют?

— Вот об этом у вас не должна болеть голова, я узнаю обязательно, а если вдруг умру — будут в курсе мои доверенные лица, их много, и они всегда придут к вам на помощь, так и в дальнейшем, в вас будут вглядываться внимательно, я ведь все эти годы не сидел сложа руки, тоже что-то создал. И не обижайтесь, если я сегодня не все разложил по полочкам, вы возникли из ничего, вас не было в моих планах, а теперь вы занимаете в них главное место, и все это, заметьте, за сутки, перестроить стратегию тоже нужно время, и после вашего отъезда я займусь этим вплотную. Может, встреча с Тулкуном Назаровичем что-то еще прояснит?

— Но как мне все-таки быть, если с вами что-то случится? — решил на откровенный разговор прокурор.

— Да, вполне резонный вопрос, он меня не обижает, если понадобится срочная помощь, найдите Сабира-бобо. — Видя удивление на лице гостя, он повторил: — Да, да, Сабира-бобо, считайте, он мой духовный наставник. Человек железной воли, лишен тщеславия, он сам себе придумал образ служки, чтобы не привлекать ничьего внимания, и держится в таком обличье уже почти пятнадцать лет. Он мало говорит, но зато умеет слушать. Вот к нему и обратитесь, он знает всех моих друзей и единомышленников, моих последователей, короче, всех тех, кого я объединил за эти годы, а их много, они повсюду, он сегодня укладывал деньги и понял, что вы теперь в Ташкенте — наше особо доверенное лицо. — Хан Акмаль неожиданно сделал паузу, и они услышали грохочущий рядом водопад. — Мои московские гости называли его Летящая вода, от него в округе брызги летят как от шампанского, а внизу все пенится, шумит, искрится, пузырится, как знаменитый напиток, которому Артур отдает предпо-

чтение перед всеми другими. — Хан Акмаль оглянулся по сторонам, словно кого-то поджидал, и предложил: — Давайте, Сухроб-джан, присядем на эти валуны, шагов через двадцать от шума низвергающейся воды ничего не будет слышно, а мне еще есть что сказать вам.

Близость водопада, стремительной горной реки чувствовалась, и камни, на которых они расположились, не держали тепла слепо-луденного солнца, они казались влажными.

— Визит Тулкуна Назаровича,— продолжил разговор директор,— оказался некстати, только сегодня мы нашли толком подход друг к другу, а поговорить всласть нет времени. Я благодарен вам за предложенный вариант эмиграции в соседние республики. Скажу честно, такой исход для себя я тоже предусмотрел, и давно. У меня есть не только резервный дом, поддельный паспорт, но даже жена, которая говорит всем, что мы в разводе из-за того, что у нее нет детей. Время от времени туда наведывается мой двойник с подарками, так что мое появление там вряд ли для кого-то окажется неожиданным и привлечет внимание. Говорят, у меня склад ума как у шахматиста, видимо, учитывая многовариантность и непредсказуемость моих ходов, хотя я, кроме нард и картежной игры, не признаю ничего, даже бильярд, наверное, оттого я пять лет назад, в безоблачное время, придумал для себя плацдарм для отступления.

Вчера, когда вы ушли отдыхать, я вернулся в бассейн, попросил затопить сауну, вызвал массажиста и все время думал о вашем предложении — бежать ли мне?

О том, что надо мной сгущаются тучи, я чувствую, и разрозненные сведения об опасности ко мне все-таки поступают, и у меня нет оснований не доверять вам, и я, наверное, действительно играю с огнем. И все-таки сегодня на прощание я хочу сказать, что вот здесь, у водопада, я твердо решил не бежать. Скажете — безумие? Возможно. Но весь опыт моей жизни говорит, что люди моего круга, ранга, положения, называйте как хотите,— неподсудны! Таких, как я, не сажают — это бросит тень на партию. Вы, наверное, потребуете еще хотя бы один аргумент в пользу подобной логики — пожалуйста. Пока Шурик лежит, захороненный в центре города, напротив выстроенного им самим Музея Ленина, как вернейший его ученик и последователь на Востоке, и пока его именем названы города, площади, улицы, никто не посмеет меня пальцем тронуть. Такого прецедента, чтобы вчерашнего верного ленинца, почти члена Политбюро, орденосца, так быстро выкинули из истории партии, не было.

Допускаю, что лет через двадцать — тридцать дойдет очередь и до него, как подоспело время разобраться со Сталиным, тогда, может быть, неблагодарные потомки и предпримут какую-нибудь пакость с перезахоронением, с переименованием, как нынче у нас повелось, но сегодня, когда повсюду сидят его друзья, его ученики, его вассалы, на такое никто не пойдет.

А тронь меня, придется выкапывать Шурика, я один отвечать не намерен, да что Шурик, которому ныне все равно, мертвые сраму не имут, кажется, так у русских, со мной на скамью подсудимых пойдут многие охотники, любившие уют этого дома. — Хан Акмаль кивком головы показал в сторону особняка с высоким брандмауэром, как бы делившим дом на две половины. — Вот они где у меня все. — Иллюзионист крепко сжал свой пухлый кулак. — Вы, дорогой прокурор, в аппарате ЦК человек новый, не знаете реальную силу партии, они не должны дать меня в обиду, иначе им всем непоздоровится, мы все из одного котла ели.

Вот это и останавливает меня от эмиграции, я ведь уже не молод, на далекие перспективы рассчитывать не могу. Потом, вы не допускаете мысль, что мое бегство будет многим на руку, на меня таких собак навешают — век псиной пахнуть будешь, не отмоешься? Я не хочу отвечать за других.

И последнее. Возможно, меня и арестуют, я подготовил себя и к такому исходу, я знаю, какими козырями располагаю. Будь что будет: семь бед — один ответ. Без Акса я нигде не быть самим собой, только тут для всех я бог и царь. А сегодня, заручившись вашей дружбой, я тем более не склонен исчезать, если понадобится, если будут топить, организуете с Артуром побег из тюрьмы, вот тогда я подамся к одной из бедных женушек, ожидающей меня целых пять лет, почти как Одиссея, но, надеюсь, до этого не дойдет. Вот что хотел сказать относительно себя. — Хан Акмаль встал и, глянув на часы, спокойно предложил: — Давайте потихоньку возвращаться, время подпирает, а по дороге я еще кое-что вам скажу, но это касается не меня лично, а нашего общего дела.

И они повернули назад, так и не дойдя до водопада, не до Летящей воды было сейчас хану, да и гостя не очень-то волновали красоты природы. Последнее обстоятельство, желание Иллюзиониста остаться в Аксае до любого исхода, несколько путало планы прокурора. Но следовало выслушать его до конца. Огибая причудливо расположенные валуны у водопада, напоминавшие, наверное, некоторым

японский сад камней, они вернулись на тропу, ведущую к особняку, красиво возвышавшемуся невдалеке, место для него оказалось выбренным идеально.

— Вы только начинаете свои первые шаги в политике, а время торопит, поджимает вас, поэтому мне хотелось бы дать вам несколько конкретных советов. Они, на первый взгляд, могут показаться не столь существенными, далекими от ваших целей, но они-то, если вдуматься, проанализировать, работают на вашу идею. Мы сегодня уже несколько раз упоминали Шурика, будь он жив, я клянусь вам, республика никогда не попала бы под микроскоп следственных органов Прокуратуры СССР. Виноваты мы, не виноваты — вопрос другой.

Бесспорно для меня и то, что взлет нашего государства и нашей республики, лучшие его годы, как ни парадоксально ныне звучит, пришлись на время правления Рашидова и его друга Брежнева. Таких успехов, подъема жизненного уровня, массового жилищного строительства республика не будет знать еще долгие годы. За время его правления сложился не только административно-партийный аппарат, но выросла и собственная интеллигенция, а эти два основных сословия являются катализатором подъема национального сознания. И аппарат, и интеллигенция еще скажут свое слово. На фоне былых успехов и удач быстро забудутся неудачи, ошибки Шурика, ибо страна, как я вижу, вступает в полосу кризисов, их так много, что всего и не перечесать, а так называемая гласность и демократия расшатывают до конца дисциплину и порядок, которых всегда не хватало системе.

Почему я читаю вам этот ликбез? Да потому, что вижу: вы уже списали Шарафа Рашидовича, а он есть олицетворение определенного порядка, восточной интерпретации марксизма-ленинизма, он, как никто другой, учитывал национальную специфику в государственном устройстве, тут ему в настойчивости не откажешь. Вы ведь до конца не знали все его цели и устремления, а он смотрел далеко. Я когда-нибудь расскажу о нем подробнее, а вы обрадовались, нашли приписки, вышли на след миллионов и миллиардов. Ну и что? Кто бросит в него камень, что он воровал для себя, жил жизнью сибарита? Такого человека вы вряд ли найдете, он жил жизнью аскета. Это глубоко трагическая фигура, если кто-то всерьез будет исследовать его жизнь, уверяю вас, убедится в этом.

Скажете, что его поступки, помыслы непоследовательны, зачастую во вред республике, нации? Да, разделяю, могу и примеры называть. Но вспомните ленинское — «Шаг вперед — два шага назад»,

а ему в условиях жесткой руки Москвы, чтобы сделать шаг вперед, иногда приходилось делать десять назад, на давно завоеванные позиции, но тот единственный шаг вперед, который без отступления никак не мог быть сделан, все-таки свершался! Оставался завоеванной позицией! Он создал республику, не последнюю в союзе пятнадцати, назовите город, где у нас нет высших учебных заведений, университетов, престижных научно-исследовательских центров, а на это, дорогой, у других стран уходят столетия, века, а он одолел эту историческую дистанцию за двадцать лет. К чему я это говорю? К тому, что у нас мало авторитетов, ярких личностей, как нация с самостоятельной государственностью мы молоды, и нет нужды топтать в грязь достойные истории имена.

— Что вы предлагаете? Напечатать панегирик в честь вашего друга и покровителя? — усмехнулся Сенатор.

Хан Акмаль пропустил иронию мимо ушей, словно не слышал, и спокойно продолжал:

— Да, сегодня ни одна газета, ни один журнал, кроме пасквиля о нем, ничего другого не напечатает. Но вы пошевелите мозгами, задумайтесь, почему при таком потоке грязи, обрушившейся на Сталина, его имя все еще любимо и чтимо народом?

— Потому что все обросло мифами, легендами, народ не поймет, где правда, где ложь.

— Верно, — обрадовался Иллюзионист. — Вы сразу поставили точный диагноз, а почему бы не воспользоваться готовым беспроигрышным рецептом? — Видя недоумение собеседника, пояснил: — Нужны мифы, легенды о Шарафе Рашидовиче, подумайте об этом на досуге. Для начала я подброшу две-три идеи. Такую, например, что он не умер, а схоронили его двойника, а сам он спокойно живет в Афганистане, Иране, Саудовской Аравии. Разве ему сложно было пересечь границу в Термезе? Вы вчера и мне предлагали этот вариант.

Другая версия, более трагическая. Он не умер от инфаркта, а его убили. Казалось бы, исход один — смерть, но убили — это уже жертва. Ни в коем случае не надо отрицать его ошибок, они очевидны. Приписывал? Да, приписывал. Знал, что каждую осень в республику поступает около миллиарда незаработанных денег за счет повального искажения государственной отчетности? Знал. Почему воровал или способствовал казнокрадству из всесоюзного котла? Потому, что считал: за хлопок республике платят ничтожно мало. Не поймет народ? Поймет, поймет — за рабский труд на хлопковых

полях нынешняя плата унижительна. Может, не поймут в Москве или еще где-то, но для нас важно, чтобы поняли здесь, в Узбекистане, двадцать миллионов коренного населения, а на остальных наплевать, вас не должны волновать чужие эмоции. А дехканин свое слово еще скажет, попомните это, если уж я их с трудом удерживаю, то при нынешней свободе все кончится взрывом.

А идея о сознательном воровстве, широко внедрившись в массы, спасет многих наших казнокрадов, да и меня тоже. Предвижу новые контраргументы. Почему воровал? Во благо Отечества, тех двадцати миллионов, задавленных хлопком. Что успел сделать награбленными миллионами для Отечества и для нации? И тут есть прекрасный ответ. Много думали сделать, понастроить школ, больниц, но не успели — все Москва отобрала, у одного бедного Анвара Абидовича сразу десять пудов золота из могилы отца выкопали. Результат? Мы — жертвы! А к жертвам всегда есть сострадание, а в ином случае можно рассчитывать и на понимание, тем более если подавать материал в подобном ракурсе. Вот что нужно осторожно, в удобоваримых дозах внедрять в сознание обывателя, внутри и за пределами республики.

— Да, никогда до этого бы не додумался, — искренне признался Сенатор.

Оставшуюся часть дороги прошли молча, наверное, каждому из них было о чем подумать. Прежним путем, через бильярдный зал, поднялись по винтовой лестнице с мраморными ступенями в каминный зал, где к приходу с прогулки обновили стол, хан Акмаль предложил выпить на пососшок. Коробку, чемодан, досье из комнаты уже унесли, прокурор на всякий случай выглянул во двор, там стояли две черные «Волги» с одинаковыми номерами, и в багажник одной из них укладывали чемодан с деньгами, а коробку с подслушивающей аппаратурой, как вещь хрупкую, поместили на заднее сиденье салона, внизу все было готово к отъезду.

Хан Акмаль придирчиво осмотрел стол, словно ему чего-то недоставало, и вдруг спросил:

— Вы в ближайшие дни увидите Артура, я хотел бы передать ему подарок. Вряд ли я скоро с ним встречусь, а через чужих передавать не хотелось бы, эту вещь тоже афишировать не стоит, иначе от нее никакого толку.

— Да, я буду с ним обедать во вторник и с удовольствием вручу. Передавать подарки гораздо приятнее, чем поручения, — рассмеялся Сенатор.

— Нет, поручений никаких, хотя это вполне в духе наших восточных традиций, вслед за подарком обычно следует просьба, вы правы.

Иллюзионист опять поднял хрустальный колокольчик и позвонил, в зал тотчас вошел Сабир-бобо с плетеной корзиной в руках, накрытой белой крахмальной салфеткой, он поставил ее на стол, чуть поодаль от сервированной его части.

— Пожалуйста, принесите ту штуку, что не подошла мне и которую мы решили подарить Шубарину.

Старик молча отошел от стола.

— А эта корзиночка вам в дорогу, вдруг хорошая компания сложится в поезде, погуляете. Не забудьте, когда будем уходить.

Вернулся Сабир-бобо быстро и передал хозяину небольшой яркий пакет, в каких обыкновенно продаются шерстяные вещи известных фирм: свитера, пуловеры, жилеты. Прокурор почти отгадал, потому что Акмаль-хан небрежно достал из упаковки жилет с перламутровыми пуговицами, но не вязанный, а из добротного материала, темно-серого цвета, вполне элегантный, но что-то консервативное, старомодное все-таки чувствовалось в нем. Слишком мал у горла вырез, будет теряться красота галстука, двубортный, с большим запахом на груди, и, пожалуй, чересчур удлиненный. Вряд ли такой жилет, скорее всего английский, мог доставить радость Японцу, тот уж слишком внимательно относился к своему гардеробу.

— Ну, как мой презент? Вряд ли у кого в Ташкенте есть такая новомодная штука, я думаю, он обрадует моего друга Артура, — улыбался Крез, держа на вытянутых руках подарок.

— Я обязательно передам, — ответил вежливо Сенатор, не желая огорчать хана Акмаля.

Хозяин дома понял, что до прокурора не дошла ценность подарка, и он, бережно укладывая его обратно в пакет, сказал:

— О, это волшебный жилет, он из кевлара, а Артур — человек рискованный, часто искушает судьбу. На Востоке жилету цены нет, вам ли не знать. Что чаще всего у нас — стреляют в спину или бьют ножом под лопатку. А второго выстрела Японец никогда не допустит, даже без телохранителя.

«Пуленепробиваемый жилет!» — наконец-то дошло до него, и он сконфуженно улыбнулся.

— Да, американский, там каждому полицейскому положен, жизнь человеческая у них в цене. Привезли для меня, но он мне мал, не сходится на груди, да и ни к чему теперь, и вам он тоже мал, — предупредил

он гостя, видя, как загорелись у него глаза, — а вот Артуру будет как раз, мы тут прикидывали на Айдына, он по комплекции как наш друг.

— Да, вы действительно щедры как Крез, спасибо и от меня, и от Артура Александровича.

Последний тост подняли за успехи и удачу задуманного, не успели они толком закусить, как каминные часы отбили еще один час. По тому, как директор взглянул на свой золотой «Ролекс», Сенатор понял, что пора уходить, хозяин ни при какой ситуации не встанет первым, таковы уж традиции Востока, много в них привлекательно-го, гость там действительно превыше всего.

Прокурор сделал «оминь» и решительно поднялся из-за стола, и в последний момент почувствовал, что ему не хочется уезжать из уютного, хорошо спланированного особняка с красной черепичной крышей. Он увидел себя ненастным осенним вечером в этом зале у топившегося камина, в теплом стеганом халате, с бокалом виски в руках, и никого в пустом доме — ни друзей, ни женщин, а только тихие, все понимающие слуги, как Сабир-бобо. Вдруг он подумал: «Если когда-нибудь свершится задуманное и я займу кабинет на пятом этаже в Белом доме, при любом знамени, то особняк оставлю за собой и буду приезжать сюда на охоту, устраивать балы на открытом воздухе во внутреннем дворике, спускающемся к ущелью».

Словно уловив его мысли, хан Акмаль спросил:

— Что, не хочется уезжать из этого дома?

— Не хочется, здесь прекрасно! Как вольно дышится, — ответил прокурор с неожиданным волнением и грустью в голосе.

— Да, я тоже ощущаю магию его стен, я рад, что он вам доставил минуты радости. — И хан Акмаль, как был в адидасе, так и поспешил из зала, видимо, время подпирало до предела. Прихватив корзиночку со снедью, где легко угадывались бутылки коньяка и шампанского, Сенатор вышел следом.

Хан Акмаль, вероятно по привычке, занял место рядом с шофером, а прокурор расположился по соседству с коробкой, и вновь досье оказалось вблизи. Папку просунули между обвязкой упаковки, чтобы случайно не выпала где-нибудь, но он не забывал о ней ни на минуту, какое уж тут затерять! Как только Сабир-бобо захлопнул дверцу машины за гостем, «Волга» мощно рванула с места, видимо, шофер знал о цейтноте.

— Не отказывайтесь от любой командировки в Наманган, я всегда найду возможность тайно переправить вас в Аксай, могу и сам

туда прибыть инкогнито, живая беседа, личный контакт не повредят нашему общему делу, мы еще таких слухов напридумаем, вашему идеологическому отделу наперекор,— продолжил народный депутат тему, начатую у водопада. — На одной хлопковой теме десяток жутких проблем можно выкатить: от экологической, где засилье дефолиантов губит землю, до жилищной: бедному дехканину нет места построить дом для сына, все занято проклятым хлопком.

Да что дом, в иных местах люди годами под кладбище места выбить не могут — опять же хлопок. Хлопок создает и продовольственную проблему. Когда-то нас заверили: вы решите хлопковую независимость страны, а мы вас завалим овощами, фруктами, мясом и молоком, а «завалим» не получилось, хотя мы свой долг выполнили до конца, дали не только стране, но и всем друзьям по СЭВу, а что имеем взамен... голодное существование и безработицу в богатейшем краю.

А теперь еще находятся умники, которые уверяют, что мы сидим на шее у других, едим чужое мясо и чужой картофель. Ловко используя все беды и просчеты, можно повести народ за собой куда хочешь, государственная машина неповоротлива, и эту медлительность тоже надо учитывать, дорогой мой Сухроб-джан...

— Акмаль-ака, вы, конечно, говорите очевидные и бесспорные истины, мы сейчас с вами не в президиуме партийного собрания, объясните мне как на духу — почему вы прозрели только с гласностью и перестройкой? Почему вы вчера молчали? Вы, облаканный государством человек, депутат, орденосец, Герой Социалистического Труда. Вы имели возможность не только с трибун, но и в доверительной беседе со своими влиятельными московскими друзьями, приезжающими на королевскую охоту, да и в тиши подмосковных государственных дач, сказать о болях и страданиях узбекского народа, вас, наверное, выслушали бы.

Разве не ваш друг Шурик довел площади монокультуры до таких размеров, что народу и для кладбищ места не осталось? Он что, не понимал, чем грозит тотальный хлопок для республики с самым плотным народонаселением в стране? Разве он не знал, что за хлопок мы платим здоровьем нации, детей, что они чуть ли не с колыбели в поле? Не знал, что школьники и студенты — больше на хлопковых полях, чем в классах и аудиториях? Да что проку от того, что Леонид Ильич, говорят, обожал наш край и дружил с Шарафом Рашидовичем, народ от этого что выиграл?

Иллюзионист вдруг расхохотался, причем не деланным смехом, а настоящим, заразительным, азартным, откинув голову на высокий подголовник сиденья.

— Ах, как эмоционально задавали вы вопросы, Сухроб-джан, жаль, не было магнитофона, не мешало бы послушать себя со стороны. Вы пылали таким праведным гневом, и, право, роль обличителя вам к лицу. Вы что, всерьез считаете, что политика служит народу, учитывает его заботы, чаяния? Отчасти, дорогой, лишь отчасти, не забывайте это в самом начале своей политической карьеры. Массы нужны для реализации определенной политики, и сегодня народу надо задавать только мои вопросы и подсказывать мои ответы, и в той последовательности, в какой я их сформулировал, и ни в коем случае не ронять в толпу ваше любопытство, адресованное лично мне и моему другу Шарафу Рашидовичу. Вы имеете право их задавать, чтобы не наделать впредь ошибок Шурика, да и моих, и вам я, конечно, отвечу, но даже в эпоху тотальной гласности, с традиционной оговоркой советского чиновника — не для печати — исключительно для вашего просвещения.

И в это время в машине раздался телефонный звонок, Иллюзионист сам поднял трубку и молча выслушал говорившего, и лишь в конце сказал:

— Ибрагим, все идет по программе, я встречаю вас у Красного камня, не обращайтесь внимания на «Волгу» Джалила, не останавливайте ее, она спешит к поезду. Все, до встречи.

Обернувшись к гостю, хан Акмаль с разочарованием в голосе произнес:

— Жаль, Красный камень минут через пять, там я сойду, а вам, чтобы получить ответы, придется приехать в Аксай еще раз, заодно я подробнее расскажу о Шурике, ведь мало кто его по-настоящему знал, и даже в своих книгах, как писатель, он не поведал сокровенных мыслей, очень скрытный был человек.

Машина остановилась, прежде чем выйти, Арипов оглянулся на заднее окошко, вдали, на взгорке, показалась вторая «Волга». Сухроб Ахмедович тоже вышел из салона попрощаться с необыкновенным хозяином, с которым провел непростые сутки, они могли лечь в основу иного романа или киносюжета, так лихо все было закручено от первой до последней минуты пребывания на земле Акса. По традиции они обнялись на прощание, и в последнюю минуту Сенатор понял, что до Акмаля-хана наконец-то дошло, какая петля стягивается у него на шее, и здесь, у Красного камня, один на один, всем

своим потерянным видом нагловатый аксайский Крез не скрывал, что он очень надеется и рассчитывает на прокурора. И все же последним его словом все равно оказались деньги, вера в их всевластие.

— Вы денег не жалейте, деньги есть. Если не берут десять тысяч, переходите сразу на пятьдесят, сомневаются при пятидесяти — давайте сто! Удачи вам!

Хан Акмаль сам приветливо распахнул дверцу машины и предупредил напоследок:

— Как увидите навстречу две белые «Волги», пригнитесь, вы же знаете, какой Тулкун хитрый, а я тоже хотел бы, чтобы ваш визит остался в тайне.

Одна черная «Волга» подъехала к Красному камню, другая с таким же номером отъехала, страна Зазеркалья с ее причудами, тайнами оставалась за спиной. Прокурор понимал, что догляд за ним продолжается, небрежно откинулся на спинку сиденья и закрыл глаза, всем видом показывая усталость и равнодушие ко всему, а мысль его, напряженная, кружила вокруг досье на самого себя, до которого было рукой подать, но нетерпение проявлять не следовало. Человек, живущий достойной жизнью и не знающий за собой грехов, не должен проявлять интереса ни к каким бумагам о себе, он так и поступал, так завтра Джалил и доложит хану Акмалю.

От выпитого, от суеты напряженного дня его клонило ко сну, лишь четкая работа мозга не давала ему возможности задремать, он искал повод, причину, чтобы небрежно взять папку и успокоиться наконец. Что знал о нем хан Акмаль, кто у кого в большей зависимости оказался?

— Гости появились, — предупредил вдруг равнодушно Джалил.

Прокурор открыл глаза и увидел, как навстречу с большой скоростью неслись две белые «Волги». Сенатору показалось, что они сами едут медленно, и потому сказал:

— Пожалуйста, прибавь скорость, и дорога, и видимость позволяют, чтобы у них вдруг не возникло желания остановить нас.

Шофер тут же дал газу, и стрелка спидометра сразу метнулась за отметку «120», люди хана, видимо, приказы не обсуждали ни при каких обстоятельствах. Когда до встречных машин осталось метров двести, Сухроб Ахмедович пригнулся, и через мгновение белые «Волги», с форсированными двигателями, при матовых стеклах, скрывающих тех, кто находится в салоне, со свистом пронеслись

рядом. Джалил и сидевший за рулем первой машины Ибрагим, приветствуя друг друга, одновременно нажали на клаксоны, и два звука слились в один, высокий и резкий.

— Проскочили,— сразу сказал водитель, потому что машина ныряла в низину, а гости остались за бугром. — А Ибрагим несется как сумасшедший, куда спешит? — почему-то вдруг сказал Джалил.

При упоминании имени Ибрагима у Сенатора опять заныл бок, и он невольно потянулся к ушибленному сапогом месту. «Сволочь, сгною в тюрьме, как только появится возможность»,— зло подумал прокурор, обиды он мало кому прощал. Не пришел даже извиниться, и хан хорош, должен был притащить его на аркане с петлей на шее, а то, ишь: «расстроился, чуть не плачет, все у него валится из рук»,— распался себя прокурор. Он рисовал в воображении одну расправу за другой над золотозубым человеком в шевровых сапогах и даже упустил из виду досье, в которое так хотелось заглянуть. А тем временем подъехали к окраине Аксая, к тому шлагбауму, где засекли его появление на вертолете. Машина вдруг остановилась, хотя все тот же полуденный постовой в мятой киргизской шляпе не требовал этого, не перегораживал дорогу полосатой железной трубой. Джалил, обернувшись, сказал:

— Я на секунду, отмечусь в журнале, у нас порядок такой. Строго: когда уехал, когда приехал — учет...— И выскочил из машины.

Сенатор невольно потянулся к досье, достал, даже раскрыл папку, но в последний момент вернул на место, но так, чтобы досье при тряске вывалилось само. Только он успел это сделать, как вернулся водитель, и они снова тронулись в путь, Сухроб Ахмедович по-прежнему лежал с закрытыми глазами, откинув голову на мягкие подушки, и вроде ни к чему не проявлял интереса.

Неожиданно ярость на Ибрагима, пинавшего его вчера сапогами, перешла на самого хана Акмаля, случались и у прокурора вспышки беспричинной злобы. Он уже забыл и о пяти миллионах, лежавших в багажнике, и об атташе-кейсе, набитом фотокопиями документов на влиятельнейших людей республики, забыл о прослушивающей аппаратуре, подаренной ему, не вспомнил и о том, что хан сохранил ему жизнь, а в том, что его могли живьем зажарить в тандыре, не было и доли шутки, он-то знал, с кем имеет дело.

«Ишь, мулла, наставник нашелся, учить меня решил, как дестабилизировать обстановку в республике,— распался он все больше и больше,— конечно, хлопок у народа в печенках сидит, и не толь-

ко коренного, хотя он более всего и страдает, убирают его по осени одни горожане, а они на девяносто процентов русскоязычное население, им тоже от монокультуры жизнь не сахар, с августа по декабрь сплошь каторга, никакие законы, кроме хлопковых, не действуют! План! План любой ценой!»

Да разве в этой стране мало обиженных, недовольных чем-то, кроме хлопка? Куда ни ткни, везде беда. Только за последние тридцать лет, считай, еще с хрущевских времен через тюрьмы пропущены почти двадцать пять миллионов людей, и, наверное, такое же количество откупилось или избежало возмездия по многим другим причинам, в том числе абсолютной беспомощности, беззубости, некомпетентности органов. Вот какой страшный, криминогенный слой в стране проживает, давно не верящий ни в бога, ни в царя, а тем более в светлое будущее, которое мы ежегодно отодвигаем все дальше и дальше. Этих людей так много, что у них давно сложилась своя этика, мораль, законы, свой язык, культура.

Вот они-то и ждут сигнала что-либо покрушить, свергнуть любую власть, ибо только в ней они видят зло и причину своих неудач, им все равно, по какому поводу выйти на площадь. Вот куда следует подносить горящую спичку, хан Акмаль, там давно уже все полито бензином. Тем более, работая в органах, он знает, что некому бороться с этим злом, профессионалов можно по пальцам пересчитать, партийный аппарат и тут насадил никчемную номенклатуру, которую за профнепригодность, развал работы гнали отовсюду, и остались последние прибежища для самых безнадежных коммунистов — правые органы да многострадальная культура.

С обиды на Ибрагима прокурор невольно перешел на анализ своей поездки в Аксай. Тут очевидны и плюсы, и минусы. Конечно, он уезжал не с пустыми руками, взял, кажется, все, на что рассчитывал, но удовлетворения в душе не было. Во-первых, оттого, что поездка стала известна Шубарину и, хочешь не хочешь, придется отчасти вводить того в курс дела. Артура Александровича не обманешь, да и не следовало. Наживешь такого врага, что лишишься жизни, уж Шубарин-то знает о его деяниях куда больше, чем хан Акмаль, заведший на него досье.

А еще этот неожиданный визит Тулкуна Назаровича следом — зачем он приехал, пронюхал его планы, хочет отсечь его от финансов? И не войдет ли хан Акмаль за его спиной в тесный контакт со старым аппаратным лисом? Вот уж от кого до поры до времени ему хотелось

бы таить свои секреты. Выходит, еще ни к чему не приступил, а уже обложили со всех сторон и Японец, и Тулкун Назарович, да и сам хан Акмаль не собирается отстраняться от дел, не намерен подаваться ни в какую эмиграцию, ни внутреннюю, ни внешнюю. В планах прокурора еще позавчера никого из этих людей не было, и прежде всего аксайского Креза. Вот он-то больше всего и путал ему карты. Вроде все верно рассчитал — заберет его деньги, его архив, а самого отправит на чужбину, в изгнание, где его, оказывается, давно ждет своя Пенелопа. А у того нашлись аргументы, верит, при всей своей практичности, коварстве ума, что такие люди, как он,— неподсудны! Гипноз какой-то.

Тут прокурор дал промашку, следовало на манер хана отчаянно блефовать, ведь он знал, что готовятся документы о посмертном лишении всех званий и наград и самого Шурика, главной опоры аргументов хана Акмаля. А вслед за этим наверняка отменят и названия улиц, площадей, городов, столь поспешно нареченных верными соратниками, как теперь выясняется, в чистой заботе о своей шкуре, а стало быть, почетное место у помпезного Музея Ленина окажется не по заслугам, грядет перезахоронение. Но на этот счет верными сведениями он не располагал, честно говоря, не придавал им особого значения, а, выходит, Шурик и мертвый держит в руках судьбы многих своих друзей.

А такие разговоры, он знает точно, московские эмиссары ведут с Первым наедине, пока все держится в тайне, как сказал сегодня хан Акмаль — тема их бесед пока не для печати. Но теперь другое дело, владея уникальной подслушивающей аппаратурой, он быстро окажется в курсе дел. Узнав о шаткой позиции самого Шурика, мертвого, Иллюзионист наверняка по-другому оценит свои шансы на свободу и легче согласится на эмиграцию. А на воле хан ему мешал, ох как мешал, следовало всегда учитывать то, что он есть и в любую минуту готов нанести удар в спину, он никогда не удовлетворится ролью советника, помощника, финансового магната с политическими амбициями, он просто-напросто переждет с ним время, а при первой же благоприятной ситуации отмахнет прокурора в сторону как обузу или же угостит сигаретой из особой табакерки.

Если же еще тщательнее анализировать встречу в Аксае, то можно было заметить, что он сам нужен был позарез хану, и не его идеи, планы, перспективы — сегодня его свобода зависела все-таки от усилий прокурора, и деньги он дал прежде всего, чтоб отвести от себя

удар. Спасать хана Акмаля имелся резон, если тот соглашался на жизнь по поддельному паспорту, и следовало всячески подталкивать его к этому шагу. Первую же секретную запись из кабинета Первого, касающуюся посмертной судьбы Шурика, требовалось немедленно переправить в Аксай, чтобы хан не строил иллюзий в отношении своей неприкосновенности.

А насколько в курсе дел духовный наставник хана Акмаля, молчаливый служка в белом Сабир-бобо? Доверил ли ему хан секрет своих многомиллионных сокровищ? Вот где вопрос вопросов! Все требовало тщательнейшего анализа, малейшая ошибка — и тайна сотен миллионов навсегда уйдет с ханом, ведь он никому не оставит адрес своей Пенелопы.

В общем, думать обо всем и не передумать, чего ни коснись, все имеет второй план, любая фраза имеет глубочайший подтекст. Восток — весь в иносказаниях, недомолвках, символах, и все следовало принимать в расчет, ибо цена ошибки — жизнь.

Сенатор, поглощенный мыслями о двухдневном визите в Аксай, на некоторое время забыл о канцелярской папке, притороченной Сабиром-бобо к коробке с аппаратурой. Но она скоро дала о себе знать, на каком-то крутом повороте выпала и шумно плюхнулась на резиновый коврик у ног. Одна желтая бумажка, выпавшая из папки, отлетела к сиденью Джалила, и он передал ее гостю, и тут уж представилась легальная возможность заглянуть в досье на самого себя.

Очень точными оказались биографические данные, писал кто-то, хорошо знавший его в студенческие годы, четко обозначили круг друзей, знакомых, всех по линии жены; что ж, в этом есть резон, на Востоке все и делается через родню. Прослежена и совместная служба повсюду с Миршабом, указано, что Хашимов — единственный человек, досконально знающий жизнь прокурора. Дальнейшие сведения, на взгляд Сенатора, оказались взяты из его личного дела, когда он работал в Верховном суде республики, тут были какие-то детали, штрихи, характеристики, не то чтобы секретные, но не для широкого пользования, так сказать. Это настораживало, и он решил предупредить Салима, что из строго охраняемых личных дел есть утечка информации и следует вычислить человека, работающего на Аксай, и при удобном случае припереть его к стене, сделать двойным агентом, любопытно, кто еще проявлял к нему интерес?

Но вот машинописные страницы под грифом «Требует особого внимания» бросили прокурора в жар. Как он оказался прав в своих

суждениях и прогнозах! Да, случись завтра какие крутые перемены, одержи власть пантюркисты, панисламисты или религиозные фанатики-ваххабиты, или возникни любая другая мусульманская республика под зеленым знаменем, его повесили бы на первом фонарном столбе, нет, даже такую легкую смерть ему не даровали бы, по традиции как отступника забили бы камнями, как некогда забили великого поэта Хамзу.

Сенатор внимательно вчитывался в убористый текст трех машинописных страниц и понимал, что определенные круги уже готовы приговорить его к смерти. Выходит, не зря он приехал в Аксай, выяснил, что называется, отношения, доказал хану Акмалю, что он до мозга костей свой. А если он работает так высоко и принимает какие-то неудобные решения, — это делается в высших интересах, и духовные наставники движения под зеленым знаменем должны гордиться тем, что среди них есть он, у которого даже имеются шансы занять пятый этаж Белого дома.

А тут чего только о нем не говорилось! Что он имеет тайное звание полковника КГБ, что он вкупе с «русскими десантниками» пересажал весь цвет нации. Что он люто мстит всем, кто раньше, при Рашидове, не допускал его к власти. Полная злобы бездоказательная демагогия, но промелькнуло и кое-что существенное, всего одной строкой. Человек, составлявший документ, отметил, что защита докторской Акрамходжаевым и ряд интересных статей в печати вызвали у всех, знавших его лично, шок и, мол, есть сомнения в его авторстве. Там же отмечалось, что во всех известных источниках, где куют докторские диссертации для высшего эшелона партийной элиты, отказались от авторства и не могли подсказать, кто бы мог столь квалифицированно осветить правовые проблемы в республике.

Последняя запись гласила, что он выручил от неминуемой тюрьмы капитана ОБХСС Кудратова, зятя известного человека, и намекалось, что акт гуманности прокурора обошелся уважаемому семейству в копейчку, но цифра все-таки не указывалась. Но не сумма волновала джентльмена без галстука, он искал сообщений о том, что щеголеватый бабник оказал ему и неоценимую услугу, выкрав из больницы некоего Коста Джиеова. Но, к величайшей радости Сенатора, такой записи не было. Вот этого-то сообщения он и боялся больше всего, располагая такой информацией, заинтересованные лица могли без шума заставить прокурора уйти не только с арены завязавшейся политической возни, но и вообще с должности. Тут, как говорится,

крыть было бы нечем, а то, что он попотрошил хапугу обэхаэсника и это стало кому-то известно, его не волновало, какой чиновник на Востоке не берет взятки?

Прокурор небрежно бросил папку рядом с собой, всем видом показывая, что сведениям о себе он не придает никакого значения. А придавал, ох как придавал! Боялся, что всплывут и Беспалый, и ростовский вор по прозвищу Кошей, боялся, что кто-то все равно вычислит, что те двое, убитые в ту ночь во дворе Прокуратуры, на его совести. Да мало ли можно было о нем собрать данных! А карты? Фантастические проигрыши и выигрыши! Одна двойная жизнь прокурора должна была занимать сотни страниц машинописного текста!

Ни слова о том, что он уже два с лишним года в теснейшей дружбе с Шубариным, и сколько дел уже успели провернуть с ним. Да, можно считать, они совсем ничего не знали о нем, и это радовало. И все потому, что всю жизнь был темной лошадкой, стоял в тени, ни для кого не представлял интереса, оказывается, такая позиция имеет плюсы. Отлегло, отлегло напряжение с души, эта папка не давала ему дышать спокойно, ведь он знал коварство хана, тот мог выкинуть что угодно, и только сейчас все стало на место, аксайский Крез у него в руках, он не даст ему себя шантажировать. И он с удовольствием вспомнил о корзине, что вручил ему Сабир-бобо на дорогу, благополучное окончание визита безусловно следовало обмыть.

Сенатор неожиданно так хорошо себя почувствовал, что стал напевать какую-то мелодию, чего с ним не случалось давно, со студенческих лет. Такая перемена настроения не могла не броситься в глаза Джалилу, и он осторожно наблюдал в верхнее зеркальце за гостем. Прокурор вдруг взял папку, небрежно разорвал на части, открыл боковое окошко и пустил обрывки по ветру, и тайны, что так мучили еще час назад, разлетелись по пыльным кюветам и придорожным кустам.

Шоссе уже тянулось параллельно железной дороге, и по указателям на обочине он понял, что до нужной станции осталось не более получаса езды. Настроение продолжало оставаться приподнятым, он даже пожалел, что поезд прибывает в Ташкент на рассвете, было бы здорово прямо с поезда закатить куда-нибудь отметить успех, но его ждала работа, сразу два совещания в понедельник: одно в КГБ, другое в прокуратуре. А вот вечером не мешало бы встретиться дома у прекрасной Наргиз, посидеть вместе с Салимом и Артуром Александровичем, а может, и сделать каждому из них подарок — кинуть тысяч по пятьдесят на карманные расходы из тех пяти миллионов,

что лежали у него в чемодане. Останавливало лишь одно — никому из них пятьдесят тысяч не доставили бы особой радости, а ему хотелось доставить им именно радость. И тут он понял Шубарина, который всегда делал редкие и дорогие подарки, вот они у людей вызывали бурю радости, и надолго. А из Аксая он подарков никому не вез, разве что жилет из кевлара, но и это ведь не его вещь, а хана Акмаль.

Чтобы радовать людей, нужно быть не только щедрым, но и обладать тонким вкусом, и, наверное, это целое искусство, которым из всех его знакомых владел лишь один — Шубарин. Как же не оценить его неожиданный подарок прошлой зимой — шипованные шины «Пирелли» для «жигулей» и чехлы из белоснежной натуральной овчины, это гораздо больше, чем внимание, это забота о жизни твоей, здоровье.

Мысли то и дело возвращались к анализу поездки в Аксай и не давали возможности сосредоточиться на приятном или хотя бы на деньгах. Еще до рискованного визита в горы он неоднократно думал, почему, каким образом малообразованный — по сути, невежда — оказывал долгие годы такое огромное влияние на утонченного, рафинированного человека, каким был Рашидов? Он надеялся найти отгадку этой тайны в Аксае, но ничего из этого не вышло, не продвинулся в своем понимании ни на шаг. И теперь, наверное, уже никогда не поймет, секрет Шурик унес с собой в могилу. Видимо, только встреча с Шарфом Рашидовичем наедине, и не однажды, могла дать ключ к пониманию такого невероятного альянса.

Впрочем, в политике каких только альянсов не бывает! И двадцатилетняя история края при Рашидове, если когда-нибудь будет изучаться потомками, должна учитывать серого кардинала из Аксая, бывшего учетчика тракторной бригады. И если бы сейчас, в конце благополучного окончания путешествия в страну Зазеркалья, ему предстояло дать кличку хану, то он, конечно, не стал бы называть его Иллюзионистом, хотя тот и тяготел к эффектам, трюкам, тайнам. Хан Акмаль — фигура, и ему больше подходило иное — фамилия человека, ставшая нарицательной, сыгравшего в судьбе другого монарха, да и целой державы, роковую роль, тут, хотя и с натяжкой, все-таки существовала аналогия. Распутин — вполне соответствовало той роли, что играл хан Акмаль в крае, ну, разве что можно добавить еще эпитет — восточный, восточный Распутин.

Когда вдали показались очертания железнодорожной станции, Сенатор вспомнил, что хан Акмаль обещал ему при случае подробнее

А

рассказать о своем друге Шарафе Рашидовиче, которого он небрежно называл Шурик, даже после смерти. Может, тогда-то прояснится тайна этого рокового союза и он поймет, наконец, почему, живя далеко в кишлаке, не занимая какого-нибудь официального поста, хан из Аксая стал обладать огромным влиянием на жизнь двадцатимиллионной республики. Отгадка, видимо, послужила бы неким ориентиром в его политической борьбе за власть.

Он настолько оказался поглощен тайной, связывавшей двух таких разных людей, что ничего не замечал, и только голос Джалила вернул его в реальность:

— Домулла, извините за беспокойство, поезд уже на стрелках и стоит всего три минуты.

Он невольно очнулся от дум, они стояли прямо на перроне провинциального вокзала. Рискованное путешествие в Аксай к Распутину закончилось.

Часть III Троянский конь

Английский шпион. Лоуренс Аравийский. Бриллиантовое кольцо за газетную статью. Водочный завод в обмен на металлолом. В уголовный розыск с особыми полномочиями. Предатели и убийцы в милицейской среде. Специалист по борьбе с организованной преступностью. Капканы для оборотней. Диссертация с грифом «Совершенно секретно». Человек, знающий тайну преемника Рашидова. Тайная операция КГБ и прокуратуры. Встреча на кладбище Чиготай. Странная монограмма на могильной плите.

П

осле звонка среди ночи из Аксая Шубарину уснуть больше не удалось, хотя он и вернулся в постель. Жена, привыкшая к полуночным звонкам, тревожно спросила:

— Что-нибудь случилось?

Он подошел к ее кровати, поправил одеяло, склонившись, поцеловал в теплую ото сна щеку и сказал:

— Спи, милая. Обычный звонок. Сухроб передал тебе привет, он сейчас, в эти минуты, гуляет во владениях хана Акмаля.

Он еще с полчаса лежал с открытыми глазами и понял, что сон от него ушел окончательно. Затем потихоньку поднялся, чтобы не беспокоить жену, надел ладный, по фигуре, велюровый халат темно-бордового цвета с ярким золотошвейным гербом какого-то британского спортклуба на груди и спустился из спальни на первый этаж, где у него к ванной комнате примыкал небольшой домашний бассейн. Дом этот он построил в Ташкенте лет пятнадцать назад, еще при Шарафе Рашидовиче, это с его помощью заполучил он в старой, сложившейся узбекской махалле большой участок, для этого пустил под слом скромный летний кинотеатр, построенный там сразу после войны.

Конечно, он мог найти место для строительства без особых хлопот в другом районе, но, по примеру родительского дома в Бухаре, хотел жить именно в узбекской махалле, где был воспитан, что называется, с пеленок и знал ее преимущества.

В махалле сосед больше, чем родня, там чрезвычайно высоко ценятся нравственные нормы поведения человека. Живя в махалле, ты владеешь не только строением, ты становишься членом коллектива, связанного вековыми традициями, и он тебя никогда не даст в обиду, тем более если ты — достойный житель. А нравы махалли он не только знал, но и внутренне воспринимал их.

Он понимал, что одного разрешения властей на строительство дома в махалле, которой больше сотни лет, мало. Поэтому, пока еще рушили кинотеатр, он привез трех стариков из Бухары. Самых уважаемых в его родной махалле, которые знали его отца и деда, и сейчас там еще жили мать, сестра и племянники — вообще, знали семью Шубариных чуть ли не с начала нынешнего века. Эти старики-то и объявились в чайхане махалли, облюбованной им, тут в основном и решаются все проблемы общественной жизни.

Посланники из Бухары стали ежедневными гостями чайханы, и уже на третий вечер Артура Александровича пригласили на совет махалли, собравшийся за пловом, а приготовили его бухарцы на свой лад. Тут он удивил ташкентских стариков не только щедрым подарком чайхане — привез огромный афганский ковер ручной работы из Герата,— а прежде всего блестящим знанием узбекского язы-

ка, это, пожалуй, расположило их больше, чем подарок и крупный взнос в кассу махалли на общественные нужды, и они сразу поняли, что у них поселился еще один серьезный и самостоятельный человек. Да и как не поверить, если на другой день, как только расчистили площадку от остатков кинотеатра, появился на ней Артур Александрович с двумя молодыми архитекторами, на руках у которых уже имелся проект, и его следовало лишь органически вписать в местность, а территория тут вполне позволяла сделать это. Проект имелся давно, и все время он искал для него подходящее место, но все было не то, не хватало места для сада, а без него он свой дом не мыслил.

В тот же день на пустырь, не обнесенный еще традиционным дувалом, приняли на работу трех садовников, их рекомендовал ему все тот же махаллинский комитет, и все три садовника и по сей день трудились у него во дворе.

Сад и стал главной достопримечательностью дома, гордостью Шубарина. На его фоне как-то не бросался в глаза особняк, основные преимущества которого все-таки оказывались не во внешнем облике, а в удобстве и комфорте внутри, он, как и все в махалле, жил, что называется, «окнами во двор», а это значит — не для показухи, а для себя. На Востоке люди утверждают себя иным, и это успел внушить Шубарину отец, тоже выросший в махалле, только живя в гармонии с окружением, можно заслужить уважение и обезопасить себя и свое гнездо.

В тот же год, поздней осенью, он въезжал в свой дом и сразу удивил соседей тем, что тут же выкрасил роскошную крышу из блестящего листового железа в мягкий зеленый цвет, и особняк среди вновь разбитого сада сразу растворился среди построек махалли. Он чем-то похож на своего хозяина, сказал как-то о доме его садовник, он виден, но не бросается, не лезет в глаза.

Вчера поздно вечером он наполнил бассейн свежей водой, словно предугадал сегодняшнюю бессонницу, поэтому, скинув халат, сразу без хлопот приступил к утреннему плаванию, так он поступал всегда, когда ночевал дома. Правда, нынче вышло на несколько часов раньше. Он специально не стал добавлять горячей воды в бассейн, потому что решил принять контрастный душ, такую резкую смену температур он практиковал уже несколько лет, и она шла ему на пользу, он почти никогда не болел. Он осознавал, что болезнь для него — непозволительная роскошь, не имел он на это времени, дни его всегда оказывались расписанными на много недель вперед,

он принадлежал к тому сорту людей, про которых на Западе говорят, что ему и умереть некогда.

Из бассейна Артур Александрович перешел на кухню, расположенную тоже на первом этаже. Приготовив большую чашку кофе, он поднялся с ней к себе на второй этаж, в рабочий кабинет, выходящий окнами в сад. Он любил эти ранние часы, особенно осенью, зябкую сутемь, когда день зарождается не так ярко и ясно, как летом, а как бы сквозь туман, наволочь. Какая тишина стоит в такие часы даже в городе, а уж тем более у них, в махалле, где дворы потонули в зелени и все открытое пространство укрыто от зноя виноградником! Ему захотелось увидеть свой сад, и он тут же из комнаты включил огни на аллеях и лужайках напротив своего окна. Удивительное зрелище — ухоженный сад! Ему уже почти пятнадцать лет, а для деревьев, особенно редких, реликтовых и некоторых фруктовых, это возраст зрелости, расцвета. Если кто-нибудь спросил бы у Шубарина: чем бы вы хотели заниматься для души? — он ответил бы — только садом!

Поэтому он чрезвычайно ценил своих садовников, выделял их из многих людей, с кем общался в махалле, зная их работу. Да и они, наверняка, чувствовали его интерес, тягу к саду, больше чем к чему-либо в огромном хозяйстве, оттого и старались, отдавали работе душу, понимая, что создают что-то особенное. Это не только для сада, но и для них он приглашал специалистов из знаменитого Шредеровского ботанического сада, и они каждый раз открывали садовникам такие тайны, связанные с деревьями, кустарниками, цветами, что те только диву давались; конечно, даже талантливый, трудолюбивый самоучка — одно, а ученый с такими же качествами — другое, а талант Шубарина в том и состоял, что он находил и сводил подобных людей. Вместе с садом росли и формировались его садовники. Каким бы усталым, раздраженным ни приезжал он домой, стоило ему минут десять погулять по своим аллеям, напряжение снималось, светлела голова, он знал, что воздух в его саду, в его имении за высоким, глухим дувалом имел особое целебное свойство, и никто не переубедил бы его в обратном.

Но как бы ни был мил и дорог собственный сад, он редко мог позволить себе любоваться им часами, хотя у него выпадали и такие дни. Рука его невольно отключила освещение за окном и вновь включила торшер у письменного стола. Он улыбнулся, потому что подумал — я живу словно в автоматическом режиме. Рабочий кабинет отличался просторностью, он любил, что-то обдумывая, ходить по нему, ино-

гда, правда, крайне редко — три-четыре раза в году, у него случались тут экстренные совещания, на которых собиралось пять-шесть человек, и тесноты никто не ощущал.

Вот и сейчас, с чашкой остывающего кофе в руках, он выхаживал вдоль стен, украшенных его последним увлечением — картинами. Но сегодня он их не замечал, его волновал вопрос: почему Сухроб Ахмедович оказался в Аксае, у опального хана Акмалья, у которого над головой сгустились тучи, и об этом догадывался любой мало-мальски здравомыслящий человек? Вопрос не был так прост, каким казался. О том, чтобы Сенатор приехал туда официально, не могло быть и речи, иные времена, иной уровень субординации, да и попади он туда по службе, это означало бы — в сопровождении людей из Наманганского обкома партии, что исключало всякий риск. О том, что на шее у Сенатора затягивается петля, Шубарин догадывался, да тот и не скрывал этого. За несколько лет общения они понимали друг друга с полуслова. Да и сам хан Акмаль подтвердил, что вышла какая-то накладка и они немного повздорили. Зная нрав аксайского хана, «немного» означает, что еще не убили. Зачем прокурору нужна была эта поездка, почему полез в петлю и, считай, чудом остался жив? Ведь если узнают в Прокуратуре, КГБ или ЦК, что он тайком наведлся в горы к хану Акмалю, на карьере его можно поставить крест, такими вещами не шутят, тем более ныне. Напрашивался еще один вопрос — почему тот скрыл от него поездку, будь она хоть официальная, хоть тайная, ведь знал, что хан Акмаль часто обращался к нему с личными просьбами самого Верховного.

Почему визит тайный, и что за этим кроется? Артур Александрович, поставив пустую чашку на низкий столик у кресла, продолжал вышагивать вдоль своих картин, не обращая на них внимания. И вдруг его озарило, несмотря на ранний час, он набрал телефон Миршаба, наверное, работа в Верховном суде приучила того к неожиданным звонкам, не до этикета было сейчас Шубарину.

— Слушаю вас,— ответил тотчас вовсе не сонный голос Хашимова.

— Салим, это Артур, я даже затрудняюсь сказать доброе утро, ради бога, извини за звонок в неурочное время, но я второй день никак не могу отыскать нашего друга, а он мне нужен позарез.

— Что-нибудь с «Лидо»? — спросил тревожно Миршаб.

— Да нет, с «Лидо» все прекрасно, процветает. Он нужен мне совсем по другому поводу, не знаешь, где он проводит уикенд?

— Нет, он мне ни о какой загородной поездке не говорил, хотя мы виделись с ним в пятницу после обеда, скорее всего, загулял где-нибудь в городе. Впрочем, он и мне нужен, но мое дело терпит, отыщется.

— Конечно, отыщется,— ответил как можно беспечнее Японец и положил трубку.

В том, что лучший друг и соратник Сенатора не знал о его поездке в Аксай, сомневаться не приходилось. Что же все-таки крылось за столь поспешным визитом к хану Акмалю? Звонок среди ночи из Аксая, конечно, оказался вынужденным, никак не предусмотренным, для Шубарина это было ясным. Не ведет ли Сухроб двойную игру? Но зачем? Их теперь так много связывало, что не было резона действовать за его спиной.

Задал же загадку ночной звонок.

Артур Александрович остановился возле большого полотна Сальваторе Роза, самой ценной картины в его коллекции, но не удостоил ее даже единственным взглядом, хотя любил и гордился этим приобретением.

Первое, что напрашивалось в нынешней ситуации, это, конечно, пристальнее присмотреться к самому Сенатору, может, тут, в биографии, и есть объяснение его закулисным действиям? Тот жест, что продемонстрировал прокурор Акрамходжаев несколько лет назад, в день смерти Рашидова, снимал с него все подозрения, ни о какой тотальной проверке, как бывало всегда с теми, кто попадал в орбиту интересов картеля Шубарина, не могло быть и речи. Прокурор располагал таким досье на всю его империю, что от нее не осталось бы и воспоминаний, стань они достоянием общественности, особенно в дни правления Андропова.

Все это так, но от фактов, ни от прошлых, ни от нынешних, не уйти, если на прошлые есть убедительные объяснения, следовало найти на нынешние. И они, конечно, найдутся, в этом он не сомневался, но ему почему-то не хотелось копаться в жизни Сенатора, все-таки он сам его отчасти создал.

Но как бы ему этого ни хотелось, отныне следовало присмотреться к нему, и дело это нельзя было перепоручать никому. Излишняя подозрительность могла закончиться большим скандалом. Сенатор за последние годы резко, на глазах, преобразился, рос, что называется, на дрожжах, власть шла ему на пользу, он так разносторонне раскрывался день ото дня, что удивлял многих, да и его самого порою.

Живой природный ум схватывал на лету весь расклад сил в республике, и Шубарин знал, что многие большие люди при определенной ситуации могли сделать ставку именно на него, даже прожженный политикан Тулкун Назарович не исключал именно такого поворота событий в судьбе удачливого Акрамходжаева.

Да, взлет Сенатора удивлял многих, но он-то знал подлинные причины стремительной карьеры районного прокурора.

Шубарин внимательнее, чем кто-либо, прочитал все его публикации на правовые темы. Ни в смелости, ни глубине теоретических разработок, ни в новом мышлении, ни в страстности, эмоциональности убеждения отказать он ему не мог. Как говорится, работа без сучка и задоринки, верное попадание в десятку, в сердцевину наболевших проблем. Да что там публикации, он разжился и докторской своего подопечного — все верно, безупречная, высокопрофессиональная работа! Но почему же тогда насторожила серия выступлений в печати, почему он не мог искренне восхититься докторской бывшего районного прокурора, хотя прекрасно понимал ее ценность и отдавал должное гражданской смелости автора?

Потому, что, когда он знакомился с работами Сенатора, его никогда не покидало ощущение, что все это в той или иной форме он уже слышал, и даже четко знал, от кого — от Амирхана Даутовича. Да, да, убитого прокурора Азларханова. Но никогда тот не говорил ему в долгих ночных беседах, что занят какими-нибудь научными изысканиями в области права. Хотя, казалось бы, какой смысл таиться, если действительно занимался этим, разве он противился бы такой работе, наоборот. Конечно, когда закрались сомнения, он навел справки — соприкасались ли когда-нибудь пути двух прокуроров? Ответ оказался однозначным — никогда. Да и что могло связывать такого образованного, широко эрудированного человека, каким был прокурор Азларханов, с вороватым районным прокурором, занимающимся ночными грабежами?

— Амирхан Даутович... — сорвалось вдруг с уст Шубарина, и он невольно застонал, его до сих пор мучил вопрос — подумал ли, умирая, Азларханов, что это он приговорил его к смерти?

Помнится, когда в тот роковой день, поздно вечером, он прилетел в ташкентский аэропорт из Нукуса, где еще находилось тело умершего Шарафа Рашидовича, ему тотчас доложили, что Коста пристрелил Азларханова. Придя в себя, еще не владея ситуацией, он понял, что случилось что-то невероятное, возник какой-то тупик, и Джиоев

вынужден был стрелять. Он хорошо знал Коста, тот не станет спасать собственную шкуру любой ценой, он один из немногих знал о его истинном отношении к прокурору. Коста понимал странную взаимную симпатию бывшего областного прокурора и крупного дельца теневой экономики, им обоим, каждому в своей сфере, не дали легально реализовать свой талант, свои возможности. Коста, как и самого Шубарина, было сложно провести, он знал их давно, имел возможность понаблюдать за обоими.

Значит, действительно произошло роковое стечение обстоятельств. Как потом расскажет Сенатор, так оно и было, отпусти прокурор Коста, тот ушел бы, пристрелив на входе полковника Джураева, во дворе его страховали на белых «жигулях».

Полгода спустя после гибели прокурора Шубарин вызвал в Лас-Вегас братьев Григорянов, скульпторов, тех самых, что поставили памятник убитой Ларисе Павловне, жене Азларханова.

Ашот, которому было поручено доставить родственников в штаб-квартиру, сразу высчитал, почему их вызывают, и со свойственной телохранителю прямоотой спросил:

— Вы решили заказать памятник этому предателю?

Хозяин спокойно выслушал злобную реплику и сказал:

— Ты меня правильно понял, я действительно хочу заказать ему памятник, мне не по душе, чтобы могила такого человека осталась безымянной и заросла сорняком. Государство забыло его при жизни, на что же рассчитывать ему после смерти? Мы с ним, как ни странно это звучит, были единомышленниками, и я высоко ценил в нем человеческие качества, они-то, к сожалению, и привели его к гибели. Будь он подлец, прожил бы долго и богато. Разве это не стоит восхищения, уважения? — Видя, что сказанное что-то пробило в тяжелом сознании Ашота, он закончил: — А теперь поезжай и не говори больше глупостей, могу и обидеться, я ни от кого не скрывал, что с любовью относился к нему.

Вспомнилась ему и первая годовщина смерти прокурора, они в тот день с Файзиевым оказались в Ташкенте, передали в Госплан заявки на будущий год. В конце года они всегда охотились за чьими-то невыбранными фондами. Тактика, тоже некогда высчитанная Шубариным, ему хоть за неделю до нового года выделит что-нибудь, уж он-то свое вырвет в любом случае. В общем, дел у них в тот день хватало. Как только они вышли из Госплана, Артур Александрович попросил на минутку заехать на Алайский рынок,

к цветочным рядам. Вернулся он в машину скоро с огромным букетом белых роз, купил их вместе с ведром.

— С утра такой великолепный букет, значит, влюбился всерьез,— пошутил Файзиев, удивляясь странному поведению своего шефа. — Теперь, как я понимаю, заедем за роскошной хрустальной вазой,— продолжал в той же манере словоохотливый компаньон. Но Японец шутки не поддержал, а попросил ехать в старый город, в действующую мечеть, чем еще больше удивил своего коллегу.

Когда подъехали к мечети, Шубарин сдернул с головы Икрама Махмудовича наманганскую тюбетейку ручной работы, очень дорогую, как и все принадлежащее пижонистому заму, включая и белый «мерседес», и велел подождать минут пять, дел у них до отлета в Москву хватало.

Была пятница, и в мечеть к полуденному намазу тонким ручейком стекались старики, а возле ворот уже собирались нищие. Артур Александрович кинул взгляд вдоль дувала, нищих оказалось семь, и он улыбнулся удаче. Мусульманское поверье гласит, что нужно подать именно семи нищим, семи верующим старикам. Он быстро раздал каждому из них по красному червонцу, чем вызвал моментальный шок, и попросил их на чистейшем узбекском языке помолиться в память о его друге Амирхане. Затем он стремительным шагом вошел в мечеть, где во внутреннем дворике старики неторопливо готовились к намазу, и опять в тени шелковицы увидел семерых стариков, а семь других, у хауза, наполняли кумганы водой для омовения, вдоль стен он уже не стал смотреть. Он быстро обошел и тех, и других, и, вручая каждому по десятке, попросил, опять же на узбекском, помолиться за упокой души его друга, убиенного Амирхана. Через пять минут он вновь сидел рядом с ничего не понимающим Файзиевым и, не возвращая ему тюбетейки, сказал:

— А теперь на кладбище Чиготай.

Когда подъехали к кладбищу, там же неподалеку, в старом городе, хотел выйти вместе с шефом из машины и водитель, но тот его резонно сдержал:

— Сиди, у нас на двоих одна тюбетейка. С непокрытой головой появляться на мазаре считается кощунством.

Компаньон остался в «мерседесе», не понимая, кому же предназначены цветы. Он все еще считал, что это связано с женщиной.

Кладбище Чиготай находилось на небольшом взгорке или холме и начало свое существование задолго до того, как город коснулся

его окраинами. Сейчас стремительно разросшийся после землетрясения Ташкент захватил мазар в свои глубокие объятия. Он оказался в самом центре жилого массива из индивидуальных построек, строились тут с размахом, и район утопал в зелени, и на фоне окружающих его массивов многоэтажек выглядел ухоженным, респектабельным и оттого — чужеродным.

Несмотря на позднюю осень, стоял по-летнему яркий, солнечный день, и Артур Александрович, выйдя из машины, невольно достал дымчатые очки, подниматься ему предстояло навстречу солнцу. У осыпающегося глиняного дувала мазара сидели нищие, немного, человек пять, и он каждому из них безмолвно подал подавание. Какой-то остроглазый мальчишка, видимо, подрабатывающий тут на мелких поручениях скорбных родственников, тут же заметил, как не вязался респектабельный вид Шубарина с цветами в хозяйственном ведре, и он тотчас вызвался поднести его. Увлеченный мыслями о встрече с прокурором, Артур Александрович передал ведро с розами мальчишке, и тот, моментально обретя подобающий ситуации печальный вид, медленно пошел вслед Шубарину, от его взгляда, конечно, не ускользнул миг, когда человек в светлой тройке щедро подавал нищим.

Как и всякое кладбище большого столичного города, Чиготай занимал огромную площадь, за пятьдесят лет существования превратился в огромный скорбный парк, со своими аллеями, улицами, переходами, тупиками.

На Востоке, впрочем, как и во многих других местах, принято на могилах высаживать деревья, кустарники, цветы. Года два как Чиготай считался закрытым, и захоронения на престижном кладбище делались с разрешения горисполкома, но Прокуратура республики сумела выхлопотать для своего бывшего сотрудника ордер на два квадратных метра земли, и могила находилась в глубине мазара, почти у самого дувала, где протекал широкий, полноводный арык. Артур Александрович хорошо знал дорогу туда, он был здесь полтора месяца назад, когда братья Григоряны пригласили его принять работу.

Пятница, мусульманский день, сродни русскому воскресенью или еврейской субботе, и оттого людей на кладбище оказалось больше обычного, хотя тут посетителей хватало в любое время. Когда они вышли к последнему повороту, откуда уже хорошо виднелась высокая гранитная стела, Шубарин хотел забрать ведро с цветами у мальчишки, как неожиданно заметил крупного, рослого человека

в милицейской форме у ограды могилы прокурора. Он чуть сбавил шаг — сомнений не было, человек стоял у того самого захоронения, куда направлялся и он. Ни встреч, ни разговоров ни с кем он не хотел, хотя человек в форме его и заинтересовал, поэтому быстро сориентировался. Левее, в одном ряду с прокурором, покоилась молодая женщина, известная балерина, его в прошлый раз поразил памятник, воздвигнутый ей из белого мрамора. Братья Григоряны, сопровождавшие его в тот день, тоже отметили высокопрофессиональную работу скульптора, и из разговора с подошедшими потом к могиле людьми выяснилось, что автор был мужем балерины, погибшей в авткатастрофе. У этой могилы, как понял тогда Шубарин, часто бывали люди, и он направился прямо к ней.

Убирая с постамента памятника пожухлые цветы, он украдкой глянул в сторону могилы Амирхана Даутовича и узнал в человеке в милицейской форме Джураева, начальника уголовного розыска республики. Полковник стоял напротив могилы, держа в руках форменную фуражку, и даже скорбь по поводу убитого товарища не могла скрыть на его лице удивления, а удивляться было чему. На могиле стоял памятник из темно-зеленого, с красными прожилками гранита, и такая же строгая плита покрывала могилу. Изящная бронзовая монограмма, витиевато сплетенная из трех букв А. Д. А., врезанная заподлицо с поверхностью гранита и тщательно, до блеска, отполированная, занимала первый верхний угол плиты. Кто близко общался с ним, тот знал, что так необычно выглядела подпись прокурора. А на стеле, под портретом Амирхана Даутовича, бронзой значилось:

*Азларханов
Амирхан Даутович
1932-1983
прокурор*

А чуть ниже, после «прокурор», уже не бронзой, а прямо в граните четко выбито: «настоящий».

И этот штрих, одно слово — «настоящий», придавало традиционной, трафаретной надписи совсем иное звучание, выбитое, видимо, в последний момент, по чьему-то требованию или по душевному порыву скульптора, бросалось прежде всего в глаза. Было, наверное, отчего удивиться замотанному день и ночь полковнику, ожидавшему увидеть осыпавшийся, пыльный могильный холмик с фанерной до-

ской у изголовья. Полковник стоял по-военному прямо, словно в почетном карауле, возможно, он вспомнил тот проклятый день прошлой осени, когда всего на две минуты не успел на встречу с прокурором. Не опоздай, прибуди он хоть на минуту раньше прокурора, наверняка тот остался бы жив. Полковник не успел упредить выстрелы Коста, и оттого всегда ощущал свою вину перед товарищем.

Человек в мундире неожиданно быстро склонился к плите, поправил красные гвоздики и, еще раз окинув взглядом ухоженную мопилу, направился к выходу.

Как только он отошел от захоронения, плечи его обвисли, куда-то враз подевалась легкость, еще минуту назад бросившаяся в глаза, седая, коротко стриженная голова поникла. Так, с непокрытой головой, держа фуражку под мышкой, он уходил все дальше и дальше, и, как показалось Шубарину, суровый полковник, гроза убийц и отпетых рецидивистов, плакал, не скрывая слез. Артур Александрович еще долго смотрел ему вслед, пока тот не свернул на главную улицу печального парка; они скорбели об одном и том же человеке.

— Амирхан Даутович... — снова вырывается у него вслух, — если бы знать, отчего ваши мысли оказались созвучны только Сенатору и именно он обнаружил их, пожал такие щедрые плоды, разве мало юристов вокруг? — И вдруг его пронзает и такое открытие: ему кажется, что все это каким-то образом крутится возле него, и он порою ощущает, что даже сопричастен к этой непонятной связке двух духовно разных людей.

В этом интуитивном открытии что-то есть, но оно не имеет реальной почвы под ногами, не на что опереться, зацепиться, оттолкнуться. Но он знает себя, однажды закравшемуся сомнению он попытается найти ответ — такова его натура. Мысли его вновь возвращаются к Сенатору, который наверняка в понедельник вернется домой и, конечно, поторопится встретиться с ним, ведь тайной поездки к хану Акмалю в Аксай не получилось.

Вскользь всплывшее — Аксай — наталкивает его на мысль, что несколько лет назад он все-таки на радостях поступил несколько опрометчиво, заполучив дипломат с документами от незнакомого районного прокурора. Опрометчивость заключалась в том, что он пренебрег обычными правилами, когда никого близко не подпускал к себе, тщательно не проверив.

А ведь существовал самый простой путь проверки — послать человека к хану Акмалю и попросить его помочь, их интересы в ту пору

как раз активно переплетались. А у аксайского Креза на кого только не имелось досье, нашлись бы там кое-какие сведения, наверное, и на Сухроба Ахмедовича, и сейчас он, возможно, понял бы причину тайного визита в Аксай. Но что не сделано, то не сделано, и сегодня соваться к «маршалу Гречко» было бессмысленно, кто знает — о чем они там договорились за его спиной. Восток дело тонкое, и этот путь отпадал. А прибегать к тайным документам хана Акмаля ему приходилось дважды, и дважды он сам наведывался в Аксай, досье он просил на таких людей, что Арипов вряд ли доверил бы их какому-либо посреднику.

Он вспомнил, как однажды, еще в спокойные времена, провел два дня в гостях у хана Акмаля. Вечером, после охоты, дожидаясь, пока приготовят ужин из охотничьих трофеев, они полулежали на мягких курпачах, беседуя на философские темы. Говорил больше он, кутаясь в теплый и просторный чапан и попивая небольшими глотками французский коньяк «Камю», а хан Акмаль внимательно слушал гостя. И вдруг хозяин дома перебил его.

— Если бы нынче на календаре не был самый конец семидесятых годов, — начал, как всегда монотонно, беспристрастно, обладатель двух «Гертруд», — и если бы я не знал тебя хорошо много лет, я бы подумал, что ты — английский шпион. — Видя нескрываемое удивление на обычно невозмутимом лице Японца, хан Акмаль рассмеялся: — Ты не обижайся, я знаю, ты не шпион, ты наш, бухарский, кровный. Но почему я так подумал? Объясню. Говорят, возле моего отца, а он воевал рядом с Джунаид-ханом и был не рядовым сотником, как сейчас толкуют мои враги, желая принизить отца и меня, находился англичанин, который, как и ты, прекрасно знал наш язык, наши обычаи, даже наизусть цитировал Коран, чем радовал и удивлял наших невежественных мулл. И не удивлюсь, что ты и Коран знаешь. Сейчас ты беседуешь со мной на чистейшем узбекском языке, рассказываешь мне о восточных философах, о которых не имеет понятия большая часть нашей интеллигенции. А у нас, большевиков, все непонятное, труднообъяснимое сваливается на происки империализма и шпионов. Выходит, ты — шпион! — И он вновь заразительно, от души расхохотался.

Он приехал в Аксай во второй раз, чуть позже той самой охоты, после которой хан Акмаль назвал его английским шпионом. Впрочем, чтобы несколько сгладить свою вину за безапелляционное — «шпион», аксайский Крез, умасливая, чуть позже сказал, что он так доверяет и любит его, что, стань Узбекистан мусульманским государством,

под зеленым знаменем ислама, то даже в нем, не задумываясь, отдал бы портфель министра экономики или финансов, один из самых ключевых в любом правительстве, только ему. Тогда, в восьмидесятых, сепаратистских настроений не было вовсе, и Шубарин не обратил внимания ни на исламское государство, ни на зеленое знамя, ни на правительство, где ему предлагался портфель министра экономики и финансов, понятно, что роль премьера хан Акмаль оставлял за собой, просто подумал, что тот сглаживает неловкость за «шпиона».

Оказывается, далеко смотрел хан Акмаль уже тогда, держал в уме какую-то программу, а многим кажется, что только сегодня, с гласностью и перестройкой, всплыли националистические и сепаратистские настроения и нескрываясь обозначалась кое-где тяга к зеленому знамени ислама.

Но уже тогда Артур Александрович ощутил по-настоящему — каким грозным, убийственным оружием обладает директор агропромышленного объединения. Слишком большую опасность представляла канцелярская папка для человека, о котором собраны сведения, а если они случайно станут достоянием не одного хана Акмаля? От этой мысли его бросило в жар. Но еще большую тревогу он ощутил, когда представил, что кто-то другой, как и он, приехав сюда, получает досье на него самого, до этой минуты он об этом как-то не думал. Он собирался уехать в тот же час, как только ознакомится с нужным досье, но остался на ночь, как просил его хан Акмаль. Была какая-то болезненная тяга к гостям у хана Акмаля, не любил, не выносил он одиночества, а за столом преображался, жил по-настоящему, только в застолье умел слушать других, Артур Александрович давно отметил эту странность. Но он остался не потому, что хотел ублажить или потрафить хозяйину, а потому, что решил забрать досье на самого себя.

В тот вечер за столом они оказались не одни, как он рассчитывал. Неожиданно в Аксай заявила московская журналистка писать очередной панегирик о чудесах в рядовом агропромышленном объединении, где правил необыкновенный человек — то бишь хан Акмаль. Это несколько путало карты Японца, но особых причин для беспокойства не было.

Минут за десять до начала застолья в гостевом доме, находившемся в яблоневом саду на окраине Аксая, хан Акмаль зашел к нему в комнату и показал подарок, который собирался вручить гостю.

Шубарин взял у него из рук изящную коробочку, обтянутую сажево-черной замшей, догадываясь, что там находится. Он дей-

ствительно не ошибся, в глаза брызнули светом бриллианты массивного кольца.

— Не слишком ли дорого за статью, даже в центральной прессе?

— С фотографией,— уточнил хан Акмаль и рассмеялся,— да и женщина ничего, из Москвы, писательница...

Артур Александрович взгляделся в ценник, висящий на тонкой шелковой ниточке, и присвистнул.

— А это, мне кажется, нужно снять,— сказал он, показывая на бумажку, цена может испугать кого угодно.

— Само собой разумеется,— сказал уже по-деловому хан Акмаль, все это внесется куда надо, подошьется к делу, ты ведь знаешь, я обожаю учет-отчетность, не забывая ленинское: социализм — это прежде всего учет!

— Да, я знаю, ты всегда следуешь ленинским заветам,— сказал гость, и они оба весело рассмеялись, вечер начинался замечательно.

Писательница оказалась женщиной не первой молодости, но, как и большинство московских дам, пыталась изображать деловитость, хватку, излучать несуществующую энергию, в общем, тщиалась произвести впечатление, все еще не понимая, какая тут отведена роль второму, синеглазому, мужчине, судя по манере держаться, одеваться, человеку отнюдь не провинциальному. Сбивало ее с толку и то, что хан Акмаль, пытаясь сказать что-то любезное, путался от волнения и переходил на узбекский, обращаясь за помощью к синеглазому. А тот, вроде уточняя, обменивался какими-то непонятными ей репликами на узбекском с хозяином загородного дома и лишь потом переводил на русский, впрочем, не скрывая внешней любезности, внимания, но ей казалось, что в таких случаях элегантный переводчик, которого она тут же окрестила Лоуренсом Аравийским, пытался гасить возторг знаменитого директора, чье лицо излучало доброту, внимание, готовность услужить и неподдельный интерес к ней, как к женщине. В последнем не переубедил бы ее никто. Порой ей хотелось, чтобы вежливый, рафинированный, но холодный Лоуренс Аравийский отклонялся, время все-таки перевалило уже далеко за полночь, но синеглазый вел себя так, словно поставил себе цель гулять до утра. И писательница, перестав излучать фальшивую энергию и не свойственный возрасту задор, откровенно призналась, что устала от двух перелетов и одного переезда в Аксай, пробормотала еще что-то про часовой пояс, адаптацию-акклиматизацию, с тем и отбыла отдыхать. Хоть поздно, но поняла, что тягаться с синеглазым не следует.

Как только за нею захлопнулась дверь, хан Акмаль сказал с восторгом:

— Какая женщина! С какими людьми знается! Какие двери ногой открывает!

Артур Александрович сначала хотел остудить пыл хана Акмалья, вернуть его на грешную землю, всего двумя-тремя фразами, уже срывавшимися с языка, но решил не портить ему настроение и азарт и вполне любезно поддержал:

— Да, она достойна такого подарка, и даже вместе с ценником.

И обладатель двух «Гертруд» тут же предложил тост за ее здоровье. Выпили, и тут Японец понял, что, пока хан Акмаль пребывает в эйфории от встречи с женщиной, открывающей ногой высокие кабинеты в Москве, он должен попытаться решить и свои проблемы.

— Акмаль, я хотел бы, чтобы ты подарил мне досье на Шубарина...

Хозяин дома на минуту опешил, но потом засмеялся.

— Артур, надеюсь, ты шутишь, зачем тебе досье на самого себя, лучше поинтересуйся подноготной своих врагов.

— Нет, Акмаль, сегодня я хочу получить то, что прошу.

Разговор становился напряженным, взрывоопасным, откровенной конфронтации с Японцем в этом крае не хотел никто, хан Акмаль знал его возможности, и он стал машинально разливать коньяк, чтобы как-то собраться с мыслями, он был не спринтер, а стайер.

— А если я скажу, что такое досье не существует и что я не коплю компромат на своих друзьях?

Тут уж рассмеялся гость, начиная разговор, он понимал, что без серьезного аргумента хан Акмаль никогда не вернет документы, и потому выбрал главный козырь:

— Акмаль, у нас с тобой такие отношения, что я не могу ставить тебя в неловкое положение, но и сам не хочу служить мишенью для кого-то. Если я доверяю тебе, это не значит, что я доверю всякому, кто может даже случайно заглянуть в мое досье.

— Резонно,— вполне миролюбиво перебил хан Акмаль, почувствовав, что хитроумный Японец оставил ему лазейку для благородного отступления.

— Если я не заполучу сейчас свои бумаги, то через неделю можешь прислать ко мне человека, я передам копию досье на тебя, а подлинник останется у меня в Лас-Вегасе, ты ведь мне тоже доверяешь?

— Да, Артур, доверяю, умный ты человек, не зря я тебя английским шпионом окрестил в прошлый раз, помнишь? — расхохотался аксайский Крез и захлопал в ладоши, и тотчас на пороге появился Ибрагим.

— Будь добр, принеси бумаги на Артура, он хочет убедиться — профессионально ли работают мои люди, и обещал дописать то, что они упустили.— И опять захохотал, и напряжение разрядилось, хан Акмаль был еще тот «дипломат».

Отдавая Шубарину пухлую канцелярскую папку, Арипов сказал:

— Ну вот, я избавляю тебя от лишних хлопот, собрать досье даже на меня за неделю невозможно, поверь моему опыту, и я не буду посылать человека за своим досье. Мы ведь так много знаем друг о друге. — И хан Акмаль протянул через стол руку, и оба облегченно вздохнули, ибо понимали, какой конфронтации избежали.

Артур Александрович снова подошел к окну, уже светало, и вдруг он захотел погулять по саду, редко когда ему приходилось делать это по утрам, он быстро переоделся в спортивный костюм, в котором обычно выходил к завтраку, и спустился вниз.

Над садом висел влажноватый туман, тонкий, едва различимый, порою казалось, это кисея от игры, недостатка света, нарождающегося дня и догорающих последние минуты люминесцентных ламп за оградой, но он как «жаворонок» очень тонко чувствовал переходное время, когда ночь держала природу в последних объятиях, к тому же он знал туман своего сада.

От неожиданной влажности, которая совершенно исчезнет часа через два, хозяин сада поежился, но затем, чтобы быстрее насладиться рассветной чистотой воздуха, пробежался по аллее, выложенной мелкими керамическими плитами. Он не допустил к себе во внутренний двор ни асфальт, ни бетон, тут тоже сгодились его инженерные познания.

Незапланированный бег, как и неожиданно долгое плавание, придали бодрость хозяину прекрасного, ухоженного сада, и он невольно позавидовал Коста и Ашоту, пропадавшим часами в гимнастических и силовых залах, во множестве расплодившихся в Ташкенте с объявлением кооперации.

Спустился он в сад не для того, чтобы размяться, побегать, ему хотелось пообщаться с ним, обойти любимые деревья, срезать к столу свежие цветы, посидеть возле густых кустов можжевельника, кстати, подаренных ханом Акмалем, тот уверял, что они продлевают жизнь.

Насчет жизни утверждать ему было трудно, но то, что они выводят вокруг тлю и всякую гадость, гибельную для сада — точно, это ученые из ботанического сада Шредера подтвердили.

Но... как и у себя в кабинете, прохаживаясь вдоль своих любимых картин, он не замечал их, то же самое случилось и на аллеях сада, мысли о человеке из ЦК снова завладели им.

Идея взять в аренду ресторан принадлежала Сенатору, он раньше многих высокопоставленных чиновников оценил возможности кооперации. Может, идея пришла к Сенатору оттого, что Артур Александрович, чуть ли не с первого дня указа, легализовал часть своих подпольных предприятий через кооперативы, о готовящемся законе он знал из своих московских источников, еще за полгода вперед, и тщательно все проанализировал. Поначалу преследовал только одну цель — отмыть деньги теневой экономики, он кинулся исправно заполнять декларации на налоги, составляющие для него сущий пустяк, и теперь обладал законными деньгами. Однажды, обедая с Шубариным в загородной чайхане, Сенатор сказал:

— Артур, почему бы тебе несколько не видоизменить свою деятельность, не придать ей разносторонность? — Видя, как заинтересовался сотрапезник, он продолжал: — Я предлагаю тебе открыть в Ташкенте настоящий, шикарный ресторан, это наиболее рентабельное вложение капитала.

— Ну, какой из меня, Сухроб, ресторатор, — попытался отшутиться Шубарин, но сотрапезник был настойчив:

— А почему бы и нет, я ведь не предлагаю тебе самому возглавить ресторан, к тому же у тебя в Лас-Вегасе есть помощник, Икрам Махмудович, ну, тот, что разъезжает на белом «мерседесе». Он от природы прирожденный кулинар, гурман, каких поискать надо, ресторанное дело, как мне кажется, его стихия, хотя на первое лицо, при его любвеобилии, он вряд ли тянет, но компаньоном будет достойным. Я вижу в своем воображении первоклассный ресторан, с богатым интерьером, с хорошо вышколенной и хорошо экипированной службой, разумеется, дорогой.

— У тебя есть какие-нибудь конкретные предложения, кроме интерьера и униформы? — спросил скептически сотрапезник, еще не понимая серьезности предложения.

— А как же, я ведь знаю, что кровь твоя наполовину состоит из цифр, ты, прирожденный от бога банкир и предприниматель, умудрился родиться немножко не там или слишком поздно, — пошутил

человек из ЦК и, не дожидаясь ответа, перешел к тому, ради чего затеял разговор: — Прежде всего, идея пришла мне в голову потому, что в это дело я хочу войти с Салимом и с тобой на равных паях, зачем же нашим деньгам лежать без движения. Я продумал и практическую часть, ты внимательно объезжаешь район, где я семь лет был прокурором, и выбираешь любое здание — будь то ресторан, кафе, столовая, на худой конец, любое другое строение, которое, на твой взгляд, в течение трех-четырех месяцев можно будет перестроить и превратить в такой ресторан, какой я задумал, и пусть он называется, как у вас в Лас-Вегасе — «Лидо», в этом есть какой-то шарм, респектабельность — «Лидо»!

Дальше в дело вступаю я с Салимом. Я заставлю районные власти отдать здание тебе в аренду, тем более, это в русле правительственных требований. Решу вопрос с крупными банковскими кредитами на льготных условиях для реставрации здания, приобретения интерьеров, мебели, кухонной посуды, холодильников, морозильных камер, всего торгового оборудования, что требуется для первого класса ресторана. Найду подрядчиков, которые быстро, качественно и в срок отделают здание. На проект, как мне кажется, скупиться не стоит и следует привлечь за наличные талантливых архитекторов, а их в Ташкенте у нас немало, ведь мы имеем свой архитектурный факультет.

— Архитекторы есть,— перебил он, уже оценивший идею соотрапезника.

— Но на этом наша часть не заканчивается, работая районным прокурором, я не раз вплотную занимался общепитом и знаю тонкости этого дела, а они прежде всего заключаются в получении фондов на продукты, спиртные напитки, мы и это берем на себя. И, главное,— мы с Салимом берёмся прикрывать «Лидо», обещаю, что особых налогов не придется платить никому. Ну как, годимся мы в компаньоны?

— Вполне,— ответил бодро Шубарин, не ожидавший такой хватки от бывшего районного прокурора.

Шубарин на минуту оторвался от мыслей о Сенаторе и увидел, что предутренний туман исчез бесследно, погасли огни за высоким дувалом, и уже хорошо просматривались самые дальние аллеи сада, и, хотя на востоке давно пропал рассветный голос муэдзина, призывавшего правоверных на утренний намаз, все же по традиции тут просыпаются рано, и это чувствовалось даже за оградой.

Махалля быстро наполнилась шумами: звенели бидоны молочниц, привозивших из пригородных кишлаков молоко в город, трещали где-то в переулках моторчики велосипедов, доставлявших к чайханам и на базары первые горячие лепешки, хлопали плохо смазанные ворота — день вступал в свои права.

Когда он у себя в кабинете после завтрака просматривал бумаги, раздался первый телефонный звонок, звонила Наргиз из «Лидо».

— Артур Александрович, если нам не завезут две-три машины шампанского, послезавтра у меня начнутся сбои.

— Пусть пьют водку, коньяк, — попытался отшутиться Шубарин.

— У нас настоящее паломничество туристов из Грузии, тех, что приезжают на недельный тур. Каждая группа бронирует столы на все семь дней пребывания, а те, кто подъедут вслед через неделю, через две, заказывают столы по телефону из Тбилиси. А они предпочитают шампанское, так что выручайте, не заставляйте краснеть за марку «Лидо».

— Хорошо, Наргиз, с шампанским решим, пусть гуляют на здоровье, если они облюбовали наше «Лидо» в Ташкенте.

Два года назад, когда он находился в Париже, Сухроб Ахмедович сумел занять место в Белом доме, а его Миршаб — один из ключевых постов в Верховном суде, вот эти назначения и возвращение его самого из Франции отмечали по настоянию Хашимова в доме его любовницы Наргиз. И хозяйка дома, и прием, который она организовала, произвели на Японца впечатление, она обладала большим вкусом, тактом, и характер чувствовался, да и мир повидала, работая прежде в знаменитом ансамбле. Когда дело по созданию «Лидо» закрутилось и начали подбирать администрацию, Артур Александрович вспомнил про нее.

В Наргиз он не ошибся, она оказалась расторопной, предприимчивой и быстро вошла в курс, людям, не знавшим ее раньше, казалось, что она всегда занималась ресторанным делом. Она сама набрала штат официанток, в прошлом танцовщиц того же самого знаменитого фольклорного ансамбля, а мужскую часть, включая швейцаров, подбирал Файзиев, он знал наперечет все мало-мальски приличные заведения в Ташкенте и не ошибался, кто чего стоит. Наргиз и Икрам Махмудович вполне дополняли друг друга, и лучшее руководство вряд ли можно было отыскать.

Наконец-то обладатель белого «мерседеса» нашел себе место по душе, где мог по-настоящему, без подсказки реализовать себя,

все его слабости, от тяги к изысканным застольям, широким жестам, что позволял он себе в последние годы, до его влюбчивости в каждую очаровательную женщину — все пошло на пользу ресторану.

Артур Александрович еще раз внимательно, с ручкой в руках, просмотрел перечень дел на день и понял, что вопрос с шампанским надо решить до заседания в Госснабе, значит, с самого утра. Человек, отвечавший за поставку шампанского в «Лидо», не отличался особой пунктуальностью и уже подводил несколько раз, хотя имел свой интерес, это тем более настораживало, и он собирался поставить ультиматум его начальству: или вы меняете ответственного за поставку, или я расторгаю с вами договор. О таких условиях, на которых он получал шампанское, они могли и пожалеть. За каждую бутылку шампанского он отдавал баш на баш бутылку «Столичной», цена которой ровно десять. На таких условиях ему компаньонов долго искать бы не пришлось. Но он не любил менять поставщиков, конкуренция в таком деле — опасная штука. Имелось тут еще одно преимущество: склады, откуда он получал шампанское, находились в бывшей вотчине Сенатора.

Отчего же расчетливый Японец проявлял столь щедрый жест при обмене? В те дни, когда началась кампания по борьбе с алкоголизмом и стали крушить винно-водочные заводы и спешно их переоборудовать под что попало, он попал на какую-то крупную свадьбу и там сразу столкнулся лицом к лицу с директором ликеро-водочного объединения. На вопрос, отчего он чернее тучи, тот и поведал свои проблемы. Конечно, загрузишь, быть хозяином выгодного дела, нужным для всех человеком, а значит, и уважаемым, и вдруг начать выпускать компоты. Да и это еще предстояло наладить, а он не располагал ни монтажниками, ни слесарями, чтобы демонтировать оборудование по производству и розливу спиртных напитков, а ему на текущий квартал уже спустили крупный план по сдаче металлолома, с учетом ликвидации основного предприятия. Было от чего приуныть, особенно когда представишь, что на компоты требуются фрукты, а их нужно собрать, доставить, хранить — дело, как и со всеми скоропортящимися продуктами, сложнейшее, хлопотное. Другое дело водка! Не гниет и сроки хранения ей нипочем, да и с сырьем проблем нет, валяется под ногами, а о рентабельности и говорить не приходится, особенно при ценах, с которыми подошли к борьбе с нею.

Первая мысль, мелькнувшая у него, была помочь человеку со сдачей металлолома, за это строго спрашивают. С «Вторчерметом»

у него имелись давние, отлаженные связи, помочь с бумагой о сдаче металлолома не составляло большого труда, но в нем вдруг разыграл азарт, и он решил на всякий случай прибрать оборудование к своим рукам, тем более, что грустный директор признался: все обновлено только год назад! И тут он, как волшебник, снял печаль с лица своего приятеля, сказав, что он сам демонтирует оборудование и сам доставит бумагу о сдаче бывшим винно-водочным комбинатом металлолома. Ошарашенный директор на радостях еще и спросил:

— Артур, сколько с меня причитается?

Шубарин на миг опешил, но мгновенно взял себя в руки и сказал, улыбаясь:

— Ну, ящик компота в день рождения меня вполне устроит.— И они протянули руки с обоюдным удовольствием.

На промышленных площадях, доставшихся ему в наследство от гигантского рудокомбината в Лас-Вегасе, он не спеша восстановил водочный завод. Чтобы ближе к активированному углю — как пошутил тогда Коста. В связи с ликвидацией таких производств остались не у дел и хорошие мастера, коих наперечет в любом деле, даже водочном. Шубарин нашел таких людей в соседней республике, чимкентская водка, как и пиво, известны на всю Среднюю Азию. Все трое молчаливых, непьющих немцев носили одну фамилию — Берг, они и стали гнать водку лучше прежней. Вот еще одна причина, отчего он легко принял идею Сенатора о первоклассном ресторане, отпадал смысл сдавать всю водку в госторговлю. Оттого он был великодушен в обмене водки на шампанское, мощности в Лас-Вегасе позволяли такую щедрость.

Самолет на Ташкент опаздывал на три часа, и Хуршид Азизович Камалов, получивший неожиданно высокое назначение в Узбекистан, отыскав скромный уголок у окна, достал толстую папку с газетными вырезками, что получил два дня назад в Прокуратуре СССР, хотелось скорее вникнуть в суть проблем и событий, происходящих на родине предков, куда он возвращался навсегда. В сорок шесть лет редко кто добровольно круто меняет жизнь, не думал о перемене в судьбе и Камалов, и тут все решилось в две недели, хотя еще десять дней назад он жил и работал в Вашингтоне. Конечно, он анализировал столь внезапное предложение и понимал, что ни его давний опыт работы в уголовном розыске, ни кандидатская, ни опыт преподавате-

ля в закрытых учебных заведениях КГБ, ни опыт работы прокурором в Ташкенте и Москве не давали ему особых преимуществ, чтобы возглавить Прокуратуру республики, где прежнее руководство чуть ли не поголовно привлекалось к уголовной ответственности.

Но все выяснилось на собеседовании в Кремле, где его подробно ознакомили с положением дел и не скрывали, что в республике оправились от первого шока, связанного с арестами, и местные тузы, объединившись, мощно противодействуют оздоровлению обстановки в крае. Вот отчего на ключевой пост в борьбе с мафией нужен был человек не только с опытом работы в правовых органах, но и человек местной национальности, хорошо знающий нравы и обычаи края, человек, который может опереться на местное население.

Несмотря на позднее время и задержку рейса, его встречали. Высокий, важного вида мужчина подъехал на черной «Волге» прямо к трапу самолета. Видимо, Камалова ему хорошо описали, потому что, едва он ступил на землю, тот приветствовал его, поздравил с приездом и возвращением на родину и выразил надежду, что — навсегда. Импозантный мужчина представился:

— Заведующий Отделом административных органов ЦК Сухроб Ахмедович Акрамходжаев.

Прилетевший тут же с энтузиазмом спросил:

— Не тот ли, чьи статьи в «Правде Востока» и «Советском Узбекистане» — «Станем ли мы правовым государством?», «Весы Фемиды», да и последовавшие за ними, — вызвали столь широкий резонанс в республике?

— Спасибо. Я рад, что вы знакомы с моими работами и вам известна моя точка зрения на закон и право, — ответил встречавший с улыбкой и широким жестом пригласил в машину. — Первое время будете жить в гостинице ЦК на Шелковичной, это на берегу Анхора. Хороший ухоженный район, утопающий в зелени. Большинство постояльцев гостиницы на сегодня — следователи по особо важным делам, прикомандированные из всех регионов страны, вам придется работать с ними в тесном контакте. Квартиру подыскивают и в самое ближайшее время кое-что уже предложат, но не спешите, выбирайте, раз решили вернуться навсегда.

Когда они подъехали по слабо освещенным улицам к гостинице, несмотря на позднее время, она полыхала огнями в бархатно-черной азиатской ночи, редко какое окно зияло темнотой. Видя удивление на лице гостя, сопровождающий сказал:

— Работы много, очень много, не управляются за день, иные работают до утра, боюсь, что и вас ждет подобный ритм жизни.

Проводив Камалова до дверей номера, он сказал на прощание:

— Не буду вас сегодня утомлять. Насчет ужина сейчас распорядятся, знают о вашем приезде. А завтра утром встретимся в Прокуратуре. Я представлю вас коллективу, и приступайте к исполнению обязанностей, дел непочатый край. — И Сенатор откланялся, оставив приятное впечатление о себе.

Первый день работы оказался столь напряженным, что он не смог выбрать время, чтобы позвонить родителям Саламат, жены, да и своим родственникам тоже, понимая, какую обиду может вызвать подобное неуважение к родне. Беспеременно звонил телефон, обращались с такими неожиданными вопросами и требовали немедленного вмешательства в самые невероятные дела, что он, обладая достаточным опытом, только диву давался, порою ему казалось, что на прокуратуру тут возложено все — от ремонта дорог, как и повсюду никудышных, до разгрузки вагонов в каждом тупике громадной среднеазиатской железной дороги. И поздно вечером, вернувшись к себе в гостиницу, он первым делом собирался все-таки оповестить многочисленную родню о своем назначении и о скором переезде семьи на постоянное жительство в Ташкент, как неожиданно, не успев он прикрыть за собой дверь, зазвонил телефон. Сперва он подумал, что звонок ошибочный, но настойчивая трель не прерывалась, словно кто-то поглядывал в окно, и он поднял трубку. Звонил Сухроб Ахмедович, с которым они расстались в первой половине дня.

— Хорошо, что застал дома, если бы вас успела перехватить родня или старые приятели, я не знал бы, как мне выкручиваться...

— Чем могу помочь,— спросил Камалов, заранее обрывая попытку пригласить его в гости, но он ошибся.

— Назавтра, после обеда, у нас назначена встреча с Первым, но его вызывают в Москву, пробудет он там три дня и в составе правительственной делегации улетит на неделю в Индию. Двадцать минут назад он вызвал меня и сказал, что не хотел бы улететь, не познакомившись и не переговорив с вами. В нынешнем положении пристального внимания всей страны к Узбекистану на прокуратуре лежит тяжелейшая ответственность, и он догадывается, что вы прибыли из Москвы с особыми полномочиями, видимо, ему уже звонили о вас из Кремля. Поэтому он решил пригласить вас домой на ужин,

это рядом с гостиницей, иного выхода, чтобы встретиться с вами, он не видит, все расписано по минутам.

— Вы будете на этом ужине? — быстро спросил прокурор, вычитывая кое-какие варианты.

— Нет, меня он подобной чести не удостоил, у вас все-таки предпочитают говорить с глазу на глаз, но я бы с удовольствием составил вам компанию. Так что через полчаса за вами зайдут, и я желаю вам приятного вечера.

Отказаться от приглашения, тем более оно предполагалось быть деловым, не имело смысла, и Камалов согласился. Положив трубку, он спокойно подумал, что с этой минуты он вступает в большую игру, оставалось одно: быстрее научиться разгадывать ее правила. Минут через сорок он уже сидел в гостиной у человека, ставшего преемником самого Рашидова. Неделию назад в Москве, когда ему предложили возглавить Прокуратуру республики, в конце долгой беседы хозяин кабинета, Виктор Сергеевич Рогов, давно знавший его, прощаясь, сказал доверительно:

— Ради бога, извините, весь вечер меня мучает одна дилемма: сказать или не сказать? Чисто по-служебному, по закону, наверное, я не должен это говорить. Делать преждевременные выводы в моем положении опрометчиво, но, зная вашу биографию, ведая, на что вы идете, я не могу промолчать, возможно, это в какой-то ситуации может стоить вам жизни. На днях я получил строго засекреченную информацию, что в коррупции, приписках и злоупотреблениях замешан и преемник Шарафа Рашидова. Каждый ваш шаг будет регламентироваться им и его друзьями. Вот что я хотел вам сказать и от души пожелать удачи.

И вот теперь он видел напротив этого человека.

Внешне он показался ему таким благообразным, добродушным профессором или муллой, с мягкими вкрадчивыми манерами и тихим приятным голосом. И всякий раз, чтобы не расслабиться от обаяния, так и струившегося от хозяина дома, Камалов напоминал себе, что он на Востоке, где и внешность, и слова обманчивы, и не стоит обольщаться ни тем, ни другим.

Когда, позже, он познакомится на допросах с ханом Акмалем, то удивится своему первому впечатлению от встречи с преемником Рашидова, оно окажется абсолютно точным. Арипов, любивший давать всем клички, называл его Фариштой, то есть Святым. Какой верный глаз у аксайского хана!

Ему самому еще предстояло выработать и новую манеру разговора, и обрести умение отделять в многоплановом, полифоническом разговоре, характерном для Востока, главное, а пока следовало быть предельно собранным, внимательным, и, по возможности, не давать себя легко читать. На Востоке говорят: человек — это открытая книга.

До того, как сели за стол, хозяин дома успел расспросить о семье, о детях, о ташкентской родне, не забыл спросить, где он будет жить. Узнав, что квартирный вопрос еще не разрешился, сказал, что утром он попросит управляющего делами, чтобы выдали ордер из жилищных фондов ЦК, это, мол, рядом, в специальной зоне.

Позднее, анализируя великодушный жест, за который он, конечно, выразил признательность, понял одно, что каждый его шаг будет контролироваться — когда уехал, когда приехал и кто к нему навещался, на то она и особая территория с охраной на въезде. Нет, не прост оказался благообразный профессор, он понимал, что действия нового прокурора с особыми полномочиями следует держать на контроле, и так уже многих сняли москвичи.

После беседы в гостиной перешли в зал за щедро накрытый стол, живя в Москве, он давно отвык от такой обильной и плотной еды, и к этому следовало привыкать. За столом оказались не одни, ужинали вместе с домочадцами, но нить разговора находилась в руках у хозяина дома. Беседа велась и о Москве, и о Ташкенте, и об Индии, куда он направлялся через три дня.

Позже, анализируя разговор, он ни на чем не мог остановить своего внимания и понял, что шел общий зондаж: что за человек, чем дышит, как держится за столом. Одно утешало прокурора за долгий и тягостный вечер: если он ничего и не познал, то особенно и не позволил сделать ясных выводов о себе. Первую встречу можно было оценить по-спортивному: ничья.

Возвратившись поздно в гостиницу, он еще некоторое время гулял во дворе, то и дело невольно поглядывая на горящие окна, и вдруг его прожгла неожиданная мысль:

«Сейчас за одним из этих ярко освещенных окон работает незнакомый человек, знающий тайну преемника Рашидова, и он догадывается, что тайна эта может стоить ему жизни, но он уже не остановится, ибо он сыщик, человек одной породы с ним, для которого есть только один бог — Закон».

Камалов впервые в жизни встречался с человеком такого ранга, и только сейчас, наедине, понял, что такое гипноз власти, за весь

вечер он ни разу не вспомнил о предупреждении, сказанном два дня назад в Прокуратуре СССР.

Следовало постоянно помнить, что ошибки, иллюзии тут, как на минном поле, исключались.

И потянулись у Камалова однообразные, занятые до предела дни, Сухроб Ахмедович словно в воду глядел — и у него далеко за полночь горел в гостиничном окне свет. Даже квартиру, которую ему все-таки предложили через месяц, он не мог посмотреть в течение двух недель. И переезд семьи затянулся аж до Первомайских праздников, и, если бы не родня, принявшая самое активное участие в этом, неизвестно, когда бы у него наладилась нормальная жизнь. Но Восток силен родней, тут своих не оставят в беде. С первого дня он попал в жесточайший цейтнот, катастрофически не хватало времени.

Много лет чья-то властная рука сдерживала прокуратуру в наведении порядка, отчего она не имела настоящего опыта и не владела реальной ситуацией в республике, а теперь словно прорвало плотину, и она кинулась во все стороны, ошарашенная размахом творящегося вокруг, и сама же задохнулась от множества заведенных дел. Вот такое он вынес суждение о делах прокуратуры на первых порах.

Заметил он и такую особенность в своей работе: именно к нему стекались все горячие и запутанные материалы, и больше всего поступало на утверждение дел, ознакомиться с которыми по-настоящему он практически не имел возможности. И на большинстве санкций на арест почему-то оказывалась его подпись. Он понимал, что при нынешней чувствительности граждан к любым ошибкам прокуратуры его подпись на каком-то документе могла ему дорого обойтись. Но и уклониться от их утверждения не мог, без его подписи они ничего не стоили.

Нынешние дела имели давнюю историю, и он уже никак не мог на них влиять, разве что когда они вернутся вдруг из суда на рассмотрение. В последний месяц из Верховного суда действительно косяками стали возвращаться дела на пересмотр. Многие доводы суда Камалову даже на первый взгляд казались необоснованными. Верховный суд уклонялся от принятия окончательных решений и отфутболивал все снова в Прокуратуру республики. Порою ему казалось, что кто-то упорно хочет, чтобы он завяз в мелких процедурных вопросах и старых делах, и не высовывал носа из своего кабинета, и не пытался вывести разоблачение должностных преступлений на новый и качественный виток.

А стоило ему проявить к какому-то делу особый интерес, тут же, как по мановению волшебной палочки, между ним и заинтересовавшимся его материалом возникала гора бумаг, в которой он безнадежно тонул, хотя работал каждый день только в самом здании Прокуратуры не менее четырнадцати часов, и не было дня, чтобы не прихватывал в гостиницу папки. Одним из таких дел, от которого его так «объективно» оттирали трижды, было дело «аксайского хана». О нем, о его влиянии на жизнь республики ходили легенды не только в Узбекистане, но доходили слухи и до Москвы, и он не впервые слышал его фамилию, да и родня ташкентская первым делом спрашивала: а как там хан Акмаль, неужели и на этот раз выкрутится? Вот от какого дела его тактично и ловко оттирали, Камалов чувствовал это. Видимо, тронуть хана Акмалья — все равно что разворотить муравейник, многие, наверное, почувствуют себя неуютно. Он однажды даже поделился сомнениями с Сухробом Ахмедовичем из ЦК — мол, не пора ли вплотную заняться сподвижником Рашидова в Аксае, от которого в прошлом зависели многие высокие назначения в республике?

Акрамходжаев не стал его ни отговаривать, ни переубеждать, лишь устало сказал: «Да куда от нас денется директор какого-то агропромышленного объединения, когда у нас на очереди секретари обкомов, секретари ЦК?!» Этим замечанием вроде тактично намекал, что он еще не владеет ситуацией, не ориентируется в иерархии преступлений.

В общем, чувствовал себя Камалов как конь с повязанными ногами, с путами, да и шоры ему ловко успели нацепить, чтобы он шагал только в определенном направлении. Он, конечно, делал вид, что занят стратегическими вопросами, а остальное, от чего его вежливо оттирали, мол, не представляет первостепенного интереса. Материалы по хану Акмалю вел старший следователь по особо важным делам, прокурор знал его еще по Москве, а начато дело было следователями КГБ республики, так совместно оно и продолжалось.

В одно утро, подписав несколько санкций на арест, он созвонился со следователем по делу Арипова и поехал в здание напротив внушительного памятника Дзержинскому. Когда он поднимался пешком на третий этаж, кто-то окликнул радостно:

— Хуршид Азизович!

Камалов обернулся и увидел улыбающегося плотного мужчину в светлом костюме.

— Не узнали? — сказал он, протягивая руку.

— Почему же не узнал,— Бахтияр Саматов. Впрочем, узнать вас не просто, десять лет все-таки прошло, окрепли, заматерели, наверное, большим начальником стали, судя по вашей прежней хватке ставить в тупик своих преподавателей.— И они, дружно рассмеявшись, обнялись.

— Не я один, а многие ваши ученики сегодня занимают здесь ключевые позиции. У меня кабинет этажом ниже, пожалуйста, заходите, готовы помочь вам в любое время, я — один из замов председателя.

У следователей по делу Арипова он задержался на час и вернулся на второй этаж, где его ждали.

Разговор с генералом Бахтияром Саматовым у Камалова затянулся почти до самого обеда, но они даже вскользь не вспомнили о тех давних годах в Москве, хотя вспоминать было что, он как москвич, конечно, опекал своих земляков.

Прокурор сразу перешел к делу.

— Сегодня по моей модели в прокуратуре организуется отдел по борьбе с организованной преступностью, и я просил бы вас помочь людьми. Не помешают мне и технические работники, вплоть до машинисток. В канцелярии с документами, архивами должны работать люди, которым я доверяю сполна.

— Я как раз ведаю кадрами,— ответил генерал,— и считайте, что вопрос улажен.

— На Востоке не отказывают своим учителям? — пошутил гость.

— Вы быстро осваиваетесь, домулла, восточная кровь заговорила,— ответил с улыбкой хозяин кабинета и продолжил: — У нас сегодня тоже на многое открылись глаза и большинство профессионалов понимают, что внутри страны есть реальные силы, чьи интересы представляют угрозу государственной безопасности, и при благоприятной ситуации они попытаются дестабилизировать обстановку в крае, и расчеты их не в последнюю очередь возлагаются на преступный мир. Поэтому мы тоже хотим иметь четкое представление о состоянии уголовной обстановки в республике. Ныне есть тяжкие преступления с политическими мотивами, а политиканы не гнушаются откровенной уголовщиной, и если они быстро находят язык между собой, то, видимо, и нам необходимо координировать наши усилия.

— И еще одна просьба, Бахтияр Саматович, она не от бессилия, просто мне жаль времени. Я постоянно ощущаю утечку информации, особенно с совещаний с работниками МВД и партийных органов, сколько моих начинаний уже пошло насмарку! У меня есть опреде-

ленный опыт в борьбе с этим явлением, и я при любой мало-мальски серьезной операции расставляю капканы для предателей и, уверен, скоро выйду на их след. Но если бы вы знали, как это мешает, вяжет руки, не позволяет проводить широкомасштабные операции! У меня очерчен список людей, имеющих доступ к информации, и, возможно, через них она поступает к тем, к кому мы проявляем интерес. Я понимаю, что большинство из них высокопоставленные люди и по обычным меркам — вне подозрений, как жена Цезаря, но, может быть, косвенно кто-то из моего списка замешан в связях с новой элитой преступного мира: дельцами, цеховиками, миллионерами из теневой экономики? Уголовники уже давно пошли им в услужение добровольно. По логике, опять же в целях государственной безопасности, такая информация о порочащих связях высоких должностных лиц должна быть у вас, нет ли там моих голубчиков?

— Вы правы, мы обязаны располагать подобной информацией, но вы до сих пор не поймете, какой неограниченной властью пользовался в крае Рашидов. Я знаю, что мои старшие коллеги в свое время выходили к нему с докладом о неблаговидных связях высших чинов МВД и тут же получили строжайший указ — оставить милицию в покое и заниматься своим делом. Милицию многие годы возглавлял его друг и доверенное лицо. Позже и в КГБ он поставил своего человека, а поскольку мы тоже подотчетны партийным органам, то смотрели только в ту сторону, куда указывали. Поэтому нет у нас обобщенного материала, хотя сигналы все эти годы, по этой теме, к нам поступали, но хода они, к сожалению, не получили.

И вдруг он, выйдя из-за стола, сказал неожиданную фразу, словно читая мысли своего бывшего учителя:

— Вот если мы разживемся архивом хана Акмаля, нашей картошке цены не будет.

У Камалова неожиданно возник план, о котором он не думал даже час назад, покидая на третьем этаже кабинет следователей.

— Я сейчас подробно, в деталях, ознакомился с делами аксайского хана и не понимаю — почему он на свободе, материалов для привлечения его к ответственности достаточно, я готов хоть сию секунду дать санкцию на арест. Если мы упустим время, и досье его, о которых вы сейчас упоминали, и деньги могут стать добычей преступного мира, уверен, что они не хуже нас осведомлены о богатстве Арипова. Если это произойдет, и вам, и нам, даже объединись мы, вряд ли скоро удастся взять ситуацию под контроль.

Генерал прошелся вдоль окна, словно взвешивая слова, которые он собирался сказать.

— Это нас тоже тревожит, есть сигналы: кто-то активно ищет к нему ходы. Уйди его наследство в горячие руки, беды непредсказуемы, да и сам он может исчезнуть с награбленным, дьявольски хитер, изворотлив, повсюду у него свои люди. У нас есть данные, что он наводит мосты в Термезе, ищет пути в Афганистан, сейчас идет война — и для него могут найти лазейку.

Но мы никак не можем ускорить лишение его депутатской неприкосновенности, и в Ташкенте, и в Москве у него есть высокопоставленные друзья и покровители. Не можем мы подталкивать и прокуратуру, мы для нее не указ... Да и начини мы сколь-нибудь заметно форсировать события, его тут же предупредят, возможно, те же люди, что находятся в вашем списке.

— А знаете,— прокурор решил выложить свой план,— не следует ли мне рискнуть, взять ответственность на себя? Я человек новый, располагаю кое-какими полномочиями, и неудобно мне сразу дать пинка под зад. Сошлюсь на неопытность, скажу — я ведь не секретаря обкома без ведома ЦК арестовал, а обыкновенного хозяйственника.— И, посмотрев друг на друга, лукаво улыбнулись, они думали одинаково.

— Ну что же,— подхватил хозяин кабинета,— мы не можем препятствовать человеку такого ранга, это вполне в вашей компетенции, если не оглядываться на ЦК. Более того, мы готовы по вашей просьбе поддержать операцию, и наше участие в задержании хана Акмаля не окажется неожиданным, следователи КГБ давно уже занимаются им. Сколько дней вам нужно, чтобы разработать в деталях операцию? «Маршал Гречко» имеет вооруженных людей, и Аксай сплошь изрезан подземными коммуникациями. Взять его надо только живым, иначе никому из нас не сносить головы. Нас обвинят в убийстве горячо любимого народом депутата.

— Мне нужно два дня,— ответил Камалов. — За сорок восемь часов мы разработаем все детали и попытаемся взять его без особого шума, и обязательно живым, но уже сегодня к вечеру я должен встретиться с теми людьми, которых вы готовы передать мне в помощь, я хочу подключить их к операции.

— Договорились. Сегодня эти товарищи будут у вас в прокуратуре к концу дня, а через двое суток я жду вас с планом операции.— И они распрощались.

Через несколько дней прокурор прилетел в Наманган в официальную командировку, имея четыре варианта операции под названием «Большая охота». Во всех случаях главная роль отводилась самому Камалову, арестовать «маршала Гречко» он должен был сам. Нашли посредника — человека, работающего в обкоме, давнего прихлебателя Арипова. Не посвящая того в тайны, сказали, что Прокурор республики хотел бы срочно и тайно встретиться с ханом Акмалем в доме посредника или любом другом месте Намангана, которое предложат люди из Аксяя.

Высокопоставленный посредник предложение о тайной встрече счел обыденным явлением, и оно ничуть его не смутило, вполне допускал сговор между новым человеком из Москвы и истинным хозяином этих мест, ханом Акмалем. В тот же день он привез ответ: хан Акмаль готов встретиться, но только исключительно на своей территории, в Аксае. В общем, на его смелость вне пределов ханства они и не рассчитывали. Но и, назначая встречу на своей территории, поставил условие: ни одного сопровождающего, кроме посредника из обкома, и только на его машине, без какого-либо эскорта. Условия приняли и договорились, что завтра после полуночи машина хана Акмаля будет ждать у дома посредника, куда они подъедут прямо из-за дастархана областного прокурора, тот собирал застолье по случаю приезда важного гостя из Ташкента. В общем, все в добрых старых традициях застойного времени, чтобы и комар носа не подточил. Догадывались, что хан Акмаль каждые полчаса будет знать, о чем идет разговор за столом, и это приняли во внимание.

Наиболее вероятным местом тайной встречи в Аксае могли оказаться три здания: сама резиденция хозяина, дом для приема гостей, на окраине Аксяя, в яблоневои саду, и охотничий домик в горах. По рангу встречи более всего подходил дом в горах, с двумя каминными залами, но этот вариант исключался, дорога в горы требовала времени. Оставались два здания, но более предпочтительным, по логике, оказывался гостевой дом, ибо переговоры носили тайный характер, и Камалов, в крайнем случае, от встречи в резиденции должен был отказаться.

Основным вариантом считался арест в гостевом доме, тут все просчитали до мелочей, и для захвата особняка благоприятствовали обстоятельства. Среди обслуги дома отыскался человек, бывший «афганец», к которому чекисты все-таки нашли ход. Парень заведовал сауной и бассейном и за расторопность так высоко ценился ханом

Акмалем, что иногда при выезде за пределы Аксяя включался в его личную охрану. Но главный расчет строился не на десантнике. Рядом с яблоневым садом шло строительство небольшого консервного завода, и туда со дня на день ждали доставки башенного крана, и вагончики строителей стояли неподалеку от гостевого дома. Бригада по монтажу стотонного крана и строительства для него подкрановых путей обычно состояла из двадцати слесарей.

Камалов укомплектовал бригаду своими людьми, а ствол башни начинил вооружением, вплоть до пулеметов, чтобы мгновенно отсечь нападение на гостевой дом, если такое случится. «Троянский конь» — шутили оперативники, тщательно укладывая в чрево трубы оружие, боеприпасы, бронежилеты, инструменты, легкие дюралевые лестницы — все то, что могло пригодиться в молниеносной операции.

Во второй половине дня караван из двух могучих трейлеров с военными тягачами «Ураган», в сопровождении трех тяжелых автокранов для монтажа, автономных электростанций на собственном ходу, машин технической помощи, выехал в Аксай, не привлекая особого внимания. До самой ночи «строители» разгружали свое хозяйство, обживались. Когда Камалов покидал дом областного прокурора, он уже знал, что у «монтажников» — готовность номер один. Не забыли и о подземных тоннелях, нарытых бесноватым ханом Акмалем, два из них, которые удалось установить с помощью «афганца», выходящие к реке и к дороге в горах, взяли под контроль. С наступлением темноты в сторону Аксяя, опять же на двух трейлерах, повезли шесть скоростных бронетранспортеров, умело камуфлированных под строительную технику и оборудование. Десантники в бронежилетах все до одного имели за плечами опыт афганской войны. Камалов уже на подъезде обогнал транспорт и отметил, что военные подходили к намеченному плацдарму вовремя. Из-за оживленного разговора, навязанного посредником, прокурор не слышал характерного звука военных вертолетов, они тоже должны были занять позиции поблизости Аксяя. Три красные сигнальные ракеты означали бы для воздушных десантников тревогу, и следовало тогда поспешить на помощь «монтажникам». Один вертолет ждал особого сигнала — двух зеленых ракет, ему предстояло, в случае удачи, немедленно вывезти хана Акмаля из Аксяя.

Золотозубый шофер из Аксяя, которого посредник из обкома дважды называл по имени — Исмат, в беседу не вмешивался и всю дорогу молчал, на вопросы отвечал кратко, не давая втянуть

себя в разговор, а прокурор пытался это осторожно делать, потому что желал знать заранее, где состоится аудиенция, и в случае удачи даже пятнадцать — двадцать минут имели значение, прежде всего — обозначался основной вариант операции и успевали передислоцировать резервные силы. Если по дороге Наманган — Аксай выяснится, что встреча будет происходить в гостевом доме, у Камалова была возможность дать об этом знать. При въезде-выезде из Аксай был заведен строжайший порядок, водители фиксировали в журнале время прибытия-убытия. И Исмат, в любом случае, должен остановиться у шлагбаума и забежать на минутку в сторожку, вот в это время прокурор всего-навсего должен выйти из машины — это и послужит подтверждением того, что встреча состоится в гостевом доме.

Чувствуя, что случайно ничего не выведать, он решил откровенно блефовать и, обращаясь к человеку из обкома, сказал с нескрываемым сожалением:

— Говорят, у Акмалья-ака есть дивная сауна и бассейн, не мешало бы попариться всласть и поплавать. В Ташкенте у меня таких возможностей нет, да и времени тоже.

— Я тоже готов поддержать вашу идею, тем более что принимать он будет нас, как договорились, в гостевом доме, где и сауна, и бассейн. Попросим хозяина, думаю — не откажет, как я знаю, он и сам любитель ночных водных процедур, особенно с прекрасным полом. — И человек из обкома от души раскатисто расхохотался.

И тут в разговор неожиданно вмешался молчаливый Исмат.

— И просить не надо, когда я уезжал, «афганец» уже менял воду в бассейне и заносил чешское пиво в сауну.

— Вот и хорошо! — обрадованно сказал прокурор и, хлопнув шофера по плечу, добавил: — С меня причитается за хорошую весть.

Машина в это время уже тормозила у сторожки. Камалов вышел из машины вслед за шофером.

Человек, давно и тайно поджидавший машину у шлагбаума, увидев Камалова, тихо сказал в переговорное устройство лишь одно слово: «гостиница».

Хан Акмаль встречал высокого гостя у ворот сам, решил уважить, все-таки прокурор республики, знал, что Камалов прибыл в Ташкент разобраться с наследием его друга Шурика. Накануне хан Акмаль долго беседовал с Сабиром-бобо, и они подумали: возможно, Камалова рекомендовал в Ташкент кто-то из его московских друзей, и наконец-то из Белокаменной протянули ему руку помощи. Могла

быть и такая версия, не простые друзья у него в Москве, и им не резон отдавать хана Акмаля в руки правосудия. Вот почему с большим волнением Акмаль-ака ждал встречи с прокурором республики. И любую услугу Камалова они оценили в миллион и подготовили дипломат с щедрым подарком.

Не видно было в загородном доме и челяди, лишь только когда они входили в стеклянную галерею, случайно попался навстречу молодой человек, симпатичный парень с тщательно выбритой головой и обвислыми восточными усами. Еще издали увидев гостей, он чуть ли не вжался в стену, не смея поднять глаза на сиятельных людей, правую руку он прижимал к сердцу. Жест не остался незамеченным Камаловым, чуть растопыренные пальцы означали — особой тревоги нет и «афганец» готов сделать свой первый шаг. Значит, с самого начала им все-таки удалось перехитрить хана Акмаля, усыпить его чрезмерную бдительность.

По галерее они шли одни, посредника у ворот перехватил какой-то тщедушный старик во всем белом, и они направились к небольшому зданию напротив, видимо, человек из обкома присоединится к ним за столом, как только закончатся переговоры с глазу на глаз.

Хан Акмаль провел высокого гостя в краснознаменный зал, тот самый, где он встречал, также тайно, Сенатора. Была и тут своя тактика, конечно, живя в Москве, Камалов вряд ли мог слышать об успехах агропромышленного объединения, хотя о нем периодически печатали хвалебные статьи в центральной прессе, а тут представилась возможность показать успехи в сконцентрированном виде, так сказать. Всякого входящего в зал поражало обилие тяжелых, шитых золотом знамен, и хан Акмаль знал сей эффект. Увиденное поразило и прокурора, и он по собственной инициативе прошелся вдоль стены со свернутыми знаменами. Начало встречи обрадовало хана Акмаля, он почувствовал, что на человека из прокуратуры произвели впечатление его успехи, а успех предприятия он всегда связывал только с собой.

— Прошу.— И хозяин жестом пригласил за дастархан, скромно уставленный фруктами и чайными приборами на двоих, все вокруг, и тишина в доме, располагало к беседе.

«Некогда рассиживать, чай гонять с тобой, отцвели твои хризантемы», — усмехнулся про себя прокурор Камалов, но в последний момент занял курпачу у стены с тем, чтобы хан Акмаль расположился

спиной к входной двери и не сразу среагировал на появление своего «афганца», а тот должен был войти минут через десять — пятнадцать, как опустеют коридоры. Хозяин дома, разлив чай, как всегда, уверенно повел разговор, сначала издалека, с самой Москвы, пытаясь скорее определиться — не друзья ли из белокаменной столицы пытаются принять участие в его судьбе, и не этот ли седеющий прокурор их посланник. Хотя хан Акмаль и поднаторел в застольной дипломатии, но, видимо, волнение, поспешность подвели его на этот раз, цель оказалась так плохо замаскированной, что гость сразу разгадал тайные надежды обладателя двух «Гертруд». Представлялась еще одна возможность расслабить, отвлечь внимание хана Акмаля, и Камалов осторожно повел разговор вокруг тех людей в Москве, на кого мог рассчитывать Арипов, и видел, как оживлялось отекшее от волнения лицо хана Акмаля.

В тот самый момент, когда душа хана Акмаля окончательно успокоилась и в прокуроре из Москвы он увидел избавителя от всех грядущих неприятностей, в комнату бесшумно, в мягких кроссовках, вошел «афганец».

— Извините,— сказал он неожиданно за спиной хозяина дома, обращаясь к гостю,— Исмат предупредил, что вы особый поклонник сауны, я хотел бы уточнить, какую температуру вы предпочитаете?

В иной ситуации хан Акмаль рывкнул бы на человека, прервавшего важную беседу, но сейчас лишь обернулся и улыбнулся, словно одобряя своего любимца. А тот вдруг склонился к нему и нанес короткий удар в челюсть, видимо, там, в разведке, он часто пользовался этим приемом. Камалов не успел и глазом моргнуть, как «афганец» уже всовывал заранее заготовленный кляп находящемуся в нокауте хану Акмалю.

Прокурор мгновенно вскочил и с пистолетом в руках бросился к двери, коридор оказался пуст. Они вдвоем подхватили тучного аксайского Креза и поволокли его из краснознаменного зала. Пройдя по коридору несколько шагов, «афганец» открыл дверь с другой стороны устланного коврами прохода, комната слева выходила окнами в сад. На веранде просторной комнаты окна оказались распахнуты настежь, и внизу их поджидали четверо дюжих «монтажников», они ловко подхватили человека с кляпом во рту за руки и за ноги и побежали садом к вагончикам строителей, где должен был приземлиться вертолет.

Камалов легонько подтолкнул «афганца» в спину и сказал:

— И ты, парень, беги к вертолету, тебе нельзя оставаться в Аксае, а там что-нибудь придумаем, авось никто не видел твоего участия.— И бритоголовый ловкий парень побежал вслед десанникам, быстро уносившим хана Акмаля к бытовкам монтажников.

И вдруг, когда «афганец» уже сворачивал с освещенной аллеи вглубь сада, он вскрикнул и упал. Камалов, бежавший следом за ним, не видел, как кто-то сзади него в белом метнул вслед «афганцу» нож. Прокурор склонился над парнем и увидел, что нож пробил сердце насквозь, острие торчало из груди, метал человек, умевший обращаться с холодным оружием. А от ограды яблоневого сада бежали «монтажники» с короткоствольными автоматами наперевес, уже слышался шум вертолета в небе и грохот бронетранспортеров, влетающих в сонный Аксай. Камалов положил «афганца» на откуда-то взявшиеся носилки и вдвоем с каким-то десанником понес к башенному крану, а остальные кинулись в дом искать метателя. Но в пустом особняке нашли только тщедушного старика в белом, молившегося в самой дальней комнате, и испуганного человека, показавшего обкомовское удостоверение. Когда человеку в белом сообщили о злодейском убийстве «афганца», тот молитвенно сложил руки и сказал:

— Он был мой племянник, я его рекомендовал на работу в дом. — И старика больше ни о чем не спрашивали. Сабир-бобо не простил предательства даже своему племяннику, которого очень любил.

Через двадцать минут после начала операции вертолет с ханом Акмалем взмыл в небо.

Когда вертолет скрылся из виду, произошло еще одно непредвиденное происшествие, совсем недалеко от яблоневого сада, но уже в горах раздались поочередно три взрыва, заставившие прокурора Камалова задержаться в Аксае еще на несколько часов. Впрочем, он догадался, что это означает — потерю знаменитых досье хана Акмаля, на которые так рассчитывал генерал Саматов. Хладнокровному Сабир-бобо даже смерть любимого племянника не помешала уничтожить главные архивы, этот вариант у них был давно оговорен и отработан. Взрывом вслед вертолету духовный наставник как бы давал знать хану Акмалю, что архивов, главных улик его деятельности,— нет и он волен избирать любую тактику защиты, все тайны партийной и хозяйственной элиты края отныне находились при нем самом.

Вернувшись в Ташкент, Камалов забежал лишь на полчаса домой, чтобы переодеться, и тут же отправился в ЦК партии. Внача-

ле он поднялся на второй этаж к Сенатору, но того не оказалось на месте, секретарша объяснила, что он сейчас на приеме у Первого. «Вот и хорошо, не придется дважды докладывать», — подумал прокурор и пешком поднялся на пятый этаж, в приемную. Помощник, увидев его в дверях, пошел доложить, и его тотчас пригласили к хозяину просторного кабинета. Сенатор действительно находился там, и, судя по двум толстым папкам перед ним, долго. Увидев Камалова, Первый вышел из-за стола и пошел ему навстречу, улыбаясь, и прокурор сразу понял, что они еще не знают об аресте аксайского хана.

После традиционного приветствия Первый, оглядев его внимательно, участливо сказал:

— Выглядите вы неважно, словно всю ночь охотились за бандитами, у вас ведь появился отдел по борьбе с организованной преступностью, мне вот только сейчас об этом доложили, пусть они и занимаются этим, а вы уж вырабатывайте стратегию, тактику, осуществляйте общее руководство.

Пока Первый не убрал с его плеча руку, провожая к столу, Камалов вдруг остановился и, глядя прямо в глаза Первому, сказал:

— А вы большой провидец, оказывается, я действительно всю ночь охотился, но только за одним бандитом, но он, поверьте мне, стоит сотни преступников.

— И как, удачно? — спросил с интересом Первый. — И кто же у нас такой главный бандит, за которым охотился прокурор с особыми полномочиями из Москвы?

— Я арестовал Акмаля Арипова, бывшего доверенного человека Шарафа Рашидовича.

— Вы хотите сказать, Героя Соцтруда, депутата Верховного Совета СССР, члена ЦК, лауреата Государственной премии, выдающегося хозяйственника? — спросил Первый абсолютно беспристрастным, спокойным голосом, и трудно было понять, куда он клонит.

— Я человек новый и не знал, что у обыкновенного хозяйственника столько почетных званий, но уверен, что ему придется расстаться со всеми наградами, титулами и регалиями...

И вдруг хозяин кабинета вполне равнодушно прервал:

— Арестовали так арестовали, вам виднее, мы не собираемся влиять на правовые органы, не так ли, Сухроб Ахмедович?

Сенатор, не зная, как реагировать, встал и сказал, обращаясь к Первому:

— Я забираю, с вашего позволения, прокурора и, ознакомившись детально с арестом, доложу вам.— И они покинули кабинет, из окон которого открывалась удивительная панорама на живописный сквер имени Гагарина, с прекрасным памятником ему на природном возвышении, с фонтанами, лягушатниками для детворы и утопающим в зелени стадионом «Пахтакор», на котором любил бывать сам Ша-раф Рашидович.

С пятого на второй этаж спустились пешком, и с каждой мраморной ступенькой, устланной ковровой дорожкой, прокурор ощущал, как росло напряжение между ними, хотя шли они молча. Казалось бы, по логике, вроде радоваться надо, но радости на лице Акрамходжаева не читалось. Скорее наоборот, даже Первый среагировал на неудачную реакцию своего заведующего отделом, это не ускользнуло от внимания Камалова. Вот хозяин республики держался что надо, хотя и понимал, наверное, что арест аксайского хана опасен для него, а вдруг Арипов решит выложить карты на стол, потащит за собой на скамью подсудимых всех остальных, не принявших должного участия в его судьбе? Нет, хозяина больше устраивала бы смерть хана Акмаля, но почему же столь хмур Сухроб Акрамходжаев? Такая вот мысль одолевала прокурора Камалова, пока они добивались до кабинета на втором этаже.

Только они вошли в кабинет, хозяин бросил папки с документами на стол и, не скрывая раздражения, спросил:

— Что это вы себе позволяете, Хуршид Азизович?

Камалов, словно не замечая тона, не спеша уселся и спросил спокойно:

— Я не понимаю, о чем это вы?

— Об аресте уважаемого в республике человека. Вопрос о привлечении его к уголовной ответственности решать не нам, и даже не на пятом этаже, Ариповым занимается Москва. — И он многозначительно поднял палец, что выглядело в данной ситуации нелепо.

— А как же ваши статьи о праве, уважаемый доктор юридических наук, о верховенстве законов над идеологией, над телефонным правом и прочей номенклатурной неприкосновенностью? Вы ведь так блестяще разгромили подобную практику! — заведомо распаяя хозяина кабинета, спрашивал Камалов, пытаюсь наконец-то разобрататься со столь популярным юристом в крае.

— Ах, оставьте вы,— раздраженно отмахнулся тот,— теория — одно, а практика — совсем другое, вам ли мне объяснять, наверное, не так просто дослужились до генеральских погон.

— Да, непросто... — задумчиво ответил Камалов, чем совсем сбил с толку собеседника. — А впрочем,— продолжал прокурор после затянувшейся паузы,— мне кажется, Первый одобрил мой поступок, он, видимо, знает, какой вред может нанести Арипов, оставаясь на свободе. К тому же, помните, он сказал, что ЦК не будет вмешиваться в дела правовых органов, отчего же вы расстраиваетесь? Ведь это вполне в нашей с вами компетенции, я вам такие документы покажу, что у вас пройдут все сомнения и тревоги по поводу моей самодеятельности. — Последними фразами Камалов открыто блефовал, делая из себя эдакого наивного служаку.

Шеф долго и откровенно хохотал, он действительно поверил в сказанное Камаловым.

— Да, не ожидал я от вас подобной наивности, а впрочем, понятно, Москва — одно, Восток — другое. Вы что, на самом деле поверили, что Первый в восторге от вашей акции?

— А как же, он вообще никак всерьез не прореагировал, помните, он сказал, — «арестовали так арестовали», станет он вмешиваться в дела какого-то директора совхоза,— гнул свое прокурор.

— А где сейчас находится Арипов? — вдруг резко повернув тему, спросил Сенатор, видимо, у него возник какой-то план, круто меняющий ситуацию.

Камалов посмотрел на часы и сказал:

— Сейчас, я думаю, он уже подлетает к Москве, а через два часа будет в следственном изоляторе КГБ...

Тут выдержка окончательно подвела Сенатора, он заметно побледнел, и вся важность, с которой он всегда держался, вмиг слетела с него, видимо, у него подкосились ноги, и он вяло плюхнулся в кресло и устало закончил:

— С вами не соскучишься, дали бы хоть Первому переговорить с ним, а, впрочем, вы правы — зачем ему такая встреча. — Потом, совладав с собой вновь, встал из-за стола и сказал, пытаясь казаться искренним: — Извините меня, у нас такие решительные поступки случаются редко, и я не оказался готовым воспринимать их без эмоций, извините за несдержанность. Я поздравляю вас, ибо знаю, как вы рисковали, беря на себя такую ответственность. — И он протянул руку, считая инцидент исчерпанным.

После того как Камалов поставил в известность Белый дом о том, что он арестовал хана Акмаля, в течение часа пришло неожиданное озарение, определившее на будущее его отношение к Сенатору. Про-

А

курора обескуражило то, как Первый среагировал на сообщение. Какой тактический расчет строился за внешним равнодушием? Возможно, сейчас, после нового доклада, что Арипов уже подлетает к Москве, реакция у хозяина республики иная? Волновало его больше другое. Отчего такое негативное отношение к аресту Арипова у заведующего Отделом административных органов ЦК? Разве он не понимает, какая угроза исходила от хана Акмаля, пока он находился на свободе? Почему он так близко к сердцу принял его арест? Что кроется за его первой реакцией — раздражительностью и почти обморочной бледностью? Почему он огорчился, узнав, что арестованного переправили в Москву? Что бы дала встреча Первого с арестованным ханом Акмалем, о котором он случайно обмолвился? Ни на один из этих вопросов не находилось сколь-нибудь вразумительного ответа — все не стыковалось ни с его должностью, ни с его юридическим мировоззрением, получившим столь широкую огласку в крае.

Прокурор моментально вспомнил его блистательные статьи, некоторые из них он читал по два-три раза, столь оригинальны, свежи по мысли, смелы, они были юридически безукоризненны. И вдруг: «Теория одно, практика другое», — это никак не вязалось с автором выстраданных душой публикаций, подобных взрыву или извержению вулкана. Такое не могло родиться ни в равнодушном, ни в холодном сердце, и подобное мог написать только человек незаурядный, неординарно мыслящий, юрист с ярким умом, аналитическим мышлением. А за время совместной работы он не слышал от своего шефа в ЦК ни одной фразы, даже близкой по звучанию к тем знаменитым текстам, ни одна идея, мысль, исходящая от него, не отличалась оригинальностью нового мышления. Словно Акрамходжаева подменили после его триумфа. Что бы означала столь разительная метаморфоза? И еще, и опять же из последней беседы: «Наверное, не просто дослужились до генеральских погон...» За это в прежнее время, безусловно, давали пощечину и вызывали на дуэль. Как-то не вязалась гнилая философия с авторством благородных статей в защиту закона и права. Не мог подлый человек поднять такие проблемы, для этого нужен свет ума и души.

Отчего такое разительное раздвоение личности? И если так, то человек на этой должности представлял не меньшую опасность, чем сам хан Акмаль на свободе. А не отсюда ли, если существует раздвоение души, двурушничество, происходит утечка информации? — пронзила вдруг неожиданная догадка.

Вернувшись к себе в Прокуратуру на Гоголя, он тут же вызвал к себе начальника отдела по борьбе с организованной преступностью, они с ним вернулись из Аксая одновременно. Трехдневная операция, проведенная в Намангане, дала Камалову возможность увидеть в деле людей, рекомендованных генералом КГБ Саматовым, и он остался ими доволен, лучшей проверки, конечно, и придумать было нельзя.

Как только начальник отдела вошел в кабинет, Камалов попросил секретаршу ни с кем его не соединять по телефону, даже если позвонят из ЦК, а такие звонки должны были последовать после первого шока от известия об аресте Арипова. Разговору со своим новым коллегой прокурор придавал сейчас куда большее значение, чем звонку из Белого дома.

— Ну, как среагировали в ЦК на нашу операцию? — спросил полковник, он знал, что акция проводилась без согласования с верхами, и переживал за прокурора Камалова, с которым ему предстояло теперь работать, генерал, рекомендуя его на работу в новый отдел Прокуратуры республики, рассказал, что это за человек, да и он сам видел его на деле в Аксае.

— Вынуждены были смириться с фактом, — улыбнулся прокурор. — Но нет худа без добра. Встреча натолкнула меня на одну неожиданную мысль, сейчас я вам ее поясню. Новость, как говорится, не для слабонервных, но вначале небольшое вступление. Я появился у вас в КГБ неделю назад, и не только для того, чтобы ознакомиться с материалами ваших следователей по делу Арипова, а прежде всего чтобы заполучить надежных людей, хотя бы на ключевые посты, и еще потому, что меня тревожит постоянная утечка информации. Операция по захвату хана Акмаля была засекречена строжайшим образом, и потому имела успех. Но наша операция, как мне кажется, кое-кому сорвала какие-то планы. У одного человека от сообщения проявилась такая нескрываемая досада на лице, что он теперь явно сожалеет о своей несдержанности. — Вы же не каждому в коридоре ЦК рассказывали об аресте Арипова, — прервал полковник. — Но если вы имеете в виду Первого, — продолжал он, видимо, считая, что Камалов не знает до конца местных хитросплетений, — то он иначе не должен был реагировать. Они с ханом Акмалем давние приятели, и Первый уже однажды его крепко выручил.

— В том-то и дело, — сказал мягко Камалов, — что Первый равнодушно встретил весть об аресте в Аксае.

Теперь пришла очередь удивляться собеседнику.

— Кто же еще мог присутствовать там при вашем докладе на пятом этаже?

— Сухроб Акрамходжаев, — не стал мучить коллегу Камалов.

— А ему-то отчего сожалеть, он должен только радоваться, — сказал растерянно полковник.

— Я тоже так считаю. Ну, как новость?

— Действительно, не для слабонервных.

— Я чувствую, что нам следует взять его жизнь под микроскоп, возможно, через него идет один из каналов утечки информации.

— Не много ли — две противозаконные акции за неделю? — шутливо спросил полковник.

Но прокурор, не обращая внимания, продолжал:

— Пока не прояснится ситуация, очень внимательно анализировать то, к чему он проявляет интерес, и по возможности не ставить его в известность о ближайших планах. И последнее, у меня возникли самые серьезные подозрения в авторстве Акрамходжаева его знаменитых статей, сделавших его самым популярным в народе юристом.

Пожалуйста, аккуратно добудьте мне его докторскую диссертацию и наведите справки, как проходила защита, где, кто был оппонент, в каких библиотеках он собирал материал, там есть ссылки на очень редкие издания, мне кажется, он вряд ли их держал когда в руках. И попутно, какова была реакция его коллег на защиту докторской и как он попал в аппарат ЦК, ведь, как мне известно, он не был и дня на партийной работе, хотя нашего брата юриста среди аппаратчиков тьма, и кто рекомендовал его туда? Это официальная сторона, так сказать. Но в Ташкенте, как и в любом другом культурном центре, есть люди, которые готовят научные труды по заказу для высокопоставленных чиновников и вообще для предусмотрительных людей с деньгами. Нужно проверить по этим каналам, может, ниточка тянется оттуда. Слишком уж велика разница, на мой взгляд, между печатным и, так сказать, живым, устным Сухробом Ахмедовичем. И вообще, два слова о подпольных центрах, где словно блины пекутся научные труды для нечистоплотных людей. Сегодня нам пока не до них, но держите в голове, это тоже один из видов организованной преступности, крайне опасная форма правового нигилизма, интеллектуальное негодяйство с особым цинизмом, и заведомо преднамеренное. Обе стороны, участвующие в этом, на мой взгляд, разлагают общество, разрушают его нравственные формы. И обещаю, если я здесь задержусь, я выведу мерзкий промысел и законным пу-

тем аннулирую сотни кандидатских и докторских диссертаций, чтобы впредь не было повадно другим.

В тот же день, незадолго до ухода Камалова с работы домой, у него в кабинете раздался междугородный телефонный звонок, звонили из Прокуратуры СССР.

— Ну и наделали вы переполох в Москве, вот только со второго подряд совещания вернулся. Отстояли вас, да и следователь наш по особо важным делам не подвел, крепкими аргументами запасся, как чувствовал, сколько у Арипова в Москве покровителей. А как у вас?

— У нас, как мне кажется, дебаты по этому поводу впереди, пока шоковое состояние у большинства. Хотя телефон у меня обрывают, отовсюду просят подтвердить арест, так сказать, из первых уст. Многим кажется, что случившееся нереально, фантастика, арестовать Арипова, депутата, Героя Соцтруда и прочая, прочая...

— Если будет туго, ставьте нас в известность, в обиду не дадим. Не забывайте о человеке, которого я упомянул тогда при встрече. — И разговор неожиданно прервался.

«Неужели меня прослушивают?» — мелькнула мысль у прокурора Камалова.

Как только Сенатор узнал подробности ареста хана Акмаля из уст самого Камалова, он тут же связался с Шубариным.

— Артур, ты не возражаешь, если мы с тобой где-нибудь пообедаем сегодня? — спросил он.

Шубарин понял, что возник срочный разговор с глазу на глаз, и предложил:

— Заказать столик в «Лидо»?

— Я бы хотел реже бывать там, оставив лишь инспекционные визиты к Наргиз. Давай лучше проедем в сторону Чимкента, найдется какая-нибудь чайхана по душе обязательно. Заезжай за мной через полчаса, я выйду, как обычно, с черного хода.

— Что-нибудь случилось? — спросил Шубарин, как только Сенатор появился из ворот хозяйственного двора, таким растерянным, жалким Японец никогда не видел вальяжного, властного Акрамходжаева.

— Разве я когда отвлекал тебя по пустякам? — ответил вопросом Сенатор, быстро ныряя в машину Японца.

Артур Александрович выехал на Софийский проспект, отсюда на Чимкентский тракт рукой подать, прав Сенатор, там, начиная от дендропарка на окраине Ташкента до старинного русского поселка Черняевка, чайхана следует за чайханой, одна уютнее другой, то в долине роще, то на берегу какой-нибудь речушки или полноводного канала, то возле внушительного хауза. И в каждом поселке, прямо у дороги, мясные ларьки с подвешенными тушами курдючных баранов, купят печенку с думбой (курдючным салом), вот тебе и свежайший шашлык за десять — пятнадцать минут. От неожиданных мыслей Шубарину так захотелось шашлыка, что он вдруг, не по настроению товарища, выпалил озорно:

— Угощу я тебя, Сухроб, шашлыком из свежей печенки, и все твои беды покажутся незначительными. Что ты повесил нос? Разве убил кого? Да и в этом случае есть выход — откупиться, запугать, запутать, засадить за себя другого. Можно даже добровольца найти, а с тех пор, как идет афганская война, открылась и реальная возможность бежать за границу в любое время года, ты ведь знаешь, у нас в резерве и такой ход есть, лишь бы были деньги. Надеюсь, ты не промотал пять миллионов, что выдал тебе хан Акмаль за спасение своей души? С ними и на Западе не пропадешь, хотя говорят, что не конвертируемая валюта у нас, не верь, многим нужны наши деревянные рубли.

Сенатор вдруг улыбнулся, с лица его исчезла тревога, и он, хлопнув водителя по плечу, сказал оживленно:

— Удивительный ты человек, Артур. Вот побыл с тобой десять минут, ни о чем не говорил, и упала тяжесть с души. Когда ты рядом, действительно веришь, что безвыходных ситуаций не бывает. Какой мощный заряд энергии от тебя всегда идет!

Увидев у обочины мясной ларек с подвешенной под марлей тушей, Шубарин остановил машину.

— Я сейчас. У этого среднего барашка, как учил меня великий гурман Икрам Махмудович, должна быть замечательная печень, если, конечно, нас уже не опередили.

Вернулся он быстро, с небольшим свертком, оставалось лишь выбрать чайхану, где жарили шашлыки. Нашлась и чайхана километров через десять, в приграничном селе между Казахстаном и Узбекистаном, хотя она вряд ли отличалась от других населенных пунктов хоть слева, хоть справа от границы, если не считать того, что здесь уже продавали чимкентскую водку и знаменитое чимкентское пиво.

Плутоватого вида шашлычник, приняв из рук Шубарина сверток, прижал правую руку к сердцу и сказал:

— Садитесь отдыхайте, сейчас подадут чай, шашлык в самом лучшем виде будет через пятнадцать минут. — Он еще издали от самой дороги приметил мужчин, в которых за версту, как ни скрывай, виделось высокое начальство, на Востоке на этот счет редко ошибаются.

Пока мыли руки, выбирали айван поуютнее, до них уже доносились от мангала дразнящие запахи шашлыка из печени, шашлычник действительно оказался расторопным, и дело свое знал. К шашлыкам подали не только традиционно мелко нашинкованный лук под винным соусом и приправленный жгуче-красным корейским перцем, но и салат ачик-чучук, подавая его, молодой плут заговорщически шепнул:

— Может, водочки отборной подать к таким аппетитным шампурам? — Гости вежливо отказались.

Все это время ни один из них не попытался нарушить договор, не заговорил о деле, хотя оно беспокоило и того, и другого. Как только перешли на чай, Артур Александрович сказал:

— Ну вот, теперь можно и проблемы обсудить. Обед прежде всего, как говорит наш общий друг Файзиев.

— Арестовали хана Акмаля, — бросил небрежно сотрапезник, желая увидеть, какой эффект произведет сообщение на Шубарина.

Тот внимательно посмотрел на Сенатора, словно его разыгрывали, и усмехнулся.

— Без твоего ведома, без ведома и согласования в ЦК? — Он хорошо знал, на каком уровне что решается.

— Представьте себе — да, без моего ведома, без согласования не только с нашим ЦК, но и без разрешения из Москвы. Такие вот, мой друг, разбойничьи времена настали, называется это верховенством закона над идеологией, то бишь над партией.

— Смотри, как далеко у нас гласность и демократия шагнули, — присвистнул Японец, — и кто же такой смельчак? И долго ли ему еще занимать свой пост после такого самоуправства?

— Некий Хуршид Азизович Камалов, — поддразнивая Шубарина, сказал Сенатор.

— Ну почему же некий? Камалов — прокурор республики, ты уже с высоты Белого дома никого в грош не ставишь, а зря, на Востоке всякий чин имеет силу, тем более такой... — мягко пожурил тот собеседника.

— Может, у тебя уже есть ключи к нему? — обрадованно встрепенулся Сенатор.

— Нет, — сразу отрезал Японец, но, видя опять смятение на лице Сенатора, продолжил: — Но это вовсе не означает, мой дорогой Сухроб, что к нему нельзя подобрать ключи, если, конечно, понадобится. До сих пор я знал только одного прокурора, равнодушного к деньгам.

— Любопытно, кто же это? Ты мне никогда о нем не говорил, — вновь оживился доктор юридических наук.

— Амирхан Даутович Азларханов, я очень его уважал.

— Несмотря на то, что он тебя предал? — спросил крайне удивленный Сенатор.

— Нет, он меня не предавал, но это совсем другая история, давай вернемся к нашей, нужно ли искать подходы к прокурору Камалову и зачем?

— Боюсь, что надо. Я сделал одну непростительную ошибку, неправильно среагировал на арест хана Акмаля, и он, кажется, намерен сделать из этого выводы, наверняка попытается взять мою жизнь под микроскоп и будет всячески избегать посвящать меня в тайны прокуратуры, а я хочу владеть ситуацией в республике постоянно, ты ведь знаешь мои цели, я открылся тебе после тайного визита в Аксай.

— Да, это серьезная промашка. Не хотел бы я попасть под его прессинг, он сейчас у себя в Прокуратуре организовал отдел по борьбе с мафией и взял туда людей из КГБ на ключевые посты. — Вдруг его озарила новая идея, и он спросил быстро: — А где содержится хан Акмаль, в какой тюрьме?

Сенатор, понявший ход мыслей собеседника, грустно вздохнул:

— Хан Акмаль нам уже не по зубам, и передачку ему не организовать ни за какие деньги!

— Круто Камалов повернул.

— «Таких, как я, не арестовывают! Я неподсуден!» Старый идиот, я ведь предлагал ему исчезнуть, хоть внутри страны, хоть за рубежом. «Я умру в Турции с тоски», — передразнил Акрамходжаев хана Акмаля. — А в советской тюрьме проживешь до ста лет! — взорвался вдруг Сенатор, но тут же сбавил пыл и ровным голосом спросил: — А теперь-то понятно мое беспокойство?

— Арест хана Акмаля вызовет тревогу у многих, представляю, какая сейчас паника в республике, ведь он ко всему прикладывал руку, почти к каждому назначению, и знает такое...

— И о тебе, и обо мне, черт меня дернул ехать в проклятый Аксай, пропади пропадом его миллионы,— вновь завелся Сенатор, но сразу как-то сник под жестким взглядом собеседника, тот не выносил ни истерик, ни малодушия.

— Не паникуй прежде времени. Хан Акмаль — фигура, он в Москве с такими людьми повязан... тебе даже представить трудно, и им не резон отдавать его в руки правосудия.

А то, что его в Белокаменную вывезли, может, даже лучше, ближе к своим покровителям будет, а тут его со страху и убрать могли, ведь ни для кого не секрет, что преемник Рашидова — его ставленник. Время смутное, неясное, непонятно, какая чаша весов перетянет. Бьюсь об заклад, дело его промаринуют лет пять, не меньше, а там, как в поговорке у нас на Востоке: или ишак умрет, или арба развалится. Его жизнь на собственном языке завязана, и он это понимает.

Потом после паузы, что-то обдумывая, спросил:

— Наверное, у тебя появился какой-то план, раз ты пригласил меня пообедать? — Шубарин направил разговор в нужное русло.

— Да, план есть. Я считаю, что тебе следует немедленно вылететь в Москву, поднять свои связи и выяснить как можно подробнее: что за человек Камалов, кто за ним стоит? В чем его сильные и слабые стороны? Только отыскав ключи к Камалову, приручив его, мы сможем контролировать ход следствия над ханом Акмалем, а в этом заинтересованы многие. Честно говоря, мы с Салимом давно решили не впутывать тебя ни в политику, ни в уголовные дела, ты — чистый финансист и бизнесмен, им и оставайся, но в Москве у нас ходов нет, выручай. А дальше Камаловым займемся мы с Салимом.

— Спасибо за доверие, за заботу о моем благополучии, но у меня к этому плану есть существенные дополнения. Следует взять под тщательный контроль его работу в Ташкенте, для этого все цели хороши: активизировать наших людей в Прокуратуре и милиции, поставить все его разговоры на службе и дома на прослушивание. Если надо будет, приставить к Камалову вплотную Айдына, турка-месхетинца, читающего по губам, задействовать аппаратуру, полученную в подарок от хана Акмаля,— вы должны знать все, о чем он говорит и даже думает, он несет в себе большую угрозу для наших друзей.

По странному стечению обстоятельств обед в чайхане на Чимкентском тракте закончился минута в минуту, когда начальник нового отдела по борьбе с мафией покинул кабинет Камалова, получив задание взять под микроскоп жизнь Сенатора.

*Налог банды Лютого. «Круглый стол» с участием рэкетиров.
Смерть Ашота на пороге «Лидо». Коста в смокинге и жилете
из кевлара. Месть Шубарина за смерть своего телохранителя.
Чешское пиво и израильский автомат «Узи». Телефон прокурора
прослушивается на центральной телефонной станции.
Айдын — человек, читающий по губам. Прокурор возвращается
к смерти Коцея и ночного охранника из Прокуратуры республики.
След преступника ведет в Белый дом на берегу Анхора.
Мафия собирает досье на прокурора Камалова.*

Ресторан «Лидо» готовился к встрече нового, тысяча девятьсот восемьдесят восьмого года. С самого раннего утра работали дизайнеры, художники, осветители, оформители витрин, специалисты по автоматике и электронике, акустике и светомузыке. Ожидалось большое музыкальное представление. Наргиз сумела уговорить известную индийскую танцовщицу Лали, гастролирующую в Ташкенте, чтобы она в новогоднюю ночь выступила в «Лидо». Уже третий день какие-то серьезные молодые люди монтировали посреди зала удивительной красоты вращающуюся елку, она, даже не наряженная, притягивала к себе взгляды. Говорят, такую красавицу Файзиев добыл по военному ведомству, доставили ее из Сибири в чреве гигантского «Антея».

Наргиз подъехала к своему заведению в этот день перед самым обедом, утрясала в банках последние финансовые дела преуспевающего ресторана в уходящем году.

До открытия «Лидо» оставалось двадцать минут, и она видела, как сворачивали работу оформители зала, чтобы продолжить ее завтра на рассвете и сегодня уже не мешать нормальной работе ресторана. Оглядев сделанное, она подумала про себя, как хорошо, когда каждый занят своим делом и никого не нужно подгонять, контроли-

ровать, все старались подать товар лицом, чтобы и на следующий год заключить контракт, а впереди еще предстоял бал на Восьмое марта.

На оформление зала не скупилась, все равно каждый посетитель в таких случаях оплачивал особый входной билет, а новогодние балы в «Лидо» давались вплоть до встречи Нового года по старому стилю, и заключительный, тринадцатого января, по размаху не уступал тому, что отмечали в ночь на первое. Большинство столиков заказали уже давно, с осени, но имелся в запасе и резерв, и сегодня столы стояли гораздо плотнее, чем обычно. Ей уже намекали, что за столик в новогоднюю ночь запоздавшие гости готовы платить тысячу рублей, возможно, «Лидо» посещали богатые клиенты.

Осмотрев зал к открытию и оставшись довольной, она подошла к старшему смены и, сообщив ему сумму премиального фонда, спокойно направилась к себе в кабинет, слыша за спиной восторг, ликование, и не только в зале, но и на кухне, и в заготовительных цехах. Наргиз достала документы из банка и решила, не откладывая в долгий ящик, разделить премиальный фонд.

Проработав час, поняла, что придется делать два-три варианта денежного расклада и обязательно согласовывать с Файзиевым. Приближалось время обеда, и Наргиз, отложив дела в сторону, прошла незаметной, хорошо задрапированной дизайнером дверью в комнату, прилегающую к ее служебному кабинету. Трудно одним словом определить назначение этой комнаты, сказать, что ее личная — не совсем верно, хотя тут у нее имелась и небольшая ванная, и даже гардероб, где хранилась часть ее туалетов, в углу, совсем по-домашнему, стоял японский телевизор «Шарп», подарок Шубарина ей на день рождения. Имелся и диван, где она в жару, приняв душ, отдыхала иногда в этой комнате, накрывала столы для гостей, которые не очень хотели, чтобы их видели в основном зале, в общем, — просторные, хорошо и со вкусом обставленные апартаменты, где Наргиз обычно и обедала.

Когда, вымыв руки, она вернулась в кабинет, чтобы заказать по внутреннему телефону обед, то обнаружила у себя троих незнакомых людей. Один, молодой, высокий, с бычьей шеей, стоял у двери, а двое других шумно, с комментариями, рассматривали настенный японский календарь не то с гейшами, не то с манекенщицами в пикантных позах.

— А у вас, оказывается, есть и потайная комната, — сказал, хищно улыбаясь, один из тех, что рассматривал гейш, сзади, видимо из-за модной одежды, он ей показался моложе, на самом деле ему уже

было под сорок. Лицо нагловатого мужчины было знакомым, и она вспомнила, что не раз видела его в «Лидо», он всегда сорил деньгами направо и налево. Она подумала, что они зашли насчет билетов на новогодний бал, и хотела пройти к столу, но другой, коренастый, тоже с бычьей шеей, отчего Наргиз их тут же внутренне окрестила быками, преградил ей дорогу и показал на диван у стены, где уже развалился тот, что постарше.

— Что вы себе позволяете? — спросила жестко Наргиз, но тут же осеклась под стеклянным холодом пустых глаз, в руке у «быка» поблескивал нож.

Наргиз одернула костюмчик, кокетливо окинула себя взглядом в зеркале, поправила волосы, все еще лихорадочно подыскивая предлог, чтобы вернуться за стол, была там у нее под столешницей незаметная утопленная кнопка, и стоило ей легонько нажать коленкой, не привлекая внимания, ей пришли бы на помощь. Но, видя, что за стол вернуться не удастся, прошла к дивану и уселась рядом с мужчиной, судя по всему, главным в компании, она уже вполне владела собой и сказала спокойно:

— И таким пошлым способом вы намерены вырвать у меня стол на новогодний бал?

Мужчина рядом рассмеялся и, достав пачку «Мальборо», сказал:

— Чудо баба, нисколько не хуже, если не лучше тех китайнок или японок, а главное, ничего не боится!

Наргиз вновь попыталась встать, как бы обидевшись, и попасть за стол, но мужчина схватил ее за руку и усадил на место.

— Меня зовут Лютый, Толик Лютый, может быть, слыхала, а район, где находится твое «Лидо» — моя территория; она перешла мне по наследству, когда убили Джалала, так сход решил, теперь поняла, зачем я пришел?

— Нет, не поняла. Ну, допустим, ты хозяин территории, а я при чем здесь, ребята?

— А притом,— начал сидевший рядом Лютый,— наверное, в райком, райисполком носишь исправно, по графику, должна и нашу долю отстегнуть.

— Вам за что? — дерзко спросила Наргиз.

— А за то же, что и им,— ответил спокойно Лютый,— они дают тебе дышать, и мы пока тоже, а то перекроем кислород.

— Как же вы мне его перекроете, фонды обрежете, спиртного лишите?

— Нет, это по части дневного райкома, а мы для начала устроим погром тысяч на двадцать, чтобы месяц ремонтировать, а если не помнеешь, спалим совсем. Ты последняя в моих владениях не платишь дань, я всех обложил, до последнего кооператора.

— И не стыдно тебе приходиться в праздник, портить человеку настроение в Новый год, когда у нас главная работа только начинается? — выпалила Наргиз сердито и искренне, так что Лютый на миг растерялся. Воспользовавшись моментом, Наргиз встала и сказала, не давая опомниться соседу: — Вопрос серьезный, и платить, наверное, придется. Я слышала, и уйгуры в «Пекине», и евреи в парке Победы кому-то платят, но я не намерена платить одна.

Я должна поставить в известность и тех, от кого получаю спиртное, продукты, зелень, фрукты, лепешки. Но я не желаю уподобляться вам и портить людям праздник, потерпите, дайте спокойно закончить новогодние балы, а потом приходите, поговорим всерьез, с гарантиями. Называйте день и топайте, у меня много дел, и я еще не обедала.

Остановились на встрече вечером, пятнадцатого января, но гости не спешили уходить, и тогда Наргиз открыла без страха сейф, чем окончательно покорила визитеров, и достала две банковские пачки пятирублевых и протянула Лютому со словами:

— В счет будущей платы, расписки не требую, надеюсь, на праздники хватит.

Наргиз действительно никого не беспокоила в праздники и лишь третьего января, когда Артур Александрович заехал пообедать, сообщила о визите рэкетиров в «Лидо». Шубарин поблагодарил Наргиз за выдержку, за верное решение, принятое ею, и попросил до пятнадцатого числа выделить небольшой столик, откуда бы хорошо просматривался проход к директорскому кабинету, который с завтрашнего вечера будет занимать Коста с двумя-тремя приятелями, а место швейцара, опять же до назначенного дня, займет брат Ашота, Карен, хорошо ориентирующийся в уголовном мире Ташкента, парадная дверь «Лидо» будет связана со столиком Коста сигналом. Уверенность, спокойствие, с каким Артур Александрович воспринял неприятное сообщение, успокоили ее; как бы она ни храбрилась, визит Лютого не шел у нее из головы, ей было жаль свое детище, в которое вложено столько любви, энергии, сил, надежд.

Шубарин не стал беспокоить вначале совладельцев ресторана, а вечером пригласил к себе домой Коста и Ашота и, вкратце рассказав случай в «Лидо» накануне Нового года, сказал телохранителю с укоризной:

— Ашот, дорогой, мне кажется, ты перестал контролировать ситуацию в городе.

На что молчаливый, немногословный Ашот буквально взорвался:

— А кто сейчас в стране что-нибудь контролирует? Как только в прошлом году, в январе, у ресторана «Ереван» Сашка Веселый и Изя Либерман в упор расстреляли из боевых карабинов Нарика Каграмяна и Вали за то, что они обложили кооператоров непомерной данью, все рухнуло в один час, не знаешь, кто теперь в Ташкенте хозяин. Нарик держал всех в узде, и каждый знал свой шесток, и не было в столице неконтролируемых преступлений, такого беспредела, как нынче. Молодые, словно с цепи сорвались, не хотят признавать никаких авторитетов, живут одним днем, бомбят всех без разбору, нет уважения ни к чину, ни к званию, не придерживаются никаких воровских правил, уже своих кидают как хотят.

— Нарик незадолго до смерти говорил мне, что в Ташкент отовсюду съезжается самая отчаянная шпана, там, в России, им такие богатые грабежи не снились, а тут, по наводке, меньше чем за сто-тысячный куш не согласятся и пачкаться за один заход, а список, кого можно грабануть, всегда можно купить за хорошие деньги у наводчиков, и в милиции есть люди, торгующие такими сведениями. На сегодня наш край оказался лакомым куском для жестоких грабителей. Конечно, не меньше богатых людей и в Москве, и на Кавказе, особенно в Азербайджане. Там при Алиеве почище дела проворачивали, чем при Рашидове, по крайней мере, золотую саблю и персональный мраморный дворец Шараф Рашидович Брежневу не дарил.

Но воровской мир Кавказа гораздо круче, чем у нас в Средней Азии, он на свою территорию чужих не пускает, сам стрижет богатеньких. Но, уверяю вас, Артур Александрович, мы не те люди, чтобы кому-то платить налоги. До сих пор мы всегда справлялись с вашими врагами, вспомните хотя бы ростовскую банду, вооруженную до зубов, им не помогли даже их «шмайссеры». Разберемся и с Лютым. Не знаю, сколько у Лютого людей, но на всякий случай я хотел бы, чтобы Сухроб свел меня с Беспалым, Артемом Парсегианом, я для него не указ, он не последняя фигура в Ташкенте, у него есть отличные ребята, да и он сам — мужик не промах, один на один любого удавит, а может, нам и придется схлестнуться с ними баш на баш, не так ли, Коста?

— Я всегда готов, — отвечал Коста, долго молчавший сегодня.

— Кстати, Коста,— перебил Шубарин,— с завтрашнего дня ты целыми днями страхуешь Наргиз в «Лидо» и отвозишь ее домой, а план Ашот разработает с Беспалым, хорошо, что он о нем вспомнил.

Как только Коста вместе с Ашотом уехали, Артур Александрович позвонил Сенатору и сказал, что он хотел заехать к нему на чашку чая.

К пятнице, пятнадцатого числа, они уже знали все о банде рэкетиров: и сколько в ней человек, и на каких машинах разъезжают, и даже когда у них «съем» денег. Он как раз приходился на пятнадцатое, и пятница у них выпала напряженная, и Шубарин отметил их недалекновидность, а точнее, беспечность,— не стоило им совмещать столь горячие дела в конце недели.

За два часа до начала встречи в «Лидо» к Коста поступило сообщение, что Лютый с компанией, все до одного, объезжают на двух «жигулях» свои владения и собирают дань с кооператоров, мелких фарцовщиков, спекулянтов, с каждого торгового лотка, имеющего нелегальную прибыль. Судя по всему, настроение у банды прекрасное, и дела идут как по маслу, нигде не возникало сопротивления, конфликтов, дань платили безропотно и исправно, с большим рвением, чем государству. Видимо, и дело с «Лидо» они считали уже решенным. Такая самоуверенность возмутила даже выдавшего виды Коста, ему казалось, что хотя бы сегодня, в назначенный день, стоило приглядеться к «Лидо», а вдруг засада, ловушка? Но никого из банды Лютого и ее окружения не появлялось у ресторана ни вчера, ни сегодня, на этот счет Ашот и Коста всегда были предусмотрительны, береженого бог бережет.

Если бы у банды Лютого не кружилась голова от успехов, и они тщательнее готовились к встрече с очаровательной Наргиз, и не считали бы ее только за пикантную женщину, то, наверное, обнаружили бы, что на крыше «Лидо» появился высокий, стройный мужчина, якобы ремонтирующий антенну, увидели у него в руках нечто похожее на футляр для музыкальных инструментов, что никак по логике не вязалось с ремонтом антенны, и поняли бы, что и на крыше их ждет засада. А за полчаса до того, как они подъехали к ресторану на белых «жигулях», могли увидеть, что на стоянку въехали два зеленых джипа, с форсированными двигателями, принадлежащие, судя по номерам, частным лицам, и заняли удобные позиции в разных концах стоянки.

Конечно, автоматы Калашникова и короткоствольные армейские карабины им вряд ли удалось бы разглядеть. Однако внешний

вид молодых людей, расположившихся в машинах и почему-то их не покидающих, несмотря на крепчающий к ночи мороз, навел бы на мысль, что орлы неспроста съехались к «Лидо». Но чего Лютый не предусмотрел — того не предусмотрел, и подготовка на подступах к «Лидо» прошла по плану и без особых осложнений. Рация, связывавшая Коста с помощниками, работала непрерывно, и он знал маршрут и настроение банды от точки к точке, сообщили, что из кафе «Салтанат» они вышли уже навеселе.

За час до начала операции в «Лидо» съехались основные совладельцы ресторана. Наргиз провела их через свой кабинет в служебную комнату, где по плану уже был накрыт хорошо сервированный стол на шесть персон, но телевизор свой она на всякий случай вынесла оттуда в приемную, главные события должны были разыграться все-таки в закрытом банкетном зале. Как ни странно, больше всех нервничал Икрам Махмудович, и это не осталось незамеченным Шубариным. Прилаживая, как профессиональный гангстер, пистолет под пиджак, Артур Александрович сказал ему:

— Выпил бы ты чего-нибудь, уж очень заметно волнуешься, а твоя роль простая. К назначенному времени быть в зале с Наргиз, твое присутствие их сразу успокоит, тебя они хорошо знают. Встретите, ведете к нам, представите, усадите за стол, затем вместе с Наргиз оставите нас. Ваша забота заключается в одном: оркестр примерно с полчаса должен играть только жизнерадостные, заводные ритмы, чтобы зал сорвался плясать. Можешь не беспокоиться, никто с улицы не ворвется в ресторан, с крыши нас страхует Ариф, и из кабинета никто не сделает и шагу. Как только начнем переговоры, в приемную Наргиз войдет Карен с товарищем, и гости будут заблокированы тройным кольцом.

Глядя, как и Сенатор небрежно возится с оружием (пистолет у него находился без действия с той давней ночи во дворе Прокуратуры республики, когда он пристрелил Кошея и охранника), Файзиев подрагивающей рукой налил себе большую рюмку коньяка и выпил залпом, словно воду, а стоявший рядом невозмутимый Миршаб, вооруженный, как и компаньоны, подал ему ломтик лимона и спросил:

— Икрам, может, тебе жаль, что Лютый не успеет попробовать прекрасный десерт из ананасовых долек, присыпанных шоколадной пудрой? — Шутка оказалась столь к месту, что от нее все долго и охотно смеялись, и нервный шок у него моментально прошел.

Неожиданно вошел Карен и сказал, обращаясь к Артуру Александровичу, коротко:

— Едут!

Файзиев взял под руку Наргиз, вышел из апартаментов и, судя по звукам, раздававшимся в приемной директора, включил телевизор. Оставшиеся в зале, не сговариваясь, вдруг сделали одновременно по мусульманскому обычаю «оминь» и отошли к окну, выходящему на площадь. Проектора, ярче чем обычно, освещали заснеженную автостоянку, где с заведенными моторами стояли два джипа, готовых по первому же сигналу блокировать белые «жигули», в которых появится банда.

Трое у окна внимательно осмотрели друг друга и остались довольны, впервые им предстояла столь деликатная миссия, сопряженная с риском, и Шубарин, чувствуя напряжение своих коллег, сказал как бы случайно:

— Хотите свежий анекдот?

И через пять минут из банкетного зала раздался такой гомерический хохот, что он перебивал звуки телевизора.

Наргиз с Икрамом Махмудовичем долго и удивленно переглядывались и пропустили момент, когда появился Лютый с двумя сопровождающими, но не с теми, что в первый раз, хотя и этих Наргиз тут же окрестила быками. Лютый подошел к Наргиз, поздоровался с ней за руку, небрежно кивнул Икраму, не принимая того всерьез, и спросил:

— Наргиз, кто это у тебя так весело развлекается?

— Зайдешь, увидишь,— ответила хозяйка ресторана, все еще продолжая удивляться несмолкающему смеху из приоткрытых дверей.

— Веселые люди,— ответил Лютый, уже расслабленно.

— Очень,— улыбаясь, сказала Наргиз,— давайте раздевайтесь — и за стол переговоров, мне кажется, они хохочут оттого, что давно хотят выпить.

— Такие дипломаты нам по душе,— рассмеялся Лютый, предлагая подельщикам раздеться, причем у одного в этот момент выпал железный кастет из кармана, тот неловко его подобрал и уже не стал брать с собой. Потому что Наргиз сказала с издевкой:

— Нехорошо на переговоры с такими вещами ходить. — И пригласила долгожданных «гостей» в тайный банкетный зал.

Когда они вошли в зал, трое у окна продолжали хохотать, и, судя по их виду, делали это отнюдь не искусственно, и с лица Лютого

и его товарищей окончательно сошло напряжение, и вошедшие тоже невольно улыбнулись.

— Наше руководство,— туманно представила Наргиз Лютому троих мужчин у окна. Обменялись рукопожатиями, и Артур Александрович сразу пригласил всех за богато накрытый стол.

Гости сели так, чтобы хорошо видеть входную дверь, и это заметил Шубарин, но в той ловушке, что он им приготовил, уже ничего не спасало, капкан захлопнулся.

— Ну, слушаем вас,— сказал Шубарин, как только уселись друг против друга как на серьезных дипломатических переговорах.

— А что нас слушать,— усмехнулся Лютый,— это мы вас слушаем, мы свое уже сказали хозяйке. — И он повернулся, ища глазами директоршу ресторана.

Икрам обходил гостей, разливая коньяк по бокалам, а Наргиз поправляла что-то возле своего любовника, видимо, она переживала, что против него оказался самый здоровенный рэкетир.

— Они в курсе дела, я все доложила,— ответила Наргиз.

— Значит, вы решили обложить нас данью, и сколько же с нас причитается? И как платить: ежемесячно, поквартально или раз в год? — поинтересовался опять же Японец.

— Ежемесячно, как со всех, пятнадцатого числа, пять кусков, думаю, что по-божески — «Лидо» дорогой ресторан...

— Вполне по-божески,— вмешался в разговор Сенатор,— мы готовы заплатить и больше, но в чем гарантии безопасности?

— Мы даем вам дышать, вот и все гарантии,— весело рассмеялся Лютый, ему, видимо, понравилась компания.

— А если другие ваши коллеги совершат налет на «Лидо», как быть в таком случае? Вы погасите наши потери? — не отступал Сенатор.

Лютый, наверное, никогда не предполагавший такого поворота разговора, недоуменно переглянулся с товарищами, те неопределенно пожали плечами.

— Остальные платят и никаких гарантий не требуют,— вымолвил он растерянно и вроде как с обидой.

И тут хозяйева вновь дружно рассмеялись.

— А мы, дорогой, не как все, нам гарантии нужны, а вдруг ваши конкуренты учинят погром, должны же вы хотя бы частично нести ответственность? — подключился к разговору и Владыка Ночи.

Лютый задумался с ответом, а Японец предложил:

— Давайте сначала выпьем, закусим, а потом и придем к какому-нибудь обоюдовыгодному решению, а то Наргиз скоро подаст горячее.

Усыпляя бдительность налетчиков, Сухроб Ахмедович опять продолжил якобы волновавшую его тему.

— Я не оговорился, дорогие гости. Мы готовы платить вам не пять, а шесть тысяч, но с условием: чтобы в «Лидо» регулярно дежурили в качестве вахтера и гардеробщика два дюжих молодца, а если еще надежнее, то и ночной сторож должен быть ваш человек.

— Пахать целый день в кабаке от зари до зари за шесть кусков? — искренне удивился один из сопровождающих Лютого.

Наверное, тут разгорелись бы жаркие дебаты, но в этот момент в банкетный зал вошли сразу трое «официантов» с дымящимися подносами, и Лютый, уже изрядно веселый, сказал шумно:

— Давайте еще по одной дернем перед горячим, давно такой хороший коньяк не пил, а если честно, никогда.

— Давайте, — согласился Шубарин и налил всем вновь, стараясь не смотреть в сторону сервировочного стола, куда «официанты» неловко поставили подносы с горячим. Он боялся рассмеяться, глядя, как неуклюже, боясь уронить посуду, действует Беспалый, небрежнее всех, профессиональнее, держался Коста, ну, а как тренировался с подносом Ашот, он уже видел.

Выпили и, когда гости дружно принялись уминать деликатесы, щедро выставленные Наргиз, совладельцы «Лидо», не сговариваясь, нажали под столом друг другу на ноги — кульминационный момент наступал.

Как только Артур Александрович посмотрел в сторону «официантов», они взяли каждый по тарелке с поддонником с жареными в белых грибах перепелками и, зайдя за спины ужинающих хозяев, поставили перед ними одновременно источающие нежные ароматы блюда. Так же дружно они вернулись и на другую сторону стола, и как только поставили тарелки перед «гостями», произошло неожиданное, а, точнее, много раз отрепетированное в банкетном зале. Жесткие салфетки на рукавах официантов из крепкого белорусского льна, чуть длиннее обычных, в мгновение ока превратились в удавки, что традиционно применяют итальянские мафиози и американские гангстеры. И не дожевавшие гости уже хрипели, выкатив глаза в сильных руках противников, а тут еще каждому в грудь ткнулось дуло пистолета, и расторопные руки выдернули из-за пояса Лютого

новенький пистолет и ножи у двух его приятелей. Из кабинета Наргиз вбежал молодой смугловатый парень, и вмиг на руках у каждого из гостей оказались наручники, и их буквально вырвали из-за стола и швырнули к стенке.

Лютый подумал, что их прихватила милиция, хотя солидные и вальяжные дяди никак не напоминали ему привычных оперов. А в зале кутеж, казалось, достиг высшей точки, оркестр так наяривал еврейское «семь сорок», что весь пьяный люд сорвался в пляс.

Лютый, видимо, чтобы поднять дух у своих поделщиков, вдруг грязно выругался и выкрикнул истерично:

— Ну, сука подлая, ты еще ответишь за свое предательство!

Ашот, стоявший рядом, словно взбеленился, он с большой симпатией относился к Наргиз.

— Ах, ты еще оскорбляешь и унижаешь порядочную женщину? — И ударил так сильно, что, казалось, у Лютого отлетит голова, одновременно раздался какой-то неприятный хруст и судорожный вскрик, но Ашоту было ясно, что главарь проглотил сразу несколько своих передних зубов. Стоявший рядом здоровенный детина, тот, что сидел напротив Миршаба, попытался вдруг ударить Ашота ногой в пах, но Коста опередил его. Тыльной стороной ладони, которой он разрубал любой кирпич, резко ударил прямо по кадыку бычьей шеи, и гигант рухнул столбом, и из угла его рта на усы потекла тонкая струйка крови.

Лютый, мотая головой, вдруг шепеляво сказал с ненавистью, обращаясь к Ашоту:

— А ты, армяшка поганый, еще попомнишь меня. — И Ашот ментально нокаутировал его и стал избивать ногами, но Артур Александрович тут же оттащил своего телохранителя, сказав при этом:

— Я думаю, хватит, они люди неглупые, и думаю, что осознали свою ошибку.

И вдруг третий рванулся к окну, видимо, желая вызвать подмогу, но тут начеку оказался Беспалый, подставивший ножку, и тут же упавшего кинулись зверски избивать ногами.

Хозяева «Лидо» вернулись за стол, налили себе, «официантам» и Карену тоже. Продолжая прерванный ужин, Шубарин сказал, обращаясь к Коста:

— Подведи, пожалуйста, Лютого к окну и объясни ситуацию, пусть выбросит из головы всякие глупости. Мы отпустим его живым при одном условии...

Коста подвел обмякшего главаря к окну и показал на два джипа, готовых сорваться к белым «жигулям», где дожидались своих еще трое из банды. После этого всех повели в ванную, привести себя в божеский вид, там с них сняли наручники, теперь они уже не представляли угрозы никому.

Когда Лютого вновь подвели к столу, Шубарин сказал:

— А условия мои, дорогой, такие. Сейчас мы позовем из зала метрдотеля, он знает в округе всех кооператоров. Он сядет за телефон и будет приглашать всех, у кого вы сегодня собирали налоги, и ты каждому из них, с извинениями, запомни, с извинениями, вернешь деньги и пообещаешь впредь их не беспокоить. А сейчас ты пойдешь к своей машине без всяких фокусов, предупреждаю, ибо сопровождать тебя на стоянку будет Ашот. Любое твоё неверное движение, и он с удовольствием пустит тебя в расход, в таком случае под огонь попадут и твои друзья в машине, у людей в джипах в руках настоящие автоматы, они никогда не раздумывают, проверено. А эти два орла у нас останутся в заложниках, ты сегодня проиграл по всем статьям. Ну как, договорились?

Лютый ответил отказом.

— Ну ладно, бог тебе судья,— спокойно воспринял Японец,— я отдаю тебя в руки Ашота, пусть он как хочет, так и поступает, я знаю, что еще никто так прилюдно не оскорблял его.

Ашот сгрёб Лютого за шиворот и поволок в ванную, но в последний момент главарь задушенно прохрипел:

— Согласен, ваша взяла.

— Ну вот, другое дело, а теперь ступайте за деньгами, а ты, Ашот, будь внимателен, он любую подлость может выкинуть.

Прежде чем выйти, в комнате на секунду погасили свет, это послужило сигналом джипам, чтобы они вплотную подъехали к белым «жигулям» и были начеку.

Минут через десять Лютый вернулся с улицы со спортивной сумкой, полной денег, и Шубарин засадил Файзиева за телефон, и через некоторое время к «Лидо» начали съезжаться недоумевающие кооператоры.

Пока раздавали деньги, у совладельцев «Лидо» вышло принципиальное разногласие по поводу того, как поступать дальше с бандой Лютого. Сенатор и Миршаб утверждали, что нужно вызвать милицию и оформить дело, а дальше они возьмут ситуацию под контроль, и каждому из них за вооруженный разбой по пятнадцать лет гаранти-

ровано. Шубарин категорически был против вызова милиции, он сказал, что его не поймут ни Коста, ни Ашот, ни Беспалый. В конце концов выслушали и «официантов», они тоже взяли сторону Японца, негоже, мол, защищаться руками милиции, это шло вразрез с их идеологией.

О сложившейся спорной ситуации без обиняков рассказали Лютому, и только тут он понял, что имеет дело не с милицией, а со своими, более удачливыми и сильными коллегами. Взяв с банды, по воровскому ритуалу, честное слово, что они оставят район в покое, рэкетиров отпустили с миром.

Прошел месяц со дня проведения «круглого стола» с рэкетирами, и история стала забываться. В штат ресторана зачислили людей по рекомендации Ашота и приняли строгие меры безопасности. Время от времени к Шубарину поступали и данные о Лютом, банда зализывала раны и не выходила на охоту, видимо, награбленного до января им хватило для долгой и безбедной жизни. Впрочем, как сказали Коста с Ашотом, Лютому оставался один путь — сняться с бандой из Ташкента и приглядеть себе другой город, тут уже давно все поделено, и свое никто так просто не уступит, да и с подмоченной репутацией больше не подняться. Еще через месяц Японцу доложили, что Лютый ставит себе золотые зубы и собирается перебраться в Ашхабад, там кто-то из его лагерных дружков высоко взлетел и держал столицу Туркмении в руках, как некогда Нарик Каграмян Ташкент.

Правда, теперь они чаще стали наезжать в город, в район вокзала, и переквалифицировались в «наперсточников», оказывается, Лютый был в этом деле ас. Непонятно, почему он сменил столь выгодную профессию на рискованное дело рэкетира, наверное, легкий заработок на первых порах вскружил голову.

В те дни они не выезжали на «работу», часами напролет играли в карты по-крупному, все в том же загородном доме на Чимкентском тракте, купленном на шальные рэкетирские деньги. Иногда играть к ним приезжали и люди со стороны, и у Лютого появилась мысль — а не открыть ли солидный катран. И об этих планах Лютого знали в «Лидо».

К весне история с рэкетирами стала забываться, дела у «Лидо» по-прежнему шли в гору, но и забот хватало, один прокурор Камалов требовал к себе какого внимания, и тут нельзя было пускать дело на самотек, слишком глубоко начал копать прокурор.

Досье на Камалова, наконец-то поступившее из Москвы, не обещало покоя, прокурор имел серьезную школу жизни, и опыта борьбы с преступностью ему было не занимать. Миршаб с Сенатором понимали, что в республике появился человек с серьезными намерениями и особыми полномочиями, о том, чтобы его запугать или купить, не могло быть и речи. Тщательно собранные данные о прокуроре, которого они тут же, в целях конспирации, назвали «Москвич», запали в память, и Сухроб Ахмедович мог, словно абитуриент, без запинки, рассказать его биографию: ...Хуршид Азизович Камалов родился в 1940 году в Фергане. После войны его отца переводят работать в Москву. В 1963 году с отличием заканчивает юридический факультет Московского государственного университета, и ему предлагают остаться на кафедре, но он рвется на родину. По распределению попадает работать в Прокуратуру республики и уже через два года становится прокурором одного из районов Ташкента. На посту районного прокурора у него происходит серьезный конфликт с одним родовым кланом в столице. Конфликт имел такую огласку, что в дело вмешался сам Рашидов, и только явная молодость Камалова спасла его от суровой расправы. Строптивного прокурора, чтобы одумался, отправляют подальше — в Москву, в очную аспирантуру, на три года. Аспирантом он пробыл год, работая над необычной для того времени темой «Преступление против правосудия», то есть преступление в среде самих правоохранительных органов, потом неожиданно перешел на работу в уголовный розыск, где прослужил до 1971 года, и ушел из органов в звании подполковника. Милицию он покинул в результате серьезных ранений, полученных во время операции по задержанию вооруженной банды на столичном ипподроме, стрелял в него коллега, капитан милиции. К этому времени заинтересованным лицам стало известно, что подполковник Камалов и есть тот самый тайный охотник, который выслеживал оборотней и предателей в милицейской среде. В конце семидесятых годов благодаря ему произошла основательная чистка милицейских рядов в Москве, особенно в высших ее эшелонах. Оттого в него и стрелял капитан милиции. В 1972 году, провалявшись одиннадцать месяцев по госпиталям и чудом оставшись живым, Камалов, уже в звании полковника, защищает в закрытом заседании свою давнюю диссертацию. Научная работа с самого начала имеет гриф «Совершенно секретно», ибо касается изъянов всей структуры правовых органов страны. Кроме нескольких экземпля-

ров диссертации, попавших в высокие инстанции, работа остается засекреченной до сегодняшнего дня.

После защиты диссертации он получает служебную командировку на год во Францию, где в предместье Парижа изучает методы работы Интерпола. В результате поездки появляется еще один основательный научный труд с предложениями и выводами по борьбе с организованной преступностью, который также дальше министерских кабинетов не получает хода.

С 1973 года он становится преподавателем специальных дисциплин в закрытых учебных заведениях КГБ, и тут напрашивается вывод: некогда на работу в уголовный розыск он попал не случайно, а с особыми полномочиями.

В 1978 году в связи с резким ростом преступности в столице его назначают прокурором одного из районов Москвы.

В 1981 году, во время правления Л. И. Брежнева, у прокурора Камалова возник конфликт, подобный тому, что случился у него когда-то в молодости в Ташкенте, и тут он схлестнулся с кланом власть имущих в стране. Не без помощи Ю. В. Андропова, который в свое время лично ознакомился с двумя его научными работами под грифом «Совершенно секретно», уезжает в Вашингтон возглавить службу безопасности в советской миссии в США.

Камалов является в стране одним из ведущих специалистов по борьбе с организованной преступностью и часто привлекается для разработки долгосрочных и стратегических программ.

Несмотря на засекреченность научных работ, известно, что он давно добивается создания в стране сети отделов по борьбе с организованной преступностью, что и сделал немедля, став прокурором Узбекской ССР. Известно также, что все три зама председателя КГБ республики, включая генерала Саматова, ведающего кадрами, в прошлом — ученики Камалова, вот почему новый отдел по борьбе с мафией укомплектован бывшими работниками КГБ, которые вряд ли порвали связи со своей мощной организацией. Аккуратно отпечатанный текст заканчивался небольшой припиской, сделанной от руки: «Прокурор Камалов представляет реальную угрозу для всего делового и уголовного мира, и при первой возможности его следует дискредитировать или, еще лучше — уничтожить!»

Так что в эти дни совладельцев «Лидо» занимала не только банда Лютого, но и проблема прокурора Камалова, судя по всему, крепко севшего на хвост Сенатору.

Вообще решили, что история с бандой Лютого больше никогда не будет иметь продолжения.

Но все оказалось иначе, история сделала драматический поворот, позже Шубарин скажет: зло порождает только зло.

В конце марта, когда повсюду в Ташкенте розово и буйно цвел миндаль и в воздухе стоял стойкий запах цветущей в каждом палисаднике персидской сирени, Артур Александрович встречал высокого гостя из Москвы. Впрочем, гость этот прибыл не к нему лично, а в Совмин республики. Знакомы они были с Шубариным давно, и на руке у гостя поблескивал все тот же золотой «Ролекс», в общем — валет пиковый. В Совмине многие знали об этой дружбе; Японец, пользуясь знакомством, решал не только свои дела, но и проблемы республики. Поэтому Шубарин принимал большого чиновника в «Лидо» персонально. Гость так загулял на пышном приеме своего давнего друга Японца, что к концу вечера свалился в буквальном смысле и везти его в резиденцию ЦК, где он остановился, было бы предательством, и гостя уложили на диван в кабинете Наргиз, обеспечив на ночь сиделкой.

Покидали они в тот вечер «Лидо» последними. Не успели сойти с мраморных ступенек на площадь перед рестораном, как раздалось сразу несколько пистолетных выстрелов, а чуть позже, запоздало, и одна автоматная очередь. Ашот, выходявший, как всегда, первым, шел чуть впереди компании, и первые пули сразили его наповал. А Шубарина чудом уберегла от смерти Наргиз, женским чутьем она уловила что-то неладное в красных «жигулях» седьмой модели, медленно выезжавших из ночной тени здания, как только они появились из ресторана. Еще не прозвучал первый выстрел, как она рывком свалила Артура Александровича на скользкий мрамор и своим телом прикрыла его, она поняла, что охота шла на Шубарина. Позже она рассказывала, как спиной ощущала ту самую автоматную очередь, что разбила тонированные финские стекла на входных дверях «Лидо». Больше нападавшим не удалось сделать ни одного выстрела, потому что чуть замешкавшийся в гардеробе Коста выскочил с пистолетом и успел открыть огонь по отъезжавшей машине.

Тут же объявился и ночной сторож с автоматом, и Коста было рванулся кинуться в погоню за красными «жигулями», но Шубарин остановил его, сказав кратко:

— Не надо, они от нас никуда не уйдут. — И как бы в подтверждение собственной догадки спросил: — Лютый?

— Конечно, я видел его рожу.

— Ну что ж, я принимаю его вызов, это уже серьезно, но сейчас не до него, займемся Ашотом. Пожалуйста, вызови из дома сюда Карена. — И они вдвоем перенесли телохранителя в вестибюль «Лидо».

Схоронили Ашота с почестями, отметили девять дней. И вновь собрались на большой совет в закрытом банкетном зале «Лидо».

И вновь Сенатор и Миршаб, располагая подробными сведениями о банде, предлагали сделать анонимный звонок в уголовный розыск полковнику Джураеву, и можно было не сомневаться, что от него Лютый не ушел бы. Вариант отвергли с ходу, речь шла уже о мести. Тогда Миршаб предложил еще один похожий, но любопытный выход: связаться с казахской милицией в Чимкенте, загородный дом бандитов находился уже на территории соседней республики. Но взбунтовался Коста, сказав:

— Убили нашего товарища, а хотим наказать врагов руками милиции. — И он, неожиданно выложив крупные фотографии дома на отшибе, где дислоцировалась банда, предложил свой план, с которым согласились все, кроме Карена. Он тоже не был против, только требовал, чтобы главную роль в операции отвели ему, как самому заинтересованному лицу. Участники круглого стола не согласились с доводами Карена и решили, что Коста все-таки предпочтительнее, он обладал большим жизненным и профессиональным опытом и жаждал мести не меньше, чем Карен, его с Ашотом связывала давняя дружба по первому лагерному сроку, и, как он обмолвился, это — дело его чести.

Операция не требовала особой подготовки, все упиралось в банду Лютого, когда они, устав от «наперсточного» бизнеса, позволят себе отдых, а свободное время они проводили только за одним занятием — карты и вино. Изредка бывали там и женщины, но блатной мир, по сравнению с казнокрадами, растратчиками, фарцой, цеховиками, кооператорами, невысоко ценит прекрасный пол, таковы воровские традиции, где чтится только мать.

Но ждать пришлось недолго, в начале недели в «Лидо» раздался телефонный звонок, с вокзала сообщали, что сегодня Лютого с друзьями милиция согнала с рабочего места по случаю приезда какой-то делегации, и они, затарившись водкой в железнодорожном ресторане, поехали к себе отдыхать. Ситуация складывалась идеальная. То, что Лютый купил себе дом с заросшим глухим садом на отшибе поселка, тоже упрощало операцию. В те дни, когда Лютый с товари-

щами промышлял наперстком на вокзале, Коста с Беспалым, Арифом и Кареном побывали внутри дома, со способностями Парсегиана открыть дверь не представляло труда. И теперь каждый из четырех участников операции ясно представлял картину и знал свой маневр — на точности, на расчете, ну, конечно, еще на риске и дерзости строился план.

Коста переоделся в тот же костюм официанта, что три месяца назад, только под смокинг надел жилет из кевлара, который принес из дома Артур Александрович. Пуленепробиваемый американский жилет так поразил воображение участников операции, что они не задумываясь решили его испытать, и Арифу пришлось сделать выстрел из знаменитого «Франчи» с глушителем, результат ошеломил, окрылил, все поверили в успех дела. Пока Коста экипировался, принесли ему большую корзину с выпивкой, закусками, обычный ассортимент для богатого обслуживания на выезде, и такое «Лидо» практиковало для своих постоянных клиентов.

Поймав случайное такси, Коста без сопровождения, страховки, оружия отправился в резиденцию Лютого у бывшей овчарни. Подъехав к катрану, в котором прежде, судя по саду и по самой постройке, жил хозяйственный, не лишенный вкуса и претензий человек, Коста попросил остановиться как раз напротив окон зала, где обычно резались в карты, и долго рассчитывался с таксистом, давая возможность хозяевам хорошо разглядеть неожиданного визитера. Выйдя из машины, он аккуратно поправил бабочку, одернул смокинг и, подхватив корзину, в которой явно чувствовалась снедь, постучал в дверь. И ее тотчас рывком открыли. Незнакомый молодой парень молча показал ему рукой вперед.

— Мир дому сему,— сказал Коста учтиво, как только оказался в зале.

Шесть человек за столом действительно играли в карты, и, судя по деньгам, лежавшим в центре, да и возле каждого из них, играли по-крупному. Седьмой стоял у него за спиной, не было лишь того здоровенного бугая, которого Коста вырубил тогда одним ударом.

— Общманай его как следует,— хищно ощерившись золотозубым ртом, приказал Лютый тому, что стоял за спиной.

— Нехорошо гостей встречаете,— отреагировал Коста, поднимая руки вверх и поворачиваясь к тому, кто должен был его обыскать.

— Ты бы, падла, о гостеприимстве помалкивал,— добавил один из тех, кто был тогда на переговорах в «Лидо».

Пока его обыскивали, кто-то встал из-за стола и сдернул накрахмаленную скатерть с корзины и тут же радостно взвизгнул:

— Толян, ты говорил — закусывать нечем, а тут такая жратва, слюнки текут.— И все разом сбежались к корзинке.

— Ты это нам привез? — спросил недоуменно Лютый.

— Да, вам, я приехал передать, что мои хозяева готовы принять ваши условия без всяких оговорок.

— Наконец-то поняли, с кем имеют дело,— сказал гордо и взволнованно Лютый и предложил гонцу сесть, видимо, неожиданный визит сильно возвысил его в глазах банды. Ашота в городе знали и оттого ждали ответной мести, а тут все так легко улаживалось.

— А не отравили эти торгоша-мироеды свой гостинец? — вдруг среди всеобщей эйфории сказал один из тех, что все время не отходил от окна, выходящего на дорогу.

Коста достал из корзинки бутылку водки, бутылку коньяка, ловко откупорил их, налил в один стакан и коньяк, и водку, сделал себе бутерброд из нежнейшей югославской ветчины и, подняв стакан, сказал:

— За мир. — И, выпив залпом, с удовольствием закусил.

— Кто же такое добро будет травить, лопух? — сказал со смехом встречавший у двери и стал разливать всем такой же ерш, какой выпил Коста, и никто не стал ему возражать или останавливать.

— Мы замиряться с вами не собирались,— сказал веско главарь,— но раз вы протягиваете руку, грех ее отводить, хватит крови, да и в Ташкенте нас могут не понять. Поэтому, по нашему обычаю, я тоже повторяю твой тост:

— За мир.

Все дружно выпили и стали прямо руками брать рыбу, мясо, индюшку, казы из корзины, хотя там сбоку лежали и приборы одноразового пользования.

— Удачный день,— сказал весело Лютый, победно оглядывая сотоварищей, видимо, тяжелый разговор у них вышел накануне,— давайте за него и выпьем, если мы замиремся с Японцем, цеховиком, нас признают в Ташкенте, и мы вновь вернем себе свой район. — Выпили и за это.

Захмелев, Лютый вдруг ошарашенно вскочил.

— Но теперь условия будут другие. Наши. Не пять тысяч, а десять. Как говорится, жадность фрайера сгубила.— И, глянув выжидающе на Коста, добавил: — Потянут твои хозяева?

— Потянут. Они очень хотят мира, я это точно знаю, и из-за пяти тысяч мелочиться не станут.

— Ну, вот и прекрасно, что поумнели, а когда же платить начнете?

— Хоть сейчас, только у меня нет машины, пусть кто-то поедет со мной, заедем к Наргиз, возьмем деньги, и я лично передам вам в руки.

— Идет, — согласился Лютый, — валяйте, только еще одно условие. Загрузи за наш счет пару таких корзин, а как придешь, накрой нам стол по-человечески, посуда тут найдется, обмоем день победы и замирения.

Отправили самого молодого, а за руль белых «жигулей» пришлось сесть Коста, парень не имел прав.

Подъехали к «Лидо», где уже вовсю начиналась вечерняя жизнь, парень, сопровождавший Коста, заметно нервничал, и Джиоеву даже пришлось его успокаивать.

Наргиз, по сценарию, находилась в кабинете одна, чтобы ничто не вызвало подозрения. Войдя, Коста устало плюхнулся в кресло, показывая сопровождающему, какого он страха натерпелся в резиденции Лютого, вкратце сообщил директрисе о переговорах и закончил:

— Но теперь, Наргиз Умаровна, условия у них другие. Требуют десять тысяч.

Наргиз удивленно посмотрела на сопровождающего, словно дожидаясь подтверждения.

И тот, польщенный вниманием к собственной персоне, сказал:

— Да-да, Толян сказал — десять.

— И я уже вам все приготовила, — ответила она расстроено и показала на яркую спортивную сумку «Адидас» на полу у стола.

Но потом, как бы отвлекая внимание от сумки, подошла к вмурованному в стене сейфу и, открыв его, достала деньги в разных купюрах. Выложив на стол, пригласила Коста с сопровождающим помочь ей считать.

Молодому доверили набрать две тысячи четвертными, Коста ту же сумму — червонцами, а сама она стала добирать оставшуюся тысячу — пятерками. Деньги отсчитали быстро, потом она сгрэбла всю сумму и небрежно бросила их в сумку, где также разнокупюрно, валом, уже лежали пять тысяч.

Потом, как бы спохватившись, она сказала:

— Я так рада, что эта жуткая история наконец-то заканчивается, и пусть Лютый примет от меня личный подарок! — И она стала

складывать в сумку поверх денег дюжину заранее заготовленных бутылок темного чешского пива «Дипломат» и в довершение бросила туда же два блока сигарет «Мальборо».

Видя, что у молодого глаза загорелись от пива и от сигарет, она взяла со стола одну пачку и протянула ему со словами:

— Кури на здоровье.— И тут же открыла ему баночное пиво, финское, достав все из того же холодильника, где хранилось и чешское.

Пока молодой попивал пиво, внесли две корзины с закусками.

Достав портмоне, он спросил:

— Сколько с меня? — Он запомнил слова главаря «за наш счет» и не хотел мелочиться в глазах красивой женщины.

Но Наргиз запротестовала:

— В другой раз. Сегодня, в день примирения, считайте подарком от «Лидо».

Коста подхватил сумку с пола, молодой взял в обе руки тяжеленные корзины, и они отправились в обратный путь. На самом выезде из города, на обочине, белые «жигули» поджидала «Волга» Парсеяна, кроме владельца машины в ней находились Ариф и Карен. Пропустив машину вперед, они потихоньку поехали вслед, Карен всю дорогу сокрушался, что Коста без них справится с бандой.

За столом шла напряженная игра, и на их появление не обратили особого внимания, только Лютый, раздававший карты, спросил мельком у сопровождающего:

— Ну, как дела?

— Все о'кей, в лучшем виде, хозяйка еще подарок тебе передала, сейчас обалдеете. — И, выхватив оба блока «Мальборо» из сумки, молодой кинул их на стол. Их тут же бросились разрывать и делить.

Коста тем временем, ловко открыв всю дюжину пива, доставил их тоже играющим. Пиво вызвало большой восторг, чем сигареты, и все, дружно задрав головы, принялись пить, а Коста стал выкладывать на диван деньги, и все хорошо это видели.

— Халдей, оставь деньги в покое, сами посчитаем, лучше накрой стол, как Лютый велел,— сказал кто-то, на миг оторвав от губ бутылку с пивом.

— Меня зовут Коста,— сказал почему-то гонец и продолжал: — Я сейчас накрою такой стол, век не забудете...— И тут же раздалась автоматная очередь, хотя Коста и не вынимал рук из яркой спортивной сумки с деньгами. Так и не доставая из «Адидаса» с двойным дном легкий израильский автомат «Узи», он продолжал стрелять,

только один успел рвануться к приоткрытому окну и выпрыгнуть на улицу, но там его в ту же секунду настигла пуля Арифа, страховавшего именно окна. Через минуту-две все было кончено. В комнату с последними выстрелами ворвались Карен с Беспальым.

— Я же сказал, что он нам ничего не оставит,— сказал огорченно Карен.

И в этот момент Лютый на полу слабо шевельнулся и выронил из рук пистолет, так и не успев сделать ни одного выстрела.

— Ах, этот гад еще жив! — обрадованно вскрикнул Карен и, подойдя к главарю, добил его из нагана.

— Ну, теперь наведем марафет — и живо отсюда, надо быстрее на трассу, хотя «Узи» — не «Калашников», выстрелы могли и засечь,— сказал Коста и стал складывать деньги с дивана и картежного стола в сумку.

Через несколько минут Лютого с дружками сложили в кучу и облили бензином, а когда «жигули» съехали со двора, Беспальый подпалил строение с крыльца, чтобы дом запылал, когда они будут уже на Чимкентском тракте.

Камалов почти не выходил из дома без оружия. Опыт, интуиция бывшего розысника подсказывали, что он находился под чьим-то пристальным вниманием, под колпаком, хотя он вряд ли мог привести хотя бы один пример, работали все-таки против него в высшей степени профессионалы, да и человек, стоявший за всем этим, видимо, хорошо изучил его и знал, какой опыт жизни у него за плечами.

В последнее время прокурора преследовала одна неприятность за другой. Стоило ему подписать ордер на арест какого-то высокогo должностного лица, как тот в самый последний момент пускался в бега, а то обнаруживали его труп где-нибудь в парке или овраге. Или там, где предполагалась крупная конфискация имущества, в доме оставались одни голые стены, и вся наличность, демонстративно лежащая на столе, выражалась в десятках рублей, что, видимо, должно было намекать на скромную жизнь от получки до получки, что потом, по прошествии времени, выгодно обыгрывалось в жалобах.

Камалов взял со стола подготовленный для него список, в ближайший месяц он должен был подписать ордер на арест этих людей, и стал внимательно просматривать.

«Кого же из них предупредят в первую очередь, а кого постараются убрать?» — думал он, припоминая дело каждого из внушительного ряда.

— Ачил Садыкович Шарипов, — прочитал он вслух и вспомнил, как упомянул фамилию высокого сановного лица из Совмина в гостях у своих родственников и какую в ответ получил информацию, до которой вряд ли бы добрался через прокуратуру.

Оказывается, его зять, майор Кудратов, жил неподалеку от них, в этой же махалле, и он узнал многое: и как Кудратов, пользуясь покровительством тестя, попал в ОБХСС, имея диплом культпросветучилища, и как там быстро продвинулся в чинах, и какой дом отгрохал, и какие пиры закатывает, и как денно-нощно везут ему все с доставкой на дом, да и сам редко с пустыми руками возвращается.

Прокурор хорошо помнил дело Шарипова, тесть ворочал более солидными делами, чем его вороватый зять. Взгляд Камалова неожиданно упал на телефон, и ему вдруг пришла внезапная мысль.

Он поднял трубку и позвонил в следственный отдел.

— Пожалуйста, ускорьте дело Шарипова, через два дня я должен подписать ордер на его арест, есть такая команда сверху, — закончил он туманно.

И тут же вызвал к себе начальника отдела по борьбе с организованной преступностью и объявил ему:

— У меня возник план. Вот, пожалуйста, возьмите адрес. По моим предположениям, хозяин особняка в ближайшие сутки должен то ли кинуться в бега, то ли станет спешно вывозить и прятать добро. Держите ситуацию под контролем, в случае побега арестуйте.

Когда Камалов на другой день появился на работе, начальник отдела по борьбе с организованной преступностью дожидался его в приемной. По взволнованному виду подчиненного он понял, случилось что-то с Шариповым, хотя знал, что у особого отдела в производстве десятки горячих дел и каждое из них в любую минуту могло «обрадовать» неслыханным ЧП. Интуиция сработала верно. Едва они вошли в кабинет, как полковник доложил:

— Три часа назад, рано утром, когда уже рассвело, Ачил Садыкович застрелился у себя в саду.

— Да, я не предусмотрел этот вариант. Никогда не предполагал, что такого жизнелюбца сумеют склонить к самоубийству. А не замаскированное ли это убийство? — спросил вдруг Камалов.

— Нет. Исключено. Наш человек через две минуты после выстрела кинулся к забору и может подтвердить: Шарипов застрелился

собственноручно. А люди у него в доме вчера были — трое. Задержались до глубокой ночи. Слышалась музыка, во дворе готовили плов, и мои люди подумали — гости.

— Тогда все совпадает,— обронил странную фразу хозяин кабинета.

— А как вы сумели предугадать смерть Шарипова? — спросил ничего не понимающий полковник.

— Ну, смерть я как раз не предугадал. Я предсказывал лишь побег или вывоз добра из дома. А теперь, после смерти Шарипова, вопрос о конфискации отпадает сам собой, тут он все верно рассчитал. А что касается того, как я узнал об этом, не предполагайте во мне ясновидящего, все гораздо проще — мой телефон прослушивается.

Дав полковнику прийти в себя от неожиданного сообщения, Камалов продолжил:

— Сейчас же свяжитесь с генералом Саматовым и попросите его помочь специалистами по прослушиванию и звукозаписывающей аппаратуре.

Заполучив людей, объясните ситуацию и поезжайте на центральную телефонную станцию, наверняка мой телефон прослушивается оттуда. То, что он прослушивается, подтвердила смерть Шарипова, я специально обронил по телефону, что через два дня арестую его.

Перед самым перерывом на обед в кабинете у прокурора раздался телефонный звонок, докладывал полковник:

— Вы оказались правы, телефон ваш прослушивался. Мы изъяли японскую аппаратуру и большую бобину с записью, задержали и инженера связи Фахрутдинова. Своей вины он не отрицает, но чувствую, что мы вряд ли через него проясним ситуацию, запутанная история...

— Доставьте связиста ко мне, я хочу сам поговорить с ним,— сказал Камалов и, положив трубку, облегченно вздохнул. Подтверждались все его сомнения, против него действовал умный и изощренный враг, и появлялся шанс выйти на след.

Не успел прокурор подняться к себе из столовой на первом этаже, как к нему ввели Фахрутдинова. Щегольски одетый молодой мужчина, лет тридцати пяти — тридцати семи, не был ни смущен, ни подавлен арестом, но и не держался вызывающе, что бывает нередко. Только руки с длинными, хорошо тренированными пальцами, холеные, знавшие каждодневный уход, как у пианиста, выдавали его волнение. По рукам и определил Камалов в нем картежника. Эта

новая беда, до сих пор недооцененная ни законом, ни обществом, давно и прочно, как наркомания и проституция, глубоко пустила корни в нашей пытающейся всегда казаться высоконравственной, пуританской стране. Да и лицо с живыми, умными глазами, несмотря на кажущуюся беспристрастность, выдавало, что он волнуется, пытается искать выход из неожиданной ситуации. Прокурор не раз встречал подобных людей, от природы щедро одаренных умом, талантами, но пагубная страсть подавила в них все человеческое, и все проблемы ума, таланта служили одному — пороку, картам.

Перед прокурором Камаловым сидел, кажется, такой же обреченный человек. «От азартных игр исцеления нет и не бывает, любые попытки лечения — напрасные хлопоты», — сказал как-то ему один из крупных московских картежных шулеров.

— Я слушаю вас, — обратился хозяин кабинета к задержанному. Несколько странное начало не смутило связиста.

— А мне нечего сказать вам, все, что знал, сказал. И вряд ли моя исповедь добавит что-либо новое, — ответил Фахрутдинов спокойно.

— И давно вы занимаетесь прослушиванием, часто ли поступают такие заказы?

— Я работаю в Министерстве связи пятнадцать лет, как специалист на хорошем счету, но до сих пор никто не обращался с таким предложением. Я не уверю вас, что не стал бы этим заниматься, просто раньше спроса не было. Хотите верить, хотите нет. — И он пожал плечами.

— И когда же поступил заказ взять под контроль мой телефон и кто проявляет столь пристальный интерес к делам прокуратуры?

— По вашему прокурорскому взгляду я понял, вы сразу догадались, что я — игрок, катала. В картах и причина, как я сейчас понимаю. Потому я свой ответ начну с карт, возможно, это что-то и прояснит для вас. Три месяца назад я неожиданно начал выигрывать, и длилось это довольно-таки долго, пять — шесть недель подряд. Не сказать, чтобы выигрывал крупно, я игрок средний, хотя катаю уже регулярно лет десять. Думаю, в кругах картежников меня знают, до сих пор я за свои проигрыши всегда отвечал, вы ведь знаете, как дорога репутация в нашей среде. Но потом я «попал» раз, другой, и на очень крупные суммы, таких проигрышей я раньше себе никогда не позволял. А тут удачи последнего времени вскружили мне голову, и я все время пытался отыграться, увеличивая и увеличивая ставки. Сегодня мне понятно, выиграть я не имел ни малейшего шанса, против меня действовал выдающийся игрок, ас, да и все мои предыдущие выигрыши тоже кем-то

тщательно организованы. В общем, мне включили «счетчик» и предложили продать дом, доставшийся в наследство от родителей! А куда деваться с семьей, детьми? О том, чтобы набрать требуемую сумму, не могло быть и речи, я даже вслух не мог назвать цифру, она приводила в ужас любого нормального человека.

Тем временем долг неожиданно перевели на другого игрока, я никогда не встречал его в картежных кругах, как, впрочем, и того, кому проиграл, только слышал краем уха, что тот залетный катала из Махачкалы. Впрочем, для меня и любого другого картежника не имеет значения прописка проигравшего или выигравшего — платить надо в срок. Я уже подумывал и о бегах, и о самоубийстве, как вдруг позвонил мне на работу тот новый человек, которому я был должен. Он назначил мне встречу в кооперативном кафе «София», что в парке Победы. Там он и предложил в счет погашения долга поставить на прослушивание один телефон. Я тут же спросил — чей? Он засмеялся и сказал, что в моем положении глупо задавать такие вопросы и какая мне разница — кого прослушивать. Но в тот вечер он так и не сказал, кто его интересуется.

Получив мое согласие, уговорились о встрече на работе. В назначенное время, за час до начала смены, когда в помещении я находился один, пришли двое молодых людей в темных очках, прекрасно знавшие свое дело, и подключились к вашему телефону. Моя задача состояла в том, чтобы, когда позвонят, достать бобину с записью и выйти на автобусную остановку, всегда заполненную людьми. Я должен был держать бобину за спиной и ни в коем случае не оглядываться, когда ее будут забирать.

Так я всякий раз и поступал, не испытывая никакого любопытства оглянуться и узнать в лицо связного, скорее всего, такого же несведущего человека, как и я.

— Ловко, ловко,— прервал прокурор разговорившегося каталу, надеясь на этот раз смутить его.

Но он, словно на отдыхе, ловко перекинул ногу на ногу и, не обращая внимания на колкость прокурора, сказал обескураживающе:

— Знаете, товарищ прокурор, я ведь не сказал бы вам ничего даже в том случае, если бы знал, кто стоит за всем этим.

Теперь наступил черед удивляться хозяину кабинета.

— Не понял. Почему же нужно брать всю ответственность на себя, не проще ли разделить ее с другими? Чистосердечное признание, раскаяние нашим законом принимается во внимание.

Фахрутдинов вдруг вполне искренне засмеялся и сказал:

— Знаете, о вас в Ташкенте много слухов, говорят о вашей принципиальности, неподкупности, хватке. И то, что сели на ваш телефон, подтверждает, что многим власть имущим вы перешли дорогу. Но, поверьте, я не ожидал от вас подобной банальности — «раскаяние, чистосердечное признание, суд примет во внимание...» Вы это всерьез? Вы действительно предлагаете мне все рассказать, раскаться?

— А почему бы и нет,— ответил не совсем уверенно Камалов.

— Знаете, за свое должностное преступление я могу получить от силы три года, хотя, впрочем, сомневаюсь, что сумеете подобрать статью и на этот срок. А если бы я знал, чей заказ выполняю, а это, наверное, люди серьезные, если вступают в борьбу с самим верховным прокурором, и рассказал вам о них, то есть чистосердечно раскаялся, меня ждал бы только один приговор — смерть. Смерть в лагере или после, но все равно смерть. С той минуты, как я бы назвал имена людей, проявляющих к вам интерес, меня бы приговорили, и от наказания, как от включенного счетчика за проигрыш, никуда не уйти — это понятно любому здравомыслящему человеку.

Это у вас, слюняев-юристов, так называемых гуманистов, давно паразитирующих на преступности, а то и состоящих на довольствии у них, да еще и у продажных писак, писателей и журналистов, ищущих дешевой популярности у народа и желающих прослыть на Западе демократами, на уме одно — как бы отменить смертную казнь и всячески улучшить жизнь и быт преступнику, придумать ему лишнюю амнистию и под любым предлогом открыть шире тюремные ворота. А ведь они-то, эти продажные юристы, знают, что в преступном мире всякое отступничество карается смертью и только смертью, и нет там никакой гуманности ни к старому, ни к малому. Теперь-то понятно, почему я не сказал бы, даже если и знал? И еще — не выдав, я ведь в тюрьме буду на особом положении, вы же не станете меня уверять, что владеете ситуацией в местах заключения, потому что знаете, кто там настоящий хозяин. Преступный мир умеет ценить верность, не то что вы, правосудие, ни наказать, ни поощрить толком не можете, сами слюнявые и на слюнявых рассчитываете!

Хотя Фахрутдинов говорил спокойно, взвешенно, прокурор чувствовал, что с ним начинается истерика, и потому нажал под столом кнопку. В кабинет тотчас вошел стоявший за дверью оперативник — и инженера-каталу увели.

После ухода Фахрутдинова прокурор долго расхаживал по кабинету, не отвечая на телефонные звонки, настроение вконец испортилось, и не только оттого, что невидимый и коварный враг ускользнул и на этот раз, не дав заглянуть ему в лицо. Огорчало его другое — в словах задержанного содержалось много истины, и он вспомнил: «ни наказать толком не можете, ни поощрить». Что на это ответить? Если он знал, что есть и восьмикратные, и двенадцатикратные заключенные, за плечами которых убийства и разбой за разбоем, зачем его судить в тринадцатый раз, чтобы он в лагере, наводя страх вокруг, убил очередную безответную жертву и получил срок в четырнадцатый раз по любимой схеме юристов-гуманистов? Может, нужен какой-то порог судимостей в три-четыре раза, а дальше электрический стул, возможно, это остановит вал преступности?

В том, что Фахрутдинов не знал, кто стоит за прослушиванием, прокурор был уверен, не сомневался он и в том, что, выдай инженер своих заказчиков, его ждала бы — смерть, люди, шедшие на такой дерзкий шаг, конечно, жалости не ведали.

Тому, что прокуратуре и лично ему противостоит хорошо организованный, умный и жестокий противник, Камалов получил серьезное подтверждение.

Подводя итог задержанию Фахрутдинова, он понял, что в его положении есть и выигрышные моменты. Арестом на телефонной станции он давал понять противнику, что знает о противостоящих силах, разгадал их маневры. Прокурор понимал, какая нервность, если не паника, царит сейчас в противоположном лагере после задержания связиста-картежника и какие у них возникают вопросы в связи с этим: откуда стало известно Камалову о факте прослушивания телефона, не донес ли кто? Знает ли тот, кто стоит за этим, и какие контрмеры готовится предпринять? В общем, сегодня забот хватало не только у него, но и у его соперников.

Камалов прошелся по просторному кабинету и подошел к окну, выходящему на улицу. Напротив, через дорогу, трое подвыпивших мужчин, усиленно жестикулируя, о чем-то горячо спорили. Осенний ветер пузырил у них на спине пиджаки, и они, словно под парусом, не могли устоять на месте и оттого будто исполняли какой-то ритуальный танец, манерно извиваясь.

— Под парусом и под градусом, — вырвалось вдруг у суховатого, не склонного к каламбурам, хозяина кабинета.

Компания, осенняя улица задержали его взгляд, и чудеса продолжались. Усиливающийся западный влажный ветер трепал не только пиджаки, но и галстуки, широкие, длинные, давно вышедшие из моды. Они, словно цветные змеи, извивались и выползали из разгоряченного зева владельца и жалили собутыльника то в лицо, то в живот, то в грудь. И танец, что они втроем не прерывали ни на минуту, и эти змеи: красная, полосатая и рябая, тоже не унимавшиеся ни на секунду и жалящие непрерывно, и порою даже друг друга, составили вдруг для прокурора ирреальную картину, и он уже видел за ними не людей, а нечто тягостное, липкое, опутывавшее сознание и превращавшееся в некую картину ужасов. У него закружилась голова, и он невольно отпрянул от окна, словно боялся, что сделает шаг за подоконник.

Он расстегнул ворот рубашки, расслабил узел галстука и присел на ближайший стул. Заработался, уже галлюцинации начались, пора бы отдохнуть, выспаться — подумал Камалов, он не пользовался отпуском уже давно, считай, с того дня, как в Кремле появился Юрий Владимирович Андропов, наделивший его еще в Москве особыми полномочиями по борьбе с коррупцией.

Прошло несколько дней, но противник себя никак не проявлял, не обнаруживал. Хотя Москвич, планируя то или иное мероприятие, повсюду расставлял капканы большие и малые, но соперник ловко обходил их.

Неделю спустя после задержания телефониста Камалов готовил в Прокуратуре два важных совещания подряд, и на оба не собирался приглашать Сухроба Ахмедовича, ожидая увидеть его реакцию. Нет, он не мог напрямую подозревать того в организации подслушивания его телефона, для этого тот мало чем располагал. Хотя, взяв его под колпак, обнаружил довольно странные связи для человека такого высокого общественного положения.

Сухроб Ахмедович водил тесную дружбу с неким Шубариным, имевшим по всей республике ряд кооперативных предприятий и вочлавшим огромными суммами. Говорят, в прошлом, в доперестроечное время, он владел подпольными цехами и являлся одним из хозяев теневой экономики в крае. Ныне он свою деятельность легализовал, узаконил, исправно платил налоги в казну и, говорят, был первым из кооператоров, у кого на счету появился вполне законный миллион.

Официальный миллионер испытывал нескрываемую тягу к политике, у него в приятелях числились многие партийные боссы, утверждают, что он прекрасно знал и Шарафа Рашидовича и был

накоротке с самим ханом Акмалем. Поступили данные и о том, что он нередко бывает в респектабельном ресторане «Лидо», где хозяйкой заведения является бывшая танцовщица фольклорного ансамбля — Наргиз, любовница Салима Хашимова из Верховного суда, самого близкого друга Акрамходжаева. По неподтвержденным данным предполагалось, что заведующий Отделом административных органов ЦК имел какой-то финансовый интерес в преуспевающем предприятии.

Два важных совещания подряд, на которые он намеренно не приглашал своего шефа из ЦК, должны были вынудить того, если он действительно замыслил что-то против прокурора, действовать активнее и обозначить себя, но события вдруг повернулись самым неожиданным образом.

На первом совещании во время основного доклада Камалов дважды ощутил, как солнечный зайчик пробежал у него по лицу. В тот день он не придавал ему значения и даже не вспомнил позже, что бы это могло означать? Но случай повторился через день, когда он давал секретные установки отделу по борьбе с организованной преступностью, на этот раз его поразила неожиданная догадка. Как только закончил свою речь, он быстро написал помощнику записку такого содержания: «Пожалуйста, под любым предлогом вызови меня через десять минут в приемную».

Через некоторое время он оказался в собственной приемной. Он тут же набрал номер телефона начальника уголовного розыска республики, полковника Джураева, с ним они уже проводили крупномасштабные операции, и к нему Камалов относился с безграничным доверием, хотя и знал, что за кадры работают в МВД.

Полковник оказался на месте и, узнав прокурора по голосу, сказал:

— Чем обязан, знаю, вы по пустякам не беспокоите.

— Тут такая, на первый взгляд невероятная, ситуация. Я убежден, что на крыше здания напротив сидит человек с биноклем в руках и, читая по губам ход секретного совещания, спокойно записывает его на магнитофон. Вы скажете — мистика, в Прокуратуре посходили с ума?

— Нет. Я так не думаю, на Востоке людей, читающих по губам, немало. Более того, я бы не удивился, зная, какие у вас в производстве дела, если где-то неподалеку увидел автофургон, начиненный японской электроникой, откуда без помех прослушивали ваше со-

вещание. Техническая вооруженность наших противников поражает меня, и я готовлю выставку тех средств, что нам удалось конфисковать, она должна нас заставить подумать о многом. А что касается вашего сообщения, продолжайте свое совещание, не спугните человека на крыше, я выезжаю на задержание сию минуту.

Через час, когда прокурор закончил совещание, полковник Джураев уже дожидался его в приемной.

Камалов тотчас пригласил его к себе.

— Ну как? — нетерпеливо спросил он, теперь уже почему-то сомневаясь в своей догадке.

— Вы оказались правы, да мы сработали не лучшим образом, — ответил полковник с досадой.

— Что, ушел?

— Обижаете, таких промахов мы себе не позволяем. Не убежали.

— При попытке к бегству? — вырвалось у прокурора.

— Все произошло странно и непредсказуемо, боюсь, на этот раз мы вряд ли возьмем чистый след. Слушайте. Через десять минут после вашего звонка я с двумя розыскниками уже поднимался из двух подъездов на крышу. Судя по расположению вашего окна, мы предварительно рассчитали, где должен находиться человек, интересующийся секретами прокуратуры. Мы не ошиблись, он находился там, где и предполагали. Занятый делом, он не заметил, как мы с двух сторон, почти вплотную, подошли к нему, он не делал даже попытки к побегу, только попытался стереть запись, и это ему не удалось, наручники быстро защелкнулись у него на руках. Когда мы вели его к пожарной лестнице, он вдруг споткнулся и упал. Я даже пошутил, что от страха ноги подкосились, но он не отвечал и не вставал. Когда я склонился над ним, увидел на груди, на рубашке, алое пятнышко крови. Пуля попала прямо в сердце, видимо, стрелял человек, страховавший его работу. Мы не слышали выстрела, стрелял профессионал, пользующийся глушителем. При нем было водительское удостоверение, и надеюсь, что нам с минуту на минуту дадут знать, кто он.

— Какая жалость, — искренне вырвалось у Камалова, — у нас набралось столько неотгаданных загадок, и мы могли сегодня получить ответ на многие из них.

— Не огорчайтесь, — успокоил Джураев, — люди, рискнувшие пойти на такой шаг, не остановятся на полпути, у них есть цель, и они обязательно проявятся, нужно быть начеку.

И в этот момент вместе с помощником в кабинет вошел один из розыскников полковника.

— Ну что, выяснили, что это за человек? — спросил охваченный азартом полковник.

Вошедший протянул бумажку, и Джураев прочитал вслух.

— Айдын Бейбулатов, турок-мехетинец, тридцать лет, имел судимость. Еще недавно проживал в знаменитом Аксае и был среди доверенных людей хана Акмаля.

— Аксай? Хан Акмаль? Так вот, оказывается, куда ниточка тянется, — прервал прокурор полковника.

Вслед за бумажкой вошедший протянул Джураеву пулю со словами:

— Эксперты сказали, что стреляли из автоматического оружия новейшей конструкции, судя по необычной пуле, оружие заграничное.

Джураев, рассмотрев пулю, передал ее прокурору.

— Да, тут и на глаз видно, что пуля не наша, — подтвердил Камалов.

Когда помощник с розыскником ушел, повеселевший Джураев сказал:

— Ну, вот и след объявился, а вы горевали. Не ожидали, что снова всплывет хан Акмаль? Поверьте моему опыту, прокурор, даже если вы и десять лет пробудете на этом посту, еще многое прямо или косвенно будет связано с ханом Акмалем, его наследие — вечно.

— И, все-таки, какой безжалостный человек стоит за убийством молодого человека из Аксая, — сказал вдруг прокурор, вновь и вновь анализируя смерть Айдына.

— Пожалуйста, проясните вашу мысль, — встрепенулся неожиданно Джураев.

— Я не вижу смысла в смерти молодого мехетинца. Человек, стоящий за убийством, циничен до предела, для него жизнь человека — копейка. Вот главные черты нашего противника, о котором мы почти ничего не знаем. Но он уже дважды проявил себя, в третий раз, хоть издалека, мы заглянем ему в лицо.

— Я вот о чем подумал, — сказал задумчиво полковник. — Ваши слова о жестокости навели меня на мысль о другом, давнем преступлении. Там тоже соучастник, как и Айдын, честно выполнявший свои обязанности, остался мертвым в двух шагах от свободы. Сейчас мне почудился если не один почерк, то один безжалостный стиль.

— Можно чуть подробнее,— попросил Камалов и включил диктофон на столе.

Джураев показал глазами на чайник, намекая, что разговор предстоит долгий, и начал:

— Это случилось давно, в ту осень, когда умер Рашидов, точнее, на другой день после его смерти, когда еще мало кто знал об этом. И к первой части истории я имею самое непосредственное отношение.

Но тут я должен сделать небольшой экскурс в сторону, иначе вам трудно будет воспринимать историю в целом. В ту пору я имел погоны капитана угрозыска и работал далеко от Ташкента. Областной прокуратурой командовал у нас Амирхан Даутович Азларханов, как и вы, прибывший в наши края из Москвы, в свои тридцать шесть лет он оказался самым молодым в республике на таком высоком посту. Честный, принципиальный, хорошо образованный, ему прочили большое будущее, противники за глаза называли его Реформатор, Терретик. Здесь, в здании Прокуратуры, он не раз выступал с докладами, вызывавшими шумные споры.

Однажды на рассвете у меня дома раздался телефонный звонок — из милиции сообщили, что в самом дальнем районе нашей области убили его жену — Ларису. Она — ученый-искусствовед, занималась прикладным искусством народов Средней Азии, а если точнее, коллекционировала керамику Востока. В своем деле она преуспевала и пользовалась международным авторитетом, издала несколько альбомов по искусству, часто организовывала выставки за рубежом. Убили ее за диковинный фотоаппарат «Полароид», делающий моментальные снимки в цвете. Для меня готов был вертолет, и я тут же отправился на место происшествия. К вечеру мне удалось задержать убийцу. Им оказался сын одного из влиятельных людей в области, чей клан правил тут уже десятки лет.

Во время допроса с Амирханом Даутовичем случился инфаркт, потому что убийца оказался студентом четвертого курса юридического факультета и уже видел себя прокурором. Кстати сказать, он и станет чуть позже прокурором в том районе, где некогда сам совершил убийство. Пока прокурор лежал два месяца в больнице, клан успел повернуть дело по-своему и за решетку отправили другого человека. Вернувшись из больницы и узнав ход дела, Азларханов от бессилия получил второй инфаркт и еще на полгода выбыл из борьбы.

Пока он отсутствовал, в области началась охота за мной, и, если бы я не уехал, на меня обязательно сфабриковали какое-нибудь дело.

Однажды, в отчаянии, я отписал ему письмо в Крым с просьбой помочь переводу в другую область, так я очутился в Ташкенте. Оправившись после двух инфарктов, Азларханов вступил в борьбу с родовым кланом Бекходжаевых, у которых на всех уровнях, и в области, и в столице, есть свои люди. Силы оказались столь неравны, что прокурор лишился всего: должности, дома, партийного билета, доброго имени, его даже помещали в психбольницу. В конце концов ему пришлось покинуть город, где он прожил десять лет, ибо там ему не нашлось работы даже простым юрисконсультантом, клан повсюду перекрыл ему кислород.

Я в Ташкенте с тремя детьми и беременной женой, без квартиры, рядовой работник угрозыска, ничем не мог помочь униженному, оболганному и растоптанному прокурору. На борьбу с кланом у прокурора ушли годы, и через пять лет после смерти жены он оказался в небольшом городке соседней области, который часто фигурирует в уголовных делах под названием Лас-Вегас. Там он устроился юрисконсультантом на небольшом консервном заводике и, кажется, окончательно сломленный, потихоньку доживал свои дни, здоровье его ухудшалось год от года.

Но вот тут-то в его жизни неожиданно происходят крутые перемены. Его нанимают на работу юристом крупные дельцы Лас-Вегаса. И он вновь начинает возвращать себе утраченное общественное положение, появляется на престижных свадьбах, его повсюду приглашают в гости. Когда до меня дошли слухи, что такой убежденный законник сотрудничает с миллионерами-цеховиками, я не поверил. Но потом, после первого шока, подумал — в жизни все бывает, и не дай бог никому пережить то, что досталось на его долю.

В общем, я не стал судить строго, знал, что ему уже мало отпущено времени в жизни, к тому же я любил его. И, как подтвердило время, оказался прав, убежденный в его порядочности и верности закону и правосудию. В день смерти Рашидова, о котором я уже упоминал, у меня на работе раздался звонок, и я узнал взволнованный голос прокурора Азларханова. Он просил ровно через полчаса быть здесь, у здания республиканской Прокуратуры. Он не стал ничего объяснять, но я понял, что случилось что-то важное, неотложное. Я опоздал на встречу минуты на две и даже видел издали, как его преследовал какой-то парень. Амирхан Даутович успел вбежать в вестибюль Прокуратуры, и тут преследователь, видимо, охотившийся за дипломатом в его руках, пристрелил прокурора. Я успел задержать убийцу, но не успел спасти своего друга.

Вот такая вкратце предыстория, а теперь начинается вторая часть, странная до невероятности, возможно, она наведет вас на какую-то мысль, связанную с убийством Айдына.

Тут вошла секретарша с чайником, и хозяин кабинета сам торопливо налил полковнику чай. История представляла интерес для Камалова, и у него появились кое-какие соображения, но полковник, конечно, видевший, какую реакцию вызвал его рассказ, как истинный восточный человек, презиравший торопливость и суету, спокойно выпил пиалу, другую и только потом продолжил:

— Отдай он преследователю дипломат, остался бы жив, но он не смалодушничал и на самом краю жизни. Умирая, все же не разжал рук на груди преступника, держал, что называется, мертвой хваткой. Арестовав преступника, я считал свою миссию выполненной. Дипломат прокурора я передал начальнику следственной части и просил на другой день вручить лично прокурору республики.

Утром, явившись на службу, я остолбенел от сводки, лежавшей у меня на столе. Оказывается, ночью совершили нападение на Прокуратуру, вскрыли сейф и выкрали тот самый дипломат, за который мой друг заплатил жизнью. А во дворе остались два трупа: дежурного милиционера и взломщика по прозвищу Кощей.

Видя, что Камалов сделал какую-то торопливую запись, полковник сказал веско:

— Но и это оказалось не все, одно событие той ночи не вошло в утреннюю сводку МВД. При задержании преследователя я повредил ему позвоночник, и его отвезли в Институт травматологии, чтобы срочно сделать рентгеновские снимки. И ночью преступника похитили из больницы, нам не удалось установить даже его личность. Вот такие события разыгрались накануне грандиозных похорон Шарафа Рашидовича.

В эти же дни в Прокуратуре республики находилось несколько дел по ростовским бандам, орудовавшим в Узбекистане. Орудовавшим особо жестоко, дерзко, цинично, ныне это называется — рэкетом, а, на мой взгляд, — особо тяжким разбоем, а в кармане у того, кто вскрыл сейф, вынес дипломат человеку, страховавшему операцию, оказался билет на Ростов, да и сам Кощей был родом оттуда. И следствие стало разрабатывать ростовскую версию, начисто исключив чьи-то местные интересы. Возможно, кто-то, хорошо знавший практику прокуратуры, ценой жизни человека направил следствие сразу по ложному следу.

— Какого человека? — спросил, уточняя для себя кое-что, Камалов.

— Того, кто вскрыл сейф и доставил дипломат тому, чей заказ он выполнял.

— Да, вы правы, история чем-то похожа на случай с Айдыном, — подтвердил прокурор.

— На мой взгляд, человек, страховавший операцию, а это вполне мог быть сам заказчик, убил охранника Прокуратуры вынужденно, а Кощея — умышленно, чтобы завести следствие в тупик. И мне уже тогда показалось, что этот человек хорошо знает работу правовых органов, оборотень из нашей среды.

— А как двигалось следствие?

— Я специально не интересовался, прокуратура не любит, когда суют нос в ее дела. Насколько я знаю, затратив полтора года на ростовскую версию, следствие запуталось, и дело положили на полку. Оно не шло у меня из головы, потому что касалось моего друга. И только сегодня я почувствовал какую-то параллель между смертью Кощея и убийством Айдына. Напрашивается и еще одна параллель с прошлым убийством: и на сей раз за смертью Айдына стоит человек, хорошо ориентирующийся в делах прокуратуры, ведь не каждый знал о сегодняшнем секретном совещании у вас в кабинете, вы ведь не давали объявления ни по радио, ни по телевидению...

— Верно, я об этом как-то не подумал. Можно даже очертить список лиц, знавших о сегодняшнем совещании у меня.

— Придется поработать и со списком, — твердо сказал полковник, — буду обязан, если вы покажете его и мне. Я ведь многих тут знаю и догадываюсь, что кое-кто из них сидит на двух стульях, да трудно к ним подобраться с высоты моего положения, слишком важные посты они занимают.

— А почему вы не забрали дипломат с собой в МВД? — спросил хозяин кабинета.

— Во-первых, неудобно, Прокуратура все-таки, надзорная инстанция. Во-вторых, унеси я дипломат, пришлось бы доложить о нем руководству, среди которого есть немало людей, проявлявших пристальный интерес к жизни опального прокурора. Не исключено, что в кейсе могли оказаться кое-какие бумаги и на высшее руководство МВД.

Несколько раз входил и выходил помощник, Джураев понял, что у прокурора Камалова появились срочные дела, и он без восточных церемоний быстро откланялся, сказав на прощание:

— Держите меня в курсе дел и всего подозрительного, события набрали ход, и они уже не остановятся.

В приемной у Камалова собралось несколько следователей по особо важным делам из Москвы, и каждому требовалась подпись прокурора на каком-нибудь важном документе, но чаще всего решался вопрос о санкции на арест.

Как только поток посетителей иссяк, прокурор включил диктофон и еще раз прослушал рассказ полковника Джураева. Да, опытный розыскник нащупал явную параллель между двумя убийствами, не смотря на срок давности, тут было над чем поразмыслить.

Рабочий день подходил к концу, и Камалов, спохватившись, позвонил в архив и попросил подготовить к завтрашнему дню дело о давнем налете на Прокуратуру республики.

Он долго расхаживал по просторному кабинету, где часто проводились всякие совещания, и вдруг его озарила такая догадка. Безусловно, к сегодняшней акции приложил руку человек, хорошо знавший о делах в Прокуратуре и даже о секретных заседаниях. Но и в случае давнего налета на следственную часть преступник точно вскрыл сейф, где находился дипломат прокурора Азларханова, не ошибся, хотя у них в распоряжении было всего несколько часов. Значит, навел человек, работающий в этих стенах. Отсюда вытекала и другая мысль — не стоял ли за обоими преступлениями один и тот же человек? С такими выводами покинул Камалов в тот день Прокуратуру, и уверенность в своей правоте крепла в нем час от часу.

На другой день папки с делами по налету на Прокуратуру лежали у него на столе, но ему не удалось притронуться к ним ни в тот день, ни на следующий. Текучка каждодневных неотложных дел не давала ни минуты покоя, хотя, чем бы он ни занимался, помнил: ему важно установить, не стоит ли за смертью Айдына и ростовского уловника по улице Кошей один и тот же человек или одна и та же группа людей.

В конце недели ему все же удалось одолеть бумаги, и стало ясно, почему следствие зашло в тупик, другого исхода не могло и быть, кто-то ловко перевел стрелки на Ростов. Поднял он дела и по ростовским бандам, интересы залетных рэкетиров никаким образом не пересекались с прокурором Азлархановым, и для них вряд ли представлял интерес его кейс с компрометирующими документами. Ростовчан больше всего интересовали деньги, золото, которые они в пытках отбирали у председателей колхозов, директоров хлопкозаводов и мясо-

комбинатов, и в каждом случае чувствовалась твердая рука местных наводчиков.

Камалову становилось ясно, что убийцу Кощея и милиционера следует искать в Ташкенте, понял он и другое: что человек, организовавший налет на Прокуратуру, вряд ли представлял уголовный мир в чистом виде, тут прежде всего возникали интересы должностные, а может, даже политические. Но какие? Это обязательно следовало четко объяснить, ведь в нашем сознании за семьдесят лет укоренилось, что убийство или другое преступление может быть только уголовным. Предстояло не только отыскать убийцу, но и сломать сложившийся стереотип, и не у масс, а прежде всего у своего брата юриста.

Возбуждать новое расследование по давнему делу он не стал, боялся вспугнуть противников. Следовало плотнее заняться смертью Айдына, и в случае удачи он наверняка выходил на одних и тех же людей.

Но не проходило и дня, когда он в свободную минуту не включал бы диктофон с рассказом полковника Джураева, интуитивно чувствовал, что в старом преступлении кроется ключ к сегодняшним событиям. Однажды ему пришла в голову вроде совершенно нелепая мысль — встретиться с вдовой убитого милиционера. Может, она внесет какую-нибудь ясность в давние события? Не насторожило ли ее что-нибудь в смерти мужа? Идея была так себе, как говорили в студенческие годы, на «троечку», но она не покидала его целую неделю, и он, как-то особо не раздумывая, поехал к вдове домой.

Неопрятная, помятая жизнью старуха, видимо, довольно-таки часто прикладываясь к бутылке, встретила его, мягко говоря, недружелюбно. Впрочем, на теплую встречу он не рассчитывал, потому что узнал, что за эти годы из Прокуратуры никто ее не проводывал, не интересовался ее жизнью, хотя муж прослужил у них на вахте почти десять лет и, что ни говори, погиб на боевом посту, таковы уж традиции нашей великой страны, нет внимания ни к живым, ни к мертвым.

В грязной неприбранной комнате на столе стояла пустая бутылка из-под портвейна, и старуха, видимо, жаждала опохмелиться, и ничто другое, казалось, ее в жизни не интересовало. На вопросы, которые прокурор Камалов готовил долго и тщательно, отвечала односложно: «не знаю», «не помню», «давно это было». Камалов уже собирался уходить, проклиная себя за «мудрое» решение, как вдруг в комнату вбежал мальчишка, школьник с ранцем за плечами, видимо, он жил где-то неподалеку.

— Сухроб, внучек, — кинулась вдруг старушка навстречу.

Судя по ее реакции, он давно уже здесь не был. Обняв внука, помогла ему снять ранец и, проходя мимо стола, ловко убрала пустую бутылку, и вся она как-то сразу преобразилась, стала мягче, добрее, появился интерес к жизни.

Незванный гость молча, не попрощавшись, двинулся к двери, когда старуха вдруг сказала вдогонку — и он вынужден был остановиться.

— Я вот такое вспомнила, может, сгодится. Когда меня привезли в больницу, муж был еще живой и в памяти, только очень слабый, жизнь из него уходила на глазах. Он все время шептал, глядя на меня: «Сухроб, Сухроб...» Так зовут нашего внука. Дед очень любил его. Я поняла так, что он хочет увидеть его в последний раз, попрощаться. Дали машину, и его тотчас привезли, а он глядит мимо внука и все твердит себе: «Сухроб, Сухроб...» Мы подумали, что он уже бредит, а через полчаса бедняжка уже отмучился.

Прокурор машинально выслушал старушку, поблагодарил ее и с облегчением покинул комнату, где он явно был лишний. Всю дорогу от пригородного поселка Келес до Прокуратуры, а это путь немалый, он жалел о потерянном времени и испытывал какой-то внутренний дискомфорт от встречи с вдовой милиционера, которого никогда не видел, но испытывал личную вину за их судьбу, за их бедность и неустроенность.

Поднимаясь к себе на четвертый этаж, как обычно без лифта, он вспомнил мальчишку, симпатичного, смышленного, и подумал, какое у него красивое имя — Сухроб, и с удовольствием повторил его несколько раз. И вдруг на пороге собственной приемной его пронзила такая неожиданная мысль, что он, не замечая никого, буквально вбежал в кабинет и бросился к телефону.

Набрав номер полковника Джураева, расслабил узел галстука. Даже забыв поздороваться, он спросил прямо в лоб, не по-восточному:

— Скажите, пожалуйста, не видели ли вы в тот день в Прокуратуре Сухроба Ахмедовича Акрамходжаева?

Полковник Джураев, не понимая, почему прокурор взволнован из-за такого пустяка, ответил спокойно, не раздумывая:

— Да, я хорошо помню тот день. Сенатор тогда был всего лишь одним из районных прокуроров Ташкента, кстати, самого неблагополучного. Он стоял у колонны на втором этаже бледный, расстроенный. Я подумал, что он чрезвычайно подавлен оттого, что ранее знал

Амирхана Даутовича, или оттого, что понял, какой рискованной работой занят, и что может ждать его в определенных обстоятельствах.

— Скажите, а он мог видеть, куда определили дипломат?

— Да, конечно. Я открыто передал кейс начальнику следственной части, а его кабинет находится на втором этаже, так что мимо Акрамходжаева и пронесли, он долго стоял там у колонны. Я хорошо помню его растерянное лицо.

— Это уже интересно... — закончил вдруг прокурор Камалов туманно, и разговор оборвался, потому что он буквально задыхался от волнения. Впервые он получил хотя бы косвенную улику на Сенатора, более того, интуиция, которой он часто доверял, подсказывала, что он напал на верный след.

Часть V Лицензия на отстрел

Душевный разлад Японца. Налет на квартиру майора ОБХСС.

Признания налетчика прокурору республики. Наручники для человека из Верховного суда. Арест Первого секретаря ЦК.

Миллион за жизнь прокурора. Смерть в собственной засаде.

Автокатастрофа по заказу из тюрьмы.

СШубариным в последнее время происходило что-то странное. Всегда собранный, волевой, постоянно заряженный на борьбу, он переживал какой-то непонятный внутренний кризис. Впрочем, внешне вряд ли кому это казалось заметным, кроме жены и Коста, с которым Шубарин после смерти Ашота сблизился, и не только потому, что тот стал его телохранителем.

Коста, не сумевший вписаться в нормальное общество, обладал поразительной щепетильностью в деньгах и делах, ему можно было поручать любые суммы, любые финансовые тайны, он знал, что верность,

принципиальность — его главный капитал, на том и держался. Вот почему после смерти Ашота Коста стал его доверенным человеком.

С легализацией индивидуальной трудовой деятельности центр интересов Шубарина из Лас-Вегаса переместился в Ташкент, и местная промышленность, державшаяся на его энтузиазме и хватке, там быстро захирела.

Даже система «айсберг», некогда разработанная им и доведенная до совершенства его мозговым трестом, дававшая, как казалось ее создателям, баснословные доходы, не шла ни в какое сравнение с теми, поистине фантастическими, сумасшедшими прибылями, что открылись с кооперативными возможностями.

Коста обратил внимание на душевный разлад шефа, потому что тот день ото дня перепоручал ему такие дела, о которых он еще полгода назад и предположить не мог. Теперь уже Коста метался как белка в колесе, хотя шеф, конечно, не прохладился на кортах и в саунах, он просто-напросто на глазах терял интерес к делу. Правда, выручал хозяина компьютер, умная машина держала в памяти всю вновь созданную структуру кооперативных, индивидуальных и арендных предприятий, и нажатием кнопки он получал любую информацию. С такой техникой можно было позволить себе расслабиться время от времени.

Кончились и богатые застолья, которые он так любил в Лас-Вегасе, хотя к его услугам сегодня был собственный ресторан: Коста подозревал, что с нынешними компаньонами он вряд ли ощущал сердечную близость. Иногда Коста думал — может, гибель Ашота, беспредел, царящий вокруг, испугали шефа?

Но, уничтожив банду Лютого, они тут же перестроили структуру безопасности, и на ее организацию выделили столько денег, сколько запросил Карен. И сегодня под началом Карена оказались лучшие боевики столицы. Коста пришлось даже оборудовать для них два спортивных зала в подвалах «Лидо», где они проводили в занятиях целые дни.

Артур Александрович редко ходил с пистолетом, хотя по настоянию Карена его машину буквально нашпиговали оружием, переоборудовали и саму «Волгу». Через гараж ЦК разжились пуленепробиваемыми стеклами с бывшей машины самого Рашидова, а заводские умельцы бронировали дверцы, хотя Шубарин и не настаивал на такой безопасности. Нет, страха он, конечно, не испытывал, тут было что-то другое, непонятное Коста.

Последнее время Шубарин часто пропадал в доме Якова Наумовича Гольдберга, человека, ведавшего овчинно-шубным производством, поговаривали, что у скорняка одна из лучших частных библиотек в Ташкенте. Знал Коста, что прошлогодний визит в Америку Шубарин нанес по вызову родственников Гольдберга, ведал и о том, что полгода назад Яков Наумович подал прошение о выезде в США и сейчас активно готовился к отъезду. Однажды Коста подумал: может, шеф решил эмигрировать за океан и оттого охладел к делам? Как-то, обедая вдвоем с Шубариным в чайхане, Коста прямо спросил об этом. Хозяин не обиделся на вопрос и ответил ему как несмышленишу.

— Да, сейчас можно эмигрировать куда хочешь, и многие, с кем я был связан делами в последние пятнадцать лет, уже уехали в Бельгию, Данию, Голландию, Западную Германию, Италию, Францию, Израиль и, конечно, в США, и отовсюду мне могут прислать вызов, только попроси. Кстати, в большинстве из этих стран я бывал и ясно представляю себе их жизнь, и вполне вижу свое место там в деловом мире. Но, дорогой Коста, есть вещи необъяснимые, одна из них — русская душа, русскому человеку противопоказана чужбина, нашей душе нужно нечто большее, чем богатство, положение, комфортная жизнь. Поэтому ни о какой Америке не может быть и речи. Хотя тамошние друзья, мне очень многим обязанные, разработали уже не один проект совместного со мной предприятия. Через них я без особых потерь могу перевести свои капиталы на Запад и, только ступив на ту землю, могу иметь на счету десятки миллионов, а с такой суммой можно и там развернуться. Но для этого мне пришлось бы обворовать Отечество как следует, под видом всяких отходов, неликвидов, металлолома, вывезти через Прибалтику, где в портах есть свои люди, стратегически важные материалы и сырье, разумеется, потратив на взятки и подкуп должностных лиц не один миллион. Все это реально, осуществимо и, к сожалению, делается каждый день и, насколько я знаю, через дальневосточные порты. Но такой путь не по мне.

— Свой контакт с Западом я вижу иначе, — я должен учиться современным хозяйственным отношениям, как принято во всем мире, например: банковскому делу. Я сейчас приглядываюсь: чья система более подходяща для нас, ведь в каждой стране своя система финансов, есть свои нюансы. Для меня важна и сама страна, ее люди, как они относятся к России, и что их связывает — и не только ее преуспевающая банковская система. Могу сказать сразу — Америка

отпадает, и не потому, что там нечему учиться,— у нас с ними нет никаких общих корней. Другое дело Европа, с которой у нас общая история и даже кровное родство, она нам ближе и физически, и духовно, чем США. Возможно, ты скажешь, что и мы зачастую не в ладах с законом. Да, так. Но мы не разваливаем государство и не вывозим его сырьевые богатства и ценности за кордон, к дяде, а это, на мой взгляд, существенная разница.

Похоже, Шубарин с перестройкой связывал слишком большие надежды, поверил в нее безоговорочно, и сейчас, видя вокруг разгул стихии и анархии, еще больший упадок и развал экономики, чем во времена пресловутого застоя, испытывал разочарование.

А какой беспредел, разгул преступности царил вокруг! Он пугал даже такого бывалого человека, как Японец. Особенно стремительно росла и принимала изощренные формы преступность в самой Москве, где, казалось бы, есть силы и средства для борьбы с ней, да и правительство и законодатели все живут в столице, отчего же они не видят, или не хотят видеть, что творится повсюду в Белокаменной, что называется, у самых стен Кремля?! Ссылаются на Нью-Йорк и Чикаго, где, мол, вроде бы еще страшнее жить, чем в Москве, но от этого советскому человеку не легче.

Душевный разлад Шубарина беспокоил Коста, он советовал шефу уехать куда-нибудь месяца на два отдохнуть, развеяться, на что тот грустно отвечал:

— От себя никуда не убежишь, и от мыслей никуда не денешься, а потом — куда податься, всю страну лихорадит, от края и до края, везде льется кровь, если не на межнациональной почве, так на уголовной.

Он помнил ростовскую банду, прибывшую по его душу, видел у них план своего дома, они признались, какие пытки ждали его и его семью. Чтобы выжить, средство одно — быть сильнее противника. Когда-то, чтобы выстроить свой айсберг, он одолел не только экономику, право, банковское дело, пришлось освоить и науку насилия, и тут он превзошел всех, оказался не по зубам даже ростовским бандитам. Никогда в жизни он не мечтал наводить на людей страх, иметь над ними власть,— единственно, чего он добивался, хотел реализовать в себе талант хозяина.

Конечно, нашлись бы люди, осудившие его за самосуд над ростовской бандой, на совести которой двадцать одно убийство на пятерых, в том числе — три как раз накануне визита к нему.

Он заставил каждого из уголовников в отдельности рассказать о похождениях банды и записал леденящие душу истории на видеомагнитофон.

Его бы никто не убедил, что насилие можно одолеть, искоренить воспитанием, убеждением, он знал, что бандит признает одно — силу. И как он обрадовался, прочитав «Очерки о преступности» Варлама Шаламова, документ, который следовало бы изучать во всех юридических вузах страны. Взгляды Артура Александровича на преступность, ее идеологию совпадали полностью с взглядами известного поэта.

Наверное, за двадцать пять лет, проведенных среди уголовников, Шаламов знал их природу и нравы лучше, чем кабинетные законодатели, день ото дня гуманизирующие наши законы в пользу преступников.

Когда-то Амирхан Даутович, опальный прокурор, которого он пригласил в Лас-Вегасе, да и все окружение его были убеждены, что в смерти прокурора Анвара Бекходжаева, убившего Ларису Павловну, повинен он, Шубарин. Да, он отчасти приложил к этому делу руку, но прокурора Бекходжаева уже давно приговорили к смерти другие, не менее серьезные люди, и все решал лишь вопрос времени, недель позже, недель раньше, он лишь предоставил возможность сделать тому, кто более всего был заинтересован в мести, — человеку, отбывшему срок за убийство, совершенное Анваром Бекходжаевым. Он просто приурочил смерть прокурора-убийцы ко дню гибели жены своего друга, и клан Бекходжаевых не мог не понять зловещего совпадения.

За все подлое должно последовать возмездие — тоже один из жизненных принципов Шубарина. Он понимал, что справедливость может утверждать только сильный, он не хотел умозрительных побед, внутреннего удовлетворения, как прагматик ценил реальное ее торжество. Смертью прокурора Бекходжаева Шубарин напоминал клану также о давней несправедливости, когда у него самого отняли дело и все эти годы нещадно эксплуатировали чужую курочку, несущую золотые яйца. Нет, он жалел не о потерянных деньгах, он не мог пережить унижения и несправедливости и, когда настал его час, предъявил им счет. Бывший компаньон Бекходжаевых Коста отнес старые векселя и предъявил ультиматум своего нового хозяина: если деньги не будут возвращены в указанный срок, следует подготовиться к очередным похоронам.

Он получил свою законную долю, за эти годы оцененную в миллион семьсот тысяч рублей,— Бекходжаевы передали через Коста требуемую сумму, ибо, как и всякие преступники, они понимали только силу. Шубарин радовался не деньгам, а тому, что сумел поставить зажавшийся клан на место.

Он всегда хотел быть свободным, а новая экономическая политика вроде открывала ему для этого зеленую улицу — дерзай, умножай богатство, выходи на внешние рынки, только исправно плати налоги.

Но итоги первых лет кооперации с ее фантастическими прибылями, как ни странно, не обрадовали, а насторожили его, ибо он знал законы экономики. Воспользовавшись пустыми прилавками государственных магазинов, кооперативы так взвинтили цены, что они стали не по карману многим слоям населения, и народ в Ашхабаде, Новом Узене, Гурьеве, да и во многих других городах России, выразил свое отношение к ним погромами. Но беда никому не послужила предостережением, хотя он и пытался как-то скоординировать действия кооператоров в республике, но никто никого не хотел слушать, все жили одним днем — хапнуть сегодня, а завтра хоть трава не расти.

Тот, кто соприкоснулся с кооперативами, знал, что с первых шагов они оказались под жестким контролем уголовников. И каким бы выгодным делом ни оказалось шить сапоги за двести пятьдесят рублей или тряпичные брюки за сто, преступный мир никогда не удовлетворится доходами, попытается и тут найти незаконные способы добычи денег. Поскольку идеологи уголовного мира, его стратеги и мозговой штаб во много крат изощреннее служащих государственного аппарата (а Шубарин, зная и тех, и других, не сомневался в огромных преимуществах первых), то они быстро нашли способы, не производя ничего, только имея расчетный счет, перекачивать безналичные средства государственных предприятий и превращать их в живые деньги. А ведь страна и без того перенасыщена обесцененными деньгами. А купленные на деньги кооператоров экономисты и журналисты пишут в газетах, что в избытке денег виноваты рабочие и служащие, что им повсюду повысили зарплату. Всю жизнь имевший дела с финансами Шубарин даже представить не мог, что можно так беззастенчиво, ничего не производя, грабить страну и сознательно подвигать ее к финансовому краху.

Видимо, прав бандит Беспалый, который всякий раз в застолье предлагает тост за отцов новой кооперации, за Горбачева и ликующе говорит при этом:

— Наше, брат, время пришло, наше...

Раньше, как и многие граждане, отчужденные от власти и от собственности, он тоже отделял себя от государства, не чувствовал с ним близости, родства, что ли, и не был в этом оригинален, такое происходило со многими. Но многомиллионные аферы, сулившие его московским коллегам и высокопоставленным чиновникам-казнокрадам из военных и гражданских ведомств сотни тысяч долларов на зарубежных счетах, заставили его по-иному взглянуть на Отечество. И в эти не совсем радостные для страны дни с ним произошло неожиданное — он почувствовал, что новые дельцы грабят страну и его самого.

Примеров подрыва финансовой системы государства оказалось так много, что он стал их записывать, систематизировать.

Он, как и все, с надеждой наблюдал за Первым Съездом народных депутатов, было что-то обнадеживающее в его жарких дебатах. И он однажды подумал, что следует вручить свои записи кому-нибудь из депутатов, ведь все, чего ни коснись, упиралось в экономику, в инфляцию, в поиски денег: для пенсионеров, инвалидов, искалеченных войной «афганцев», жертв Чернобыля, землетрясений, аварий на шахтах и газопроводах, беженцев, для сирот. А тут миллионы уходили за кордон, усугубляя и без того критическое положение.

Артур Александрович стал внимательно присматриваться к депутатам, прислушиваться к их речам — кому из них можно было бы вручить свои исследования и подробно рассказать обо всем, что творится с финансами. Но вскоре мучившая идея отпала сама собой. Стали собирать деньги, и немалые, с предпринимателей на поддержку и всяческую рекламу мнимых успехов кооператоров в средствах массовой информации и через депутатский корпус.

И долго не дававшее ему покоя желание кому-то поведать свои тревоги-печали разрешилось самым неожиданным образом. Узнав, что в своем саду застрелился Ачил Садыкович, Шубарин еще раз почувствовал твердую руку Камалова и понял, что прокурор не остановится ни перед кем ради торжества закона и справедливости. И тогда он воскликнул мысленно: «Вот же он, мой депутат, вот человек, который не останется равнодушным к моим сообщениям!»

Шубарин понимал, что наша экономика не вынесет такого количества аферистов, откровенно грабящих страну.

Его, дельца, сложившегося в годы твердой государственной руки, по-человечески возмущали нувориши, делавшие состояние

из воздуха. Он называл их про себя «математиками», деньги они делали путем сложных бумажных операций, не производя материальных ценностей. Раньше левые деньги ковались одним способом — производя неучтенную продукцию: мебель, ковры, одежду, вино, коньяк — вплоть до ювелирных изделий. «Математики», на взгляд Шубарина, представляли для Отечества крайнюю опасность, и он без сожаления решил сдать их правосудию.

Вначале он собирался просто отправить две объемистые папки без комментариев, прокурор догадался бы, что к чему. Потом он все-таки решил, что следует написать к ним хоть какое-то пояснение. И начиналось оно так:

Уважаемый Хуриид Азизович!

Этот текст, направленный в Прокуратуру и адресованный лично Вам, поначалу может показаться странным и даже невероятным. Не удивляйтесь, в нашем обществе сейчас много непривычного и непонятного, идет размежевание сил, интересов. Сведения, которыми Вы станете располагать, могут натолкнуть Вас на мысль — вот наш человек в стане экономических диверсантов, не обольщайтесь, — я не ваш человек. Проанализировав то, что я Вам сообщу, Вы поймете, что и в деловом человеке (которого наши же законы заставили ловчить, хитрить) есть определенный порог нравственности, переступая который трудно считать себя порядочным гражданином. Есть моменты истории, когда чрезвычайно важно соотношение личных и государственных интересов — сегодня как раз такое время, Отечество в опасности. И я вполне сознательно предаю интересы своего клана и хочу перекрыть пути, ведущие к финансовому краху державы. И еще, письмо адресовано не Прокуратуре как таковой, а Вам, не зная я Ваших личных качеств, вряд ли появилось желание поделиться подобными тайнами, ибо цена каждой строки этой информации — жизнь, в большой игре не щадят ни своих, ни чужих. Отступничество, ренегатство карается особенно жестоко. Возможно, на путях той борьбы, что вы затеяли в республике, когда-то наши дороги и пересекутся, и может, тогда у нас появится возможность поговорить подробно, а сейчас время торопит.

Дальше Шубарин переходил к конкретным фактам и, наверное, чтобы ошеломить, сразу сообщил, что в Стройбанке республики от-

дел кредитов и ссуд возглавил человек с подложными документами, его цель — выдать под заманчивые проекты, которые никогда не будут реализованы, крупные кредиты. Когда огромная сумма поступит на счета предприятий, намеренных якобы преобразовать край, дельцы в один день покинут пределы края.

Обращал Японец внимание и на работу других конкретных банков республики, в которых за четко определенный процент с суммы смотрели сквозь пальцы на перекачку средств предприятий на счета кооператоров.

Приводил Шубарин и подробный список лжекооперативов, не производящих ничего и занимающихся только переводом безналичных денег предприятий в наличные на взаимовыгодных условиях.

Упоминал он и о кооперативах, организованных при предприятиях, эти-то наносили особенно большой ущерб государству, обескровливая основные производства.

Не пощадил он и алчных инспекторов банка, они за мзду закрывали глаза на любые нарушения и даже, опять же за взятку, консультировали, как обойти банковский контроль.

Указал особо процветающие кооперативы, выполняющие работы на договорных началах для предприятий, где объемы работ завышались в десятки раз, а заказчик за оплату невыполненных работ получал свою долю у его хозяев — откат.

Он писал, что масштабы финансовой диверсии ныне таковы, что угрожают самой безопасности страны, и в этом плане им следует уделять столько же внимания, как охране государственных секретов и оборонных тайн. Предлагал незамедлительно присмотреться к кадрам, особенно на союзном уровне, ведающим проблемами снабжения страны и внешнеторговыми связями, банковскими делами, включая и валютные сделки, и называл организации и банки в Москве и по всей стране, где новоявленные советские предприниматели чувствуют себя чересчур вольготно.

И заканчивал он уже совсем сенсационными фактами, о совместных предприятиях и кооперативах, получивших выход за рубеж. Чтобы прокурор Камалов не вычислил легко автора письма, он не говорил, что сам получил десятки предложений о создании таких организаций с западными партнерами от своих московских друзей.

В письме к прокурору Камалову он ходил только с козырных карт.

Сообщал он и о портах в Прибалтике и на Дальнем Востоке, где уже не однажды опробовали маршрут, отправляя под видом произ-

водственных отходов и металлолома трубы, прокат, особо легированную сталь и цветные металлы.

Московские дельцы похвалялись, что в этих портах для них открыта зеленая улица.

Анонимный автор обращал внимание прокурора Камалова на то, что предприниматели из Москвы, с Кавказа, из Прибалтики и из-за рубежа проявляют глубокий интерес к продукции Алмалыкского свинцово-цинкового комбината и медно-обогащительной фабрики, к изделиям Чирчикского завода жаропрочных и тугоплавких металлов, и особенно к таджикскому алюминию. А в самое последнее время, в связи с близостью афганской границы и нестабильностью в регионе, стали активно искать подходы и к урану.

Подчеркивалось, что выход на зарубежный рынок наших предприятий, особенно государственных, должен обязательно обеспечиваться квалифицированной юридической защитой, ибо осваивать советский рынок кинулись многие авантюристы. И на Западе, что ни день, создаются фирмы с пышными названиями и пустыми счетами, в которых доминируют бывшие советские граждане. Фирмы-однодневки, заведомо рассчитывая на нашу нерасторопность, необязательность и полное пренебрежение к юридической ответственности, порою затевают контракты, чтобы только сорвать крупную неустойку. Если пустить внешнеторговые дела на самотек, нашему государству не только не заработать валюту, а еще придется отдавать последние остатки золотого запаса. Запад свое урвет.

Напоследок был указан путь, куда в последнее время кинулись предприниматели, где они нашли для себя Клондайк, и предсказывал, что в будущем каждое третье уголовное дело будет связано с хищением из армейских складов и баз. Деньги дельцов уже сильно подкосили моральные устои генералов и адмиралов, и путь тут напрашивался один — быстрее снять покровы тайн с армии.

Отправив пакет прокурору Камалову, Шубарин словно камень снял с души, и настроение у него переменилось, он с прежней энергией взялся за дела. Уже через две недели Артур Александрович понял, что своим коварным письмом крепко прополосал ряды лжепредпринимателей и аферистов не только в Ташкенте и в республике, но даже в Москве. Прошедшие аресты по его письму наводили на мысль, что Камалов поставил в известность Москву, и к работе подключились специалисты из КГБ, ведь, по сути, в послании шла речь об экономической диверсии против страны, брали таких людей, на которых

милиция и глянуть боялась. И тут он понял, что ему не следует поддерживать ни Сенатора, ни Миршаба в охоте за прокурором, в конечном счете к свободному и правовому государству вели такие люди, как Камалов. И в случае реальной угрозы жизни прокурора, человека из ЦК и из Верховного суда следовало сдать властям. Результат по анонимному письму окрылил Шубарина, он почувствовал, что может влиять на ситуацию в стране.

Артем Парсегян, по кличке Беспалый, тот самый, что в любом застолье поднимал тост за здоровье Горбачева, а захмелев, орал на весь стол: «Наше время пришло, наше...» — действительно имел все основания радоваться перестройке, ибо наконец-то стал хозяином, имел собственное дело. Человек, способный в технике и знавший в ней толк, он быстро раскусил, какое это выгодное дело — игровые автоматы!

Он бы никогда не догадался, что на детских играх можно зарабатывать колоссальные деньги, если бы его однажды как специалиста не пригласили посмотреть какой-то очень дорогой забарахливший автомат. Провозился он часа три, но автомат отладил, и, когда хозяин автомата дал ему за работу двести долларов, он сразу без чьей-либо подсказки понял — вот оно, настоящее дело, и в глаза не бросается, и деньги текут рекой. Но одного желанья стать хозяином игорного бизнеса мало, нужно иметь деньги, нужно достать игровые автоматы: итальянские, западногерманские, а лучше всего американские, которые привлекают и взрослых и более надежны в работе.

Когда он начал потихоньку наводить справки об их стоимости, то понял, что своими деньгами, даже если и продаст автоматы с газводой, не обойтись. И тогда он обратился к Сенатору с просьбой занять ему тысяч сто, года на два, и даже проценты обещал платить, но тот вначале ему отказал. Но однажды, через полгода, он позвонил ему сам и, спросив, нужны ли ему по-прежнему деньги, просил приехать домой — и без всяких разговоров вручил в коробке из-под женских сапог сто тысяч. Судя по тому, как он легко отдал и даже спросил, не нужно ли еще, Беспалый понял, что Сенатор где-то разжился миллионами.

Отдавая деньги, Сенатор отказался от процентов и спросил, на что ему понадобилась такая сумма, и Беспалый рассказал о своей

мечте. Прокурор поначалу долго смеялся, не понимая затеи стареющего уголовника, но потом вполне серьезно сказал, что поможет ему с помещениями и с любыми организационными сложностями. И он действительно помог Парсегяну во многом, видимо, считал, что Беспалый может еще не раз пригодиться.

Ни во что в жизни Беспалый не вложил столько энергии и силы, как в организацию собственного игорного дела. Получив от человека из ЦК существенную финансовую и организационную помощь, он быстро открыл первый зал, а спустя два месяца — еще один, на автовокзале, и дела сразу пошли на лад. Правда, какие-то несмышлениши, корейцы с Куйлюка, попытались обложить его «налогом», но Беспалый тут же связался с Кареном, у которого под рукой находилась чуть ли не рота, показал свою мощь, и рэкетеры обходили владения Парсегяна за версту.

Через год, в Москве, Артур Александрович вывел Парсегяна на одного из организаторов международных технических выставок, и ему удалось заполучить одновременно двадцать игровых автоматов, которых еще не видали в Ташкенте. Чтобы выкупить такое количество автоматов сразу, пришлось продать прежнюю технику в Самарканд, сделка с бухарскими евреями оказалась столь выгодной, что ему не пришлось в Москве доплачивать ни копейки.

Новые игральные автоматы он не стал дробить по частям, снял трехзальное помещение в людном месте, где и разместил их по степени сложности. В первый же год работы новые аппараты позволили ему рассчитаться с долгами, и он собирался теперь лет десять пожинать плоды от эксплуатации новейшей японской и американской техники. В залах игровых автоматов Парсегяна заправляли его жена и сын, время от времени помогал племянник, а в дни особого наплыва людей вызывали на подмогу и другую родню, сам он бывал в своем владении лишь наездами, стоять у аппаратов или у разменной кассы считал для себя делом оскорбительным.

Разбогатевав, Беспалый стал вести солидный образ жизни, ежедневно обедал в ресторане «Узбекистан», где днем собирались многие деловые люди, вечерами частенько заезжал в «Ереван», чтобы быть в курсе всех событий в столице, праздники, конечно, отмечал в «Лидо», где его появление в зале оркестр встречал любимой армянской песней «Крунк» («Журавль»). Ездил в новой белой «Волге» с форсированным мотором, отдавал предпочтение светлым костюмам в любое время года, и трудно было предста-

вить, что этот человек еще недавно ходил в робе слесаря и с вечными ссадинами на руках.

Впрочем, и сам Артем Парсемян думал, что с прошлым покончено навсегда, несколько раз приходили к нему лихие люди, знавшие его прошлое ремесло, и делали заманчивые предложения, но он разводил могучими руками в тяжелых перстнях с бриллиантами и говорил искренне, с обвораживающей улыбкой: «Завязал, ребята, не обессудьте!» И, глядя на него, становилось понятным, зачем человеку рисковать, когда он имеет свое дело.

Но однажды удача отвернулась от Парсемяна. Слякотной декабрьской ночью, когда в городе всюю шли приготовления к встрече Нового года, а кое-где уже шумно провожали год уходящий, какие-то злоумышленники проникли через крышу в заведение Беспалого и вывезли все двадцать игральных аппаратов, которые новизной вызывали зависть у многих коллег, занимавшихся подобным бизнесом. Конечно, к поиску грабителей подключились многие, и даже милиция по просьбе Сенатора рьяно кинулась с собаками искать похитителей, но действовали, вероятно, профессионалы, и ни люди, ни собаки след взять не смогли. Через три дня Беспалый устало сказал:

— Бесплезно искать, сейчас мои аппараты приближаются к красноводскому парому и завтра будут уже в Баку, или они уже сегодня монтируются в Алма-Ате или Ашхабаде.

За последний год такие аппараты, как у него, появились и в других городах, и это лишало его надежд на удачу. Беспалый с горя запил, мотался по катранам, по воровским сходкам, обещал тому, кто выведет на след грабителей, крупное денежное вознаграждение, но удача, казалось, навсегда отвернулась от него.

Ранней весной, когда он спозаранку приехал похмелиться на Чигатай, за его столик подсели двое молодых людей и сказали без обиняков:

— Кончай, Беспалый, дурака валять, что с возу упало, то пропало. Есть два дела, и нам нужен компаньон, такой, как ты, и с инструментом, выпадет удача, заведешь себе снова свои игрушки.

Беспалый внимательно посмотрел на молодых людей, так откровенно предлагающих вступить в дело, и спросил:

— Почему вы решили, что именно я гожусь вам в компанию?

Тот, что постарше, с новомодной наколкой на правой руке, судя по всему, недавно освободившийся или попавший под амнистию 1987 года, называемую в уголовной среде горбачевской, сказал:

— Ну, во-первых, рекомендовали тебя авторитетные люди, во-вторых, нам нужен человек с машиной, и, в-третьих, ты имеешь инструмент и золотые руки, и в нашей операции тебе отводится главная роль...

Беспальный и без объяснения понял, что придется вскрывать сейф.

А второй, чуть помоложе, но тоже, видимо, парень бывалый, кореец, добавил:

— Мы за тобой, Артем, неделю ходим, видим — без дела пропадешь. Не рви себе душу, поднимешься еще, не тот ты человек, чтобы согнуться при неудаче, хотя и кинули тебя, говорят, прилично, тысяч на триста.

— Все вложил в дело до копейки, только обновил зал, думал, до старости обеспечил себя и детей куском хлеба. — Парсегяна от волнения аж затрясло, он никак не мог смириться с тем, что произошло.

Кореец ловко достал откуда-то из-за спины бутылку коньяка и сказал:

— Если согласен, распиваем бутылку за удачу и расходимся. Два дня не пить, привести себя в форму, сауна, бассейн... А мы за это время уточним детали и заедем за тобой перед самой операцией. Ну, как?

Беспальный, оглядев еще раз незнакомых молодых людей, согласен кивнул.

Два дня Парсегян готовился к операции, привел в порядок машину, достал инструмент, к которому уже давно не прикасался, трижды посетил сауну на Лабзаке и за все это время не выпил ни капли спиртного, дома наконец-то вздохнули свободно. Он поверил в то, что поднимется, и если операция окажется удачной, он попросит Артура Александровича еще раз помочь с автоматами и снова откроет свой салон, но теперь-то он примет все меры безопасности и, прежде всего, застрахует имущество, как предлагали ему уже не однажды. Так, в хлопотах, волнениях, прошли дни, и вечером в условленное время у калитки раздался звонок.

Точность подельщиков обрадовала Беспалого, он терпеть не мог безалаберных людей. Выведя машину из гаража, он хотел отлучиться за инструментом, хранившимся в домашней мастерской, но старший, назвавшийся при встрече Варламом, сказал:

— Не нужно. Сегодня инструмент не понадобится. — И ввел его в курс дела.

Оказывается, новая подруга Олега, подельщика-корейца, Настя, тоже кореянка, работающая в универсаме, попала на кон-

трольной покупке какому-то обэхаэснику, и тот заставил ее вступить в любовную связь, и вынужденный роман продолжался уже полгода. Так вот, Настенька, у которой сегодня роман и с Олегом, как-то призналась, какой у нее богатый поклонник, какие он делает ей подарки и какие ценности, какие суммы держит в доме. Все это Настенька сказала без умысла, ибо не знала основного рода деятельности Олега, представившегося ей рядовым инженером.

Варлам сказал, что они навели подробные справки о состоятельном ухажере, и тот действительно оказался весьма богатым человеком, пользуясь покровительством свыше, хапал отовсюду не таясь. Узнали, что тот и машины, и видеомэгнитофоны меняет чуть ли не каждые полгода. В общем, объект представлял интерес. На днях он похвалился Настеньке, что скоро будет катать ее на вишневом «вольво», и даже назвал сумму сто двадцать пять тысяч, за которую ему должны пригнать из Москвы шведскую машину экстра-класса. Машину он ждал со дня на день, а значит, деньги держал где-то дома.

Для налета представлялся подходящий случай: жена обэхаэсника находилась в туристической поездке по Индии, и сегодня у него дома свидание с Настей. Но Настя должна уйти от него не позже двадцати двух часов, потому что последней электричкой в двадцать три часа уезжала к родителям в Янгиюль, а значит, после ухода любовницы он должен был остаться дома один.

Беспалый понял, что, если человек намерен купить за сто двадцать пять тысяч машину, значит, там есть чем поживиться, но на всякий случай спросил:

— А как мы войдем в дом? У вас есть план?

Варлам, довольный тем, что вызвал интерес Беспалого, сказал с гордостью:

— Все предусмотрели, Артем, мы за ним две недели догляд ведем, изучили все его привычки. Он уже так придушил торговлю, что ему все на дом возят, и, как мы заметили, не сами директора, завмаги, а кто придется, вплоть до грузчиков. Мы тоже не поскупились, собрали ему коробку деликатесов, с нею и пойду к нему, я видел не раз, как это происходило.

— А если он надумает провожать любвеобильную Настю, а потом закатится еще куда-нибудь? — спросил Парсеган.

— Не должен. Провожать он никого не провожает, я ведь сказал, что уже давно ведем за ним наблюдение, у него таких, как Настенька,

много, дальше калитки не провожал ни одну. В махалле его хорошо знают, зачем ему приключения?

— Резонно,— согласился Беспалый, и они поехали в старый город. Время подпирало, через полчаса Настенька должна была покинуть дом донжуана из ОБХСС.

Когда въехали на Кукчу, Беспалый обратил внимание на безлюдие махалли и настороженно спросил:

— Варлам, что может означать такая тишина кругом, куда народ подевался?

Варлам, глянув на часы, сказал:

— Через десять минут кончается программа «Время» и по местному телевидению выступит духовный наставник мусульман Средней Азии и Казахстана с какой-то важной проповедью, все сидят у телевизоров.

— Такое безлюдье в нашем квартале я видел только однажды, когда показывали «Спрут» с комиссаром Каттани.

— Слышали мы про этот фильм, да увидеть не удалось. Мы ведь только по «горбачевской» амнистии освободились,— сказал с сожалением Варлам.

И в этот момент Олег прервал его:

— А вот и Настенька с нашим клиентом появилась.

С того места, что указал Варлам для стоянки машины, хорошо просматривались ворота с высоким железобетонным забором; сейчас возле них застыли две фигуры, одна тоненькая, изящная, в ней Олег без труда узнал Настеньку, и вторая мужская, которой обрадовался Варлам.

— Итак, повторяю план операции,— сказал Варлам. — Как только хозяин войдет в дом, я вновь позвоню, он вернется обязательно, подумает на первых порах, может, Настенька что-нибудь забыла. Прежде чем открыть калитку, он включит свет у ворот и глянет в глазок, по нашим наблюдениям, он так поступает каждый раз. Увидев меня с привычной коробкой, он даст возможность внести ее в дом, он не любит себя утруждать, это тоже проверено, не брал в руки коробки и меньших размеров, но мы на всякий случай взяли самую большую. Пока мы войдем в дом, ты, Артем, должен вбежать во двор и затаиться за углом веранды. Как только он пойдет провожать меня до ворот, ты спокойно войдешь в дом и встретишь его с наведенным пистолетом, а я через минуту вернусь тебе на подмогу. Олег боится нас с улицы.

Они молча слушали Варлама, не сводя глаз с калитки, вдруг женская фигурка отделилась от мужской, и в тупике зацокали по асфальту каблучки Настеньки, и тут же скрипнула запираемая на ночь глухая железная калитка.

— Пора,— сказал Варлам, и они втроем вышли из машины.

Через пять минут под дулом пистолета Парсегына хозяин дома нехотя доставал из потаенных углов деньги, драгоценности, а Варлам все это складывал в спортивную сумку, судя по всему, до главных трофеев было еще далеко. Беспалый, внимательно следивший за действиями обэхаэсника, вдруг почувствовал какое-то смутное беспокойство, лицо хозяина дома ему показалось знакомым, но как он ни силился вспомнить, когда, где они виделись,— не мог. Месяц беспробудной пьянки сказывался.

Заметив тревогу на лице Беспалого, Варлам спросил потихоньку:

— Что случилось?

И Беспалый сказал, что он откуда-то знает этого человека, но никак не может припомнить.

Варлам ответил жестко:

— Вспоминай скорее, иначе тебе придется его пристрелить, ты человек в городе известный.

С первых минут ограбления майору Кудратову тоже показалось знакомым лицо бандита с пистолетом, ему почудилось, что он даже видел его когда-то со своим покровителем Сухробом Ахмедовичем, но эту вероятность он отбросил сразу, что могло быть общего между уголовником и ответственным работником ЦК? Заметил Кудратов и неожиданное волнение человека с пистолетом, насторожило его и то, что они стали о чем-то шептаться. И вдруг он почувствовал, что и нападавший откуда-то знает его, и оттого такая минутная растерянность у них. Мысль хозяина дома работала лихорадочно, если он правильно понял ситуацию, живым они его не оставят.

Если еще минуту назад он жалел лишь о деньгах, то теперь встал вопрос о жизни, и реальная опасность заставила Кудратова взять себя в руки. Когда через полчаса хозяин дома, отдав изрядную часть богатств, сказал: «Все», то тут же получил от молодого с сумкой в руках такой удар ногой в челюсть, что потерял сознание. Когда он очнулся, тот, что постарше, спрятав пистолет за пазуху, подносил к его лицу тампон с нашатырным спиртом из его домашней аптечки. А молодой, склонившись над ним, сказал:

— Ты, падла, собирався купить «вольво» за сто двадцать пять тысяч, а от нас хочешь отделаться какой-то жалкой тридцаткой, не выйдет! Сейчас свяжем руки-ноги и поставим утюг на животик, живо вспомнишь об остальных деньгах.

И в эту минуту хозяин дома почувствовал, что тот, что постарше, с нашатырным тампоном в руках, пристально вглядывавшийся в него, кажется, вспомнил его, и оттого необычайной бледностью покрылось смуглое, в оспинках, лицо бандита. Кудратов понял, что в эту секунду он оказался приговоренным к смерти.

А тот, что помоложе, все твердил о деньгах, о ста двадцати пяти тысячах. И тут до майора дошло, что в страхе он действительно забыл о деньгах, отложенных на «вольво», и на радостях готов был расцеловать молодого за напоминание о покупке шведской машины. Дело в том, что там, в спальне, в прикроватной тумбочке, где он держал деньги, находился и пистолет, которым он редко пользовался. Нужно было как-то усыпить бдительность рэкетиров, внушить им, что сломался окончательно, и поэтому он попытался двинуться к окну, но тотчас был свален на пол подножкой старшего. Ему тут же связали руки-ноги, отыскав в доме утюг и задрав рубашку, поставили на живот, и молодой, поведив перед глазами Кудратова штепселем, включил его в розетку. Как только стало припекать, он попытался скинуть утюг с себя, но старший со зловещей ухмылкой прижал его двумя руками к животу, и тогда он закричал:

— Отдам! Все отдам!

Беспальный тут же торопливо отдернул утюг в сторону.

Хозяин дома попросил пить, и ему услужливо подали бутылку минеральной воды из его же холодильника. Попив, Кудратов обреченно пригласил грабителей в спальную комнату.

Спальня у него оказалась небольшой, впритык к стенкам заставленная белым югославским гарнитуром «Людовик», и незваные гости невольно задержались на пороге, когда майор бочком двинулся вдоль роскошной кровати к маленькой изящной тумбочке. Открыв ключиком дверцу, хозяин дома с ошалелым криком: «Берите! Забирайте, гады, все!» — стал швырять в ночных грабителей пачки денег в банковских упаковках.

Налетчики, понимая, что с человеком происходит истерика, столь обычная в подобной ситуации, стали молча в четыре руки складывать деньги в сумку Варлама и не заметили, как вместо очередной пачки двадцатипятирублевки в руках у хозяина дома оказался писто-

лет, и молодой кулем свалился прямо на просторную белую кровать, а майор уже командовал Беспалому достать из-за пазухи пистолет и бросить его на ковер. Парсегану ничего не оставалось, как выполнить приказ, ибо обезумевший от страха хозяин дома выстрелил бы и в него не задумываясь. Потом майор заставил Беспалого поднять руки и, выведя его в коридор, запер в хозяйственной кладовке. Не выпуская пистолета из рук, он закрыл входную дверь, достал из холодильника бутылку водки и, налив стакан до краев, выпил его залпом.

Надо было что-то предпринимать, и как можно скорее, на улице у грабителей могли быть помощники. Он хотел вызвать милицию, но в самый последний момент, уже держа трубку в руках, передумал. Ему вдруг показалось, что этого мужчину, запертого сейчас в кладовке, он видел не раз вместе с милицией, а то и в милицейской форме. А в том, что на его дом могли навести коллеги из милиции, он ни на минуту не сомневался. Может, позвонить Сухробу Ахмедовичу, у того есть товарищ Артур Александрович, а при нем целый взвод телохранителей, вот они, конечно, могли выручить, подумал Кудратов, но этот путь показался ему долгим и неудобным.

И он вдруг вспомнил про полковника Джураева из уголовного розыска, этого-то уж никто не мог заподозрить в связях с преступным миром, и этот, судя по тому, что он слышал о нем, не оставит его в беде. Несмотря на позднее время, он набрал номер служебного телефона полковника, и, на его счастье, на другом конце провода тотчас подняли трубку. Выслушав сбивчивый рассказ майора ОБХСС, полковник Джураев сказал:

— Вам повезло, через пять минут мы собирались выезжать на операцию, но сейчас мы будем у вас, это как раз по пути. Пожалуйста, выключите в доме свет и избегайте оконных проемов. Наверняка на улице у них находятся сообщники, и они могут предпринять попытку штурмовать дом, будьте начеку.

Минут через двадцать в махалле раздался вой сирен милицейских машин, и во двор Кудратова вбежали розыскники полковника Джураева.

Сенатор начинал рабочий день всегда со знакомства с милицейской сводкой за прошедшие сутки. Происшествий в последнее время было так много, что сводка печаталась на пяти-шести страницах убористым шрифтом. Большинство ЧП, случившихся днем, он уже знал, и его больше интересовало, как прошла ночь в Ташкенте. Среди ночных преступлений ему бросилась в глаза знакомая фамилия — Кудратов. И он стал читать это сообщение внимательнее.

Узнав о налете на дом самоуверенного красавчика из ОБХСС, он вначале улыбнулся, представив того один на один с рэкетирами, но улыбка быстро сбежала с лица, когда он прочитал о происшествии до конца, ибо дальше тоже следовала знакомая фамилия, и она-то заставила его потянуться к капсуле с валидолом, к сердечным он стал прибегать недавно, после размолвки с прокурором Камаловым. Читать сводку до конца он уже не мог, фамилия Парсегян отбила охоту.

— Ах, Артем, ах, Беспалый, что же ты наделал,— вырвалось вслух у Сенатора, и он, обеспокоенный, стал вышагивать по просторному кабинету. А беспокоиться было от чего, в сводке значилось, что задержание рэкетиров провел полковник Джураев, а начальник уголовного розыска в последнее время подозрительно часто общался с прокурором Камаловым, может, они давно сели на хвост Беспалому и знают о его старых связях с Парсегяном?

Вопросы, один неприятнее другого, стали возникать в сознании хозяина кабинета. Но какие бы вопросы он себе ни задавал, ответ напрашивался один: следовало что-то предпринять, пока Беспалый не попал в поле зрения прокурора Камалова.

В какое-то мгновение Сенатор рванулся звонить Шубарину, но в последний момент передумал, ибо пришлось бы объяснять ему, почему его так волнует арест бывшего уголовника Артема Парсегяна. Тут следовало действовать самому, и немедленно, ибо Беспалый был единственным человеком, знавшим об убийстве охранника во дворе республиканской Прокуратуры. А может, он догадывался и о неожиданной смерти Кощея? Знал ли он об одном убийстве или о двух, сейчас это уже не имело принципиального значения, следовало как-нибудь вытащить Парсегяна из неволи, или нейтрализовать каким-то образом, или...

Часа два он строил планы по спасению Парсегяна, но ни один вариант его не устраивал. Вот если бы задержание провел не полковник Джураев, тогда бы другое дело, он бы вытащил Беспалого без труда. Заставил бы Кудратова забрать свое заявление, сочинили что-нибудь, связанное с грандиозной пьянкой и ссорой на этой почве, в общем, замяли бы дело. О том, что время работает не на него, Сенатор догадывался, поэтому он решил для начала встретиться с Беспалым.

Начальник следственного изолятора, куда доставили Парсегяна, был знаком ему, и он отправился туда, возможно, сам задержанный подскажет какой-то ход к его спасению.

Свидание с Беспалым он получил без особых хлопот, объяснил, что цель у него одна — попытаться узнать у Парсегына, кто был наводчиком, ибо это уже третье за неделю ограбление работников милиции.

Артем опешил, когда, войдя в комнату для допросов, увидел... Сенатора. Как только конвойный оставил их наедине, Беспалый сказал с нескрываемым подтекстом:

— Я очень на тебя рассчитываю, Сухроб...

Прокурор сделал вид, что не понял скрытой угрозы, шантажа и ответил:

— Я своих друзей в беде не бросаю, оттого и здесь. — Но тут же добавил с укоризной: — Зачем все это нужно было тебе? Да еще грабить моих друзей... я бы еще сто тысяч занял...

И только тут владелец игровых автоматов вспомнил, что видел обэхаэсника не раз вместе с гостем, но это теперь ничего не меняло. После затянувшейся паузы визитер, в общем-то, не знавший, что и посоветовать Беспалому, сказал:

— Вся беда в том, что тебя взял полковник Джураев, и отыграть назад почти невозможно, ты же знаешь, что он за человек. Не нужна скандальная история и моему другу Кудратову, вот на этом и постараемся сыграть, но ты в любом случае держи язык за зубами, не очень афишируй связи. Если не поможем сейчас, вытащим из тюрьмы, ты ведь знаешь, что Салим в Верховном суде не последний человек...

Артем тоскливо посмотрел на Сенатора и произнес:

— Правильно говорят — беда не приходит одна, разве я пошел бы на это, если бы меня самого не грабанили... В тюрьму в моем возрасте с моими больными ногами — последнее дело... Ты уж постарайся, Сухроб, я ведь тебя никогда не подводил...

Сенатор встал, показывая тем, что разговор окончен. Он не жалел о своем рискованном визите, выяснил, что на Беспалого особенно рассчитывать не следует.

Парсегян, не ожидавший, что аудиенция так быстро закончится, торопливо сказал:

— Ты бы хоть закурить дал...

— Извини, совсем забыл, завтра я завезу тебе блок хороших сигарет, а сейчас у меня какие-то остатки. — И он достал из кармана мятую пачку «Кента» и, не глядя, сколько осталось, протянул ее Артему.

— Всего две,— сказал разочарованно Беспалый.

— Потерпи, я же сказал, что завтра завезу,— ответил Сенатор и поспешил к двери.

Вернувшись в переполненную камеру, Беспалый стал обдумывать неожиданный визит Сенатора и решил, что тот поспешил на встречу, заботясь прежде всего о своей шкуре, боясь, чтобы он не сболтнул лишнего. Вот за это «лишнее», видимо, и следовало держаться, иначе загремишь далеко и надолго, как выражается тут молодняк.

Возвращая в памяти встречу, Беспалый отметил какую-то неискренность, фальшивость в облике человека из ЦК, хотя, если подумать, тому было от чего нервничать и потерять естественность поведения. Но все же Беспалый ощущал от встречи не радость, а тревогу, а он, как и многие, полагался в жизни на интуицию. От тревожных дум ему захотелось закурить, и он вспомнил о сигаретах, что оставил ему Сенатор.

Он уже достал пачку, как что-то остановило, перед мысленным взором возникли бегающие глаза его покровителя: «Завтра я привезу тебе блок...» И сейчас торопливый уход Сенатора показался Парсегяну бегством, хотя, казалось, кто бы посмел торопить такого большого человека...

«Отравил, наверное, отравил»,— думал Артем, не решаясь достать спички, хотя курить хотел страшно.

Лежавший на верхних нарах крепкий парень, задержанный, как и он, за вооруженное ограбление, увидев серебристую пачку «Кента», жадно поглядывал на нее, будь она у любого другого, он уже отобрал бы, но Беспалый, хотя и вел себя тихо, по рангу был самый «авторитетный» человек в камере. И вдруг Беспалый сделал неожиданный для себя жест, бросив пачку наверх, сказал:

— Если хочешь, поменяй на «Космос», я не люблю американские.

Тот, поймав пачку на лету, быстро глянув в нее, подал вниз три сигаретки и спросил:

— Хватит?

— Вполне,— ответил Парсегян и с удовольствием закурил.

Всю ночь Беспалый не мог сомкнуть глаз, он маялся от навязчивой идеи — отравил или не отравил Сенатор сигареты? Он даже поднялся среди ночи и, разбудив соседа, попросил у него закурить, пообещав днем вернуть американскими. После этого у него немного успокоились нервы, и перед самым рассветом он заснул тяжелым сном.

Проснулся он в камере одним из последних, беспокойный рваный сон заставил на время забыть о вчерашней истории, но как только взгляд его упал на верхний ярус нар, где, отвернувшись, лицом к стене лежал любитель американских сигарет, он тут же вспомнил о Сенаторе, который должен был сегодня объявиться вновь. Если, конечно... «Если» и подтолкнуло Беспалого разбудить соседа. Едва он дотронулся до него, как понял, что тот мертв.

Он с трудом сдержал в себе крик, но ужас так стремительно распирал его, что он, словно обезумев, растолкал сокамерников, кинулся к двери и стал барабанить в нее руками и ногами, при этом он кричал на весь следственный изолятор: «Требую прокурора! Немедленно доставьте меня к прокурору!»

В камере решили, что тихий мужик сошел с ума. На шум сбежалась администрация, поначалу они попытались силовыми приемами заставить замолчать Беспалого, но это не удалось, Парсегян обладал недюжинной силой. Раскидывая пытавшихся утихомирить его людей, он продолжал требовать встречи с прокурором.

Из соседних отделений поспешили на помощь, и Артема поволокли в одиночную камеру в конце длинного коридора. Но и там он не угомонился, продолжал стучать изо всех сил в дверь и требовал прокурора. В конце концов кто-то из дежурных офицеров догадался спросить арестанта — зачем ему прокурор и с кем конкретно он настаивает на встрече. Беспалый ответил, что он требует встречи только с прокурором Камаловым и что он намерен сделать сообщение государственной важности. Вызвали психиатра, на всякий случай, и врач, побыв наедине с арестантом минут десять, заверил администрацию, что тот в полном здравии.

Когда Камалову сообщили, что арестованный вчера за вооруженный разбой некий Артем Парсегян, бывший владелец салона игровых автоматов, настаивает на немедленной встрече с ним, он сразу подумал: «А не связан ли этот человек с тем странным и тревожным анонимным письмом, что получил он в прошлом месяце?» Поэтому он без промедления и раздумий выехал в следственный изолятор.

С первой минуты встречи Парсегян просил Камалова немедленно перевести его в другое место и чтобы местонахождение держалось в тайне от Сухроба Ахмедовича Акрамходжаева, заведующего Отделом административных органов ЦК, который, по словам Беспалого, при первой возможности постарается отправить его снова на тот свет. Арестованный настолько был возбужден, испуган и нес такие

невероятные вещи, что прокурор уже собирался вызвать психиатра, но Парсегян, словно прочитав его мысли, сказал:

— Вы, наверное, думаете, что я сумасшедший и возвожу напраслину на уважаемых людей, но вы должны мне поверить, вчера в первой половине дня он был здесь, уговаривал меня держать язык за зубами и, прощаясь, оставил две сигареты «Кент». Хорошо зная Сенатора, у него в уголовном мире такая кликуха, я подумал, что он мог отравить их, и поэтому от страха отдал курево соседу, и он уже мертв.

Вот тут-то прокурор Камалов окончательно уверился, что говорит с сумасшедшим, потому что о смерти сокамерника Парсегыана никто ему не докладывал, но Беспалый отчаянно просил проверить его утверждения. Чтобы прекратить бесполезный разговор, прокурор выглянул в коридор и попросил дежурного офицера проверить сказанное Парсегыаном.

Через две минуты офицер без стука влетел в комнату и испуганно доложил, что Снегирев, 1960 года рождения, задержанный за вооруженный разбой, мертв.

С этой минуты у них начался другой разговор, и длился он больше двух часов.

Наконец-то выяснилось, почему умирающий охранник из Прокуратуры республики настойчиво твердил: «Сухроб... Сухроб». Понял Камалов, откуда начался стремительный взлет районного прокурора и почему тот был огорчен арестом хана Акмаля.

Того, что рассказал арестованный, по кличке Беспалый, хватило, чтобы взять Акрамходжаева под стражу, но Парсегян встречался с ним лишь эпизодически, и в жизни Сенатора оставалось еще много белых пятен. Например, Беспалый ничего не мог сказать о прослушивании телефонов в Прокуратуре республики и о смерти молодого турка по имени Айдын, читающего по губам.

Но, несомненно, Парсегян стал бесценным свидетелем против такого изощренного и коварного противника, каким оказался Сенатор. Прокурор даже отметил про себя, что он, наверное, будет самым опасным оборотнем, попавшим ему в капкан. Понятным оказался и страх Парсегыана, конечно, человек из ЦК приложит все усилия, чтобы убрать единственного свидетеля своей тайной жизни. Оставлять здесь Беспалого было рискованно, и прокурор, связавшись с генералом Саматовым, перевез задержанного в следственный изолятор КГБ.

Как бы ни испугался Парсегян, он ни слова не сказал о Салиме Хасановиче из Верховного суда, приберег его на всякий случай.

Если арестуют Сенатора, как предполагал Беспалый, Салим поймет, что он его не сдал. Ход был дальний, но верный. Сенатор за убийство во дворе Прокуратуры получит вышку, а он за ограбление — от силы десятку, вот тогда Салим и сгодится.

Вернувшись к себе в Прокуратуру, Камалов пожалел об одном — что встреча с Парсегяном ничего не прояснила с анонимным письмом, а он на это очень рассчитывал и по ходу беседы пытался узнать кое-что, но оказалось, что Парсегян среди деловых людей был мелкой сошкой и ценился прежде всего за свое уголовное прошлое. А письмо не шло у него из головы.

Для Камалова сразу стало ясным, что писал его русский человек, и не молодой уже, ибо слова «отечество», «держава» в таком контексте, как они подавались в письме, живут чаще всего в русской душе, в этом его не переубедил бы никто, не зря же он столько лет прожил в Москве, в России. Не сомневался он и в правдивости информации, две выборочные проверки, что сделал он тут же, подтверждали искренность автора. Но вот что крылось за письмом — искренняя боль за Отечество, державу, или возможность руками государственного аппарата устранить своих конкурентов?

Если первое, то следовало попытаться найти этого человека, его знаниям, жизненному опыту, связям не было цены, он один стоил многих людей, занятых в органах правопорядка, впрочем, многие и не могли знать тайн экономической диверсии против страны, такими знаниями обладают единицы, они и определяют финансовую стратегию. Конечно, автор анонимного послания и был одним из стратегов делового мира и оттого знал многое из настоящего и даже будущего. Вот если бы знать истинные мотивы его поступка?

Но даже если автор письма и ставил перед собой иную задачу, все равно анонимному посланию, как и неожиданному свидетелю Парсегяну, цены не было. Благодаря этой информации Камалов не только устранил попытки экономической диверсии, но давал знать преступному миру, что он в курсе дел, Прокуратура владеет ситуацией и что время безнаказанного грабежа страны кончилось. Но, кроме сиюминутной выгоды, имелась и другая сторона, долгосрочная, что ли: из-за этой дерзкой анонимки он несколько иначе взглянул на работу Прокуратуры и правовых органов и убедился лишним раз, что они по-прежнему тащатся в хвосте событий, уступая право первого удара преступному миру, ни о каком упреждении противозаконных акций не было и речи. Оттого, получив пакет, он сам снял копию

на ксероксе и тут же переправил письмо в Москву, не только потому, что там указывались конкретные адреса в столице, а, прежде всего, чтобы показать изощренность и размах противозаконных финансовых операций и навести Генеральную прокуратуру и КГБ на мысль, что сегодняшние методы борьбы с экономической преступностью не имеют ни малейших шансов на успех.

Как утверждал анонимный автор, экономические интересы страны ныне нужно защищать как государственные тайны и секреты, иначе усилия любого правительства, пытающегося вывести государство из кризиса, окажутся напрасными. Камалов понял, что сегодня позарез нужны эксперты высокого класса, знающие банковское дело, нужны эксперты по экономике, по финансам, причем специалисты должны быть и явные, и тайные, иначе победа, и в скором времени, навсегда будет за мафией. Уж ее-то эксперты ошибочных рецептов не дают, они мобильны, высокооплачиваемы, и их решения моментально, без проволочек проводятся в жизнь. Держать под контролем квалифицированных специалистов, работу банков и финансовых учреждений — значит упреждать события, а не собирать в лучшем случае по крохам уплывшие на сторону народные деньги.

Ознакомившись с преступностью в крае, Камалов понял, что в борьбе с уголовным элементом традиционные методы уже малоэффективны, ибо хорошо изучены противником. И тут следовало действовать по-новому, внедрять в криминогенную среду своих талантливых «Штирлицев», без знания проблемы изнутри победа над преступным миром невозможна. А то, что воровской мир давно утвердился в коридорах власти, подтверждал пример Сенатора, по словам Парсегыяна, тот даже мечтал возглавить руководство республики.

Сейчас, пока Камалов ждал телефонного звонка начальника отдела по борьбе с организованной преступностью, в следственном изоляторе КГБ следователи Прокуратуры старались закрепить показания важного свидетеля. Камалов понимал — Сенатора нужно арестовать как можно скорее, пока он не узнал, что Беспалый остался жив и надежно упрятан. Но арестовать Сенатора так же трудно, как и хана Акмаля, по сложившейся традиции следовало поставить в известность руководителей республики, и вряд ли кто гарантировал бы в таком случае тайну. Камалову не хотелось упускать Сенатора, он представлял угрозу и на нелегальном положении.

А обстановка в республике складывалась не в пользу перестройки, он-то хорошо знал, как беспокойно по всей Ферганской долине,

то тут, то там неожиданно взвивалось зеленое знамя ислама, то появлялись вдруг во множестве листовки: «Узбекистан — узбекам!», «Русские, убирайтесь в Россию!» А иным должностным лицам приходили письма с угрозами, и обо всем этом знали и в Прокуратуре, и в ЦК.

Шел четвертый год перестройки, а обещанных благ, повышения жизненного уровня не ощущалось и в обозримом будущем не предвиделось. Пропали товары первой необходимости, резко выросли цены на продукты питания. За хлопок платили гроши, и по-прежнему он оставался монокультурой, обрекал на голодное существование богатый край. Как тут не зреть недовольству?! И такие люди, как Сенатор, чтобы спасти свою шкуру, могли поднести спичку к пороховой бочке народного гнева.

Прокурор знал, что хан Акмаль в Москве умело затягивал следствие, пытался торговаться за жизнь и до сих пор не выдал своих богатств, а если между ним и Сенатором был какой-то сговор, не оставил ли он его своим преемником в крае, и не у него ли хранятся награбленные астрономические суммы? Вот такой неожиданный виток мыслей закурился вдруг у прокурора Камалова.

И в это время раздался звонок.

— Завтра Сенатор проводит совещание в Самарканде, и у него на руках авиабилет на первый рейс.

— Прекрасно, нам лучше взять его на выезде, меньше шума будет.

Арест Акрамходжаева вызвал в республике широкий резонанс, хотя тут, кажется, уже привыкли ко всяким неожиданностям. Конечно, сыграла роль и его известность, люди помнили нашумевшие статьи по правовым вопросам, в последние годы его имя в крае было на слуху.

В тот же день, когда в Самарканде защелкнулись наручники на запястьях Сенатора и прямым авиарейсом его отправили в Москву, Сабир-бобо уже знал об аресте человека, которому они с ханом Акмалем вручили свою судьбу и пять миллионов денег. Не зря же аксайский Крез говорил Сухробу Ахмедовичу: «Вы постоянно будете находиться под присмотром наших людей», и хотя задержание проводилось тайно и без особого шума, оно тут же стало известно в Аксае.

Сабир-бобо прекрасно понимал, что в аресте хана Акмаля виноват лишь один человек — прокурор Камалов, вот он-то и спутал все их карты. Зная ситуацию в крае, Сабир-бобо решил попортить настроение прокурору, чтобы не очень обольщался своей победой.

Он сам набросал текст листовки, где сообщалось об аресте Сухроба Ахмедовича Акрамходжаева, подавал он это как произвол над местной интеллигенцией ставленниками Москвы и просил народ встать на защиту видного юриста. Листовки тайно отпечатали в типографиях Намангана, а гонцы развезли их по всем областям республики.

Сенатора определили в Москве в тюрьму под романтическим названием «Матросская тишина». Нового человека с воли встретили в камере радушно, многие его здесь знали, а те, кто не знали, слышали о нем, читали статьи. Он, конечно, ведал, что вести с воли в тюрьму стекаются с невероятной быстротой, но знание обстановки в республике постоянльцами «Матросской тишины» потрясло его. Порою казалось, что они сидят в чайхане на Бадамзаре и обсуждают прошедший вчера пленум.

Слухи слухами, но сокамерники все-таки жадно ловили слова доктора юридических наук, им нужно было получить подтверждение своим выводам, планам, мечтам. И, четко уловив их настроение, он старался укрепить их дух, ибо развал уголовного дела каждого из них, в конце концов, шел ему только на пользу, хотя и тут, в общей, казалось бы, беде, он ни с кем из них не хотел объединяться, солидаризироваться, он был, как всегда, сам по себе.

У него спрашивали: неужели новые политические силы в крае столь сильны, что может произойти отделение Узбекистана от Союза? Он, не задумываясь, отвечал: да, при определенных обстоятельствах это может случиться, и с обычным своим коварством добавлял: в таком случае для нас, граждан Узбекистана, российский суд не будет указом, и мы вернемся домой. Конечно, такой расклад устраивал казнокрадов, и они с восторгом внимали каждому слову человека с воли.

У него спрашивали: а как народ воспринимает судебные процессы, где мы все как один отказываемся от своих прежних показаний и утверждаем, что оговорили себя под нажимом следователей? И опять он им отвечал словами хана Акмаля: народу сумели внушить, что вы пострадали за него, за его благо, пусть незаконным путем, но хотели получить справедливую цену за хлопок. Сегодня везде и во всем винят центр, вы ведь читаете газеты, это должно стать и нашей тактикой, — так заканчивал новый арестант свои беседы.

С первого дня Сенатор пытался навести справки о хане Акмале, но никто с ним не сталкивался, даже старожилы тюрьмы — аксайский Крез содержался отдельно. Конечно, сокамерники допытывались у новичка, за что же арестовали его, и тут он блефовал напрапа-

лую, намекал, что за идейные разногласия, хотя и узнал перед самым отлетом в Самарканд, что Беспалый остался жив. Когда Камалов лично защелкнул на запястьях наручники, Сенатор понял, что его жизнь зависит от жизни Беспалого, да и от жизни Камалова тоже. Случись что с настырным прокурором, Парсегян мог бы отказаться от своих прежних показаний, он ведь газеты читает и знает, как проходят нынче в нашем демократическом обществе суды. Впрочем, гораздо надежнее было бы убрать самого Парсегыяна, и опять Камалов остался бы с носом. И тут он пожалел, что Салим Хасанович даже не догадывается, что его судьба находится в руках у Парсегыяна. Теперь для него самым главным представлялось одно — дать знать о себе Хашимову, или, точнее, — дать команду действовать решительно, идти ва-банк. Прокурор Камалов на этот раз переиграл их, но Сенатор считал, что он еще не сказал последнего слова, располагая пятью миллионами, он мог побороться за жизнь, силу денег он знал.

И тут ему подвернулась удача: освобождали из-под стражи одного ташкентского чиновника, человека этого Сенатор не любил и даже не очень доверял ему, но другого варианта не представлялось, и он рискнул. Отведя того на прогулке в сторону, он сказал жестко:

— Первое, что вы сделаете, вернувшись в Ташкент, зайдете пообедать в ресторан «Лидо» и, передав от меня привет хозяйке заведения, попросите, чтобы она свела вас с Салимом Хасановичем. Ему вы должны сказать следующее: «Подозревать Москвича и любителя игровых автоматов в моем оговоре нет оснований». Пожалуйста, запомните эти слова, я не хотел бы, чтобы из-за меня косились на невинных людей. А с врагами я сам разберусь, если душа чиста, никакой суд не страшен.

И в глазах освобождавшегося он утвердился еще раз как благородный и справедливый человек, хотя на условленном жаргоне послание означало: убрать во что бы то ни стало, любой ценой, прокурора Камалова и взломщика Артема Парсегыяна.

После неожиданного ареста Сенатора события покатились столь стремительно, что порою, казалось, они вырвались из-под контроля, но это на взгляд непосвященного, ситуацию держали в руках и прокурор Камалов, и друг Сенатора Хашимов из Верховного суда, не оставя в стороне и Сабир-бобо. Просто приближалась развязка многих событий, и, как всегда, не обошлось и без его величества случая.

По стечению обстоятельств в те же дни на стол Камалову попали и документы, о которых когда-то упомянули тайно в Прокура-

туре СССР, и судьба первого секретаря ЦК была решена. Странно, но взятие под стражу преемника Рашидова вызвало куда меньший резонанс, чем арест Сенатора.

Бывший узник «Матросской тишины» выполнил просьбу Сенатора, встретился с человеком из Верховного суда и слово в слово передал послание из Москвы. Хашимов уже знал об аресте Беспалого, но никак не мог взять в толк — почему так опасен Парсегян его другу. С Камаловым, конечно, ясно, того следовало убрать уже давно. Но просьба шефа означала приказ, в ней крылся ультиматум, значит, Беспалый знал что-то такое, что грозило жизни его другу и однокашнику. Любой ценой — означало, что он мог заплатить за эти две жизни огромные деньги, Сенатор оценивал себя круто.

Ну, с Беспалым, как думал Салим Хасанович, проблем особых не должно было возникнуть, стоило передать в воровской «общак» или ментам тысяч сто, его удавили бы в камере в тот же день, старый и испытанный прием.

Но в те напряженные дни случилось событие, опять же затрунувшее всех: прокурора Камалова, Сенатора, его друга Миршаба, и даже Сабира-бобо, духовного наставника хана Акмаля.

В поселке Кувасай вспыхнул конфликт между турками-месхетинцами и местным населением, скандал, начавшийся на базаре, перерос в межнациональные столкновения во всей Ферганской долине. Заполыхали огни пожарищ, полилась людская кровь в старинном Коканде и Маргилане.

Прокурор Камалов, поднятый среди ночи звонком из Кремля, не дожидаясь рассвета, на специальном самолете отбыл в Ферганскую долину, куда уже стягивали войска МВД и милицию. В тот же день прокурор вместе с муфтием мусульман Средней Азии и Казахстана, прибывшим прямо из Москвы с сессии Верховного Совета, обратился по республиканскому телевидению к жителям региона с призывом к благоразумию и спокойствию.

В то время, когда прокурор республики выступал по телевизору, Салим Хасанович заканчивал инструктаж киллеров: Арифа и двух его сподручных, начиналась охота на Камалова. Они получили сто тысяч аванса и в ту же ночь через Чадакский перевал отправились на двух машинах в Фергану. В условиях чрезвычайного положения смерть Камалова не бросилась бы в глаза общественности и вряд ли бы кто догадался, что охотились за ним персонально.

Волнения в Ферганской долине оказались неожиданными даже для Сабира-бобо, он верил в долготерпение своих земляков, но, видимо, чаша терпения переполнилась, и он жалел лишь об одном — что эту обезумевшую от крови массу нельзя взять под свой контроль, но от мысли направить ее в определенное русло не отказался.

Сабир-бобо тоже слушал выступление по телевидению прокурора Камалова, внимал молитвам муфтия, но призывы к благоразумию понял по-своему, ибо, выключив телевизор, пригласил к себе Исмата, Ибрагима и Джалила, некогда отвозившего человека из ЦК к поезду Наманган — Ташкент.

— Настал час помочь нашему хозяину, дорогому Акмаль-хану, — начал он без восточных эквивалентов, — вы уже знаете, что творится в Фергане, Коканде, Маргилане, во всех кишлаках долины. Одно жаль, что страдают в резне мусульмане, но Аллах велик, наверное, простит нас за невинную кровь. Когда человек не может прокормить на родной земле своих детей, он с подозрительностью начинает оглядываться на соседей. Я не одобряю грабежей и насилия над турками — нашими единоверцами, суннитами, следует направить копившуюся годами ненависть на разгром райкомов, судов, зданий милиции и Прокуратуры. Пусть власть почувствует силу народного гнева. У каждого из вас, как я знаю, в Фергане, в Коканде есть родня, друзья, а у Джалила жена — маргиланка, поэтому сегодня не мешкая выезжайте на трех машинах туда, пусть каждый выбирает себе маршрут по душе сам. Надо пустить слух, что только хан Акмаль может успокоить народ, пусть в требованиях масс чаще упоминается его имя, не жалейте на это денег, выбирайте в толпе самых горластых и нахрапистых. Пусть захватывают административные здания, не скупитесь и на водку, и на анашу, и, конечно, не забывайте о безопасности. Кормите-поите молодежь от пуза, денег на баранов не жалейте, от мяса кровь быстрее бежит. Действуйте смело, не бойтесь, вы не одни будете направлять людей против ненавистной власти, туда, как мне сообщили, много таких, как вы, выехало. Двадцатимиллионный Узбекистан — не Армения и не Прибалтика, мы — огромная сила. В одном месте долго не задерживаться, через день-два сбрейте усы, постригитесь наголо. Если пересекутся дороги, обменяйтесь машинами, возьмите с собой побольше фальшивых номеров, властям сейчас не до проверки документов, важно не засветиться. Думаю, учить вас не следует, будете действовать по обстановке, а сейчас получите деньги — и живо в дорогу, а я буду молиться за вашу жизнь.

Ариф с киллерами прибыл в Фергану на рассвете, он догадывался, что не сегодня-завтра будет введен комендантский час и тогда уже въехать в город с оружием без досмотра будет сложно, а он, как всегда, рассчитывал на свой восьмизарядный «Франчи» с оптическим прицелом.

Их уже ждали, хотя о цели визита никто не догадывался, наверное, думали, что приехали под шумок почистить банк или сберкассу. В уголовном мире лишних вопросов не задают, от чужих тайн жизнь становится короче — эту истину преступники усваивают рано. Ариф догадывался, что опорным пунктом прокурора в Фергане могут стать только два здания — областное управление милиции или Прокуратура. Здесь он наверняка будет проводить экстренные совещания, летучки, заседания штаба по ликвидации стихийных беспорядков. Поэтому, отдохнув, на мотоцикле хозяина дома отправился в одиночку по этим адресам.

Оба здания находились неподалеку, на одной улице, когда Ариф подъехал к областной Прокуратуре, от нее как раз отъезжала «Волга» с известным ему ташкентским номером, рядом с водителем сидел прокурор Камалов, судя по тому, как он был одет, оружия при нем не было. Около двух часов Ариф пробыл возле Прокуратуры, пользуясь мощным цейссовским биноклем, быстро выяснил, где находится кабинет областного прокурора, где расположен зал заседаний. Именно в этих двух помещениях будут проводиться совещания, все будет зависеть от количества приглашенных, но, где бы они ни проводились, Камалов будет занимать место или в президиуме, или в кресле хозяина кабинета, или у трибуны. Все три возможных места появления Москвича хорошо просматривались с крыш соседних домов.

Был и другой вариант: расстрелять в упор из автоматов машину прокурора, для этой цели и появились у Арифа компаньоны. На обеих машинах стояли мощные гоночные моторы, а чтобы вывести маршрут, нужно лишь время, но Ариф умел ждать. Торопиться было некуда, сроки не отражались на оплате, Миршабу требовался результат.

Вернувшись в усадьбу на окраине города, где они остановились, Ариф помог компаньонам сменить ташкентские номера на машинах на ферганские, чтобы не привлекать внимания, ибо уже объявили чрезвычайное положение по всей области, а потом, достав из дорожной сумки детектив Чейза, расположился во дворе на айване. Детективы помогали ему коротать время, в его работе наемного убийцы

умение выждать момент оказывалось главным, о том, что он мог промахнуться, не могло быть и речи.

Судя по обстановке в городе и области, дел Камалову хватало, и в Прокуратуре он мог появиться только к вечеру, а то и к ночи. Поэтому Ариф не стал отвлекать компаньонов, продолжавших возиться с машинами, вполне мог возникнуть вариант, когда придется, положившись на мощь гоночных моторов, расстрелять «Волгу» прокурора из автоматов.

Как только наступили легкие летние сумерки, Ариф отправил одного из подельщиков к зданию областной Прокуратуры. Задача у того была простая — дать знать, не проводит ли прокурор Камалов какое-нибудь совещание там.

Но в тот вечер Камалов не появился в областной Прокуратуре, говорят, он всю ночь мотался между Маргиланом и Кокандом.

Утром, вновь оседлав мотоцикл, Ариф поехал на разведку к зданию областной Прокуратуры. По тому, как дружно съезжались туда машины чиновников высокого ранга, среди которых было немало и военных, Ариф понял, что он рассчитал верно — намечалось какое-то важное совещание, на котором наверняка выступит прокурор Камалов. Когда он разворачивал «Яву», чтобы вернуться за подкреплением, то увидел, как подъехала знакомая белая «Волга» с ташкентскими номерами.

Человек, на которого шла охота, появился там, где его ждали. Как только Ариф вернулся во двор, компаньоны без слов поняли, что час работы настал. Подробности плана они обговорили вчера, поэтому, молча прихватив аккуратненький чемодан-футляр, где лежала разобранный автоматическая винтовка «Франчи», помощники выехали со двора и отправились на белых «жигулях» на исходную позицию. Минут через пятнадцать отбыл вслед за ними на «Яве» и Ариф. Судя по тому, что суeta во дворе улеглась, совещание в Прокуратуре началось, и он поспешил на крышу облюбованного здания, где его поджидал с оружием страховавший его подельщик.

Мощный цейсовский бинокль шарил по рядам зала заседаний, но, к удивлению Арифа, Камалова нигде не было, хотя на трибуне один выступающий уже сменял другого.

«Спокойно... спокойно...» — твердил себе Ариф и не просил подельщика взглядом, чтобы тот достал знаменитый «Франчи». Он откинулся спиной на трубу вентиляционной вытяжки и закрыл глаза, так он поступал всякий раз, когда требовалось сосредоточиться. Про-

сидел он так минут десять, потом вновь стал шарить мощными окулярами по окнам, но прокурора по кличке «Москвич» не было. Тогда он внимательно оглядел стоянку автомашин во внутреннем дворе и легко отыскал белую «Волгу» с ташкентскими номерами. Судя по тому, что шофер находился в машине, становилось ясно, что Камалов где-то в здании. Он вдруг, встрепенувшись, навел бинокль на окна кабинета областного прокурора — Камалов находился там.

Ариф, облегченно вздохнув, снова закрыл глаза и привалился спиной к холодной кирпичной кладке трубы, следовало успокоить нервы. Так он просидел минуты две-три и дал знак помощнику, чтобы тот достал винтовку. Камалов сидел за столом хозяина кабинета и проводил какое-то совещание с людьми в погонах. Пока поделщик собирал «Франчи», Ариф зеркальцем подал вниз знак третьему компаньону, находившемуся в «жигулях», — тому сообщали, что объект на месте и что через три-четыре минуты он должен подъехать вплотную к подъезду, откуда они выйдут.

Взяв в руки автоматическую винтовку, Ариф велел помощнику спускаться вниз, а сам навел оптический прицел на окно кабинета. Камалов сидел к нему боком, и Ариф целил в висок, такое попадание гарантировало мгновенную смерть, как недоучившийся врач Ариф хорошо знал анатомию.

В тот момент, когда Ариф нажал спусковой механизм «Франчи», человек, сидевший сбоку стола, спиной к окну, вдруг приподнялся и передал какую-то бумагу Камалову — и тут же повалился набок. Ариф понял, что первый раз в жизни у него произошла осечка. Временем для второго выстрела он не располагал, да и в кабинете все сорвалось с мест, и он, мгновенно сложив «Франчи», кинулся к лестнице в крайнем подъезде, где внизу ждала машина с заведенным мотором.

В кабинете областного прокурора поднялся переполох, кто-то кинулся к раненому, кто-то полез под стол, только начальник уголовного розыска города не растерялся, он тут же бросился к телефону и приказал оцепить район. У кого-то вырвалось вслух: «Обнагтели, решили запугать милицию...»

В зале действительно собрались только милицейские чины. Генерал УВД области отдал по телефону приказ — немедленно приступить к патрулированию районов вблизи Прокуратуры, и совещание продолжалось. Закончив встречу с руководителями подразделений милиции, Камалов перешел в актовое зал, где заседал партийный ак-

тив края, уходя из кабинета областного прокурора, он попросил доложить ему через час о состоянии полковника Холматова, получившего пулевое ранение в плечо, и о стрелявших по окнам, если такие данные к этому времени появятся. На собрании актива ему не удалось даже выступить, поступило экстренное сообщение, что разъяренная толпа в несколько тысяч человек движется к зданию городской милиции в Коканде, и он спешно выехал туда.

Когда он садился в машину, какой-то лейтенант успел доложить, что с полковником Холматовым все в порядке, рана не очень серьезная, и что данных о стрелявших пока нет, а потом, спохватившись, достал из кармана бумажный сверток и, протянув его в окошко «Волги», сказал:

— Какая-то странная пуля, товарищ прокурор...

Камалов машинально поблагодарил лейтенанта за добрую весть о полковнике Холматове, и машина рванула с места, они поехали туда, где он за прошедшую ночь был дважды. Мысли его крутились вокруг Коканда, и он забыл, что держит в руках какую-то странную пулю, напомнил о ней шофер. Развернув листок из школьной тетрадки, он увидел знакомую пулю, точно такую же положили ему на стол в день смерти турка-месхетинца Айдына, человека, читавшего по губам. Он ничего не сказал любопытствовавшему водителю, лишь молча передал ему трофей. Тот, разглядев пулю, прокомментировал:

— Действительно странная, точно не наша, закордонная. — Водителем работал у него человек из угрозыска, и рекомендовал его полковник Джураев, так что парень знал, из чего и чем стреляют.

Хуршид Азизович сразу понял, кому предназначалась загадочная пуля, еще там, в кабинете Прокуратуры, он догадался, что полковник Холматов случайно спас ему жизнь. Следовало принимать меры, враг за ним охотился коварный и умелый, выбор места и времени покушения говорил о тактической гибкости противников. Кто догадается в случае смерти, что имелась специальная, высокооплаченная лицензия на его отстрел? Война все спишет, как говорится в одной мрачной поговорке.

Камалов вдруг спросил у своего шофера:

— Нортухта, у тебя есть с собой оружие?

Тот, не поворачивая головы, ответил:

— Разумеется. Полковник Джураев перед поездкой вручил второй пистолет на всякий случай и предупредил, что тут, в суматохе, они попытаются устроить охоту на вас. — И он протянул прокурору оружие.

С помощью подоспевших солдат внутренних войск к вечеру удалось отбить атаки на здание городской милиции Коканда. Среди защищавшихся потери оказались значительными, оружие не применяли даже в случаях выстрелов из толпы, особенно досталось местной милиции и духовенству. Они приняли на себя первый удар до подхода военных.

Вечером Камалов вновь выехал в Фергану на заседание штаба по ликвидации стихийных беспорядков, вместе с ним отправился и майор из войск спецназначения. Майор ездил в джипе, — в сопровождении четырех автоматчиков в бронезилетах. Обе машины: и «Волга» прокурора, и джип майора, были телефонизированы, и связь редко прерывалась. Какой-то отрезок пути то майор из спецназа ехал в «Волге», то прокурор перебирался в джип, все зависело от звонков в ту или иную машину, Прокуратура в те дни работала рука об руку с военными. По дороге в Фергану им приходилось то и дело останавливаться в кишлаках и райцентрах — везде требовалось их вмешательство.

Возле поселка Риштан, где живут известные на весь Узбекистан гончары, прокурор дважды обратил внимание на юркую белую машину «жигули» седьмой модели, ничем особо вроде не примечательную, разве что сразу бросался в глаза класс ее водителя.

Однажды, обгоняя «Волгу» на въезде в какой-то райцентр, она едва не попала в аварию, из-за встречного транспорта, выскочившего на чужую полосу. «Семерка» спаслась от удара в лоб только из-за фантастической скорости, молниеносного рывка, и Камалов отметил про себя, что на скромных «жигулях» стоит мотор невероятной мощности.

Наверное, Камалов забыл бы об этой истории, на дороге чего только не случается и лихачей везде хватает, если бы на самом въезде в город «семерка» не попала ему на глаза снова, хотя они останавливались раз пять, не меньше. Прокурор даже подумал в какой-то миг, что сидящие в белых «жигулях» словно выжидают, когда же «Волга» останется одна, без сопровождения джипа с автоматчиками. Но какой-то неожиданный телефонный звонок отвлек его, и он на время забыл о «жигулях», да и они пропали с глаз.

Во время заседания штаба Камалов вдруг вспомнил машину с мощным мотором и быстро черкнул записку начальнику городского ГАИ: «Пожалуйста, немедленно узнайте, кому принадлежат белые «жигули» седьмой модели с номером ФЕР 36-12».

К окончанию заседания штаба прокурор получил ответ: «Белых «жигулей» седьмой модели под таким номером в Фергане нет, скорее всего, номер или фальшивый, или краденый». И Камалову стало ясно, что люди в белых «жигулях» охотились за ним уже на трассе и, не будь рядом автоматчиков из подразделений специального назначения, они бы попытались расправиться с ним на каком-то крутом повороте, рельеф местности представлял много возможностей для засады.

После заседания штаба Камалов отозвал в сторону начальника уголовного розыска города, того самого, что не растерялся утром и приказал оцепить район, и спросил его: «Нет ли у вас в спортивном зале манекенов, с которыми борцы и самбисты отрабатывают приемы?» Получив утвердительный ответ, попросил того сейчас же доставить два манекена и уложить их на заднее сиденье его машины. Затем, отыскав майора из спецназа, с которым проделал нелегкий путь от Коканда до Ферганы, попросил одолжить ему на время один бронежилет, два автомата и полевой бинокль. Майор, не задавая лишних вопросов, пошел выполнять просьбу прокурора.

Когда Камалов через полчаса спустился во двор, все, что он просил, находилось в машине.

— Куда? — спросил шофер, не задавая вопросов ни об автоматах, ни о бронежилете, ни о манекенах.

— В гостиницу, чертовски устал, завтра нам предстоит трудный день, — ответил Камалов.

Минут через десять прокурор обратил внимание, что они едут не в ту сторону, и сказал об этом водителю, на что тот ответил:

— Да, мы едем не в гостиницу. У меня здесь есть родня, я им звонил, что сегодня ближе к полуночи приеду к ним в гости. Так что нас ждут. — И после паузы добавил: — Я думаю, после утреннего происшествия гостиница не самое безопасное место, второй раз они уже не промахнутся.

Днем он связался с Джураевым и доложил и про выстрел в окно, и про странную пулю, а тот сказал, что стреляли не случайно и следует сменить место ночевки.

Прокурор не стал возражать, только устало спросил:

— Ты не заметил ничего подозрительного вечером на трассе?

— Вы имеете в виду белые «жигули», что крутились возле нас, ФЕР 36-12?

— Да, я это имел в виду, и потому в машине оружие и бронежилет для тебя.

— Почему бы вам не попросить сопровождение из спецназа? — спросил Нортухта, и прокурор понял, что полковник Джураев прикрепит к нему надежного парня.

— Это испугнет их, — ответил прокурор. Видя удивление на лице водителя, он добавил: — Разъяснять всю ситуацию нет времени, слишком долгая история. У военных есть термин — вызвать огонь на себя, вот и я должен так поступить, я не имею права упустить этих людей. Слишком опасные преступники, и они могут прояснить многие тайны для Прокуратуры. Поэтому ни о каком сопровождении и даже о том, что мы догадались, что за нами идет охота, не может быть и речи. Все должно решиться в какие-то мгновения, но мы должны быть начеку, особенно если в поле зрения появится белая «семерка» с мощным мотором, номера на ней завтра могут быть другие.

Полковник Джураев чувствовал ситуацию даже на расстоянии, и как только доложили ему о странной пуле, он сразу вспомнил о смерти Айдына — там тоже фигурировала необычная пуля, и стало ясным, что за шефом охотились те же люди, что убили человека из Аксая.

В ту ночь Ариф долго просидел на крыше дома напротив гостиницы, держа наготове «Франчи», только в четвертом часу ему стало ясно, что прокурор в гостинице вряд ли появится. Оставалось загадкой одно: то ли он почувствовал охоту за собой, то ли обстоятельства вынудили его вновь выехать из Ферганы.

Ариф больше склонялся ко второму варианту, по его сведениям, очаг напряженности в долине разрастался, он точно знал, что появились люди, подвозившие толпе ящиками водку и одаривавшие молодежь, идущую на штурм административных зданий, пятидесятирублевыми купюрами. Шел мощный слух, что хан Акмаль бежал из московской тюрьмы и что он стоит за стихийным народным бунтом. Чтобы молодежь не разбредалась на ночь по домам, к вечеру к местам их скопления доставлялись бараны и устраивались пиршества, водка лилась рекой. Не до сна, конечно, было в эти дни прокурору Камалову, и киллер понимал это.

Наступил новый день, и охота на прокурора Камалова продолжилась. С утра Ариф на мотоцикле проехал мимо Прокуратуры и милиции, но знакомой белой «Волги» с ташкентскими номерами не было видно, то ли еще не приезжал, то ли уже уехал. Затем он объехал базары Ферганы, потолкался в людных чайханах и по слухам уяснил для себя, где сегодня, вероятнее всего, может появиться че-

ловек, за которым они охотились. При любом раскладе маршрут выстраивался один — дорога на Коканд, сегодня прокурор Камалов будет мотаться по этой трассе целый день, центр событий переместился из Ферганы и Маргилана в эту зону.

Ариф быстро выстроил новую тактику. Трасса Фергана — Коканд их вполне устраивала, из-за беспорядков она почти не контролировалась властями, так что, выполнив задание Миршаба, они могли двигаться в сторону Таджикистана, на Ленинабад, а оттуда до Ташкента рукой подать, на всякий случай могли спрятать оружие где-нибудь по дороге до лучших времен. Следовало не суетиться и, выбрав на трассе придорожную чайхану, наблюдать за проходящими машинами, и если «Волга» появится без сопровождения автоматчиков из спецназа, то ей далеко не уйти, мощный гоночный мотор достанет ее, и на первом же крутом повороте, когда поблизости не будет машин, они расстреляют ее в упор. План был прост и ясен, и никто из участников не стал возражать, через два часа, отыскав посередине трассы подходящую чайхану, они остановились там.

С раннего утра Камалов находился в лагере для беженцев, что организовали для потерявших кров и близких турок-месхетинцев, он позаботился о тройном кольце охраны пострадавших, располагал сведениями, что обезумевшая от крови толпа готова двинуться и сюда, где собрались беззащитные старики, женщины, дети.

Для себя прокурор решил, что, если жаждущие крови фанатики прорвут два кольца обороны, то третьему заслону он даст команду открыть огонь, пока такой команды из центра не поступало, а орда от этого только больше нагнела и распоясывалась. Люди, руководившие беспорядками, открыто кричали в толпу — не бойтесь ни армии, ни милиции, не слушайте мулл, они не будут стрелять!

Пока прокурор разбирался в лагере со старейшинами турок-месхетинцев, в машине то и дело раздавались телефонные звонки. Нортухта успевал только записывать сведения для прокурора, поступавшие отовсюду. Самой горячей точкой по-прежнему оставался Коканд и прилегающие к нему районы. Вернувшись в машину, Камалов торпливо пробежал сообщения, записанные водителем, и они двинулись на Коканд, где их уже давно ждали.

Как только выехали за город, прокурор попросил водителя надеть бронежилет, полученный от майора, а автомат находился у каждого под рукой еще с вечера.

С самого утра они не говорили о преследователях, с которыми наверняка сегодня столкнутся где-нибудь на дороге, ибо для охотников маршрут прокурора не представлял особого секрета. Оба невольно обращали внимание на белые «жигули» седьмой модели, но та, с мощным мотором, пока не появлялась. Опять добирались до Коканда с остановками, и вновь повсюду требовалось вмешательство прокурора.

Камалов, возвращаясь в машину после вынужденных остановок, на время забыл о террористах, но зато шофер все время был начеку. Он и заметил у придорожной чайханы пустые белые «жигули» седьмой модели.

— Вот эта машина, ФЕР 36-12, и номер, наглцы, не стали менять.

Камалов моментально очнулся от тяжелых дум и сказал бесстрастно:

— Спокойно, Нортухта. Это хорошо, что они не стали менять номер, их самоуверенность нам только на руку. Не сбавляй скорость, пусть продолжают думать, что мы ничего не заметили. А остановились они тут не случайно, верно рассчитали, я все равно не миную их пост.

Как только отъехали подальше, прокурор достал бинокль и через заднее стекло увидел, как трое мужчин без суеты, с достоинством сядились в машину.

Камалов, сидевший рядом с шофером, быстро поднял из-за сиденья один из манекенов и усадил позади себя, потом, глянув назад еще раз в бинокль, сказал:

— Прибавь насколько можешь, они показались вдалеке, чертовски мощная у них машина. Видишь, впереди затяжной поворот за высоким холмом, если не будет встречного транспорта — идеальное место для нападения. Как только скроемся у них с глаз за холмом, выскакиваем с автоматами в придорожный кювет, но прежде на твое место усадим второй манекен, наклоним его в мою сторону, поднимем капот, он в первую очередь отвлечет внимание. Уверен, что они догоняют нас с расчехленным оружием и при обгоне попытаются расстрелять нашу машину в упор, известный гангстерский прием, а мы с тобой будем действовать по обстоятельствам.

Как только они вписались в кривую, впереди у дороги заметили валуны, возле них и тормознул Нортухта. В считанные секунды они покинули машину и, пока бежали за камни, спиной ощущали

приближавшуюся опасность. Едва они залегли, как услышали мощный, нарастающий рев сильного мотора, шедшего на пределе, и в поворот, визжа шинами, влетела знакомая «семерка».

Увидев невдалеке на обочине белую «Волгу», от неожиданности они чуть сбавили скорость, и прокурор заметил, как в обоих окошках приближающейся машины появились оружейные стволы. Еще не поравнявшись, они открыли бешеный автоматный огонь, а пронесшись рядом, буквально изрешетили машину. Отъехав метров сто, «семерка» вдруг остановилась, ловко развернулась и медленно двинулась назад. Возможно, они хотели увидеть результаты нападения, а скорее — забрать какие-нибудь документы из машины или, наоборот, подбросить кое-что, чтобы навести милицию на ложный след.

Они остановились недалеко от машины, задранный капот мешал им видеть салон «Волги», но выходить не спешили, выжидали, слышно было, как из простреленных насквозь шин тихо выходил воздух и откуда-то тяжело капала на асфальт жидкость.

Камалов видел из-за валуна, как машина медленно оседала на спущенные колеса. Вдруг разом распахнулись дверцы «жигулей», и вышли трое молодых мужчин, двое с автоматами в руках. Они молча переглянулись и, убедившись, что трасса пуста, осторожно двинулись к «Волге».

— Только по ногам, — шепнул Камалов водителю.

Но вдруг тот, что был без оружия, почувствовал какой-то подвох, возможно, разглядел манекен на заднем сиденье, из которого торчали клочки ваты, и закричал:

— Атас, в машину!

И тут же безжалостная очередь враз скосила всех троих подряд.

— Что ты наделал! — только успел сказать Камалов шоферу и побежал на дорогу, где вразброс лежали террористы. Прокурор перевернул одного, другого, сомнений не было — наповал.

Подошел, держа автомат дулом вниз, Нортухта, Камалов спросил его:

— Зачем ты это сделал? Я же сказал — стрелять только по ногам.

Шофер, вдруг зло сверкнув глазами, ответил:

— Это наемные убийцы, и я не хочу, чтобы они, выйдя на свободу, перерезали мою семью. Я не доверяю ни нашим законам, ни нашим судам, так будет не только спокойнее, но и справедливее.

Оттащив убитых с дороги в кювет, они осмотрели «жигули». В багажнике прокурор обратил внимание на аккуратненький футляр,

открыв его, он увидел разобранную автоматическую винтовку итальянского производства с прибором ночного видения, в патроннике имелись пули, и он разрядил «Франчи».

Увидев пули, Нортухта сказал:

— Точно такая же у вас в кармане, и стрелял в вас вчера утром тот, что вышел без автомата, он, видимо, у них за «чистодела» проходил, ас.

— Да, я знаю, и зовут его Ариф, я за ним уже давно охотился, жаль, опять следы оборвались.

Отправив Арифа с бригадой в Фергану на охоту за прокурором, Миршаб принялся за выполнение второго пункта приказа Сенатора, он касался Беспалого, Артема Парсегиана, хотя, честно говоря, Хашимов не понимал, зачем понадобилась его смерть.

Но след Парсегиана неожиданно затерялся, а ведь он точно знал, что Беспалого задержал полковник Джураев во время ограбления майора Кудратова, страховавшего подвоз к «Лидо» спиртного с подпольных заводов.

Не отыскав Парсегиана по уголовным каналам, Миршаб стал разыскивать через своих людей в милиции, но тут неожиданно наткнулся на стену молчания. Но он все-таки узнал, что Беспалого забрали в следственный изолятор КГБ, вот, оказывается, чем объяснялось странное поведение давних осведомителей из милиции. Только теперь догадался Хашимов, что Беспалый знал нечто такое про его шефа, что представляло для него крайнюю опасность.

Парсегиан неожиданно оказался недосыгаемым, и Миршаб понял, что с выполнением первого пункта приказа следует поторопиться. В случае ликвидации Москвича Парсегиан догадался бы сказать на суде, что оговорил уважаемого Сухроба Ахмедовича под давлением прокурора Камалова. Нынешняя схема судов, конечно же, была хорошо известна Беспалому. В тот день, когда Хашимов узнал, где находится разыскиваемый им Парсегиан, ему стало известно, опять же из милицейских источников, что на прокурора Камалова на трассе Фергана — Коканд неизвестные совершили покушение и что все трое нападавших в перестрелке погибли.

Выходило, что Москвич переиграл их и на этот раз. В какой-то момент Миршаб пожалел, что нет в Ташкенте Шубарина, месяц назад он уехал в Западную Германию на какие-то долгосрочные курсы по банковскому делу. Он знал давнюю мечту Японца открыть коммерческий банк. Будь Шубарин под рукой — подсказал бы что-нибудь

дельное, хотя они когда-то с Сенатором условились не впутывать его ни в политику, ни в уголовные дела, чтобы при любых обстоятельствах он оставался свободным и с чистыми руками. На Японца они могли рассчитывать в любой беде, он не оставит без помощи и покровительства их семьи и детей. А Салим Хасанович смотрел еще дальше: если мы войдем в рыночную экономику, а дело, похоже, к этому идет стремительно, то, только отдав свои капиталы в руки Шубарина, они могли обеспечить будущую жизнь не только себе, но и внукам, уж он-то знает, как деньгами распорядиться, во что вложить, какое предприятие приобрести. Нет, Артура Александровича впутывать было нельзя, Сенатор не одобрил бы этот ход, глубже и дальше надо было смотреть.

Не дожидаясь возвращения прокурора из Ферганской долины, где стихийные беспорядки удалось взять под контроль, Миршаб начал готовиться к встрече Камалова в Ташкенте.

Прежде всего Хашимов распорядился, чтобы сообщение о падении на прокурора Камалова попало в газеты и на телевидение, тогда весть о вторичном покушении, которое готовил уже лично он сам, появится в прессе обязательно, и таким образом оно станет достоянием Парсегыяна и Сенатора.

Иного пути, как ликвидировать Камалова, Миршаб не видел, не выполни он приказ, Сенатор мог потащить за собой и его. Москвича, судя по всему, ничто не могло остановить, кроме смерти. Владыка Ночи еще не знал подробностей гибели своих киллеров, но догадывался, что Москвич заманил их в какую-то ловушку. С опытом его жизни, охотника за оборотнями, можно было предположить, что Камалов, после выстрела в окно Прокуратуры, высчитал — охота идет за ним, и откровенно подставлял себя под огонь, этим и усыпил бдительность Арифа, террориста с большим стажем, человека хладнокровного и выдержанного.

Готовя покушение, Миршаб сразу задумал направить следствие на ложный след, обстановка в Фергане сама подсказывала ему столь логичный ход.

Во время погромов по всей Золотой долине турки-месхетинцы не могли понять — почему же против вооруженной, разнузданной толпы убийц и поджигателей власти не применяли оружия и не использовали его даже против тех, кто штурмовал здания, где оно хранилось. Потеряв надежду на защиту властей, мужчины-турки просили дать им самим оружие, чтобы защитить детей, стариков и женщин,

которые в каждом селе сбились где-нибудь в школе или кинотеатре, но власти им отказали. Одним из тех, кто решал вопрос: стрелять или не стрелять в убийц и мародеров, на взгляд турок-месхетинцев, был, конечно, прокурор республики Камалов, на этом и решил сыграть Владыка Ночи.

В ночь покушения предполагалось разбросать по Ташкенту листовки, где говорилось бы о том, что турки-месхетинцы приговорили к смерти прокурора Камалова за гибель своих соплеменников. И на месте убийства решено было оставить какую-нибудь записку, а то и плакат, такого же примерно содержания, что и листовки. Задумал Хашимов организовать и несколько звонков в корреспондентские пункты центральных и республиканских газет, что ответственность за смерть прокурора Камалова берет на себя вновь созданная террористическая организация под названием «Мечь». И смерть прокурора республики списали бы на счет бедных турок, в одночасье потерявших родных и близких и кров над головой. Пока у всех с уст не сходили кровавые события в Фергане, с покушением следовало поторопиться.

Камалов еще продолжал мотаться между Кокандом и Ферганой, а люди Миршаба, используя японскую аппаратуру хана Акмаля, подаренную некогда Сенатору, перехватили разговор прокурора с женой и узнали, что он возвращается в субботу, в первой половине дня. Но главной новостью оказалась другая — в субботу выходила замуж племянница Камалова. Зная местные обычаи, можно было не сомневаться, что даже если Камалов не спал трое суток подряд, на свадьбе он появится в любом случае, хоть в час. Восточные свадьбы длятся до утра, вот на эту ночь и решили сделать ставку.

Выяснили, где состоится свадьба, и Миршаб сам проехался по маршруту от дома Камаловых до махалли невесты. Дядя прокурора Камалова жил в районах новой застройки после землетрясения, рядом с местечком, называемым Минеральные воды, дорога дальше вела в Казахстан, на знаменитый курорт Сары-Агач, и это обстоятельство взяли на заметку. Глубокий, длинный, километра на два, овраг, куда машины съезжали неподалеку от Медгородка, представлялся идеальным местом для нападения. Оставалось найти способ. Расстрелять машину на ходу из автомата? Но тут надежных гарантий не предвиделось — пуля дура, как сказал устами Теркина великий поэт. Вот если бы стрелять прицельно, да стрелял бы Ариф! Требовался вариант наверняка, и Хашимов вспомнил,

как полковник Халтаев когда-то без особого шума убрал некоего Абрама Ильича, писавшего кандидатские и докторские диссертации для высокопоставленных чиновников. Халтаев поступил просто — угнал из соседней области самосвал, груженный щебнем, и, изучив маршрут доктора наук, совершил на него наезд, а машину оставил на месте преступления, и жизнь человека списали на дорожно-транспортное происшествие.

Работая в Верховном суде, Миршаб провернул с полковником Халтаевым немало дел, но одна крупная операция по вызволению из тюрьмы по поддельному постановлению подпольного миллионера Раимбаева и у них все-таки сорвалась. В крайнем случае Владыка Ночи мог привлечь на помощь и такого старого специалиста по «мокрым» делам, как начальника районной милиции Халтаева. Но с Камаловым он хотел расправиться сам, теперь и для него забрезжил шанс занять место прокурора, слишком уж у многих уважаемых людей Москвич стоял костью в горле.

Если бы удалось каким-нибудь ложным звонком вызвать среди ночи Камалова со свадьбы, то, как только его машина покажется у оврага, с другой стороны пустили бы навстречу с горы тяжело груженный самосвал, который ударил бы на узкой дороге встречный жигуленок в лоб. При таком таранящем ударе на скорости сто — сто двадцать километров за жизнь пассажиров и водителя вряд ли кто поручился бы, смерть гарантировалась. Ну, на всякий случай выскочили бы на минутку, если Камалов вдруг каким-то образом вывернется и останется жив, и добились из пистолета.

Миршаб стоял на краю оврага и ясно видел всю операцию, вариант действительно выглядел надежно, и он решил на нем остановиться.

К субботе угнали в районе Сары-агач самосвал с казахскими номерами, груженный бетонными бордюрами. В предместье Ташкента, рядом с курортом, проживало немало турок-месхетинцев, и версия Миршаба могла оказаться вполне убедительной. К субботе они знали точно, что прокурор Камалов обязательно будет на свадьбе своей племянницы, и даже ведали, что он собирается подарить молодым, — японская аппаратура хана Акмаля на телефонный перехват работала безотказно. В день свадьбы несколько раз прослушивали и телефон в доме невесты, а главное, периодически отключали аппарат, чтобы внушить хозяевам, что связь у них барахлит, имелись у Миршаба и на этот счет соображения.

Поздно ночью, когда свадьба гремела не только на всю махаллю, а шум достигал даже казахских селений, Миршаб с подельниками на двух машинах выехали на операцию.

Угнанный самосвал уже стоял в темноте, чуть в стороне от дороги, откуда он должен был ринуться в лобовую атаку. В машинах, участвующих в операции, расположившихся на противоположных съездах в овраг, имелись переговорные устройства, «уоки-токи», используемые всеми полициями мира, кроме нашей, уже лет двадцать, а машина Хашимова располагала еще и телефонной связью.

Прибыв на место, осмотрели и опробовали еще раз самосвал, проехали по трассе, казалось, все рассчитали верно, оставалось выманить Камалова со свадьбы. Прежде чем звонить, послали в дом невесты человека, на узбекских свадьбах ворота открыты для всех, усадят за стол каждого вошедшего во двор, и появление незваного гостя не бросится в глаза никому.

Через час в переговорном устройстве, лежащем рядом с Миршабом, раздался голос гонца, отведавшего свадебный плов и пропустившего рюмку.

— Москвич сидит от телефона далеко и сейчас о чем-то оживленно беседует с какими-то солидными людьми, и его вряд ли отвлекут, кажется, можно звонить... — И вдруг, когда Салим уже собирался отключить «уоки-токи», человек со свадьбы, спохватившись, добавил:

— Тут среди гостей полковник Джураев, и вообще много ментов из угрозыска.

— Почему? — жестко спросил Салим, сразу почувствовав какой-то подвох, отчего у него моментально пересохло во рту.

— Говорят, жених служит в угрозыске, старлей.

— А... — сказал неопределенно Хашимов и, мгновенно успокоившись, отключил связь.

Но звонить сразу, как предполагал ранее, не стал, еще раз проехался по трассе, доехал до махалли, где шла свадьба, встретился с гонцом, побывавшим во дворе, расспросил его вновь дотошно и только потом, убедившись, что полковник Джураев не наставил ему капканов, вернувшись на исходную позицию, набрал номер телефона в доме, где находился Москвич. Трубку долго не брали, видимо, из-за шума, и он перезвонил повторно, мягкий женский голос ответил по-узбекски. Хашимов, также по-узбекски, отрекомендовавшись дежурным по Прокуратуре, сказал:

— Извините, но служба есть служба, Хуршид Азизович, уходя на свадьбу, оставил этот телефон и просил в случае необходимости позвонить.

— Вам позвать Камалова? — переспросила неожиданно женщина с приятным голосом.

— Если он рядом и свободен, то, пожалуйста, если далеко, передайте следующее...

— Да, он далеко — в саду, говорите, я передам.

— Скажите, звонил Генеральный прокурор страны Сухарев, завтра, несмотря на воскресенье, его вызывают в Кремль, доложить обстановку в Ферганской долине, и он хотел переговорить с ним. Пусть он возвращается домой, через час-полтора ему позвонят из Москвы. — И, поблагодарив, Миршаб положил трубку и через некоторое время дал команду отключить в доме телефон.

Звонок из Москвы выглядел вполне убедительно и никак не мог насторожить Камалова, его не раз поднимали среди ночи, такая уж работа.

Вызов прокурора из дома невесты означал начало операции, и Миршаб подъехал к самосвалу, стоявшему в укромном месте.

Карен, в перчатках, нервно сжимал баранку, а подельщик, который должен был после наезда выскочить и бросить в разбитую машину приговор несуществующей террористической организации турок «Месть» и, если надо, добить прокурора из пистолета, спокойно курил. Подойдя к распахнутой дверце машины, Миршаб приказал Карену:

— Как только выскочите на трассу, пусть подельщик не выпускает из рук автомат. На свадьбе находится полковник Джураев, от этого дьявола можно ожидать чего угодно, уж я-то знаю его давно.

— Мы слышали по «уоки-токи» ваш разговор, шеф, кроме него там много ментов, но отступать поздно, кажется, вы уже запустили машину, — ответил довольно-таки спокойно Карен, и в этот момент над махаллей, где трубили карнай, вспыхнула слабая зеленая ракета, на которую мало кто обратил внимание — сигнал означал, что прокурор Камалов выехал домой.

Двое в кабине неожиданно вздрогнули и подобрались, а Миршаб, отойдя в сторону, жестом показал — вперед!

Самосвал стал осторожно выезжать к дороге. Как только ЗИЛ занял исходную позицию на съезде в овраг, с другой стороны трижды мелькнул огонек фонарика — давался старт смертоносной машине.

Как в тщательно отрепетированном спектакле, две машины одновременно нырнули в глубокий овраг, и темнота проглотила их, лишь свет ближних фар жигуленка обозначал путь прокурора к смерти, самосвал Карена до определенного момента шел без огней.

Когда до столкновения осталось меньше минуты, все участники операции, включая прокурора Камалова, услышали душераздирающий вой милицейской сирены, приближавшейся с огромной скоростью.

Джураев появился на свадьбе не случайно, он знал, что тут будет прокурор, только вернувшийся из Ферганы, и ему хотелось из первых уст услышать о нападении на кокандской трассе. Учел он и возможность нового покушения, поэтому упросил хозяев усадить прокурора подальше, да и вряд ли кто-нибудь посторонний мог приблизиться к нему, товарищи жениха, из угрозыска, внимательно оберегали тот угол, где находился высокий гость.

Поэтому когда Хуршид Азизович неожиданно с семьей уехал домой, об этом тотчас доложили Джураеву. Хозяйке дома пришлось объяснять взволнованному полковнику, почему прокурор вынужден был покинуть свадьбу. Начальник уголовного розыска республики, знавший на память телефон дежурного Прокуратуры, попытался созвониться с ним, но связь не работала, что еще больше озадачило его. Тогда он бегом кинулся к своей машине на улице и набрал оттуда номер Прокуратуры — никакого звонка из Москвы не было. Джураев тут же завел машину, пригласил взглядом двух парней на заднее сиденье и, включив сирену на всю мощь, рванулся вслед Камалову. По рации он успел передать всем постам ГАИ в городе, чтобы остановили машину прокурора республики, Джураев был убежден, что засаду устроили у его дома.

Услышав сирену, Карен спокойно сказал приятелю:

— Менты. Скорее всего, Джураев догадался, что Москвича заманили в ловушку. Слушай внимательно, сейчас я ослеплю дальним светом жигуленка и ударю его, на проверку, что с ним случилось, нет времени, через три-четыре минуты, на выезде из оврага, мы наверняка столкнемся с оперативниками. Увидев машину ментов, я приторможу, а ты тут же дай очередь по фарам, и мы рванемся на Келес, где нас должны поджидать. Только ни в коем случае не стреляй по кабине, угрозыск за Джураева весь город перевернет, и до суда не доживешь, если влипнешь...

Камалов, услышавший за спиной вой сирены, понял: случилась какая-то беда.

Он понял, что сигнал имеет какое-то отношение к нему, сбавил скорость и хотел спокойно развернуться, как вдруг его ослепил яркий свет стремительно приближающейся с ревом огромной машины, и он догадался, что последует дальше, но дорога не представляла места для маневра даже первоклассному гонщику, хотя в последний момент прокурор сумел увести машину от лобового удара.

«Жигули» словно пушинку подбросило вверх, затем зацепило задним бортом, и, кувыркаясь, она пошла сшибать бетонные столбы вдоль дороги...

Самосвал, не сбавляя скорости, мощно шел на подъем и тут же целой правой фарой высветил вдали милицейскую машину с включенной сиреной.

ЗИЛ чуть сбавил ход, брызнуло высаженное лобовое стекло, и тут же раздалась автоматная очередь по фарам встречного транспорта. Подстреленные в оба передних колеса патрульные «жигули» так же пошли кувырком под откос в темноту — путь на Келес оказался свободным.

Неожиданно оборвавшийся вой сирены и автоматную очередь услышал кто-то из коллег Джураева, оставшихся на свадьбе, и на следующей машине работники угрозыска кинулись вслед своему шефу. Минут через десять они натолкнулись на перевернутый милицейский автомобиль, полковник Джураев отделался ушибами и ссадинами, а двое молодых розыскников еще и переломами. Когда они проехали дальше по трассе, увидели «жигули» прокурора, превратившиеся в груды металлолома.

Вызванная по радиации «скорая» подтвердила факт смерти жены и сына Камалова, а сам он, весь переломанный, истекающий кровью, был еще жив, и его срочно отправили в реанимационное отделение травматологии того самого института, откуда когда-то капитан Кудратов выкрал Коста. На следующий день Хашимов узнал от своих людей, впрочем, об этом говорил весь город, что Камалов до сих пор не приходил в сознание и по-прежнему находится в безнадежном состоянии. Интервью министра внутренних дел по телевидению тоже подтвердило версию о критическом состоянии жизни прокурора, но высший милицейский чин назвал случившееся дорожно-транспортным происшествием, несчастным случаем, и уверил граждан, что ведется тщательный поиск машины, совершившей аварию и скрывшейся с места преступления.

В тот же день Миршаб передал в Москву по телефону текст шифровки о том, что Москвич больше не представляет опасности.

Через неделю, несмотря на все строгости тюрьмы «Матросская тишина», оно стало достоянием Сенатора, и он уже по-иному стал строить свои отношения со следователями.

Шла неделя, другая, заканчивалась третья, прокурор оставался в реанимации и не приходил в себя, все эти дни он был между жизнью и смертью. Многие, даже врачи, поставили ему окончательный диагноз — не жилец. Миршаб, еще с неделю следивший за сведениями из травматологии, потерял к ним интерес, для него стало ясно, что, даже если Камалов выживет, скорее всего, останется инвалидом, не имеющим влияния на события в республике.

Но судьба распорядилась иначе. На исходе двадцать восьмых суток Камалов открыл глаза и слабым голосом спросил:

— Что с женой, с сыном?

Вместо ответа дежурившая медсестра заплакала, и он понял, что лишился семьи.

С этого дня он все время порывался встать, убеждал врачей, как много у него неотложных дел, он еще не осознавал, что травматологи собрали, склеили его по частям, живого места на нем не было, только голова осталась целой, да и то тяжелое сотрясение держало его столько дней в беспомощности.

Через две недели, когда из реанимации перевели в одиночную палату на третьем этаже, он попросил, чтобы к нему зашел полковник Джураев, хотя тот уже бывал здесь не раз во время кризиса.

Начальник уголовного розыска чувствовал вину перед прокурором, как прежде перед Амирханом Даутовичем, понимал, что опять опоздал, не успел. Полковник не знал, что на этот раз он смог вмешаться в события — не рванись он следом с сиреной, подельник Карена обязательно проверил бы результат столкновения и добил прокурора из пистолета.

— Это наезд, я понял сразу, как только огромная машина, мчавшаяся без огней, вдруг ослепила меня сверхмощными фарами,— сказал Камалов, когда полковник появился у него в палате.

— Это покушение. Я ни на секунду не сомневался,— ответил Джураев, хотя не стал говорить об автоматной очереди из того же самосвала. — Больше того,— добавил полковник,— это продолжение охоты, начатой в Фергане, откуда-то исходит жесткая команда немедленно уничтожить вас. Видимо, срок лицензии на ваш отстрел крайне ограничен, оттого такая спешка.

— Я догадываюсь, откуда,— ответил прокурор. — Нить тянется от Сенатора. Боюсь, до того, как я успел взять хана Акмаля, аксайский Крез успел передать ему свои полномочия и людей, оттого столь мощная, стремительная, без передышки атака.

— Пожалуй. Но я склонен считать, что и в случае с моим другом прокурором Азлархановым, и с вами действовали одни и те же лица. Как я жалею, что в свое время не допросил Парсегына как следует. Беспалый — единственный человек, знающий смертельно опасную тайну Сенатора, мог ли я тогда, в день задержания, даже подумать, что ночной разбойник состоит в тесной дружбе с ним.

— Позвоните, пожалуйста, генералу Саматову и скажите, что я просил особо оберегать Парсегына и все показания записать на видеокассету. Щупальца у мафии, как я вижу, длинные, как бы они и до него не добрались, сегодня трудно кому-нибудь доверять. Почему я вас вызвал? — заговорил вдруг после долгой паузы прокурор, заметно волнуясь. — Вы как раз тот человек, которому я доверяю сполна и знаю, что вы ведете войну с преступностью не на жизнь, а на смерть, без оглядки. Жаль, я мало чем смог помочь вам в этом, и сам ничего, считай, не успел...

— Не говорите так,— перебил Джураев,— мы в уголовном розыске почувствовали, что в крае появился человек, решивший навести порядок невзирая на лица...

Но прокурор, пропустив слова полковника мимо, продолжал:

— Я не знаю, сколько я здесь пролежу: полгода, год, и каким отсюда выйду, и чем стану заниматься позже. Вряд ли мне удастся вернуться на прежнее место, на мой взгляд, идет откат назад, многие наверху считают, что пора свернуть работу всех следственных групп, да и местной Прокуратуре поубавить пыл, я эту узду ощущал во время ферганских событий. Да и в самой Москве то же самое. Но не об этом речь. Я хотел бы заручиться вашим честным словом: каким бы я отсюда ни вышел, у вас в угрозыске найдется для меня работа, любая. Только вместе с вами я доведу дело до конца и поквитаться за вашего друга Азларханова, и за себя, и за всю семью, и за попираемый Закон...

— Я обещаю вам это в любом случае, у меня с ними тоже свои счеты,— сказал, волнуясь, полковник.

В августе Камалов приободрился, вышел правительственный указ о создании Чрезвычайной комиссии по борьбе с организованной преступностью, возглавил которую сам Горбачев.

Создали такую комиссию и в Узбекистане, с полномочиями на два года, в ее состав вошел и генерал Саматов. Спустя четыре месяца, ближе к Новому году, Джураев, как и Камалов, возлагавший немало надежд на новый указ, сказал в сердцах прокурору, что указ оказался очередным правительственным постановлением, никого и ни к чему конкретно не обязывающим, не подкрепленным законодательными актами, не обеспеченным ни материальными, ни техническими, ни кадровыми ресурсами. Преступный мир понял окончательную импотентность власти, ибо проверил ее терпение во всех регионах и по всему перечню преступлений: квартирные кражи, хищения, разбои, угон машин, мошенничество — и на воровских сходках решил наращивать масштабы уголовных деяний. Воровской мир реально оценил наши возможности, понял, что Горбачев готов лишь давать грозные названия комиссиям.

В октябре, когда у прокурора сняли гипс с левой руки, он попросил начальника отдела по борьбе с мафией принести документы, что удалось собрать о жизни и связях Сенатора.

Материалов оказалось достаточно, работали тщательно, прилагалось немало фотографий. Прокурор знал эти документы, но сегодня, после покушения, они виделись иначе. Каждый день после уколов, процедур он перебирал бумаги, выстраивал планы, за которые возьмется, как только выйдет из стен больницы. Чаще всего его рука тянулась к двум папкам, на одной из них значилось:

ШУБАРИН АРТУР АЛЕКСАНДРОВИЧ

(кличка — Японец)

В этой папке оказалось немало фотографий, на них Японец всегда был заснят в компании, и люди, с которыми он находился рядом, прежде обладали завидной властью: секретари горкомов и обкомов, министры, депутаты, крупные должностные лица. Имелась цветная фотография, где Шубарин улыбался хану Акмалю, рассматривавшему удивительной красоты и изящества охотничье ружье. Прилагались два снимка, где Шубарин рядом с Шарафом Рашидовичем, но на обоих присутствовал и Анвар Абидович Тилляходжаев, с которым, говорят, Японец был накоротке.

С каждым днем Камалов убеждался все больше и больше, что и Сенатор, и хан Акмаль могли поручить предприимчивому Японцу устранить его. Могли они и шантажировать Шубарина,

и жизнь прокурора вполне могла стать платой за процветание Японца. Следовало внимательно присмотреться к человеку с официальным миллионом и имеющему много друзей в государственном аппарате республики.

На другой папке, тоже красным фломастером, значилось:

ХАШИМОВ САЛИМ ХАСАНОВИЧ
(кличка Миршаб — Владыка Ночи)

Тут не было фотографий со знаменитыми и влиятельными людьми, словно Миршаб избегал ненужной рекламы, и снимок прилагался всего один. Человек из Верховного суда заснят на ней с хозяйкой модного ресторана «Лидо», некой красавицей Наргиз, в прошлом танцовщицей знаменитого фольклорного ансамбля. Сведений о Хашимове имелось мало, но отмечался его высокий профессиональный уровень как юриста, выделялось и его неумное тщеславие, хотя он всегда вроде был на вторых ролях при Сухробе Ахмедовиче. Люди, хорошо их знавшие, утверждали, что в ту пору, когда они возглавляли районную Прокуратуру, некоторые важные решения принимал и реализовывал все-таки — Миршаб, не зря у него такая двусмысленная кличка. Обращали внимание на его жестокость, изворотливость, намекали, что он сумел купить своей любовнице не только дом в престижной махалле, но и помог ей открыть ресторан, приносящий невероятные доходы. Обращали внимание на несколько судебных решений, принятых с тех пор, как в Верховный суд пришел Хашимов, когда крупные расхитители отделались тюремными сроками вместо высшей меры, отступное в таких делах могло стоить казнокрадам многих миллионов. Выходило, что Сенатор работал в паре с умным и коварным человеком, которого так просто не возьмешь.

Когда полковник Джураев пришел к нему в очередной раз проведать, прокурор передал ему досье на Шубарина и на Хашимова со словами:

— Возьмите, кажется, эти люди выдали срочную лицензию на мой отстрел.

Джураев, мельком кинув взгляд на папки, сказал:

— Спасибо. Я уже давно собираю на них материал. — И после паузы добавил: — Должен вас одновременно обрадовать и огорчить. Японец отбыл в Западную Германию на годичные курсы

по банковскому делу — за месяц до начала Ферганских событий, он намерен открыть в Ташкенте коммерческий банк. Я думаю, не в его интересах уничтожать таких людей, как вы, он как никто заинтересован в правовом государстве.

Сознание, что он наконец-то нащупал тех, на кого делают ставку и Сенатор, и хан Акмаль, придало энергии прокурору Камалову.

Узнав, что семья погибла, прокурор долго пребывал в шоке и заметно потерял интерес к своему здоровью, но теперь, когда появилась цель, он неистово цеплялся за жизнь, стремился восстановить силы, чтобы непременно остаться работать в органах.

В палате стоял телевизор, и он часто стал слушать выступления с третьей сессии Верховного Совета СССР, и поражался близорукости депутатов, не понимавших, что любые социальные программы, впрочем, как и другие проблемы, никогда не решить, не сломав хребет преступности, ибо финансирование их рано или поздно окажется у них под контролем. Рэкет, дитя кооперации, почувствовал вкус больших денег и бессилие власти, и его уже теперь не остановить, тем более с такими милосердными законами.

В декабре началась и сессия нового парламента Узбекистана, и тут прокурор не удержался, послал в президиум записку. В ней он писал:

«Всячески поддерживаю вопрос о суверенитете республики, ибо только на путях ее самостоятельности мне видятся пути искоренения преступности в нашем крае, принявшей чудовищные размеры и, по существу, нами уже не контролируемой. Надо без оглядки на законотворчество других стран, и даже соседних республик, издать свои законы, гарантирующие гражданам безопасную жизнь и охрану имущества, а теперь и частной собственности.

В сложившейся ситуации Узбекистан стал приманкой для преступного мира страны, местом наибольшего скопления бродяг, людей, не желающих заниматься трудом, паломничества проституток, аферистов. У нас своих доморощенных преступников хватает, и проституток, и тунеядцев, и наркоманов, но три четверти особо тяжких преступлений совершается гастролерами из других регионов.

Преступный мир, чтобы сбить с толку правовые органы, работает и широко использует тактику: местные готовят преступление, а гастролеры прилетают на исполнение, имея обратный би-

лет на руках. Такими же гибкими и оперативными, как и деяния уголовников, должны стать наши законы, следует моментально реагировать на всплеск любого вида преступления.

Республику задушили три опасных вида преступления, и все они направлены против личности: квартирные кражи, особо дерзкий разбой, угон автомобилей. В росте преступности виноваты не только слабая работа правоохранительных органов, но прежде всего — Законодательство. Посудите сами: угон автомобиля, самой крупной покупки в советской семье, — карается штрафом в 100 рублей или годом условного заключения — это ли не насмешка над законопослушными гражданами, не причина массового угона машин?

Чтобы сбить волну преступности в республике, защитить ее граждан, предлагаю на рассмотрение несколько предложений:

1. Любой преступник, не являющийся гражданином Узбекистана и совершивший на ее территории уголовное преступление, в дополнение к существующему законодательству получает еще пять лет тюрьмы. Закон перекроет все маршруты гастролеров и прекратит уголовный террор жителей республики.

Этот закон, еще с более суровыми мерами, крайне необходим, безотлагателен в другом. В стране только складывается самая опасная из мафий — наркомафия, и опять Узбекистан окажется притягателен для уголовников со всех концов страны и из-за рубежа, причем, на советский рынок наркотиков уже кинулись и с Востока, и с Запада, нужно законодательно, как в Иране, перекрыть им дорогу, и для пользы своего же народа безжалостно ликвидировать производителей на месте. А для тех чужаков, кто уже имел две судимости по особо тяжким преступлениям, применять крайние меры. Нужно через народный референдум ввести порог судимостей, особенно по тяжким преступлениям.

2. Квартирные воры не выходят на свободу до тех пор, пока полностью не компенсируют нанесенный ущерб потерпевшим, причем, при краже дефицитных вещей учитывать их реальную рыночную стоимость. Такой закон сделает невыгодным промысел навсегда.

3. Что касается машин, то угон следует приравнять к краже личного имущества, также не выпускать на свободу угонщиков, пока хозяину не вернут машину, причем страхование транспорта надо разрешить по рыночным ценам, ибо только затронув государ-

ственные интересы, милиция заработает по-настоящему, появится у нее и техника, и средства, и специалисты по угонам. И еще, чтобы уголовный мир день ото дня не пополнял ряды за счет молодежи, следует, опять же законодательно, выбить у них почву из-под ног, ибо преступность уже для многих стала профессиональным занятием. Предлагаю по особо опасным преступлениям, дважды судимых, на третий — подвергать расстрелу, поубавится романтики в блатной жизни. Во избежание ошибок судьбу таких преступников решать в судах присяжных, дважды, разными составами.

В число предлагаемых на рассмотрение законов следовало бы внести и положение об амнистии. Анализируя все амнистии нашего государства, от печально известной бериевской 1953 года и кончая последней, «горбачевской», 1987 года, видишь: они ничего, кроме беды для граждан страны, не принесли. Скажите, какое отношение имеет 100-летие со дня рождения В. И. Ленина и 70-летие Советской власти к помилованию преступников сегодняшнего дня? Считаю, что в Узбекистане амнистии должны быть отменены навсегда, ибо прежде всего они противоречат закону о неотвратимости наказания за преступление, и объявляются амнистии только из-за амбиции особо тщеславных людей, дорвавшихся до власти.

Все законы республики должны строиться только в пользу добропорядочных граждан».

Письмо прокурора республики к депутатам зачитали на одном из вечерних заседаний, и оно было встречено шквалом аплодисментов, Камалов посланием напоминал, что он готов продолжить начатую борьбу с преступностью до конца. После его обращения к новому парламенту как-то поутихли разговоры, что скоро будет назначен новый прокурор республики, ведь Камалов находился в больнице уже почти полгода.

Доставили Камалову в больницу и докторскую диссертацию Сенатора. Удивительно аргументированная, глубокая, ко времени, работа — чем больше он в ней разбирался, тем больше убеждался, что Сухроб Ахмедович не имеет к ней никакого отношения. Следовало непременно установить автора столь важной научной работы, если он жив, конечно. Такой человек сейчас, в условиях зарождающейся самостоятельности республики, был необходим как никогда — ведь придется пересматривать все законодательство, исходя из жизни и интересов народов, населяющих Узбекистан, их специфики, традиций, уклада и морали, выработанной веками.

Авторство научных трудов Сенатора следовало установить не только ради справедливости, но и для того, чтобы снять с него ореол выдающегося юриста, ратующего за демократические свободы и реформы в законодательстве, обнажить сущность политического авантюриста, не гнушающегося откровенной уголовщиной. Развенчать в открытом суде лжедоктора юридических наук значит остудить пыл многих авантюристов, показать истинное лицо рвущихся к власти жуликоватых поводырей.

Неожиданно у прокурора республики потянулась новая ниточка к своим противникам, список которых он пока не мог четко обозначить, и этот шанс он получил благодаря своему несчастью.

Проведать его часто приходили знакомые и незнакомые люди, даже посланцы целых трудовых коллективов, что особенно трогало прокурора, ведь ему казалось, что он ничего не успел сделать. После таких визитов он еще сильнее убеждался, что должен во что бы то ни стало вернуться в строй.

Незадолго до Нового года, когда Камалов после процедур просматривал, уже в который раз, досье на Сенатора, к нему в палату вошла девушка, старавшаяся выглядеть старше и солиднее, это ей мало удавалось и придавало гостю удивительное очарование. Она назвалась Татьяной Георгиевной, что заставило прокурора мысленно улыбнуться, и сказала, что она — выпускница юридического факультета и год назад находилась на преддипломной практике в Прокуратуре республики.

Есть люди, чье поведение, слова с первых минут внушают доверие, редкий тип в наше время, конечно, но как раз выпал такой случай. Девушку мучила какая-то тайна, это читалось на ее лице, и он не ошибся.

Поставив цветы в вазу, а фрукты определив на подоконник, она плотнее затворила дверь и, смущаясь, начала:

— Вот уже несколько месяцев я не решалась прийти к вам, простите мне мое малодушие. Мне кажется, то, что я знаю, а точнее, моя догадка имеет отношение к покушению на вас. Теперь, после случившегося с вами, я убеждена, что в Прокуратуре республики есть предатель, который докладывает о всех ваших тайнах противнику, о вашем передвижении, о секретных и неожиданных совещаниях, о вашей переписке, не исключено, что он прослушивает разговоры по внутреннему телефону.

— Почему вы так решили? — спросил он спокойно, боясь спугнуть девушку.

— Этот человек во время практики пытался за мной ухаживать, и даже однажды пригласил меня в ресторан, в знаменитое «Лидо». Там к нам подсел мужчина, и не случайно, как я поняла, у них была назначена там встреча. Подсевший не знал, что я на практике в Прокуратуре, скорее всего, он принял меня за одну из легкомысленных девушек. Поэтому в разговоре, который они все же пытались завуалировать, несколько раз мелькало ваше имя, хотя чаще они называли вас «Москвич». Как я уяснила, мой ухажер передал что-то такое, что не должно выходить из стен Прокуратуры, я все-таки будущий юрист.

— Вы не могли бы описать человека, проявляющего интерес к делам Прокуратуры? — спросил Камалов, чувствуя, что он вышел еще на одного свидетеля, по важности не уступающему Парсегану.

Девушка вполне толково стала описывать человека, подсевшего к ним в «Лидо», и сразу легко вырисовался Сенатор.

Камалов вспомнил, что у него есть его фотографии, показал их Татьяне, и побледневшая девушка сказала:

— Да, это он.

Прокурор решил и дальше форсировать внезапную удачу и, показав фотографию Салима Хасановича, спросил:

— А этого эlegantного джентльмена вы не заметили в тот вечер в ресторане?

Девушка недолго вглядывалась в фотографию, где Миршаб улыбался Наргиз.

— Да, видела. Мужчина в светлой тройке, и впрямь очень эlegantный, стоял рядом с этой женщиной, и они вместе покинули «Лидо».

Камалов понял, практикантка случайно, но точно вычислила предателя, вот почему Айдын оказался на крыше соседнего здания в день секретного совещания. Уходя, девушка сказала, волнуясь:

— Мне очень хотелось бы работать с вами, быть вам полезной. — И она протянула бумажку, где размашистым почерком значился ее телефон.

Уже у самой двери она вдруг сказала:

— Вы не думайте, что вокруг вас в Прокуратуре много предателей, мне кажется, этот выродок один, а вас очень уважают, и не дождутся, когда вы вернетесь в строй... — И вдруг после паузы выдохнула: — И я вас очень люблю...

Камалов после ухода Татьяны еще долго лежал, ошарашенный новостью и неожиданной поддержкой, потом, хромая, добрался до телефона в конце коридора, позвонил начальнику отдела по борьбе с мафией и попросил его сейчас же зайти к нему.

Когда полковник появился у него, Камалов передал бумажку с фамилией, которую ему назвала Татьяна, и сказал:

— Возьмите под микроскоп жизнь этого молодого человека, есть все основания подозревать, что через него идет утечка тайных сведений к противнику. Сегодня же попытайтесь лично встретиться с полковником Джураевым и передайте и ему эту информацию, пусть объект попадет под перекрестный огонь внимания.

За неделю до Нового года в Ташкенте выпал обильный снег. Камалов почти полдня простоял у окна, любуясь, как крупные хлопья снега укутывали деревья больничного сада, и вечнозеленые чинары издали походили на ели в подмосковных лесах.

Осень оказалась долгой, теплой, и многие деревья, так и не успев облететь, в полном убранстве вошли в зиму. Мороз крепчал, и прокурор видел, что подмороженные стебли листьев не выдерживали обильного снегопада и, мягко обрываясь, опали на землю, образовав под каждым деревом заметную горку. Редкое зрелище в Ташкенте — зимний листопад.

В эти дни, впервые за многие месяцы пребывания в травматологии, Камалов не мог оторваться от окна, он подолгу стоял, глядя в безлюдный двор, и дальше за ограду, где продолжалась другая, ушедшая от него жизнь, и улицы словно не касались беды за больничной оградой, она жила по своим меркам. Спешили на работу, с работы, с новогодними покупками, подарками, гордо несли свой трофей раздобывшие елку. А к вечеру, когда на город внезапно напозала темнота и зажигались огни, жизнь за оградой заснеженного сада казалась такой манящей!

Ярко-красные трамваи, припорошенные легким снегопадом, сияя окнами, весело проносились вверх-вниз по улице Энгельса, и куда девался их необычно раздражавший стук на стыках? Они скользили плавно, легко, суля обманчивое тепло, уют, комфорт, приветливые лица. Здесь, у окна больничной палаты, ему казалось, что все прохожие улыбаются друг другу, уступают места, желают всем только здоровья и счастья, хотя знал — это не так, в трамвае ледяной холод, дует в разбитые окна, грязно, с полгода как не убиралось, и как раз по вечерам в них свирепствует шпа-

на и обкурившиеся анашой наркоманы, и что с работы едут усталые, издерганные люди, они со страхом ожидают грядущий Новый год — что он несет народу, ташкентцам? Но так думать не хотелось, хотелось ждать праздника, как давно, в Москве, в молодости, когда жизнь сулила еще столько перспектив и счастья. «Каким будет Новый год для меня? — думал грустно Камалов, вглядываясь в ночной сад за окном.— Удастся ли мне выиграть единоборство с безжалостным противником?»

Он отдавал себе отчет, что в их смертельной игре уже не будет ничьей.

Он вспомнил свой ташкентский дом, где они уже обжились, притерлись, и ему вдруг так захотелось туда, где все напоминало о семье, о сыне — как любили они встречать Новый год!

Мысль о доме запала в душу, и, когда он увидел, что многие больные отпрашиваются на праздник к семье, он тоже, хоть на вечер, решил вернуться к себе, в больнице ему предстояло быть еще до марта.

Новогоднее настроение, новогодний ажиотаж охватил всех, больных, врачей, посетителей, которых в последние дни резко побавилось. Готовилось к Новому году и травматологическое отделение, где лежал Камалов, ходячие больные украшали елку в холле у телевизора, развешивали гирлянды в коридоре.

На утреннем обходе, в канун Нового года, он попросил разрешения у лечащего врача съездить домой. Тот внимательно посмотрел на прокурора, видимо, не желая его отпускать, но в последний момент, почувствовав что-то в настроении больного, сказал:

— Но при условии: не пить, не курить, не волноваться — для вас все это до сих пор представляет серьезную опасность. О прежней жизни забудьте надолго — покой, уют, соседство мудрых книг, телевизор — вот ваши перспективы на ближайшие годы, если не на всю жизнь, дорогой Хуршид Азизович. Устраивают вас такие суровые условия краткосрочного увольнения?

— Вполне,— ответил добродушно прокурор, хотя перспективы, впервые высказанные вслух профессором, вряд ли его обрадовали, у него имелись свои планы на оставшуюся жизнь.

Получив разрешение, Камалов поначалу растерялся, долгое пребывание в больнице расслабляет человека, но он тут же отринул минутную слабость и, добравшись до телефона, вызвал машину. Пока шофер доставлял из дома одежду, он выстраивал планы,

что предпринять прежде всего, — напрашивалось одно: посетить могилы жены и сына.

Нортухта, с которым они попали в засаду на кокандской дороге, быстро доставил его на кладбище Чиготай и, несмотря на все запреты, заехал туда на машине, потому что прокурор все-таки передвигался с трудом.

На кладбище он пробыл долго, замерз, устал, и когда возвращались в центр, заметил красочную рекламу ресторана «Лидо», того самого, куда некогда пригласили Татьяну, точно вычислившую предателя.

Камалов понимал, что в этот скорбный день, когда он впервые посетил могилы сына и жены, должен что-то сделать, собрать друзей, родственников, коллег, но у него в распоряжении от увольнительной осталось чуть больше двадцати часов. Наверное, следовало прочесть какие-то строки из Корана, чтобы облегчить душу, но, как человек атеистического поколения, он, к сожалению, не знал ни одной суры, ни одного аята. В самый последний момент, когда показался парадный вход «Лидо», выполненный в ложно-классическом стиле, с мраморными колоннами на просторной открытой веранде, прокурор вспомнил житейское — помянуть! Помянуть!

И как-то сразу все стало на место. Он попросил шофера остановиться. Сейчас он не думал, что этот ресторан как-то связан с Сенатором, с Миршабом и тут наверняка не раз велись разговоры о нем. Все его помыслы были об одном — хоть и запоздало, пока в одиночку, но помянуть по-человечески жену и сына.

Высокая дверь с тонированными стеклами оказалась закрыта, хотя в холле сновали люди.

Камалов нажал кнопку, и тотчас у двери появился Карен в форме швейцара. Он сразу узнал прокурора, хотя раньше никогда с ним не встречался. Преодолев секундный шок, Карен молча распахнул дверь. Оставив спортивную куртку гардеробщику, тому самому парню, что должен был добить его из пистолета, если бы не вмешался в операцию полковник Джураев, прокурор перешел в другой, более просторный холл и сразу отметил, с каким размахом и вкусом отстроили «Лидо».

В таком респектабельном заведении он, честно говоря, никогда не бывал. Он недолго простоял в холле, раздумывая — в какой из двух залов пойти, как увидел в торце вестибюля, рядом с широкой мраморной лестницей, ведущей на второй этаж, бар, с не-

сколькими столиками, прятаясь в тени роскошной лестницы с ковровыми дорожками. Уютное место, особенно для тех, кто заскокочил ненадолго, туда и направился прокурор. Не успел он взгромоздиться на высокий вращающийся стул, как бармен спросил любезно:

— Коньяк, виски, джин, ликер?

— Водку, — ответил Камалов, разглядывая богатую и со вкусом обставленную витрину.

— Не держим, — уже несколько суше, но без хамства ответил человек за стойкой.

Прокурор раздумывал, поминают все-таки водкой, и он не хотел нарушать традицию, как вдруг кто-то за его спиной, из-за столика у лестницы, громко сказал буфетчику:

— Принеси из зала, редкий гость к нам заглянул.

В мгновение ока бармен слетал в зал на втором этаже и вернулся с бутылкой «Столичной». Обтерев запотевшую бутылку, он поставил перед болезненного вида клиентом рюмку, но тот попросил еще одну, и тогда вышколенный официант дрогнул, спросил:

— Зачем?

Человек со свежим рваным шрамом на лбу молча забрал бутылку из рук хозяина и, наполнив вторую рюмку, сказал:

— За жену, за сына.

Парень так ничего и не понял, но видел, что люди за столиком у лестницы внимательно слушают их разговор. Выпив, странный клиент отодвинул рюмки и сказал:

— А теперь можно рюмку коньяка. — И стал шарить по карманам сигареты, но бармен, желая угодить, тут же протянул ему распечатанную пачку «Винстона».

Как только человек со шрамом поднес сигарету к губам, кто-то молча из-за спины протянул ему огонек зажигалки. Камалов склонился к «Ронсону» в холеной руке с безукоризненно отглаженными манжетами, прикурил, поднял глаза и увидел... Хашимова, это он послал бармена за водкой.

Прежде чем что-то сказать, Миршаб глянул на бармена, и тот поспешил из-за стойки, только потом, пряча зажигалку в жилетный кармашек, он произнес:

— С наступающим Новым годом. Рад видеть вас живым и здоровым, слышал, вы попали в серьезную аварию...

Прокурор ничего не ответил, только молча смотрел на человека, о котором уже многое знал.

Человек из Верховного суда не выдержал затянувшейся паузы.

— Говорят, вы чудом остались живы и теперь наверняка оставите опасную работу, уже и фамилии ваших преемников называют...

Камалов молча выпил рюмку коньяка, что успел налить ему ловкий бармен, осторожно опустился с высокого табурета и только тогда, глядя собеседнику в глаза, ответил:

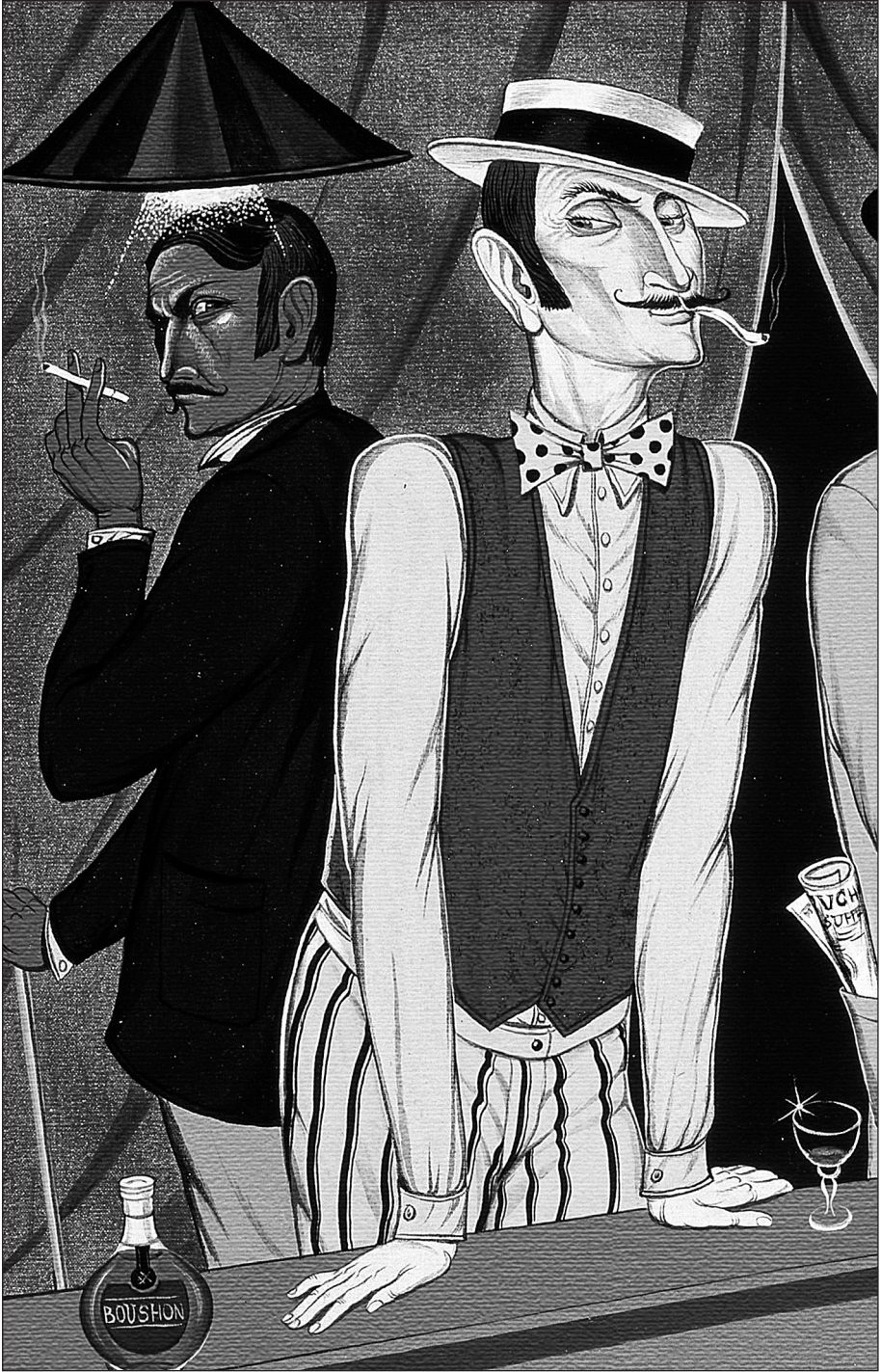
— Не обольщайтесь, Салим Хасанович, не оставлю. Считайте, что мы с вами, Миршаб, начинаем все сначала. Я уже включил счетчик, вы слишком много мне с Сенатором задолжали... — И он пошел к выходу, заметно припадая на левую ногу, чувствовалось, что каждый шаг дается ему с болью, это читалось на его лице.

*Ходжа-Оби-Гарм, Переделкино, Коктебель,
1990*

Повести

Знакомство по брачному объявлению

Повесть

Телеграмму принесли ему прямо на работу, хотя адрес указан был домашний. Содержание ее такой срочности вовсе не требовало, да и в том, что телеграмма читана и перечитана, сомневаться не приходилось: на почте их райцентра — Хлебодаровки — работали одни женщины. Акрам-абзы помнил их еще озорными девками, и они хорошо знали Акрама, который уходил на войну вместе с их женихами, а вернулся один.

Телеграммы в поселке уже лет двадцать разносила многолетняя Дарья Сташова, жившая во дворе почты в маленьком казенном флигельке. Любопытная, бойкая на язык, она не вручала ни одну телеграмму без комментариев, но сейчас отдала молча. Как ни точило ее любопытство, не сказала ни слова, вручила телеграмму, словно ноту протеста, если не от имени всего поселка, то от имени работников почты и телеграфа уж точно. Даже велела расписаться в получении, хотя раньше такой формальностью, предписываемой телеграфными правилами, никогда себя не утруждала.

«Дорогой Акрам Галиевич,— начиналась большая, рубля на три, телеграмма.— Беспокоит вас из Южно-Сахалинска Наталья Сергеевна Болдырева. Случайно попалось на глаза ваше объявление в газете. Мне кажется, мы подойдем друг другу. Отпуск дали неожиданно — лечу. Буду у вас в воскресенье, во второй половине дня. До встречи. Наташа».

Когда Акрам Галиевич увидел Сташову в окно кабинета, он почувствовал — к нему, хотя не ожидал так скоро получить весточку, а в иные дни даже сомневался, найдется ли хоть одна женщина, которую приманит такая глухомань, как степная Хлебодаровка, и заинтересует он сам — провинциальный нотариус на пороге пенсии.

Выходит, еще как заинтересовал, если от самого Сахалина рвутся к нему на самолете, дни считают. Гордость за себя на некоторое время заслонила мысль о Сташовой и ее реакции на телеграмму.

Когда Дарья ушла, Акрам Галиевич прошелся по тесному кабинету нотариальной конторы, в которой просидел без малого тридцать лет.

До выпускных экзаменов в школе, самого горячего времени у сельского нотариуса, еще целая неделя, поэтому посетителей в коридоре не было, — как-то сложилось, что хлебодаровский люд за справкой или какой другой бумажкой в сельсовет и к нотариусу привык ходить с утра. Вот и сегодня были у него две старушки — отписали свои дома: одна — внуку, другая — внучке. «Молоко на губах не обсохло, а уже владельцы недвижимости», — поморщился Сабиров, заполняя бумаги, но вслух, конечно, ничего не сказал: должность обязывала быть беспристрастным. И не такое ему приходилось оформлять на несовершеннолетних отпрысков.

Он опять развернул листочек телеграммы...

— Наталья Сергеевна... Наталья Сергеевна... — произнес он, вслушиваясь в это сочетание. Имя и отчество ему нравились. «Конечно, могла и письмо поподробнее для начала написать», — размышлял он, вертя в руках телеграмму и невольно перечитывая ее вновь и вновь. Но тут же находил и оправдание незнакомой Наталье: такие дальние края, письмо с самолета на самолет, с поезда на поезд раз пять, наверное, перекидывается и затеряться ему ничего не стоит.

А телеграмма, тем более срочная, куда надежнее, чем беззащитное письмо, которое в почтовом ящике может с неделю проваляться или пропадет по нерадивости чьей-то, мало ли о таких фактах в газетах пишут. И отпуск, как указано в телеграмме, предоставлен ей неожиданно...

Взвешивая все «за» и «против», и, в общем-то, не одобряя скоропалительность поступка незнакомой женщины, Акрам-абзы тем не менее находил оправдание решению Натальи Сергеевны приехать,

увидеть все своими глазами. К тому же впереди у него почти целая неделя, и было время еще раз все обдумать как следует.

Все оставшееся время до окончания работы Акрама-абзы так и подмывало позвонить своему другу и соседу, главному бухгалтеру райпотребсоюза Жолдасу-ага, и поделиться с ним неожиданной новостью. Но, как ни крути, заводить такие разговоры самому неприлично, ведь не прошло и года, как схоронил он жену, Веру Федоровну, проработавшую в райпотребсоюзе под началом его друга Жолдаса, считай, всю свою жизнь. Верочку, как величал главбух его жену, Жолдас-ага любил, считал хорошей работницей и в те редкие годы, когда уходил в отпуск или болел, передавал свои полномочия только ей: шутка ли, каждая подпись бухгалтера — это движение денег или материальных ценностей.

Не отметив годовщины смерти и не воздав последних земных почестей близкому, как делал в Хлебодаровке всякий уважающий себя человек, и разговоры-то заводить о женитьбе или замужестве было грешно. И расскажи он сейчас главбуху, что к нему в воскресенье приезжает издалека некая Наталья Сергеевна Болдырева, вряд ли понял бы его даже сосед и лучший друг. «Могильный холмик еще не осел, а он женихаться спешит, торопится», — словно бы услышал недовольные голоса знакомых и незнакомых людей Акрам Галиевич в тесной, с распахнутым в сад окном комнате нотариальной конторы.

Нет, не ханжи и не лицемеры жили в степной Хлебодаровке, районном центре Оренбуржья, а самые что ни на есть обыкновенные люди. Они за столетия выработали свои простые и справедливые правила жизни, не обижающие памяти ушедших и не ущемляющие в правах и радостях оставшихся на земле. Ведь ловил уже на себе внимательные взгляды вдов и одиноких женщин Хлебодаровки Акрам Галиевич, чувствовал к себе интерес. А в праздники или какие другие дни торжеств, везде, куда приглашали Сабирова соседи, друзья, сослуживцы по сельсовету и райисполкому, разве не замечал он, как его осторожно, исподволь старались усадить поближе к той или иной женщине? А у Жолдаса, куда частенько вечерами заглядывал посидеть за самоваром, а уж на бешбармак зван был всегда, — не раз встречал он достойных женщин, как бы ненароком заглянувших к его хлебосольным соседям. Так ведь ни одна из этих женщин, ни тем более друзья даже не помышляли заговорить всерьез или в шутку о женитьбе, считая, что у человека сейчас время скорби

и не пробил еще час для таких разговоров. Всей своей жизнью в Хлебодаровке он, Сабиров, не давал повода для иных мыслей.

Вот и выходило, что поторопился он с брачным объявлением, и крепко поторопился. Годовщина смерти жены приходилась на первое воскресенье августа, еще почти полтора месяца, а у него уже смотрины... Как-то посмотрит на это хлебодаровский народ? Ну, да теперь уж назад дороги нет...

Возвращаясь в этот день после работы домой, Сабиров заглянул на маленький рынок рядом с автостанцией.

Хоть и невелика придорожная Хлебодаровка, не на всякой карте и отыщешь, но даже на ее базар добирались продавцы овощей и фруктов, диковинных для здешних мест. Два молодых корейца, в чьих словах и манерах угадывалось наличие высшего образования, продавали лук и арбузы, выращенные на благодатной хлебодаровской земле, которую брали в аренду или, как теперь говорят, в подряд у местного колхоза. Пожилой узбек скучал у горок запылившихся сухофруктов прошлогоднего урожая рядом с незнакомыми для этих краев пахучими специями, приправами, пряностями. Торговала тут и шумная, бойкая баба из Тюлькубаса, яблоневого местечка под Алма-Атой, сама румяная и круглая, как знаменитый алма-атинский апорт. Аромат ранних яблок забивал даже резкий запах восточных специй.

Хлебодаровка — место не Бог весть какое денежное, народ не очень избалован разносолами, деликатесами, свежими фруктами, и потому торговля шла вяло, хотя цены были вполне умеренные. Покупали немного: кто детишкам, кто для больного, кто для гостей.

На базарчик Акрам-абзы зашел, чтобы взять яблок, которые пришли ему по вкусу. Он частенько покупал их у этой румяной и ладной женщины, тоже приметившей своего постоянного покупателя. Она издали улыбнулась нотариусу, но зазывать не стала — возле ее прилавка как раз толкались девушки из промкомбината, держа наготове яркие полиэтиленовые пакеты. И вдруг Акрам-абзы раздумал покупать яблоки и торопливо зашагал прочь от базара: ему почудилось, что в историю с брачным объявлением втянула его именно эта продавщица яблок.

Как непостижимы порой поступки, суждения людей, даже умудренных жизненным опытом, далеко не ветрогонов! Готовы свалить свои беды на что угодно: на погоду, на понедельник, на тринадцатое число, на самые невероятные обстоятельства, лишь бы снять с себя ответственность за свой опрометчивый шаг...

А началось все с того самого дня, когда не оказалось у него с собой ни пакета, ни сумки, и торговка завернула яблоки в газету «Вечерняя Алма-Ата», где были напечатаны необычные для провинциального глаза объявления. Хотя такие объявления и печатались всего в трех-четырёх газетах страны, жителям больших городов они знакомы, как известны и клубы «Для тех, кому за тридцать» — городской вариант деревенских посиделок.

Клубы, так широко расплодившиеся поначалу, почему-то быстро захирели и повсеместно сошли на нет: наиболее активная часть женщин, благодаря стараниям и энергии которых и появились эти клубы, должно быть, свои проблемы решила, а у оставшейся части достаточных сил не нашлось. Клубы умерли, но объявления прижились, более того, докатились до такой глухомани, как Хлебодаровка.

Говорят, часть обездоленных женщин, в чьих городах не дают брачных объявлений, и никак не удается открыть клуб интересных встреч, и сложно с жениховским «кворумом», завалила письмами Центральное радио и телевидение, требуя применить энтээрговскую мощь для решения брачных проблем, советуя радиостанции «Маяк» каждые два-три часа передавать получасовые записи брачных объявлений, поскольку в стране несколько часовых поясов, а жених из Магадана непременно должен услышать о невесте из Закарпатья, хотя разница во времени у них десять часов. А Центральному телевидению рекомендовалось по субботам отводить один канал для показа невест во всей красе, а текст о добродетелях оных чтобы непременно читал своим хорошо поставленным голосом Василий Лановой, а еще лучше — сам Тихонов. Не осталась без внимания и всесоюзная фирма грамзаписи «Мелодия» — ей настойчиво советовали выпускать диски и кассеты с теми же объявлениями, можно в музыкальном оформлении, и намекали, что дела фирмы пойдут резко в гору, равно как и у тех, кто производит магнитофоны и проигрыватели.

«Средних лет женщина, хорошего здоровья и мягкого нрава, приятной внешности, умелая хозяйка, склонная к спокойной и несуетливой жизни в маленьком городе или селе, хотела бы познакомиться с мужчиной не моложе пятидесяти лет, желательно веселым, общительным, не злоупотребляющим алкоголем...»

Акрам-абзы раз сто, наверное, читал это объявление. Его воображение занимала фраза: «средних лет женщина». Сколько же это на самом деле? Тридцать, сорок, пятьдесят? Поди угадай... Нрави-

лась ему и фраза «склонная к спокойной и несуетливой жизни в маленьком городе или селе». Это словно про их Хлебодаровку.

Правда, встречались объявления, которые его раздражали. Например, такое:

«47 лет. Образование высшее. Меломанка, поклонница литературы и других искусств. Хотела бы познакомиться с женщиной, близким мне по интеллекту. Материально обеспечена: есть машина, дача...»

Он заочно невзлюбил эту даму, хотя ни по каким параметрам ей не подходил, да и давала меломанка объявление, разумеется, не в расчете на Сабирова из далекого степного Оренбуржья.

А какое разнообразие было адресов и предложений! Выбирай — куда хочешь, к кому хочешь, кого хочешь!

«Вдова. Пятидесяти лет, крупного телосложения, брюнетка. Двое детей давно определены и живут отдельно. Имею в Крыму дом, сад. Хотелось бы принять мужчину самостоятельного, хозяйственного, знающего садоводство и цветоводство. Желательно крепкого здоровья и высокого роста...»

С тех пор, как попала к нему случайно эта «Вечерка», Акрам Галиевич каждый вечер рассматривал ее с волнением, как огромную карту мира, висевшую у него в сельсовете. Как иного путешественника манят города с таинственными, малознакомыми названиями, так и его манили эти объявления. Иногда он жалел, что у него только один-единственный номер, и даже на почту сходил, поинтересовался, нельзя ли на эту газету подписаться с ближайшего месяца. Огорчили, сказав, что только с нового года.

В иные вечера он так засиживался за газетой, что забывал зайти на вечерний самовар к соседу.

Жолдас-ага, в такие дни долго не дававший жене команду заносить самовар, поглядывал за тщательно выкрашенную низкую изгородь, разделявшую их дворы, и, не видя обычно копавшегося во дворе соседа, думал: «Загрустил Акрам без Верочки, и не время берeditь его раны». Он сам заносил самовар в дом и, улыбаясь в свои редкие припущенные усы, озорно грозил: «Погоди, друг мой, сосед, женим мы тебя. Негоже человеку в старости одному оставаться. Дай только срок, чтоб по-людски все было, уж больно высоки наши годы для насмешек, и не нам дурные примеры подавать молодым и топтать не нами заведенный порядок...»

А его друг в это время перечитывал уже, наверное, в сотый раз: «Блондинка, хрупкого сложения, хотела бы выйти замуж за доброго,

пожилого человека в сельской местности...» — и уносился мыслями то к «хрупкой блондинке, уставшей от города, шума и личных неудач в жизни», то в Крым, к «брюнетке крепкого телосложения», жившей в огромном доме с садом, спускающимся к ласковому морю. В объявлении брюнетки его настораживало условие: «мужчина высокого роста». Хотя Акрам Галиевич и вышел ростом, но гигантом не был, а что имела в виду «вдова пятидесяти лет», было не совсем ясно. Вдове, наверное, подошел бы другой его сосед, почти двухметровый Иван Гаврилюк, так с того собственная жена глаз не спускала, и не то что в Крым — в соседние колхозы на сельхозработы не отпускала без скандала с Ивановым начальством. Может быть, Иван и сбежал бы в Крым, в дом с садом на берегу моря, — уж он-то наверняка подходил всем требованиям вдовы, кроме, пожалуй, цветоводства, — но у него не было такой бесценной газеты, способной круто изменить его жизнь.

Хоть и редко, но встречались и мужские объявления. Одно из них Акрам-абзы ни за что не напечатал бы — слишком уж оно, на его взгляд, было оскорбительным для женщин. За строками объявления ему виделся эдакий современный кулак, куркуль, и почему-то хотелось винницкого жениха неопределенного возраста познакомиться с меломанкой 47 лет, имеющей машину и дачу.

«Ищу женщину крепкого здоровья, не старше 45 лет, работающую, умеющую обиходить скотину (корова, свиньи), птицу (индюки, гуси). Имею каменный дом в пригороде Винницы с садом на 18 сотках земли, пасеку. Не пью, не курю, домосед. Не плясун и не говорун...»

Почему-то обращение к прекрасному полу «не плясуна и не говоруна» из-под Винницы каждый раз привлекало внимание Сабирова. Что-то было в нем знакомо нотариусу, вызывало одновременно и грусть, и смех, и улыбку, и злость. В иные дни мысли кружились только вокруг владельца богатого поместья. Даже на службе, совсем некстати, ему вдруг вспоминался этот сердечно-хозяйственный зов...

«Где же я раньше слышал или читал похожее объявление?» — мучился Акрам Галиевич, вороша свою память, перебирая всю жизнь, что, впрочем, было сделать несложно — из Хлебодаровки он отлучался только на войну и последние тридцать с лишним лет прожил здесь безвыездно, даже в соседний Оренбург не ездил, хотя Верочка не раз просила проведать дальнюю городскую родню. Копаясь в прошлой жизни, Акрам Галиевич вдруг осознал, что он сам был

домоседом, почище винницкого куркуля. И все-таки он был уверен, что когда-то уже читал нечто подобное.

Однажды на работе он увидел оставленный каким-то посетителем «Крокодил» и чуть не вскрикнул: «Вспомнил!»

Конечно же, он читал такие объявления! Было это в середине пятидесятых годов, когда в прессе и по радио промелькнуло сообщение, что у американцев даже дела сердечные делаются не по-человечески, а занимается этим святым делом электронная сваха-компьютер. Мол, дай знать, кого ты хочешь — блондинку, брюнетку, шатенку, толстую, тонкую, старую, молодую, желательный характер и хозяйственные способности,— и машина тут же подберет тебе подходящую кандидатуру. Помнится, читая, они с Верочкой смеялись над людьми, желающими таким образом вступить в брак. Газетное сообщение подхватили сатирики и карикатуристы, и страницы «Крокодила» тех лет пестрели от текстов, мало чем отличающихся от некоторых нынешних брачных объявлений.

Открытие это на какое-то время огорчило нотариуса, ведь он хорошо помнил, как искренне возмущался тогда безнравственностью американцев, считая подобные объявления аморальными. И все-таки его тянуло к порядком обтрепанной газете.

Поначалу ему и в голову не приходило самому дать объявление в «Вечернюю Алма-Ату». Дальше расплывчатых намерений написать письмо в Крым «женщине крупного телосложения» или «хрупкой блондинке, уставшей от неудач в личной жизни», его фантазии не простирались, да и на успех он не особенно рассчитывал. Раззадоорила же его такая вот исповедь:

«Романтический мужчина, приятной внешности, много повидавший, но успокоившийся, к пятидесяти годам остался у разбитого корыта. Хотел бы в оставшиеся дни иметь твердую крышу над головой и верную спутницу жизни. Ищу покоя и уюта. Ничем не обольщаю, все, что имею, ношу с собой. Играю на гитаре, пою, знаю поэзию от Верлена до Вознесенского. Думаю, что скрашу сумерки у семейного очага...»

«Хлюст, прохвост, мот, шляла, кот мартовский,— костерил уравновешенный, в общем-то, нотариус «мужчину романтического склада». — Голь перекатная, ни кола, ни двора, а все туда же, к порядочным женщинам подкатывается! — всякий раз, читая, распаялся Акрам Галиевич. — «Играю на гитаре, пою... Верлен... Вознесенский...» А пенсию, небось, не заработал, стрекозел приятной внеш-

ности. «Ищу покоя и уюта!» Губа не дура, да кто же этого не хочет?.. Особенно на старости лет. И ведь найдется же какая-нибудь дура, примет его... не иначе».

И он опять и опять вчитывался в зовы души незнакомых мужчин и женщин.

«Да, уж если такие на что-то рассчитывают, так мне сам Аллах велел, — решил он однажды. — Со мной любая женщина, даже хрупкая, не пропадет, что-то, а надежная крыша будет ей обеспечена...»

Откуда же было знать провинциальному нотариусу, что объявление «романтического мужчины», так рассердившее и подтолкнувшее его самого обратиться в «Вечерку», вызовет горячий интерес прекрасной половины рода человеческого по всей стране. Предложения станут поступать адресату тысячами, самые невероятные, иные письма будут приходиться даже с денежными переводами – видимо, на дорогу. В общем, случится как раз то, на что и рассчитывал стареющий брачный аферист, сочинивший такое томное, романтическое объявление. Уж он-то наверняка знал о жалостливой женской душе не понаслышке.

Решиться-то Акрам-абзы решился, но объявление требовалось составить путное, толковое, чтобы чувствовалось, что не ветрогон какой-нибудь, а человек солидный, самостоятельный стоит за строками и отвечает за свои слова. «Если надо, можно даже заверить текст в сельсовете, мне не откажут», — думал Акрам-абзы, пытаюсь уместить свое служебное положение, портрет, планы и пожелания в несколько газетных строк.

Но ничего не выходило: если выпирало одно, то пропадало другое, и слова казались ему какими-то стертыми, жалкими: «сельский нотариус из Хлебодаровки...» Перечитывая написанное, Акрам-абзы сникал, понимая, что так женщину не взять.

«Ну ладно, — рассуждал нотариус, — тому горемыке у разбитого корыта нечего им сказать и дать нечего, одно остается – гитара да какой-то нерусский Верлен с Вознесенским, но мне-то ведь есть что о себе сказать и что предложить!»

Но сказать о себе ладно да толково, да чтоб покороче, никак не получалось, и стал он по вечерам перечитывать мужские объявления, не принимая, конечно, в расчет ни послание винницкого жениха, ни этого, пропади он пропадом, пятидесятилетнего романтика с гитарой.

Мужских объявлений оказалось мало, прямо-таки потонули они в море женских призывов, и Акрам-абзы обвел эти крошечные

островки в море-океане красным карандашом. Мужчинам, видимо, нечего было путного сказать о себе, предложения их казались мелковатыми, несущественными, — в общем, скучно и вяло представлял себя род мужской.

Красные островки не научили Акрама Галиевича ничему толковому, и он вновь пожалел, что у него только один номер газеты — будь их у него два или три, не говоря уже о годовой подшивке, он наверняка отыскал бы там нечто благородное, возвышенное, ведь обращаются, наверное, в газету и интеллигентные люди: журналисты, артисты, музыканты...

Но чего нет, того нет. «Коль нет цветов среди зимы, так и жалеть о них не надо», — припомнилась Акраму-абзы давно вычитанная поэтическая строка, и он еще раз порадовался своей памяти: «Это тебе, «романтик», не какой-то Верлен с Вознесенским, а Есенин!»

Этого поэта он уважал больше всех других и знал кое-какие его строки наизусть.

«Эх, описать бы все в стихах, — мечтал нотариус, — да ладно вставить и о себе, и о той, которую хочется приветить в своем доме». Но с рифмой не ладилось совсем, белиберда какая-то получалась: «нотариус-пролетариус» — на большее фантазии и рифмы не хватало, оставалась только суровая проза.

«Конечно, если бы подключить кого-нибудь... — рассуждал он. — Да того же Жолдаса, он для балансовых комиссий в облпотребсоюз такие доклады пишет... И все, говорят, сам, только сам!»

Верочка все восхищалась, бывало: «Грамотный у нас бухгалтер, ему палец в рот не клади!»

Да об этом Акрам-абзы знал и без нее. «А если бы еще отдать подредактировать Ивану Загорулько, — развивал он свою мысль, вспомнив про редактора местной газеты, — да еще зайти к нему с бутылкой трехзвездочного...»

Конечно, тогда можно было бы заранее рассчитывать на успех, ведь как ни крути — одна голова хорошо, а две, а то и три гораздо лучше, надежнее.

Но вся беда заключалась в том, что Акраму Галиевичу не хотелось своими планами-мечтами делиться со всей Хлебодаровкой. Жолдас, тот, может, и промолчит, а Иван Петрович сдержится только до первой пивной бочки, да еще и обсмеять может, журналисты народ такой, с ними нужно быть начеку. «Дружба дружбой, а табачок врозь» — всплывала в памяти любимая присказка Загорулько. Нет, это был человек ненадежный.

Все эти обстоятельства заставили Сабирова самого всерьез засесть за письменный стол. Если писатели, по слухам, шлифуют иную строку десятки раз, то Акрам-абзы перещеголял самого трудолюбивого, взыскательного литератора — он написал девяносто семь вариантов и только девяносто восьмой решился наконец отправить в «Вечернюю Алма-Ату».

Этот девяносто восьмой вариант он написал после того, как провел вечер за бешбармаком у Жолдаса-ага, где, как водится, пропустил для аппетита рюмочку-другую. Написав, он тут же, несмотря на поздний час, пошел на почту и опустил письмо в ящик. Знал: не решишь он сделать это сейчас — будет мучить себя долго и сотым, и сто пятидесятым вариантом.

Наутро, проснувшись, Акрам-абзы хотел перечитать, что же он все-таки отправил в газету, но не тут-то было: девяносто восьмой вариант был написан сразу набело, на одном дыхании, и он так никогда и не увидел, как выглядело его объявление, заставившее поспешно телеграфировать и сорваться с места неизвестную Наталью Сергеевну Болдыреву.

А объявление его, отредактированное ушлым, поднаторевшим в таких делах собратом Загорулько, было напечатано в следующем виде: «Юрист на пороге пенсии желал бы пригласить в скромный райцентр Оренбуржья женщину, не идеализирующую жизнь в городе. Сила, здоровье, безупречная репутация, общественное и материальное положение гарантируют тихую, надежную гавань. Дом, отлаженное хозяйство позволят познать, не обременяя себя особыми хлопотами, на склоне лет покой, почувствовать себя хозяйкой и поверить, что жизнь все-таки удалась».

Попадись на глаза Акраму Галиевичу эта газета, он бы никаких претензий к редакции не имел — все солидно, пристойно. Особенно, наверное, ему понравилось бы: «безупречная репутация, общественное положение»...

Отправив письмо в Алма-Ату, нотариус как-то сник, потерял интерес к газете, убрал ее подальше. «Зачем я все это затеял?» — думал он в послеобеденные спокойные часы на службе, аккуратно укладываемая в сейф потерявшие блеск черные саржевые нарукавники, служившие ему чуть ли не с первых дней работы в этой должности.

«Мне что, в Хлебодаровке невест мало?» — иногда говорил он себе, и тут же вставали перед глазами наиболее вероятные кан-

дидатуры: Мария Петровна — товаровед по галантерейным товарам из райпотребсоюза, давняя подруга Веры Федоровны, или Светлана Трофимовна, заведующая почтой. Светлану, помнится, в давние холостые годы он даже как-то несколько раз провожал с гуляний в городском саду. Какая была девушка — загляденье!

Или начальник райгаза, женщина, появившаяся в Хлебодаровке недавно, вместе с оренбургским газом, в последнее время тоже посматривала на него с интересом.

А кого он только не встречал у Жолдаса! И Раису Ахметовну, учительницу русского языка в казахской школе, — уж ее-то Беркутбаевы наверняка хотели бы видеть женой соседа, хотя учительница и была намного моложе Сабирова. И Флюру Исламовну, местного педиатра, подругу и коллегу жены Жолдаса-ага, женщину строгую, властную, которую Акрам-абзы почему-то побаивался. Да мало ли кого он встречал в хлебосольном доме Жолдаса!

Запомнилось ему и предложение старой уборщицы сельсовета, аккуратной и педантичной немки Фриды Яновны Грабовской, которая совсем недавно остановила его по-свойски во дворе сельсовета и на правах старой знакомой, вроде шутя, сказала:

— Акрам Галиевич, не забывайте, что у меня в доме две дочки. Хоть и говорят люди, что не первой молодости невесты, для вас, думаю, будет в самый раз. — И, вздохнув, добавила: — Конечно, засиделись девочки, крепко засиделись — и Марте, и Магде уже за сорок. Долго учились, сами понимаете — медицина: медучилище, мединститут, потом долго выбирали, капризничали: то шофер не устраивал, то слесарь, а время бежит, не мне вам рассказывать. А в Хлебодаровке женихи на дороге не валяются, вот и остались дочки с носом, готовы нынче снизить требования, да не к кому. А они у меня хорошие, хозяйственные, плохого о них, думаю, никто не скажет. Так что примите к сведению...

Акрам-абзы, конечно, отшутился, но ведь и впрямь невест в поселке хватало.

В иные дни, по настроению, список подходящих кандидатур из Хлебодаровки изрядно корректировался, и в него попадали совсем другие женщины. В сладкие минуты, строя самозабвенно планы своей будущей жизни, Акрам-абзы вспоминал вдруг о письме в газету, и настроение пропадало. «Зряшная затея, пустое дело», — корил он себя, и успокаивался лишь вспомнив, что письмо может и затеряться по дороге.

«А если не затеряется, так не дадут даже хода, в редакции печатают в первую очередь своих да по благу»,— думал он, наслушавшись всякого про городскую жизнь. Окончательно успокаивала лишь мысль: «Да кто же к нам, в Хлебодаровку, добровольно решится ехать? Грязь полгода месить в резиновых сапогах да зимой неделями день и ночь печь топить?»

А письмо благополучно дошло до столицы и попало на стол к редактору отдела объявлений, газетчику талантливому, не без искры божьей. Девяносто восьмой вариант письма сельского нотариуса что-то тронул в зачерствелой душе старого газетного волка, и, если учесть, какое длинное и сумбурное послание написал Акрам-абзы после бешбармака, можно прямо сказать — постарался редактор от души. Однако в том, что оно без задержки пошло в ближайший номер, заслуги редактора не было: просто очень редко поступали мужские объявления.

Иногда Акрама-абзы, человека честного, начисто лишённого авантюрных начал, тревожила мысль, на которую другой бы и внимания не обратил: не совсем верные дал он о себе сведения в газету. Об образовании упомянул коротко — юрист, что, конечно, предполагает университетское образование. А университетское образование — это пять лет студенческой жизни в столице или другом большом городе. Пять лет университетской жизни — это культура, спорт, широта взглядов, интересов: театры, музеи, выставки, спортивные залы, тесное общение с друзьями с других гуманитарных факультетов. Короче говоря, человек с университетским образованием — широко образованный, высокой культуры, и отсюда его мировоззрение, уклад жизни, привычки.

Не было, к сожалению, всего этого в жизни Акрама-абзы, проработавшего на юридической службе без малого тридцать лет, и работавшего хорошо, свидетельством чего были многочисленные награды и поощрения. Его юридическим факультетом стала война, фронтовые дороги и лишения.

До войны, сразу после школы, послали его от района на юридические курсы в Оренбург, была тогда такая форма обучения. Прямо с этих курсов и призвали на фронт. Как и все его ровесники, Акрам Сабиров рвался на передовую, на боевые позиции, но вышло по-другому: учитывая юридические курсы, взяли его после ускоренной стажировки в аппарат военно-полевого суда, говоря по-мирному — делопроизводителем. Печатал, стенографировал, вел деловую переписку, работал

четко, аккуратно, вдумчиво. Домой вернулся офицером, с ранением, небольшой контузией и двумя орденами. На фронте приходилось воевать даже интендантам и врачам, всякое бывало, а военные юристы, случалось, попадали и в самое пекло.

Иногда он чувствовал себя виноватым и перед покойной женой Верочкой. Не потому, что решил вновь жениться, — это подразумевалось само собой, как естественное продолжение жизни, — надо же стариться с кем-то рядом.

И клятв друг другу они не давали, хранить верность не обещали, если кто из них уйдет раньше времени из жизни, они вообще об этом не говорили, не думали. И умерла Вера Федоровна неожиданно, в расцвете лет — только пятьдесят отметили зимой; не болела, не жаловалась, а в один день человека не стало. И вот теперь он как будто предавал ее, свою Веру. Неловкость он ощущал и за слова из своего объявления: дом, хозяйство...

Конечно, прожив почти тридцать лет, нажили они кое-какое добро, а делить его было не с кем, не дал им Аллах детей, хоть и бегала Верочка в первые годы по врачам да по знахаркам. Да и бездельником Акрам-абзы никогда не был, всегда на должности, на твердом окладе, а тогда, сразу после войны, когда с работой в местечках, подобных Хлебодаровке, было не густо, ох каким высоким казался оклад нотариуса — восемьсот рублей! Было у него и хорошее подспорье к окладу — на весь район он единственный знал переплетное дело, а в бумажном веке человек, владеющий таким ремеслом, никогда не пропадет. Но как бы ни был весом его вклад в семейный бюджет, дом держался на Вере Федоровне — это сказал бы каждый, кто знал Сабировых, и Акрам-абзы не стал бы возражать.

Была Верочка неистовой на работу, любое дело горело у нее в руках; наверное, о такой женщине и мечтал винницкий жених, но по объявлению такую не найдешь.

Первыми в Хлебодаровке Сабировы подняли свой дом, и в этом заслуга только Верочки: хоть и мужчина Акрам, а сомневался крепко, одолеют ли такое, казалось, неподъемное дело.

Одолели! И лес, и шифер, и цемент, и оконное стекло — тогда, в пятидесятых, стройматериалы были большим дефицитом на селе, — Верочка по крохам, загодя все добыла. А саман для дома они два лета делали вдвоем — горбились так, что даже сейчас вспомнить страшно, откуда только силы брались. Колодка была двойная, на два самана, по шесть ведер глины бухали в них, а это почти цент-

нер. Ох, и надорвали они тогда молодые животы свои, от коромысел на плечах мозоли натирали, ведь каждое ведро воды из колодца вручную поднимали, а колодец-то не свой, общий, на соседней улице. Льешь воду, льешь в замес, а глина ненасытная берет ее и берет, конца-края не видно, когда насытится, зачавкает. И месили сами, словно лошади, ноги от жесткой соломы все в порезах да рубцах были. Летом, в жару, Верочка без чулок на людях появиться не могла. Но даже в такой ломовой работе ухитрялась Верочка беречь Акрама, всю тяжелую работу взвалить на свои плечи — разве такое не заметишь, не запомнишь?

Сильна была Верочка не только в работе, но и голову светлую имела. И подвал, и стеклянную веранду, и четырехскатную крышу, и большие окна, непривычные для села, — все она придумала, почитай и за мастера, и за архитектора была, хоть и без образования.

В райпотребсоюзе, в бухгалтерии, начинала она чуть ли не девочкой на побегушках, доверяли ей поначалу выписывать товарно-транспортные накладные да составлять длиннющие списки при инвентаризации и переучете. Жолдас разглядел не только ее четкий, каллиграфический почерк — немаловажное достоинство для работника бухгалтерии, но и пытливый ум, желание понять, разобраться, что к чему, и лет пять настойчиво учил, уверенный, что с ней ему работать и работать. Иногда Жолдас шутил: жаль, мол, не имею права выдавать дипломы счетным работникам, уж Верочке я бы точно выдал с отличием...

В селе, при всех издержках его суровых нравов, цена человека определяется точно, и хотя сельсовет и не издает на западный манер ежегодник «Кто есть кто?», все знают, кто хороший учитель, знающий врач, толковый парикмахер, честный продавец, а кого за версту следует обходить. А Вера Федоровна в райцентре была бухгалтер известной. Ее не раз приглашали главным бухгалтером и на местный маслозавод, который, по слухам, выпускал масло на экспорт, и в РТС, самую крупную организацию Хлебодаровки, но Верочка, зная, что и оклады, и премиальные там гораздо выше, коллективу, воспитавшему ее, не изменила.

Размышляя о доме, о хозяйстве, Акрам-абзы думал, конечно, и о Верочке. И виделась ему долгие зимние вьюжные вечера, когда он сидел за переплетным станком, а Верочка рядом, напевая что-то грустное, вязала пуховый платок — и это она умела, не уступая в мастерстве известным татарским вязальщицам.

«Почему она меня берегла, холила, лелеяла? — гадал он сейчас, хотя при жизни Верочки никогда не задумывался об этом. — Любила крепко? Или была признательна за то, что из многих невест я, редкий послевоенный жених, офицер, остановил свой выбор на ней? Или было еще нечто другое, о чем я не имею представления и не догадываюсь?..»

Сейчас, потеряв Верочку и выучив почти наизусть объявления женщин в «Вечерней Алма-Ате», он пришел к выводу, что, наверное, в той лучшей части женщин довоенного года рождения была воспитана и жила глубочайшая ответственность за семью, ведь по внешнему виду мужа судили о жене, а репутация хорошей хозяйки, жены немало значила тогда в обществе, и ее старались поддерживать, беречь. А сегодня женщина уверена, что о ней судят только по ее внешнему виду, а если муж выглядит, мягко говоря, неряшливо, так это его заботы, его проблемы, его человеческий облик, и это ничуть не бросает тень на элегантную супругу, которая иногда и рядом-то с мужем идти стесняется.

Благодаря заботам Верочки, Акрам Галиевич слыл в Хлебодаровке щеголем. А когда они вдвоем шли на работу или возвращались домой, на них любо было глянуть: оба высокие, крепкие, и все на них аккуратное, подогнанное, чистое, отглаженное,— сразу чувствовалась умелая женская рука...

Про каждый куст сирени, про каждое вишневое деревце в саду нельзя было сказать, не упомянув Верочку. Ее стараниями все это посажено и выращено. А, с другой стороны, не станешь ведь в газету писать про покойницу-жену, женщин интересуется он сам — какой, на что годится.

В общем, совсем запутался Акрам Галиевич, а тут приспела эта телеграмма с Сахалина...

Телеграмма требовала каких-то действий. Поначалу пришла мысль отбить ответную: «Не приезжай!» Но куда? На кудыкину гору? На деревню дедушке? Хотел даже дать отбой в газету. Мысль показалась забавной, только как бы это называлось у газетчиков? На этот случай, наверное, и слова подходящего нет: опровержение, отказ, передумка? Лучше, на его взгляд, подходило военное — отбой.

Не в пример тяжело давшемуся брачному объявлению, отказ так и просился на бумагу:

«ОТБОЙ! Юрист из Хлебодаровки, к сожалению, передумал приглашать иногородних в надежную тихую гавань. Решил отдать

предпочтение уроженке своего райцентра (акклиматизация, адаптация и прочее) не старше пятидесяти лет».

Вот уж, наверное, заклеямили бы его позором за трусость, малодушие, безответственность женщины по всей стране, даже те, которыми начхать и на Хлебодаровку, и на самого Акрама-абзы, и писем он получил бы не меньше, чем «романтический» брачный аферист, но только без денежных переводов.

Но, как ни крути,— назад хода нет. «Чему быть, того не миновать!» — решил наконец Акрам-абзы и перво-наперво купил в магазине две бутылки шампанского.

Как человек обстоятельный, он решил составить программу встречи Натальи Сергеевны. Входила сюда и генеральная уборка во дворе и в доме, но эти дела он отодвинул в самый конец недели — на субботу, чтобы к воскресенью все сияло и сверкало, как в старые и добрые времена при Вере Федоровне. С шампанским тоже было решено. Надо было придумать что-нибудь интересное, необычное, как говорил их завклубом — гвоздь программы.

Но найти этот самый «гвоздь» оказалось делом непростым. «Не то, не то...» — отметал Акрам Галиевич одну идею за другой, аж взмок от волнения — не шло ничего путного в голову. И вдруг его осенило: баня!

Была у них в углу сада своя баня, построенная недавно, три года назад, когда всеобщий саунный бум докатился и до Хлебодаровки. Построил Акрам-абзы ее хитро: хочешь — топи дровами по старинке, а хочешь — электричеством, если времени или дров нет, хочешь — парься по-русски, то есть с веником и ушатом холодной воды, а хочешь — дыши сухим паром по-фински. Хоть патент получай на изобретение!

«Баня для человека издалека, с дороги, и есть гвоздь программы», — обрадовался Акрам-абзы и решил навести там порядок.

Баню не топили уже месяца три. За два вечера Акрам-абзы привел ее в порядок, подремонтировал заодно кое-что, а когда баня-сауна была готова принять Наталью Сергеевну, засомневался: удобно ли будет сразу баньку предложить, хотя человек и с дороги. А вдруг подумает: «Ишь, бессовестный старик, сразу в баню увлекает»? В общем, подумал-подумал Акрам-абзы и решил гвоздь программы отменить.

Так, в заботах и хлопотах, глубочайших раздумьях, тревогах и сомнениях подходила к концу трудовая неделя.

В четверг вечером заглянул к нему Жолдас-ага.

— Салам алейкум,— приветствовал друга бухгалтер.— Что-то ты совсем загрустил, заходишь редко. Я вот с чем пришел: скоро ведь поминки Веры Федоровны, так я договорился в колхозе, выпишут тебе пару баранов, а ты забери их недели за две и пусти к моим в загон. Подкормим, доведем, так сказать, до кондиции, я особый рецепт знаю...

«Знает или не знает о телеграмме?» — то бледнел, то краснел растерявшийся Акрам-абзы.

— Вижу, по двору суетишься, чистишь, скребешь, баньку вроде затеял,— продолжал Жолдас-ага.— Не знаешь, куда себя девать от одиночества? Понимаю, брат, понимаю...

«Не знает, не знает»,— успокоился Акрам-абзы. Прямой, без хитрецы был мужик Беркутбаев, но что-то сказать следовало: человек не иголка, в кармане не спрячешь, все равно увидит гостью. И Акрам-абзы решил:

— Да вот, Жолдас, в воскресенье, может, дальняя родственница из Оренбурга подъедет. Обещалась, хотела глянуть на мое холостяцкое житье-бытье,— сказал он неуверенно.

— Гость — это хорошо. Поговоришь, отойдешь душою. И к нам заходи с гостьей...

С тем Жолдас-ага и распрощался.

Ночь после ухода соседа выдалась бессонной. Акрам Галиевич думал о Верочке, о поминках, о баранах, за которыми нужно ехать далеко в степь, за реку, но больше всего о Наталье Сергеевне. Какая она? Умная, добрая, умелая? Или, наоборот, вертихвостка какая, ведь добралась до самого Южно-Сахалинска, до самого края на карте, дальше некуда — море-океан.

В короткие минуты дремы бессонной ночи снилась ему урывками разная Наталья Сергеевна — то жгучая брюнетка с прокуренным голосом, то полная блондинка, солидная, важная дама, вся в перстнях и в маникюре, чем-то смахивающая на заведующую райгазом, то совсем молодая женщина в джинсах на берегу океана в час прибой...

Утром, когда он шел на работу, встретил Сташову, и та отдала ему газеты и журнал «Человек и закон» — профессиональный журнал нотариуса,— потом, спохватившись, достала из сумки два письма. Акрам Галиевич с Верочкой письма получали редко, и поэтому два письма сразу его удивили. Красивые конверты, аккуратно подписаны, один пахнет духами.

Письма были адресованы Сабирову, но ни почерки, ни обратные адреса ни о чем ему не говорили. Поначалу он никак не увязывал их с брачным объявлением, и вдруг дошло — первые ласточки. Читать письма на улице он не стал, хотя и разбирало любопытство, торопливо сунул их в карман и зашагал на службу.

Поутру посетители шли один за одним, и в круговерти дня Акрам Галиевич про письма забыл. После смерти жены он стал обедать в райпотребсоюзском ресторане, где кормили вкусно и недорого, да и отношение к нему было особое. О письмах он вспомнил, только когда буфетчица многозначительно спросила:

— Долго, Акрам Галиевич, в холостяках собираетесь проходить? А то есть у меня на примете подруга, могу познакомить...

— Что подруга, вот если бы вы на меня глаз положили, Анна Ивановна, я бы подумал,— ответил, улыбаясь, Сабиров.

— Да я, может, и положила б,— бойко ответил буфетчица,— так у меня ж муж есть...

После обеда, как обычно, посетителей не было, и он, не таясь, достал письма. Прежде чем вскрыть, аккуратно поставил на каждом дату получения, на всякий случай пронумеровал, и только потом ножницами отрезал край конверта.

Письма были разные. Одно — от учительницы из Куйбышева, которая писала, что давно потеряла надежду выйти замуж, и газету с брачными объявлениями ей принесла подруга, желавшая пристроить ее, лучше других понимавшая всю горечь ее одиночества.

«...И обе мы,— писала учительница,— не сговариваясь, остановились на Вашем объявлении. Нам показалось, что Вы — достойный, уважаемый человек, по каким-то неведомым нам причинам оставшийся вдруг один, и, как пошутила моя подруга, ради Вас можно рискнуть. Но беда вот в чем: сама я никогда не решусь приехать к Вам — не так воспитана, и превозмочь себя нет сил. Хотя мне очень бы хотелось познакомиться с Вами. Не могу представить, как это я заявлюсь и скажу: «Здравствуйте, это я. Не возьмете ли Вы меня замуж?»»

Хотя, повторяю, заочно Вы мне симпатичны, и я бы с удовольствием прибилась к тихой, надежной гавани и, смею думать, смогла быть достойной хозяйкой в Вашем доме. Сейчас в школе каникулы, я целыми днями дома и от всей души приглашаю Вас в гости. Пожалуйста, приезжайте, ведь от Оренбурга к нам всего пять часов езды поездом. Встречу, покажу наш замечательный город, Волгу. Мне кажется, такая форма знакомства была бы более достойной, рыцарской.

С уважением, Елена Максимовна».

Второе письмо, на тонкой, красивой бледно-голубой бумаге с изящной ярко-красной розочкой в левом верхнем углу, ошарашило нотариуса.

Личных писем он никогда не получал, исключая тыловые треугольники от своих стариков, да и письма те писались кем-нибудь из соседей под диктовку: не шибко грамотными были родители, старая грамота, что они знали, арабская, а позже и латинский шрифт для татар, который они все-таки одолели, были упразднены. Третью письменность, современную, им одолеть так и не удалось. Много ли напишешь, диктуя чужому человеку, да и время было суровое, о чем писать,— не станешь же расстраивать солдата. Так что их письма были полны вопросов: как воюешь, как живешь, виден ли конец проклятой войне?

А тут, на склоне лет, первое любовное послание. От таких слов и голове закружиться недолго.

«Милый Акрам Галиевич,— начиналось второе письмо.— Простите мне заранее подобное обращение, ибо и далее я, наверное, не сдержу по отношению к Вам ласковые нежные слова, которые я копила, собирала и сберегла, не расплескав их в своей сложной, ухабистой жизни.

Да-да, я верила, я знала, что встречу человека с безупречной репутацией и прекрасным общественным положением. И только такому человеку я готова отдаться полностью — душой и телом. Все или ничего! Зачем размениваться, не правда ли? Пить — так шампанское, любить — так короля! «Вечернюю Алма-Ату» я выписываю уже несколько лет, с первых брачных объявлений. Я даже переплела их по годам, как иные переплетают книги. Получаю я и «Ригас балс», где тоже печатают подобные объявления, но, поверьте, ни одно объявление меня так не тронуло, не взволновало, как ваше. Я поняла сразу: Вы — моя судьба! Как верно, а главное, поэтически Вы выразились в конце: «...и поверить, что жизнь все-таки удалась». Признайтесь, Вы тайный поэт?

В долгие осенние вечера, когда за окнами будет бесноваться непогода, лить холодный косой дождь, я буду сидеть в глубоком кожаном кресле у камина и, зябко кутая плечи в пуховый оренбургский платок (у меня его пока нет), буду читать вам вслух вашу любимую газету «На страже социалистической собственности» и журнал «Человек и закон», который я просто обожаю.

А Вы, большой и сильный (таким я вас вижу), седой человек, отдавший ради закона и правопорядка жизнь селу, стоите у меня за спиной в бархатном халате (я его вам подарю) и гладите своими нежными длинными пальцами мои волосы. Огненные блики камина, падая на пурпурный бархат, будут еще сильнее оттенять вашу благородную седину.

Дорогой мой, я уже полюбила наши будущие вечера у камина, пусть в глуши, но за тихой высокоинтеллектуальной беседой о законе и праве, о хищениях и злоупотреблениях (имею в виду должностных), ведь вы, юристы, в курсе всего интересного. Я чувствую, я знаю, как буду Вас любить, как буду верна Вам в Вашей заслуженной старости. Я не скрашу — я украшу осень вашей жизни. Я обязательно покрашу волосы под седину, и мы вдвоем будем замечательно смотреться. Я уверена: такой тонкий человек, с поэтическим видением мира, как Вы, не может не понять меня, мой хрупкий мир грез, моих изящных чувств, и не оценить долголетней верности вам. Я ждала только Вас, Вы поймете это, как только увидите меня, услышите мой голос, заглянете в мои глаза, попадете в мои нежные и страстные объятия. О, поверьте, я сохранила не только жар души... Пишу только о чувствах, — разве не они главное в нашей будущей жизни? — и, как женщина тонкая, считаю: женщина — это тайна!

Поэтому приезжайте, откройте эту тайну на радость и удовольствие нам, и тогда наверняка вы снова повторите свои мудрые слова: «Жизнь удалась!»

Целую нежно-нежно, страстно-страстно, обнимаю точно так же. Жду, люблю. Торопись, милый голубь, к заждавшейся тебя голубке, не томи ее долгим ожиданием.

Твоя Белла, можно просто — Белочка».

Акрам Галиевич от волнения снял пиджак и нервно заходил по комнате. События принимали неожиданный оборот. Мелькнула и тут же пропала мысль о Наталье Сергеевне.

— Какая женщина! — невольно вырвалось у него. — Какой шквал, тайфун, ураган!

За тридцать лет жизни с Верочкой он вряд ли слышал столько волнующих слов! А какой тайной веяло от них!

«Поистине тонкая женщина, — думал Акрам-абзы, вспоминая «жар души», «хрупкий мир грез», «осень вашей жизни». — А как умна! «Женщина — это тайна!»

Он невольно провел по волосам и вспомнил «благородную седину». С сединой было не все в порядке: время лишь слегка посере-

брило виски, а в общем, шевелюре нотариуса позавидовал бы и иной молодой человек.

Перечитав письмо, он огорчился еще раз: неблагополучно было и с «нежными длинными пальцами». Короткопалая, красная от ветра и воды, сильная рука нотариуса вряд ли отличалась от руки любого жителя Хлебодаровки, ибо колоть дрова, топить углем печь, обихаживать скотину приходится тут всем — и судье, и бухгалтеру, и рабочему.

Письмо учительницы из Куйбышева не тронуло в его душе никаких струн, и он, уходя домой, оставил его в сейфе, а письмо «Белочки» взял с собой, чтобы дома, в спокойной обстановке, прочитать еще раз.

Поужинав, Акрам-абзы улегся на диван, поскольку глубокого кожаного кресла в доме не было, и вновь достал письмо из конверта. Оно притягивало, манило, заворожило...

«Какой подход, какие слова знает!» — думал он восхищенно о «Белочке», но в моменты, когда случайно видел свое отражение в трюмо напротив, пыл его угасал. Наверное, получи такое письмо кто-то другой, Акрам-абзы посмеялся, да что посмеялся — повеселился бы от души: камин, халат, высокоинтеллектуальные разговоры под шум дождя... Но над собой смеяться не хотелось, приятно было читать обращенные к себе слова: «вы — моя судьба», «я украшу осень вашей жизни», «не томи долгим ожиданием».

«Вот какое отношение, оказывается, есть в этой жизни к нашему брату», — тихо радовался нотариус. Но вдруг его радость померкла: он вспомнил о нашумевшем на всю Хлебодаровку письме Ивану Гаврилюку, его соседу.

Как-то Ивана направили в дальний колхоз на сенокос — дело, понятное ныне каждому горожанину. В колхозе особых условий — гостиницы, общежития, — конечно, не было, да и приехало их всего четыре человека. Поставили их на постой к старикам да одиноким бабам. И вот осенью, когда наступила пора хлебоуборки, пришло Ивану письмо. Гаврилюки письма получали так же редко, как и Сабировы, и оно оказалось событием и попало в руки Кати, его жены. Удобно или неудобно читать письмо, адресованное мужу, Катя и думать не стала, тем более оно, как и письмо «Белочки», пахло духами и почерк на конверте был явно женский.

До прихода Ивана Катя, наверное, раз десять перечитала письмо, накалив в себе страсти до предела. Встречала она мужа у калитки

с новым чилижным венником за спиной, и как только ничего не подозревавший Иван появился у дома, она на виду у соседней накинута на него. В одной руке Катя держала письмо, из которого цитировала по памяти то одну, то другую строку, причем делала это как заправский чтец — громко, с выражением, ловко вставляя непечатные комментарии, вызревшие в ее ревнивой душе, и не менее ловко хлестала бедного Ивана колючим венником.

Больше всего Катю, как понял тогда Акрам-абзы, раздражали ласковые слова и книжные эпитеты.

— Слышишь, она так соскучилась по тебе, что целует каждый твой пальчик! — орала Катя на всю улицу.

Конечно, зная Ивана, этому нельзя было не улыбнуться: от тяжелой и грубой работы даже сложить в кулак огромную негнущуюся пачку ему было трудно. Нашла Катя и места, явно заимствованные из книг о роскошной жизни и страстной любви, о чем она сообщила на всю улицу. Были там и строки, похожие на те, что писала «Белочка».

В общем, повеселилась тогда Хлебодаровка за счет бедного Ивана. А письмо, написанное карандашом, с многочисленными орфографическими ошибками, Катя носила с собой в магазин, на базар и охотно зачитывала всем желающим особо пикантные места, естественно, с комментариями. Ей нравилась роль обличительницы, и она, наверное, еще долго носилась бы с письмом, да Иван однажды круто пресек ее концертную деятельность — письмо порвал, а жене поставил синяк под глазом.

«А если бы письмо «Белочки» пошло по Хлебодаровке? Сраму не оберешься на всю жизнь», — испугался вдруг Акрам-абзы, но письмо не порвал, а спрятал понадежнее.

В субботу Акрам Галиевич встал рано и энергично взялся за выполнение последнего пункта программы встречи Натальи Сергеевны — генеральной уборки. Начал со двора: полил цветы, обдал из шланга деревья, кусты, вымел опавшие, пожухлые от жары листья. Сменил в туалете, стоявшем в глубине садика, давно перегоревшую лампочку и отнес туда специально купленный рулон туалетной бумаги. В летней дощатой душевой залил в бак воды.

Дел во дворе оказалось немного, да и откуда им быть: после смерти Верочки продал он корову, даже не дождавшись, пока она отелится, а оставшееся сено перетаскал к Жолдасу, у которого скотины всегда полный загон. Перевел Акрам-абзы потихоньку и гусей, и кур,

А

а двух свиной сдал живыми, на вес, в заготконтору райпотребсоюза — все требовало неусыпного присмотра и держалось на Вере Федоровне. Оттого и уборка быстро закончилась, что убирать было всего ничего — одни цветочки остались теперь во дворе.

Когда нотариус заканчивал уборку во дворе, вдоль улицы прошла почтальонша. Акрам-абзы, как и всякий сельский интеллигент, начинавший день с газеты, поспешил к ящику.

Но газеты в субботу остались нечитанными, потому что он опять получил два письма...

Одно, в аккуратном нестандартном конверте, очень похожее на казенное, содержало в себе что-то твердое, и Акрам-абзы вскрыл его первым.

Твердое оказалось фотографией. С матового картона хорошего студийного снимка смотрела на Акрама Галиевича несколько грустная, элегантно одетая женщина. Покажи лет двадцать назад кому-нибудь в Хлебодаровке эту фотографию, первым вопросом наверняка было бы — артистка? Да-да, артистка, и только,— иного Акрам Галиевич и предположить не мог: какая свободная, раскованная манера держаться перед объективом, какая прическа, какой наряд! В глазах чувствовался ум, достоинство.

Долго держал в руках Акрам Галиевич фотографию, не решаясь оторвать глаз от прекрасного, одухотворенного лица. «Неужели такую женщину заинтересовало мое объявление?» — обрадовался и испугался он одновременно.

«Конечно, фотография не этого года», — мелькнула догадка. Будь Акрам-абзы дока в модах или обращай он хоть изредка внимание на женские прически, то установил бы, пусть приблизительно, год, когда был сделан этот фотопортрет. Но беда заключалась в том, что не только хозяйством, а и модой в доме ведала Вера Федоровна.

А с прической было и совсем неясно: может, в городе и носят сейчас такие красивые прически, в Хлебодаровке же все больше платки: зимой — свои, оренбургские, пуховые, летом — яркие японские или турецкие. Вера говорила, что эти платки стоят немалых денег, а что под ними — один Бог ведает. Одно было ясно — женщина с фотографии платок не носила.

Глядя на снимок, Акрам Галиевич засомневался во вкусах хлебодаровских женщин. Он перевернул фотографию, надеясь на обороте прочитать дарственную надпись — в его молодые годы писали в таких случаях всякие красивые слова, и даже в стихах,— но больше

он надеялся увидеть случайно указанную дату, когда фотографировалась эта элегантная женщина. Но ни дарственной надписи, ни даты на обороте не было.

Ах, как хотелось ему знать, когда же, в какие годы снялась взволновавшая его душу «артистка»! Вот в городе криминалисты-специалисты, что в любом детективе по окурку определяют: кто курил, почему курил, куда глядел, а главное — где живет,— наверняка вычислили бы не только год, но и час, когда фотографировалась прекрасная дама. Час, конечно, нотариуса не волновал, а вот год...

«Кому показать фотографию?» — размышлял Акрам-абзы. Он знал все правовые органы Хлебодаровки и их кадры, но никто и приблизительно на волшебника не тянул. И впервые в жизни он позавидовал горожанам: все к их услугам, что душа ни пожелает, и криминалисты под боком, а здесь майся, пропадай в неведении.

Залюбовавшись фотографией, Акрам-абзы чуть не забыл про письмо — тонкий лист бумаги, лежавший в нестандартном конверте.

«Уважаемый Акрам Галиевич,— было четко и красиво отпечатано на машинке.— Газету с вашим объявлением оставила случайно у меня на приеме больная. На склоне лет, а может, и от личных неудач в жизни человек иногда становится суеверным. Вот и я приняла это как некий знак судьбы. Оттого и родилось это послание вам. Впрочем, скажи мне кто-нибудь раньше, что я буду знакомиться по брачному объявлению, я бы восприняла это как оскорбление. Не пойму, что меняется — годы или люди? Наверное, и годы, и люди. Из многих пошлых, на мой взгляд, предложений ваше выделялось щемящей искренностью, благородством, открытостью. За этими словами видится мужчина старой закалки. Каждый расшифрует это понятие по-своему. Как же расшифровала его я? Вы — человек серьезный, на вас можно положиться, а еще точнее — вам можно доверить свою судьбу. А это, на мой взгляд, главное.

Привлекла меня и Хлебодаровка. Вы удивлены? Объясняется это очень просто: родом я из Оренбурга, ваша землячка. С годами человек становится еще и сентиментальным и его неудержимо тянет в родные края, где, кажется, был всегда счастлив. Крепнет убеждение, что все твои беды и несчастья начались, как только покинул отчий край. Каждый год я бываю в отпуске на родине, проезжаю мимо вашей зеленой Хлебодаровки, даже по каким-то делам однажды ездил туда с родственниками на машине. Давно я вынашиваю мысль вернуться домой, в Оренбург, и у меня нет видимых причин крепко

держаться за Ташкент, где сейчас живу. И вдруг случайная газета, ваше предложение... Жаль, не мне лично.

Разве это не знак судьбы? И как я могла удержаться от соблазна попытаться решить свою судьбу: а вдруг? Хлебодаровка — село наполовину татарское, я это знаю. Так хочется опять слышать наши песни, шутки, плясать на свадьбах озорные «апипа», знать, что рядом живут родственники, — вот видите, какие перспективы открыло ваше предложение перед бедной женщиной. Не знаю, как другим, а мне трудно устоять. С отпуском у меня решено давно, до вашего объявления, поэтому я смею предложить: в следующую субботу я буду проезжать Хлебодаровку скорым поездом номер пять в десятом вагоне. Если вы сочтете нужным — подойдите к поезду, я сойду в Хлебодаровке и побуду у вас день-другой. Если же вы не придете, я поеду дальше и через час буду в Оренбурге, где пробуду почти месяц. На всякий случай записываю вам номер телефона и домашний адрес, где меня можно найти в Оренбурге...

С уважением, Назифа Аглямова».

«Доктор, значит», — тепло подумал Акрам Галиевич и вновь взглянул на фотографию, — женщина ему нравилась.

Второе письмо, которое он вскрыл без особого волнения и азарта, оказалось от «Белочки». Опять та же бумага, те же духи, еще более красивые и страстные слова.

«Белочка» писала, что поскольку весь ее досуг принадлежит ему, и только ему, Акраму Галиевичу, она решила хоть письменно пообщаться с дорогим человеком, выплеснуть клокочущие в ее душе слова любви, и что в первом письме от волнения забыла написать номер своего домашнего телефона, а сейчас, вдогонку, исправляет эту оплошность. И как было бы прекрасно, если бы он позвонил и она услышала его дорогой голос. Сетовала, что нет видеотелефона, и рассуждала, как такой телефон облегчил бы жизнь многим людям, дающим брачные объявления.

Далее «Белочка», человек, озабоченный общественными интересами, как она себя охарактеризовала, писала, что уже заготовила в Министерство связи письмо, чтобы быстрее и шире внедряли видеосвязь, особенно в маленьких городах, где нет ни газет с брачными объявлениями, ни клубов «Для тех, кому за тридцать». Загвоздка была одна: «Белочке» никак не удавалось в своем городе собрать под письмом сто подписей — уже месяц, как она застряла на восемьдесят седьмой.

Почему она решила собрать под своим письмом министру связи именно сто подписей, «Белочка» не объясняла.

«А что, видеотелефон — это неплохо. Это не фотография: ретушь, ракурс, выгодное освещение, импортная фотобумага... А тут — товар лицом, таков, каков есть», — размечтался Акрам-абзы.

Но, представив себя на местном почтамте, где наверняка не нашлось бы изолированного помещения для такого телефона, и его свидание происходило бы на виду у всех работников почты и вообще любопытных, а Сташова на другой день разнесла бы по всей Хлебодаровке, с какой «мымрой» или «фифочкой» любезничал их нотариус, государственный человек, он тут же охладел к новшеству, за которое ратовала «Белочка».

Его взгляд упал на настенные ходики — время уже близилось к обеду, а он еще толком и не завтракал, и дел невпроворот, а завтра приезжает гостя, Наталья Сергеевна. «Ишь, размечтался», — укорил он себя и встал.

Фотографию далеко убирать не хотелось, чуть даже не поставил ее на трюмо, но передумал, иначе что бы он сказал Наталье Сергеевне, если бы она спросила, кто это? Врать-то надо умеючи, а сказать правду — значит, обидеть человека зря. Да и кто ему эта актриса-доктор?

«Еще надо узнать, когда снималась, двадцать лет назад и я орлом ходил! — распетушился Акрам-абзы. — Нет, никакой горячки, никакой спешки, не годовой отчет. Только очное знакомство! Не поддаваться никакой «голубке», никаким видеотелефонам, никаким сладким и волнующим словам, хоть и приятным, и за душу берущим. Только личное знакомство!»

От таких решительных мыслей Акрам-абзы взбодрился и вновь принялся за дела. К вечеру, закончив генеральную уборку, он сходил в поселковую баню, попарился. За ужином, довольный проведенным днем, а главное — выработанной позицией, пропустил рюмочку и раньше обычного лег спать — впереди предстоял непростой день.

Утром Акрам-абзы тщательно побрился, воспользовался дорогим импортным лосьоном, что подарили женщины ему как фронтовику на День Советской Армии, подготовил парадный костюм, галстук и еще раз оглядел хозяйство, на котором, как ему показалось, лежала печать крепкой хозяйской руки. Положил в холодильник шампанское, поставил на медленный огонь бульон, замариновал в винном

уксусе молодую баранину для шашлыка, подготовил шашлычницу и шампуры,— время тянулось медленно.

Акрам-абзы заранее ознакомился с расписанием автобусов, идущих из города, и приблизительно знал, когда Болдырева должна была приехать в Хлебодаровку. Но Наталья Сергеевна появилась несколько раньше, чем он предполагал.

Когда Акрам Галиевич, при орденах, в парадном костюме, выходил из калитки, намереваясь встретить гостью на автостанции, прямо у его дома остановилось запыленное в долгой дороге такси. Из машины вышла нарядно одетая женщина и направилась к нему. Была она статной, русоволосой, а ясные глаза, казалось, излучали теплый свет.

— Здравствуйте, Акрам Галиевич,— сказала женщина и, улыбаясь, протянула ему руку.

— Наталья Сергеевна?! — опешил Акрам-абзы.— С приездом. А я вот шел на автостанцию встречать вас...

Он бы, наверное, еще долго так стоял в растерянности, но сзади раздался нетерпеливый сигнал.

— Извините, я отпускаю такси,— сказала гостя и вернулась к машине.

Взяв с переднего сиденья изящную кожаную сумочку, достала деньги и отдала таксисту четыре десятки. Шофер открыл багажник и взглядом пригласил Акрама Галиевича достать вещи пассажирки.

Когда машина, лихо развернувшись, уехала, Акрам-абзы не удержался и сказал:

— Сорок рублей! Билет на автобус стоит меньше двух. Вы, наверное, первый человек в истории Хлебодаровки, приехавший сюда из города на такси.

— Я ведь спешила к вам,— ответила, улыбаясь, Наталья Сергеевна и после небольшой паузы добавила: — И, чтобы попасть в историю, сорок рублей — вполне умеренная плата, уверяю вас.

Ее ответ и улыбка сразу расположили Акрама Галиевича, и он, легко подхватив чемодан, гостеприимно распахнул перед женщиной калитку...

Через час они, как старые и добрые знакомые, шутя и мило разговаривая, нанизывали на шампуры маринованную баранину, а затем, пока Акрам Галиевич возился с мангалом и жарил шашлыки, Наталья Сергеевна накрывала на веранде стол.

Когда Акрам Галиевич принес первую партию шашлыков и глянул на стол, то от удивления чуть не выронил тарелку.

На столе, накрытом белой накрахмаленной скатертью, в керамической вазе стоял удивительно подобранный букет цветов из палисадника. Букет притягивал внимание, отвлекая от обильной закуски. А закуска... Наталья Сергеевна, кажется, задействовала всю посуду из сервиза, который никогда раньше целиком не вынимался из серванта. Красная и черная икра, нежная семга, украшенная золотыми дольками лимона, осетровый бок и балычок, бледно-розовый муксун, обложенный листьями салата и сельдерея, только что сорванного на огороде, салаты из крабов и печени трески и прочие незнакомые Акраму Галиевичу дары моря и земли. Запах сырокопченой колбасы, казалось, перебивал запах шашлыков, и все же стол был определенно с морским уклоном.

— Вы волшебница? — только и вымолвил озадаченный таким изобилием нотариус.

— Нет, я просто рыбачка. А это, так сказать, мой труд, конечный результат, как сейчас модно говорить у газетчиков. Полгода в море-океане на траулере, полгода на берегу, на рыбзаводе. Прошу оценить, — Наталья Сергеевна взяла из его рук тарелку с шашлыками, поставила на середину стола. — Прошу! — И тут же засмушалась: — Ой, чего это я? Вы же здесь хозяин...

Акрам Галиевич достал из холодильника шампанское. Наталья Сергеевна наклонилась над своей дорожной сумкой и вынула две длинные узкие бутылки.

— Может, к такой закуске это лучше пойдет? — и поставила на стол коньяк.

Нотариус прочитал: «Двин», «Дойна». Вроде написано по-русски, но такие названия он видел впервые.

«Это сколько же может стоить такая бутылка?» — подумал Акрам-абзы, потому что его беспредельно возмущала цена любого коньяка, но тут же и восхитился: «Какая женщина! Какая щедрость!»

Выпили за знакомство, за встречу, за коллег Натальи Сергеевны — за тех, кто в море. Гости понравились шашлыки, зелень и овощи с огорода, а хозяину — дары моря, потому что в степной Хлебодаровке и хек давно стал редкостью, а ведь было время — от камбалы отворачивались, обзывали одноглазой, — наверное, камбала обиделась и пропала — навсегда.

Осмелев, Акрам-абзы решился спросить, почему так странно выглядит букет.

— А это — икебана, — пояснила Наталья Сергеевна. — У японцев научились составлять, казалось бы, несоединимое. У нас, на Са-

халине, прямо все помешались на этой икебанае, скоро японцы завидовать начнут. Вот погодите, мы с вами еще сад камней во дворе разобьем, а в доме заведем редкие карликовые деревья. Если вы, конечно, не возражаете, Акрам Галиевич.

— Распоряжайтесь как в своем доме,— лихо ответил захмелевший нотариус и включил музыку.

Потом они танцевали некогда популярное танго, напомнившее обоим молодость, и, словно сговорившись, немного погустили. Но Акрам Галиевич был сегодня, как никогда, энергичен, и веселое настроение после его очередного озорного тоста вновь вернулось за стол.

Наталья Сергеевна с юмором рассказывала байки из рыбацкой жизни, а Акрам Галиевич — курьезы из своей долгой канцелярской службы, и оба весело смеялись. Им было хорошо, словно знакомы они были много лет, и вот встретились после долгой разлуки.

Уже при луне, когда рано засыпающая Хлебодаровка видела первые сны, они дожили забытый шашлык, а оставшимися углями из мангала вскипятили самовар. Наталья Сергеевна всерьез уверяла, что это первый в ее жизни чай из настоящего самовара — электрические в счет не шли. За самоваром взгляд Акрама Галиевича случайно упал на настенные ходики — время было далеко за полночь.

Как быстро пролетели часы! Последние двадцать лет даже в праздничные дни они с Верочкой так поздно ни у себя, ни в гостях не засиживались. «Ведь завтра на работу»,— мелькнула вдруг тревожная мысль, но Наталья Сергеевна обратилась к нему с каким-то вопросом, и мысль о понедельник и работе растворилась в милом голосе рыбачки, которая еще два дня назад стояла на берегу Тихого океана, а сегодня сидит у него, в Хлебодаровке, и впервые в жизни пьет чай из настоящего самовара.

«Ну и время, ну и расстояния!» — поражался Акрам Галиевич и понял вдруг, что ощущение времени и расстояния пришло к нему в ту минуту, когда он взял в руки газету с брачными объявлениями. Ведь до этого вся вселенная, весь мир, дороги, расстояния для него были заключены в одной Хлебодаровке, а, оказывается, вот куда может потянуться ниточка, стоит только захотеть, протянуть руку, выйти за околицу.

Так думал нотариус, радуясь, что и мыслить стал иначе — шире, масштабнее, ведь раньше подобное и прийти в голову не могло, и в этот миг Наталья Сергеевна, у которой, судя по все-

му, было прекрасное настроение, сказала в своей странной манере, не то шутя, не то всерьез:

— Ну что, Акрам Галиевич, берете меня в жены?

Подойдя к нему сзади, она приникла к нему, обняла за плечи, и этот милый жест беззащитной, щедрой и решительной женщины так тронул Акрама-абзы, что у него невольно на глаза навернулись слезы, и он, целуя ее руки, скрещенные у него на груди, тихо выдохнул:

— Да, Наталья Сергеевна...

Проснулся он рано — сработала многолетняя привычка. На веранде со стола все было аккуратно убрано, хотя Акрам Галиевич помнил, что говорил Наталье Сергеевне: завтра уберем. Значит, уложила его спать, а сама стала наводить порядок.

«Хозяйственная, не ленивая женщина», — отметил Сабилов, и настроение у него поднялось, хотя голова побаливала. Он тихонько прошел в зал, где на диване спала Наталья Сергеевна, поправил сбившееся одеяло, но будить не стал — пусть отдохнет с дороги, путь был неблизким, да и смена времени дает о себе знать.

Поставил чайник, приготовил завтрак. На душе было весело, хотелось запеть, чего никогда с ним в жизни по утрам не случалось. Но петь не стал, воздержался, хотя душа пела точно. Только с удовольствием выпил рюмку коньяка — опять же, не делал этого никогда в жизни, собираясь на службу, — и закусил нежной семгой, которую попробовал вчера в первый раз.

Уходя на работу, он оставил записку, в которой сообщал, где что лежит, когда придет на обед, и, конечно, добавил несколько нежных слов.

На работе часы тянулись медленно, не то что вчера, и посетителей оказалось изрядно; не было свободной минуты, чтобы расслабиться, подумать, как там она, Наталья Сергеевна. Как ей спалось на новом месте? Какое у нее настроение? Что делает, ждет ли его?

На обед он не шел, а летел, и хорошо, что не повстречался по дороге никто из друзей-приятелей — пришлось бы отвечать на вопрос: «Что случилось? Куда бежишь?» Скрыть свое состояние он был не в состоянии, да и не хотел.

Задержался только у калитки, переводя дух — совсем запыхался, словно гнались за ним, — рывком, нетерпеливо достал газеты из ящика, и на землю посыпались письма — сразу пять штук.

Акрам-абзы со страхом глянул во двор, но, к счастью, Наталья Сергеевна находилась в доме. Он быстро поднял письма, торопливо

спрятал их во внутренний карман пиджака, прошел в туалет и, даже не взглянув ни на один конверт, бросил их в яму.

«Все, баста! — сказал он себе с облегчением. — Надо отбить телеграмму в газету: мол, все, место у камина занято», — и улыбнулся, довольный своей шуткой. Но потом решил, что нехорошо шуточкой отделиваться, надо все-таки как-то отблагодарить людей, ведь не будь этой газеты, он никогда бы не познакомился с такой замечательной женщиной.

На веранде, как и вчера, был накрыт стол, только букет был другой, более изысканный. Наталья Сергеевна, в красивом халате, плотно облегавшем ее ладную фигуру, и в мягких комнатных туфлях на танкетке была так мила и так уверенно, по-хозяйски чувствовала себя в доме, что Сабирову на миг показалось: она давным-давно живет здесь, а он сам был в длительной отлучке и вот вернулся под родную крышу.

— Быстрее за стол, у меня все готово, — поторопила Наталья Сергеевна.

Когда она поставила перед ним тарелку, Акрам-абзы удивленно воскликнул:

— О, настоящая татарская лапша! Так тонко нарезают у нас только на свадьбах, и то лишь известные мастерицы.

Наталья Сергеевна, довольная, улыбнулась:

— У нас на рыбзаводе много татар работает, я и разузнала о ваших национальных блюдах. Я и бялиш могу испечь, — сказала она гордо.

— За такие успехи и за такой обед грех рюмочку не выпить. Может, нальешь, Наталья Сергеевна?

— А как же с работой? — весело спросила гостя, уже доставая рюмки и недопитую вчера бутылку.

— Могу позволить себе и один выговор за всю карьеру, — ответил Акрам-абзы, и они оба весело рассмеялись.

Возвращаясь на работу, Сабиров завернул на почту — решил отправить телеграмму в газету.

На почте, как и у него в конторе, в послеобеденные часы посетителей не было. Зато у окошечка, где принимали телеграммы, находилась сама заведующая, Светлана Трофимовна. Поздоровавшись, она, краснея, пытаясь свести все к шутке, спросила:

— Что случилось, Акрам Галиевич? В последнее время хлебодаровская почта работает только на вас. Вот и сейчас, буквально минутой назад, принесли телеграмму. Вы, наверное, ее очень ждали?

Акрам-абзы пробормотал что-то невразумительное и, сославшись на то, что очень спешит на работу, даже не поблагодарив Светлану Трофимовну за телеграмму, выскочил из здания почты, отирая взмокший от волнения лоб.

«Только бы не от «Белочки»... Ведь осрамит на всю Хлебодаровку! До Натальи Сергеевны дойдет...» — думал он, сворачивая за угол, где со страхом развернул бланк.

«Пожалуйста срочно позвоните Ленинград телефон 2476465», — прочитал с облегчением Акрам-абзы, и вдруг его почему-то охватил приступ ярости.

— Позвоню, позвоню обязательно! Когда рак на горе свистнет! — громко сказал он и, разорвав в клочки телеграмму, зашагал на работу.

К вечеру он успокоился и, возвращаясь домой, завернул на базар, чтобы купить яблок. Его так и подмывало сказать какие-то слова благодарности хозяйке тюлькубасских яблок, но слишком уж много народу толпилось у ее пахучего прилавка.

«В другой раз непременно скажу», — решил Акрам Галиевич и ушел с базара, то насвистывая, то напевая арию из гаджибековского «Аршин мал алана»: «Ах, спасибо Сулейману...» Таким веселым он и появился у калитки. Наталья Сергеевна ждала его в палисаднике.

— Знаешь, Акрам Галиевич, — сказала она, — я наткнулась во дворе на баню и очень обрадовалась. Такая чистая, уютная, и все готово, словно ты собирался сегодня ее топить. Я и затопила. Давай сходим в баню, а в духовке как раз за это время ужин поспеет. Не возражаешь?

В ответ Акрам-абзы уже в полный голос пропел знаменитую арию.

После бани, пока Наталья Сергеевна колдовала над ужином, обещающая новый сюрприз, он, напевая про все того же Сулеймана, ладил во дворе самовар. Из-за ограды его окликнул Жолдас-ага.

Сосед был непривычно хмур, и Акрам-абзы, согнав с лица нескрываемое довольство, направился к нему.

— Ты что это как осенняя туча? — спросил Сабиров. — Какая такая напасть одолела?

— Это тебя никак не касается, — отрезал Жолдас-ага. — А позвал я тебя, чтобы напомнить: у нас, у мусульман, с родственниками в баню не ходят. А тебе в твоем положении, я уж не говорю о возрасте, надо до срока вести себя пристойно — не француз и не в Париже живешь, никто тебя тут не поймет... — И вдруг, плюнув себе под

ноги, добавил: — Постеснялся бы людей. Противно смотреть на твою довольную физиономию, — и зашагал прочь от забора.

Акрам-абзы растерялся, — такого поворота он не ожидал. Хорошо, что не надо было сразу идти в дом. Выручил самовар, возле которого он долго сутился, приходя в себя от слов друга.

Наконец Наталья Сергеевна из распахнутого окна веранды подала ему знак вносить самовар, и Акрам-абзы, несколько воспрянув духом, направился в дом. Лишь только он глянул на Наталью Сергеевну, простоволосую, раскрасневшуюся после бани, в новом махровом халате, которая с улыбкой приглашала его за стол, как сразу забыл и про Жолдаса-ага, и про его злые слова.

Посередине стола стояло блюдо, накрытое салфеткой, но по запаху Акрам-абзы уже во дворе догадался — бляшиш. Возле его тарелки лежала какая-то яркая плоская коробка.

— Что это? — спросил он. — Сюрприз? Я вижу, ты очень любишь всякие сюрпризы.

— Нет, это не сюрприз, сюрприз под салфеткой, сейчас увидишь, а это тебе подарок, вчера в суете и от волнения забыла вручить, ты уж извини. Открой, пожалуйста, я долго думала, что тебе подарить, — гостья зарделась от волнения и стала еще красивее.

Акрам Галиевич открыл коробку и достал из бумажного пакета замшевый футляр с витой шелковой ручкой — на манер тех, что носят мужчины на запястье, только потяжелее и очень изящный.

— Дальше, дальше, — подбодрила Наталья Сергеевна, видя, что он растерялся.

Акрам Галиевич расстегнул футляр и увидел приемник величиной с его ладонь. Наталья Сергеевна вытянула откуда-то сбоку антенну, включила, и сразу поймала какой-то концерт. Ровный чистый звук поплыл по веранде, наполняя душу какой-то теплой радостью.

— Такая кроха, а имеет собственную антенну! — искренне восхитился Акрам-абзы. — И как красиво сделано!

— Это не самое главное, он имеет семь диапазонов: пять коротких, длинные волны и средние — намного больше, чем в том приемнике, что стоит у тебя на комоду, — пояснила довольная его реакцией гостья. — Работает и от сети, и на батарейках, в коробке есть и наушники, если захочешь слушать один.

— «Соня», — прочитал Акрам-абзы на коробке и на замше футляра.

— «Сони», — мягко поправила его Наталья Сергеевна. — Я купила его в специальном магазине «Альбатрос». Когда мы ра-

ботаем в океане, нам часть зарплаты дают в болах и валюте. Понравилось?

— Кому же такое чудо не понравится,— засмутился хозяин и, обняв Наталью Сергеевну, поцеловал ее...

Ночью Акрам-абзы не никак не мог заснуть. Намаевшись, он потихоньку высвободил руку из-под головы Натальи Сергеевны и, стараясь не разбудить ее, вышел во двор.

Стояла удивительная тишина, был тот редкий ночной час, когда дремали даже самые чуткие псы Хлебодаровки. Высокое звездное небо над сонным поселком, казалось, струило покой. Спокойно и радостно было и на душе Акрама-абзы. Но вдруг он вспомнил разговор с Жолдасом-ага, и хорошее настроение пропало. «Надо это как-то уладить, объяснить...» — решил Акрам-абзы, но путевые мысли в голову не шли.

Правда, был вариант: Наталья Сергеевна говорила, что уже три года не видела брата и сестер, которые живут в Закарпатье, и намекала, что неплохо было бы съездить туда вдвоем. А что, если предложить ей съездить туда одной — погостить, отдохнуть, все-таки три года без отпуска? А он бы тут поминки по жене справил, все чин чинном, чтобы никто потом ничего плохого о них не сказал. Вот тогда и с Жолдасом помирился бы, и Наталью Сергеевну сохранил. Впрочем, можно было бы прилететь за ней в Карпаты и вместе вернуться в Хлебодаровку.

«Вот только как ей об этом сказать, чтобы не обиделась?» — думал он, расхаживая по ночному двору. По ту сторону забора в загоне у Жолдаса-ага сонно ворочалась корова, и Акрам-абзы вспомнил о баранах, за которыми нужно съездить за реку. «Вот и повод помириться,— подумал он.— Сам же говорил: пусти их ко мне в загон, откормлю по особому рецепту». От этой мысли он повеселел и пошел спать, уже совсем успокоившись.

Утром он чуть не проспал на работу, чего с ним ни разу не случилось за последние двадцать лет. Разбудила его Наталья Сергеевна.

В доме было все прибрано, чисто, стол накрыт. А на столе пытел самовар, хотя по утрам нотариус обходился чаем из чайника, согретого на газовой плите. Даже блины успела напечь Наталья Сергеевна — блины с икрой были для него в новинку.

— Балуешь,— сказал довольный Акрам-абзы, садясь за стол.— Так и растолстеть недолго...

Жизнь с умелой и расторопной хозяйкой, быстро вошедшей в эту роль, ему нравилась все больше.

Потом Наталья Сергеевна подала ему свежую рубашку, помогла повязать галстук, и, придиричиво оглядев с ног до головы, проводила до самой калитки, и еще долго, пока он не скрылся за углом, глядела ему вслед.

На работе Акрам Галиевич еле высидел до обеда — так ему хотелось поскорее увидеть ласковую гостью, да и любопытство разбирало: что же она сегодня приготовит? Ему пришлось по вкусу, как Наталья Сергеевна готовила и подавала на стол. Вот сервиз, например, лет десять пылился в серванте, по праздникам только и вынимался, а она — сразу его в обиход, и насколько веселее, красивее стало за столом.

А цветы на столе? «Почему сами раньше не догадывались, ведь полон двор цветов? Пустяки, кажется, а как приятно украшают жизнь», — думал Акрам-абзы. Его вдруг разобрала такая нежность к Наталье Сергеевне, что он захотел немедленно, сегодня, к обеду сделать ей какой-то подарок. Он даже на полчаса раньше закрыл контору и зашел в районный универмаг. Внимательно обошел все три этажа, но достойного подарка так и не нашел: ни платья, ни сумочки, ни туфли, ни косынки даже сравниться не могли с тем, что имела Наталья Сергеевна, — видимо, в «Альбатрос» завозили товары с иных складов. «Ничего, я обязательно съезжу в город, там уж наверняка подберу что-нибудь», — решил Акрам Галиевич и поспешил домой.

Даже не глянув на почтовый ящик, из которого торчали газеты, он вошел в дом. Странная тишина встретила его. За несколько дней он уже привык к тому, что Наталья Сергеевна включала музыку к его приходу, а из кухни доносились приятные запахи, что-то там шкворчало, пытело. Но сейчас дом словно вымер, осиротел. Такое же ощущение было у Акрама-абзы, когда он только схоронил Веру Федоровну.

Предчувствуя неладное, Акрам Галиевич прошел в переднюю. Все аккуратно прибрано, кругом чувствуется хозяйственная женская рука. На круглом столе, покрытом тяжелой бархатной скатертью, белело письмо.

«Милый Акрам Галиевич, — прочитал растерянно Сабиров. — Наверное, своим поступком я доставляю огорчение нам обоим, и я, конечно, об этом еще не раз пожалею. Но нас, женщин, понять трудно, порой мы делаем необъяснимые, малопонятные поступки. Мой поступок из этого ряда. Разумом я понимаю: вот человек, который

будет любить и беречь тебя, скрасит твою старость. И дом Ваш действительно надежная гавань, чувствую я и то, что понравилась Вам, и это доставляет мне радость. Вы ни о чем не расспрашивали меня, а я не пыталась рассказывать о себе. Наверное, Вы поступили мудро: зачем? Вас гораздо больше волновало будущее — какой я буду, а не какая была.

Когда я увидела Ваше объявление, я сказала себе: хватит, Наталья, успокойся, вот нашелся и для тебя тихий уголок на земле, перестань куролесить, метаться по стране из края в край. Но, видимо, наши благие желания трудно уживаются с нашими привычками. Вдруг, в какой-то час, я поняла, как тесно мне будет в тихой и надежной гавани, хотя это то, о чем мечтает нормальная одинокая женщина в моем возрасте.

Спокойная, размеренная жизнь, наверное, не для меня. Я не готова к ней, и я, как ни странно, наверное, не знаю, как себя вести с благополучными, с безупречной репутацией мужчинами, — в моей жизни были совсем другие, и я знала, что я им нужна. Нужна, наверное, я и Вам. Но я предчувствую, что однажды весной, когда потянутся с юга журавли, потянет и меня в дорогу. Такая вот я цыганка, Акрам Галиевич. Но Вы человек добрый и не заслуживаете, чтобы Вас бросили. Я догадываюсь, как доконала бы Вас молва вашей Хлебодаровки, — все малые местечки одинаковы, жила я в таких селах. Боюсь я и привыкнуть к вам: горше была бы разлука потом, поэтому я уезжаю сейчас.

Прощайте, не поминайте лихом. Все, что было между нами, поверьте, было от души, с любовью.

Простите. Целую. Наталья Сергеевна».

Акрам Галиевич, ничего не понимая, перечитал письмо еще раз... Уехала? Зачем? Почему? Ее мотивы были совершенно ему непонятны — ведь не молоденькая, чтобы тянуло к кострам, палаткам, голубым городам. И вдруг ему стало ужасно жаль эту неприкаянную женщину: он увидел в ней, кроме решительности, бесшабашности, необузданной щедрости и широты, почти детскую незащищенность, неустроенность.

«Найти, догнать!» — мелькнула мысль, и Акрам Галиевич кинулся на автостанцию. На автостанции он нашел дежурную, описал ей Наталью Сергеевну и спросил с надеждой, не появлялась ли она. «Уехала два часа назад», — последовал краткий ответ. Акрам Галиевич устало опустился на скамейку. Он понимал, что Наталья Серге-

евна потеряна для него навсегда. Умом понимал, но душою не хотел смириться, ведь так ладно, по-людски все начиналось...

— Акрам Галиевич, вы уже который день к нам обедать не ходите, или мы чем не угодили? — спросила его Анна Ивановна с порога ресторана, находившегося на другой стороне узкой улочки, напротив автостанции.

Акрам-абзы тяжело поднялся и, вспомнив, что еще не обедал, пошел в ресторан.

— Что-то вы не в духе, — заметила участливо Анна Ивановна, видя, что нотариус сильно расстроен.

В ресторане он задержался надолго, впервые в жизни не явившись после обеда на работу.

Возвращаясь домой, вспомнил, как еще вчера шагал этой же дорогой, весело напевая: «Ах, спасибо Сулейману...», и как был счастлив.

«А сегодня и Наталью Сергеевну потерял, и с Жолдасом в ссоре. Что же делать, как быть?» — мучился Акрам-абзы. Но ни одной спасительной мысли не приходило на ум.

По привычке, чтобы отвлечься от мрачных дум, он занялся хозяйственными делами: вынес золу из бани, выкинул веники, сполоснул шайки, вылил оставшуюся воду, но как-то не ладилась, не шла работа. Так и не завершив банных дел, стал бесцельно бродить по двору. Ему хотелось, чтобы Жолдас, как в добрые времена, пригласил его на самовар, но двор Беркутбаевых был пуст.

Вскоре вечер опустился на село. В переулке за садом медленно поднималась, словно густой туман, мелкая бархатная пыль, — так было каждый день, когда возвращалось с выпаса сильно поредевшее в последние годы хлебодаровское стадо. Чья-то огромная рыжая корова подошла к забору Акрама-абзы и стала энергично тереться о столб, ограда затрещала. Акрам-абзы, схватив первую попавшуюся палку, кинулся спасать забор. Отогнав корову, увидел в ящике газеты, мимо которых пробежал в обед.

Достав газеты, он на всякий случай заглянул в ящик и ахнул — на дне лежало еще с десятков писем.

— Вот это да! — невольно вырвалось у Акрама-абзы, и вдруг до него дошло, что его вчерашний утренний поступок, когда он решительно выбросил пять писем, ровно ничего не решал — колесо истории продолжало крутиться и, судя по сегодняшней почте, набирало все большие обороты.

«И почему ж колесу этому не вертеться? — рассуждал Акрам-абзы.— Ведь телеграмму в газету я так и не послал». Он долго стоял возле калитки, перебирая письма, думая, как с ними поступить, но решительного желанья выбросить их как-то не ощущал.

Одно письмо пахло знакомыми духами, и он перевернул его адресом вверх — конечно, от «Белочки». «Я уже узнаю письма по запаху»,— подумал Акрам-абзы и впервые за долгий и тягостный день улыбнулся. Однако письмо от «Белочки» читать не хотелось, оно никак не могло его утешить — перед глазами все еще стояла Наталья Сергеевна.

Акрам Галиевич с неохотой зашел в переднюю. Холодным и неуютным показался ему дом, еще вчера сиявший огнями и гремевший музыкой. Густые, вязкие сумерки стояли в притихших комнатах, и Акрам Галиевич включил свет. Яркий свет вынуждал что-то делать, и он принялся готовить ужин.

«Ужин одинокого мужчины»,— мелькнула вдруг в памяти читанная где-то строка, и Акрам Галиевич увидел себя как бы взглядом постороннего человека. «А что убиваться? — заговорил этот посторонний.— Если к другому уходит невеста, то неизвестно, кому повезло». Подзадоривала и другая шевелившаяся мысль: «Вот на столе десяток писем, и, может быть, в одном из них действительно счастливый лотерейный билет».

Акрам Галиевич накрывал стол механически. Поставил икебану, достал из серванта посуду, и, только когда сел ужинать, понял, что Наталья Сергеевна за несколько дней пребывания оставила в доме неизгладимый след. Он уже точно знал, что всю оставшуюся жизнь будет ужинать именно в этой комнате и, может, даже с цветами на столе. Сидя за столом, накрытым по образцу Натальи Сергеевны, он закусывал деликатесами, привезенными ею, и думал о Наталье Сергеевне как о чем-то грустном и прекрасном, но уже очень давнем.

Письма на столе не особенно волновали Акрама-абзы, но любопытство все-таки разбирало. Поначалу он прочитал адреса, не вскрывая конвертов: послания шли со всех концов страны. Три письма оказались с Украины, их Акрам Галиевич в конце концов вскрыл первыми. Писем как таковых не было, были четкие, деловые предложения,— эти женщины, в отличие от «Белочки», в облаках не витали.

Если бы каждое письмо не имело своего обратного адреса, причем в разных областях Украины, Акрам Галиевич решил бы, что на-

писаны они одной женщиной: стиль, манера, требования, даже объем писем были одинаковы, строка в строку. Эти предложения напомнили ему объявления по обмену квартир, что изредка печатала их областная газета: «Имею то-то, хотела бы побольше да получше». Основной акцент предложений делался на том, что имеют — а имели они немало,— и требовался человек, тянувший, по их меркам, на жизнь в этом благе, при одном непременно условии: наличии крепкого здоровья.

«Бугая ей надо»,— вспомнил Акрам-абзы Катин комментарий по адресу мужниной пассии в далеком колхозе.

Как он уразумел, женщинам с Украины требовался примак с завидным здоровьем, хотя условия для примака были обещаны подходящие. «Нет, в чужой дом никогда, из Хлебодаровки ни шагу! Сегодня ушла одна, и то покой потерял, а каково сняться с места, а через год-другой получить от ворот поворот?» — решил он, и сделал еще один вывод: принимать во внимание следует только варианты с переездом к нему, и не обольщаться никакими заманчивыми предложениями. Осторожность селянина взяла верх. «Это капиталист ради трехкратного увеличения капитала готов пойти на что угодно, а нас машинами, дачами, сберкнижками не заманишь»,— подытожил Акрам-абзы свою мысль и остался доволен собой.

Странно, но новые письма так не будоражили воображение Акрама-абзы, как те первые, от «Белочки», например. Единственный конверт, который он вскрыл с трепетом, был из Крыма — ему показалось, что это письмо от «брюнетки крепкого телосложения», у которой сад спускается к морю. Но он ошибся: не было у этой женщины ни сада, ни дома, жила она в однокомнатной квартире на четвертом этаже и дорабатывала до пенсии на обувной фабрике.

Его отношение к предложениям было непонятным ему самому: раздражали и те, в которых на первый план ставилось движимое и недвижимое имущество, и те, в которых открыто признавались, что ничего не успели нажить и остались, так сказать, у разбитого корыта.

Акрам-абзы поймал себя на мысли, что хотел бы получать письма от женщин, чьи объявления поразили его воображение, когда он впервые развернул газету,— они были ему как-то ближе, роднее, понятнее. «Это, наверное, как любовь с первого взгляда»,— думал он, цитируя уже по памяти: «Хрупкая блондинка, уставшая от неудач в личной жизни, хотела бы остаток дней провести в сель-

ской местности...» Но, увы, не было писем ни от «хрупкой блондинки», ни от «брюнетки крупного телосложения», — к ним, наверное, Акрам-абзы отнесся бы теперь более внимательно.

«Главное — не пороть горячку», — успокаивал он себя, вскрывая очередное письмо.

Какая-то старушка, персональная пенсионерка из Ленинграда, приглашала его к себе и соблазняла большой библиотекой по юриспруденции, собранной ее мужем, и возможностью заняться наукой, не выходя из квартиры. Она и фотографию библиотеки прислала. Акрам Галиевич даже испугался такого количества книг — у них в Хлебодаровке и в районной библиотеке, наверное, столько не было.

В двух других письмах оказались и фотографии соискательниц, но после Натальи Сергеевны эти женщины показались ему такими серыми, скучными, несимпатичными, что он их писем и читать не стал.

Все десять писем, пришедшие в этот день, включая и нечитанное от «Белочки», оказались в мусорном ящике.

— Будет день — будут и письма, — сказал Акрам-абзы вслух и, довольный остроумной, как ему показалось, фразой, пошел спать...

Так оно и вышло: наступил новый день, и пришли новые письма, и на этот раз попало кое-что интересное совсем неподалеку. Акрам Галиевич чуть за телефон не схватился на службе, чтобы заказать разговор, как было оговорено в письме, но воздержался, вспомнив про доктора Агямову, которая завтра выедет из Ташкента, а послезавтра, возможно, будет у него, если конечно, он того захочет. Особенно ему понравилось последнее: если он того захочет.

Надо сказать, что эти письма и телеграммы уже повлияли на поведение Акрама-абзы: он не только стал ходить более важно по Хлебодаровке, но и задумываться, не слишком ли занижал себя в жизни, не слишком ли скромно и незаметно прожил. Вот в Ленинграде, например, ему предлагают на пенсии заняться наукой, обобщить, так сказать, свой юридический опыт, — тут он пожалел, что решительно порвал письмо, а главное — фотоснимок кабинета-библиотеки, где бы он трудился, — вещественное доказательство своей значимости.

Вечером он долго вглядывался в фотокарточку доктора Агямовой, которую поначалу принял за артистку, и вновь его мучили вопросы: когда снималась, сколько лет фотографии и каков ориги-

нал сегодня. Что и говорить, женщина на фотографии ему нравилась, и Акрам-абзы пристроил портрет на трюмо.

Конечно, Назифа Аглямova, на его взгляд, имела кое-какие преимущества перед другими: хороша собой, землячка, доктор. «Врач в доме на старости лет — это ли не подарок судьбы? Она, наверное, и общий язык с женой Жолдаса найдет, коллеги все-таки,— заранее радовался Акрам Галиевич. — А какая красавица! — думал он, глядя на фотокарточку.— Из здешних, хлебодаровских, вряд ли кто с ней может сравниться...» Но потом ему стало неловко за такую мысль, в нем проснулся какой-то скрытый местный патриотизм, и он допустил, что, пожалуй, Светлана Трофимовна могла бы потягаться внешностью и фигурой с доктором-артисткой. Но все-таки в заочном споре пальму первенства Акрам-абзы отдал Назифе Аглямовой. Этот вывод вновь вселил покой в душу нотариуса. «Встречу, сниму с поезда,— твердо решил Сабилов. — Как гласит пословица, попытка — не пытка. Письма — одно, а личное знакомство — другое...»

Опыт кое-какой по приему гостей у него был, и он уже не робел, как перед встречей с Натальей Сергеевной. Шампанское стояло нетронутым с прошлого воскресенья, икра хоть черная, хоть красная — Наталья Сергеевна оставила той и другой по литровой банке,— и консервы всякие редкие, ящик для фруктов в холодильнике полон. Как сотворить новую икебану, Акрам Галиевич знал: на всякий случай он записал в книжку, что к чему,— а не получится — повторит букет Натальи Сергеевны. Оставались только генеральная уборка и, может быть, баня.

На этот раз прямо с утра в субботу Акрам-абзы затопил баню, чтобы поспела к приходу скорого поезда «Ташкент — Москва». «Больше суток в пути, жара, лето»,— рассуждал он, и выходило, что баня будет кстати. Придирчиво оглядев двор, прошелся по дому — все было готово к приему гостя. Правда, шашлыки на этот раз готовить не стал, решив, что для человека из Ташкента шашлык не в новинку.

В парадном костюме Акрам Галиевич заранее, не спеша, отправился на станцию. Хлебодаровка была теперь связана с городами, что справа от нее, что слева, регулярным автобусным сообщением, поэтому станция потеряла то значение, которое имела его в молодые годы. Тогда в Хлебодаровке останавливались все поезда и стояли подолгу, паровозы чистили топки и заправлялись водой. И в эти получасовые стоянки станция становилась самым оживленным местом Хлебодаровки.

А какой здесь был базар! Расскажи нынче кому — не поверят. К вечерним поездам приходили просто так — погулять, на лучшую жизнь глянуть. А станция в те годы была ухоженной, и медный колокол, отбивавший поездам отправление, сиял, как самовар у хорошей хозяйки. Станция притягивала молодых, наверное, еще и потому, что только по этим стальным нитям железнодорожных путей можно было уехать в иную, манящую жизнь, казавшуюся им не похожей на их собственную — тихую и незаметную. Теперь же поездами пользовались редко и только в тех случаях, когда кто-нибудь уезжал очень уж далеко или издалека возвращался.

Несмотря на полдень, станция была совершенно безлюдна. Акрам Галиевич не был здесь лет десять, если не больше, потому что стояла она в стороне от его каждодневных маршрутов, да и повода не было, и сейчас, словно сквозь призму времени, заметил, как постарела, одряхла, захирела станция за эти годы.

Ожидая прибытия скорого, Акрам-абзы жалел, что поезд стоит всего-навсего три минуты. «Вот если бы подольше,— рассуждал он,— можно было, где-нибудь затаясь, глянуть, а уж потом решать, как быть». Но такой возможности у него не было, и выбирать не приходилось.

Поезд пришел с небольшим опозданием. Акрам-абзы неверно рассчитал место остановки десятого вагона, и ему пришлось бежать в хвост поезда. Еще издали он увидел женщину, высунувшуюся из тамбура и наверняка выглядывающую его, и отчаянно замахал ей рукой: мол, сходи. Женщина так и истолковала его жест. Когда он подбежал к вагону, она уже стояла с вещами на хлебодаровской земле, а поезд медленно набирал ход.

Если бы Акрам-абзы не запыхался, Назифа Аглямова увидела бы на его лице большое разочарование. Но он тяжело дышал и покраснел от бега, и доктор Аглямова истолковала это по-своему и перво-наперво ослабила ему узел галстука и расстегнула верхнюю пуговицу рубашки.

Акрам Галиевич, тяжело переводя дыхание, смотрел на женщину, пытаясь отыскать хотя бы следы тех прекрасных черт, что были запечатлены на фотографии, в которую он уже был влюблен. Но сделать это было непросто, и у него промелькнула грустная мысль, что доктор-артистка сдала почище станции. Вежливо поздоровавшись, он с тоской поглядел вслед уходящему поезду.

Назифа сразу взяла инициативу в свои руки.

— О, какой вы braveй! Я таким вас себе и представляла,— говорила она, цепко оглядывая Акрама-абзы.— Конечно, свежий воздух, умеренный физический труд, отсутствие стрессовых ситуаций... Вот только дыхание у вас, я вижу, неправильное. Но это мы поправим: начнете бегать по утрам — через полгода будете дышать, как юноша.

«Этого мне только не хватало на старости лет»,— неприязненно подумал Акрам-абзы и представил себя бегущим по утренней Хлебодаровке. Эта картина невольно вызвала у него улыбку, которую Назифа тоже истолковала по-своему...

Чемодан и сумка оказались тяжелыми, и они остановились перевести дух. Аглямова, оглядев пыльную, разъезженную поселковую дорогу, хранящую до сих пор следы прошлогодней золы, сказала:

— Я вам уже писала об этом, но, даже находясь здесь, не верю, что я, Назифа Аглямова, знакомлюсь по брачному объявлению и в душе согласна остаток жизни провести в какой-то Хлебодаровке,— и громко рассмеялась.

Смех у нее был удивительно молодой и звонкий. В этот миг Аглямова стала похожа на женщину с фотографии, стоявшей у него дома на трюмо. Но Акрам Галиевич уже успел понять, она еще живет во времени, когда была прекрасна и обаятельна, и совершенно не принимает и не желает принимать во внимание свой нынешний возраст. Редко, но встречаются взрослые, навсегда оставшиеся детьми, и ташкентский доктор была из этой уникальной породы.

Дом и усадьба ей пришлись по душе — наверное, они напомнили ей картины из детства, когда и она жила в деревенском доме с сеновалом, огородом и садом.

— У вас здесь очень мило, даже лучше, чем я ожидала,— сказала она, придирчиво оглядываясь вокруг и видя ухоженный двор, засаженный цветами. А вот в доме ей не совсем понравилось, это Акрам Галиевич увидел по ее лицу, да и она обронила разочарованно мимоходом:

— Я несколько иначе представляла жилье сельского юриста, интеллигента, а это типичная сельская изба...

Акрам Галиевич так и не понял, что ей не понравилось и чем должна отличаться изба нотариуса от жилья соседей. Обрадовалась Аглямова лишь в зале, когда увидела на трюмо свою фотографию. Она улыбнулась Акраму-абзы, сверкнув рядом золотых зубов:

— Я чувствовала, что она у вас в доме на самом видном месте. Спасибо, это так мило с вашей стороны.— И, поправив фотографию, добавила: — Я подарю вам другую — большую, в красивой раме.

Баня была давно готова, и Акрам-абзы, прежде чем обедать, осмелился предложить гостье парную. Аглямова с любопытством глянула на него, досадливо повела плечом и отказалась:

— Я не выношу деревенских бань. Вот если у вас есть летняя душевая, то я с удовольствием ополоснусь.

Отправив гостью в душ, Акрам-абзы решил сам сходить попариться — не пропадать же бане! Парился он долго, с азартом, забыв про гостью, — баня удалась на славу. Когда он вошел в дом, Назифа-ханум лежала на диване с книгой, и, как показалось нотариусу, прическа у нее слегка съехала набок. «Вроде сегодня я и не выпивал... Перепарился, что ли? — опешил Акрам-абзы, но вдруг догадался, едва не стукнув себя по лбу: — Это же парик!» Кого-кого, а женщин в париках в Хлебодаровке не водилось.

«От той роскошной прически, так пленившей меня, и следа, наверное, не осталось», — грустно подумал Акрам Галиевич, но вслух ничего не сказал.

Заправленный самовар наготове стоял на веранде, и Сабиров быстренько вынес его во двор и разжег огонь. Потом он стал накрывать на стол, и перво-наперво поставил икебану, над которой с утра колдовал целый час. Назифа-ханум, вызвавшаяся помочь, так и застыла возле цветов, охая и ахая, не веря, что он сам составил такой букет.

Уроки Натальи Сергеевны не прошли даром: стол Акрам-абзы накрыл по всем правилам.

— Богато живете, — отметила Назифа-ханум, оглядев щедро накрытый стол.

— Грех жаловаться, — ответил Акрам-абзы, которому после баньки не терпелось пропустить рюмочку. О том, как попали к нему щедрые дары моря, он, конечно, распространяться не стал. Гостье хозяин налил шампанского, а себе — водочки. Выпили за знакомство, за здоровье Назифы-ханум, за прекрасную профессию врача.

Настроение у Акрама-абзы поднялось: парик казался на месте, а сама Назифа-ханум нет-нет да и напоминала ту прекрасную женщину на фотографии. Но все же его так и подмывало спросить, ко-

гда она фотографировалась и сколько ей тогда было лет. Едва сдержался, понимая, что его вопрос обидит гостью.

Добрый прием поднял настроение и гостье. Закусывала она все больше икрой — и черной, и красной, и говорила, что никогда в жизни не пробовала такой свежей и такого высокого качества. Сабиров же многозначительно молчал: он даже соврать насчет икры ничего не мог, ибо толком ничего о ней не знал. В общем, сидели хорошо, беседуя о том, о сем, не касаясь личной жизни друг друга. Подоспел и самовар, которому Назифа-ханум очень обрадовалась.

— А у нас в доме, в детстве, был медный, весь в медалях, — вспомнила она. — И я драила его речным песочком до зеркального блеска! Теперь такие самовары только в коллекциях и можно увидеть.

Она расспрашивала Акрама-абзы о хлебодаровском житье-бытье, о его привычках, увлечениях, и делала это тактично, тонко, по-женски хитро. Узнав, что у него нет никакого хобби, даже похвалила, сказав, что мужчины с ума посходили — все свободное время тратят на чепуху, вместо того чтобы уделять его семье. Потом, извинившись, что так пристрастно расспрашивает обо всем, сказала:

— Я ведь, Акрам Галиевич, женщина городская, хоть и родилась в селе. Интеллигентка, так сказать. Первый мой муж, военный, в годах, крепко меня любил и баловал. Был в высоком чине, хорошо получал, на службе его одевали, на службе кормили, его персональная машина всегда была к моим услугам, так что никаких обычных женских забот я не знала и знать не хотела. У меня была своя жизнь, свои интересы, и мужа, который любил, как я уже сказала, берег и лелеял меня, это устраивало. Ну, конечно, мы иногда принимали гостей — фрукты там, мороженое, шампанское. Да иного — пирогов, разносолов — от меня и не ждали. Зато я играла на фортепиано, читала стихи, пробовала рисовать, — друзья мужа боготворили меня, говорили, что я создана для изящной жизни. Жаль, у вас нет инструмента, я бы с удовольствием сыграла для вас. Почему я вам это рассказываю? Хотелось бы, чтобы вы поняли меня и были терпеливы, может быть, я еще научусь вести хозяйство и готовить...

Акрам-абзы молча слушал монолог женщины, не зная, что и сказать на эту исповедь, как реагировать.

— Мне у вас здесь нравится, — продолжала доктор, оглядываясь вокруг, — но в доме, безусловно, нужно сменить обстановку, придать ей шарм, чтобы чувствовалось, что живут тут интеллигент-

ные люди. Я думаю, здесь я снова могла бы заняться живописью, писать скромные сельские пейзажи, виды, город у меня получается неважно... Может, даже примусь наконец за портреты. Жаль, что здесь нет возможности выходить в свет, я так люблю бывать в гостях, в театре... Кстати, хоть какие-то очаги культуры у вас в Хлебодаровке есть?

— Дом культуры в прошлом году открыли, не хуже чем в городе,— ответил Акрам-абзы, трезвея от такого откровенного разговора.

— И что за творческая жизнь течет в вашем Доме культуры? — заинтересованно спросила Назифа-ханум.— Какие мероприятия проводятся? Приезжает кто-нибудь с концертами?

— Если честно, я не совсем в курсе,— признался нотариус. — Отстал от культурной жизни села. Кажется, кружки всякие есть. Но кино каждый день, за это я ручаюсь. — И, вспомнив, добавил: — На втором этаже библиотека, а в зале есть большое пианино. Если вы захотите играть — думаю, возражать не будут, разрешат, все равно без дела пылится.

— Сегодня есть кино? — оживилась гостья, даже блеск в глазах появился.

— А как же, сегодня же суббота. Каждый день, кроме понедельника... — как-то нерешительно промямлил хозяин.

— Решено, идем в кино. Я должна все увидеть своими глазами,— заключила гостья и поднялась из-за стола.

— В кино так в кино,— покорно согласился Акрам-абзы, холодея от мысли, что придется пройти через все село туда и обратно, да и в зале четыреста мест — триста девяносто восемь пар внимательных глаз будут разглядывать, с кем это их нотариус в кино заявился.

«Отказаться? Но как? Эх, была не была, чему быть, того не миновать»,— подумал Акрам-абзы и стал убирать со стола, а Назифа-ханум принялась доставать из чемодана свои наряды.

Затем она заперлась в комнате, где находилось трюмо с ее фотографией, и велела не беспокоить часа полтора, а Акрам-абзы бесцельно бродил по двору. Ему, чтобы собраться, нужно было пять минут, а сегодня не нужны были и они — с самого обеда при параде.

«Влип, и крепко влип»,— думал Акрам-абзы, с надеждой глядя во двор Жолдаса: вот когда необходим был совет мудрого бухгалтера. Но двор Беркутбаевых был пуст — наверное, уехали к родственникам в аул и даже не предупредили, как делали обычно.

«Она и на миг не сомневается, что осчастливила, считает себя подарком не только для меня, но и для всей Хлебодаровки... Ну ладно, готовить не умеет, так хоть бы помогла убрать со стола, да и самовар запалить много ли ума надо! — распалаял себя нотариус. — Полтора часа нафуфыривается, чтобы в кино сходить, времени не жаль. Живопись, портреты... — подогревал он себя. — Ну ладно, была бы хоть похожа на ту прекрасную женщину на фотографии, тогда был бы какой-то резон ее, как она говорит, лелеять. Я что ж, должен всей Хлебодаровке предъявлять ее фото — вот, мол, какой красавицей она была в молодости? Или тот большой портрет в раме, что обещает подарить, должен нести на вытянутых руках, когда выходить вместе будем? Нет, не поймут меня в Хлебодаровке, правильно сказал Жолдас, не поймут. Спросят: что, свои хуже, что ли? И крыть будет нечем. Ох, и мудр же Жолдас-ага...»

Акрам-абзы вновь с тоской посмотрел во двор Беркутбаевых, — там все будто вымерло. И оттого на душе стало еще неуютней.

«Глядя на нее, мне и представить трудно ее красавицей. А может, и фотография — не фотография, а подделка какая-нибудь, в городе они мастаки, за большие деньги кого хочешь красавицей сделают, — засомневался нотариус. — Ведь какая прическа на голове была, прямо как у пушкинской Натали, а теперь — парик. Прознают в Хлебодаровке — засмеют».

Настроение его ухудшалось с каждой минутой. Он считал себя обманутым, не знал, что делать, как поступить, — хоть плачь. Никогда в жизни он не попадал в такое дурацкое положение и не знал, как из него выкручиваться.

«И почему я должен улаживать ее, исполнять капризы, если она и была когда-то писаной красавицей? Пусть те, кто наслаждался ее красотой и молодостью, и несут свой крест до конца. Любишь кататься, люби и саночки возить, а то — кому вершки, а кому корешки. Так не пойдет... Небось не написала тому романтику у разбитого корыта, а ведь так красиво коротали бы вечера — он ей на гитаре сыграет, она ему в ответ на фортепиано отбарабанит. Чем не интеллигентная жизнь? А может, пели бы в два голоса, читали друг дружке стихи, — издевательски думал нотариус. — Может, показать ей объявление «мужчины романтической внешности», газета-то цела, пропади она пропадом...»

Наконец во дворе появилась Назифа-ханум: в туфлях на высоких каблуках, в платье, отливающим медью, с ярко-красной ко-

сынкой на шее, завязанной кокетливым узелком, как у девушек, и в... очках. Заметив растерянность Акрама-абзы, она сожалеющее развела руками:

— Да-да, фильмы я уже смотрю в очках, мне и самой трудно смириться с этим... Ну что, пошли?

«По городским меркам, наверное, она красиво одета, но по хлебодаровским — слишком ярко и не по возрасту», — так посчитал Акрам Галиевич, но вслух ничего не сказал. В голове вертелись парик, очки и почему-то шляпа, хотя никакой шляпы не было. «Хоть бы очки сняла пока, а там, в кино, когда начнется, и надела бы, — подумал он. — Ведь должна знать, что в селе очки даже в самой модной оправе не вызывают восторга. А каблуки, не приведи Аллах, обломаются на наших колдобинах, вот смеху-то будет».

Как только они вышли на дорогу, Назифа-ханум взяла его под руку — то ли считала, что так красивее и культурнее, то ли для того, чтобы случайно не растянуться в хлебодаровской пыли.

Путь до кинотеатра, который в обычные дни Акраму Галиевичу казался всего ничего, сегодня виделся бесконечным. Из глубины каждого двора, каждого палисадника ему чудился любопытный взгляд: с кем это наш уважаемый нотариус так гордо под ручку вышагивает по улице?

Назифа-ханум о чем-то восторженно щебетала, но Акрам Галиевич слушал ее вполуха, то и дело невольно озираясь, боясь встретить кого-нибудь из знакомых и услышать: «Добро пожаловать, Акрам Галиевич, к нам хотя бы на минутку. А кто эта очаровательная женщина? Вы что же, взаперти ее держите, прячете от общества? Как вам не стыдно!» Но пронесло — до кинотеатра дошли без приключений: и туфли целы, и никто не пристал с вопросами.

У кинотеатра народу было необычайно много — второй день шел новый фильм «Вокзал для двоих». Акрам-абзы даже обрадовался, что такая большая очередь за билетами, оставив Назифу-ханум одну у рекламных афиш, щедро, по-сельски, расклеенных на фасаде Дома культуры, он стал в очередь.

Очередь двигалась медленно, обрастая попутным людом со всех сторон, и к кассе подходила уже как могучая река со множеством притоков и рукавов — другую в Хлебодаровке представить было трудно, — и немудрено, что Назифа-ханум в такой толчее потеряла его из виду. Но Акрам-абзы видел ее хорошо: ханум держалась возле афиш, и ему казалось, что она стоит на слишком видном месте.

Странно, но никто не обращал на нее внимания, не осматривал пристально; когда к афишам подходили сразу несколько женщин, Назифа-ханум терялась среди них — трудно было выделить ее среди хлебодаровок.

Вдруг Акрам-абзы замер. Как будто специально, чтобы расстравить его душу, к афишам подошла Светлана Трофимовна. Они с Назифой-ханум оказались рядом, как на демонстрации мод — видел Акрам-абзы такие передачи по телевизору,— и Светлана Трофимовна даже взглядом ее не удостоила, а Назифа-ханум,— нотариус видел это отчетливо,— разглядывала подошедшую откровенно и не без зависти: уж очень хороша была сегодня Светлана Трофимовна.

Сабирову стало стыдно за то, что несколько дней назад, сравнивая заочно доктора Аглямому с заведующей почтой, он без колебаний отдал предпочтение Назифе-ханум. Сейчас, когда они стояли рядом в свете заходящего солнца и фоном им служила красивая киношная жизнь на афишах, было ясно, сколь несравнимы эти женщины, и он безжалостно «отнял» у Назифы-ханум выданный им же приз за красоту, женственность и изящество и «передал» его Светлане Трофимовне. Вот только Светлана Трофимовна, к сожалению, даже не догадывалась, какие страсти бушевали в душе скромного нотариуса.

Билеты он все-таки добыл, и, потеряв пуговицу, с трудом выбрался из очереди, которая извивалась, как большая змея.

— Какой вы молодец, настоящий мужчина! — восхитилась Назифа-ханум, видевшая, что творилось у кассы, когда объявили, чтобы очередь больше не занимали.— Этот фильм и в Ташкенте идет, мне очень хотелось попасть, но, увы, там та же история, что и здесь... — Она поправила ему сбившийся галстук, пригладила волосы, и добавила кокетливо: — Спасибо, что постарались, иначе бы я очень огорчилась.

Уже дали последний звонок, и они поспешили в зал. Зал бурно радовался и огорчался, возмущался и переживал за двоих на вокзале, но Акрам-абзы фильма почти не видел — он смотрел не на экран, а на силуэт Светланы Трофимовны, которая сидела почти рядом, чуть наискосок впереди. Ему было приятно, радостно и грустно глядеть на нее, и вместо фильма он видел давнюю-давнюю осень, когда провожал ее с танцев и жарко шептал: «Светлана... Светочка... Светик...»

Фильм для Акрама-абзы закончился неожиданно — так ему хотелось, чтобы продолжалось бесконечное кино про Светлану Трофимовну, про то далекое время их юности, когда все было так просто, понятно и волнующе...

На улице стемнело, и Назифа-ханум не видела огорченного лица Акрама-абзы. Крепко вцепившись в его руку, она бойко разъясняла, какой подтекст вкладывал режиссер в ту или иную сцену и что вообще хотел сказать этим фильмом. Задумавшийся Акрам-абзы не слушал ее. На ум приходили мысли одна нелепее другой. Ему, например, вдруг захотелось освободить руку, нырнуть в первый же темный переулок, и бежать огородами. Но куда? В иные минуты ему хотелось добежать до Светланы Трофимовны и, упав перед ней на колени, со слезами на глазах просить: «Спаси и помилуй!»

Но дорога их подходила к концу, и на спасение рассчитывать не приходилось. «Так тебе и надо, получил то, что заслуживаешь, старый козел», — сказал себе Акрам-абзы, входя во двор, и несколько успокоился.

От волнения он проголодался. Время ужина давно миновало, да и как-никак гостя в доме, и Акрам-абзы решительно двинулся на кухню. Разделав вырезку, он принялся ее тщательно отбивать, чтобы поджарилась быстро и была сочнее. В это время на кухню заглянула Назифа-ханум в спортивном костюме и кроссовках.

— Обычно перед сном я немножко бегаю, — объяснила она. — Думаю, этой привычке не изменю и здесь, приятно, знаете ли, чувствовать себя в форме. Когда будет готово — кликните, я буду бегать возле дома, — и, улыбнувшись, выпорхнула во двор.

Пока жарилось мясо, Акрам-абзы быстренько поставил самовар и стал накрывать стол, удивляясь, как ловко у него все получается. Когда он вышел за самоваром, Назифа-ханум была уже во дворе, у цветника.

— Наверное, я буду здесь счастлива, — сказала она грустно и проникновенно, как настоящая артистка. — Какой удивительный воздух, какое высокое звездное небо и вы, трогательно заботливый и милый... Я так и представляла себе жизнь с вами.

Акрам-абзы, вытирая взмокший от спешки лоб, не нашелся с ответом, только пригласил гостью к столу.

Настроение у Назифы-ханум было прекрасное, она покраснела и даже как-то похорошела.

— Давайте поднимем бокалы, дорогой Акрам Галиевич, за то, чтобы я никогда не пожалела, что поддалась соблазну брачного объявления,— предложила она, зазывающе глядя на хозяина.

Акрам-абзы налил гостье шампанского, а себе — водки, да по ошибке — в бокал для шампанского. Настроение было хуже некуда: он чувствовал, что теряет свободу, а холеная рука Назифы-ханум ловко примеряет на него ошейник,— поэтому отлить водку в рюмочку не стал, так и хватил полный бокал.

Похвалив отбивные, которые и в самом деле того стоили, Назифа-ханум томно сказала:

— Если позволите, я скажу еще один тост. Мне бы очень хотелось видеть вас всегда джентльменом. Таким, как сегодня. Как трогательно вы бежали ко мне на станции... Я этого никогда не забуду. Как лихо вы добыли билеты в кино... Вы просто молодец! За вас, дорогой Акрам Галиевич! Вы заслужили поцелуй,— и, обняв Акрам-абзы, крепко его поцеловала.

От Назифы-ханум пахло знакомыми духами «Белочки», и Сабиров, теперь уже не по ошибке, налил себе в бокал водки. Расчувствовавшаяся Назифа-ханум попросила включить музыку, попутно сообщив, что она недавно начала заниматься аэробикой.

Акрам Галиевич не знал, что такое аэробика, но спрашивать не стал, уверенный, что это с хозяйством и кухней никак не связано. Вновь, как и в прошлое воскресенье, он танцевал то же танго, что и с Натальей Сергеевной, только настроение у него было совсем другое. И танцевал неважно — два больших бокала водки уже сделали свое дело, и он несколько раз наступил на ногу партнерше, а затем его круто повело к трюмо, где стоял фотопортрет Назифы-ханум, и он едва не упал.

— Что с вами, Акрам Галиевич? — кокетливо спросила ханум.— Вы знаете, чего я в жизни до смерти боюсь, так это пьяных мужчин. О, пьющий мужчина — это социальное зло нашего времени,— загорячилась она. — Как я ненавижу их! Дали бы мне власть — я бы всех их в Сибирь, на каторгу, они бы у меня живо протрезвели! — И, спохватившись, добавила чуть мягче: — Наверное, в этом отчасти виноваты и мы, женщины. Конечно, я не имею в виду себя — с пьющим мужчиной я и разговаривать бы не стала, хватит, натерпелась...

Протрезвел ли от этих слов Акрам-абзы? Нет, не совсем, шатало его по-прежнему. Но и пьяный он чутко уловил: вот где она,

спасительная соломинка! Забрел реальный шанс обрести независимость, освободить свою шею от еще не накинутого, но уже маячившего у лица ошейника.

Он собрал силы, насколько это было возможно, и, как ему показалось, галантно подвел ханум к столу, а затем произнес немислимо цветистый тост, которому позавидовал бы грузинский тамада и прочие краснобаи. Наверное, не нашлось бы женщины, устоявшей перед таким тостом. В него Акрам-абзы вложил все свое вдохновение, красноречие, душу, всю лесть, на какую был способен, это был его шанс — нужно было хватить еще стаканчик.

Хоть и наслышалась Назифа-ханум немало красивых слов в свой адрес, все равно приятно слышать их и в провинциальной редакции, а Акрам Галиевич постарался. Упиваясь сладкими хвалебными речами, ханум потеряла бдительность и не заметила, как Акрам Галиевич наполнил себе бокал до краев. Да и кто же во время такого тоста одергивать станет?

Минорное танго сменили на более жизнерадостные ритмы, но танцевать Акраму-абзы становилось все труднее — ноги держали плохо и совсем не слушались хозяина. Снова сели за стол. Водка кончилась, и Акрам-абзы, налив себе шампанского, выпил без всякого тоста, даже из вежливости не предложив бокал ханум.

— Что с вами, Акрам Галиевич? — спросила Назифа-ханум с явной тревогой на лице и в голосе.

— А-а-а,— махнул безнадежно рукой Акрам-абзы,— чувствую, запой начинается. Теперь меня не удержать: пока не выпью все, что в доме и у соседей, не остановлюсь,— и хватил залпом еще один бокал шампанского.

— Какой запой? Надеюсь, вы шутите, Акрам Галиевич? — в глазах гостьи плясали огоньки недовольства и страха.— Еще этого мне не хватало...

И тут Акрам-абзы неожиданно для себя заплакал навзрыд, самыми настоящими слезами,— так ему стало жаль себя на самом деле. Он подошел к Назифе-ханум и хотел картинно встать на колени, но галантность не получилась, и он мешком свалился к ногам Аглямовой, которая уже с некоторой брезгливостью глядела на хозяина дома.

— Прости, голубка моя ясная, пью я, пью,— заговорил сквозь слезы и рыдания Акрам-абзы, крепко обхватив ханум за талию.— Но я тихий алкоголик, тихий, и никому нет вреда от моей беды.

В год раза три меня заносит, не более. Как на духу клянусь: брошу пить, только не оставляй меня, радость моя...

Акрам-абзы плакал и бормотал из последних сил какие-то красивые слова и клятвы, в основном почерпнутые из писем «Белочки». Было там и про камин, и про бархатный халат, который он обещал непременно купить...

Назифа-ханум пыталась вырваться, но нотариус держал ее крепко, потому что боялся упасть. Улучив момент, когда Сабиров попытался вытереть слезы, она оттолкнула его и отбежала к окну.

— Подлец! Подлец! Подлец! — закричала ханум так громко, что ее услышали, наверное, у Беркутбаевых. — И газета хороша! Печатает без разбору каждого алкаша. Тоже мне «человек безупречной репутации»! Подала бы в суд, да связываться неохота... Нет, ноги моей здесь не будет! Стану я жизнь губить на алкаша...

— Не оставляй меня, — жалобно попросил растянувшийся на полу Акрам-абзы. — Пропаду я без тебя...

— Много хочешь! — зло ответила Назифа-ханум и, перешагнув через него, вышла из комнаты.

Проснулся Акрам-абзы поздно. В комнате горел свет, хотя в окно было яркое утреннее солнце. С трудом поднялся с того места, где упал к ногам ханум. И где проспал всю ночь без всяких сновидений.

Болели бока, трещала голова, но это мало беспокоило Акрама-абзы. Он прошел мимо неубранного стола и с опаской толкнул дверь комнаты, куда определил Назифу-ханум. В комнате царил беспорядок, постель была не убрана, но ханум не было. Не было видно и ее вещей. Нотариус поискал взглядом записку, письмо, но ничего не попало на глаза... Сбежала, ей-богу, сбежала, и следов не осталось.

— Хвала Аллаху! — громко сказал Акрам-абзы и счастливо улыбнулся, даже полегчало сразу, забыл и про бока, и про головную боль.

Выйдя во двор, он сладко потянулся — жизнь показалась ему такой прекрасной! Потом умылся во дворе у колонки, поставил самовар и принялся убирать следы вчерашнего застолья. Воскресенье он провел с большой пользой для себя и для дома, и, заканчивая дела, твердо знал, как ему поступить.

В понедельник утром, по пути на работу, заглянул на почту и протянул телеграфистке загодя заготовленную телеграмму. Мо-

лодая, незнакомая Акраму-абзы телеграфистка — практикантка, наверное,— растерялась:

— Срочная? А у меня как раз аппарат барахлит. Не знаю, как быть... Я сейчас у заведующей спрошу...

На ее зов появилась Светлана Трофимовна, поздоровалась приветливо:

— Акрам Галиевич, добрый день. Что за срочность с утра?

— Да вот хотел телеграмму отбить, и непременно срочную, с уведомлением о вручении... — твердо сказал нотариус.

«Убедительно прошу аннулировать мое брачное объявление, ибо я твердо решил жениться на местной женщине. Прошу извинения у всех, кого побеспокоил своим опрометчивым и необдуманном поступком»,— вслух прочитала Светлана Трофимовна, и, улыбнувшись, заверила: — Не беспокойтесь, Акрам Галиевич, я сама сейчас же по телефону передам ее в город, и там отобьют срочную в газету.

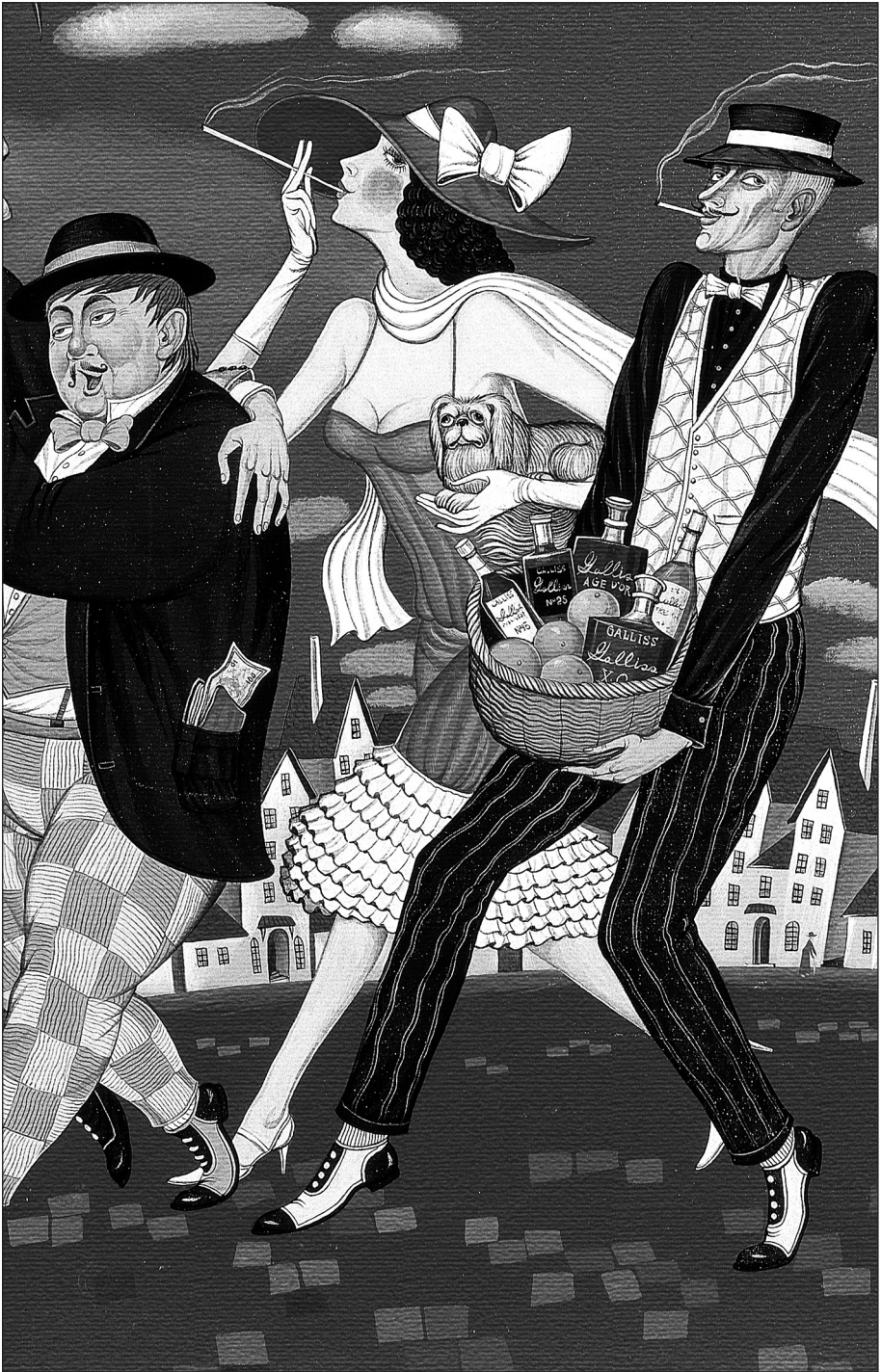
Акрам-абзы виновато смотрел на Светлану Трофимовну и почему-то не решался сделать шаг из почты. Видя растерянность нотариуса, Светлана Трофимовна вышла его проводить. Когда они вышли на крыльцо, Акрам-абзы вдруг спросил ни с того ни с сего:

— А помнишь, я когда-то провожал тебя с танцев, Светлана?

Светлана Трофимовна грустно улыбнулась и тихо ответила:

— Конечно, помню, Акрам...

*Ялта,
1983*

Пьянея звуком голоса, похожего на твой...

Повесть

В Ташкенте июль-август — месяцы особенные, ниже тридцати пяти столбик термометра не опускается, скорее, норовит перепрыгнуть за красную отметку «40», и город изнывает от зноя. Даже ночь не приносит отдохновения. И все же усталому, измотанному жарой человеку в Ташкенте есть где перевести дух — в любой части города найдется спасительная тень в прохладе скверов, парков, сада, фонтана или хауза.

Но Карлен не выискивал тень и сторонился высотных зданий, потому что стены их и алюминиевые солнцезащитные сооружения на окнах с утра так нагревались, что вблизи воздух был накален вдвойне. Эта призрачная тень могла обмануть разве что приезжего, туриста, а Карлен Муртазин жил в этих краях, считай, лет пятнадцать.

На какие-то минуты он вдруг забывал о жаре, потому что мысли о овладевала дамба... дамба, не дававшая покоя ни днем, ни ночью; но стоило отвлечься на секунду, хотя бы на перекрестке, как жара наваливалась всей испепеляющей силой. «Пиалушку бы чая...» — подумал Муртазин, но, оглядевшись вокруг, отбросил эту мысль, в центре города чайханы повывелись.

«К фонтану», — пришла вдруг спасительная идея; он прибавил шагу и уже минут через пять выходил из подземного перехода к каскаду фонтанов на площади Ленина. Живая стена воды высотой метров

пятнадцать тянулась из края в край площади. От серебристой пенящейся стены исходила желанная в жару благодатная прохлада, а шум воды перекрывал многоголосье вокруг. Мельчайшая водяная пыль не успевала осесть на водную гладь — солнечные лучи испаряли ее в воздухе. Вокруг хауза, выложенного бирюзовым кафелем, на влажных, розового мрамора плитах сидели люди. Среди них сразу бросались в глаза приезжие и иностранцы. Они весело разглядывали барахтающуюся в воде детвору. Такое, пожалуй, можно увидеть только в Ташкенте.

Карлен бросил на мраморный край хауза потрепанную кожаную папку и, склонившись над водой, с наслаждением окунул голову. Хауз походил скорее на плавательный бассейн, и ближе к фонтанам и уступам, с которых водопадом низвергалась вода, было глубоко, метра три-четыре, и велико было желание сорвать одежду и нырнуть в манящую прохладу.

Позавидовав мальчишкам, ловко и бесстрашно прыгающим с выступов каскада в самую глубину, Карлен уселся на край водоема и закурил. Рядом оживленно разговаривали две женщины, и Муртазин слышал, как они несколько раз восторженно повторяли: «Сорок два!» По их раскрасневшимся лицам и прихваченным жгучим солнцем плечам он понял, что они приезжие и, конечно, не из солнечных краев. Потому так радовались они солнцу и воде. Но их высокие и удивительно бодрые голоса, мешавшие Муртазину сосредоточиться, вдруг пропали, едва Карлен вспомнил, как сегодня среди ночи он проснулся в пустой квартире и не мог уже заснуть до утра. Едва он забывался в зыбкой дреме, как снился один и тот же сон. Огромная, четырнадцатикилометровая дамба, словно бесконечный груженный состав, набравший страшную скорость, несется обратно в карьер, а он стоит глубоко внизу на дне котлована, и убежать, скрыться от этой надвигающейся громады невозможно. И каждый раз, когда край дамбы зависал над выработкой и он уже слышал шум сыпающегося обратно гравия и галечника, он в страхе вскрикивал и просыпался.

Неожиданно Карлен встрепенулся и торопливо схватил лежавшую рядом папку, словно кто-то собирался ее похитить. Кожаная поверхность раскалилась как жечь, но Муртазин этого не почувствовал.

Даврон Кабулович Кабулов, управляющий трестом «Строймеханизация», только закончил селекторное совещание и смог наконец-то откинуться в кресле. В два больших окна кабинета, выходящих

на одну из самых красивых улиц Ташкента, были вмонтированы кондиционеры, и в комнате стояла приятная прохлада. Кабулов, высокий, несколько грузный для своих тридцати пяти лет мужчина, уже заметно поседел, но седина эта и большие, внимательные глаза придавали лицу мягкость, а это, в свою очередь, предполагало спокойный, уравновешенный характер. На столе перед ним лежал информационный журнал шведской фирмы, производящей строительную технику, и он раскрыл его на странице, рассказывающей о машинах для уплотнения грунтов. Рядом со статьей помещалась цветная вкладка. На вкладке, среди ярко раскрашенных машин, в окружении технических экспертов фирмы был заснят и сам Кабулов. Подпись гласила: «Два месяца назад фирма «Дюпанак» демонстрировала технику в Узбекистане, где ей любезно были предоставлены полигоны треста «Строймеханизация». Сегодня господин Даврон Кабулов, управляющий трестом — гость фирмы «Дюпанак» и ведет переговоры от имени Минстроя СССР о закупке вибрационных катков. Производительность и эффективность таких машин в десять раз выше обычных».

Далее в статье говорилось об огромных строительных работах в Узбекистане. Большие объемы позволяли разработать технологические процессы с редким сочетанием землеройной техники. И приводилась в пример технология разработки и перемещения грунта скреперами средней мощности, названная «кабуловской» — по имени автора. Экономический эффект и сроки разработки в сравнении с обычными методами были поразительными. Фирма сообщала, что в своей практике недооценивала работу скреперов и в данное время ведет переговоры о приобретении лицензии на выпуск машин русского образца. «Хорошие, нужные катки, ох, какие нужные машины», — подумал Кабулов и убрал журнал со стола подальше от чужих глаз. Сейчас ему не хотелось возвращаться к разговорам о недавней поездке в Швецию. Иные заботы, одна за другой, навалились на него в последние три месяца.

Даврон Кабулович встал из-за стола и прошелся по кабинету. Справа от стола, за которым проводились совещания и планерки, висела подробная карта республики. Практически не было уголка в крае, где бы не стоял башенный кран или не работала землеройная техника его треста. По автострадам, пересекающим республику из края в край, день и ночь всегда находились в пути его восемь мощных «Ураганов», перевозивших крупногабаритную технику, с которыми поддерживалась из диспетчерской постоянная связь. А по ночам

по этим же дорогам перегонялись на огромных трейлерах целые поезда негабаритных грузов: башенные и тяжелые краны, экскаваторы, бульдозеры, тракторы. Каждый день пять тысяч механизаторов садились в кабины машин и механизмов, на которых стояла эмблема «Строймеханизации».

Он вернулся к столу и склонился над аппаратурой, вызывающей зависть у многих коллег. Тут же раздался голос диспетчера:

— Слушаю вас, Даврон Кабулович.

— Антонина Михайловна, будьте добры, передайте: в девять провожу планерку в Джизаке. В двенадцать — в Самарканде, пусть главный инженер организует мне встречу с управляющим «Жилстроя», только не позже часа. Надеюсь, вы помните, Антонина Михайловна, по какому вопросу.

— Да, да, я помню и сама на всякий случай свяжусь с «Жилстромем», — ответила диспетчер.

Управляющий ценил эту женщину. Она все помнила и никогда не ошибалась. Он работал с нею уже пятый год, и уже пятый год у них шло невидимое для посторонних азартное соревнование, запоминает ли кто из них о каком-нибудь кране или экскаваторе, застрявшем, скажем, где-то на берегу Каспия, в Муйнаке. Иногда Кабулов думал: если придется уходить на другую работу, возьму с собой прежде всего ее. А пойдет ли, спросить ее об этом пока не представлялось случая.

— Пожалуйста, дальше, Антонина Михайловна. В семнадцать часов — планерка в Карши. Явка обязательна, я хочу увидеть всех инженерно-технических работников. Передайте Муратову, пусть возьмет в обкоме две брони на последний рейс самолета и найдет шофера, который пригонит машину обратно. Ренат до Карши уже будет выжат окончательно, все-таки шестьсот километров, а машина послезавтра в Ташкенте мне нужна.

— Горячий у вас предстоит денек, на всякий случай сообщаю метеосводку: в Джизаке сорок, а в Самарканде и Карши — сорок два, так что счастливой дороги, — пожелала напоследок диспетчер. Она-то знала, что в дороге Кабулов будет подменять Рената, а на то, как ездит управляющий «Строймеханизации», махнула рукой вся республиканская автоинспекция. Переговорив с диспетчером, он нажал другую кнопку, и тотчас ответил его шофер:

— Слушаю, шеф.

— Ренат, я изменил планы на завтра. Предупреди дома, что вернешься поздно, да захвати паспорт, возвратимся обратно самолетом.

А машину за ночь перегонят в Ташкент. Выезжаем в шесть тридцать, не читай до полуночи.

— Яхши, шеф.

Кабулов часто принимал неожиданные решения, к этому привыкли. Впрочем, кто глубоко вникал в суть строительных работ, знает, что там возможны любые неожиданности, начиная от плана и кончая снабжением. Такие дальние визиты, когда он за день пересекал республику из конца в конец, он любил. Ведь, сидя в кабинете, даже имея селекторную связь со всеми областями, принять единственно верное решение не всегда возможно.

Иногда он проводил утром планерку в тресте и вылетал в Нукус, оттуда, прихватив любую машину из управления, заезжал в Ургенч, Бухару, Коканд. Этот маршрут занимал у него два дня. Всего таких маршрутов, выверенных по часам, привязанных по расписанию к самолетам, поездам, у него было четыре. Он любил дорогу, быструю езду, стремительная скорость словно придавала ускорение мыслям. В машине он зачастую принимал наиболее важные решения. Вот и сейчас, надумав объехать три управления, где накопились дела, требовавшие его вмешательства, он прежде всего рассчитывал, что дорога, возможно, подскажет какое-то решение о дамбе. К тому же он хотел таким образом избавиться от неприятного осадка после вчерашнего разговора в горкоме партии. После горкома в трест возвращаться было поздно, и он пошел пешком, через центр. Пять лет он жил в Ташкенте, но знал его плохо, из окна машины, а память его о давнем Ташкенте, городе его студенческих времен, теперь годилась мало. Это был совершенно иной город. И, как сказал однажды союзный министр, — роскошный. Да, здания впечатляли не только архитектурой, они поражали отделкой. Все построено с размахом, со вкусом, щедро, обилие зелени, парков, скверов и воды. Возле двадцатизэтажной розового мрамора гостиницы «Узбекистан», у фонтана, в хаузе еще купались дети, во внутреннем дворе гостиницы, похожем на патио, былолюдно, там работали на воздухе чайханы и шашлычные, а у внутреннего фонтана (о, восточная страсть к фонтанам!) стояли разноцветные столики. Издали мерцали огни многочисленных жаровен, и вокруг стлался запах жареного мяса, специй. Запах раскаленного угля на миг напомнил Кабулову запах паровозов его детства, и он свернул к разноцветным столикам. У бара никого не было. Наблюдая, как ловко бармен сбивает ему коктейль, Кабулов отметил, что никогда бы не подумал, что в Таш-

кенте есть бары, ничуть не уступающие тем, что он видел в Италии или Швейцарии. Тот же стереомагнитофон, красное дерево стойки, сияющая хромом и никелем кофеварка «Эспрессо», искрящийся парад разнокалиберных хрустальных бокалов, рюмок, креманок и ряды, ряды напитков в ярких и красочных бутылках. И Кабулов, к которому вдруг начало возвращаться хорошее настроение, с улыбкой подумал: каждому свое — кто-то знает о каждом новом баре в Ташкенте, а кто-то — о каждом заводе, каждом жилом массиве в Узбекистане. Заняв ярко-красный пластиковый столик, до которого долетала мелкая водяная пыль фонтана, он огляделся. В баре народу пока было маловато, зато у шашлычных мангалов стояла очередь. Люди, постепенно занимавшие столики вокруг фонтана, были нарядно одеты, не суеились, возможно, это было их любимым местом времяпрепровождения, а может, они были отпускники и жили в этой уходящей в вечернее небо гостинице?

«Может быть, взять отпуск в августе?» — подумал вдруг Кабулов. Институтские заботы после разговора в горкоме с него снимались. Можно было завтра же переговорить с министром и «дикарем» укатить на море, грузинские коллеги как-нибудь организовали бы гостиницу в Гаграх или Пицунде. Наверное, не отказал бы министр Кабулову, тем более что в конце года предстояло сдать немало пусковых объектов. Но держала дамба. Дела по ней он не мог, да и не хотел перепоручать никому другому.

Сразу же, как только он стал управляющим, его родной институт обратился в трест за помощью. Кабулов, конечно, помог.

Оснащением кабинетов контакты с институтом не ограничились: зная, что трест располагает мощной технической базой и огромными материальными возможностями, а, главное, интересными кадрами, институт часто обращался к Кабулову.

Со временем студенты получили доступ на полигоны треста, а специалисты треста стали консультантами многих дипломных работ. Главный механик по гидравлике даже был приглашен читать курс на вечернем отделении. Да и сам Кабулов два-три раза в год по просьбе студентов читал лекции по земляным работам. Выгода здесь была обоюдной: группа АСУ треста пользовалась вычислительной техникой института, куда более мощной, чем трестовская, или даже могла попросить кафедру обсчитать какие-то экстренные материалы. Можно было, сберегая время, отдать на сравнительный анализ несколько вариантов одного проекта. А главное, сам

Кабулов и специалисты, соприкасавшиеся с институтом, примечали толковых студентов, особенно приехавших из областей, чтобы заполучить их в свои управления. Охотно брали способных ребят на летнюю и преддипломную практику. Это был инженерный резерв треста, выручавший в напряженные летние месяцы, и к практикантам относились серьезно. Поэтому ни для кого не оказалось неожиданным, что Даврон Кабулов стал председателем мандатной комиссии на приемных экзаменах.

Нынешний год, уже в третий раз, Кабулов готовился к приемным экзаменам, столь важным не только в жизни абитуриентов, но важным и для него самого, ведь он отбирал тех, с кем ему еще работать и работать.

На коллегии Минстроя, приветствуя его назначение председателем мандатной комиссии института, министр выразил надежду, что Кабулов будет достойно представлять интересы всех присутствующих на коллегии, а интерес у управляющих один: получить знающего, толкового инженера, готового работать и в Каршинской, и в Джизакской степи, инженера, на которого можно положиться, который не сбежит, не подведет, сплотит вокруг себя людей.

Даврон Кабулович видел, насколько всерьез, заинтересованно относятся коллеги к его общественной работе. Кабулов уже привык, что стоило ему появиться в компании, и даже самый интересный разговор о футбольных проблемах «Пахтакора» уступал место проблемам высшей школы. А в областях иной управляющий говорил Кабулову укоризненно: «Кого вы готовите!» — словно Даврон Кабулович был ректором политехнического. И тут же перечислялось, сколько выпускников, не отработав и года, попросту сбежали, оставив трудовые книжки, бросив на произвол судьбы объект, материальные ценности. Да и многие выпускники, прибывающие по направлению, начинают с первого дня требовать: дай ему квартиру, дай ему ясли, одно только дай, дай... А сам в командировку не может, во вторую смену не хочет, на планерке после шести глаз от двери не оторвет, на общественные дела времени, разумеется, у него нет, в воскресенье поработать жена не пускает. Одна морока. Еще большая проблема с девушками. Когда-то Даврон Кабулович читал в газете про социологический расчет, проведенный в Ленинграде. Оказалось, что Ленинград обеспечен кадрами журналистов до 2015 года, а искусствоведов — до 2035 года. В газете приводился перечень профессий, которыми Ленинград обеспечен надолго,

но Кабулов запомнил только эти две. Если можно было бы провести такое исследование в строительстве, то наверняка бы выяснилось, что в министерства, ведомства, тресты, управления, лаборатории, конструкторские бюро и на все прочие непыльные места женщины-инженеры не нужны по всей стране вплоть до 2005 года, потому что средний возраст их в строительстве едва за тридцать. А на сегодняшний день инженерные службы в строительстве укомплектованы женщинами на девяносто процентов, и в каждом новом выпуске ежегодно половина девушек, а куда их девать? Все занято на два десятка лет вперед. Ни для кого не секрет — не задерживаются женщины на стройке, как ни крути, прораб — мужская, тяжелая работа, в пятьдесят пять на пенсию уходят. Казалось бы, институты выпускают инженеров больше, чем надо, а как не хватало прорабов, мастеров, механиков, энергетиков, так и не хватает при нынешних условиях приема в технические вузы. И просили коллеги Кабулова давать все-таки в политехническом больше ходу парням, хоть они, может, и уступают девушкам в трактовке образа Анны Карениной. При этом ссылались часто на то, что в стране не хватает рук и в чисто женских профессиях: медсестер, ткачих, машинисток, секретарш, продавщиц, не хватает их в легкой промышленности, газовой, электронной, пищевой. А уж о том, что при равной затрате на обучение женщина не дорабатывает целых пять лет в сравнении с мужчиной, говорил ему каждый. А при современной нехватке трудовых ресурсов пять лет — это ох как много!

Да и сам Кабулов понимал, что стройка нуждается в притоке энергичных молодых парней. К тому же, видел и на трестовском полигоне, и на дамбе, во время отсыпки которой трижды организовывал в Заркент экскурсии студентов, считая, что лучше раз увидеть, чем трижды услышать, как безразличны девушки к тому, что происходило вокруг. Они торопливо искали тень, пытались спрятаться от заркентского ветра и вечной пыли, сопровождающей земляные работы. А ведь это была истинная рабочая обстановка профессии, к которой их готовили. Любому равнодушному человеку было ясно, что незачем их учить тому, что чуждо их природе.

В этом году задолго до экзаменационной сессии Кабулов попросил собраться членов мандатной комиссии и высказал свое мнение о приеме абитуриентов на некоторые, сугубо мужские, на его взгляд, отделения института. Нашлись, конечно, у него сторонники, но и противников хватало, особенно ополчились женщины. Послед-

ствием этого кабуловского предложения явилась анонимка в горком партии, где его обвинили в феодально-байском отношении к женщине. Там же говорилось, что люди, подобные Кабулову, закрывают дорогу к знаниям и свету прекрасным женщинам Востока. Намекалось, что наверняка по той же причине его оставила жена, известная всем танцовщица Муновар Мавлянова... Заканчивалась анонимка страстной просьбой во имя прогресса и процветания немедленно избавить приемную комиссию от Кабулова.

Экзаменационная сессия была на носу, и анонимка получила ход, потому и оказался Кабулов у секретаря горкома партии по идеологии, женщины крутой, властной. Она, словно не зная, что Кабулов томился в приемной минут сорок, приняла его поначалу любезно. Видимо, не располагая временем, она без особого вступления спросила, правда ли, что Кабулов сторонник приема на отдельные факультеты в основном юношей, и правда ли, что он выступил чуть ли не с программным заявлением по этому поводу перед членами комиссии.

Получив утвердительный ответ, она поначалу растерялась, но тут же взяла себя в руки и выстрелила:

— А как же, дорогой, женский вопрос?

— Какой? — переспросил Кабулов.

— Такой. Что женщина должна пользоваться равными правами и все шире обязана вторгаться во все области, которые прежде считались мужскими. Не забывайте, какое у нас государство.

— Спасибо, помню,— ответил Кабулов неожиданно резко, потому что подобного тона он не выносил.— Позвольте возразить, что такого вопроса у нас не существует уже лет тридцать, а уж коли так подходить, скорее, нужно говорить о мужском вопросе. Не вы ли в этом году на торжественном собрании городского актива в честь Восьмого марта упомянули с гордостью, что пятьдесят девять процентов дипломов в стране — у женщин. Так что с женским вопросом все ясно. Но вот технический прогресс, от которого все многого ждут, не может сегодня рассчитывать на женский уровень работы в отдельных отраслях производства. Я сужу по строительству, где в моей компетентности, надеюсь, вы не сомневаетесь. И если прекрасные абитуриентки в детстве играли в песочек и строили дома, это еще не повод для поступления в политехнический...

В общем, поговорили. На шум даже вбегала секретарша.

И теперь Кабулов знал, что если на дамбе будут претензии к «Строймеханизации», то равнодушно к этому в горкоме не отнесутся.

«Смотри ты, сколько лет прошло, а вспомнили про Муновар», — подумал он чуть ли не вслух. Машина стремительно неслась по шоссе, стрелка металась далеко за цифрой «120», в приспущенные стекла со свистом врывался ветер. Да и Ренату, тихонько насвистывающему какую-то мелодию, было не до размышлений Кабулова. Отчего же не вспомнить. Последние годы ее фамилия не сходит с афиш, хоть в столице, хоть в областях. Он и сам не раз видел из машины густо обклеенные ее портретами заборы. А как была хищницей, так и осталась, разве что выбилась в первые. Он не следил за ее жизнью, но знал, что Муновар — самая высокооплачиваемая танцовщица на свадьбах. В свадебный сезон (а в Узбекистане он начинается после хлопковой страды) она не меньше Кабулова разъезжала по республике, и не раз пересекались их пути в разных городах. Благо, для этих поездок у нее есть машина и муж — шофер и антрепренер одновременно.

Однажды в Карши (куда добралась!) Кабулов столкнулся с ним лицом к лицу на заправочной станции. Молодой, с заплывшими, жирными глазками, в дорогом мятом костюме, мужчина, служивший при собственной жене, не вызвал у Кабулова и капли ревности, хотя у «Волги» редкой перламутровой раскраски крутилась красивая, богато одетая женщина, уже приметившая его и желавшая попасться ему на глаза. Но Кабулов, даже если бы и глядел в упор, все равно видел бы страстно извивающуюся в танце женщину с холодными, расчетливыми глазами, цепко выхватывающими из одноликой, потной толпы на свадьбе толстосума, чтобы задержаться около него, заставив его раскошелиться на крупную купюру. Или же он видел ее в комнате, сидящей рядом с туго набитой наволочкой, куда муж торопливо накидал за ширмой деньги, что совали ей под тюбетейку; она раскладывала по стопкам замусоленные рубли, тут же прикидывая, не прогадала ли с этой свадьбой?

Но она прогадывала редко, разве что с первым замужеством, когда какой-то заштатный механик Кабулов отказался от такой жизни: крути баранку да считай денежки.

Странно, дорога, всегда дававшая ответ на все мучившие вопросы, на этот раз не помогала. Все пятьсот километров от Ташкента до Карши мысли управляющего не могли сосредоточиться на дамбе, ради которой и была затеяна поездка; хотелось, не отвлекаясь на звонки и на посетителей, выработать четкую позицию, потому

что заказчик — крупнейший в республике Заркентский медно-обогатительный комбинат — подал в Госарбитраж жалобу на строителей и на проектировщиков. Из Ленинграда уже прибыла комиссия института, проектировавшего дамбу.

Дамба вставала в памяти утренней прохладой предгорий и полуденным зноем, вереницей тяжелых КамАЗов и рядами мощных скреперов. Или виделась она ему с вертолета, когда он показывал журналистам из Ташкента, какие гигантские хранилища отходов будут у медно-обогатительного комбината. С земли трудно было представить весь размах работ, потому и прибег он к помощи вертолета. Масштабы! Масштабы! У него в кабинете висела двухметровая фотография, подаренная фотокорреспондентами, где мощные машины, словно мураши, копошились на огромной строительной площадке.

Каждый стоящий инженер мечтает об объекте, где он мог бы реализовать себя, свои знания, мечты. Таким объектом для Кабулова стала дамба. В нее вложил он страсть, энергию, опыт, дамба дала ему друзей, единомышленников и... врагов. Невиданной до сих пор школой мастерства, лабораторией смелых исканий стала дамба для треста. Сегодняшнему положению, уверенности в своих инженерных силах и знаниях обязан Кабулов своему детищу.

В тот день в Заркенте, куда Кабулов был приглашен на первое совещание по строительству дамбы, он вновь столкнулся с женщиной, которую уже не рассчитывал в своей жизни встретить...

В самолете, вылетевшем последним рейсом из Карши, Ренат, вымотавшийся за долгий и жаркий день, склонил голову на плечо Кабулова и тут же заснул. А Даврон Кабулович, словно и не было за спиной напряженного дня, держался бодро, потому что воспоминания о ней пробуждали в нем какие-то подспудные силы, возвращали памятью в юность, когда ничто не могло омрачить их отношений со Светой... Светланой... Под мерный шум винтов ему припомнился далекий августовский день, когда он, Даврон Кабулов, студент уже четвертого курса, вернулся в институт с каникул. Приехал он пораньше, чтобы успеть занять комнату посветлее и поближе к кухне, получить заранее книги в библиотеке; к четвертому курсу студент становится бывалым, как солдат.

Вечерело. Он стоял во внутреннем дворике общежития, раздумывая, куда бы пойти, когда у калитки сада увидел девушку с тяжелым чемоданом и дорожной сумкой в руках. Он, не раздумывая, как старый знакомый, подал знак, чтобы поставила вещи, и подбе-

жал к ней. Тоненькая хрупкая сероглазая девушка с улыбкой поджидала его, чувствовалось, что ноша ей не по силам.

И вдруг Даврон, никогда особенно не отличавшийся разговорчивостью, преобразился и заговорил, как первый институтский сердцеед, красавец Карлен Муртазин.

— В святую обитель, где вам придется прожить целых пять лет, нужно входить, не отягощая себя заботами. Позвольте...

— Так уж в святую...

Она одарила Даврона такой милой улыбкой, что много лет спустя Кабулов чаще всего вспоминал не жест, не слово, а эту ясную улыбку еще вчерашней школьницы. Воспоминания... Их было много. Ну, хотя бы тот удивительный вечер их знакомства. Светлана, приехавшая поездом из далекого Актюбинска, весь день толком не ела и огорчилась, что поблизости закрылись все столовые. Зато Даврона этот факт обрадовал, и он вызвался тут же организовать ужин. В полупустом общежитии, в комнате с тремя голыми с панцирной сеткой кроватями, где лишь в углу, у окна, белела тщательно заправленная кровать Даврона, они проговорили как старые и добрые знакомые до полуночи.

Пока он рядом, на кухне, готовил омлет с сыром и помидорами и острейший салат ачик-чучук, Светлана рассматривала дружеские шаржи, висевшие над пустыми кроватями, и оглядывала стены, сплошь увешанные шутивными надписями, плакатами, изречениями. Еще при входе в комнату ее удивило броское обращение, приколотое к двери:

«К Прекрасному полу!!!

С величайшим сожалением извещаю, что Карлен Муртазин задерживается. Слез не лить, волос не рвать, сигаретным пеплом голову не посыпать, слухи о том, что он на ком-то не женился, верные».

Поначалу она не поняла, а оглянувшись, улыбнулась, забыв о долгой дороге и о своих опасениях насчет будущей жизни в общежитии.

— Ты все это сам? — спросила она весело, когда он вернулся из кухни.

— Да. С утра какое-то настроение... Решил к приезду ребят оживить голые стены, чтобы легче было привыкать...

— А здорово у тебя получается, ты хорошо рисуешь.

— Рисовать я люблю и, если бы не любил технику сильнее, пошел бы в художественное.

— Ты добрый... и веселый,— вдруг сказала Светлана, помогая ему накрывать на стол.

— С чего ты взяла?

— Уж больно симпатичны твои шаржи. Вот этот юноша с тщательным пробором и при бабочке, посылающий девушке воздушный поцелуй, такой красавец!

— Да это же Карлен! — рассмеялся Даврон. — Ты, наверное, таких симпатичных и не видела. Ему девушки прохода не дают. Я вот и объявление вывесил, надоело отвечать: женился — не женился, а ведь еще не все красавицы вернулись, увидишь, какое паломничество к нему начнется, когда придет. Ты думаешь, почему его кровать у двери? Чтобы не громыхал стульями, когда поздно возвращается.— Даврон изобразил, как, крадучись, стараясь не разбудить товарищей, входит в полночь Карлен.

Тут уж Светлана не выдержала, расхохоталась.

— Только ты смотри не влюбись в него,— вдруг попросил Даврон. Но она и это приняла за шутку.

Еще долго он рассказывал о двух других своих товарищах — Джемале Амурвелашвили и Саше Ботвенко. Обрадованный искренним вниманием, Даврон изображал друзей в лицах, шутливо отмечая их слабости и недостатки, и звонкий девичий смех катился по темным пустым коридорам общежития.

Уходя, она протянула ему узкую теплую ладошку и сказала:

— Я очень, очень рада, что познакомилась с тобой... Надеюсь, мы будем друзьями.

В эту ночь он впервые не уснул до рассвета.

Кабулов мог вспомнить почти каждый день из тех двух давно прошедших лет, потому что все они были связаны с ней, со Светланой.

Сейчас, в самолете, где вокруг него дремали утомленные жарким днем люди, память Даврона Кабуловича, словно в фильме, прокручивала день за днем. И все вставало перед глазами так ясно и четко, что порою тот счастливый юноша Даврон казался Кабулову нереальным, вымышленным персонажем и не имел к нему, нынешнему, никакого отношения.

Она понравилась его друзьям. Понравилась и отцу Даврона. Кабул-ака работал шофером в наманганской «Сельхозтехнике» и раз в месяц-полтора приезжал в Ташкент на базу за запчастями. Приезд Кабулова-старшего был праздником не только для Даврона. Человек хлебосольный, щедрый, он всегда привозил корзины фруктов, вяле-

ной дыни, овощей и непременно готовил то огромный казан плова, то затевал во дворе шашлык. За столом его присутствие не сковывало друзей Даврона, наоборот, будущие механики обо всем расспрашивали Кабула-ака, дошедшего на полutorке до самого Берлина. В первый же раз, когда он подвел Светлану к отцу, подыскивая слова, как бы точнее ее представить, она сама вдруг выпалила:

— Светлана, а с Давроном мы дружим,— и так посмотрела на Кабулова-младшего, что отец понимающе улыбнулся, привлек ее к себе и сказал шутливо:

— Яхши, я-то уж боялся, что из-за соседства с Карленом моего сына не замечает ни одна девушка.

И каждый раз, приезжая, он сажал ее за столом рядом с собой, и самое румяное яблоко, самая сочная груша, самая аппетитная косточка из плова, первая палочка шашлыка доставались ей. И, уезжая, он строго наказывал Даврону: «Береги ее, сынок, славная у тебя девушка...»

Они почти не разлучались эти два года, летом вместе работали в стройотряде, а оставшийся месяц отдыхали всей компанией у Джемала дома, в Гаграх. Удивительное лето, с утра до вечера рядом! Море, пальмы, темные звездные ночи, любимая девушка, и все — впервые в жизни.

Вспомнился Кабулову и холодный метельный Актюбинск. На последнем курсе на зимних каникулах он не поехал домой в Наманган, а остался в Ташкенте; задание на дипломный проект требовало работы в республиканской библиотеке, а Светлана обещала писать каждый день, говорила, что живет рядом с вокзалом и будет каждый вечер, как на свидание, ходить к ташкентскому скорому и опускать письма в почтовый вагон. Каждый день... Но писем не было. Извелся Даврон, ежедневно карауля почтальона, и хотя до конца каникул осталось дня четыре, махнул в Актюбинск. На звонок выскочила Светлана и, увидев Даврона, бледного, замерзшего в тоненьком, не по сезону пальто, бросилась ему на шею и всхлинула. На его вопрос о письмах она, улыбаясь, показала толстый забинтованный палец — порезала. Как просто тогда все было!

За долгий, казавшийся нескончаемым перелет он словно вновь побывал в той своей жизни, в которую никогда никого не посвящал, да и сам старался вспоминать об этом пореже. Это была счастливая, безоблачная пора, настолько счастливая, что ему не верилось теперь, что все это было.

Конечно, Кабулов не мог не припомнить их последнюю встречу. Он с Сашей Ботвенко уезжал по направлению поездом в Восточный Казахстан на строительство канала Иртыш — Караганда. Проводить их, кроме Карлена с Джемалом, которым осталось учиться еще год, пришло много друзей, и вся эта шумная, с неизменной гитарой компания как-то бережно выделяла Светлану, хотя здесь, на перроне, должна была остаться и Сашина девушка. В шуме, гаме, толчее они находили друг друга глазами, умудряясь, как казалось им, незаметно для окружающих целоваться, и спешили сказать какие-то последние, важные слова. Хотя все было обговорено и решено: на следующий год, в отпуск, отгуляют свадьбу, а свадебным путешествием будет поездка к морю, в Гагры, к Джемалу, «добро» которого было получено.

Когда почтовый, набитый до отказа, тронулся, она вдруг неожиданно громко крикнула вслед набиравшему ход поезду:

— Даврон, я люблю тебя!

На Первое мая, незадолго до отпуска, он получил телеграмму от Джемала, извещавшую, что Светлана вышла замуж за Карлена.

Много лет спустя ему рассказывали, что Джемал пришел на свадьбу пьяный, разбил окно в столовой и кричал на весь зал Карлену: «Подлец! Подлый вор, негодяй! Я проклинаю тебя!»

В Казахстане Даврон проработал три года без отпуска, в двадцать пять стал начальником управления и тогда же попал на глаза союзному министру. Он, наверное, остался бы в Казахстане до конца строительства или возглавил бы создававшийся трест далеко на Севере, об этом уже шли разговоры, когда вдруг нагрянули к нему отец с матерью. Настроены они были решительно, особенно мать, Зульфия-ханум. Она говорила, что никогда не вмешивалась в его дела, согласна была на невестку, которую особенно расхваливал отец (тут она иронически посмотрела на Кабула-ака), а теперь, мол, ее терпению пришел конец. От людских расспросов покою нет, куда да куда запропастился ваш сынок Даврон, в двадцать шесть лет ни кола, ни двора, ни семьи. Говорила, что стары и слабы они стали с отцом, в доме одни девочки, а хозяйство, дом мужской руки требуют. Сказала, что и девушку ему приглядела, красавицу и умницу, первую на сегодня в Намангане невесту. Так через два месяца он и женился на недавней выпускнице Ташкентского университета Муновар Мавляновой.

Когда решение о строительстве Заркентской дамбы было одобрено в Москве, по ходатайству союзного министра никому не известный начальник передвижной механизированной колонны из Намангана возглавил крупнейший в республике трест «Строймеханизация». Тогда ему не было еще и тридцати лет.

Решение о строительстве новой дамбы для Заркентского медно-обогатительного комбината было неожиданным. Пленум ЦК КПСС постановил резко увеличить выпуск медного литья, промышленность остро нуждалась в цветном металле. Новые комбинаты строить долго, только подготовка экономических обоснований займет года три — не меньше; решено было расширять имеющиеся, наиболее перспективные. Так выбор пал на Заркентский. Расположенный в предгорьях Чаткальского хребта крупный комбинат, по выкладкам специалистов, мог после возведения второй очереди увеличить выплавку высококачественной красной меди вдвое. Для этого были все условия: и возможность без ущерба для сложившегося города возвести, по сути, еще один комбинат, и наличие руды, и мощная строительная база республики, и погодные условия, позволявшие вести круглогодичное строительство.

Кабулова вместе с другими специалистами пригласили в Заркентский горком партии и объявили, что решение о строительстве второй очереди комбината одобрено, утверждено. Строителям, монтажникам, наладчикам, механизаторам, представлявшим не только разные тресты, но и министерства и ведомства, предстояло увязать свои сроки с генеральными, предстояло составить совмещенный график работ, исключая простои по вине друг друга. Строительство комбината само по себе дело сложное, но наиболее трудоемкие работы предстояли по отсыпке четырнадцатикилометровой дамбы для шламонакопителя, а попросту «хвостов» комбината.

Комбинат в сутки перерабатывает сотни тонн руды, только часть из нее становится медью, а остатки, так называемый шлам, после флотации по пульпопроводу отводятся в особые хранилища, шламонакопители. Даже при небольшой фантазии можно представить, какими гигантскими должны быть накопители, если комбинат рассчитан на долгие годы работы. У накопителей есть и другая, не менее важная функция — они служат отстойником для той воды, что по пульпопроводу выносит шлам.

Под накопители отвели площадь далеко в предгорьях, и четырнадцатикилометровая дамба высотой двенадцать метров полукругом

должна была опоясать горы. У треста «Строймеханизация» по сравнению с другими коллегами-строителями было преимущество. К пуску второй очереди комбината не требовалось возвести дамбу целиком, проект предусматривал строительство ее отсеками. К тому же, действующая очередь имела старые «хвосты», которые в случае надобности некоторое время могли принимать отходы и с нового комплекса. До открытия совещания в горкоме вереница машин, прибывших в Заркент, объехала и саму строительную площадку второй очереди, и посетила предгорье, где намечалось возвести дамбу шламонакопителя. Даврон Кабулович, предусмотрительно усадивший в свою машину проектировщиков, уже в дороге узнал многое о дамбе, например, что еще не определены карьеры, откуда будет поступать материал для дамбы, что длина пульпопровода восемь километров, а ориентировочная стоимость работ шестнадцать миллионов рублей.

Кабулов сразу же понял, что таких долгосрочных и больших объектов, где можно размахнуться, у треста еще не было. После совещания в горкоме, когда машины дружно рванули в Ташкент, он решил заехать в управление капитального строительства комбината, получить, если возможно, хоть какую-то проектную документацию по дамбе. Он любил в шутку повторять: «Чем раньше начнешь, тем больше шансов избежать мудрых советов». В общем-то, это был его принцип — никогда ничего не откладывать на потом.

Начальника управления капитального строительства, знавшего его в лицо, не было, а в отделе в нем, молодом человеке, управляющего не признали и, вместо того, чтобы принести стройгенплан и пояснительную к нему,— то есть все, что у них имелось на сегодняшний день для «Строймеханизации», черкнули записку в техническую библиотеку комбината, что находилась в подвальной части здания, и указали, как туда пройти. Пройдя сырыми, мрачными коридорами подвала, тускло освещенными пыльными лампами дневного света, он отыскал дверь с надписью: «Библиотека».

Небольшая, без окон комната, заставленная стеллажами с книгами и папками с чертежами, была ярко освещена, за столом с картошкой никого не было, а чуть справа за чертежным кульманом стояла женщина.

Она подняла от кульмана глаза и сразу узнала Кабулова.

— Даврон?

На секунду возникла пауза, показавшаяся обоим вечностью. Первой пришла в себя Светлана.

— Как ты меня отыскал?

Настолько неожиданной, невероятной была эта встреча в сыром подвале, что Кабулов не нашел ничего лучшего, чем сказать:

— Я вот... — и протянул ей записку на получение документации по дамбе.

— Я что-то впервые вижу у себя в подzemелье управляющего, да еще из Ташкента. Может, то, что я слышала краем уха, оказалось неверным и Кабулов просто твой однофамилец?

— Нет, ты не ошиблась, только ваши из УКСа не признали во мне управляющего, впрочем, я не в претензии, скорее наоборот,— ответил гость, обретая свою обычную уверенность.

Так они и продолжали стоять посреди ярко освещенной комнаты, пока Светлана неожиданно не сказала:

— Если не спешишь, посиди немного со мной, я тебя чаем угощу, хочешь?

— Спасибо, с удовольствием.— Он поймал себя на мысли, что вновь, как и прежде, очаровывается ее голосом, и на память пришла строка из давней студенческой жизни:

Пьянея звуком голоса, похожего на твой.

Она торопливо схватила электрический чайник и выскочила в коридор за водой. Кабулов ослабил узел галстука и, оглядев содержащуюся в чистоте и аккуратности библиотеку, грустно улыбнулся.

— Сколько же лет мы не виделись... Кабулов, все так неожиданно, даже не знаю, как теперь тебя называть... — говорила Светлана, возвратившись.

— Семь, ровно семь, как раз в июле я уезжал в Павлодар, Светлана Архиповна.

— Ты помнишь, как меня зовут по отчеству?

— Я все помню, Светлана Архиповна.

— Как Кабул-ака поживает, надеюсь, здоров? Я почему-то его часто вспоминаю.

— На пенсии старик, на пенсии, внуками и внучками занят.

— У тебя так много детей?

— Нет, это дети моих сестер, если ты не забыла, у меня ведь их четверо, младшая сейчас живет у меня в Ташкенте, заканчивает медицинский институт.

Светлана густо покраснела, и снова бы могла нависнуть тягостная пауза, но закипел чайник.

— А почему ты здесь, в библиотеке?

— Долгая и грустная история, Кабулов, лучше уж не спрашивай. Не всем дано — по восходящей, пей чай и расскажи о себе. Это будет гораздо интереснее и веселее.

Но Кабулов, в поведении которого за эти годы появилась властность, без особых усилий уговорил ее рассказать о себе.

Институт она не закончила, уехала с Карленом по направлению в Заркент. Поначалу, казалось бы, временно, устроилась сюда, в библиотеку. Работа несложная, да и времени достаточно, институт решила одолеть заочно. Получили отдельную комнату в общежитии для молодоженов. Карлен работал механиком в строительно-монтажном управлении «Высотстрой». В общем, грех жаловаться, все так начинают. Даже съездила в Ташкент, сдала за четвертый курс все экзамены и курсовые работы. А когда вернулась... и началось. Узнала, что Карлен погуливает, да он и не скрывал этого. За время ее отсутствия были скандалы, драки с обманутыми мужьями, те даже дверь вышибли. Пришлось уходить из общежития.

Хотела бросить все, уехать домой, к маме, но было стыдно... Через полгода муж закрутил на работе роман с женой своего начальника. Скандал на весь Заркент, пришлось уйти из управления. Жили на частной квартире, пятьдесят рублей в месяц, а тут он без работы несколько месяцев ходил, вот и стала выполнять еще работу чертежницы. Думала, временно, а у кульмана застряла на годы. Впрочем, чертить она любила. Потом сменили одну частную комнату, другую, а он менял одну работу за другой, трудно уживался с людьми. Репутация у него была — не позавидуешь, иной начальник хоть и нуждался в кадрах и знал, что Муртазин толковый инженер, а отказывал, лишь бы от греха подальше. Сейчас вот в ЖЭКе, инженером, больше некуда было деваться, да и квартиру там сразу дали. А она вот так шестой год — в подвале, теперь уже не выбраться, наверное, никогда.

Слушая ее грустную историю, Даврон ловил себя на том, что наслаждается ее голосом. И думал, как прекрасно, что время щадит в человеке глаза и голос, они долго остаются молодыми. Но вот она замолчала, и он сразу увидел усталую женщину в не знающем износа кримпленовом платье, хотя стояла на дворе сорокаградусная жара, в туфлях со скошенными каблуками, с воспаленными

от яркого света и чертежей глазами. Когда он работал начальником управления, да и теперь управляющим, на приемах по личным вопросам видел немало таких женщин со следами непосильных забот на лице, слышал немало похожих исповедей. Но это был особый случай, и все происшедшее и происходящее касалось ее, остававшейся для него навсегда Светой, Светланой...

Несколько раз он порывался прервать эту жалкую исповедь, но, видимо, ей нужно было выговориться, и Кабулов выслушал ее до конца. Она еще говорила, а Кабулов уже знал, что следует предпринять.

— Вот что, Светлана,— сухо сказал он,— не знаю, как назвать: приятным стечением обстоятельств или удачей, но сегодня решено в Заркенте возвести новый шламонакопитель для вашего комбината. Работы — на годы. Получаем две квартиры в Ташкенте и восемь в Заркенте. В связи со строительством дамбы тресту придется открыть лабораторию по грунтам. Туда нужен толковый, знающий человек, который мог бы взвалить на себя организацию этого очень тонкого инженерного дела. Разумеется, у него будет штат, пять-шесть человек, но их он должен подобрать сам. И знаешь, я подумал, лучше Карлена мне человека не найти, к тому же, помнится, в институте это как раз его интересовало. А что он блажит... пройдет, если у него появится интересная, нужная работа. Мужчина создан для работы, и если она захватит его... он остепенится... С работы начинается счастье мужчины, тут уж я по себе сужу. А с тобой проще. С институтом, думаю, особых сложностей не будет, хотя и порядочно времени прошло. Работать пойдешь тоже к нам в трест, поначалу чертежницей, а там приглядишь место сама, отделов много, но для начала я попрошу привести в порядок нашу трестовскую библиотеку и архив, судя по всему, опыт у тебя в этом деле немалый. Вот вроде все.

— Кабулов, зачем это тебе, у тебя и без нас хлопот, забот, успевай только. Да и Карлен — не знаю, согласится ли...

— В любом деле есть элемент риска, Светлана Архиповна. К тому же, что ты мне предлагаешь, оставить все как есть? Велика бы мне была цена как человеку, я уж не говорю — товарищу... Ты уж извини, что я за вас все решил, но иного выхода нет. Вы должны начать новую жизнь, на новом месте, по крайней мере, попытаться. А сейчас, если ты не возражаешь, я подброшу тебя домой, время рабочее, кажется, истекло.

Кабулов не ошибся... Смирив гордыню, да иного выхода из тупика и не было, Карлен согласился пойти работать к Кабулову.

Карлен, действительно, оказался тем человеком, который нужен был тресту. За два месяца, не обременяя управляющего просьбами, он решил хозяйственные и административные проблемы лаборатории. А через полгода было трудно представить, как прежде трест обходился без такой лаборатории: ни один объект в самом дальнем уголке республики не остался без внимания Карлена. Муртазин же настоял на техсовете треста, чтобы поступающая проектная документация проходила не только производственные отделы, но также и лабораторию. И когда начала поступать документация по дамбе в Заркенте, Карлен вдруг объявил, что проект несостоятелен. Сообщение, сделанное им на планерке, поначалу вызвало иронические улыбки, умник, мол, нашелся, с проектным институтом тягаться решил, где одних докторов наук десятки, а такие проекты, как накопитель, они словно блины пекут. Дело дошло до техсовета с участием представителей от заказчика, где Карлен без труда убедил всех в ненадежности гигантского накопителя. Выходило, что проектный институт, найдя удачное месторасположение «хвостов», сэкономил на этом около восьми миллионов рублей, потому что не нужно было строить целиком отсыпанную замкнутую дамбу. Второй половиной для нее служила сама цепь гор. Но не было учтено одно немаловажное обстоятельство: что паводковая вода с гор осенью или по весне из-за ливневых дождей или снежных зим однажды могла переполнить чашу и, хлынув через край дамбы, затопить и загубить хлопковые поля на многие сотни гектаров вокруг.

В подтверждение Муртазин привел данные, специально собранные гидрологами и гляциологами по этому району за последние пять лет. Ничего не меняя в проекте в принципе, Карлен предлагал со стороны гор создать широко разветвленную сеть водоотводных рукавов, собирающих паводковую воду и направляющих ее в заложенные в проекте каналы, откуда вода после отстоя шлама возвращается на комбинат. По выкладкам Карлена, стоимость дополнительно получаемой воды окупала затраты на строительство водоотводных каналов. Идея о дополнительном притоке на комбинат воды, жизненно важной для предприятия, была оформлена как рацпредложение, и Карлен получил солидную сумму вознаграждения, так как экономический эффект от внедрения составил миллионы рублей.

Заказчик долго не мог предоставить тресту широкого фронта работ: не хватало чертежей, шла тяжба с колхозами об отчуждении территории под накопитель, и карьеры вблизи, как хотелось бы, не находились. Но Кабулов знал, что партийные и государственные органы усиленно занимаются строительством второй очереди, и чувствовал, что день, когда он будет приглашен на еженедельное министерское совещание по медно-обогатительному комбинату, не за горами.

И нужно было подгадать так, чтобы огромная армада техники сконцентрировалась в Заркенте не раньше и не позже того дня, когда с ходу, без раскочки и простоев можно будет начать работу на всей территории трехкилометрового отрезка дамбы, составляющего по проекту первый отсек. Готовясь к этому дню, Кабулов провел тщательную проверку имевшейся у него в наличии землеройной техники, особо выделив наиболее мощные экскаваторы, бульдозеры, скреперы, грейдеры, катки. В тех случаях, когда данные Антонины Михайловны из диспетчерской не подтверждали, что техника на местах работает с полной отдачей, она заносилась в список подлежащей передаче в Заркентское управление механизации.

И хоть Даврон Кабулович к этому времени уже второй год находился в должности управляющего, начальники управлений на местах яростно противились, чтобы у них забирали технику, хотя бы временно; они призвали на помощь даже областные партийные организации, пытаясь сыграть на местнических интересах. Но Кабулов с честью вышел из этого «поединка»: обстоятельная докладная в Отдел строительства ЦК КП Узбекистана быстро поставила все на свои места. И тогда даже самые строптивные начальники поверили, что Кабулов пришел не на один день, и поняли, что, несмотря на молодость, хватка у него железная. Только не верили все же, что техника, откомандированная в Заркент, будет за квартал давать годовую выработку, а тот, кто отрядил десяток механизмов, выполнит за счет Заркентской дамбы треть годовой программы, как обещал управляющий.

В бесконечной круговерти дел Кабулов не забыл данное Светлане Архиповне слово о восстановлении ее в институте. Пришлось несколько раз самому и с ней вместе обходить какие-то кабинеты, объяснять, просить, но, в конце концов, все уладилось. Видел ее управляющий совсем редко, хотя она работала в тресте с полгода, опять же в подвале — приводила в порядок архив и техническую библиотеку треста. Проделала эту работу Светлана так быстро

и умело, что в коллективе ее сразу оценили. Потом она поднялась на четвертый этаж и работала чертежницей в производственном отделе. Иногда, торопливо сбегая со своего второго этажа к машине, Кабулов думал о том, что хорошо бы встретить ее в вестибюле или хотя бы увидеть издали, но ему ни разу не повезло. Да и в тресте он бывал нечасто, считай, все время в дороге.

Только однажды, когда он подошел к распахнутому поутру окну своего кабинета, чтобы окликнуть стоявшего внизу у машины шофера, увидел, как она спешит на работу. От той женщины, что он встретил два года назад в сыром заркентском подвале, не осталось и следа. Загорелая, с аккуратной стрижкой, в элегантном белом платье-сафари, в туфлях на высоких шпильках, улыбаясь, она шла вместе с его секретаршей. Только вчера вернулась она с Карленом из Болгарии, куда они поехали сразу, как только Муртазин получил гонорар за свое рацпредложение.

Кабулову захотелось, чтобы она подняла свой взгляд, увидела его, но она, веселая и нарядная, ничего не подозревая, с улыбкой скрылась в парадном.

На дамбе в ходе работ возникало немало проблем. Когда бульдозеры, грейдеры, скреперы на всей огромной площади накопителя и под дамбой начали срезать растительный слой, Кабулов, десятки раз изучивший проект, только на месте понял, что пустить эту землю в тело дамбы, как предлагалось проектом, было бы преступлением, хотя выгода от такого метода была налицо. Но это была односторонняя выгода: тресту, проектному институту, комбинату. Однако существовала в данном случае и другая, беззащитная сторона — природа. И сохранить тысячи кубометров плодоносной, живой земли было более выгодно, но учитывалось это уже по другой бухгалтерии, общечеловеческой, что ли, в первую очередь.

Кабулов объехал близлежащие колхозы, где его встретили настороженно; соседство будущего ядовитого озера не радовало колхозников. Когда он разъяснил, что хочет вернуть колхозам верхний растительный слой, что срезают сейчас на дамбе, председатели поначалу просто не поверили ему. Но оказалось, что перебросить землю на поля самим колхозам не под силу, имевшегося в хозяйствах транспорта не хватало, да и нужен он был им каждый день. Тогда на собственный страх и риск Кабулов своей техникой три недели за-

возил в колхозы срезанную почву. Конечно, о таком самоуправстве и нарушении проекта стало сразу известно заказчику, и произошла первая крупная ссора Кабулова с комбинатом.

В то время, когда у Даврона Кабуловича возникли неприятности с комбинатом из-за земли, вывезенной на колхозные поля, Карлен нашел в проектах еще одну, на его взгляд, неточность. Карлен считал, что категория грунтов под дамбой и ее просадочность неверно определены институтом и что предлагаемая проектом укатка основания не дает гарантии от просадки дамбы. Карлен предлагал неоднократный полив, замачивание основания дамбы с последующей каждый раз укаткой. Он пришел с этим предложением к Кабулову. Тот посоветовал связаться с управлением капитального строительства комбината, вызвать нейтральную лабораторию по основаниям, за счет заказчика, и, если предположения Муртазина подтвердятся, вновь предъявить рекламации по проекту. Но тогда же и предупредил Карлена, что на удорожание утвержденного проекта вряд ли пойдут и заказчик, и институт.

Новое предложение Карлена в УКСе было встречено враждебно. Дело в том, что, когда Муртазин оформлял свое первое рацпредложение, ему четко дали понять, что не мешало бы кого-нибудь из руководства УКСа взять в соавторы: деньги-то были немалые.

В соавторы набивались и товарищи из проектного института, для окончательного оформления предложения нужно было согласие института на замену и дополнение в утвержденном проекте. Но Карлен в инженерном деле на компромиссы не шел.

Закрыть дорогу его идее не смогли, слишком уж большой резонанс получило его предложение о водоснабжении комбината, об этом даже появились статьи в газетах и технических журналах. Да и молва, что начальник лаборатории «Строймеханизации» доказал несостоятельность проекта крупного института, еще долго не стихала в строительных кругах. Потому-то и встретили в штыки новое предложение Муртазина. Дело шло и о чести мундира УКСа комбината, ведь именно его инженеры должны были обнаружить в заказанных проектах ошибки. Руководство комбината на партийном собрании как раз указало им на это. А теперь еще одно изменение, тем более удорожающее строительство и исходящее вновь от подрядчика, подрывало веру в их авторитет, инженерную состоятельность. Карлен, не подозревая, что зашло так далеко, пытался подступиться к УКСу комбината с разных сторон, но наткнулся

на стену сопротивления. Тогда он предупредил, что выйдет с докладной к директору комбината.

За неделю обстоятельно подготовившись, перепроверив свои расчеты и данные, Карлен явился на прием к директору. Секретаршей директора оказалась давняя знакомая Карлена по общежитию для молодоженов, из-за которой ему и вышибли в свое время дверь. Узнав о цели его визита, она рассказала ему любопытную историю. На днях, соединяя директора с начальником УКСа, она услышала его фамилию и, заинтересовавшись, прослушала весь разговор. Хотя разговором назвать это было нельзя. Начальник УКСа обливал Карлена грязью... Говорил, что Кабулов подобрал в заркентском ЖЭКе пьяницу и развратника, которого ни одна организация у себя больше трех месяцев не держала, и сделал у себя в Ташкенте начальником лаборатории по основаниям. Правда, признал, что Муртазину пришла идея снабжения комбината паводковой водой, но теперь он, мол, вообразил себя Наполеоном и подвергает сомнению каждую часть проекта известного института. Замучил своими советами, предложениями, работать не дает, заявил, что Муртазин сводит с УКСом личные счета, потому что в свое время его не взяли туда на работу, советовал директору гнать Муртазина в три шеи, если тот появится. Но самое главное — он попросил разрешения от имени комбината написать письмо в партком треста «Строймеханизация», раскрыть, так сказать, моральный облик начальника лаборатории и потребовать, чтобы он прекратил под видом рацпредложений вымогать деньги у государства.

Карлен при всей своей очевидной талантливости и инженерной проницательности не был борцом. Не стоило ему отказываться от визита к директору, хотя и знал, что его облили грязью. В конце концов, при всей занятости и Кабулов помог бы ему в возникшей ситуации. Но Карлен не сделал ни того, ни другого. В этот день он остался в Заркенте, основательно выпил и ночь провел у секретарши директора комбината. Через неделю он пришел в себя и отправил в институт в Ленинград на имя главного инженера проекта докладную. В докладной он приводил доводы, расчеты и анализы своей лаборатории и утверждал, что, если отсыпать такое, как в проекте, основание, дамба при определенных обстоятельствах просядет. Он понимал, что это письмо будет холостым выстрелом, потому что для института указчик один — заказчик, тот, кто денежки за проект платит. Но докладную все же он отправил заказным письмом, с уведомлением о вручении.

Письмо в партком треста с комбината все-таки пришло. В нем говорилось, что доверие, оказанное трестом «Строймеханизация» заурядному инженеру, скомпрометировавшему себя в Заркенте пьянками, приводами в милицию и аморальным поведением, конечно, дело благородное. Далее, на всякий случай, перечислялись службы, где не пришлось ко двору Муртазин, и особенно подробно описывались скандальные истории, действительно имевшие место. Поводом для письма, мол, послужила теперь иная, ранее не известная сторона «деятельности» Муртазина — рвачество. Говорилось, что удачная идея, случайно пришедшая в голову, позволила сорвать солидный куш, который и вскружил ему голову. После чего Муртазин вообразил себя гением и теперь в корыстных целях предлагает изменение за изменением в проекте, разработанном известным институтом, что вносит нездоровую атмосферу в работу коллектива. Заканчивалось письмо тем, что Муртазин, — в общем-то, молодой и не без способностей инженер, и партийная организация треста должна поставить ему на вид, осудив рваческие настроения.

Секретарем партийной организации треста была женщина, и хотя она решила без согласования с Кабуловым, находившимся в командировке в Каракалпакии, не давать письму хода, содержание его стало известно ее лучшей подруге, а дня через три оно стало достоянием всего треста.

Дошли слухи и до Муртазиных. Тяжелее всего в эти дни пришлось Светлане Архиповне. Карлен сразу почувствовал на себе любопытные взгляды и усмешки, снова сорвался и запил.

Когда Даврон Кабулович вернулся из командировки, его ознакомили с письмом в парткоме. Кабулов тут же вызвал Карлена к себе и дал ему прочесть письмо. Муртазин, еле сдерживаясь, чтобы не наругать, спросил с вызовом:

— Ну и что дальше?

— Да ничего, продолжай работать, — и на глазах парторга и изумленного Карлена Кабулов разорвал письмо.

Но в Карлене уже что-то надломилось.

Да еще в эти дни получил он из института объемистый пакет на свое имя. В официальном ответе, подписанном двумя докторами наук и главным инженером проекта, говорилось, что предложения Муртазина внимательно изучены; несмотря на их дельность, вносить изменения в проект институт не намерен. Тем более что мнения проектной организации и заказчика в этом случае совпадают. Но от-

вет института к тому времени Карлена волновал мало. Как и заключение нейтральной лаборатории по земле Министерства энергетики, возводящей в Заркенте мощную подстанцию. А данные были любопытные, они абсолютно повторяли выводы трестовской лаборатории. Однако Муртазину было уже на все наплевать.

Поведение Карлена, которого словно подменили, не могло не броситься в глаза, и Кабулов снова вызвал его к себе.

— Карлен, может, тебе нужно отдохнуть, развеяться? Если хочешь, я позвоню сейчас же в обком профсоюзов, найдем подходящую путевку. Вернешься, я думаю, все утрясется, уладится; боюсь, как бы в таком настроении ты дров не наломал.

Муртазин вдруг вскочил с места и закричал:

— Знаю, знаю твой долгосрочный план! Терпением, измором хочешь взять! Сначала перевел нас, бедненьких, сюда, облагодетельствовал, а теперь избавиться от меня решил, а там, гляди, и станет она твоей любовницей! Ты ведь ей и должность уже предложил в сметно-договорном отделе, а она, дура, и рада до беспамятства...

Кабулов вдруг побледнел, схватился за сердце... с усилием приподнявшись с места, хрипло выдавил:

— Вон отсюда... вон!

Услышав его, в кабинет заглянула секретарша, и на ее крик сбегались сотрудники, вызвали «скорую помощь». С инфарктом Кабулов пролежал в больнице почти два месяца.

Когда он вернулся на службу, в первый же день, как только поутру на какую-то минуту остался один, торопливо набрал городской номер сметно-договорного отдела. «Слушаю вас», — раздался голос Светланы Архиповны, но Кабулов молча держал трубку, и рука его мелко-мелко дрожала. О том, что Карлен уволился, он узнал еще в больнице.

После больницы врачи настоятельно рекомендовали Кабулову взять отпуск и провести его в спокойной обстановке в лесу или у моря.

Он не отдыхал уже два года, да и третий отпуск был не за горами, но дамба, строительство которой было в самом разгаре, не отпускала Кабулова. И в больнице ни на один день он не забывал о ней. В больничном саду ему и пришла идея на некоторых карьерах применять только скреперы. Случайно он узнал, что у комбината на рудниках есть много скреперов, работающих не в полную мощность, получить их в аренду не составляло труда. Скреперы заработали

у него бесперебойно в две смены. Тогда в ходе работ и определился знаменитый кабуловский метод перемещения грунта скреперами.

То, что дамба строилась с опережением сроков почти на год, вдруг оказалось весьма кстати. Комбинат сумел на старых мощностях увеличить выход так необходимого стране металла, и старый шламонакопитель стал заполняться непредвиденно быстро; были уже опасения, что задолго до пуска второй очереди комбинату понадобится новый накопитель, иначе придется останавливать завод. Поэтому стройка, поначалу находившаяся в тени, стала первоочередной, и на всех планерках, совещаниях, коллегиях говорили в основном о ней. На дамбу зачастили корреспонденты радио, телевидения и газет.

Трехкилометровую дамбу, или первый отсек шламонакопителя, закончили, намного опередив и новые сроки, поставленные Совмином перед трестом. Сдача была торжественной — митинг, духовой оркестр, цветы передовикам; да и колхоз расстарался — фруктовый и овощной базар организовал. Решено было подключить новый пульпопровод месяцев через восемь-девять, в общем, в конце лета: старые «хвосты» нужно было заполнить до предела. Но Кабулов неожиданно попросил руководство комбината сделать пробный залив, так, на всякий случай, раз время позволяло еще по весне проверить качество дамбы; ведь предстояло отсыпать еще три отсека. Предложение было резонным, и «хвосты» поздней осенью залили. Перезимовала дамба прекрасно, ни единой трещины, а поверху хоть в футбол гоняй, никаких намеков на просадку.

Весна выдалась в предгорьях гнилая, в апреле зарядили ливни. В середине мая, в один какой-то день, дамбу покорежило, на трехкилометровой насыпи появились бугры да ямы, пострадала нитка пульпопровода.

Претензии комбинат, конечно, в первую очередь предъявил «Строймеханизации». Мол, плохо отсыпали, восстановите за свой счет. И хотя для треста при полученных сверхприбылях эти двести тысяч, что требовались для восстановления пульпопровода, не были особенно обременительны, Кабулов восстанавливать за счет своего бюджета отказался наотрез, сказав, что дамба сдавалась поэтапно, слой за слоем, как предусмотрено нормами и проектом, и акты на скрытые работы все имеются, и за качество земляных работ он отвечает головой.

Отказался наотрез — случай, скажем прямо, редчайший в строительстве. На комбинате выжидали неделю, две, три, считали, одума-

ется — не одумался; нашли посредников в столь щекотливом деле — не помогло; через министерство попробовали — бесполезно. Кабулов ответил комбинату официальным письмом, суть которого сводилась к тому, чтобы не теряли времени и передавали дело в Госарбитраж. И тут, конечно, дело получило шумную, если не сказать скандальную, огласку. Комбинат, чувствуя, что по-мирному дело не кончится, предъявил обвинение в ненадежности проекта институту, и оттуда сразу же прибыла комиссия. И вот теперь третью неделю подряд разговоры велись только о просевшей кабуловской дамбе.

Одни говорили, что она и должна была просесть, ведь отсыпали ее чуть ли не на полтора года раньше срока; другие вспоминали, что землю-то Кабулов колхозам отдал, недосыпал дамбу, вот она и просела.

Наконец-то стала известна дата приезда комиссии Госарбитража. Кабулов, который на работе так и не мог выбрать свободного времени, чтобы спокойно поразмыслить и подготовить аргументы и документы для арбитража — строительное лето было в самом разгаре, — забрал все бумаги по дамбе домой. По вечерам и поздней ночью просматривал он чертежи, схемы, анализы грунтов, тщательно перебирал акты на скрытые работы, внимательно изучал сделанный специально для него план просевшей дамбы. Конечно, поправить дамбу не представляло большой сложности. На подходе были мощные вибрационные катки фирмы «Дюпанак», а для двух таких машин, если пустить их навстречу друг другу, это неделя работы. А тридцать самосвалов за два дня досыпали бы землю до необходимой проектной отметки.

Однако понимал Кабулов: проигрывать дело в арбитраже никак нельзя, и не потому, что пострадает его имя: если бы этим кончилось, он, может, и смирился бы. Пострадает прежде всего дело, что с таким трудом внедрялось и дало результаты. Он не мог поставить под удар рабочих, поверивших и пошедших вслед за ним, не мог подвести и людей, поверивших в него самого и давших его начинаниям зеленую улицу, хотя это было не просто.

В один из таких вечеров раздался у двери неожиданный звонок. Кабулов нехотя отворил. На пороге с чемоданом в руках стояла Светлана.

— Добрый вечер... я ненадолго... можно?

— Да, да, пожалуйста, — и торопливо подхватил у нее чемодан. — У тебя неприятности? — спросил Кабулов, как только включил свет в прихожей и увидел заплаканное лицо Светланы.

Она вдруг шагнула к нему, уткнулась ему в грудь лицом и заплакала. Кабулов обнял ее подрагивающие плечи и пытался говорить какие-то слова, но вдруг замолчал, словно понял, что ей нужно непременно выплакаться. Он молча гладил ее волосы, их запах напоминал ему давние времена, когда стояли они вот так же рядом почти каждый день, только тогда о слезах и не думалось. Плакала она долго, и он, посадив ее на диван, укрыл теплым пледом, отыскал какие-то таблетки от головной боли, и она вдруг затихла. Он выключил свет, прикрыл дверь и вышел в кухню.

На кухне он то садился, то вскакивал. «Светлана... у меня дома Светлана... Что же делать?» — пытался он собраться с мыслями. Наверное, нужно прежде всего организовать ужин, пришла вдруг спасительная идея. Он уже включил газ, открыл холодильник. Пока жарилось мясо с овощами, он успел выстудить бутылку белого вина «Баян-Ширей». Накрывая на стол здесь же, на кухне, которую очень любил, Кабулов вдруг почувствовал на себе взгляд. Опершись о дверной косяк, на него грустно смотрела Светлана.

— Даврон, а ты помнишь — в день нашей встречи было это вино... и теперь на прощание тоже «Баян-Ширей», — сказала она тихо. — Я ведь попрощаться зашла. Ты уж извини за слезы. Это, наверное, нервный приступ.

— Садись, Светлана. — Кабулов взял ее за руку, провел в кухню и усадил за стол.

Ему показалось, что ее знобит, и он принес свой шерстяной джемпер и накинул ей на плечи; она печальной улыбкой поблагодарила его.

Когда Даврон Кабулович разлил вино, она, бодрясь, сказала:

— Значит, за расставание, Кабулов. Ты не дал мне договорить, я зашла попрощаться. Уже неделю я в отпуске и решила не возвращаться, заявление об увольнении я пришлю в трест по почте.

— Почему?

— Наверное, мне следовало это сделать давно и не тянуть столько лет. Я ушла от Карлена. Спасибо тебе за все. Я хочу попросить прощения, вольно или невольно мы причинили тебе много обид, а иным поступкам — предательству, неверности, жестокости — наверное, нет прощения. Но ты все же прости, ты ведь, Кабулов, сильный... Да и за свои ошибки я поплатилась... сполна. Будь великодушным, Даврон, и прости.

— Успокойся, пожалуйста, я не держу ни на тебя, ни на Карлена обиды, поверь... Судьба, наверное, такая, Светлана...

Первое заседание комиссии Госарбитража было назначено на вечер, когда в Заркенте спадала изнуряющая жара. Кабулов после обеда пригласил к себе сотрудников лаборатории по основаниям, в последний раз собираясь выслушать доводы своих инженеров, чтобы избрать окончательную тактику, как вдруг распахнулась дверь и в кабинет вошел Муртазин. Взволнованный вид Карлена заставил Кабулова подумать, что разговор пойдет неприятный, о Светлане, и он тут же принял решение захватить несколько специалистов из лаборатории с собой в Заркент, чтобы обговорить все в дороге. Попросив их подождать внизу, в машине, он предложил Карлену сесть. Извинившись, Кабулов предупредил: через два часа в Заркенте начинается работа комиссия Госарбитража.

— Я не займу у тебя много времени. Вот, возьми, — Карлен протянул Кабулову разогретую на солнце кожаную папку.

— Что это? — Кабулов с удивлением взял потрепанную папку в руки.

— У тебя есть что-нибудь выпить? Налей-ка, не так просто мне говорить с тобой. Знаю, ты вправе сказать, что я мерзавец, держал эти документы до последнего часа.

Даврон Кабулович открыл неприметный для постороннего глаза вмонтированный в стену бар, достал непочатую бутылку коньяка, бокал, поставил все перед Карленом и вынул из папки бумаги. Одного взгляда на докладную Карлена, имевшую входящий гриф института, и на ответ за подписью докторов наук и главного инженера проекта было достаточно Кабулову, чтобы понять цену этим документам. Он помнил, что когда-то Муртазин заходил к нему и говорил, что дамба при определенных обстоятельствах может просесть. Но тогда он и представить не мог, что Карлен, несмотря на возражения УКСа, выполняя свой инженерный долг, все-таки официально поставит институт в известность.

— Сюрприз, большой сюрприз. И, как я понимаю, не для меня одного, — улыбнулся Кабулов.

— А ты не спеши, посмотри дальше. Там еще лежит заключение независимой лаборатории по грунтам, она полностью подтверждает мои выкладки. А лаборатория энергетиков известна в Узбекистане, и специалисты там прежние: начальник, чья подпись стоит на документе, недавно докторскую защитил.

— Ты что-нибудь за это хочешь? — спросил вдруг Даврон Кабулович.

Карлен потянулся к бутылке и зло рассмеялся.

— Ни вымогательство, ни рвачество, как утверждали некогда, не моя стихия, Даврон. Я, может, и дрянь, но не до такой степени.

— Извини. Тогда какого же черта держал до последней минуты? Не мог же ты не знать, что творится вокруг дамбы второй месяц?

— Знал. Поначалу не мог сказать, потому что так сложились обстоятельства: твой инфаркт, мое увольнение, а потом уже моя позиция, хотел увидеть и тебя в шкуре гонимого.

— Ну и как, доволен?

Карлен вдруг встал и пересел поближе к Кабулову.

— Даврон, прошу тебя, не мелочись. Сегодня разговор не обо мне и даже не о тебе. Ты должен понять, раз я пришел, значит, что-то изменилось в моей позиции. Да, я не хочу, чтобы пострадало дело. А дело и для меня не последняя штука, управляющий... Вот и все, Кабулов, поезжай, удачи тебе. А мы, наверное, больше не увидимся. Я решил уехать, изгадил я здесь все вокруг себя, да и ничто меня больше не держит. Светлана меня оставила, уехала к родителям... по правде говоря, ей давно следовало это сделать, но она почему-то ждала, верила в меня. Прощай, Кабулов, и не поминай лихом.

Он поднялся и, слегка пошатываясь, не подав руки, пошел к выходу. Почти у самой двери его остановил голос Кабулова:

— Карлен, может, тебе помочь чем-нибудь нужно? Хочешь, я позвоню, куда ты надумал ехать, ведь у меня много друзей.

— Спасибо, Даврон. Не нужно. Твой звонок гарантирует мне доверие, которого я не заслуживаю пока. Я должен сам, понимаешь, сам разобраться в своей жизни. Прощай.

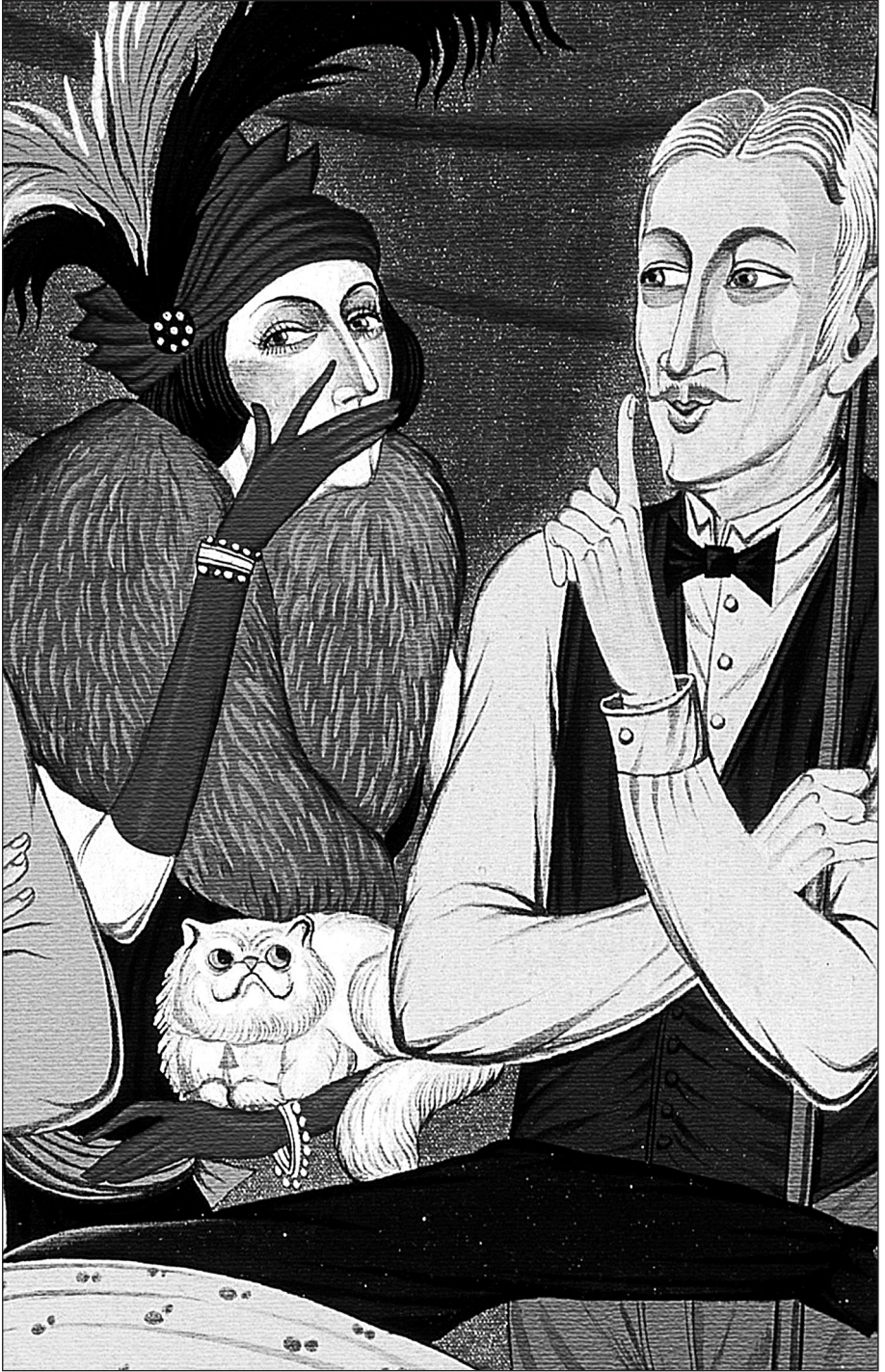
Радары, державшие под наблюдением скоростную трассу Ташкент — Заркент, засекали молочно-белую «Волгу», несущуюся с предельно возможной скоростью, и молоденький лейтенант сразу же предупредил об этом начальника дорожного пункта ГАИ. Когда машина едва замаячила на горизонте, лейтенант торопливо поднял тяжелый бинокль и сообщил старшему номер машины. Изнуренный жарким днем и долгим дежурством, капитан ленивым движением руки остановил коллегу:

— Не надо, это Кабулов. Шофер у него ас, каких поискать. Что-то много сегодня министерских машин потянулось в Заркент, совещание, наверное, а Кабулов запаздывает.

Даврон Кабулович действительно торопился в Заркент на совещание. Рядом на сиденье лежала кожаная папка Карлена.

Но другие мысли волновали сейчас Кабулова. Он думал о том, что Светлана, самый близкий и дорогой для него человек, ушла от мужа. Ушла навсегда. Но он найдет ее и привезет обратно. Ведь жизнь не кончилась... А пока пусть успокоится, поживет у родителей, слишком много пережила она за эти годы. В последние дни, возвращаясь поздно, он ловил себя на том, что невольно ищет глазами свое окно на пятом этаже — и представляет, как оно будет светиться ему навстречу, может быть, через год, может, через два, неважно. Но ему хотелось, чтобы оно светило.

*Малеевка,
январь 1982*

Интервью для столичной газеты

Повесть

Еще не было девяти, а колония давно обезлюдела — летом людей вывозили на объект почти с рассветом. Только у лазарета, дожидаясь врача, нерешительно мялись два парня, не знакомых Гимаеву, наверное, из последнего пополнения. В зоне, вообще-то, все знакомо: и конвойные, и заключенные знают друг друга в лицо.

Увидев Гимаева, парни на миг приободрились и приветливо помахали руками, но Максуд никак не прореагировал на этот дружеский жест, с ними прощаться не хотелось. Опытным глазом он определил сразу: с этими двумя мучиться в бригаде и врачам — хронические «лазаретчики», готовые на любые анализы, обследования и даже операцию, готовые угробить свое здоровье — такие и на воле не очень-то перерабатывают.

— Максуд, счастливо! — окликнул Гимаева с ближней сторожевой вышки сержант. Они были в колонии старожилами, Максуд даже с большим стажем: Вазгену оставалось служить до демобилизации и возвращения в свою Армению еще полтора месяца. Инженер ответил караульному улыбкой и помахал рукой.

В колонии редко кто остается без клички, была она и у Гимаева — Инженер, но он и в самом деле был инженером. Инженер был в колонии человек известный, и у конвойных, ребят моложе его, пользовался симпатией.

К комендатуре он подошел, как и рассчитал в бессонную ночь, без пяти девять. Законный час освобождения, высчитанный до последних минут, откладывать он не позволит никому: не зря же существует традиция — освобождать с утра. До заветной двери оставалось несколько метров, но он сбавил шаг. «Мне не нужно ни щедрости, ни милости», — подумал он беззлобно и шагнул к двери только тогда, когда репродуктор во дворе объявил: московское время семь утра, что по-местному равнялось девяти, а для Гимаева это еще и означало, что отбыл он свои три года от звонка до звонка.

— Здравствуйте, — сказал он торопливо женщине за конторкой.

— Доброе утро, Гимаев. Ваши документы готовы, пожалуйста, — она протянула ему амбарную книгу, где он трижды проставил жирную закорючку: за документы, за деньги, за вещи, три года пылившиеся в подвале каптерки.

Как ни настаивала женщина, деньги пересчитывать он не стал, хотя сумма и была значительной, мало кто, выходя на волю, расписывался за четырехзначную цифру.

Гимаев небрежно сунул деньги в боковой карман потертой спортивной сумки. Жест этот не прошел мимо взгляда дежурной, и хотя она сделала строгое лицо, но это было скорее внешнее, — по душе ей были именно такие люди: ведь так обращаются с деньгами те, кто действительно не придает им чрезмерного значения.

— В подобных случаях я обязана сказать напутственное слово, но сегодня я в затруднении, — она развела руками. — Я знакома с вашим делом, и мне нечего сказать вам, разве что от всей души пожелать счастья и удачи. Надеюсь, уж здесь-то вы узнали цену этим словам. Вчера, подписывая бумаги, начальник посетовал, что Инженера нам будет не хватать...

— Нет уж, с меня довольно, — усмехнулся Максуд и подхватил с пола свою тощую сумку. — Прощайте, не поминайте лихом...

— Не таите и на нас зла, — услышал он уже в коридоре брошенные ему вслед неофициальные слова.

Он торопливо, почти бегом, одолел длинные беззаконные коридоры комендатуры и оказался у проходной — часы показывали пять минут десятого.

Молоденький часовой из новеньких, как показалось Гимаеву, слишком долго и пристально осматривал только что выданные документы, а затем с ленцой, молча отпустил щеколду вертушки.

«Сопляк!» — зло ругнулся про себя Гимаев и тут же забыл его прыщавое лицо.

Он сделал шаг за ворота и вдруг остановился, словно задохнулся: казалось, там, в нескольких шагах за спиной, то же солнце, тот же воздух, та же выжженная, скудная казахстанская земля, но здесь была земля свободных людей, здесь был воздух воли! Ох, каким сладким, неземным показался этот первый глоток! Гимаеву на миг даже сделалось нехорошо. Он не считал себя сентиментальным и, хотя слышал, что подобное случается со многими, никогда не предполагал за собой такой слабости. Наверное, по-настоящему свободу может оценить только человек, потерявший ее. Но миг слабости был столь короток, что караульный, с любопытством наблюдавший за Инженером, кажется, даже не заметил, как у него сбился шаг. Солдат ожидал, что освобожденный оглянется хотя бы раз, но Гимаев, так и не обернувшись, вскоре исчез за углом.

Первый день, по крайней мере, первые часы у него были рассчитаны по минутам, и он знал, как проведет время до самолета, которым собирался улететь. Удивительно, порою непостижимо, как досконально в колонии знают жизнь города, на улицы которого заключенные никогда не ступали, потому что и на работу, и обратно их возили в крытых машинах.

Городок был невелик, но рос, как говорится, не по дням, а по часам, в этом чувствовался не известный Гимаеву резон. Строился он умно, без бараков, без временок, без суеты, по индивидуальному проекту. Кварталы аккуратных, в два этажа коттеджей из светло-желтого привозного кирпича для научной элиты, еще разбросанной по разным городам страны и, возможно, не подозревающей о своем скором переезде на работу сюда, чередовались с массивами уже редких ныне четырехэтажных домов. Городу еще строиться и строиться, но все парки, скверы, сады и рощи были уже разбиты, и за ними в городке существовал особый надзор. В колонии нашелся человек редкой профессии — специалист по парковой архитектуре, так он трижды на неделе с самим председателем горисполкома объезжал молодые посадки. Горисполком желал заполучить редкого и толкового специалиста во что бы то ни стало: архитектор только ночевал в колонии; поговаривали даже, будто горисполком и семьей архитектора выписал, предоставив ей квартиру в центре города, но за достоверность этих слухов Гимаев поручиться не мог.

Максуд шел по утренним тщательно убранным улицам, ни у кого не спрашивая дороги, не озираясь по сторонам, даже не обращая внимания на аккуратные таблички на домах, он безошибочно двигался

к намеченной цели. Как и многие, он знал о городе и горожанах достаточно: каждый в зоне считает своим долгом одарить советом, подсказать что-нибудь важное всякому выходящему на свободу.

Проходя мимо строительного треста, Гимаев, например, знал, что стоит ему позвонить некой Наташе, и он мог бы провести сегодня приятный вечер.

— Отрываю от сердца,— сказал, передавая ему номер телефона и записку, парень из соседнего барака по кличке Алэн Делон. Наташа не волновала Гимаева, но телефон он взял: не стоило обижать человека — такие «подарки» делают не каждому, Инженер это знал.

Проходя мимо одного из трех строительных управлений, Гимаев вспомнил, что здесь работает заместителем начальника по быту некто Корятов, картежник-неудачник, который даже за часть тех денег, что лежали у него сейчас в старой сумке, «сделал» бы ему квартиру непременно.

Инженер знал, каков у Корятова карточный долг, и безошибочно предвидел его судьбу. Жизни Корятова в колонии он не позавидовал бы: там не любят тех, кому судьба на воле представляет шанс жить достойно и безбедно, а они желают хапнуть лишку — большим чиновникам, склонным к казнокрадству, не мешало бы об этом знать.

Квартира в этом городе Гимаеву была не нужна, порочного начальника не жаль, и он равнодушно прошел мимо управления — обладатель тайны незнакомого ему человека. Он направлялся в небольшой промтоварный магазин на окраине, которым заведовал некий дядя Костя из Ташкента. Он знал, что в магазине тоже задержится недолго, не более получаса, потому что специалист по парковой архитектуре давно скинул дяде Косте список необходимых для Инженера вещей и даже успел получить подтверждение, что все будет исполнено в лучшем виде.

Дядя Костя встретил Максуда как родного — сразу запер магазин, повесив на двери солидную табличку «Санитарный час». Потом он внимательно оглядел Инженера с ног до головы, будто удостоверяться, что это действительно тот самый человек, достал из-под прилавка большую вишневого цвета кожаную дорожную сумку. Расстегнув ее ловким движением, вынул несколько рубашек разных расцветок и бросил на прилавок.

— Я думаю, что на размер меньше вам будет в аккурат,— прокомментировал он свой жест и тут же положил перед Инженером стопку других.— Прошу! — дядя Костя щедрым жестом распахнул ширму примерочной и ногой подтолкнул в нее туго набитую сумку.

Максуд доставал носки, тонкое летнее белье, обувь, из пачки китайских носовых платков «Хризантема» отобрал платочек под цвет рубашки. Вышел он из примерочной в светлых вельветовых джинсах, голубом батнике с короткими рукавами, в матово блестящих коричневых мягких туфлях, а сумка казалась нетронутой — у нее так же раздувались бока. Пока он выбирал себе часы, дядя Костя размещал в ней какие-то свертки.

В простенке между входной дверью и окном Гимаев вдруг увидел свое отражение. Удивленный, он подошел к зеркалу. В маленьком карманном зеркальце, которым он пользовался все эти годы для бритья, лицо можно было разглядеть лишь по частям, да он и не испытывал в этом надобности. И вдруг увидеть себя через три года в полный рост, как в кино, — это было неожиданностью. Из зеркала смотрел на него элегантно одетый молодой человек высокого роста. Инженер даже успел подумать, что в лучшие свои годы он не был никогда так модно одет. Нет, он не похудел, не поправился, но не был и таким, как прежде: заматерел, затвердел, окреп, что ли, от каждодневной тяжелой физической работы, сила чувствовалась в каждом движении, каждом шаге. Что-то изменилось в лице. Прежде он никогда не был таким загорелым, хотя назвать просто загоревшими обожженное немилосердным солнцем лицо, шею, руки нельзя было даже с большой натяжкой. За долгое лето кожа так шоколадно дубела, что и за зиму ей не удавалось посветлеть, а там — снова солнце, от которого спасу нет до поздней осени. Обнаружил он и две тяжелые складки у губ — в общем, это было знакомое и незнакомое лицо волевого, упрямого человека.

Пожалел он только о волосах. Иссиня-черные, как у многих восточных людей, густые, волнистые, они всегда были предметом его особой заботы. Своих волос, считай, он не видел три года. За полгода до окончания срока он получил разрешение отпустить волосы, но ему не повезло: два месяца назад неожиданно нагрянула какая-то инспекционная проверка, и пришлось постричься, а прическа была уже что надо. Сейчас волосы отросли настолько, что обозначался четкий пробор. Ален Делон даже сказал, что нынче такая короткая стрижка в моде, но это не обрадовало Инженера: у него были свои привычки.

Вглядевшись внимательно в зеркало, он удивленно провел рукой по волосам: голова была наполовину седой.

— Ничего страшного, не красна девица, — сказал вдруг нарочито грубо дядя Костя, будто прочитал его мысли.

Сумка, уже застегнутая, стояла на полу, а на прилавке, на свежей салфетке, лежали ловко разделанная курица, свежие огурцы и помидоры, вкус которых Гимаев уже забыл, зелень, брынза. Дядя Костя отвинтил пробку «Столичной» и разлил по стаканам.

— За счастье и удачу, вот такой банальный тост, Инженер,— сказал завмаг. Он, похоже, знал о своих клиентах достаточно.— Куда держим путь? — спросил дядя Костя, не притронувшийся к обильной еде, он только следил, чтобы Максуд брал побольше.

— Сегодня ближайший рейс только на Ташкент, а там уже решу, куда двигаться, оттуда улететь просто... да и здесь ни минуты не хочется задерживаться...

— Понимаю, понимаю,— завмаг покачал головой. — Я ведь ташкентский — наверное, слышал? Ташкент — удивительный город, советуя приглядеться. Есть где тормознуть на несколько дней?

— Нет, я там никогда не бывал. Как-нибудь... мир не без добрых людей.

— Зачем же как-нибудь, да и добрых людей нынче долго искать приходится. — Завмаг встал и взял с полки потрепанную записную книжку. — Это моя старая клиентка, администратор хорошей гостиницы, передашь привет от дяди Кости — десять лет одевалась у меня. Конечно, мог бы и у меня дома остановиться, хоть и у сыновей — у каждого кооператив в центре города, да не хочу, чтобы ты общался с ними, успеешь, навидаешься еще таких...

На том они и распрощались с дядей Костей. Шагая к центру, чтобы добраться до аэропорта, Гимаев думал о завмаге. Его беду он знал.

В молодости дядя Костя, парень, по его собственным словам, незаметный, невидный, влюбился в красавицу Манечку Шилову. На танец пригласить, не то чтобы проводить домой, казалось для Кости неразрешимой проблемой: сквозь строй ухажеров Манечки не пробиться, да парни какие — один лучше другого, а уж отчаянные! Косте тягаться с ними было даже не тяжело, просто смешно. Но однажды зашла Манечка к нему в магазин и спросила какую-то вещь, которая в то время была дефицитом, только слова такого в ходу не было — за это дядя Костя головой ручался. Он с радостью отдал эту вещь Манечке и заверил, что из-под земли достанет все, чего она только ни пожелает.

С того дня она и стала замечать неприметного Костика, которого раньше в упор не видела. Правда, не очень баловала его Манечка вниманием, но если увидит, непременно улыбнется, спросит о чем-нибудь. И в круг своих ухажеров чуть ли не за руку ввела. Но там, среди ребят

известных, он не пыжился, всегда готов был угостить дорогим по тем бедным временам «Казбеком», а то и бутылку выставить. По натуре Костя не был жадным, а тут, на глазах возлюбленной и ребят авторитетных, ему и вовсе хотелось выглядеть щедрым, и это ему удавалось — в то лето он приобрел известность на Кашгарке.

Тогда же он понял, что нет для Манечки ничего милее на свете, чем наряды. Пусть мелочь: сумка, косынка, перчатки, простенькие босоножки, флакон духов — как радовалась она любому подарку! И от подарка к подарку теплее относилась к Костику, еще полгода назад он об этом и мечтать не смел.

Как-то зимой она пришла перед самым закрытием, и они, открыв бутылку вина, засиделись в магазине допоздна. Манечка, веселая, возбужденная от вина, примеряла обнову за обновой и демонстрировала туалеты Костику. Тогда они оба, пожалуй, не предполагали, что существует такая профессия — манекенщица, но этим талантом, безусловно, обладала шальная Манечка, да и хороша она была чертовски! Когда она примеряла темно-синее в талию зимнее пальто из дорогого драпа с воротником из пышной чернобурки, вдруг побледнела, сникла сразу — куда девалась и веселость — и чуть не плача сказала:

— Костя, милый, если бы ты знал, как мне хочется это пальто. Лучше повеситься, чем снова ходить в старом мамином.

Не снимая пальто, она подошла к молчавшему Костику и вдруг, обняв его шею руками, поцеловала в губы. Поцеловала жадно, страстно, как никогда никого в жизни еще не целовала. Ушла она из магазина за полночь, с аккуратно перевязанным свертком.

Всю зиму они сбегали, не дожидаясь конца, с танцев в Доме офицеров и миловались то у него в магазине, то у Манечки дома, когда ее мать работала в пекарне в ночную. Благодарный за ласки, Костя без сожаления отдавал Манечке из магазина все, что ей нравилось. Он так заворовался, что уже и не боялся, брал, что хотел, решив: семь бед — один ответ, и к ответу он в душе был готов. Ревизии? Случались и ревизии. Приходил ревизор, долго, тщательно, не день и не два проверял, стучал костяшками, непременно находил недостачу. Нудно страшал Костика, составлял грозный акт, а затем вдруг, когда Костя уже считал, что отгулял свои свободные денечки, ревизор называл сумму отступного, акт рвали, составляли другой — и все начиналось сначала.

Другие ревизоры ему пока не попадались, хотя он чувствовал, что другой ревизор есть, только его черед еще не наступил; так и жил он, как на вулкане.

Весной Манечка испуганно призналась, что, кажется, забеременела. Ревизия только прошла, и Костя, ходивший на радостях пехом, тут же предложил ей выйти за него замуж. Ситуация по тем временам была непростая, и Манечка дала согласие, а уж радость Костика была беспредельной: он любил свою Манечку. Сыграли свадьбу, опять же крупно запустив руку в кассу магазина. Следующая ревизия должна была стать последней, потому что уже не сходились никакие концы. Но случилось чудо: в день рождения сына, когда Костя «дежурил» у роддома, магазин из-за короткого замыкания в какой-то час сгорел дотла.

На пепелище он плакал так иступленно и искренне, что всем собравшимся было жаль завмага. Но плакал Костя не из-за страха, — чего же ему бояться? — эти иступленные слезы были слезами признательности чему-то неведомому, что он называл Судьбой и что спасло его от верной гибели.

С того дня он не то чтобы стал верующим, но и в церковь иногда тайком забегал, а сына крестил по всем правилам. Получил он новый магазин — директор торгового при случае всем рассказывал, как убивался молодой завмаг, ставил другим его в пример за преданность делу. Вообще-то в застенчивом Костике тогда трудно было заподозрить ханжу, даже такому тертому человеку, как директор торгового.

Манечка, как вышла замуж, считай, толком не работала всю жизнь. Правда, одно лето устроилась билетершей в летний кинотеатр, что открыли неподалеку от дома, да и то частенько вместо нее впустить зрителей в зал приходили то мать, то Костик, а уж убирала зал и закрывала на замок не Манечка, а соседская ребятня, которую она пускала без билетов.

Через два года она родила еще одного мальчика. Может, материнство тому было причиной, но Манечка расцвела такой дивной красотой, что все знавшие ее только поражались. Росли сыновья, шли годы... Костя по-прежнему потихоньку приворовывал, но теперь более осторожно, изощренно, а Манечка все цвела, казалось, ее красота не подвластна времени. Не теряла она интереса и к нарядам, даже наконец-то развила в себе вкус.

Все было бы ничего, к Манечке и ее капризам Костя привык, но вот сыновья, которых он любил, о которых мечтал, что вырастут они достойными людьми, стали огорчать его еще в школе. Они унаследовали, как думал Костя, от матери не только внешность, но и все ее пороки. Сколько и чего только ни пришлось давать и репетиторам,

и в школе, чтобы его оболтусы получили аттестаты, но этим занималась сама Манечка, и у нее неплохо получалось.

Такого тройного пресса дяде Косте бы не выдержать, но наступили «золотые» годы дефицита: народ стал жить получше, и чтобы заполучить хорошую вещь, покупатель не скупился. Не какой-нибудь там четвертной — полсотни сверху давали, а иная дефицитная вещь стоила две цены; с другим же товаром дядя Костя даже и не связывался.

Одно время в узком кругу к нему даже приклеилась кличка Мистер Бельгийское Пальто. Сколько он продал этих пальто — не счесть! А Манечка тем временем устраивала, переводила из института в институт, с курса на курс сыночков. Каждый переход, каждая сессия обходились Мистеру Бельгийское Пальто в кругленькую сумму. В некоторых институтах, как и у него в магазине, существовала твердая такса на все, и это возмущало дядю Костю: такса казалась ему чрезмерно завышенной. Но для сыновей ему ничего не было жаль, верилось — выучатся, образуются.

Образумились... Уехали вдвоем на новых «жигулях» отдыхать на море, в Сочи, — вернулись через два месяца самолетом, прогуляв машину. А однажды, когда они с Манечкой отдыхали в Крыму, получили от любимых сыночков телеграмму: «Предлагают выгодный обмен квартир: Чиланзар пятый этаж совмещенный санузел доплата три тысячи заодно можно продать и мебель как быть». Дядю Костю чуть инфаркт не хватил: квартира в центре, в пять комнат, перестроенная «от и до», мебель под старину — все находилось под угрозой, своих деток они хорошо знали. Пришлось срочно переводить деньги. Откуда только дядя Костя ни выкупал сынков: из милиции, ГАИ, вытрезвителя, даже из цыганского табора, когда они уговорили цыган всю ночь играть и петь для своих друзей, наобещав золотые горы.

Свадьбы, квартиры, разводы, снова свадьбы — от этой круговерти дядя Костя так устал, так ему все надоело и осточертело, что в один прекрасный день он тайком уложил чемодан и... сбежал. Это был, как он сам признавался, кажется, единственно достойный поступок в его жизни.

Говорят, однажды дядя Костя, рассказывая про своих удалцов, заявил в сердцах, что сыновья стали ему в такую копеечку, что гораздо дешевле было бы отлить две их статуи в натуральную величину из чистого золота, чем содержать их. От судьбы не уйдешь, философски замечал он: догонит — не так, так этак...

Жил здесь дядя Костя спокойно, ревизоров не боялся: он «завязал», ему самому уже ничего не было нужно. От прежнего у него осталось лишь некоторое профессиональное самолюбие: он считал себя в силах помочь кому-то и помогал, но теперь это был не «нужный» или денежный человек, как раньше, а уважаемый лично им, дядей Костей, человек, как, например, архитектор-садовод.

В Ташкент Максуд прилетел, как и предполагал, к обеду. Рекомендация дяди Кости сработала безотказно, и он поселился в прекрасной гостинице, в просторном номере с кондиционером. Возвращая документы, администратор, красивая, еще молодая женщина, игриво сказала:

— Поздравляю вас с днем рождения, Максуд Ибрагимович.

Гимаев опешил... Да, у него действительно был день рождения, и не просто день рождения, ему сегодня стукнуло тридцать лет... Он ходил из угла в угол в своей прохладной комнате и усмехался. День рождения... Этот день он теперь никогда не забудет: считай, с самого утра сплошные подарки — освобождение, встреча с дядей Костей, неожиданно принявшим доброе участие в его судьбе, роскошная гостиница, в которую ему самому никогда не попасть бы... В общем, было чему радоваться, и он решил отметить это событие.

К вечеру, когда жара немного спала, Гимаев решил прогуляться. Окна его номера на десятом этаже выходили на большой тщательно спланированный парк, и сверху ему хорошо были видны гуляющие люди, столики на открытом воздухе, аттракционы — картина счастливой праздной жизни так взволновала, что у него защемило сердце. В этот парк через дорогу он и направился.

«Наверное, нашему архитектору этот парк понравился бы», — думал Гимаев, гуляя по дорожкам, посыпанным влажным красноватым песком.

Когда он проходил мимо аттракционов, его окликнули с качелей две девушки — попросили раскачать их немножко. Девушки были юны, милы, азарт уже разругал их щеки, просьба звучала как требование, но Гимаеву это было приятно.

Тяжелые, давно не смазывавшиеся качели были словно рассчитаны на силу Максуда, и через минуту девушки уже визжали от радости и страха, взлетая намного выше соседней люльки. На лету он вновь подхватывал туго натянутую цепь, смеющиеся девушки улетали дальше и выше всех, азарт захватил самого Максуда, он уже смеялся, охваченный весельем, кричал что-то озорное, и если не слышал от-

вета, то догадывался: говорили ему девушки что-то приятное, даже ласковое — это он читал на их славных лицах. Они бы катались еще, но образовалась очередь жаждущих, привлеченных азартом и весельем. Максуд остановил качели. Доверчиво, как старому знакомому, девушки позволили ему снять их с высоких лодок.

— Вам не мешает остыть,— сказал Максуд, лишь только они вышли за ограду аттракциона, и показал рукой на кафе-мороженое, что расположилось у пруда, напротив.

— Пожалуй, не помешает,— согласились девушки, переглянувшись, и рассмеялись: у них было отменное настроение.

— Может, вы представитесь, наш неожиданный и великодушный спутник,— сказала та, что была бойчее.

— Максуд. Меня зовут Максуд.

— А меня Каринэ,— ответила девушка,— а подружку Наташа,— и они протянули ему по очереди руки.

За столиком все в том же шутовском тоне Каринэ сказала:

— А теперь подивитесь нашей проницательности: вы только что с моря, у вас такой заггар, просто зависть берет. Вы ловкий, хорошо тренированный — значит, спортсмен. Наверное, на корте бываете каждый день?..

Максуд улыбался, не перебивал.

— А нам в этом году отдохнуть не удалось, только вчера вернулись из стройотряда, кашеварили все лето с Наташей.

— Да, за нами такой талант замечен,— вставила молчавшая доселе Наташа.— Да сегодня вот решили в светскую жизнь удариться, и сразу такая удача — приятное знакомство...— Наташа улыбнулась.

— В светскую — так в светскую,— подхватил Максуд, уже освоившийся с их шутовской манерой разговора.

Гимаев был благодарен им за то, что они, сами того не ведая, праздновали его вхождение в новую жизнь. Что и говорить, в последние годы стиль, манера, лексика его разговора были иными, хотя он усиленно избегал жаргона, этой трудно смываемой накипи. Гимаев был признателен Алену Делону. Это он с первого дня знакомства внушал Инженеру, что сначала усваивают жаргон, затем стиль, а это уже дорога в другую жизнь.

— Я приглашаю вас в ресторан, тут рядом, при гостинице.

— Так сразу? В «Юлдуз»? Это чересчур дорогое заведение, молодой человек, мы туда каждый день не ходим,— призналась Каринэ.

— Ах, как хочется танцевать! — Наташа кокетливо повела плечиками. — Жаль, никогда не была в «Юлдузе», там, говорят, такой оркестр! — и девушка вновь озорно, как на качелях, рассмеялась.

— Я думаю, сегодня можно пойти. У меня событие — день рождения, даже в некотором роде юбилей — тридцать лет.

— Ах, вон вы, оказывается, какой? А мы уж подумали: наш рыцарь не только силен и ловок, но и серьезен, а вы — день рождения! Как банально, примитивно, учтите, мы таких не любим, правда, Наташа? — и Каринэ шутя взялась за сумочку.

— Но он действительно производит серьезное и положительное впечатление, так подсказывает мое сердце, — заступилась за Гимаева Наташа.

Так или приблизительно так, шутливо препираясь, они двинулись к гостинице. Прежде чем войти в ресторан, девушки решили позвонить домой, предупредить родителей, но все автоматы поблизости оказались неисправными. Гимаев, видя их огорчение и растерянность, предложил подняться к нему в номер и позвонить.

— Так вы живете в этом мраморном дворце, мистер Икс? — поразились девушки.

— Да, я проездом, на несколько дней, — ответил Максуд.

— Какая скромность — проездом! Море, курорт, корты. Ташкент, немного Востока! Небось, и номер у вас «люкс», — продолжали весело наседать на него девушки, но подняться к нему согласились, уж очень разбирало их любопытство, да и позвонить нужно было обязательно.

— Наташа, непременно следует выяснить, не шейх ли арабский наш знакомый? — сказала Каринэ, оглядывая его просторный и прохладный номер.

— А это мы сейчас, — ответила Наташа, увидев на столе документы. Открыла страничку и радостно вскрикнула: — Каринэ, а я все-таки права, мое сердце не проведешь: у него действительно день рождения!

— А я думала, он гораздо моложе, — оставила за собой последнее слово Каринэ, набиравшая номер телефона.

Жили девушки неподалеку, на набережной Анхора, и Гимаев провожал их после ресторана по вечернему Ташкенту пешком. Наташа жила ближе, чем Каринэ, и распрощалась первой. Прощалась с заметным сожалением: вечер удался на славу, и расставаться было жаль.

Едва Наташа скрылась в подъезде, Каринэ взяла Гимаева под руку и, несмотря на поздний час, предложила пройтись еще немного вдоль реки.

— Знаете, я весь вечер внимательно наблюдала за вами... вас радовали какие-то мелочи, которым другие обычно не придают значения. И танцевали вы с радостью — я почувствовала это ваше состояние. Что за всем этим кроется?

— Каринэ, мне бы не хотелось вас огорчать, омрачить такой приятный вечер. Я очень благодарен вам с Наташей. Но если уж вы настаиваете... То, что я скажу, вас удивит, пожалуй... — Он усмехнулся. — Только сегодня утром я освободился из заключения, сегодня же прилетел в ваш прекрасный город, встретился с вами, отметил день рождения. Я думаю, это слишком много для одного дня, поэтому, пожалуйста, больше не спрашивайте меня ни о чем...

— Конечно, конечно, извините меня за назойливость, я об этом и подумать не могла...

— Я инженер. И у меня была авария на работе.

— Бога ради, не объясняйте, я ни на секунду не усомнилась в вашей порядочности, я чувствую: вы не могли сделать подлость.

Они повернули от реки и долго шли молча, Прощаясь у ее дома, Каринэ предложила встретиться завтра пораньше, с утра, чтобы по прохладе показать Максуду Ташкент, и пригласила составить компанию на пляж; они с Наташей давно решили, что в воскресенье поедут на озеро Рохат, где ташкентцы любят проводить жаркие летние дни.

В эту ночь ему впервые за три года приснился сон. Он уже считал, что сны ушли от него навсегда, и жалел об этом. Такой сдвиг он обнаружил только у себя, другие, считай, только снами и жили, а какие цветные сны снились Алену Делону! Заслушаешься, от зависти умереть можно! И вдруг сон, пусть не самый желанный, красивый, но все же сон.

Приснился ему следственный изолятор, где его содержали до суда, и неожиданный визит к нему аккуратного тихого старичка. Он оглядел камеру печальными глазами и, не решаясь присесть на единственный табурет, сказал совсем не по-казенному:

— Молодой человек, назначен день суда по вашему делу, по закону вам положен адвокат...

Гимаев перебил его:

— Я уже говорил, что виновным себя не считаю, а на адвокатов у меня денег нет, не успел еще заработать...

— Не горячитесь, молодой человек, вы и так, на мой взгляд, уже наломали дров,— и, видя, что заключенный не собирается предлагать сесть, прошел к табурету.

Максуд не ожидал от старика такой настойчивости.

— То, что вы отказались от защиты, зафиксировано в деле, это ваше право, вы вольны защищать себя сами. Но вы, видимо, не знаете, что суд предоставляет, при желании, обвиняемому защиту бесплатно, и я, ваш адвокат, буду представлять ваши интересы в суде. Теперь, когда вы немного остыли, пойдем дальше. Расскажите, как проходили встречи со следователями? По вашему делу не обязательно брать под стражу до суда, вы не уголовник, не потенциальный преступник, и у вас, как мне кажется, не было мысли пуститься в бега.

Гимаев, опершись о плохо оштукатуренную стену, долго молчал. Он вспоминал следователя, своего ровесника, холеного сытого парня, юриста в третьем поколении; дед его до сих пор был бессменным судьей, отец — прокурором, так сказать, трудовая династия. Сестра и брат следователя тоже были юристами. Держался он как Бог, только к тому же был зол и властен. Вызовы он назначал в рабочие часы, и дважды, как назло, в это время на объект Гимаева подавали вагоны. Считая, что вагоны важнее,— козе понятно, Максуд опаздывал на допрос. Хотя следователь и маялся от безделья в конце дня, в первый раз Гимаева не принял, а во второй раз, когда тот опоздал на час, спросил строго, намерен ли Гимаев еще мешать следствию. Максуд, не предполагая, чем это для него обернется, честно признался, что, если случится что-то важное на объекте, может, и опоздает, такая, мол, работа начальника участка, а вагоны — не шутка, один час простоя оценивается в тысячи рублей.

Это признание вывело следователя из себя: ах, незаменимый человек, занят он, а тут бездельники, значит... и понесло. Закончил злым шепотом: вот, мол, сейчас, сию минуту покажу тебе, какая ты незаменимая личность,— и выписал ордер на арест, как уклоняющемуся от допросов.

Ничего этого Гимаев старику рассказывать не стал, только с нескрываемой иронией признался:

— Я думаю, он был строг, но справедлив, я ведь срывал ему плановые сроки.

Старик был дока в своем деле; лично зная следователя, ясно представил его встречи с этим ершистым парнем, потому вопрос не повторил.

Сон был рваный, странный: то смещалось время, то в драматические минуты персонажи начинали вдруг нести ахиною, никакого отношения к делу не имеющую; так случалось, когда появлялся прокурор. Он говорил о каких-то полевых цветах, но Гимаев-то точно помнил его речь. Прокурор доказывал, что такому безответственному специалисту, высказывающему вредные и обидные слова в адрес погибшего, представляющего Его Величество рабочий класс (так и сказал), — не место на свободе, и требовал не только предельного срока по статье обвинения, но считал, что не мешало бы еще какую-нибудь статью подыскать. Прокурор был тучен, вальяжен, имел хорошо поставленный голос и удивительно напоминал следователя. Потом, гораздо позже, Гимаев узнал, что это был один из членов династии.

«Попал под семейные жернова», — прокомментировал Ален Делон уже в колонии.

Гимаев видел пустой зал суда — процесс никого не интересовал. Не интересовал даже семью погибшего — пенсию ей назначат при любом исходе. Говорят, жена погибшего, маляр из соседнего управления, в сердцах даже обронила: слава Богу, что Господь прибрал. Бедная женщина, тащившая семью, не только никогда не видела зарплаты мужа, но и не чаяла, как от него, пьяницы, избавиться. А тут такой исход, и ежемесячная пенсия детям — как не обрадоваться, хотя и кошунственно, вроде.

Но все становилось на место, когда давали слово адвокату, это уже напоминало хронику — никаких вольностей, сплошные документы.

Адвокат был немолод, если бы позволялось, ему было бы сподручнее говорить сидя, но ритуал оставался ритуалом, и старик, опираясь на спинку стула, говорил долго и поначалу, казалось, нудно.

— Я многие годы проработал в суде, и это мое последнее дело, я ухожу на пенсию, вы знаете об этом, — адвокат почтительно поклонился в сторону судьи. — В нашем городе никогда не было ни большого строительства, ни такого крупного предприятия, как этот строящийся комбинат, где произошел несчастный случай со смертельным исходом, поэтому у нас прежде не встречалось в суде подобных дел. Мы с вами — специалисты по кражам, хищениям, разводам и прочим, более привычным делам, даже стали экспертами по автомобильным авариям, с тех пор как автомобили забили тесные улицы нашего некогда дремотного городка. Поэтому к такому уникальному в нашей практике делу нужно подойти очень

внимательно, осторожно, ведь наше решение станет прецедентом, на нас будут оглядываться.

В деле нет корысти, преднамеренности, нет запутанной интриги, невыясненных обстоятельств, все, вроде бы, предельно ясно, только эта ясность столкнула диаметрально противоположные взгляды, один взгляд, к сожалению, со скамьи подсудимых. К этому я еще вернусь, а пока перейду к личности обвиняемого. Однако прежде я должен сказать, что за свою долгую практику я никогда публично не признавался в симпатии к своему подзащитному. Это запрещенный адвокатский прием, но мой последний подсудимый мне глубоко симпатичен, и я не боюсь, что такое признание помешает моей репутации адвоката.

Мой подзащитный не сделал ничего, чтобы помочь себе в суде. К сожалению, так же он, видимо, вел себя и на следствии. Я убежден — это должно быть истолковано не только как максимализм молодости, но и как сознание абсолютной правоты своей позиции. Ни единым словом он не обмолвился о своей биографии, а она у него, несмотря на молодость, интересная, это уже сознательный и, смею считать, достойный гражданин. Все, что я знаю о нем и доложу вам, — он сделал вновь легкий поклон в сторону судьбы, — я собрал по крупицам сам.

Трудовая биография его началась еще до армии, работал на стройке, потом служил в стройбате. Служил и работал в армии достойно, я прилагаю к делу справку, присланную из части. После армии закончил в Москве один из старейших и уважаемых технических вузов — Бауманское училище. Закончил с отличием. В характеристике из института говорится, что последние три курса Гимаев был председателем научного студенческого общества. Оказывается, это по его предложению на всех домостроительных комбинатах страны используются технология декоративного покрытия наружных панелей. Вот старый номер журнала «Рационализатор-изобретатель», кто хочет, может посмотреть, — адвокат показал в сторону пустого зала журнал. — В наш город мой подзащитный прибыл по направлению, за два года прошел путь от мастера до начальника хозрасчетного участка. Скажу вам, что это единственный хозрасчетный участок на такой огромной стройке, так сказать, первая ласточка.

В обвинении есть пункт... — Адвокат поднес густо исписанные страницы близко к глазам, прочитал: — «Отсутствие должного контроля за трудовой дисциплиной на объекте». Серьезное обвинение. Но посмотрим — как же строил работу, как укреплял трудовую дисциплину на своем большом участке молодой руководитель.

По объему выполняемых работ его хозрасчетный участок равен целому строительному управлению. В управлении, в построчном комитете профсоюза на него есть несколько, а точнее сказать, четыре жалобы. Жалобы любопытные. Можно было бы зачитать для суда все четыре документа, но они, по сути, идентичны.

Четверо рабочих жалуются на нового начальника участка, что закрыл он им месячные наряды в среднем: одному по рублю шестьдесят две копейки в день, другому по два сорок семь, третьему по два восемьдесят четыре, четвертому по четыре девятно. У всех не выходило даже по тарифу, а они — рабочие высших разрядов, и у них, мол, семьи, дети, которых кормить надо, они требовали принять меры к зарвавшемуся начальнику. Случай, как мне сказали в управлении и в тресте, был беспрецедентный и потому рассматривался на расширенном заседании с участием трестовского юриста. Пять часов длилось заседание, даже на объект выезжали. Подавшие жалобу были известные в бригаде выпивохи, и Гимаев, устав увещевать, воспитывать их, дал каждому отдельную работу и рассчитал, как предупреждал, по выполненному объему.

Мнения на заседании разделились. Одна, наиболее влиятельная, группа требовала, чтобы Гимаев прекратил эксперименты, а то, мол, всех рабочих растеряют; они-то и настаивали, чтобы Гимаев выписал отдельно дополнительный наряд, чтобы вышло, как обычно, по десятке в день. Но начальник участка отказался наотрез. Его поддержали. Тогда-то и на объект выезжали, хотя и без того всем было ясно, что по десятке в день горе-работники никак заработать не могли. Обиженные рабочие, конечно, ушли с участка в более «спокойные» места. Так мой подзащитный начал борьбу с пьянством, разгильдяйством, если хотите — борьбу за производительность труда, которую, к сожалению, не успел закончить, — на скамью подсудимых привел его опять же пьяница. Так можем ли мы поддержать обвинение прокурора, что молодой инженер не придавал должного значения трудовой дисциплине?

Я знаю — я говорил с рабочими, — кто торжествует сегодня, кто желает зла подсудимому? Опять же — пьяницы, разгильдяи, на чей покой он замахнулся.

И еще о трудовой дисциплине. Разве это дело только Гимаева? А где огромный административный аппарат, партийная, профсоюзная и другие общественные организации?..

Максуд даже во сне внимательно слушал старика, перед которым испытывал чувство неловкости после их единственной встречи

в камере предварительного заключения. «Надо же, постарался человек»,— думал Гимаев. Он был признателен старику не за то, что тот пытался спасти его от незаслуженного наказания, а за то, что верил в него и хотел сохранить его доброе имя.

— Теперь перейдем к случаю, или, как мы говорим, к факту, где все ясно как день,— адвокат словно обрел второе дыхание, начал энергично. — Я прочитаю вам краткую выдержку из «Специального акта расследования несчастного случая с рабочим Ивановым В. П., 46 лет»,— такой заголовок имеет документ, составленный технической инспекцией профсоюза. Зачитаю вам лишь раздел, имеющий подзаголовок: «Причины и обстоятельства несчастного случая».

«4 июня рабочие Сахатов Р. и Иванов В. П. получили задание разобрать кладку стенной перегородки на отметке +6, то есть на третьем этаже главного корпуса. Перегородка ранее была выложена группой рабочих во главе с погибшим Ивановым В. П., имевшим высший, шестой, разряд каменщика, была выложена с отклонением от проектной отметки на 64 сантиметра и крайне некачественно (акт о качестве прилагается). Задание выдал начальник участка Гимаев.

Третий этаж главного корпуса готовили к сдаче, и других дел у бригады здесь не было. Часть бригады работала на этой же территории, на складе хранения готовой продукции. Получив задание, Сахатов Р. и Иванов В. П. к работе не приступили, а пошли на второй этаж к отделочникам, где при невыясненных обстоятельствах (с кем, на какие деньги) выпивали до самого обеда и в обеденный перерыв. После обеда Сахатов Р. пошел в магазин обменять банку краски на бутылку вина, а Иванов В. П. принялся за работу. Начал ломать стену снизу, с пола. Стена обвалилась и придавила Иванова В. П. насмерть. Судебно-медицинская экспертиза установила высшую степень опьянения».

Вот как просто все было,— адвокат обвел грустным взглядом судей, пустой зал. — Вот здесь и столкнулись две разные точки зрения: одна следствия и обвинения, другая — моего подзащитного. Обвинение держится на трех пунктах, об одном я уже упоминал, о двух других скажу кратко, не прибегая к тексту обвинительного заключения: техническое руководство не обеспечило безаварийных условий для рабочего, и на три дня просрочен квартальный инструктаж по технике безопасности.

Оба обвинения, как и первое, касающееся трудовой дисциплины, на мой взгляд, беспочвенны. Просроченный инструктаж, как видно из дела, не мог явиться причиной гибели Иванова В. П., хотя за это,

безусловно, Гимаеву положено взыскание — но только административное, не более. Насчет технического руководства: Гимаев, по данным производственно-технического отдела, ведет шестнадцать объектов. Кстати, это означает, что он не может лично присматривать за каждым пьющим. Насчет безаварийной работы: разве рабочий высокой квалификации не должен знать, что перегородку разбирают, все-таки, сверху — это даже я знаю.

В нашей единственной беседе подсудимый задал мне вопросы, на которые я тогда не мог ответить, и потому я адресую их вам, — он снова сделал легкий поклон в сторону судьи и заседателей. — В любом уголовном преступлении опьянение является отягчающим вину обстоятельством, почему же так не считается и при расследовании несчастных случаев на производстве?

Мой подзащитный — человек технически грамотный, он знает свое дело и говорит: пункт шестой «Правил расследования несчастных случаев на производстве», утвержденный высшим профсоюзным органом — Президиумом ВЦСПС, гласит, что случай, происшедший в состоянии опьянения, считается не связанным с производством, Это автоматически должно снимать вину с руководящего персонала, ни о какой уголовной ответственности, согласно этому документу, и речи не может быть. Почему же наша судебная практика, опирающаяся на закон, не учитывает многие должностные инструкции, правила, по которым работают, в которые верят люди и которые в особых обстоятельствах, как наши, превращаются в фикцию?

Я не мог, товарищи судьи, ответить молодому человеку, которому еще работать и работать. Он спрашивал меня, юриста, который олицетворял для него закон, почему он должен отвечать за Иванова, разве несчастный случай произошел из-за его инженерной несостоятельности, безграмотности, беспечности, халатности? Почему, в конце концов, он должен отвечать за человека вдвое старше себя, за человека, чей трудовой стаж и, следовательно, опыт в десять раз больше, чем у него? За человека, имеющего высший разряд по профессии, подразумевающий знание законов производства? Ни на один из этих вопросов я тоже не мог ответить, товарищи судьи и товарищ прокурор, и теперь уже я спрашиваю: почему он должен отвечать за взрослого человека потому только, что подсудимый — руководитель?

К концу речи адвокат словно сбросил десяток лет: говорил страстно и убедительно, наверное, как в свои лучшие годы; жаль, что зал был пуст.

— В пору моей молодости и представить нельзя было пьяного за станком, за рулем, на службе. К сожалению, сейчас это не единичные случаи. Думаю, настоящий рабочий — я обхожусь без так любимого и подчеркиваемого прокурором «Его Величества» — знает, что безнаказанность провоцирует и порождает цинизм, разгильдяйство, пьянство, целые шлейфы других пороков, которые и перечислять не хочется. В заключение скажу следующее: как бы ни закончился процесс, я верю, что последний мой подзащитный будет еще приносить пользу и народу своему, и отечеству,— адвокат склонил седую голову, подчеркивая свое уважение к Гимаеву.

Не приснился Максуду только конец суда, когда он отказался от последнего слова. Да и о чем он должен был говорить — просить о снисхождении? Он не понимал, за что нужно просить снисхождения, да и по молодости лет был непомерно горд. Несмотря на старания адвоката, а может, благодаря его стараниям, он получил вдвое меньший срок, чем требовал прокурор.

Утром в номере раздался телефонный звонок; вначале Максуд не обратил внимания на зуммер,— телефонный звонок в незнакомом городе? — но его осенило, и он кинулся к аппарату.

— Доброе утро, Максуд, я разбудила вас? — спросила Каринэ.

— Нет, я просто не сообразил, что мне могут звонить, как видите, я еще не освоился в новой жизни.

— Спускайтесь вниз через полчаса, я подъеду за вами.

...Напротив гостиницы, чуть в стороне от парадного входа, у огромного платана стояли светлые «жигули», из окна ему приветливо помахали рукой. Максуд быстро пересек безлюдную в этот утренний час площадь перед гостиницей.

— Прошу! — Каринэ легким движением распахнула переднюю дверцу, приглашая сесть рядом.

— А где же Наталья? — удивился Гимаев.

— А вы, оказывается, еще и донжуан! — Каринэ погрозила ему пальцем и рванула с места машину так, что Гимаев откинулся на сиденье. — Насчет Наташи,— сказала Каринэ, повернув к нему разгоряченное азартом езды лицо, когда они остановились перед красным светофором,— сегодня вы приглашены к ней на обед, если не забыли, она упоминала о своем кулинарном таланте.

— О вашем совместном,— вспомнил Максуд.

— Спасибо. Приятно, что не забыли, а то я из скромности не посмела бы напомнить о себе. Так что, Наталья хлопочет на кухне,

не хочет ударить в грязь лицом, а я, как обещала, буду развлекать, знакомить вас с нашим городом. Не возражаете против такой прогулки? Вот и хорошо. Начнем со старого города, уверена — нигде, кроме Ташкента, нельзя рано утром так вкусно позавтракать. Я не хвастаю, Максуд, вот увидите.— И вдруг после паузы грустно добавила:— Я бы так хотела, чтобы вы полюбили мой Ташкент!

Они оставили машину в глухом тупичке и спустились к знаменитому базару Эски-джува пешком.

Восточные базары, многолюдные поутру, по прохладе, отличаются от европейских рынков тем, что здесь не только можно купить все, что душе угодно, но и хорошо поесть, посидеть, перевести дух, оценить купленное — в многочисленных чайханах, прилегающих к базарам, за пиалой кок-чая.

Каринэ хорошо ориентировалась в огромном и, казалось, хаотичном мире базара. Тут было легко потеряться, и Каринэ, взяв ошалевшего от толчеи и многолюдья Максуда за руку, повела его за собой. Начали с лепешечного ряда. От запаха свежее испеченного хлеба у Гимаева слегка закружилась голова, а от обилия — какими лепешками здесь только ни торговали! — разбежались глаза. Но Каринэ быстро выбрала две горячие, прямо-таки обжигающие руки лепешки, и они двинулись дальше, к зеленщикам. Тут Каринэ тоже не стала задерживаться, взяла из влажно блестящей и благоухающей горки пучок молодого лука, чеснока и два пучка какой-то не известной Максуду травы.

— Это кутэн, наша армянская травка, — пояснила Каринэ.

Потом они одолели прохладные коридоры крытых рядов, где размещались лавки кустарей: здесь паяли, лудили, постукивали молоточки чеканщиков, работали ювелиры по серебру. Гимаев хотел задержаться здесь, но Каринэ была настойчива: только после завтрака.

Густой запах специй, жареного мяса, шинкованного лука, дымящихся мангалов и кипящих самоваров долетал в мастерские к медникам и чеканщикам. Каринэ, взяв Максуда за руку, повела его дальше.

Так же неожиданно для Гимаева, как и все на этом базаре, шашлычные возникли сразу, как только они свернули в первый же тупик за мастерскими. Угощали тут не только шашлыками, но и многими другими, не известными Максуду, блюдами. Каринэ, заметив его любопытство, коротко называла их, не объясняя подробнее — наверное, чтобы не дразнить его аппетит: самса, нарын, манты, хасып, казы, — и вела дальше.

— Мой отец говорит, что он — лучший шашлычник Ташкента, и когда ему надоест строительство — кстати, он ваш коллега,— то он непременно подается в общепит, в шашлычники. Поэтому доверьтесь мне: я тоже кое-что смыслю в этом деле. А вот это нам, кажется, подойдет,— она склонилась не над мангалом с готовыми шашлыками, а над заготовленными шампурами,— прекрасная, свежая говяжья печень, думаю, папа одобрил бы мой выбор. Пожалуйста, Максуд, располагайтесь,— и она показала на низкий столик, тут же, рядом с дымным мангалом.

Каринэ перекинулась с шашлычником парой непонятных для Гимаева слов и на минуту исчезла за резной дверью в высоком глухом дувале; вернулась она с блюдом, где лежала перебранная свежесмытая зелень. Шашлычник протянул им прямо с огня шипящие шампуры. Каринэ почти не ела, она ломала лепешки, пододвигала ближе к Гимаеву зелень, специи; потом по ее просьбе шашлычник принес несколько шампуров с рублеными бараньими ребрышками. Гимаев ел бы еще и еще, но Каринэ сказала — хватит, и они, обменявшись с гостеприимным шашлычником любезностями, распрощались.

— Шашлык и плов любят чай, это не только традиция, но и необходимость, так что традицию мы нарушать не будем, да, Максуд? Там, где мы оставили машину, есть одна чайхана, мы с отцом бываем в ней всегда, когда делаем на этом базаре покупки, туда я вас и приглашаю. Но прежде нужно взять что-нибудь к чаю.

Во фруктовых рядах они купили тяжелую темно-синюю кисть винограда, несколько персиков и по-девичьи нежно-румяных яблок. В чайхане, как и в ремесленных рядах, Максуду хотелось задержаться подольше, уж больно вкусным показался ему чай из медного трехведерного самовара, но Каринэ, глянув на часы, заторопилась.

Они долго кружили по огромному городу, и Каринэ, хорошо знавшая его, рассказывала интересно и пристрастно — чувствовалось, что она влюблена в Ташкент. У некоторых особо любопытных зданий она задерживалась и говорила о них с таким знанием дела, что Гимаев шутя спросил — уж не она ли проектировала эти прекрасные сооружения.

— Нет,— ответила Каринэ серьезно.— Эти здания построил мой отец.

По тону ее Гимаев понял, что она любит отца и гордится им.

Неделя пролетела как один счастливый день. Каждое утро он встречался, с девушками, ездил с ними купаться, ходил по городу,

по музеям, даже слушал впервые в жизни орган в концертном зале «Бахор». Девушки ни о чем его не спрашивали, но их бережное, неназойливое внимание он ощущал ежечасно и был в душе признателен им. Как бы началась его новая жизнь, если бы он не встретил Наталью и Каринэ, неизвестно.

Однако как бы он ни был доволен и счастлив, он не мог не думать о деле. Гимаев был человек, которому только работа давала полноту ощущения жизни. Он и в колонии не сломался и не ожесточился потому только, что и там занимался любимым делом. В заключении он, наверное, даже больше, чем на воле, оказался опорой для многих: люди, не верившие уже ни во что или разуверившиеся во многом, Инженеру почему-то верили. Он внушал доверие. Честностью...

Возвращались они с поздних гуляний всегда пешком; так уж сложилось, что провожали вначале Наташу, а потом Максуд еще гулял с Каринэ вдоль Анхора. Медленно остывающая к ночи вода дарила желанную в летнюю пору прохладу.

— Каринэ, мне нужно уезжать, — сказал он однажды.

— Куда? — растерянно спросила она.

— Не знаю, но уже пора.

— Максуд, хочешь, я попрошу отца. Он поможет тебе, он управляющий самого крупного треста в Ташкенте.

— Спасибо... Я и так не знаю, как тебя благодарить. Каждый день боюсь: вдруг проснусь — и не будет ни тебя, ни Натальи, ни этих светлых дней. Спасибо тебе за все. А насчет моих дел — я должен начать сам, понимаешь — сам...

Спать ему не хотелось, и он решил спуститься вниз — погулять по ночным улицам Ташкента, как вдруг раздался телефонный звонок. Звонила Каринэ.

— Максуд, ты не спишь? Хорошо. Мне сейчас пришла в голову мысль... Я насчет твоего отъезда... Если ты решил — наверное, так надо. Но выполни мою одну-единственную просьбу — не уезжай далеко. В нашем доме, как ты знаешь, все разговоры только о строительстве, два моих брата пошли по стопам отца, поэтому я в курсе многих дел и важных строек у нас в Узбекистане. Сейчас они много говорят о Джизаке. Несколько лет назад неподалеку от Джизака построили рудный комбинат. К тому же геологи обнаружили там еще одно месторождение. Короче, для строителя там — непочатый край работы. Это недалеко. На автобусе три часа езды, а я на машине, наверное, добралась бы туда часа за два. Тебя это устроит, Максуд?

— Устроит, Каринэ, только при одном условии...

— Каком? — растерялась Каринэ.

— Если ты будешь тратить на дорогу не менее трех часов...

— Как ты меня напугал, Максуд!.. Спасибо. Я постараюсь.

Они проговорили до рассвета, а утром первым рейсовым автобусом Гимаев выехал в Джизак.

То ли шофер оказался лихачом, то ли по-утреннему незагруженная трасса позволяла, но комфортабельный вишнево-красный «икарус», совершавший рейс Ташкент — Самарканд с единственной остановкой в Джизаке, доставил Гимаева к месту назначения за два с половиной часа. Машина неслась так, что, казалось, вот-вот оторвется от земли и взлетит, обочь дороги все сливалось в некую размытую линию. Смотреть было не на что, и потому Гимаев задремал, порою проваливаясь в тревожный сон, а к концу дороги и вовсе крепко заснул. Разбудил его сосед, ехавший до Самарканда, с которым они не перекинулись и словом, — недаром первый рейс шоферы-междугородники называют «сонным».

Наверное, ни одна республика не имеет столь обширной и разветвленной междугородной автобусной сети, как Узбекистан. Практически каждый город напрямую связан со столицей. Нет райцентра, да что там райцентра — колхоза, который не имел бы асфальтированной дороги, выходящей на большую автомобильную трассу, ведущую к Ташкенту. Поистине, все дороги ведут к прекрасному Ташкенту! Поэтому автостанции в Узбекистане — это нечто необычное, целый комплекс, который, пусть с натяжкой, но можно назвать даже культурным центром. Сюда заходят не только для того, чтобы отправиться в путь. Непременная принадлежность автостанции — чайхана и одна-две столовые, где в меню обязательно присутствуют традиционные национальные блюда.

Раз многолюдье — значит, тут же и базар, где меньший, где больший, но кисть винограда, яблоко, горячую лепешку к чаю вы купите в любое время дня. Новые времена, новые веяния... Студия звукозаписи и стрелковый тир ныне такая же обязательная принадлежность автостанции, как и чайхана. Газетные киоски раньше всего открываются на автостанции. Единственный переговорный пункт и камера хранения в крошечном райцентре, наверняка, отыщутся на автостанции. Гимаев уже прослышал об этом и поэтому не удивился автостанции Джизака, построенной в восточном стиле из светло-серого газганского мрамора.

Он пообедал в лагманной, купил областную газету и целый час просидел в чайхане под тенистыми тополями. В чайхане местных людей, кроме чайханщика, пожалуй, не было. В основном здесь были строители, которых, наверное, привлек размах строительства, хороший коэффициент к зарплате и возможность быстрее, чем где-либо, разрешить квартирный вопрос. Гимаев не вмешивался в беседы, не задавал вопросов, ему было достаточно обрывков разговоров, реплик — язык строителей он понимал с полуслова и за час узнал то, чего не рассказал бы ему ни один кадровик.

Уходя с автостанции, он увидел огромный рекламный щит с объявлениями, пестревший одним словом, набранным разным шрифтом: требуются... требуются... требуются... У щита он задержался надолго и, в конце концов, выписал в записную книжку два заинтересовавших его адреса. Здесь же, на автостанции, он отыскал городской автобус, указанный в объявлении.

Строительно-монтажное управление, куда он явился по объявлению, располагалось в старой части Джизака, среди кварталов частных домов, утопающих в зелени. Само здание СМУ мало чем отличалось от окружавших его строений, и только машины, то подъезжавшие, то отъезжавшие от широко распахнутых ворот, выдавали в нем казенное учреждение.

Гимаев по опыту знал: утренний бум в управлении прошел, начальник, наверняка, уехал на какое-нибудь совещание или планерку, главный инженер на объектах, но он не переживал — высокого начальства ему было не надо, лишь бы кадровик оставался на месте.

Дверь отдела кадров оказалась распахнутой настезь, посетителей не было.

«Прекрасно», — подумал Гимаев и протянул женщине за конторкой документы: диплом, трудовую книжку, паспорт.

— Я по объявлению, — сказал он.

Женщина долго изучала его документы, потом спросила:

— На какую должность вы рассчитываете?

— Прораба, обыкновенного прораба... для начала... — улыбнулся Максуд.

— Видите ли... — замялась женщина. — Прораб — должность материально ответственная, а у вас, судя по документам, судимость...

— Ну и что? Я отбывал срок не за хищение, не за растрату, не за воровство, не за приписки и очковтирательство, я отбыл наказание за несчастный случай.

— Так-то оно так, но судимость, молодой человек, есть судимость, и я должна согласовать вашу кандидатуру не только со своим начальством, но и с трестовским юристом. У меня впервые такой случай трудоустройства, поэтому — приходите завтра к концу дня, у нас планерка, начальство будет на месте, да и я успею проконсультироваться.

Гимаев вежливо поблагодарил женщину и покинул кабинет.

«Первая пощечина», — подумал он невесело и, выйдя на улицу, присел на скамью и долго сидел на самом солнцепеке, ничего не чувствуя. Потом вдруг поднялся и подошел к пустой урне, разорвал трудовую книжку, выбросил. Подержал в руках диплом, словно раздумывая, как поступить с ним, но, в конце концов, вернулся к скамейке и спрятал диплом в сумку.

Потом он словно очнулся и сразу почувствовал, на каком солнцепеке сидит. Подхватив сумку, торопливо двинулся к автобусной остановке. Он ехал назад, на автостанцию; теперь он знал, что ему надо читать и другие объявления.

На автостанции он вновь подошел к рекламному щиту и выписал опять два адреса, хотя выбор на этот раз был куда шире — рабочие требовались повсюду.

И снова он завернул в чайхану под тополями, но теперь уже по другой причине — ему очень хотелось пить: был полдень, и солнце палило нещадно. Приближался обеденный перерыв, и он решил скоротать время в чайхане, — еще одна привлекательная сторона восточного заведения.

Раздумывая о своем положении за пиалой кок-чая, Гимаев достал из сумки удостоверение крановщика. В армии он окончил курсы машинистов башенных кранов и, считай, целый год работал на самом высотном кране, какие только у нас в стране существуют, даже еще с дополнительной секцией. Много раз в институте, да и потом, он думал, что удостоверение никогда больше не понадобится, и хотел выбросить его, но что-то всегда удерживало. И надо же, наконец-то оно пригодились!

«Джигиту и ста профессий мало», — вспомнил он старую половицу.

Новое управление, куда он двинулся, пересидев в чайхане все возможные варианты обеденных перерывов, находилось неподалеку от автостанции, всего две остановки — если бы знать, можно было бы не ждать и не толкаться в переполненном, душном автобусе.

На этот раз он не стал предъявлять документы, а спросил:

— Крановщики нужны?

Начальник отдела кадров даже привстала с места:

— Нужны, очень нужны, молодой человек! Вон во дворе лежит новый кран, только вчера доставили из Ташкента, на днях монтировать начнут, так главный механик говорит мне: Алла Андреевна,— это меня так зовут — найди срочно крановщицу, и шампанское за это пообещал. Заметьте, крановщицу — о крановщике уже не мечтает, не идет нынче мужик на кран-то. Милости просим,— закончила, улыбаясь, словоохотливая Алла Андреевна.

— А трудовая?— спросила Алла Андреевна.

— Знаете, пришлось срочно срываться с последнего места. Так сказать, обстоятельства частной жизни холостяка,— говорил он, старательно копируя Алена Делона, большого умельца сбивать с толку женщин.

— Понимаю, понимаю,— заулыбалась, словно одобряя его поступок, Алла Андреевна.— Не беда, вам до пенсии далеко, наработаете еще стаж. Я заведу вам новую, не переживайте.

В паспорт она глянула мельком и, выписав необходимые данные в учетную карточку, вернула его Гимаеву,

— Судя по вашей сумке, здесь вас никто не знает,— рассмеялась собственной пронизательности Алла Андреевна. — И я должна разделить вас в общежитие.

Она порылась в каких-то бумагах.

— Ну, теперь мой черед порадовать вас: у меня есть лимит на одно место в итээровском общежитии треста, и я оформлю вас туда как мастера, выглядите вы прилично, даже могли бы вполне сойти за инженера,— женщина кокетливо оглядела его с ног до головы.

— Спасибо,— вежливо поблагодарил Максуд; это было лучшее, на что он мог рассчитывать в нынешнем положении.

Наутро, когда он получал спецовку в крошечной кладовой, которую с трудом нашел на огромной территории базы, отыскал его главный механик.

— Акрам Ходжаев,— протянул ему руку парень, гораздо моложе него. — Не поверил, думал — разыгрывает Алла Андреевна с утра. Крановщика отыскала — чудеса, да и только! Придется взять шампанское, как обещал.— Они вместе вышли из кладовки. — У нас в Джизаке и крановщиц днем с огнем не сыскать, стройка на стройке. А какая из женщины крановщица: вира-майна, хотя и за это спасибо. Кран — он ведь ухода ежедневного требует, а ключ для подтягивания болтов поворотной платформы весит восемь с половиной килограммов, иная его и обхватить не сможет, не говоря уже о том, чтобы с ним работать.

Копеечная поломка, с которой самый захудалый мужик справится,— вызывает техпомощь, а техничек две-три, вот и ждет, порою, по полдня... Мужик — он любой сбой в двигателе, в ходе чувствует и упреждает поломку, а тут не успеваю менять и редукторы, и моторы. Все летит, все горит, не напасешься, и опять же — стоят краны,— изливал свои горести молодой механик. — А главное, я знаю точно: все они, как одна, боятся крана, а много ли так наработаешь, будет ли лежать душа к тому, чего боишься! Отсюда и уход плевый, а машина смазку любит — это давно известно. А кран — машина ох, какая дорогая и дефицитная: в год два-три с большим трудом получаем.

Вот и ты... Посмотришь, как зарабатывают в бригадах, и сбежишь. Прямо-таки замкнутый круг: почасовая оплата, хотя и пишет заказчик вам не меньше, чем по десять часов в день — все равно низкая. Ни в какое сравнение не идет со строителями: переведи на реальные объемы — и того получать не будете: краны постоянно в простое — то материалов нет, то проектно-техническая документация запаздывает, то рабочих с объекта на объект перебрасывают, то поломки... А вот и твой красавец! — Акрам показал на лежавшие на земле вразброс остов, башню, поворотную платформу, ходовую часть.

— Никопольский, С-981,— сказал довольный Гимаев, эти краны он хорошо знал.

— Последний год они идут несколько иной модификации и обозначаются теперь КБ-306,— поправил его механик, видимо, знавший свое дело. — Пока смонтируют кран, можешь выйти подменным — работы хватает.

— Лучше бы, если б я проследил за монтажом и сам принял его по акту: как-никак, мне на нем работать.

Механик улыбнулся.

— Слава Аллаху, за один кран теперь у меня голова болеть не будет — иного я от тебя не ожидал.

— Тогда у меня к тебе, Акрам, последний вопрос: если на днях монтаж, значит, уже готовят подкрановые пути. Как туда проехать?

— А ты, брат, — хват, далеко пойдешь,— пошутил Ходжаев.

— Должен, обязательно должен,— ответил серьезно Гимаев, но механик, погруженный в заботы дня, не придавал значения этим словам.

Прошло полмесяца, но Гимаев так и не видел своего соседа по комнате в общежитии, пока однажды вечером тот не забежал на минутку забрать какой-то справочник.

— И давно вы здесь? — удивился он Гимаеву.

— Да уж две недели. Хотел обмыть новоселье, джизакскую прописку, да не с кем,— пошутил Максуд.

— Тарас, инженер по связи,— представился полноватый розовощекий юноша. — Из Киева...

Гимаев достал из холодильника бутылку сухого вина.

— И за знакомство, и за новоселье, за все сразу, связист,— сказал он, разлив по стаканам. — Так где же тебя носит, Тарас? Судя по внешнему виду, не в командировке...

— Командировке?! — расхохотался связист.— А ты веселый мужик, почти угадал... Влюбился я, дорогой, влюбился. У невесты квартира, там и обитаю. Вот только никак не решим, подходим ли мы друг другу для семейной жизни, потому и сохраняю пока место в общежитии. Если повезет, может, и погуляешь на нашей свадьбе. Я-то согласен хоть сейчас, это она говорит: повременим, вопрос серьезный, я тебя должна узнать, вот и узнает уже целый месяц! — Тарас комично вздохнул.

Тут уж расхохотался Максуд:

— Да, парень, плохи твои дела! А ты не таись, открывайся усерднее, чтобы быстрее узнала,— посоветовал Гимаев, и оба опять не удержались от смеха.

И вдруг Максуда осенило:

— Тарас, ты ведь связист... не мог бы выручить, поставить здесь телефон? Глядишь, по вечерам и справлялся бы о моем здоровье, а я бы консультировал тебя в критических ситуациях,— и они оба снова расхохотались.

— Странно, как мне до сих пор не пришла в голову мысль поставить себе, то есть и тебе, телефон. Это в моих силах, обещаю. Завтра к твоему возвращению с работы он будет стоять вот на этой тумбочке. Тебе какой больше нравится: белый, желтый, красный?.. — вошел в азарт Тарас.

— Да мне все равно — какой, лишь бы работал.

— Обижает, старик, фирма веников не вяжет! — и Тарас поглядел на часы: видимо, невеста была строгая.

Стройплощадка информационно-вычислительного центра, где смонтировали ему кран, находилась недалеко от общежития, и на работу Гимаев ходил пешком. Он уже успел заметить, что, как и во многих молодых городах, автобусы в Джизаке ходят неважно. Сравнить работу городского автобуса, у которого, казалось бы, тоже есть график, с междугородным — это все равно что пытаться сравнить полярные понятия: день и ночь, белое и черное. А ведь, казалось бы, наладить

междугородное сообщение гораздо труднее, чем городское. Это был один из многих парадоксов жизни, на которые он стал обращать внимание, выйдя на свободу.

Центр — ИВЦ — возводился в строящемся жилом массиве, и неподалеку от Гимаева работали еще три крана — два на домах, один на детском садике. Бетонировали фундамент, и Гимаев пока был не особенно загружен: подвозили в день машин десять раствора, сливали в огромные бадьи, и Гимаев подавал эти бадьи на указанную бригадиром точку — вот и вся работа.

Кран был новый, смонтирован что надо и пока в особом обслуживании не нуждался.

Уже на третий день прибежала к нему за помощью соседка, работавшая на ярко-оранжевом трубчатом кране, который между собой крановщики называли «труба».

— Опять сход передних тележек. Я уже устала от этого, что ни неделя — та же история. Вроде и не перегружаю, и двигаюсь осторожно, не делаю резких движений, остановок, а постоянный сход. Какие-то кривоногие эти краны. Восемь их в управлении, и со всеми мученье одно, а не работа. Я уж боюсь этого крана, как черта, — и издерганная женщина по-мужски зло выругалась.

Гимаев отправил крановщицу вызывать техпомощь — без мощных домкратов поставить кран на рельсы — дело немислимое, а сам пошел посмотреть — что и как: бетона для него не предвиделось еще часа два.

В колонии у них стояли такие же две «трубы», и с ними повозились тоже немало. Но там крану стоять не дадут: нет объема — нет заработка, нет заработка — нет дополнительного питания, а с этим никто мириться не хочет, и тамошние умельцы день и ночь мозговали у кранов и довели их до ума. Гимаев сейчас жалел, что не до конца вникал тогда в ремонт кранов, — как бы теперь пригодилось!

Вернулась крановщица и недобро погрозила кулаком в сторону города, где выпускались эти краны.

— Посмотрите, сплошные непровары швов! Как неделя — так трещина и отыщется, вызывай сварщика, а право на ремонт кранов с применением сварки имеет не каждое управление, так что ждем сварщика из Ташкента, а кран стоит, — говорила женщина, шагая следом за Гимаевым. — Новая «труба», а вся в латках, косынки-усилители кругом. А электрическая часть? После каждого дождя не дотронуться, кругом бьет током. Почему позволяют выпускать такие горе-механизмы, куда «Госгортехнадзор» смотрит?!

Гимаев знал — почему, но молчал. Плохой хозяин даже не поймет всерьез конструктивных неполадок крана, потому что монтирует кувалдой и эксплуатирует варварски. Отнесет дефекты заводские на свой счет, а жаловаться ему невыгодно: у него хозяйство, как после пожара, а ремонтная база — один токарный станок, да и то устаревший. Кому бесхозяйственность напоказ выставить захочется? Право на жалобу иногда заслужить требуется.

А хороший хозяин тоже не станет жаловаться, потому что кран — машина дефицитная. И если у хорошего хозяина есть на год фонд на заводе, он его непременно, хоть мытьем, хоть катаньем, реализует в первой половине года, а самые шустрые еще в первом квартале, — потому что без кранов план горит, объекты сиротливо стоят, а за это по головке не гладят.

Так есть ли резон обращать внимание, жаловаться на качество, на некомплектность? При сложившемся голоде на краны хозяйства готовы забрать любую машину, лишь бы пораньше, да побольше. Вот и сходят с рук заводу-изготовителю авралы в конце кварталов...

На этот раз техничка пришла быстро. Приехал с ней и Акрам. Пока устанавливали стотонные домкраты, Гимаев продолжал осматривать ходовую часть и вдруг вспомнил, как ликвидировали они сход у себя. Усмехнулся: про колонию он еще думал — «у себя».

— Акрам! — позвал он механика. — Поезжай в мастерскую и выточи три большие шайбы-прокладки, размеры я тебе сейчас дам, и потом разрежешь их еще пополам. Чтобы, не разбирая кран, подложить эти две половинки шайбы под шкворень переднего флюгера. Одна из трех шайб подойдет непременно, а оставшиеся сгодятся на другие краны. Проверено, аварии прекратятся.

— Слушай, дорогой, где ты до сих пор пропадал, я уже четыре года мучаюсь с этими сходами! Плов с меня при удаче! — закричал Акрам и бегом бросился к летучке.

«Когда-то и я так начинал», — подумал Гимаев, тепло глядя вслед механику.

Тарас все-таки слово сдержал: правда, не на другой день, а через неделю, но появился в комнате у Максуда телефон. Не телефон, а целый агрегат с блоком памяти, кнопочным набором цифр — прямо-таки министерский.

В тот же день он позвонил Каринэ.

— Максуд, дорогой, наконец-то! Я уже извелась, не знаю, что и думать. Собралась в субботу в Джизак разыскивать тебя. Откуда ты звонишь?

— Представь, из собственной комнаты, по персональному телефону!

— Не может быть, ты так хорошо устроился? Не томи, дай запишу номер.

— Только при условии, что ты будешь укладываться в собственную стипендию, платя за телефонные разговоры.

— Интересная у тебя работа?

— Скорее нужная. А вообще-то я доволен. Спасибо тебе за Джизак.

— Так я приеду в субботу? Я очень соскучилась.

— Я тоже, — сказал Гимаев.

С высоты своего крана Гимаев и стройку теперь видел как-то по-другому — изнутри, что ли. Там, на земле, когда он был прорабом, начальником участка, взгляд на стройку у него был несколько иным. А угол зрения, оказывается, ох как важен: видишь картину каждый раз по-новому. И сейчас он не особенно жалел, что так вышло с работой, потому что был уверен: опыт, возможность повариться в рабочем котле ему непременно пригодятся. А в том, что должность крановщика — временный этап в его биографии, он не сомневался, хотя пока и не знал, что будет делать дальше.

С соседками своими, крановщицами, Гимаев сдружился быстро, да и как было не сдружиться, если бегали они к нему на дню не один раз и не всегда за помощью в ремонте. Строительство, на взгляд непосвященного человека, кажется единым целым, хотя это не совсем так. Строительство — это десятки осколков, собранных вместе, для которых, однако, до сих пор не найден суперцемент. Так, кран принадлежал управлению механизации, а строила совсем другая организация. Крановщики, так получается — чужаки в больших коллективах, и строители обычно оказывают давление на них, заставляя поднимать сверхнормативный груз, иногда плохо зачаленный, а то и вовсе такие грузы, которые вообще поднимать запрещено: например, заставляют производить работы на высоте в подвесных люльках с людьми. Куда крановщику деваться? Ведь оплата почасовая, и проставляют эти часы те же люди, которые толкают на нарушение.

Но женский ум изворотлив: уже через месяц после того, как появился на ИВЦ Гимаев, они стали величать его своим бригадиром, старшим, и чуть что — бежали к нему. Надо отдать должное, по пустякам не тревожили. Гимаев от самозванного бригадирства не отказывался, понимал: только так он мог помочь задерганым крановщицам. Он выслушивал прораба или бригадира, задавал ему несколько вопросов по характеристике крана, на которые, как правило, те не могли ответить, хоть

и обязаны были, а затем просил сделать запись в вахтенном журнале и лично руководить подъемом запрещенного груза, или просил вызвать инспектора «Госгортехнадзора», если уж так настаивают на своей пражоте. На этом конфликт исчерпывался до следующего раза.

На рабочем месте появился у него и целый набор инструментов, мелкие неполадки на соседних кранах он устранял сам.

Как-то в день полудки механик сказал ему:

— Максуд, такое впечатление, что ты все умеешь... Пожалуйста, подскажи, как мне отблагодарить тебя, я чувствую себя большим должником.

— Брось... — попытался отмахнуться Максуд.

— Да я всерьез, не перебивай. Вот ты решил проблему схода кранов — цены нет твоему предложению, и все об этом в управлении знают. Хотел оформить как рационализацию, но кто же пропустит: новый кран и без рацпредложений не должен сходить с рельсов... Пойдем дальше. Вот уже три месяца техничку почти не вызывают в ваш микрорайон, где стоят четыре крана, а раньше она там бывала чуть не ежедневно. Фактически ты высвободил единицу слесаря-ремонтника высокого разряда с гораздо большим окладом, чем у тебя. У меня есть фонд заработной платы, но как я заплачу тебе? Не положено. Просил прорабов закрывать тебе больше часов, так они тебя терпеть не могут, говорят: таких умных им на объекте не надо, хотя претензий к твоей работе и крану у них нет. А иные девчонки, которые ладят с прорабами, каждый месяц получают гораздо больше тебя... Если перевести тебя в ремонтники, где ты будешь получать больше, значит, явный ущерб моей работе, моей идее. А я хочу убедить начальство, что у крана должен быть настоящий хозяин, и тогда он будет служить долго и безаварийно... Так скажи мне, как заплатить человеку за хорошую работу, отдать то, что он явно заработал?

— Чего не знаю, дорогой Акрам, того не знаю. А насчет поощрения... Ты ведь плов организовал, как обещал, вот и спасибо.

— Так то — частная инициатива, личный жест. Меня сейчас другие формы вознаграждения интересуют: чтобы человек получал за труд действительно достойно.

...На Седьмое ноября обновляли Доску почета в управлении, и фотография Гимаева заняла место в самом центре. Кроме Акрама, с которым у Гимаева сложились приятельские отношения, благоволила к нему Алла Андреевна, всюду упоминавшая о том, какого парня она отыскала для управления. Она-то и посоветовала Гимаеву подать заявление на квартиру. Ладил он и с ремонтниками Акрама, и с мон-

тажниками: он показал им такой удобный метод запасовки грузового троса,— а в нем сто шестьдесят метров,— что те аж ахнули: как, мол, до сих пор сами не додумались?

Вообще-то ремонтники и, особенно, монтажники зазывали Гимаева к себе в бригаду и не понимали, отчего тот держится за кран. Несколько иначе обстояли у него дела с рабочими на объекте. Нет, с бетонщиками своими он ладил, они на него не кричали, не оказывали давления, как на соседних крановщиц. Как потом они скажут, почувствовали, что пришел мужик самостоятельный. Но держались сами по себе, на перекуры не зазывали, обедали отдельно. Гимаев обедал со своими крановщицами. Но однажды бригадир бетонщиков предложил пообедать вместе, с утра уже возле подсобки кто-то из рабочих готовил в большом казане плов, и аромат его долетал высоко, до самой кабины крана.

Когда его позвали, бригада уже сидела за столом: две бутылки водки, бутылка вина, зелень, салаты, лепешки. Гимаеву предложили пройти на самое почетное место.

— Я сейчас,— сказал он и, забрав со стола бутылки, вышел во двор.

На глазах изумленного кашевара закинул специально выстуженные бутылки подальше, на свалку металлоконструкций; звон разбитого стекла был хорошо слышен в бытовке. За столом все сидели молча, опустив головы, а бригадир сказал:

— Ты что — псих?

— А что, жалко? — улыбнулся Максуд.

— Да нет, но к такому обеду, вроде, в самый раз. Да и в твою честь, в общем-то, взяли. На днях начинаем монтаж, а от крановщика наш заработок ох как зависит! Мы уж пригляделись к тебе: повезло нам с крановщиком, дело свое знаешь. Вот и решили, так сказать, личный контакт установить.

— Спасибо. Но как бы ваша доброта и уважение для меня медвежьей услугой не обернулись. Не застрои кто из вас груз как следует, или не убери руку вовремя,— спяну все бывает,— и беды не миновать. вы пили, радовались, веселились, а печалиться-то другим придется, и мне тоже. Крановщик, как и шофер, за аварию уголовную ответственность несет. Так что, если хотите со мной работать, уж поберегите меня. А я вас, ребята, не подведу, можете доверять и без бутылки.

Когда одолели плов и пили из щербатых пиал кок-чай, бригадир мирно сказал:

— Чудаковат ты, крановой. То сварщику чуть по шее не надавал за то, что он закладные детали не проваривает как следует, хотя, за это

морду набить, конечно, не грех, но это — дело начальства. Сегодня вот нам выпивку сорвал. За баб своих хлопчешь, ремонтников подменяешь. Сидел бы, как все крановые, с книжкой да почитывал — книги, видать, ты любишь, — или бы похрапывал в тенечке, мы бы тебя будили, когда надо. И с начальством не лебезишь — карьериста видно за версту. Непонятно, какая тебе выгода в этом, врагов только и наживешь, а они тебе не по должности — ты человек маленький, крановой, хотя и высоко сидишь...

Гимаев ничего не ответил, только улыбнулся и, поблагодарив, вышел из-за стола. Шагая к крану, он думал: «Как же глубоко проникла в душу некоторых людей мысль, что непременно нужно халтурить, отлынивать, не вмешиваться, помалкивать, выгадывать, если обыкновенная, честная работа вызывает не только удивление, а кажется им чуть ли не аномалией».

Тарас пока не объявился, на свадьбу не приглашал, звонил редко. Возвращаясь, Гимаев с грустью посматривал на молчавший роскошный телефон. Так хотелось легким нажатием кнопок набрать нужные цифры и услышать Каринэ, но в Ташкенте ее не было. Осень выдалась ненастной, и всех студентов с первых дней занятий вывезли на уборку хлопка. И работала она от него очень далеко, в другую сторону от Ташкента, в каком-то совхозе.

Она успела приехать к нему только раз и сейчас, в письмах, жалела, что не успела показать ему Самарканд: теперь эта поездка откладывалась надолго. Каринэ уверяла, что Самарканд нужно смотреть поздней осенью или ранней весной. Самарканд был рядом, в полутора часах езды, и в свободные дни Максуд мог съездить туда сам, но ему хотелось увидеть этот древний город глазами Каринэ.

Осень была дождливой. После свинцовых ливней подкрановые пути проседали, путейцы не успевали их подштопывать, начали лететь ходовые двигатели. Акрам, мокрый, худой, злой, клял заказчиков, экономивших на щебеночном основании; теперь простои кранов обходились в сотни раз дороже, чем копеечная экономия на щебне. В такие дни, глядя на низкое, тяжелое небо, Максуд думал, что где-то далеко отсюда его хрупкая Каринэ. Не мерзнет ли, не болеет? Какие условия на хлопке у студентов — он видел, когда по воскресеньям выезжал на помощь в подшефный колхоз.

Однажды он вернулся с работы поздно, усталый, насквозь промокший. В конце смены, когда дождь хлестал как из ведра, неожиданно появились два трейлера с долгожданнами плитами перекрытия. Стро-

ители только ушли, а он задержался, чтобы поставить кран на захваты: по ночам налетали неожиданные ветры. Пришлось самому стропить и самому поднимать каждую плиту. Вверх-вниз по узкой вертикальной лестнице крана — тридцать метров туда и обратно: не держать же машины до следующего дня, хотя принимать груз для строителей никак не входило в его обязанности.

В безлюдном холле общежития на столе, где всегда лежала ежедневная почта, одиноко белел конверт. Максуд ждал весточки от Каринэ и прямо-таки метнулся к столу. Письмо было для него, но аккуратный женский почерк был ему незнаком. Он подумал: наверное, что-то случилось с Каринэ. И, не решаясь вскрыть письмо тут же, поднялся к себе в комнату. Еще раз глянул на почерк — может, Наталья? Тонкий конверт почему-то вызывал смутное беспокойство.

«Мой милый, дорогой Максуд,— начиналось неожиданное письмо,— тебя, наверное, удивит мое послание: после стольких лет и вдруг я... Но, зная тебя, твой характер, я все-таки смею надеяться, что ты не забыл, помнишь, а, может, еще и любишь меня...

Ведь ты любил меня, это я знала, чувствовала. Даже через годы, через память меня волнуют, обжигают твои давние слова. Иногда я просыпаюсь среди ночи и не могу уже уснуть до утра, потому что снились счастливые дни, когда ты обнимал меня сильными руками, и я до сих пор помню запах твоих волнистых волос, которым завидовали даже девушки и которые мне никогда не удавалось растрепать. Боже, какое счастливое время! Даже порою не верится, что все это было со мною, и у меня был ты — сильный, надежный...»

Сквозь аккуратные, не волновавшие его строки он увидел вдруг пустой зал суда. По молодости, по уверенности в своей правоте он и о дне суда думал как о дне обязательного свидания с ней. Думал: как только введут его в зал, он увидит свою Оленьку и ни на минуту не ответит глаз от ее милого, любимого лица. Он долго глядел на распахнутую дверь судебного зала, все еще надеясь, что она задержалась и вот-вот влетит в зал — юная, красивая Оленька, его невеста. В тот день, считай, ему объявили два приговора. И если первый он еще не успел как следует осознать, то приговор предательства он ощутил сразу.

Максуд перевернул тонкий листок и услышал слабый запах духов; наверное, это были ее любимые духи, и, наверное, они должны были ему что-то напомнить, но нежный аромат никаких воспоминаний не вызывал.

«...Ты удивишься, откуда я узнала твой адрес. О, это целая история. Твой прежний адрес как-то затерялся в родительском доме, хотя

я помню: писем от тебя было много; наверное, они еще приходили, когда я вышла замуж и уехала. Если бы ты знал, как мне не повезло в жизни, за какого негодяя я вышла замуж! Но, слава Богу, все позади, я — свободная женщина! Через год, когда я развелась и вернулась, я перерыла весь дом, так хотела отыскать хоть одно твое письмо, найти адрес... но, увы.

Отец, видя, как я огорчена, обещал что-нибудь придумать. Уже близился срок твоего освобождения — я ведь запомнила те ужасные дни в конце лета, — отец подключил знакомых, и вот — радость, мне дали твой новый адрес! Но Боже, как ты далеко от меня, почему не вернулся в наш город? Я дома по вечерам часто грущу в старом саду, который так нравился тебе своей запущенностью. Иногда кажется: хлопнет тяжелая калитка, ты вдруг появишься на темной аллее вечеряющего сада. И я, как прежде, в нетерпении хочу броситься тебе навстречу...»

Максуд не стал читать дальше, разорвал письмо и бросил в урну для мусора, потом долго и тщательно, с мылом, мыл руки, словно приотронулся к чему-то нездоровому, гадкому.

Хотелось выйти на улицу, проветриться, но дождь продолжал хлестать по-прежнему. Позвонил Тарасу, думал пригласить поужинать в ресторан, но его не оказалось дома. Наконец Максуд все-таки оделся и решил пойти в ресторан один. Остаться в комнате было неважно: он так явственно ощущал присутствие невидимого неприятного человека, что, уходя, распахнул настежь окно, чтобы и дух выветрился. Пока дошел до нового ресторана, — в этом городе все было новым, — опять промок и продрог, да и письмо выбило его из привычного равновесия, уже поселившегося в душе. Он заказал графинчик водки. И тут вспомнил Алена Делона, как тот, давая ему последние наставления перед освобождением, с сожалением сказал:

— Посидеть бы когда-нибудь с тобой, Инженер, в хорошем ресторане, за столом с белоснежной скатертью, с запотевшим графином на стоящей пшеничной...

Но Максуд вспомнил его еще и потому, что именно Ален Делон, успокаивая его, — было это на первом году заключения, — частенько напевал: «Если к другому уходит невеста, то неизвестно — кому повезло». Это — шутя, а всерьез он сказал другое — то, что и хотелось тогда услышать: «Мужчину, который тебя предал, нужно помнить всегда, а женщину — забыть, словно ее и не было в твоей жизни».

Прошло десять дней, и таким же ненастным вечером Гимаев вернулся в общежитие. Вернулся в хорошем настроении, потому что слы-

шал: начали, наконец-то, вывозить студентов с хлопка, и собирался позвонить в Ташкент: а вдруг вернулась Каринэ?

Вахтерша, радостно улыбаясь, сообщила:

— А к вам, Гимаев, гостя. Такая красивая, милая, модно одетая. Вызвала настоящий переполох у нас в общежитии. Я отдала ей ключ, так что поспешите: мне кажется, она очень вас ждет.

«Каринэ!» — мелькнула мысль, и он, уже не слыша вахтерши, бегом одолел лестницу, не сбавляя темпа, пробежал длинным коридором и, счастливый, рванул дверь на себя.

— Максуд! — навстречу ему кинулась от окна такая же радостная Оленька.

Комната была большая, и пока Оленька одолела эти шесть-семь метров от окна до входной двери, перед Гимаевым вновь, как в замедленной хронике, проплыл зал суда... Видел он и свои письма, много писем, на которые не получил ответа. Вспомнил, как убивался, не понимая: почему ни весточки, никакого объяснения...

И настолько было сильно отчуждение, что даже Оленька, не обладающая большим тактом и чутьем, успела остановиться в полушаге от него.

— Ты не рад мне? — пытаюсь сохранить на лице улыбку, которая некогда так нравилась Максуду, спросила она.

— Нет. Я тебя не ждал.

— Я ведь написала, что буду у тебя сегодня... У меня отпуск, и я хотела привести его с тобой.

— Я не дочитал письма до конца. Нам не о чем с тобой говорить.

— Ты... ты не прочитал моего письма?!

— Ты забываешь кое о чем. Ты сама не ответила ни на одно мое письмо, ты бросила меня в трудную минуту, а ведь была моей невестой, даже и день свадьбы назначили.

— Максуд, милый,— она даже попыталась положить ему руки на плечи,— пожалуйста, не вспоминай об этом. Это родители прятали от меня твои письма, говорили: порядочной девушке неприлично получать письма из тюрьмы, а писать в тюрьму — тем более. Сказали, что никогда не позволят мне выйти за тебя. Говорили, что из тюрьмы еще никто не выходил лучшим, чем входил, уверяли, что ты уже человек пропащий...

— А что же сейчас, отчего такая крутая перемена?

— Я ведь была замужем, столько намучилась, натерпелась — родители знают. Теперь они поняли, что с тобой, наверное, мне было бы

лучше. Ты не пьешь. Ты был бы хорошим семьянином. И папа с мамой сказали, чтобы я попыталась наладить отношения с тобой, годы ведь идут, женщина должна иметь семью, детей...

— Спасибо. Это просто трогательно, что твой отец нашел меня. Чего не сделаешь для счастья любимого дитяти. А ты никогда не думала, что ты меня предала?

— У тебя кто-то есть, я чувствую. И когда ты только успел? Родители правильно мне говорили: поспеши — на воле он влюбится в первую попавшуюся.

— Твои родители мудры и дальновидны. Я действительно полюбил, я ее никогда не предаю.

— Как мне быть? Я ведь так рассчитывала на тебя,— сказала Оленька растерянно. — Я была уверена, стоит тебе меня увидеть, и ты простишь...

Зима подкралась как-то незаметно, Гимаев никогда не предполагал, что в Узбекистане она может быть такой снежной и холодной. Стройка сбавила темпы, за неделю теперь не делалось и того, что можно было успеть за летний день. Опять Гимаев пропадал у своих соседей: помогал стеклить и утеплять кабины, ремонтировал обогреватели. Теперь, с позиции настоящего крановщика, он сделал неутешительный вывод, что на всех кранах кабины непригодны для нормальной работы: летом духота нестерпимая, зимой лютый холод, и к тому же кабины столь хрупки и ненадежны, что при аварии на какую-то защиту рассчитывать не приходится.

Темнело рано, к концу рабочего дня уже напоздали вязкие холодные сумерки, оттого и работали кое-как. В один из вечеров, когда за окном, совсем как на Севере, валил снег, заявился к Гимаеву в гости Акрам. Холода и снегопады прибавили Акраму работы, и они не виделись уже недели две.

— Не помешал? — спросил Акрам, оглядывая комнату Максуда, — в общежитии он был впервые.

— Проходи, проходи! — Гимаев обрадовался неожиданному гостю. — Я как раз накрываю на стол, поужинаем вместе. Гость к столу — добрая примета.

— К столу — это хорошо. Я только с планерки, наругался до хрипоты. Устал, замерз, голоден, зол... Проезжал мимо, дай, думаю, взгляну, поговорю, посоветуюсь, короче — отведу душу. Вот на всякий случай бутылку прихватил, не возражаешь? — хитро улыбнулся Акрам, помнивший историю с бетонщиками, когда Гимаева хотели угостить.

— Не возражаю. — Они переглянулись и разом засмеялись.

— А на планерке сегодня, Максуд, интересный вопрос решался,— сказал механик, когда они, поев, принялись за традиционный кок-чай. — И тебя, и меня он касается в первую очередь, потому я с ходу к тебе. С пылу с жару выложить свои соображения. На планерке меня выслушать — выслушали внимательно, а поддержать никто не решился: инициатива-то сверху исходит, хотя, я заметил, не всем по душе новая затея. Идея-то давно витает в воздухе, да и ты, скорее всего, слышал об этом, и не раз. Но никто же этому всерьез значения не придавал. А теперь решено приказным порядком в течение года перейти на новую форму работы.

— Ввести крановщика в состав бригады строителей? — перебил Гимаев механика.

— Угадал! Для меня, механика, так сказать, владельца крана, это нож к горлу — я уже сейчас его чувствую. А может, я зря паникую? — он отпил глоток чая. — Разубеди меня, Максуд, тебе я верю. Хватка у тебя деловая, да и голова варит, иному начальнику повыше не мешало бы такую иметь...

— Смотри, зазнаюсь... — улыбнулся Максуд. — А разубедить, боюсь, не удастся: для меня в этой идее ничего неясного нет. Просто очередное шараханье из крайности в крайность. За два-три года доведут до полного износа все краны, да приплюсуй сюда аварии, а потом вмешается «Госгортехнадзор», и все вернется на круги своя, только краны придется восстанавливать не год и не два.

— И я о том же говорил! — обрадовался механик, — если строители и сейчас на крановщика давят... А будет он в бригаде, так слова ему сказать в защиту крана не дадут: деньги-то из общего котла получать станет. Кстати, этими деньгами они хотят привлечь побольше мужиков на краны.

— Толковый мужик, если и пойдет к ним поначалу, так почувствует абсолютное бесправие и все равно уйдет. Работает ли он в бригаде или в управлении механизации, при любой аварии ответственность с него все равно не снимается. Мне лично заработок такой ценой не нужен. Проще увеличить почасовую оплату, увязав ее с качеством работ, простоями, тогда сама собой отпала бы вынужденная приписка невыработанных часов. А еще лучше, не пороть горячку: не вводить всех одновременно, сразу, а попробовать, поэкспериментировать, как следует, в нескольких бригадах. Конечно, и у крановщика должна быть материальная заинтересованность в делах строителей, но ни в коем случае не в ущерб ответственности за состояние крана, от которого зависит и производи-

тельность труда, и безопасность строителей. Подход к делу должен быть государственным, чтобы и строители были заинтересованы, и владельцы механизмов тоже. Нельзя улучшать одно за счет другого.

— Ты вроде и верно говоришь, Максуд, но ты не инженер и всего знать не можешь. Сумма, которую платят строители за аренду механизмов, никогда не позволит резко увеличить зарплату механизаторам, какое там! Фонд заработной платы и так трещит по швам!

Вот строители и решили забрать фонд заработной платы крановщиков у механизаторов и добавить какую-то сумму из общего котла бригады строителей. Вот и получится заработок у крановщика вроде вровень со строителями, отсюда расчеты на успех, дорогой Максуд. А так, им кажется — сдерживает стройку крановщик.

— Да, примитивный подход. Почему же только крановщик сдерживает, а не вся организация, к которой этот кран приписан? И не ты, механик, например? Простое из-за поломок, конечно, достаточно, да ведь они не всегда зависят от крановщика, а скорее — от ремонтной службы, от обеспеченности запчастями. А если уж какой крановщик действительно срывает работу, не хочет шевелиться, к такому другие меры нужно применять, и отнюдь не поощрительные...

Распрощались уже около полуночи. После ухода Акрама Максуд достал толстую, в колленкоре, тетрадь и сделал кое-какие записи. Тетрадь он завел еще в колонии, и в ней были отражены многие противоречия его профессии, идеи, которые следовало воплотить, когда он получит на то возможность. А в том, что такой день наступит, он не сомневался. Разговор с Акрамом встряхнул его. Все, что касалось строительства, никогда не оставляло Максуда равнодушным, а в нынешнем положении, когда он ни на что не мог повлиять даже на небольшом участке работы, волновало вдвойне. Успокаивало, конечно, что не только он один переживал, беспокоился о деле. Максуд помогал, как мог, молодому механику.

Опять припомнилась колония: как ни странно, но и там люди спорили, думали о том, что мешает жить и работать, как следует. А может, и не странно вовсе... Запомнилось ему, как горячились шоферы, большинство из которых отбывало срок за дорожные аварии. Чаще всего у них споры возникали вокруг пресловутой оплаты за тонно-километры. Гимаев тогда даже удивился, до чего живуча эта порочная система оплаты труда. Один пожилой шофер, в молодости, четверть века назад, поднимавший казахстанскую целину, рассказывал, что им тогда платили только по фактическому расходу горючего — так некоторые это горючее, иногда полные баки, сливали в степи.

Другой шофер, на тридцать лет моложе целинника, москвич, усмехаясь, рассказывал, как всего полгода назад на реконструкции одного из столичных заводов, где рыли в сложных условиях глубокий котлован, он на десятитонной машине по очень крутой стене вывозил грунт на территорию метрах в ста от места погрузки. Труднейшая работа, большого мастерства и напряжения от водителя требующая. Работа спорилась, и заказчик был доволен, да вот тонно-километры не набегали, и выходил у шофера заработок в день три-четыре рубля. Кто же будет, рискуя свернуть себе шею, работать за три рубля? Ну, завод, конечно, «писал» ему несуществующие километры, чтобы классный и добросовестный водитель получил свою десятку в день. А к концу дня приходилось перекручивать счетчик до отмеченного в наряде километража. Но это было бы полбеды, а вот куда девать солярку? Пытался шофер у себя на автобазе просить, чтоб не заправляли машину, так учетчица на дыбы: куда буду девать твою солярку, километраж-то налицо, списать требуется. За излишек, как и за недостачу, по головке ее не погладят. Так и сливал каждый день в котлован шестьдесят литров — шесть ведер солярки, да час на заправке в очереди ежедневно терял! Это при нынешнем-то режиме экономии, при нынешних сложностях со снабжением горюче-смазочными материалами, при нынешних ценах на бензин на мировом рынке!

Земляки москвича, слушавшие невеселую исповедь, еще добавили, что за последние годы в столице еще несколько комплексов, считай, построены на солярке. Там та же самая история была.

Февраль стоял тоже дождливый, с частыми мокрыми снегопадами, на стройках развезло дороги — ни пройти, ни проехать. О толковой работе пока не могло быть и речи; наверное, поэтому — до лучших времен — разговоры о переводе крановщиков в бригады прекратились. Строители и сами не выработывали получаемую зарплату, а процентовали объемы вперед, надеясь весной и летом отработать взятый аванс.

На Восьмое марта, когда распогодилось и кое-где даже проклюнулись степные тюльпаны, Максуда пригласили на свадьбу. Наконец-то ненаглядная его соседка Тараса дала согласие. На свадьбу Тараса приехали Каринэ с Натальей, они-то и привезли в Джизак первые тюльпаны.

Сразу после праздника Гимаева вызвали в партком управления. В просторной комнате кроме парторга находились начальник управления, главный инженер и начальник отдела труда и заработной платы.

Предложив сесть и коротко расспросив о работе, об общежитейском житье-бытье — восточная традиция, в соответствии с которой не начинают беседы с вопросов в лоб,— парторг сказал:

— Вы, Гимаев, известный рабочий, передовик, представлены не только у нас, но и на городской Доске почета. Пользуетесь и у своих коллег, и у нас, администрации, авторитетом. А вызвали мы вас вот по какому поводу... Хотя, главный инженер все в лучшем виде доложит.

— Идея для вас, думаю, не новая,— начал главный, глядя на Максуда. — Знаю, что слух в коллективе прошел еще два-три месяца назад. Речь идет о переводе крановщиков в бригады строителей... Что ж, в этом есть много разумного. К тому же предложение спущено сверху, понимаете? — главный инженер высоко поднял палец, обнажив худую волосатую руку.— А мы — передовое управление в тресте, должны подать пример, так сказать, стать инициаторами. Нам совсем не хотелось бы, чтобы перестройка выглядела как проявление волевого начала, проведена была по приказу. Поэтому мы решили созвать рабочее собрание, и надо, чтобы кто-то из крановщиков выступил в поддержку идеи. Мы долго думали, и выбор пал на вас — ваше слово будет иметь вес.

— Почему же на меня? — спросил Гимаев.

Главный инженер нахмурился.

— Разве парторг неясно объяснил, почему?

— Что ж, если я пользуюсь авторитетом и уважением, по-вашему, я не могу иметь собственного мнения? — спросил Максуд.

— А вы что же, против? — не скрывая удивления, вмешался в разговор начальник управления.

— Пожалуй, да. Мне кажется, столь важное нововведение следует опробовать сначала в нескольких бригадах. Идея, чтобы крановщик был материально заинтересован в делах строителей — замечательная, важная. Но нельзя же забывать и о кранах, как можно всерьез говорить о хозяйском отношении к ним, если крановщик никак не подчиняется вам, и какова будет его квалификация, если он выпадает из среды механизаторов? Нет, это дело сгоряча делать не следует.

И Гимаев кратко изложил суть.

— Выходит, кругом ничего не понимают, а вам все так предельно ясно? — не скрывая недовольства, сказал главный инженер.

— Беда в том и состоит, что подобные ошибки чаще всего распространяются широко; лучше, если бы они выявлялись в одном месте, в одном регионе. Вот тогда даже ошибка оказалась бы и морально, и материально выгодна — на ней, на наглядном примере, научились бы

остальные. Что касается меня, я убежден, что идея в таком виде продумана не до конца, нуждается в практической проверке. А главное, я не хочу быть застрельщиком в деле, которое считаю скоропалительным, даже если оно с помпой внедряется по всей республике...

Распрощались холодно.

— Ну, ты, брат, даешь жару! Начальству такую свинью подложить, а! Не знают, как с тобой и быть... не укладываешься в привычный стандарт. Думали обласкать тебя, оказать доверие, а у тебя своя позиция... В общем, шум в управлении, — рассказывал Гимаеву Акрам, приехавший на объект. — Одного жаль, Максуд: ни я на планерке, ни ты в парткоме не убедили руководство отказаться от передачи крановщиков строителям. Уже одобрена другая кандидатура застрельщика, на этот раз пройдет без осечки. Теперь поставили не на опыт и авторитет, а на молодость и энтузиазм. Ей, молодой этой, по-моему, все равно, какой почин поддержать, я-то ее знаю.

— Не отчаивайся, Акрам, время покажет — кто прав, и скоро покажет. Ты пытался отстоять свою позицию, а это уже само по себе заслуживает уважения, — успокоил Гимаев товарища.

Стремительна весна в джизакской степи: в один день запылали огнем полевые маки, зацвел миндаль, словно осыпанные снегом стояли в садах яблони.

Ожили и стройки.

В лучших управлениях, наверстывая упущенное за зиму, работали в полторы, в две смены. Зашевелились и на ИВЦ, объекте Гимаева: когда не срывали подачу панелей, монтировали до темноты.

Однажды, во второй половине дня, когда кончились стеновые плиты и строители разошлись по домам, потому что с домостроительного комбината позвонили и сказали, чтобы сегодня уже не ждали бетонных изделий, к Гимаеву на объект заявили два корреспондента. Один из них был молод, если не сказать — юн, модно одет и так обвешан фотоаппаратурой, что, казалось, она пригибала его к земле. Другой был явной противоположностью своему спутнику. Он был похож на давнего адвоката Гимаева — может, старость сглаживает в людях какие-то индивидуальные черты?

Максуд сидел, свесив ноги, на переднем балласте крана и, подставив лицо ласковому весеннему солнышку, думал о том, что завтра, в субботу, приедет Каринэ и они, наконец-то, отправятся в Самарканд. Еще издали, пока Гимаев не заметил направляющихся к крану мужчин, молодой торопливо сделал несколько снимков.

Увидев людей, Гимаев ловко спрыгнул на шпалы и пошел навстречу: на объекте, кроме него, никого не было.

— Лучше сюжета не придумать, да и лицо выразительное, мыслящее. Считаю, я уже свое отстрелял,— сказал молодой старшему.

— Здравствуйте, молодой человек... — гость постарше протянул Гимаеву руку. — Были сегодня на многих объектах, говорили с шоферами, рабочими, мастерами, прорабами, начальством повыше, и нам несколько раз рекомендовали заехать на ИВЦ побеседовать с вами. Женщины-крановщицы прямо-таки настаивали, да еще механик ваш, молодой такой парнишка.

— Акрам...— улыбнулся Гимаев, а фотокорреспондент успел в это время еще раз щелкнуть затвором. Спросил иронически: — Передовик не покидает объект, даже если и нет работы?

— Не совсем так.— Гимаев пропустил мимо ушей иронию юнца. — Просто строительство несколько сложнее, чем видится с наскоку. Уйди я вместе с монтажниками или раньше, не исключено, что завтра на планерке, селекторном совещании, в штабе стройки, горкоме или где-нибудь в другом месте строители, не моргнув глазом, скажут, что строительство важного объекта ИВЦ срывается по причине отсутствия крановщика. А о том, что у них нет стройматериалов, они умолчат, если есть возможность свалить вину на другого. Я не хочу подводить ни своего механика, с которым вы, оказывается, знакомы, ни свое управление, у которого и без этого объекта забот невпроворот.

— Ну, это не для печати,— перебил фотокорреспондент.

Пожилой журналист, видимо, порядком уставший от своего юного коллеги, укоризненно посмотрел на него:

— Сережа, дорогой, пожалуйста, возвращайтесь в гостиницу. Сходите на базар, вы ведь собирались? Да и дело свое вы, кажется, сделали.

Фотограф, спросив о дороге на базар, довольный, попрощался.

— Вы уж извините нас, молодой человек,— сказал корреспондент, как только фотограф скрылся за углом.— Впрочем, снимает Сережа прекрасно, да вы и сами в этом убедитесь. Просто ему хочется казаться бывалым журналистом, потому и встречается в беседу не всегда к месту.

— Жизнь большая, научит,— ответил миролюбиво Гимаев.

— Как вы, наверное, поняли, мы с Сережей представляем центральную газету и хотели бы взять у вас интервью. Где бы нам лучше расположиться, чтобы на солнышке погреться и дело сделать? У нас в Москве до солнечных дней еще ох как далеко! А в старости кости

М

тепло любят,— грустно улыбнулся корреспондент, до боли напомнив Гимаеву старого адвоката, которого он и поблагодарить-то не успел.

— Это мы сейчас...— и Максуд направился к бытовке.

Он вынес столик, за которым бригада резалась в домино, из про-
рабской — металлическое вращающееся кресло, обитое ярко-красной
искусственной кожей, а для себя прихватил табуретку.

— Комфорт, полный комфорт,— сказал довольный журналист, вы-
кладывая на стол бумаги и портативный магнитофон. — Пожалуй, и нач-
нем, а то на вашем солнышке как бы я не замурлыкал от удовольствия.
Но прежде я хотел бы вообще поговорить с вами о строительстве. Ваше
мнение, которое Сережа посчитал непригодным для печати, мне понравил-
ось, и если оно подтверждается фактами, примерами, оно вполне
годится для публикации. Меня как раз интересует то, чего не увидеть,
как вы метко выразились, с наскоку. Все то, что лежит на поверхности,
я, наверное, представляю. О том, что вы, строители, часто строите не-
важно, долго, дорого, однотипно, читатель хорошо знает. Его интере-
сует — почему, а также — когда наступят долгожданные перемены?
Для начала, товарищ Гимаев, такой вопрос: каким бы вы хотели видеть
строительство?

— Более гибким и — сезонным...

— Пожалуйста, точнее...

— Могу и поточнее.— Гимаев положил руки на стол, сцепил паль-
цы. — Прежде о сезонности — мне кажется это главным. Для ясности,
назовем благоприятные для стройки месяцы летними, а неудобные —
зимними. В разных климатических зонах, разумеется, разные сроки.
Производительность труда в летние и зимние месяцы несравнимая,
о качестве работ и себестоимости и говорить не приходится.

Вроде яснее ясного: летом должен использоваться весь световой
день, а по мне — так и все двадцать четыре часа,— дело ведь не в ча-
сах, а в отпущенном природой благоприятном времени. Отсюда на за-
конном основании должно возникнуть понятие — сезонность. В этом
слове для меня нет крамолы, лето для строителя должно быть как по-
севная или уборочная для хлебороба, когда работают, не покладая рук,
не считаясь со временем. А как же получается у нас? Вы скажете: ле-
том есть вторая смена. Да, она кое-где есть. Но, если провести честный
учет рабочего времени вторых смен в целом по стране, они не дадут
и тридцати процентов желаемого. Большинство смен числится толь-
ко на бумаге, да еще в воображении руководителей — я ведь работал
в разных концах страны и за свои слова отвечаю. Пойдем дальше...—

Гимаев вытер вспотевший от волнения лоб. — У строителя в сезон, как и у любого, скажем, канцелярского работника, — пятидневка. А в зимние, по нашему условному определению, месяцы он сидит на простое, получая полновесную, почти летнюю зарплату. Не проще ли, в общем не ущемляя его прав, предоставить ему зимой три выходных дня, летом — один. Но тут уж мы переходим к гибкости, о которой я говорил вначале... — Максуд перевел дух. — На мой взгляд, зимние месяцы должны готовить летний плацдарм, а уж в сезон надо работать в три смены, и работать не на бумаге. Это насчет сроков строительства — здесь я вижу ощутимый резерв. Наверное, у вас возникает возражение: неудобно, непривычно. Отвечу: работа не должна принимать во внимание такие понятия, работа должна исходить из необходимости. Когда мы с вами спим, смотрим телевизор, а в это время варят сталь, ведут поезда и корабли, ремонтируют метро — то есть, работают многие люди, чей труд связан с непрерывным циклом, никто же не возмущается и не считает это неудобным. Наверное, и им хочется Новый год отмечать в кругу семьи, ходить в театр когда вздумается, а не когда получается, но они понимают: работа есть работа. Так почему же строители не могут работать летом, как следует, а зимой, соответственно, отдыхать? Впрочем, сказанное относится не только к строителям. То, что у нас в воскресенье не работает часть магазинов, на мой взгляд, чистейший абсурд. Если я в свой выходной не могу пойти в магазин, значит, должен делать это в рабочее время, потому что магазины закрываются в будни, именно когда мы идем с работы, а то и раньше. Парадокс? Еще какой! Да, не может быть общества, где одновременно все будут работать или отдыхать. Именно для того, чтобы одни могли хорошо отдыхать, другие должны в это время работать — и наоборот. Азбучные истины, не вам рассказывать. Разве это нормально, когда вы утром выходите на работу и видите, что ремонтируют вашу улицу. Перекрыто движение, создана масса неудобств! Разве такую работу нельзя проводить ночью? Удобно и для самих дорожников — никто им не мешает, — и для пешеходов, и для транспорта — для всех. Но нет, находятся доброхоты, которые, наверное, жалеют дорожных рабочих, но не жалеют ни всех остальных, ни государственных денег...

Журналист слушал, подставив усталое лицо заходящему солнцу, не перебивая, не делая никаких записей. Гимаев, глянув на смеженные веки старого человека, подумал — не задремал ли тот, и спросил:

— Я, может, говорю не о том, что вас интересует?

Журналист встрепенулся:

— Напротив, для меня это очень любопытно. Хотя, признаться, я думал: ничего новенького вы мне не скажете, я ведь давно пишу на эту тему. Вы не волнуйтесь, что я не делаю записей, магнитофон-то включен. Я боялся отвлечь вас вопросами, уж больно горячо вы говорили. Давно такого заинтересованного и искреннего слова не слышал. А теперь я спрошу вас: в какой бригаде, с кем вам хотелось бы работать сегодня?

— С шабашниками...

— С кем, с кем? — переспросил москвич и даже ладонь приложил к уху.

— С шабашниками, сезонниками, или как еще их там называют. Но вы-то, надеюсь, понимаете, о ком идет речь. Слово, согласен, — неудачное, не только настораживает, но и вызывает предубеждение, хотя я, говоря о шабашниках, имею в виду людей из тех краев, где исторически, испокон веков умели строить, и так получилось нынче, что в этих краях, особенно в горных и сельских местностях, имеются излишние трудовые ресурсы. Не желая покидать родные и обжитые места, они в сезон охотно выезжают на заработки. А поскольку эта огромная масса строителей не получила должного внимания со стороны государственных организаций, к ней примазались всякие ловкачи, из-за стараний которых народ и окрестил сезонников шабашниками.

— Да, конечно. Я встречался с ними и в Белоруссии, и в Казахстане, — корреспондент оживился: — Так почему же — с сезонниками?

Гимаев мог бы рассказать, что он отбывал наказание вместе с несколькими сезонниками из Армении, коноводами строительной артели. Судили их за финансовые нарушения бригадира. Их заработок казался местным жителям огромным, и это вызывало постоянные пересуды. Сработала жалоба, отправленная прокурору, — мол, приезжие зарабатывают в совхозе по семьсот-восемьсот рублей в месяц. А то, что они работали от зари до зари, по шестнадцать-восемнадцать часов в сутки, без выходных, не говоря уже о субботах, да и на работе дурака не валяли, водку не пили, перекуров не устраивали, а умели делать то, чего местные не умели, сдавали объекты «под ключ» новоселам — главное условие подряда с сезонниками, — это никого, вроде бы, не касалось. Сезонники были строителями отменными, каждый из них возглавлял потом в колонии большую бригаду, и Гимаев всегда знал, что не подведут. С ними Гимаеву не раз приходилось держать совет, и каждый раз он поражался их сметке, находчивости, инициативе, — этому научила их самостоятельность, та ответственность, которую накладывает под-

ряд — и по срокам, и по качеству. Сезонникам не на кого жаловаться, ссылаться, валить, некуда футболить: построил — получил, сорвал сроки — не обессудь. Авансы выдаются только на харчи, а не на год вперед, как бывает иногда на стройке, несделанное не запроцентируешь. Гимаев, и прежде приглядывавшийся к тому, как работали сезонники, теперь, столкнувшись с ними в колонии, знал их беды как свои. Но говорить о колонии корреспонденту не стал, не верил, что поймет правильно.

— Так почему же с сезонниками?

— Да потому, что у них и разговора не заходит о трудовой дисциплине. Она подразумевается, а какое удовольствие работать с тем, кто знает свое дело! Это понимает только тот, кто сам умеет работать. У сезонников неумеха и лентяй долго не задержится. Честно говоря, увлекшись комплексными бригадами, мы в ряде случаев снизили к рабочим профессиональные требования, отсюда и вопрос качества возник. Когда каменщик стелет полы, восторга это ни у кого не должно вызывать, даже при всем его личном старании. И швец, и жнец, и на дуде игрец — это только в пословице. Встречаются, конечно, и такие самородки, но мы ведь имеем дело с массовым строительством, где самородки на каждом шагу не попадаются. Нет, я считаю, каждый человек должен заниматься своим делом, но уж в нем-то быть асом.

— А как вы, Гимаев, относитесь к бригадному подряду?

— В общем, положительно... А вы не считаете, что бригадный подряд учитывает, скажем, лучшее из того же опыта сезонников: оплата по конечному результату, оплата за досрочный пуск, за качество? А коэффициент трудового участия — КТУ, определяемый советом бригады, который так умиляет вашего брата-журналиста, — это ведь существует давно, с первой бригады сезонников, там уравниловки нет.

Наверное, и вы писали о Серикове. Человек известный, отец бригадного подряда у нас в стране, а теперь внедряет этот опыт в Болгарии. Так вот, разве он неоднократно и всенародно не говорил с экрана, что нам следует внимательно изучить опыт сезонников? Уж он-то, Сериков, его изучил, я в этом не сомневаюсь.

— Что же вы предлагаете? — журналист торопливо что-то помечал в блокноте.

— Прежде всего, не делать вид, что сезонников не существует, не считать их случайным явлением. Организации «Межколхозстроя» появились только десять лет назад, мощностями они похвалиться не могут и сегодня, а село строится быстро. Но ведь и до этого строено и строено: и школы, и больницы, и коровники, и кинотеатры, и жилье — многое

построено сезонниками. Отряд сезонников не уменьшается, уже появилось новое их поколение: сыновья с отцами приезжают на заработки,— хотя, наверное, некоторым это слово режет ухо. Даже появилась новая, совсем неожиданная категория сезонников. Высокообразованные люди из столиц в свой отпуск приезжают организованной бригадой на заработки. Это наиболее «подкованная» часть сезонников, они знают законы — нарушать их не будут и себя в обиду не дадут.

Так не стоит ли внимательнее приглядеться к этой огромной массе людей, желающих работать, организовать ее, придать ей законный статус, а главное, сделать ее планируемой и управляемой? Для села, да и для крупных строек это стало бы ощутимой поддержкой. На мой взгляд, — это реальный резерв, только надо голову и руки приложить.

— И все-таки, давайте вернемся к бригадному подряду, хотя, признаться, я не ожидал таких параллелей: бригадный подряд и сезонники.

— Конечно, за бригадным подрядом будущее, он выбрал лучшее и смело отгнул худшее. Грустно, однако, что за бригадный подряд агитирует инженеров рабочий. Доказывает, доказывает результаты... Сериков и его последователи не скрывают, что есть факторы, мешающие внедрению подряда. Сегодня настал день, говорят они, когда нужно, чтобы подряд касался и инженерно-технических работников, чтобы они были материально заинтересованы в новом деле. Без инженерной помощи подряду далеко не двинуться, а отдельные высокопоставленные товарищи упорствуют, говорят — инженеру и его оклада достаточно, вы уж извините, опять не могу не вернуться к опыту сезонников. Раньше, когда они строили примитивные коровники, зернохранилища, склады, инженер действительно им был не нужен. Но как только колхозы встали на ноги и начали строить Дворцы культуры, кинотеатры по индивидуальным проектам, тут сезонникам понадобился и теодолит, и нивелир, и, наконец, инженер. И не просто дипломированный инженер, а толковый, разбирающийся в чертежах и сметах, банковских кредитах. И он нашелся! И как ему платить — двух мнений не было: как и бригаде, ведь делают-то общее дело, интерес один — сдать быстро и хорошо и получить заработанное. Тут некого уговаривать, что, мол, инженеру нужно заплатить, ясно как день: без инженера далеко не уедешь. Вот на этом и настаивает Сериков — рабочий человек с государственным мышлением: чтобы и инженеру платили за участие в бригадном подряде. Пока этот вопрос не решился, меня бригадный подряд полностью не привлекает.

— А что беспокоит вас сегодня как крановщика?

— Скорый переход в бригаду строителей... — и Гимаев стал рассказывать, почему считает не до конца продуманным решение о немедленном включении крановщиков в бригаду.

Незаметно легли легкие весенние сумерки, посвежело, а корреспондент, сменив уже вторую кассету, все задавал и задавал вопросы. Когда последовал каверзный вопрос, требующий подробного объяснения, Гимаев сказал, что у него дома лежит тетрадь, где есть записи на этот счет, и даже с расчетами. Добавил, что в тетради найдется кое-что, способное заинтересовать журналиста, пишущего о строительстве. Они пешком, не торопясь, продолжая беседу, двинулись к общежитию.

По дороге корреспондент неожиданно взволнованно сказал:

— Молодой человек, вам непременно нужно учиться, у вас инженерное мышление, вы многое видите объемно и насквозь — редкий дар для хозяйственника, скажем прямо. Признаться, за свою журналистскую жизнь я встречался с десятками, если не с сотнями управляющих, главных инженеров, не говоря уже о бригадирах, мастерах, и далеко не каждый из них производил на меня такое впечатление. Обычно больше говорят о текущих заботах, мелочах, жалуются на все и вся. Сегодня я, позвольте похвалиться, — битый журналист, узнал от вас немало интересного, неожиданного, а ведь казалось — знаю стройку вдоль и поперек. Боюсь, рамки газетного интервью могут оказаться тесными для нашей темы, но, в любом случае, я не положу материал под сукно, это я вам обещаю.

Было уже поздно, и как Гимаев ни приглашал москвича в гости, тот не пошел. Максуд, поднявшись к себе, вынес тетрадь.

— Да тут мне неделю, если не больше, разбираться, а мы завтра улетаем,— с сожалением взвесив на ладони тетрадь, сказал корреспондент. — Не позволите ли мне ее забрать с собой, на досуге посмотрю внимательно. Я уже вижу по разделам: «Генподрядчик», «Механизаторы», «Неквалифицированные работы», «Проект и факт», «Бригадыры» — здесь мне материал найдется.

Гимаев согласно кивнул, и журналист тут же на тетради написал его адрес. На том они расстались...

Пролетел месяц, другой, пошел третий, а обещанное интервью в столичной газете не появлялось. Каждый день по дороге на работу Гимаев покупал газеты и, волнуясь, искал фамилию знакомого журналиста. Статьи его печатались, но не о том. Теперь Максуд радовался, что не сказал никому: ни Каринэ, ни Акраму, ни Тарасу — о предстоящем выступлении газеты.

Подшло лето. В пятницу последним рейсом он часто уезжал на выходные дни в Ташкент. Иногда приезжала к нему Каринэ, и они ездили купаться на Сыр-Дарью.

Близился его первый отпуск. Каринэ заканчивала институт, и они договорились вдвоем, «дикарями», уехать отдыхать к морю. Правда, Каринэ настаивала, чтобы они на недельку заехали в Ереван к ее родственникам, и теперь они решали — когда это лучше сделать: до моря или после.

В одну из суббот, утром, когда Максуд ждал из Ташкента Каринэ, он получил служебное письмо с грифом: «Министерство строительства СССР».

«Здравствуйте, уважаемый Максуд Ибрагимович! — начиналось совсем неофициально служебное письмо. — Беспокоит Вас Горышев Глеб Константинович, заместитель министра. Если отбросить отчество — Константинович, то мои имя и фамилия должны быть Вам знакомы, так что напрягите память...»

— Горышев Глеб?.. Глеб Горышев?..

Но Максуд никак не мог припомнить и потому стал читать дальше.

«Два месяца назад ко мне на прием пришел корреспондент центральной газеты с необычным делом, и теперь мы встречаемся с ним каждую неделю, готовим материалы к Коллегии Министерства. Задали Вы нам задачу! Но мы не в претензии — спасибо, огромное спасибо, что сумели так точно определить болевые точки нашего общего дела. По Вашей тетради и интервью газета подготовила в Министерство запрос на двадцати страницах, этот документ попал ко мне, и я встретился с корреспондентом, который очень высоко отозвался о Вас. При встрече я попросил принести тетрадь и запись разговора. Тетрадь, под расписку, осталась у меня на неделю. Мы ее перепечатали и раздали по отделам. Когда я разбирал записи, столкнувшись с расчетами, сразу почувствовал стиль нашей «alma mater» и понял, что автор — инженер. Это помогло установить Вашу личность. Я тут же позвонил в наш институт, и мне сказали: да, закончил в таком-то году, и добавили, что это Вы сменили меня на посту председателя научного студенческого общества института. И тут я припомнил, что это Вы — автор предложения по декоративной отделке наружных панелей для массового строительства. Помню, идея «на ура» прошла на всех домостроительных комбинатах страны.

Однако же, не тетрадь у Вас, а клад! В отделах говорят: тут материала на целую докторскую. Хотя и мы в министерстве работали

в том же направлении, Ваша тетрадь практика во многом подтвердила жизненность и правильность наших исканий, а внимание центральной газеты, думаю, ускорит решение многих злободневных проблем, раз дело дошло до Коллегии. Так что времени Вы зря не теряли, хотя не понятно: почему, вдруг, крановщик?

Я думаю — это недоразумение, и все скоро уладится. Вопросы Вы поднимаете серьезные, и газета впервые участвует в Коллегии, желая получить ответ на свой запрос на самом высоком уровне.

Приглашение на Коллегию вы получите заблаговременно. Не знаю, какие у Вас дальнейшие планы, но, при желании, здесь, на Коллегии, мы все можем обговорить. А пока, чтобы не терять времени, я послал в Ташкент официальное письмо Саркисянцу, управляющему самого крупного треста, с просьбой, чтобы он немедленно забрал Вас пока к себе. А после Коллегии, думаю, определитесь окончательно. Работы, уважаемый Максуд,— непочатый край. И кому, как не нам, ее делать?..

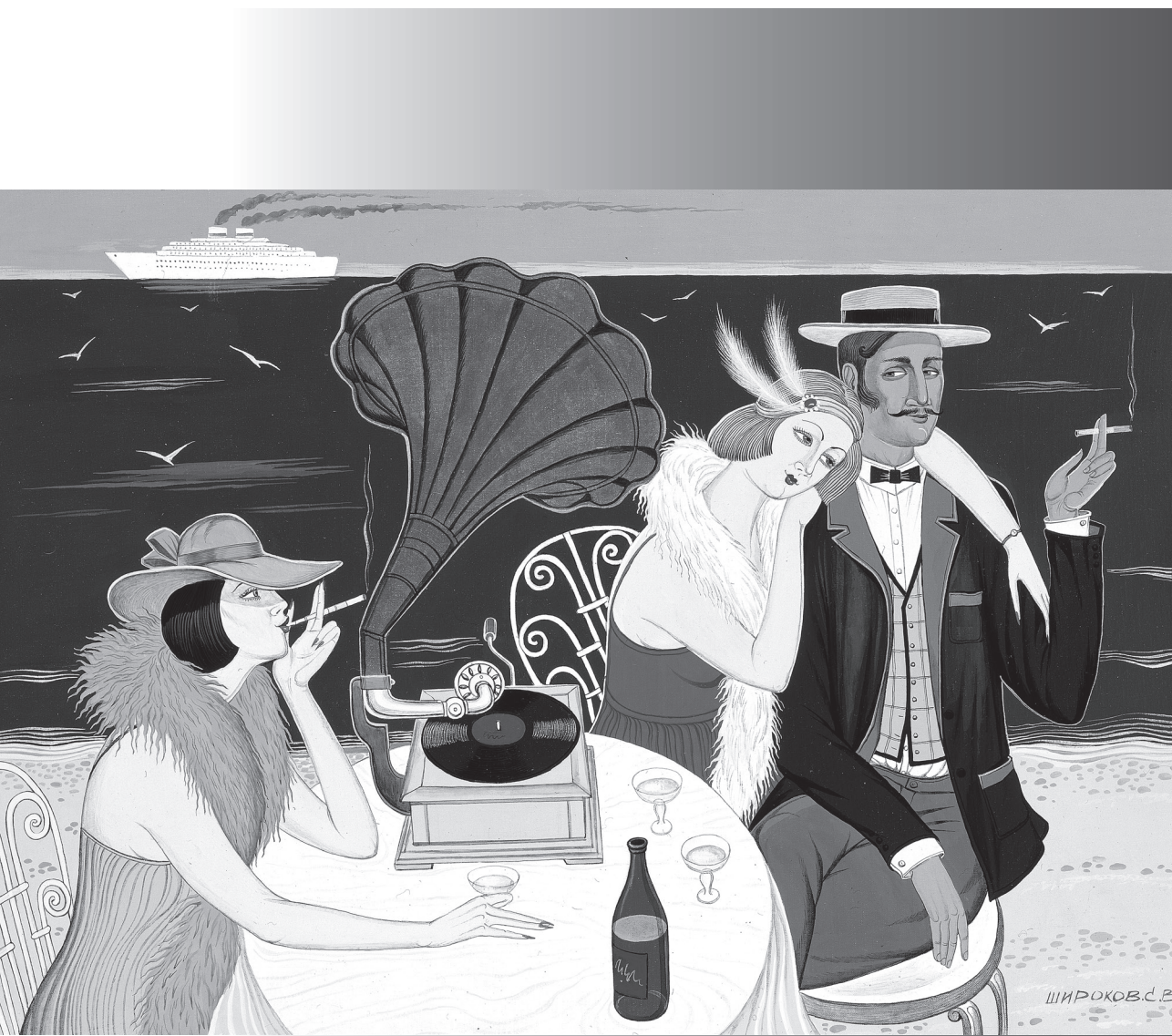
До скорой встречи на Коллегии.

Ваш однокашник Глеб Горышев».

Максуд стоял у окна, не решаясь еще раз перечитать неожиданное письмо, и вдруг вспомнил слова архитектора по парковой культуре: «Живи достойно, не суетись. Если ты заслуживаешь — день твой рано или поздно все равно наступит».

«Вот, кажется, и наступил мой день»,— подумал Гимаев.

*Малеевка,
1982*

Рассказы и интервью

Отец

Рассказ

О

бычно Ариф-абы¹ вставал рано. Лязгала металлическая задвижка тяжелой двери, и только он появлялся на пороге, его уже встречал мохнатый неведомых степных кровей пес Суан. Хозяин ласково трепал его промеж ушей, иногда мягко приговаривал что-нибудь, а чаще поглаживал машинально, дневные заботы обступали Арифа-абы с первого шага по двору.

Суан знал, что праздных минут, тем более поутру, у хозяина не бывает, и не особенно огорчался, если и не слышал что-нибудь ласковое в свой адрес. Вильнув хвостом, как бы показывая, что и у него дел невпроворот, Суан убегал исполнять свои собачьи обязанности.

Летом Ариф-абы любил застать те утренние часы перед рассветом, когда облака, еще темные от редяющей ночной мглы, вдруг начинали дружно розоветь, и малиновая заря стремительно окрашивала тучки по всему небосводу. Как и всякое чудо, это длилось всегда такой краткий миг, что порой лишь опусти голову, а первые утренние лучи уже полились на землю, и поплыли над тобой ватной белизны легкие, перистые облака. Словно и не было никакого малинового сияния. Эти розовые рассветные мгновенья больше всего любил Ариф-абы и всякий раз старался не пропустить этих

¹А бы — дядя (тат.)

минут, а если уж случалось такое из-за ненастья, непогоды или еще каких напастей, то огорчался не меньше, чем какой-нибудь пустынный бедуин, пропустивший утренний намаз.

Вот и сегодня, не проспав рассвета, он ощущал в себе какой-то нарастающий душевный подъем и легкость.

Со смутным ожиданием предстоящих важных дел, которые, судя по утреннему настроению, будут легко выполнены, он прошел бетонной дорожкой на зады, к огородам. По пути в который раз удовлетворенно подумал: дорожка получилась что надо! Два года, считай, прошло, а и куска бетона не выкрошилось. Добрый цемент завезли в тот год в потребсоюз, да и работать с бетоном опыта ему было не занимать. Возле грядки помидоров на бетонных тумбах, отлитых тогда же, вместе с дорожкой, стояли рядом три кадки, залитые до краев водой. Колодец у Камалова почти двадцатиметровый, и глубинной водой аж зубы сводит, такая она холодная, но приятная на вкус. Поливать сразу такой водой огород нельзя, застудишь зелень. Этому Арифа Камалова еще лет десять назад научил сосед, Кирюша Павленко, первый в селе огородник. Считай, с его семян, благодаря его советам появились в Хлебодаровке огороды.

Ариф-абы заглянул в залитые с вечера кадки, улыбнулся собственному отражению и, щедро черпая пригоршнями потеплевшую за ночь воду, умылся. Через дорожку, напротив кадушек, росли огурцы. Помидоры только-только покраснели, а огурцы собирали уже третью неделю. В эту весну Камалов по совету соседа высадил новый сорт, «ташкентский», огурцы удались на славу — гладкие, длинненькие, темно-зеленые. Во всем поселке выращивали огурцы только пузатенькие, с пупырышками и желтенькой полоской на боку. «Ташкентские», как и предсказал Павленко, оказались скороспелыми и урожайными.

Сходив в сарай и прихватив высохшие до скрипа плетенные из тальника кошелку и корзину, Ариф-абы быстро собрал доспевшие за ночь огурцы. Пересыпая урожай из кошелки в большую корзину, все удивлялся непроходящей приподнятости своего настроения. Ведь радовался он не оттого, что у него раньше, чем у других, пошли огурцы, и каждое утро из кооперации приезжал к нему на мотороллере с фургончиком хромой Ильяс-закупщик и всякий раз говорил: «Ариф-абы, в этом году вы самого Кирюшу обставили. Покупатели в ларьке постоянно спрашивают: «Камаловские есть?» Конечно, приятно слышать такое, но не из-за огурцов же в самом деле... Тогда что же?

Перетащив тяжелую корзину к калитке и полив огород, Камалов оглядел окруженный высокими тополями двор. Хозяйством своим

он гордился, все здесь было построено собственными руками, возвращено долгим и кропотливым трудом. Взгляд его задержался в дальнем углу двора. Поблескивая двумя маленькими окошечками и двускатной цинковой крышей, голубела свежевыкрашенная мунча — настоящая русская банька. Много всяких бань пересмотрел Ариф-абы, даже с финской с сухим паром ознакомился, прежде чем выстроил свою. Даже березовые веники у него не переводились, хотя и не росла красавица в этих краях. Раз в два года приезжал к Камаловым в гости из-под Казани свояк, брат жены, когда с семьей, когда один. Никаких подарков и гостинцев, принятых по татарскому обычаю, Ариф-абы не признавал, кроме березовых веников. И приходилось свояку, человеку веселого нрава, ублажая шутками проводников и одаривая их теми же банными вениками, везти в далекую Хлебодаровку два полных шелестящих канара. И когда по прибытии на место он снимал их с багажной полки, в вагоне долго еще стоял лесной запах, и проводница, еще вчера не впускавшая свояка с таким грузом и грозившая штрафом и всеми карами, с грустью замечала, как улетучивается аромат березы в ее доме на колесах.

Может, баня — причина столь необычного радостного возбуждения, но сегодня ведь только пятница...

С тех пор, как Камалов выстроил собственную мунчу, он все чаще ощущал, как не хватает ему сына, мальчика...

Когда у них еще не было детей и позже, пока подрастали девочки-близнецы, ходили они вдвоем с женой Гульнафис в баню к соседям, к Кирюше Павленко. Потом девочки подросли, и мать стала брать с собой их. Дожидаясь своей очереди на крыльчке Кирюшиной хаты, покуривая дешевую сигаретку, Ариф часто думал: «Вот если бы у меня был сын...» Видел он этого мальчика сначала малышом, потом подростком... Видел его и взрослым мужчиной, пришедшим усталым с работы, — хотелось, чтобы сын перенял и отцовскую профессию.

Видел, как они вместе таскали воду, кололи дрова, перетирали речным иллекским песком кадки, бадейки, ковшики, корыта, доставали с чердака березовые веники, доступ к которым Ариф-абы запретил даже жене...

Но не было у него сына, не дал Аллах... Думал о сыне Камалов часто, но никогда ни словом не обмолвился об этом ни с кем. Гульнафис свою он любил и знал, как бы она огорчилась, узнай про эти его думки.

За завтраком он управился с целой сковородкой таба — татарской яичницы, сбиваемой на свежем молоке, выпил несколько пиалушек крепкого чаю со сливками. Все в том же добром расположении духа пошутил с же-

ной: жаль, мол, нельзя прихватить в поле кипящий самовар, там уж он бы с ним расправился сполна.

Работать предстояло на восемнадцатом километре дороги на Оренбург, и он попросил жену принести ему сумку, с которой девочки когда-то ходили в школу, а теперь он, работая далеко от села, приспособился носить в ней обед. Когда укладывал в портфель огурцы, пучок перьев молодого лука, крутые яйца и молоко в роскошной бутылке из-под кубинского рома, Гюльнафис-апа спросила:

— Отец, ты не передумал?.. Я о нашем подарке молодым...

Так вот она, причина утреннего волнения... Ариф-абы улыбнулся, оторвавшись от сумки, пригладил темные приспущенные усы, вызывавшие искреннюю зависть безусого механика Темиркана, и, подбоченьясь, шутливо ответил:

— За двадцать пять лет нашей жизни разве Камалов отступал от своих слов?

Гюльнафис-апа, еще спозаранку заметившая особенное настроение мужа, так же лукаво возразила ему:

— Так уж и не отступал?..

Переставив поудобнее в сумке бутылку с молоком и уговорив мужа выпить еще пиалу чая, она прошла в соседнюю комнату и вернулась, держа в руках беленький узелочек.

— Вот, отец, пятьсот сорок три рубля, возьми. Да не потеряй, не отступающий от своих слов человек!

— Деньги потеряю — не беда, но если слову моему цены не будет...

— Ладно, ладно, ты сегодня с утра разговорчив, как мулла, — добродушно перебила мужа Гюльнафис-апа. — А ну, нагнись-ка, пожалуйста... — Положив ему в карман завязанный узелок, она еще припилила карман сверху булавкой.

Провожать хозяина до калитки и встречать с работы, как бы поздно он ни возвращался, Суан считал своей обязанностью. Вот и сейчас, добежав до ограды, пес еще долго глядел ему вслед, пока Ариф-абы не завернул за почту.

Дорожно-эксплуатационное управление, или ДЭУ, где работал Камалов, находилось почти на краю села, у самой железной дороги. Потому выходил он на работу загодя и любил не спеша пройтись к своему «производству». Сегодня, сворачивая с улицы на улицу, порадовался, что «грейдерные» дороги поселка, которые поправлял прошлой весной, были еще в хорошем состоянии.

Давно, когда он был еще молодым и эти улицы только начинали приводить в порядок, обиделся однажды на безусого Темиркана:

— Друг, а полгода с поселковых улиц не выпускаешь. Другие тянут дороги к колхозам и совхозам, у них там и кубометры и километры, а тут все крутись вдоль палисадников...

Темиркан в ответ как-то странно глянул на приятеля и сказал:

— Не ожидал, Ариф, от тебя — кубометры... километры. Ты что ж, хочешь, чтоб улицы Хлебодаровки после первого дождя по кюветам расползлись?

Правильный мужик Темиркан, не зря его то парторгом избирают, то в постройком. Сказал, как отрезал, и не возразишь. С неделю Камалов не показывался на глаза механику. Стыдно было. А теперь, уже много лет, все грейдерные работы внутри поселка за Арифом-абы.

Мысли от той давней размолвки с Темирканом вновь перекинулись к субботе, к баньке.

Да, всю жизнь мечтал о сыне, а теперь вот он, есть. Да какой парень! Ну, сказать сын не совсем точно, зять остается зятем. Но разве, когда молодожены приходят к ним в гости, не говорит он: «Сядь, сынок...», приглашая на самое почетное место за столом.

Да ведь и не скажешь по-другому, когда зять все время твердит: отец да отец.

Честно говоря, беспокоился Ариф-абы за дочерей, Нафису и Анису, с учебой у них не особенно ладилось, но десятилетку все же одолели. Пока девочки учились в школе, много дел там переделал Ариф-абы: чинил и красил кровельную крышу, несколько раз перекладывал печи, стеклил оранжерею, причем делал все это с большим желанием, охотой. В два этажа, кирпичная, с высокими потолками школа нравилась Камалову, и он часто вспоминал свою — покосившийся домик в татарском ауле, где даже вывески «Школа» не было. Часто бывая в школе, он видел, что оканчивают ее и более безнадежные ученики, чем его дочери, а уж как свои учились, он-то знал. Иногда Ариф-абы жалел, что не устроил девочек сразу после восьмого класса ученицами в трикотажное ателье, может, быстрее бы повзрослели?

После школы с таким аттестатом о поступлении даже в самый захудалый техникум не могло быть и речи. А как начали искать работу, пошли слезы. «Туда не пойдем, сюда не пойдем, там пыльно, там грязно, там тяжело, там далеко». И словно щитом прикрывались: «Зря, что ли, мы среднее образование получали!»

Однажды Ариф-абы не выдержал и резко сказал: «По такой учебе, по совести говоря, вас из класса седьмого следовало бы выгнать».

Вот слез-то было. И жена в голос: «На своих детей так говоришь, а уж что чужие... неужто наши хуже других?»

Неделю не разговаривала, и спал Ариф-абы один на сеновале.

Мать, как клушка, хлопотала, бегала, видимо, пошло в ход и доброе имя Арифа-абы, ведь уже который год на районной Доске почета висит его портрет (правда, без усов), и правительственные награды он за труд имеет. Устроила Гюльнафис-апа Анису и Нафису в статуправление. Место, правда, не денежное, но зато не пыльное. Года два Ариф-абы все попытывался у дочерей, какой же они там статистикой занимаются и в чем заключается их работа, но, так и не добившись вразумительного ответа, отступился и больше о работе не расспрашивал.

Счет деньгам в доме вела Гюльнафис-апа, хозяйкой она была толковой, и Ариф-абы не имел привычки спрашивать, как иные мужья, куда, зачем и сколько истрачено. Получку он приносил полностью, в заглазничник десятку или пятерку не прятал, если нужно было ему, Гюльнафис-апа, особенно не расспрашивая, давала эти суммы. Поэтому-то он и не знал, сколько там получают дочери. Спрашивать у собственных дочерей о заработке было как-то неловко — они ведь теперь такие легкоранимые (это слово он вынес с родительского собрания).

Однажды они с женой пили чай, и вдруг впорхнули в комнату припозднившиеся дочери и радостно, возбужденно зашебетали: «Мама, папа, мы сегодня получили зарплату и уже всю до копейки истратили... Такие шикарные итальянские «платформы» в раймаг завезли и пудру компактную, французскую, которую вы нам прошлый год и в Казани достать не смогли». И стали разворачивать коробки и свертки, а шикарные «платформы» оказались просто туфлями.

«А вот и вам подарок», — дочери протянули матери блестящую глянецом красивую коробку конфет.

Арифа-абы если не тревожила, то озадачивала инфантильность взрослых дочерей. Это мудреное слово он тоже почерпнул на одном из школьных собраний. Нравилось оно ему емкостью значения, классная руководительница как можно подробнее объяснила неожиданно вырвавшееся у нее ученое словечко. И не только объяснила, а и привела массу примеров, благо их долго искать не пришлось...

Говоря откровенно, девки были на выданье, а никакого у них интереса ни к работе, ни к завтрашнему дню. Не век же жить под боком у отца-матери, будет и своя семья, дети пойдут.

Конечно, пока жив-здоров отец... А случись что-нибудь вдруг? Вот прошлую зиму, расчищая дорогу для районных автобусов, только чу- дом и вернулся с тридцатого километра, такая пурга завелась...

И внешностью природа девушек не обделила, как на аптекарских ве- сах точно отмерила лучшее от родителей: от отца — стать, легкость нрава, от матери — мягкость, изящество. И думал Ариф-абы, если не было у них тяги к учебе и работе, может, появится интерес к семье, ведь заглядывались на них многие парни в поселке. Вот, к примеру, сосед Вальтер Герц, парень что надо, механизатор. Семья их в Хлебодаровке уважаемая: как начина- ется уборочная, портреты сына и отца не сходят с газетных страниц. Глаз не сводит Вальтер с Анисы, а та хоть бы улыбнулась. И парней им каких-то особенных подавай, тоже, наверное, «не пыльных». Это более всего оби- жало Арифа-абы, и та обида была всего больше — ведь сам всю жизнь на работе ох какой пыльной!

Дом у Камаловых большой, просторный, и во всем Гюльнафис-апа поддерживает порядок... В зале стоит цветной телевизор, и приемник не просто приемник, а стерео, и магнитофон у девушек с восьмого класса, нынче уже второй, тоже стерео.

Молодежь по праздникам любила собраться в их доме. Девочки для порядка спрашивали разрешения у отца (по совету матери, как думал Ариф-абы), и он никогда не отказывал, а часто даже помогал в хлопотах...

Многих парней Камалов повидал на этих вечеринках, и мало кто при- шелся ему по душе, разве что один врач-ординатор, да и тот больше в доме не появлялся, хотя видел его Ариф-абы в поселке еще долго.

Странно, что своих, поселковых, всегда двое-трое, а все больше за- летные: практиканты, студенты, ребята городские,— два больших города и слева и справа от Хлебодаровки, при нынешнем транспорте рукой подать.

На эти вечеринки Гюльнафис-апа до блеска убирала дом, выставля- ла лучшую посуду, а уж какой каурдак¹ жарила, какие балиш² и парамаш³ пекла, иной раз даже чак-чак⁴ к чаю не ленилась приготовить. А стряпуха она была известная, ни одна татарская свадьба без нее не обходилась.

Ариф-абы поначалу шутил, спрашивая, нет ли среди этих длинно- гривых его будущего зятя, не зря ли стараешься. Но Гюльнафис-апа при- давала таким вечеринкам большое значение, всерьез надеялась разглядеть

¹ Каурдак — жаркое.

² Балиш — пирог с мясом и рисом.

³ Парамаш — маленькие пироги с мясом, с луком, картошкой.

⁴ Чак-чак — непременно сладкое угощение на свадьбах.

будущих спутников для своих дочерей, и Ариф-абы постепенно перестал шутить на эту тему.

Как-то вечером, когда они ужинали всей семьей, по-соседски заглянул Кирюша Павленко. Между прочим, сын его, Володька, осенью следующего года должен был из армии вернуться, а парень он неплохой и работающий, да и сосед — на глазах вырос.

Гюльнафис-апа тут же подала на стол бутылочку красненького, налила и дочерям. Слово за слово, разговор переключился на свадьбы, столь частые этой весной в Хлебодаровке. Хоть поселок и большой, районный центр, Гюльнафис-апа и девушки были в курсе всех свадеб.

Павленко знал, что его друг Ариф не одобряет стремления жены выдать дочерей непременно за парней городских, лучше всего, конечно, за интеллигентов — и чего только не знают соседи! А может, и тайную корысть какую имел: сын-то, сам говорил, частенько дипломатично спрашивал, как, мол, там дочки дяди Арифа поживают, — так что вступил и Кирюша в разговор о свадьбах.

— Да, соседка, свадеб много — это хорошо. Свадьба — это семья, дети. Больше семей, крепче государство. Но глянь с другого бока, а разводов сколько? Чуть более года назад ты свадьбу Смолыным помогала готовить, да какая свадьба была, полгода помнили. А Надька теперь ведь у отца живет. И парень хоть куда, орел был, вы, бабы, наахаться не могли: какие кудри, чисто цыганские. Он ведь здесь на уборке с частью был, отслужил оставшийся месячишко, заехал и увез молодую жену домой, в Абхазию, все честь честью, все добром было, да климат, видишь, Надьке не подошел: сыро там, влажно. Чихать стала и кашлять, с лица сошла, сохла, в общем, девка, вяла. Пошла к врачу — говорят, тебе, мол, Надюша, сухой климат, степной нужен, то есть наш. Надька в слезы, поедет, мол, Арсен дорогой, к нам, у батьки жить будем. А его родители на дыбы, сын у них один, да и Арсен ни в какую. Так и вернулась Надежда одна, сходила, что называется, замуж.

Вот и получается, как лебедь, рак да щука, каждый в свою сторону тянет... Нет, соседка, правы были в старину, когда говорили: «Хоть за курицу, да на соседнюю улицу».

Да и посуды сама, ты тукмаш¹ любишь, а он борщ, он пьет кофе, а ты без чая пропадешь. Или еще вот на пришлых да городских женихов мода пошла: девки наших парней и замечать перестали, думают, если уж парик на голову натянули да туфли на толстенной подошве нацепили, так сразу

¹ Тукмаш — суп-лапша.

городскому и пара. Город, он тоже не из одних пряников, прижиться, привыкнуть нелегко. Ну, выйдет, положим, какая за городского, уедет из поселка. На работу час, обратно час, да пуговицами на пальто поди запасись. Там очередь, тут очередь — на «платформах» не набегаешься. И молоко не то, и яйца не те, а масло и не пахнет, о сливках и парном молоке забудь. Тут не так сказала, там не так кашлянула, и белой вороной недолго оказаться, у городских язык тоже острый. Замотаешься так, что того и гляди парик задом наперед наденешь. Да тишины вдруг захочется, намаявшись по квартирам, жилплощадь ведь тоже скоро и за так не дают — вспомнит Хлебодаровку. И будет умолять мужа, устала, мол, я, уедем к нам, а ему, городскому, не понять, за каприз сочтет, пойдут недовольство да ругань, тут-то и конец может быть семье. Конечно, всяко бывает, бывает и иначе, а только мне кажется, что своего берега держаться нужно, по себе дерево рубить...

Павленко Камаловы уважали, и, видимо, Кирюшины слова что-то изменили в брачной политике Гюльнафис-апа. Да и девушки как будто кое-что уразумели.

Осенью почти каждый день в вечерней тени высоких тополей Ариф-абы видел поджидающего Нафису парня. Его Ариф-абы знал: прошлой зимой он тащил этого молоденького шофера с трассы и клял начальника автобазы, что подсунул развалюху вчерашнему курсанту. Тогда и познакомились — Гарифом его звали.

Гюльнафис-апа до самого Нового года ни слова не сказала мужу, а дочь уже почти полгода с парнем встречалась, и дело, похоже, шло к свадьбе. Только за праздничным столом у Павленко она потихоньку спросила:

— А этот жених как тебе?

— А раньше разве женихи были? Да и Гариф вроде еще не сватался?..

— Тебе только шутки шутковать, вроде и не невесты дочери твои, а все школярки...

— Парень как парень.

Весной свадьбу и сыграли. Жить молодые у Камаловых не стали, Гариф был единственным сыном, и его родители у себя в казенном коттедже отвели им второй этаж. Однако бывали они у Арифа-абы почти каждый день — ходить-то недалеко, с соседней улицы. Вечером, приходя с работы и стягивая мокрые сапоги в прихожей, Ариф-абы слышал за дверью голос зятя и радовался веселому шуму в доме.

Радовался, что они сейчас сядут за стол и поведут с этим шуплым пареньком степенный мужской разговор, и Гюльнафис-апа, довольная и счастливая, будет суетиться между плитой и столом. И потом, в какую бы комнату он ни ушел, всюду он будет слышать голос зятя, сына...

А субботы теперь выходили такими, о каких он когда-то мечтал. Гариф служил на Севере и толк в банях знал, мунчу тестя сразу оценил.

Ариф-абы по субботам часто работал, и в такие дни ставил грейдер у себя во дворе. Еще издалека, с высоты оранжевой кабины, он видел, подъезжая, вьющийся дымок...

Волнением и радостью обдавало сердце, что теперь их в семье двое мужчин, что к его приходу сын топил баньку...

Не заходя в дом, заглушив машину, спешил Ариф-абы к зятю. Вдвоем они носили воду, мыли бадейки, а потом, пропустив первыми женщин, долго мылись и неистово, по-мужски, парились.

Дома на столе их уже поджидал пыхтевший самовар и горячий, только из духовки, балиш. А Гариф, несмотря на протесты жены и тещи, каждый раз доставал чекушку беленькой.

Допоздна сидели они после баньки за самоваром и говорили о делах, знакомых и ясных для всех, и Ариф-абы иногда со страхом думал: «А о чем бы я говорил с городским зятем? Разве интересны были бы ему мой грейдер и сельские дороги? Пришлась бы ему по душе наша простая жизнь, принял бы сердцем наши тревоги и заботы?» — и еще большей симпатией проникался к тоненькому большеглазому парню, казавшемуся моложе рядом с дочерью, неожиданно вспыхнувшей яркой женской красотой.

С думами о завтрашней баньке и вошел Камалов на территорию ДЭУ. Грейдер стоял на смотровой яме, и два слесаря-ремонтника с механиком осматривали машину.

— Все в порядке, Ариф, можешь выезжать, — Темиркан, черкнув закорючку в путевом листе, протянул его Камалову. — Да, чуть не забыл, — спохватился механик, — заедешь на полчаса в комхоз, площадку какую-то им спланировать срочно понадобилось.

Ариф-абы хотел поговорить с другом Темирканом о своих планах на завтра и о подарке молодым хотел сказать, думал даже пригласить попариться, а того, гляди, уж и след простыл.

Еще не отгрохотал за оградой московский скорый, а проходил он точно без четверти восемь, как Ариф-абы уже выехал со двора. В кабине он еще раз потрогал, на месте ли булавка, пришипленная женой, и зарулил в комхоз.

Пятьсот сорок три рубля, что вручила утром Гюльнафис-апа, он должен был уплатить в кассу комхоза за обкладку кирпичом нового дома молодых.

В субботу, после баньки, хотели родители квитанцию и вручить. Сюрприз, так сказать, готовили молодоженам. И то, что с утра пришлось от-

правляться в комхоз, Ариф-абы счел за доброе предзнаменование. Хорошее настроение, возникшее на рассвете, похоже, не собиралось покидать его весь день, он даже песню какую-то стал напевать.

В комхозе, управившись за полчаса, Ариф-абы заглушил машину. Глянув в боковое зеркальце, поправил усы, снял запывлившуюся кепку, отряхнул рабочую одежду и пошел в бухгалтерию.

В плохо освещенном коридоре комхоза торопливо отстегнул булавку: попади она бабам на глаза — засмеют ведь. Бухгалтер, лысый казах Сапаргали, не стал, как обычно, придираться, а принял деньги сразу и, выдавая квитанцию, похвалил зятя Камалова, какой хозяйственный парень — вот и дом уже построил себе.

Когда Ариф-абы выехал за Хлебодаровку, шел уже десятый час.

Сразу за Хлебодаровкой вдоль дороги протянулись километра на три огороды. Дружно цвела картошка, и над полем вились пчелы. С краю, прямо у дороги, кое-где ладили арык, пришло время второго полива и окучивания. Давненько Ариф-абы не работал на дороге в сторону Оренбурга и не видел свою картошку, но сегодня, проезжая мимо, не остановился: и так запозднил, там, на восемнадцатом километре, ждали его дорожники.

На скорости почти в сорок километров Ариф-абы быстро добрался на участок. Еще издали увидел, что не опоздал: ни машин с асфальтом, ни черных высыпанных куч не было видно. Два катка заканчивали укатку основания, а асфальтировщики отдыхали у обочины. Дорожники, приветствуя, замахали руками, знали — с Камаловым работать можно, асфальт так разложит, что следом сразу и каток пускай. С другим грейдеристом лопатой до седьмого пота накидаешься — дорога все равно одни бугры да шишки, а платить теперь в ДЭУ стали за качество.

Ариф-абы, сославшись на то, что ему нужно подтянуть ножи, отказался от приглашения посидеть в компании и, чуть отъехав, стал на обочине.

Подтягивать ножи было ни к чему, за так свою закорючку в путевом листе Темиркан не ставил. Просто хотелось ему побыть одному, да и песню, что напевал с утра, прерывать было жалко.

Взяв пару ключей и ветошь, продолжая то насвистывать, то напевать, он стал осматривать машину. Работал он на грейдерах всех марок, начиная с прицепных, а о таком красавце — мощном, скоростном, маневренном, комфортабельном (кабина отапливалась) — даже не мечтал. Есть же мужики головастые, часто тепло думал Ариф-абы о создателях машины. Но сейчас свою работу он выполнял механически, мысли его были о новом доме для Гарифа и дочери.

Строить свой дом предложила молодым Гюльнафис-апа. Посидели, подумали родители, взвесили все «за» и «против» и решили — дело хорошее. Надо молодым на собственные ноги становиться. Строить рассчитывали года два-три. В этом году собирались лишь получить место у сельсовета и залить фундамент.

Место сельсовет выделил без проволочек, а фундамент залили за две недели, работали вечерами и в выходные дни. Тут такой строительный азарт охватил Арифа-абы, только держись, да и зять загорелся, почти не уступал в работе. Не зря говорят, добрые дела легче делаются, подвернулась стройке удача. Дорожники не успевали выводить сорную траву вдоль путей, и попросили путейцы Арифа-абы пройтись грейдером километров двадцать, чтобы под корень уничтожить бурьян.

Очищал железнодорожную полосу Камалов с разрешения ДЭУ: в выходные дни и по вечерам. Принимая работу, дорожный мастер на радостях сказал: проси, мол, за работу чего хочешь.

Не было у Арифа-абы до этой минуты никаких просьб к дороге, а тут вдруг он увидел рядом у путей аккуратно сложенный штабель старых шпал. Поскольку стройка зятя не выходила у него из головы, он вмиг представил, какой дом можно поставить из шпал, отслуживших свой век, и каким он будет сухим и теплым. Шпалы ему, правда, сразу не выдали, но разрешение на продажу мастер все-таки выхлопотал в отделе дороги.

Последние лет десять-пятнадцать дома в Хлебодаровке строили сообща, гуртом. Приглашал хозяин на выходные дни друзей, знакомых, родных, хозяйка затевала вкусный обед, а по окончании работы и вино выставляли. Работа у таких стихийных бригад спорилась, и делалось за день столько, сколько сами бы и за месяц не одолели. Камалов от таких приглашений никогда не отказывался и в чужой работе себя не жалел, поэтому, когда он созывал на воскресник людей, приходили охотно, да и хлебосольство Гюльнафис-апа в поселке было известно.

За четыре воскресника подняли стены, перегородки и накатали балки перекрытия, а в пятое воскресенье сделали самое трудное, покрыли крышу. Три замеса глины с половой готовили, и все ушло на нее. Дел предстояло еще немало, но главное и самое трудоемкое было позади.

Неожиданно быстро продвинувшееся строительство раззадорило молодых, все свободное время копошились они теперь у дома. Видя такое стремление молодых скорее свить свое гнездо, и решили они с женой сделать подарок, обложить дом снаружи кирпичом. Красивее так, добротнее, да и куда теплее будет. Белый кирпич-сырец завозили из города только

комхозу, он и обкладывал дома кому надо. Такая форма обслуживания населения пришлось по душе хлебодаровцам, брали за работу недорого, кирпич по казенной цене, а делали в четверть кирпича под расшивочку, залюбуешься.

Вскоре потянулись одна за другой машины с асфальтом, и Ариф-абы принялся за дело, улетели думки о новом доме, о квитанции, что лежала в нагрудном кармане. Только песня об Ак-Идели, приставшая с утра, не слетала с обветренных губ.

Закончили уже в сумерках. Оглядываясь на сделанное, никто не роптал, что запозднились, не каждый день столько наворочаешь, считай, две-три нормы с лихвой. Артель у асфальтировщиков старая, давно сложилась, когда еще ручными катками укатывали и в котлах асфальт варили. Не всякий задерживался: плюс сто семьдесят температура массы, да и в степи летом все тридцать пять; в иной день пудовой лопатой машин по восемь на брата приходилось раскидать.

Ариф-абы от артели не откальвался, и потому, когда, пошабавив, расстелили на травке чью-то чистую рубаху и разложили хлеб, чеснок, зимнее, чуть пожелтевшее сало и огурцы, отказываться не стал, выпил со всеми по маленькой винца за удачный день.

В субботу Камалову пришлось работать до обеда. Вернувшись в полдень, поставил во дворе грейдер и пообедал вдвоем с женой. За столом они еще раз перечитали квитанцию, в ней были указаны фамилия бригадира и сроки начала и окончания кладки. Бригаду эту и бригадира Камаловы знали, они сейчас работали на соседней улице, обкладывали после ремонта старый саманный дом.

Гарифа все не было, и Ариф-абы начал готовить баню сам.

«Наверное, в дальний рейс занарядили, поэтому и вчера не приходил»,— думал он, таская из поленницы дрова.

Подошло время купаться, а молодых все не было. Уже помылись Гюльнафис-апа и Аниса, а Ариф-абы не шел один, досадливо говорил: «Какая банька без Гарифа, мы там друг друга без слов понимаем, то ли пару поддать, то ли жару, а уж веничком на лавочке...»

Начало смеркаться, и Гюльнафис-апа стала уговаривать его:

— Шел бы ты, отец, один, сам знаешь, шоферская жизнь какая. Попарься, а я тем временем не спеша на стол накрою, тесто как раз подошло. Управлюсь с пирогами, забегу к ним. А то и сами вот-вот пожалуют.

— И то верно, если скоро придут, застанет меня Гариф в баньке, а если уж запоздают, после ужина вдвоем с Нафисой сходят, мунча наша долго тепло держит,— согласился Ариф-абы.

Купался он не спеша, основательно, все надеясь, что вот-вот распахнется размокшая, набухшая дверь, в густом пару возникнет Гариф и с порога весело крикнет:

— С легким паром, отец!

Но зятя не было. Попарившись всласть, Ариф-абы надел чистое белье и рубаху и, накинув на плечи пиджак, медленно двинулся к дому. В доме ярко горел свет, из раскрытого окна слышалась музыка, и он подумал, что его уже ожидают за столом, прибавил шаг.

В чисто прибранной комнате работал на всю мощь телевизор, транслировался какой-то концерт. За столом, уставленным закусками и пирогами, сидели молодые и заплаканная Гюльнафис-апа.

При виде Арифа-абы она снова уткнулась в передник.

— Что случилось, мать? — Камалов недоумевающе смотрел на жену.

— Уезжают наши детки, — всхлипнула Гюльнафис-апа.

— Куда это вы на ночь глядя ехать собрались? — обратился Ариф-абы к насупившемуся зятю.

— Не на ночь глядя, а вот решили с Нафисой махнуть на Дальний Восток.

— Вот-вот, на Дальний Восток собрались... — вмешалась в разговор Гюльнафис-апа.

— Да объясните вы толком, что случилось, почему вдруг уезжаете? И почему на Дальний Восток? — Ариф-абы растерянно присел рядом с женой.

— Матери вот целый час объясняли наши планы, а она в слезы, — ответила Нафиса.

— Может, вы нас поймете, отец, — перебил Гариф жену. — Хотим на год-два заехать подальше и подзаработать как следует, чтоб на все сразу хватило: и на машину, и на гараж, и на мебель... Дом ведь у меня почти готов... А там зарплата что надо, да и надбавки всякие, коэффициенты. В общем, надо нам на ноги встать, да не хочется, чтоб это десятки лет тянулось. Пока-то всем обзаведешься, и жизнь пройдет, — заметно раздражаясь, объяснял зять, как казалось ему, прописные истины.

— А как же автобаза? — спросил Ариф-абы после долгого затянувшегося раздумья. — У вас же людей не хватает...

— При чем здесь автобаза?! — Гариф зло махнул рукой. — Сдал машину, и все дела. А что трудовую книжку не дают, так я плевать на нее хотел, до пенсии далеко... Заработаю еще стаж... Меня и без трудняка возьмут... Рабочих рук-то там еще больше не хватает, а шоферы тем более нарахват.

Ариф-абы встал и нервно прошелся по комнате.

— Да, не думал я, сынок, что ты из тех, кто за длинным рублем тянется. А тебя-то, Нафиса, что манит в дальних краях? — Ариф-абы остановил взгляд на дочери.

— Меня? — Нафиса по привычке повернулась к матери, надеясь, как всегда, встретить ее одобряющий взгляд, но тут же отвела глаза. — Хочу посмотреть, как живут люди, отец. Я ведь, кроме Хлебодаровки да Оренбурга, больше нигде и не была, — пробормотала она, глядя себе под ноги.

— Чтоб посмотреть, доченька, туристами едут, да и то все больше в обратную сторону...

Ариф-абы вернулся за стол, глядя на остывающий самовар и стынувшие пироги, растерянно подумал, что вот сидят рядом, протяни руку, родные дети, а такое сейчас между ними непонимание, словно чужие они ему.

— Что, мать, может, чаю на дорожку? — Ариф-абы повернулся к жене, и горькая усмешка на миг мелькнула на его губах.

— Какой уж там чай... — Гюльнафис-апа, комкая мокрый передник, выбежала из комнаты.

— Да и нам уже пора. — Нафиса взглядом заставила мужа встать.

В ту ночь сон к Камаловым не шел. Лишь под утро, выплакавшись и выговорившись, задремала Гюльнафис-апа, а Ариф-абы так и не сомкнул глаз. Задолго до рассвета, до своего любимого часа, он осторожно поднялся с постели и, прикрыв жену легким, верблюжьей шерсти одеялом, вышел во двор.

Высокие летние звезды, усыпавшие весь небосвод, сияли еще ярко и, казалось, струили на землю покой и тишину. Но не было покоя в душе Арифа-абы.

При свете звезд он бесцельно ходил и ходил по двору, потом, вдруг спохватившись, прошел к баньке и распахнул настежь двери; подумал: «Хороша мунча, до самого утра тепло сохранила, хоть снова купайся...»

«Все, значит, подсчитал зятек, — шептал Ариф-абы, припоминая, что ночью рассказывала жена, — во сколько крыша дома ему обойдется, во сколько обкладка стен, во сколько веранда и полы. Даже на теплый подвал замахнулся — строить так строить. И югославский гарнитур к новоселью не забыл, и телевизор, и приемник как у тестя... Ушлый оказался зятек, а я его мальчишкой считал», — подытожил Ариф-абы. И от такой расчетливости того, кого он считал сыном, с души воротило Камалова.

Не выспавшийся, злой, раньше обычного ушел он на работу. Шел торопливо, обходя знакомые и привычные улицы; ему казалось, что вся Хлебодаровка уже знает, что его дочь с мужем, любимым и обласканным зятем, собрались за длинным рублем на Дальний Восток.

Молодые уехали. Все последующие дни и недели Ариф-абы никак не мог избавиться от мысли о своих детях, которые вдруг оказались так далеко от него...

Дом... Если по совести говорить, весь он до крыши Арифом-абы и возведен, разве что гравий на фундамент Гариф на своей машине с карьера завез.

Попробуй-ка старые шпалы на разъездах у путейцев купить, до самого Актюбинска и проедешь, пока триста штук нужных соберешь, да и по пятерке каждая. А Ариф-абы их разом свез, сам, на собственном прицепе, Гариф даже не спросил, сколько уплачено. А ставил дом кто? Друзья Арифа-абы. Деревянный дом возвести дело не простое, здесь нужны мужики с пилой да топором, дружные и в столярке понятие имеющие, стамеску и рубанок в руках державшие, а такие люди теперь и в селе наперечет. Такие мужики теперь нарасхват, ни один из них не отказал Ариф-абы, поскольку званы были им самим. А два приятеля Гарифа, что пришли, на «подай» да «принеси» только и сгодились. Да что там говорить, и лошадей, и половину из колхоза Ариф-абы выпросил, и глину сам привез. И на каждый воскресник сам покупал по барашку на базаре, а Гюльнафис-апа ящиками вино и водку брала.

Никогда Ариф-абы до этой горькой минуты не задумывался о своем вкладе в строительство дома, ему даже нравилось, когда Гариф за чаем, особенно в последнее время, часто говорил: «Мой дом, в моем доме будет...»

А как обернулось! Подняла собственность что-то темное с самого дна души, замутила сердце и разум парню. А дочь почему же не повлияла? И где же сила родительского примера, на которую все время указывали на школьных собраниях?

Ведь жили с матерью на глазах дочерей, не таили ничего, не хитрили, не ловчили... Наверное, помнила, как свой дом ставили, считай, целых десять лет, то пристраивали, то доделывали.

А обстановка, она тоже за один день, к новоселью, не появилась. Откуда сейчас у них, молодых, это стремление — все вынь да положь, ничего ждать не хотят?

А с работой? В автобазе Гариф на хорошем счету был. Обзавелся семьей, начал строиться, дали новую машину, большой и сильный самосвал ЗИЛ-555, пошли навстречу, зарабатывать. А он, выходит, с легким сердцем может бросить все: друзей, коллектив. А с какими глазами возвращаться потом будет? Явился, мол, не запылится, примите снова в свои ряды, я свои дела уладил, теперь могу и за ваши взяться.

Ариф-абы вспомнил, как в самое трудное время, когда он строиться начал и дочки уже родились, позарез нужен был ему колодец. Стройка без воды — и ни туды и ни сюды. Нанять деда Шарова с подручными, из-

вестного в районе колодекопателя, он не мог, не по карману было. Да и где по тем временам было столько тесу и свай добыть в степном краю? И надумал Ариф-абы кольца лить из бетона. На почте разрешили ему бесплатно старые провода на арматуру забрать, прямо в степи и собирал их Ариф-абы после замены на новые.

Разжился цементом. Опалубка сначала была деревянная, долго ее приходилось сколачивать, и всего на один раз, и дефицитный фанерный лист по кругу шел. Позже, намучившись, он из листового железа две опалубки придумал — на зажимах да на болтах, считай, полуавтомат да и только. И кольца стали получаться ровненькие, гладкие, одинаковой толщины.

Как с Кирюши начались огороды в Хлебодаровке, так кольца для колодцев пошли с Камалова. В местном промкомбинате быстро оценили сметалку грейдериста и организовали цех по изготовлению колодезных колец, цемент тогда частникам редко продавали.

Пришли из комбината уговаривать Арифа-абы взять себе пару помощников и начать кольца лить. Дело, мол, прибыльное, в обиде не будешь. Как ни было заманчиво легкую деньги заработать, а не пошел Ариф-абы.

— Шабашка, она и есть шабашка, а я на производстве работаю, — сказал он тогда огорченной Гюльнафис-апа.

Лет пять выпускала артель кольца, шли они нарасхват по всему району, а позже, когда цемент в продаже появился, заглохло это дело, люди сами лить приспособились. Хотя мужики, работавшие «на колодцах», поставили добротные дома и приобрели тяжелые мотоциклы «Урал», никогда Ариф-абы к ним зависти не испытывал и никогда не сожалел, что не согласился сменить работу. В нем всегда сильна была та струна, что называют рабочей гордостью.

А Гариф вот взял и бросил все, думает, что молочные реки и кисельные берега ожидают его. Работать и там нужно, и еще как работать, а сейчас за хороший труд везде хорошо платят.

Знал Ариф-абы не хуже Гарифа, что на Востоке большие стройки и государство на них денег не жалеет, но всегда думал, что едут туда прежде всего по зову души, попробовать себя и свои возможности, а не так откровенно за деньгами. В такое важное дело, как всенародная стройка, с мелкими расчетами идти нельзя, это Ариф-абы знал точно.

Такие мысли терзали Арифа-абы день ото дня, и утешение он находил лишь в работе. Никто над ним не подтрунивал, даже особенно не расспрашивали, а знали, наверное, многие, ведь может ли какое событие в Хлебодаровке остаться незамеченным? Правда, иногда он думал, вдруг в дальних краях обретет себя Нафиса, сколько туда боевых девчат наехало, по телеви-

зору, считай, каждый день их показывают. Станет штукатуром или маляром, или на крановщицу обучится, было б желанье, дело нехитрое. А то ведь ни профессии, ни призвания. Кто его знает, может, большое дело затронет какие-то струны и в их душах.

По субботам, после баньки, подолгу сидел он с Кирюшей на веранде за самоваром и каждый раз настойчиво спрашивал:

— Нет, ты объясни, сосед, откуда у них эти куркульские замашки?

Но все знающий Павленко в ответ только тяжело вздыхал.

Обложили кирпичом дом, и стоял он теперь беленький и чистый, веселя глаз прохожих, только не радовался Ариф-абы.

Даже за угощением, принятым по такому случаю, за жирным казахским бешбармаком, веселился Ариф-абы, знающий цену отличной работе, не от всей души, а как хозяин, чтобы не обидеть мастеровых.

Дни тянулись в ожидании письма, и Гюльнафис-апа извелась прямо: как они там, как устроились...

Наконец дождались. Как-то в воскресенье возвращавшаяся с речки Аниса принесла почту: газеты, журналы, а за спиной письмо припрятала, хотела с матери сунучи получить. Гюльнафис-апа на радостях чуть самовар не опрокинула, тут же вслух и начала читать.

Писала поначалу дочь больше о том, что ей следует выслать из одежды, мол, похолодало уже там, а Ариф-абы нетерпеливо ждал, когда же она дойдет до главного, до работы.

Про работу было сказано в самом конце, да и то скороговоркой. Получают, мол, много те, у кого стаж хотя бы года два-три. «А как ты хотела?» — подумал Ариф-абы. Стройки все в лесу, в тайге, а гнуса и комарья там тучи, и потому устроилась она в поселке, в столовой посудомойщицей, тут хоть кормятся они с Гарифом бесплатно и на питание не надо тратиться.

Не дожидаясь конца письма, Ариф-абы неожиданно встал и медленно вышел из кухни. Долго стоял на крыльце, казалось, любуясь, как ловко сосед скирдует привезенное ночью сено, но он ничего этого не видел. В бесильной злобе Ариф-абы вдруг сделал несколько быстрых шагов, сорвал висевший на калитке почтовый ящик и, размахнувшись, закинул его далеко, почти до самой бани.

Суан, притихнув, наблюдал за действиями хозяина и понимал, что ластиться к нему сейчас не время. Когда Ариф-абы, хлопнув калиткой, ушел к своему другу Павленко, умный пес побежал на огород и, энергично помахивая хвостом, долго рассматривал и обнюхивал предмет, вызвавший гнев хозяина.

Паланга, 15 июля 1979

Горный король и другие

Рассказ

Вторая очередь медно-обогадительного комбината с просторным электролитным залом площадью в целый гектар и комплексом сернокислотных цехов строилась рядом с действующими корпусами, а очистные сооружения, на которые его направили, находились далеко в степи. «Ну и махина!» — думал он, шагая по выжженной земле к месту работы.

В дальнем углу огромного котлована запыленные ЗИЛы поочередно опрокидывали в широкий лоток бетон. На дне котлована, где шум глубинных вибраторов перекрывал любые другие звуки, работали бетонщики.

Кутуев прошел в сторону работающих, не решаясь спуститься вниз, насчитал семь широкополых самодельных сомбреро из камыша и пять пропитанных потом и прибитых пылью живописных тюрбанов. «Буду тринадцатым», — подумал он, пытаясь угадать бригадира. «Наверное, тот — коренастый, в сапогах», — решил он и спустился по шаткой стремянке в котлован.

Мужчина в кирзовых сапогах выключил вибратор, вытер лицо и руки поясным платком, протянул руку:

— Мусаев.

Кутуев подал руку и почувствовал, как обожгла ее жесткая, пылающая ладонь.

— Работал глубинным вибратором? — спросил бригадир, прочитав его направление.

— Приходилось.

— Тем лучше, вот возьми мой — хороший, отлаженный, — он протянул отполированную до блеска рукоять. — Я следующей машиной поеду на бетонный завод. Заодно получу новый. Ну, в добрый час! — И, хлопнув новичка по плечу, Мусаев тяжело зашагал к стремянке.

Кутуев включил вибратор, опустив его в тяжелый вязкий бетон. Рубашка вскоре промокла насквозь. Он остановил вибратор, стянул ее и обвязал вокруг пояса. Его незагорелое тело привлекло внимание остальных. Оторвавшись от работы, они глазели на новичка. Словно не замечая любопытных взглядов, он продолжал водить уплотнитель вверх — вниз, вверх — вниз...

Вскоре заныли плечи, поясница, занемели кисти, но когда он оглядывался по сторонам и видел, как сильные загорелые руки, словно играючи, легко поднимали и опускали тяжелый инструмент, снова принимался за работу. Соленый пот застилал глаза, непокрытую голову нещадно палило солнце, но он терпел, дожидаясь, когда же, наконец, объявят перекур.

— Выключай! — крикнул кто-то ему прямо в ухо.

Вытирая тщательно выбритую голову, на опалубке стоял невысокий пожилой узбек.

— Не горячись, сынок, оставь. Пойдем в холодок — перекур. Рубашку надень — сгоришь. Солнце наше жаркое.

В тени высокой опалубки, кто на чем, расположилась бригада. Вскоре зашумел большой прокопченный чайник, и пиалы с кок-чаем пошли по рукам. Вглядываясь в усталые загорелые лица, вслушиваясь в житейский разговор о видах на хлопок, о сроках сдачи объекта, о красной меди, что даст электролитный цех, Кутуев решил: с такой бригадой он сработается.

В этот утопающий в зелени узбекский город, раскинувшийся у отрогов рудоносных гор, на Всесоюзную ударную стройку Шариф Кутуев прибыл из Татарии по путевке комсомола.

В штабе стройки тоненькая девушка с необыкновенно серьезным лицом спросила:

— Какую профессию хотели бы получить?

Кутуев, не поняв и не решаясь переспросить, молчал.

Девушка, принимая затянувшееся молчание за раздумье, начала перечислять профессии:

— Каменщика, штукатура... маляра, моториста...

— Ах, вот вы о чем,— сказал он, доставая целлофановый пакет, и на стол посыпались разноцветные книжечки — удостоверения шофера, тракториста, комбайнера...

— Вообще-то, каменные и бетонные работы мне тоже знакомы, на стройке все приходилось делать: строить дома и коровники, тянуть водопровод и освещение...

— Здорово! — сказала серьезная девушка.— Работу можем предложить по каждой вашей специальности, кроме комбайнера. Но у нас не хватает бетонщиков. Работа тяжелая, бетонирование минусовых отметок под палящим солнцем. Особенно не хватает людей на очистных сооружениях. Может, пойдете?

Ему почему-то вдруг стало жаль ее, такую строгую, серьезную, на чьи хрупкие плечи легли далеко не девичьи заботы.

— Почему не пойти, если надо. Да и посылал комсомол на стройку, а не на прогулку.

Так Шариф Кутуев оказался в бригаде Мусаева.

Каждое утро, шагая в людском потоке, вливающимся в проходную, Шариф поглядывал в сторону рудоприемника. Там к началу смены в широкие ворота обогатительной фабрики, тяжело урча, въезжали двадцатипятитонные и сорокатонные БелАЗы, КрАЗы, чешские «татры», груженные медной рудой.

Вырос Шариф в большой трудовой семье и к любой профессии относился с уважением. Но парни в высоких кабинах могучих машин казались ему штурманами необыкновенных кораблей, водителями могучих танков, и когда они небрежно сходили с высот на землю, ему чудилось, что не тяжелая дверь хлопнула, а гроыхнула крышка бронированного люка.

В перерыв, если удавалось быстро пообедать в чайхане, он не задерживался у теннисных столов, а спешил на приемный пункт обогатительной фабрики.

Громадные самосвалы, доверху груженные рудой, загонялись на автоматический опрокидыватель, и два стержня домкрата, словно две богатырские руки, легко поднимали закрепленную машину, ставили ее почти вертикально.

Все оставшееся время перерыва Кутуев, тяжело вздыхая, завороненно смотрел, как, точно развернув неуклюжие машины, въезжали ребята на узкие полосы опрокидывателя или, мягко съехав, прежде чем исчезнуть за высокой оградой, на полном ходу вдруг лихо тормо-

зили, пропуская идущую навстречу машину с грузом, а через секунды моторы уже ревели на шоссе к рудникам.

Многих шоферов он знал по именам, особенно нравились ему два демобилизованных солдата, еще носившие ладную армейскую форму. Они работали в колонне недавно, но уже задавали там тон. Они и заметили Шарифа, часто появлявшегося в обеденный перерыв на разгрузке.

— Что, парень, нравится машина? — спросил чернявый Калхаз, любовно поглаживая никелированного медведя на радиаторе.

Шариф спросил что-то про мотор.

— Да ты, оказывается, свой брат — шофер! — воскликнул Сергей, старший в компании. — Второй класс, говоришь? Приходи в колонну, составим протекцию.

— Не могу. Сейчас не могу, вот сдадим компрессорную, тогда, наверное, — говорил Кутуев, и перед его глазами вставало озабоченное лицо девушки из штаба. Ему казалось, что она тотчас же узнает, что он ушел из бригады, узнает и огорчится.

Ранней весной сдали, наконец, компрессорную и перешли на градирню электролитного цеха. Однажды к перерыву у них кончился бетон. Шариф не спеша пообедал в чайхане, выстоял в очереди на теннис. Проиграв первую же партию — играли на вылет, побрел на обогатительную фабрику.

Сергей, разгрузившись, отвел в сторону серебристую «татру» и щедро поливал ее мощной струей воды.

— Чего это ты среди бела дня форс наводишь? — спросил Кутуев, протягивая Сергею руку.

— А ты что в рабочее время разгуливаешь? — ответил вопросом Сергей, с улыбкой поглядывая на часы.

— Шабаш. Бетон вышел.

— Тогда влезай в машину, узнаешь почему, — сказал Сергей, выключая воду.

Кутуев забрался на высокое сиденье; поролоновые подушки слегка пружинили под ним.

— Ну что, трогаем? — спросил Сергей, захлопывая дверцу кабины, и машина легко взяла с места.

«Татра» выскочила на бетонку и, рассекая накалившийся воздух, понеслась в горы. Водители приветствовали друг друга взмахом руки из кабины, а чаще — гудком сирены. Шарифу нравилось, когда Сергей, нажимая на сигнал, делал это одновременно с несущейся навстречу машиной — два звука сливались в один, высокий и резкий.

Для Кутуева нынешняя весна была первой на узбекской земле. Со дня его приезда миновали лето, осень, зима,— честно говоря, он и не заметил, как они пролетели. Бригаду переводили с одного пускового объекта на другой, и в суতোлке рабочих дел и житейских забот смешались все времена года.

Сергей вдруг сбавил скорость, и машина медленно пошла на тяжелой подъем. И тут выросший в селе Кутуев почувствовал знакомый теплый запах разогретой земли. Машина неожиданно съехала в поле и остановилась. Сергей спрыгнул первым.

— Смотри, Шариф, какая красотища! — сказал он, оглядываясь вокруг.

Высокие холмы и ложбинки меж ними зеленели нежной травкой, а среди них, как рассыпанные горячие угли, пламенели тонкошие маки. Огромное степное пространство, пронизанное солнцем, пряный воздух вольной земли дурманили голову. Высоко в небе заливался невидимый жаворонок, приветствуя солнечный день. Лилась, лилась над миром величальная, ликующая песня маленькой птахи, и сердце Кутуева защемило — вспомнил весну в своем селе... Не такую, может быть, пышную и раздольную, но такую же светлую и праную.

— Смотри и запоминай, через две недели все выгорит, и никто тебе не поверит, что такая краса была кругом, скажут, мираж привиделся. Скоротечна весна в этих краях...

Кутуев наклонился сорвать цветок, но Сергей его остановил:

— Не нужно. Маки хороши только живые. Может, потому они красивые, что жизнь их так коротка?.. Видишь, как природа степь убрала? Недолг ее праздник, но щедр на краски...

Крутая дорога в горы запала в сердце Кутуева. Он затосковал. Кудрат-ака, с которым Шариф работал в паре, заметил это и спросил, что с ним. Не таясь, Шариф рассказал ему о дороге, о машинах, к которым тянулся с детства.

После обеда, в перекур, к ним подсел бригадир.

— Знаю давно, что самосвалы не дают тебе покоя. Да и твои приятели как-то заезжали к нам на объект посмотреть, что же тебя держит. Так и не поняли. Я все ждал, когда сам заговоришь. Если душой тянешься к машинам — иди. Верю, не от тяжелой работы бежишь, крутить баранку такой махины — те же мозоли набивать, что и от вибратора. Если не пойдут дела, место в бригаде для тебя всегда найдется. Ну, а на прощанье — плов в чайхане с тебя, сам Кудрат-ака поможет готовить,— засмеялся Мусаев, тормоза Кутуева.

В колонне как раз получили несколько новых машин, и, не без помощи друзей, Шарифу дали такую же серебристую «татру», на какой он ездил в горы с Сергеем. Пока оформлял документы, обкатывал машину — степь выгорела. В первый же выезд он притормозил у места, где они тогда останавливались. Словно неприятель огнем и мечом прошел по степи, сорвал с земли ее наряд, опалил жаром. Высокие холмы пылили от ветра, а ложбинки меж ними занесло песком. «Да, прав был Сергей, кто поверит тому, что здесь зеленели травы и качались цветы две недели назад?» — подумал Шариф, включая мотор.

По календарю еще долго значилась весна, но солнце палило уже нещадно, а с первых дней июня ртутный столбик термометра подскакивал за сорок. В раскаленной машине, несмотря на выставленные боковые стекла, стояла нестерпимая духота, да и сама «татра» с покоробившейся от жары покраской грозила ожогом. И Кутуев стал часто останавливаться в низине, ближе к кишлакам, у сая-речушки, по-горному торопливой и обжигающе ледяной. Выбрав безопасный спуск, Шариф загонял свою серебристую красавицу, как ласково называл он «татру», в речку, по-азиатски неглубокую, и поливал ее из ведра. Если рядом работали люди из кишлака, они непременно угощали его пиалой кок-чая и говорили: «Новенький? Привыкаешь. Только меньше пей, а то нечем будет остудить машину», — и при этом заразительно смеялись, смеялся вместе с ними и Шариф.

А мимо сая торопливо проносились машины одна за другой, и Кутуев иногда со страхом думал: «А как же с дневным заданием? Не справлюсь — придется с позором расстаться с машиной?!»

После обеда, когда шоферы толпились у будки с газированной водой, Шариф украдкой поглядывал на доску, где отмечались ходки водителей, и каждый раз замечал, что ему приписаны один-два рейса, значит, больше, чем сделал. Шариф торопливо отыскивал своих друзей, но они и слушать его не хотели, говорили: «Ничего, ничего, мы тоже так начинали, научись, привыкнешь, еще и перевыполнять план будешь, а то и Пашку Колесова догонишь, хотя на Пашку ориентироваться не советуем».

Как новенького, Шарифа не ставили в ночные рейсы, давали возможность освоиться с трассой. Но как-то к нему подошел Колесов и попросил обменяться сменами. Хотя портрет Колесова и красовался на Доске почета автоколонны, Шариф уже знал, что Пашку в автобазе не любили.

Человеком и шофером он слыл бывалым: и на Чуйских трактах помотался, и «дальнобойщиком» ходил, доставляя грузы в отдаленные аймаки Монголии, и на горном Памире класс выдержал, даже в курортном Крыму, в таксопарке, новую «Волгу» до капремонта успел загнать. И эта довольно-таки сложная трасса для Пашки, по его словам, была баловством.

Но баловство его стоило другим немалых нервов: никогда ни при каких обстоятельствах Пашка никому не уступал дорогу — ни порожний, ни с грузом; ни на развилке дорог, ни на маленьких мостах многочисленных речушек; ни днем, ни ночью. На разгрузке, обойдя кого-нибудь даже на территории комбината, он нагло отшучивался от наседавших шоферов: «В нашем деле нервы — первое дело, а у меня они как тросы у лифта, с двенадцатикратным запасом».

Шоферы в колонне оказались в основном семейные, степенные, сплотиться не сумели и отступились.

Но начальство Пашку любило. А как же! Передовик из передовиков! В отпускной период и в дни авралов Колесову цены не было: два плана — его норма!

До срока заездив машину, Пашка всегда умудрялся получить новую. Эту операцию он проделывал мастерски: в ход непременно шли Доска почета, грамоты и участие во всяких починах, которые Пашка, по большому своему опыту, поддерживал первым. Система была проверена давно: и на Колыме, и на Памире, и даже в благодатном Крыму — безотказно действовала и здесь, на рудниках. Пожалуй, за это Пашку не любили более всего.

Не будь Сергея с Калхазом, ездить бы Шарифу не на новенькой «татре», а на разбитом колесовском КраЗе. О чем они толковали наедине с Колесовым, Кутуеву никогда не узнать, но Пашка отступился от «татры», на которую уже намертво нацелился.

Вот и сейчас, упрасывая Шарифа поменяться сменами, Пашка не преминул намекнуть: уступил, мол, ему, новичку-желторотику, потом и кровью заслуженную машину. Мысль о том, что Пашка вдруг подумает, будто он испугался ночной смены, заставила Кутуева согласиться. И удивительно, ночная дорога не только пришлась по душе Шарифу, но впервые он перекрыл задание. Теперь при случае Кутуев старался попасть именно в ночную и обменивался сменами со всеми желающими.

— Ты как сова, днем спишь, ночью работаешь, — шутил Калхаз. Так к нему и пристало — Сова.

Пришла уверенность, и Шариф днем стал делать не меньше ходок, чем бывалые водители, хотя до Пашкиных результатов пока было далеко.

Теперь уже Сергей с Калхазом иногда вдруг обнаруживали приписки в своих рейсах, особенно ночных.

— Ночью со мной может тягаться только Сова,— говорил в курилке Пашка.

Дома, в Татарии, Шариф видел, как исконно сельские районы быстро превращались в промышленные зоны. Хлеборобы становились нефтяниками, газовиками, химиками. Шарифу было жаль, когда в нефтяные владения попадали заливные луга, ухоженные пашни с подступающим вплотную лесом. Меняла тогда земля свой зеленый шелестящий наряд на кружево и вязь стальных линий электропередачи, на точеные молнии нефтяных вышек, на строчки-стежки газопроводов...

Исчезла с земли, до бревнышка разобрана и его родная деревня. Умом понимая, что так нужно, сердцем Шариф грустил по родным местам, так изменившимся, ставшим незнакомыми, чужими.

Здесь, в Узбекистане, огромные металлургические и химические комбинаты тоже поглощали у колхозов сотни гектаров земли. И поэтому однажды утром, увидев невдалеке от тех мест, где он любовался цветущими маками, колонну скреперов, бульдозеров, грейдеров, мощных тракторов «Кировец», Шариф обрадовался. Он знал, что на спланированных холмах, опаленных жарким солнцем, разобьют ровные хлопковые карты, поднимут плотинами воду из саев, построят насосные станции и направят поистине живительную влагу на поля. Хлопковые карты год от года будут расти, и рано или поздно вблизи построят кишлак.

Понимая, что сейчас у него на глазах происходит не менее важное событие, чем закладка завода или фабрики, когда гремят оркестры, трепещут флаги и шумит многолюдный митинг, Шариф свернул в степь. Негоже было проехать мимо, не пожелав успеха долгому и трудному делу. За год работы в бригаде Мусаева Шариф усвоил местные обычаи и довольно бойко говорил на узбекском, хотя никто этому не удивлялся — работа сближает и не такие родственные наречия.

— Хорманг! Не уставать вам! — приветствовал Шариф собравшихся у передвижного вагончика механизаторов.

— А, водохлеб, салам! — отозвались ребята, не раз угощавшие его чаем.

— С водными процедурами придется, видно, кончать, хлопку вода теперь нужнее,— вместе со всеми посмеялся Шариф.

«Ну и дела! Сорок гектаров хлопкового поля на целине! Это ведь не под картошку или ячмень вспахать, и к тому же — непременно к весне...— Мысли Кутуева постоянно возвращались к полю.— Да, заводы и стройки наступают на поля, но они же дают этим полям технику и возрождают к жизни столько земли, заброшенной, забытой. Сколько богатства на этих громадных пространствах — хватит на сотни поколений, только руки приложи,— думал Шариф в рейсах.

О том, что начали осваивать залежи под хлопок, в колонне узнали и почувствовали скоро. На трассе заметно прибавилось техники, непривычно тихоходной. Люди, работавшие в степи, добираясь в кишлак или на работу, «голосовали» у обочины. Кто подбирал, а кто проносился со свистом. Но скоро поднимавшие руки безошибочно научились определять нужные им машины. Однажды Кутуева остановил водитель запыленного «газика»; Шариф узнал машину Усмана-ака, председателя колхоза, поднимавшего целину — человека уважаемого в здешних краях.

— Здравствуй, Шариф, целый час ожидаю на шоссе, очень нужен ты мне...— Усман-ака был чем-то расстроен.

— Буду рад, ака, если могу помочь,— искренне ответил Шариф.

— С утра ваша машина,— председатель назвал номер,— чуть не сбросила с моста в речку нашу водовозку. И шофер со страху туда все-таки свалился. Слава Аллаху, машина цела, а шофер отделался испугом. Но на этого лихача жаловались и другие. Согласен, ребята мои правила дорожные знают плохо, да и техника у нас не такая быстроходная, но ездят осторожно, за это ручаюсь. Ты уж поговори с ним. Нельзя, мол, так... Одно общее дело делаем... Да и на знамени у нас серп и молот,— улыбнулся Усман-ака.

«Так уж Пашка и поймет... про общее дело, с ним особый, колесовский, разговор нужен»,— Шариф гнал машину, чтобы застать Пашку в перерыв.

Разгрузившись, Кутуев направился к доске показателей, где Пашка мелом выводил свой месячный итог.

Отказавшись от протянутого Сергеем стакана газировки, Кутуев окликнул Пашку.

— А, Сова, чем обязан младому племени? — поправляя пряжку-подкову на ремне затертых джинсов — память о курортном Крыме, Колесов равнодушно обернулся.

— Послушай, супермен, ты зачем сегодня водовозку в сай загнал? — громко спросил Шариф.

В их сторону заинтересованно обернулись шоферы.

— По-моему, он сам туда свернул,— не моргнув глазом, нахально улыбнулся Пашка.

Шариф схватил его за грудки, и рубашка с треском лопнула на спине.

— Подлец, паясничаешь, а у него пятеро детей...

— А ну, пусти! — рванулся Пашка.— Молокосос! Я с тобой еще поговорю...— угрожающе процедил он.

— Поговорим, поговорим,— растащил их Сергей.— Только запомни, Колесо, мы приехали сюда надолго...

Пашка оглядел ребят, в бессильной злобе выругался и кинулся к своей машине, всегда стоявшей первой у выезда.

Осень пришла неожиданно рано, внезапно спала жара, дождь дважды омыл, казалось, насквозь прокалившуюся степь, смахнул с придорожных чинар въевшуюся за долгое лето пыль, прибавил саям воды. Заблестела, жирно отражаясь в лучах фар, широкая спина авто-страды. По-весеннему молодо запахла земля, даже на два коротких дождя откликнулась она зазеленевшими лужайками. Установились долгие теплые, безветренные дни. Вблизи рудников и карьеров, изо дня в день прибавляя в цвете, запылял лес, вновь, как и по весне, слетались в предгорья птицы.

На полевом стане, поближе к насосной станции, у речки, колхоз открыл чайхану. Усман-ака разрешил обедать в ней и водителям. И теперь многие заезжали на жирную шурпу, дымящийся шашлык, обжигающую самсу. Привлекал и самовар с горной водой на тлеющем ангренском угле, кипевший с самого утра.

Шариф в последнее время замечал, что Усман-ака чем-то озабочен. Часто по утрам встречал его с колхозным агрономом у шоссе. Как-то Шариф притормозил рядом с колхозным вездеходом.

— Усман-ака, может, помочь вам чем-то нужно? — поприветствовав, спросил Кутуев.

— Спасибо, сынок,— поблагодарил председатель.— Забота у нас такая — подвело ПМК: рассчитывали мы на них, что помогут пересечь дорогу и проложить большие трубы для воды, а потом трассу снова привести в порядок. Хилая оказалась организация. Считаю,

насосную станцию мы своими силами и построили. А теперь экскаватор у них в ремонте, труб нужных диаметров нет, трубоукладчика нет, асфальтировщиков нет. А ждать нам больше нельзя.— Усман-ака посмотрел на агронома.— В этом году мы должны сделать пробный полив...— И, словно убеждая себя, Усман-ака не по возрасту решительно, словно саблей, взмахнул рукой: — Сами будем класть трубы!

А в перерыв в чайхане витийствовал Колесов:

— Все, кончилась наша малина! Дорога теперь никуда не годится, вот скоро ее копать да латать начнут, видели, набросали вдоль трассы труб? Но это еще не все, хлопок начнется — жизни совсем не будет: голубые корабли пойдут величаво! По ночам тракторные прицепы на хирман потянут. Веселая жизнь: постоянно держи ногу на тормозе. Не по мне все это. А в солнечные дни совсем лафа: прямо на шоссе расстилают «белое золото» на просушку — любуйся, не дай Бог зацепишь колесом, здесь на этот счет строго! А я б рванул, как обычно, чтоб белый снег за кузовом...

— Слушай, Колесо, за что ты так хлопок невзлюбил? — спросил Сергей.

— Не люблю — и точка, я нейлон предпочитаю...

— Эх ты, Нейлон, поди, у тебя и душа нейлоновая,— вмешалась в разговор учетчица Мукаррам-апа.

Зима явилась ночью. Мокрым снегом замело едва опавший лес на склонах, в белых берегах, казалось, еще торопливее побежали речки. По утрам машины заносило на обледенелом шоссе, но теперь на большой трассе было не страшно, рядом всегда находилась техника: тракторы, бульдозеры — вытянут!

Январь оказался не по-азиатски снежным и холодным.

Шариф из окна кабины часто видел в степи Усмана-ака и агронома, они проверяли снегозадержание. Ох, как пригодится весной эта влага на новых землях!

Дважды за зиму колхозный трактор приводил на прицепе с трассы к чайхане машину Нейлона. В сердцах брошенное Мукаррам-апой прозвище так и осталось за Колесовым. Помогая Пашке с мотором, трактористы укоризненно качали головами:

— Такой лихой, говорят — первый шофер, а за машиной не следишь...

В зимней курилке Нейлон, задрав ноги на батареи отопления, клял бездорожье и соседний колхоз, и хлопок, и свой КрАЗ.

— Что же не уедешь? — спрашивал Калхаз, не терпевший нытья и самого Колесова.

— Нашел дурака, у меня третья очередь на личный транспорт, авось «волжанку» и выжму у руководства, как передовик. Как ни крути, а впереди меня человека нет. А там — Пашку вы только и видели... С этим хлопком вы все в «колхарей» превратились. Понимать надо: у них свой план, у нас свой. Дружба вместе, а табачок врозь.

— Ты, Пашка, за всех не выступай, — вмешалась в разговор учетчица, недолюбливавшая Колесова.

По весне, пока хлопок не взошел, комбинатовские шоферы переживали, пожалуй, не меньше, чем Усман-ака. Зато когда дружно пошли всходы, осунувшегося за зиму председателя было не узнать, Усман-ака молодец на глазах.

Кутуев полюбил ранние, рассветные часы и дни полива. По полю, не суетясь, понимая ответственность дела, с тяжелыми отполированными в долгих трудах кетменями двигались босоногие мирабы — поливальщики. Шариф присаживался на корточки у кромки поля и слушал, как в каждом междурядье собственным голосом журчал маленький ручеек.

— Ну как, Нейлон, здорово на трассе? Хлопок по пояс, жара куда и девалась... Вот и пчелки на днях налетели... благодать... — поддразнивал он Колесова в недолгие перекуры.

— Я не слабак и на жару не жалуясь, но отношения к нейлону не изменил. Да и очередь моя уже вторая... — огрызался тот. — Ох, и закачу я вам, колхари, пловешник и тандыр-кебаб в вашей любимой чайхане на прощанье!

— В таких случаях плов всегда подгорает, — как обычно, встревала Мукаррам-апа.

В сентябре Шариф впервые увидел, как раскрывались коробочки хлопка. Белый, поутру влажный комочек, как цыпленок из скорлупы, тянулся к свету. Забелела одна грядка, затем другая. В середине поля, словно заснеженный, появился остров, а через неделю будто летнее облако опустилось вдоль дороги.

— Когда же начнете убирать? — расспрашивали водители агронома в чайхане.

Довольный агроном, приосанившийся, в новой праздничной тюбетейке, терпеливо разъяснял каждому:

— Если бы как раньше — вручную, уже бы начали, но эти поля разбиты под хлопоуборочные комбайны. Вот сделаем вертолетами дефолиацию, осушим и собьем листья, а там уж и начнем...

Когда готовые поля со дня на день ждали начала уборки, Шариф работал в ночной смене и, проезжая мимо полей, белеющих в лунном свете, жалел, что не увидит, как двадцать колхозных комбайнов поутру одновременно выйдут на карты и — начнется...

В ночной смене Шариф уже обставил самого Колесова и потому иногда позволял себе остановиться у арыка, сполоснуть лицо прохладной ночной водой и, присев на бампер машины, не спеша выкурить сигарету. Сегодня, закуривая уже вторую за ночь и размышляя о предстоящем отпуске, Шариф вдруг увидел далеко впереди, в поле, все разраставшийся огонек.

«Ведь там — хлопок!..» — подумал Шариф и рванулся к машине.

Мощные фары «татры» выхватили из темноты съехавшую с шоссе и уткнувшуюся в край поля машину. Горел возвращавшийся на рудник порожняк. Шофер метался вокруг открытого капота, сбивая курткой пламя. На ходу стаскивая с себя пиджак, Шариф подбежал к грузовику.

— А, Сова, — только и сказал, тяжело дыша, Пашка и кинулся сбивать пламя с другой стороны.

— За машиной смотреть надо! — кричал Шариф, задыхаясь в дыму.

Задымился промасленный пиджак Кутуева.

— Пашка, мигом в машину, без воды уже не потушить...

— Ты что, Сова, спятил, из-за такой рухляди рисковать? — отступил Пашка. — Ты же знаешь, у меня баки всегда под завязку, да я еще дополнительный бак примастерил. Пусть горит, не нарочно же я... — Пашка отбросил далеко в сторону полыхающую куртку.

— Дурак, ты ж в поле заехал, рванет КраЗ, и твоего запаса горячего хватит, чтоб хлопок за секунду на целом гектаре загорелся... — метался Шариф. — Я видел, как хлеб горел. Ты что, с ума сошел?! Ну, в машину!

— Нет, Сова, нет... — Пашка попятился от машины.

— Эх ты, супермен, король горных дорог... — Шариф оттолкнул Пашку и рванул раскаленную дверцу.

ДЖИНСОВЫЙ КОСТЮМ

Рассказ

Портрет Сафонова на Доске почета строительного управления красовался четвертый год подряд. Фотографии рядом менялись каждую весну, лучшие люди уходили искать чего получше, потому что управление из года в год лихорадило: то с планом неувязка, то со снабжением, и текучка была невероятная — за год двести рабочих принимали, двести увольнялось.

На той пожелтевшей от времени, с водяными потеками в левом нижнем углу фотографии был он молод, двадцати трех лет от роду, два года как из армии вернулся. Ему вообще-то иногда хотелось, чтобы фотографию, наконец, сменили. Особенно раздражал засаленный пошлый галстук, который нацепил ему в ателье прохиндей-фотограф, да и прическа у него теперь была другая, и пиджак имелся поприличнее. Сам он как-то не решался сказать об этом в профкоме, а там, наверное, считали, что и такой портрет сойдет.

В эту южную столицу Федор попал прямо из армии, по оргнабору. Приехал на строительство метро и два года, честь по чести, как и было записано в договоре, отработал под землей проходчиком. Рекордов не ставил, потому что каждая работа опыта и сноровки требует, а на это годы и годы нужны, но с планом всегда справлялся и в бригаде деньги зазря не получал. Зарплата шла из общего котла: сколько наработали — столько и получи, понятно, что лодырей в такой бригаде держать не станут. Может, и стал бы со временем Сафонов знаменитым проходчиком, выбился бы в бригадиры, при его упорстве и сноровке это вполне было возможно,

но не лежала у него душа к работе под землей. Не удерживали ни высокие заработки, ни возможность раньше, чем где-либо, решить вопрос с квартирой — уволился, как только срок соглашения вышел. Уж очень хотелось ему на солнышке да на ветерке поработать. Так он и очутился в управлении. Плотничать и столярничать Федор умел с детства — и дед, и отец, пока живы были, на весь Акбулакский район, что в Оренбуржье, слыли известными мастерами. Не было, наверное, в районе села, где бы Сафоновы не оставили о себе память добротными поставленными домами с высокой черепичной крышей, на коньке которой красовался лихой петух. «Сафоновский», — говорили люди, и спутать его с другими было невозможно, он был неповторим, как родовое тавро, как личное клеймо.

И в армии пригодились ему дедово ремесло: два года тихо и мирно отслужил в хоззвезде, хотя там, на Севере, на сорокаградусном морозе служба ох, как непроста. Но не нашлось среди сверстников никого, кто бы лучше него владел топором и рубанком. Он да литовец Петерс стали хозяевами пахнувшей смолой просторной столярки. А у Петерса, потомственного краснодеревщика, Сафонову было чему поучиться. Какие чертежи, эскизы, зарисовки мебели подарил ему на прощанье щедрый Раймонд!

В управлении, где всегда не хватало кадров, молодой рабочий пришелся ко двору. Сильный, ловкий, соскучившийся по любимому делу, а больше всего — по простору, свету и солнцу, Федор едва ли не плясал на работе: все делал с огоньком, азартом, любил пошутить и хорошую песню поддержать. Поначалу кое-кто, вероятно, решил, что еще один болтун в строители затесался. Таких мастеров по части трепы и наигранного веселья развелось теперь немало. Но у парня и руки оказались золотыми, и голова светлая, да и плечо свое от лишней тяжести, как некоторые, не уберегал. И те, для кого работа — не просто день, отмеченный в табеле, незаметно сплотились вокруг энергичного новичка. Так образовалась бригада. И уже через полгода, как раз ко Дню строителя, его портрет появился на Доске почета.

В том году к концу лета затеяли ремонт в управлении, ну и, конечно, не обошлось без плотничных и столярных работ.

Так получилось, что на работу в контору прораб направил Сафонова и дал ему в помощники практиканта-пэтэушника. В кабинетах главного инженера и начальника управления надо было сделать из полированных плит что-то наподобие современной стенки, — там предполагалось хранить документацию, книги, чертежи. Кроме того, нужно было поставить новые двери, установить дубовые плинтуса на вновь отлакированных паркетных полах, да мало ли работы найдется, когда начинается ремонт. Сафонов отличался от других тем, что не бросался сломя голову выполнять работу, а долго взвешивал, обдумывал задание, так и эдак примерялся к предстоящей работе. И день, и другой ходил он по просторным кабинетам начальства, вымерял, высчитывал плиты, дубовые плинтуса и об-

наличку, в который раз перемеривал комнаты вдоль и поперек. Через два дня он явился к начальству с неожиданным предложением: просил отдать ему стоящие почти в каждом кабинете шкафы. Старые шкафы эти некогда достались управлению от расформированной гостиницы. Высокие с резными дверцами буковые шкафы, изготовленные еще до войны, привлекли Сафонова добротностью материала, особенно же нравились ему резные створки дверец. Он объяснял, что полированные плиты тяжелы, трудно надежно укрепить ручки, шарниры, замки, а главное — недолговечны, проще говоря — это не самый лучший материал для облицовки. Вот потому он предлагал обшить мебельной доской часть стен в кабинетах, а из шкафов, которые сам разберет, отполирует и отлакирует, сделать стенки. От шкафов этих уже давно не чаяли избавиться и потому списали их без разговоров и отдали в дело.

Когда к Октябрьским праздникам был закончен ремонт, охам и ахам сотрудников управления не было конца.

И вправду, Федор постарался на славу: наверное, впервые по-настоящему показал, на что способен мастеровой. Единодушно было признано, что работа Сафонова не уступает модным югославским стенкам, сделанным под русскую старину. Куда там! И резьба на сафоновской работе была побогаче, и медные ручки, кольца, облагороженные временем, выглядели интереснее. Каждая дверца, панель — на магнитной защелке, на изящных рояльных завесах, а иные внутренние стенки стеллажей были отделаны наборными зеркалами — все из тех же шкафов, не пропадать же добру. Стеллажи стеллажами, но и стены кабинетов были отделаны не хуже! Каждая полированная панель была взята в дубовую раму из обналички. Расположенные в шахматном порядке, они делали комнаты выше, просторнее. Для сейфа, холодильника, гардероба в стенах имелись ниши, и Федор, скрыв их за деревянной обшивкой, приспособил под дверцы оставшиеся резные створки шкафов. Сафонов и батареи отопления спрятал под решетки из дубовой обналички, ими же аккуратно обшил уже успевшие облупиться крашенные подоконники. Кабинеты получились — картинка, да и только.

С этого времени, несмотря на молодость, стали его величать Федором Николаевичем. И с этого же дня, считай, круто повернулась жизнь Федора Николаевича. Вскоре дошли слухи до треста, что в четвертом управлении, самом прежде заурядном, начальство себе такие кабинеты отгрохало — иной министр позавидует. Управляющий трестом, не откладывая дела в долгий ящик, нанес визит в управление, куда обычно заезжал не чаще раза в год. Осмотрел все молча, от минеральной воды из холодильника, любезно предложенной хозяином кабинета, отказался, а под конец гневно сказал:

— Что же ты, сукин сын, с планом едва справляешься, фонд заработной платы у тебя постоянно с перебором, а шиковать надумал?! А ну-ка, покажи смету на ремонт.

Начальник управления, молодой хитроватый мужичок, уже и сам не рад был великолепному кабинету. Он покопался в письменном столе и достал бумаги. Смета как смета, без особых затрат, да и на какие шиши шиковать, когда концы с концами еле сводили, почти каждый месяц приходилось в банке зарплату рабочим чуть ли не на коленях выпрашивать.

— А как же ты умудрился такое наворочать? — управляющий недоверчиво обвел глазами кабинет.

— Да это Федор Николаевич, будь он неладен, расстарался, а я за него теперь отдувайся, от желающих поглядеть на ремонт отбоя нет, — огорченно признался начальник управления.

Так Сафонов был представлен высокому начальству.

Месяца через два принялся он за ремонт в тресте. Там, конечно, с материалами было попроще — что попросил, то и добыли к началу работ. Работать самостоятельно, когда никто тебе не указчик, к тому же с хорошим материалом, — одно удовольствие. Да и сроки его не поджимали. Хорошая работа времени требует, начальство это понимало. После двух лет, проведенных под землей, где темно, тесно, сыро и дело непривычное, любимая с детства работа была особенно приятна, руки сами тянулись к знакомому инструменту. Придавал не известный доселе азарт в работе и материал. Раньше ему с такими породами дерева, как бук, орех, граб, светлая вишня, кизил, работать не приходилось, хотя и слышал, какой это благородный материал, какая богатая у него текстура, не налюбуешься. Вот когда пригодились советы однополчанина краснодеревщика Петерса, и чертежи его в дело пошли.

Когда он работал проходчиком, начальство их особенно вниманием не баловало, там, под землей, начальник один — бригадир, такой же работяга, как и ты. А тут к нему то сам управляющий, то главный инженер заглядывали, и все уважительно Федором Николаевичем величали, за руку здоровались, про жите-бытье его молодое расспрашивали, не перебивая слушали, и это очень нравилось Сафонову — рабочий человек уважение, внимание к себе выше всего ценит. Непосредственных своих начальников видел теперь Федор Николаевич редко. В те дни, когда их вызывали в трест на совещание или другое какое мероприятие, навещали они Сафонова непременно и, зная, что он с самим управляющим чаи гоняет (был однажды такой случай), держались с ним подчеркнуто вежливо. Уважение уважением, но и денежная премия по праздникам, хоть и невеликая, была ему гарантирована. Откровенно говоря, начальник управления и не рад был, что работает у них такой умелец, вроде числится человек, а будто и нет его. Да и зарплату ему требовалось обеспечить на уровне, попробуй ее выкрой, когда план едва выполняли. Но о том, чтобы сорвать ремонт в тресте, не могло быть и речи. Однако нет худа без добра, по окончании ремонта хитроватый начальник управления почувствовал, что трестовское руко-

водство как-то подобрело к нему, а ведь шли уже слухи, что придется оставить кресло в роскошном кабинете.

— Ай да Федя, Федор Николаевич — угодил управляющему, да и мне тоже,— обрадовано сказал начальник, когда Сафонов закончил работу в тресте.

Сафонов вернулся к товарищам, в свою бригаду, но долго работать ему там не пришлось. В ту весну мода на кондиционеры, словно эпидемия, охватила город. Мощные бакинские кондиционеры, не один год громоздившие магазины, вдруг разрешили продавать по безналичному расчету. И в какой-то месяц словно корова языком слизала с магазинных прилавков эти кондиционеры — ни за какие наличные деньги не отыщешь. Смотришь, стоит едва ли не избушка на курьих ножках — и та на улицу двумя-тремя кондиционерами смотрит: мол, вот какая избушка — почти из сказки, но только за государственный счет. Установить кондиционер — дело не очень-то простое, все-таки оконную раму переделывать приходится, и не в каждой организации плотник или столяр числится. А дорогую вещь установить, чтобы и работала хорошо, и от солнца и ветра укрыта была, и на зиму убиралась махина, на это и вовсе хороший мастер требовался. Первые кондиционеры Федор Николаевич устанавливал не в управлении, не в тресте, а в «Стройбанке», том самом, где его начальник в вечных должниках ходил. Много он там поработал, почти в каждом отделе монтировал кондиционеры, а осенью сам же и снимал их на консервацию, и стеклил на зиму проемы. Вот тут-то и смекнул начальник — какой нужный для него человек Федор Николаевич. Где только не ставил кондиционеры Сафонов по его поручению! Он даже специальную технологию разработал, как быстрее и надежнее монтировать, а из обрезков дубовых и буковых досок заранее наготовил нужные планки, пластины, и в обрамлении из ценных пород дерева кондиционеры смотрелись еще красивее. Казалось бы, чем тут можно было отличаться от других, но работа Сафонова была видна, что называется, за версту.

Когда поутихла эта страсть и Сафонов снова вернулся на объект, бригада его обновилась полностью. Молодые рабочие о нем и слухом не слыхивали. Но начальство к нему относилось уважительно, зарплата была что надо, в общем, горевать не приходилось. За эти полтора года в новой роли мастера на выезде он отвык от грубой работы на объекте, где тяжеленную опалубку из мокрой древесины все время приходилось ставить, переставлять и старые чердачные перекрытия в пыли и грязи перебирать, — короче, так намаешься за день, домой едва ноги донесешь. И он уже не мог дожидаться, когда его вызовут из конторы на новую работу. Хотя приглашений ждать приходилось недолго. Вскоре начальник управления затеял ремонт у себя дома, и Федор Николаевич надолго перебрался к нему со своим инструментом. Холодную лоджию с линолеумными полами превратил в прекрасную комнату. Поставил двойные рамы из некрашеной

розовой сосны, утеплил стены древесно-стружечными плитами, а сверху вместо покраски финской пленкой под дуб обтянул, для хозяйки в торцах шкафы смастерил — загляденье. Пол паркетный на стружечные плиты набил — тепло. Батареи отопления под дубовой решеткой таким образом спрятал, что они в лоджии столиками служить стали. Жена начальника оказалась женщиной на редкость хлебосольной, такими обедами его каждый день кормила, что Федор Николаевич жалел: работа эта когда-то ведь закончится. К тому же, сберегая его время, начальник каждое утро за ним в общежитие свою машину посылал. Совсем заважничал Сафонов.

Еще через два года Федора Николаевича уже трудно было узнать, ездил он на собственных «жигулях»-люкс, оснащенных японским касетным стереомагнитофоном, при белых, под овчину, мохнатых чехлах, с музыкальным итальянским сигналом и прочими, по мелочи, автомобильными аксессуарами, что только могли быть в природе. В свои двадцать семь он выглядел гораздо старше. Нет, не потому, что постарел или работа согнула,— просто теперь держался важно, солидно и ходил-то не торопясь, степенно, как один его знакомый завмаг. Одевался тоже, как знакомые из торговли или автосервиса,— короче, не хуже, чем законодатели мод в этом городе.

С каких, спрашивается, достатков, к тому же вещи-то — дефицит из дефицита? Да все за счет моды, за счет эпидемии. Нежданно-негаданно мода на антикварную, «бабушкину» мебель докатилась и в эти края. Годами пылившаяся в комиссионных магазинах, она была разобрана вмиг. Ее рьяно разыскивали по уцелевшим от сноса старым домам, через знакомых, друзей, соседей, сослуживцев. За полный комплект антикварной мебели доставали новейший мебельный гарнитур, плюс брали на себя все расходы по его перевозке. Старинную мебель найти оказалось не так уж сложно, а кто ее отреставрирует, приведет в порядок, чтобы заиграла она старым, потускневшим красным деревом? Это оказалось посложнее. На весь город отыскались два человека, способных на такое тонкое дело, кто мог вернуть к жизни старые буфеты, горки, шкафы, перетянуть кожей или китайским шелком овальные диваны, пуфики, стулья и глубокие уютные кресла. Были то Федор Николаевич да еще один старичок-краснодеревщик, имевший здоровье неважное, да и клиенты, сидящие на дефиците, его не интересовали, мастер был бессребреник, и если брался за работу, то только для души,— в общем, Сафонову не конкурент.

Конечно, ни о каких шараханьях моды Федор Николаевич никогда бы не узнал, проживи еще хоть десять лет в этом городе. Да и заказчики такие не стоят на каждом углу и объявления в газеты не дают. Такие дела тихо-мирно в своем кругу делаются, и нужных людей друг другу по цепочке передают, по рекомендации, и тут рекомендация большую силу

имеет. Начальник Сафонова, хоть не намного был старше Федора Николаевича, а мужик тертый, он и про мебельный бум знал, и с людьми нужными общался, он и все дело организовывал. Федору Николаевичу только работать оставалось. А обеспечить его нужными материалами было не просто. Медную фурнитуру, не отличавшуюся от старинной, приходилось заказывать на заводах, доставать мягкую кожу на обивку, казалось, совсем невозможно, но она всегда была, и даже нужных расцветок: зеленую — так зеленую, цвета спелого апельсина — пожалуйста. Яркие китайские шелка — каких хочешь тонов и расцветок — всегда под рукой рулоны. В общем, солидно было поставлено дело. Федор научился различать своих клиентов: одним его начальник заказывал работу бесплатно, это были нужные товарищи, а другие, как понимал Сафонов, просто люди при деньгах, которые с лихвой возмещали потери на нужных людях. Но Сафонов и у тех, и у других вел себя одинаково, не интриговал, не интересовался, сколько заплатили, он работал. Конечно, от подарков, предлагаемых услуг или угощения за столом не отказывался, но ничего сам не просил, не вымогал. За это его и ценил начальник и кроме зарплаты еще столько, а иногда и больше подкидывал в конверте по окончании очередной работы.

Заказчики понимали, что вся работа — и ее качество, и сроки исполнения — зависели от Федора Николаевича, и зачастую просили его поработать и в воскресенье, и допоздна, и он редко отказывался, да и нечего ему было делать в общежитии: книг он не читал, на концерты не ходил. А с тех пор, как один клиент пообещал ему «сделать» машину, считай, работал он день и ночь, уж очень хотелось иметь автомобиль. Хозяйева шикарных квартир рассчитывались за добавочные услуги щедро, чаще модными вещами, потому что брать деньги он остерегался, боялся разгневать начальника. Через полгода, после того, как заимел собственные «жигули», у него и невеста объявилась. Работал он тогда в торговой организации: редкий старинный австрийский столовый гарнитур восстанавливал. Торопил его хозяин чрезвычайно, хотел к серебряной своей свадьбе гостей удивить. Он и так к Федору Николаевичу подъезжал, и этак, а тот — ни в какую: «жигулям» своим еще не нарадовался, в воскресенье то в горы, то на озеро купаться выезжал, и по вечерам при фонарях по городу нравилось круг-другой сделать. Но заказчик оказался мужик с хитринкой, на слабости к «жигулям» и поймал. Обещал: сделаешь работу к сроку — чехлы, колпаки, сигнал и прочую импортную дефицитную дребедень в тот же день получишь в подарок, а для затравки свою машину показал. И Сафонов сдался, не только в субботу — в воскресенье работал, даже ночевать оставался у них.

За столом и познакомился с единственной дочкой хозяев, она оканчивала торговый техникум. Разводить с ней шуры-муры он не собирался, да и в голове в то время были только колпаки от «мерседеса», и в ушах звучала единственная мелодия — развеселый «дили-дан» звукового сигнала.

Но даже сквозь эту однообразную мелодию он расслышал, как настойчиво родители увязывают его имя с именем дочери, и все шуточки за столом двойным смыслом полнятся, и даже сквозь ослепивший не только глаза, но и мысли хромированный блеск заграничных колпаков он увидел-таки, как Анжелика трижды в день меняет наряды, то чашечку кофе во время работы поднесет, то подойдет поддержать или подать что-нибудь, то сядет рядышком, готовая сорваться по первой его просьбе.

Особого интереса к собственной персоне со стороны девушек Федор Николаевич до сих пор не замечал, хотя и ростом вышел, и внешностью природа одарила род Сафоновых не скупясь, и потому внимание Анжелики, девушки стройной, пышущей здоровьем, богато и со вкусом одетой, не оставляло его равнодушным. На серебряной свадьбе родителей Анжелики, куда Федор был приглашен со своим начальником, его уже представляли гостям как дочкиного жениха.

Свадьба молодых откладывалась до осени: Федор Николаевич должен был получить квартиру в доме, который сдавался к Октябрьским праздникам. В управлении он уже числился ветераном (что немудрено было при такой текучести), пятый год работал и четвертый — в передовиках ходил, фотографию не снимали с Доски почета, ну, как такому квартиры не дать, да и начальник в свое время надоумил его заранее подать заявление.

Невесте надо было уделять время, и работы в последнее время прибавилось: теперь дачный ажиотаж сменил мебельный бум, все дельцы города стремились поскорее построиться в предгорьях, вдали от нескромных глаз, капитально, с размахом, со вкусом, с персональным архитектором. И Федор Николаевич закрутился, с ног валился, как в те дни, когда ставил тяжеленную опалубку из мокрой листовки.

Срочно нужен был напарник, помощник. И начальник, да и сам Федор Николаевич об этом думали не раз, иногда на казенную работу он брал в компанию какого-нибудь шустрого паренька, но никто из них так и не дотянул до нужного уровня, а частники платили за качество. К тому же ребята любили выпить, а кто пьет, у того язык что помело, а это уже всему делу конец.

И как был обрадован Федор Николаевич, когда в день зарплаты у окошечка кассы его окликнул крепыш в солдатской гимнастерке. Сафонов долго вглядывался в него, но все-таки не признал, а парень оказался бывшим практикантом из ПТУ, с которым четыре года назад он делал тот шумевший ремонт в конторе.

Радости Сафонова не было конца, он частенько вспоминал этого толкового паренька, и вот тебе удача — на ловца и зверь бежит. Федор Николаевич его даже на своей машине домой подбросил и так уговаривал работать вместе, что Сережа, не раздумывая, согласился, хотя и собирался увольняться из управления — новое место себе уже приглядел.

Оглядывая роскошное убранство машины, Сергей не выдержал и спросил:

— В лотерею, Федор Николаевич?

— В лотерею, Сережа, в лотерею,— ответил развеселившийся от удачи Сафонов и добавил: — Будешь умником, в «фирме» на работу ходить станешь, а года через два, глядишь, и у тебя машина появится, да получше этой — новой модели.

В тот же вечер Федор Николаевич доложил своему начальнику о новом напарнике. Выбор был одобрен — человек знакомый, старательный, к тому же только из армии, холостяк, в деньгах, разумеется, нуждается.

По утрам, сберегая время и желая показать свое доброе отношение, Сафонов заезжал за Сережей на машине. Работали они сразу в трех местах, ремонтировали две квартиры в городе и обшивали дубовой паркетной доской финскую баню на одной даче в предгорьях. Работы было невпроворот, много не поговоришь, но за обедом за столом, который щедро накрывали специально для них, Сергей как-то сказал:

— Что-то эта работенка халтурой пахнет. Не нравится мне все это.

Федор Николаевич, опорожня пенящийся холодным пивом бокал, в ответ благодушно рассмеялся и менторски заявил:

— Если пахнет, пивка выпей, а то можешь и рюмочку водки пропустить с горбушей малосольной, вот запашок и отобьет.

Так шуточками и отделался. Но когда выпадала свободная минута на работе или вечером, по дороге домой, в машине — Сергей за свое.

— Ну, учи меня жить, учи,— добродушно посмеивался Сафонов, ловко обгоняя одну машину за другой. И, высаживая напарника у дома, говорил: — Ты, Сережа, как сосуд под давлением, никак пары не выпустишь, но я терпеливый, я подожду, уж больно ты парень свой, нужный. Нам с тобой еще долго работать.

Однако Сергей долго работать не собирался, говорил, что закончит ремонт до конца месяца и вернется в бригаду. Сафонов слова напарника всерьез не принимал, считал, что все образуется, как только тот получит первую зарплату и первый конверт с деньгами. Он даже попросил начальника повышенный аванс выписать, и когда хозяин дачи, донельзя довольный банькой, намекнул Федору Николаевичу, что набавит ему за отличную работу, Сафонов сказал, что ему ничего не нужно, а вот Серегу требуется экипировать как следует, парень только из армии вернулся. За прощальным обедом после парилки в новой сауне довольный хозяин и вручил Сереге джинсовый костюм, красную рубашку и остроносые туфли на высоких каблуках. Сергей вроде обрадовался, но когда возвращался домой, все-таки сказал зло в машине:

— Вот из-за таких гадов, как этот толстомордый, ничего и не купишь в магазине, все из-под полы. Я такие туфли уже целый месяц ищу.

Авансу он тоже не очень обрадовался, долго мял в руках деньги, недовольно качал головой и сказал:

— Это какая же зарплата выйдет, если аванс такой? А из управления люди бегут из-за малых заработков, не хотят за мизер на объекте пахать. Я ведь тоже из-за этого увольняться собирался тогда.

— Ну, теперь-то, Серега, грех на зарплату будет жаловаться, со мной не пропадешь,— перебил Федор Николаевич, торопливо усаживая его в машину, чтобы не услышали их другие рабочие.

В городе с ремонтом тоже поторапливали, и они на время разделились: работу попроще Сафонов доверил Сергею, пусть поработает самостоятельно, может, настроение переменится, да и мастерство скорее приобретет. По утрам он по-прежнему подвозил его на работу, а вечером забирал домой.

Сергей за эти дни осунулся, похудел.

— Что, неважный харч у хозяев? — спросил однажды Федор Николаевич.

— Не идет мне в горло чужой, а проще сказать — ворованный, кусок. И о тебе, Федя, думаю. Пропадешь ты с этим жуликом, на кого ты свое мастерство тратишь? Твое бы умение к дворцам приложить, к настоящему делу, а ты в сауны да спальни душу вкладываешь. Хочешь, уволимся вместе и найдем такую организацию, где твоему мастерству рады будут?

В тот вечер они крепко поругались, а наутро Сергей, не дожидаясь Сафонова, трамваем поехал в контору. Был день получки, и в ведомости напротив своей фамилии и солидной суммы он размашисто, но четко написал, что дармовых денег получать не желает. А когда кассирша начала ругать за испорченную ведомость, Сергей отвечать не стал, а отправился к начальству. Заявление у него было заготовлено еще дома. Сергей писал, что отказывается от заработной платы, потому что и дня не проработал на объекте, и аванс в сумме ста двадцати рублей, полученный заранее, обещает вернуть управлению, как только прокуратура удовлетворит его иск к хозяевам, у которых он проработал месяц. Копию иска он тоже выложил на стол. Когда начальник, красный от гнева, увидел в правом углу листка размашистую подпись, то невольно побледнел.

Подпись городского прокурора была ему знакома и ничего хорошего не сулила.

Малеевка,
1982

«Слазатъ из Встречных лиц один портрет...»

Интервью

К своему 60-летию вы успели многое: заслуженный деятель искусств, ваши избранные собрания сочинений вышли и в России, и на Украине, причем и там, и там дважды, роман «Пешие прогулки» выдержал восемнадцать изданий. В Мартуке есть улица вашего имени и литературный музей, ваше имя вошло в энциклопедии нескольких стран, произведения переводились на другие языки, общий тираж книг достиг пяти миллионов. Вы собрали значительную коллекцию современной живописи, знакомы и дружны со многими сильными и известными людьми мира сего. Вы счастливый человек? Считаете ли вы, что ваша жизнь состоялась?

— При кажущейся прямоте и ясности вопроса он по-восточному полон философии и скрытого смысла. Тут односложным «да» или «нет» не отделаться, ответ в любом случае получится многомерным. Сразу на выручку приходит поэзия, в которой, как я не раз заявлял, есть ответы на все вопросы бытия: «...и все сбылось... и не сбылось». Но если всерьез, ответ и будет колебаться между «сбылось» и «не сбылось». В амплитуде этих жизненных качелей — и вся моя судьба... Успехи, неудачи, потери, обретения, неожиданные радости, признание земляков и любовь читателей.

Поколение, к которому я принадлежу, называют военным, к нему близки по духу родившиеся лет на пять раньше войны и чуть позже — лет на шесть-семь. На мой взгляд, люди этих поколений невыполнимых задач перед собой не ставили, на несбыточные фантазии не замахивались. Получить высшее образование, достичь успехов в профессии, быть полезным Отечеству, народу — в этом мы видели свою цель. Наверное, я должен уточнить, что, говоря о поколении, я имел в виду ту среду, из которой вышел сам, хотя надо отметить, что общество в пору моего взросления было более однородным, уровень жизни во всех его слоях не так сильно различался, как стало это заметно в 70-х, не говоря уже о сегодняшних днях. Я не слышал, чтобы в моем кругу юноши 50-х годов мечтали стать дипломатами, писателями, послами, кинорежиссерами, банкирами, они не рассчитывали объездить мир, иметь загородные особняки, «мерседесы», отдыхать на Ривьере и в Ницце.

Оттого, наверное, в моем поколении меньше людей, разочаровавшихся в жизни. И если некоторые из нашего поколения достигли обладания очень большими материальными благами, они пришли к ним закономерно, не рвали и не закладывали за них душу, не перешагивали через трупы. Другое дело — поколения, идущие вслед за нами. Они родились в эпоху расцвета и мощи советского государства и изначально рассчитывали на очень высокое качество жизни — тут мечты не знали предела.

Но развал СССР сыграл с ними злую шутку, большинству из них никогда не достичь даже уровня их родителей, ибо те жили в одной из двух сверхдержав мира. Оттого у многих нынешних сорокалетних апатия к жизни, душевная опустошенность. Слишком высокую планку они ставили перед собой, слишком радужной видели свою жизнь в будущем. Отвечаю на ваш вопрос вопросом: «Мог ли мальчик, один из ста двенадцати сверстников, единственный из трех параллельных седьмых классов, решивший поступать в железнодорожный техникум, рассчитывать, что некогда станет известным писателем и сегодня будет давать вам это интервью?» Конечно — нет! Такое не только не снилось, но о таком даже не мечталось. Но в каждом из нас природой, Всевышним заложено многое, и таланты в том числе. Уже тогда, в юности, уезжая в техникум из Мартука, никак не связывая свое будущее с литературой или искусством, я чувствовал в себе жажду приобщения к культуре. Я знал: чем бы я ни занимался в жизни, у меня в доме непременно будут книги, музыка, картины, я буду хо-

дить по музеям, на концерты, обязательно стану театралом. Я уже говорил в одном из своих интервью, что книги и кино в определенной степени сформировали мое мировоззрение, вкусы, отношение к жизни. Человек начинается с детства. Это не мной сказано, но это так. До перестройки книгами и кино не были обделены даже самые захолустные уголки нашей Родины, важно было душой тянуться к прекрасному, духовному. Даже сейчас от волнения меня бросает в дрожь, когда я слышу фразу: «Театр у микрофона...». Лет с десяти постоянно слышал по радио эти слова, уносившие меня в волшебный мир искусства. Мое первоначальное знание о театре, опере, классической музыке пришло из эфира. Только потом, через годы, я увидел «живьем» знакомые театральные и оперные постановки, слушал знаменитые оркестры и выдающихся исполнителей. Я до сих пор помню голоса мхатовских корифеев: Качалова, Комиссаржевской, Мордвинова, Степановой, Яншина, Грибова, Яблочкиной, Якута, Пруткина, Кторовы, Книппер-Чеховой. Записывая спектакли на радио, они знали, что адресуют свое искусство массам, приобщают нас к прекрасному, вечному. В детстве все западает прямо в сердце и навсегда. Если бы меня спросили в школьные годы, что такое Отечество, государство, власть, я бы, наверное, ответил: это спектакли театра у микрофона, симфонические концерты Чайковского, Скрябина, Прокофьева, Сайдашева, Жиганова, Яруллина, Монасыпова, Рахманинова — так я ощущал далекий в рубиновых звездах Кремль. То послевоенное государство не могло дать мне многого, но, оказывается, дало главное — открыло дверь в мир искусства, а через культуру пришло ощущение Отечества, своего народа.

Гуляя босоногим мальчишкой по улицам Мартука, носившим имена Ленина, Сталина, Буденного, Ворошилова, я и представить не мог, что улица Красноармейская будет через какое-то время носить мое имя и на ней появится красавица мечеть, первая в столетней истории поселка, в строительство которой и я вложил немало средств. В каждый приезд я навещаю мечеть и не спеша прохожу по «своей» улице. Признаюсь, задай вы вопросы в эти минуты, я, безусловно, ответил бы, что я человек счастливый и считаю свою жизнь состоявшейся. За всю историю Мартука только четыре Героя Советского Союза и я удостоились чести, чтобы нашими именами назвали улицы нашего детства. Пожалуй, этой наградой общества я горжусь больше всего.

Я был очень счастлив, когда мой первый рассказ «Полустанок Самсона» опубликовали в Москве, когда вышла первая книга, когда

стали приходиться письма от читателей. Когда я лежал в больнице после покушения и ко мне вдруг потоком пошли люди, прочитавшие «Пешие прогулки», — их любовь, поддержка окрылили меня. И я вновь почувствовал себя счастливым, ибо привела ко мне людей сила искусства, значит, я сумел достучаться до сердец читателей. Наверное, постоянно счастливым человек быть не может, а если такой все-таки найдется, видимо, он будет смахивать на идиота. Разве можно быть покойным душой и счастливым, если оглянуться вокруг? Если улица твоего имени находится в поселке, переживающем жесточайший кризис: безработица, кругом бедность, упадок, люди бросают дома и уезжают в неведомое. А ведь совсем недавно, до горбачевской перестройки, это был цветущий райцентр, где в каждом дворе стояла машина, а то и две. Работали четыре завода, несколько автобаз, две фабрики, двадцать детских садов, с шести утра до полуночи с интервалом в полчаса ходили в город переполненные «икаруссы». В лучшие годы на первенстве Мартука играли до шестнадцати футбольных команд! А районные спартакиады превращались в настоящие праздники. Открою и тайну, которой поделился со мной в конце 70-х управляющий местным сбербанком: у каждого из пятисот вкладчиков Мартука лежало на книжке по сто тысяч рублей! Чтобы было понятно нынешнему поколению, переведу в доллары — это более ста тридцати тысяч! Вот такие горбачевские качели вышли — одним махом из богатства в нищету.

А каково молодежи?! Мы тоже вступали в жизнь не в лучшие для страны годы, но у нас было гарантированное будущее, перспективы. В своем будущем мы нисколько не сомневались, нам поистине были открыты все пути. А каким мы оставляем мир после себя, какую экологию? В годы моего детства Илек был не только кормильцем и поильцем, но и красою края, десятки поколений выросли на его берегах, тысячам и тысячам он снится. Сейчас эта загаженная заводами река губит все живое на своем пути, в Мартуке уже давно отравлены подпочвенные воды. Подумайте, колодезная вода, воспетая в сказках, легендах и песнях, стала отравой!..

В начале 50-х годов была успешно выполнена одна из самых грандиозных программ по озеленению страны. Леса были необходимы степным краям, и более чем на треть программа реализовалась именно в Казахстане. Высадили сотни тысяч километров лесополос вдоль железнодорожных, автомобильных, проселочных дорог и колхозных полей. За пятьдесят лет у нас зашумели настоящие леса со зверьем,

ягодами, грибами, сенокосом. И вот сегодня этот рукотворный лес, высаженный и выросший на моих глазах вокруг Мартука, да и по всему Казахстану, нещадно вырубается. Людям нечем топить, и через два-три года весь лес может быть изведен на корню. А это грозит неминуемой экологической катастрофой. Люди от безысходности лишают себя будущего, а ведь у нас под боком и высыхающий Арал.

Отвечая на ваш вопрос, можно бесконечно говорить о радостях и удачах, их за жизнь выпало немало, и если их перечислять, упоминать, с кем знался, где бывал, что видел, то это может показаться банальным хвастовством. Но причин, поводов, от чего душа болит и на сердце неспокойно, к сожалению, гораздо больше, чем радостей, сколько их ни перечислай. На фоне невзгод страны, лишений людей, тупика, в который зашло общество, кризиса всего и вся личные успехи кажутся несущественными, мелкими, несвоевременными даже в юбилей. И мне остается лишь вернуться к поэтической формулировке, высказанной в начале, она наиболее адекватна моему настроению и обстоятельствам и лишней раз подтверждает мудрость поэзии: «...и все сбылось и не сбылось...».

— *В перестройку, когда открылись границы, многие писатели, артисты подались на Запад, другие дружно повалили в политику, во власть. Не было ли у вас мысли осесть где-нибудь в Европе или, используя имя, популярность, стать политиком? Ведь ваши романы — об экономике, политике, власти? На иных страницах и сегодня можно прочитать не принятые до сих пор готовые законы или программы для целых партий, а люди из спецслужб считают вас крупнейшим аналитиком, точно просчитавшим ситуацию на десятилетия вперед.*

— Да, было такое время. Многие в ту пору уезжали в Израиль, Америку, Германию. Выросшие на голосах западных радиостанций, они и впрямь верили, что нужны там, что только за рубежом оценят их талант, особенно материально. К сожалению, интерес к ним подогревался только политикой. Упал железный занавес, кончилась победой Запада война идеологий, интерес пропал не только к ним лично, но и ко всей нашей культуре, и к стране в целом. Вернулись домой без шума, без помпы почти все. Остались из известных только Александр Межиров и Наум Коржавин, люди преклонных лет, получающие, на наш взгляд, огромные пенсии. К сожалению, сейчас у Запада окончательно пропал интерес к России, там ясно видят наш тупик, и не только экономический. Некоторых из выдающихся музыкантов,

певцов они уже перетянули к себе: постоянно живут там Хворостовский, Казарновская, Кисин. Осели на Западе известные шахматисты, футболисты, хоккеисты, боксеры, тренеры, а исполнители бластных песен — всякие там Ляли Черные, Саши Рыжие — вернулись, они и правят бал в новой России.

В 1988 году, за три года до развала страны, после выхода романа «Пешие прогулки» на меня было совершено покушение. Вероятно, первое из политических покушений. Уже потом, через два-три года, начнут убивать почти каждый день, и не будет понятно, то ли из-за политики, то ли из-за больших денег, как, например, с В. Листьевым. Но в моем случае деньгами и не пахло. Роман вызвал огромный интерес, сразу появились и второе, и третье издания, вышедшие невероятными тиражами по 250 000! В больницу приехал корреспондент американской газеты «Филадельфия инкуайер» Стивен Голдстейн, который подготовил про меня огромный материал, на целую полосу, под названием «Исследователь мафии». Позднее эта статья привлекла внимание многих крупных европейских газет и телекомпаний, интересующихся русской мафией. Чуть позже появились и другие американцы, они предложили мне грин-карту, о которой мечтают миллионы граждан бывшего СССР. Но я, к их невообразимому удивлению, отказался. У меня и мысли не было уезжать из страны, хотя в больнице я уже понимал, что покинуть Ташкент придется. Я ни в коем случае не связываю отказ стать американцем с идеологическим патриотизмом, это, прежде всего, связано с моей ментальностью. Я хочу жить на Родине! И останусь при любом режиме. Даже если он мне и очень сильно будет не нравиться. Мечта миллионов — грин-карта — меня нисколько не прельстила, не жалею об этом и сейчас, спустя двенадцать лет, хотя жизнь эмигранта в Москве я познал сполна, и будущее России видится мне совсем не радужным.

Теперь о возможности моего вхождения в политику, во власть. Судьба и тут предоставляла мне реальный шанс, билет в сытую жизнь подавался, как говорится, на блюдечке с голубой каемочкой. Придется вернуться опять в 1988 год, в больницу. В ту пору свободно избирался Верховный Совет — первая ласточка долгожданных демократических свобод. Страна бурлила, кипела, ночами просиживала у телевизора, ходила на митинги. Однажды в палату ко мне пришла, почти в полном составе, избирательная комиссия одного из столичных округов, а конкретнее — авиазавода. Ее члены и предложили мне выставить свою кандидатуру.

«Пешие прогулки» в ту пору зачитывались до дыр, передавались из рук в руки, я получал мешки писем. Сам роман служил избирательной программой, а моя судьба на тот момент не нуждалась в рекламе, поистине это был мой звездный час. Я подходил в депутаты по всем параметрам. Конечно, предложение обрадовало меня, подняло дух, но я попросил два дня на размышление. В эти дни я многое передумал и, как мне кажется, принял правильное решение — отказался. В ту пору я не предполагал, что политика — настолько грязное занятие, хотя особых иллюзий на этот счет не питал никогда. Чем я мотивировал отказ, прежде всего для себя? В перестройку литература имела колоссальное влияние на умы людей — «Пешие прогулки» тому подтверждение. Я был убежден, что имею трибуну гораздо более эффективную, чем депутатский мандат. Читатели ждали моих новых книг, где были и рецепты новой, свободной жизни. И я знал, что напишу такие книги. Я крепко огорчил людей, уже видевших меня своим депутатом, но с ними у меня надолго сложились глубокие личные отношения, и я им до сих пор признателен за то, что они поддержали меня в трудную минуту. Я не обманул ожиданий своих читателей, написал один за другим, в рекордно короткие сроки, еще четыре романа, зафиксировавших хронику смутного времени и предугадавших наш нынешний, увы, не победный путь. Романы и сегодня не потеряли актуальности, читаются с интересом, продолжают переиздаваться, ибо оказались провидческими. Депутатский мандат, который почти был у меня в руках, получил молодой офицер В. Золотухин. Я пытался следить за его судьбой, но след его с развалом государства для меня затерялся.

Жалею ли я о том, что не попал в первый свободно избранный Верховный Совет вместе с Собчаком, Бурбулисом, Ельциным? Нет, тем более что время показало: единомышленников у меня там было бы не много. Говорить о том, что я упустил шанс воспользоваться высокой трибуной — смешно. Даже великому мудрому Сахарову не давали рта раскрыть — об этом и сейчас горько вспоминать. Зато в романе «Масль пиковая», вышедшем в начале 90-го года, когда Михаил Сергеевич как раз затыкал рот Андрею Дмитриевичу, я показал Горбачева Геростратом своего Отечества. Сегодня с моей оценкой согласны многие, большинство.

И напоследок — об аналитике. Я убежден, что литература прозорливей любых аналитиков и политических предсказателей. Хорошо написанные книги становятся самой историей и воспринимаются

адекватно реальной жизни, по ним судят о прошлом. Пример тому — великий роман Мухтара Ауэзова «Путь Абая» — там вся история, быт казахов. Ни один научный трактат не дает такого всеобъемлющего знания о казахах, как этот гениальный роман.

— *Вы и в советское время издали немало книг, успели выпустить в «Художественной литературе» большой однотомник избранного. «Звезда Востока» и московский журнал «Мы» на своем пике имели полумиллионный тираж — фантастическая цифра! Когда вам печаталось лучше — тогда или сейчас? Не тоскуете ли вы по прежним временам, когда писателю создавались почти идеальные условия для жизни и творчества?*

— Коварный вопрос. Не хочется плевать в прошлое, — слишком многие заняты этим теперь, — но и вводить в заблуждение читателя не желаю. Писательская среда слишком специфична, о ее жизни бытует много мифов, далеких от реальности. Чтобы не оставлять себе пути для отступления, сразу отвечу — нет, не жалею, нисколько. Возможно, о чем-то печалюсь, но это частности, а в главном, повторюсь, не жалею.

Прежде всего, дам свою краткую оценку советскому периоду литературы. Я пришел в этот цех уже сформировавшимся человеком, со своим мироощущением, видением, успел даже состояться — «Избранное» в «Худлите» тому подтверждение.

Редкий советский писатель, тем более с периферии, при жизни или после смерти получил возможность выхода своей книги в этом элитном издательстве, наверное, не более двух процентов всего списочного состава Союза писателей за всю историю издательства с 1936 года. А писателей было много, десятки тысяч, кстати, планы «Худлита» составлялись на пять лет вперед и ежегодно с боями пересматривались, причем планы были «прозрачными», их можно было увидеть в любом крупном книжном магазине. «Худлит» печатал только книги, проверенные читателем и временем, в том числе лучшие произведения писателей всего мира. На мой взгляд, советская литература — в большой степени литература должностных лиц, литература высоких кресел. Десятки лет существовал термин «секретарская литература», то есть сочинения литературных чиновников.

Сейчас многие забыли, что Л. Брежнев был лауреатом высшей в государстве литературной премии — Ленинской. В новейшее время литературой баловался и Ельцин, — к премиям он был равнодушен, а гонорары любил, скопил легальное состояние. У всех еще свежо

в памяти дело «писателей» Коха, Чубайса, Казакова и других, получивших по сто тысяч долларов за ненаписанную книгу о приватизации. Не может, оказывается, западный читатель жить без книги о нашей приватизации, и все, готов миллионы за это платить. За это ли — вот вопрос... Особенно умилял меня А. Собчак, написавший две или три тоненькие брошюры, которые, впрочем, никто в глаза и не видел. Свой загородный дом в три этажа необычайной архитектуры, обставленный роскошной мебелью, увешанный картинами (Зайцева нас, телезрителей, по дому долго и восхищенно водила), и городскую квартиру — целый подъезд на Мойке, — как объясняет Собчак и его жена Л. Нарусова, они приобрели исключительно на писательские гонорары. И всем советовали писать и писать. Как писатель отмечен и Б. Немцов, создавший «Записки провинциала», — назвать их книгой у меня язык не поворачивается — брошюра она и есть брошюра, никакой крупный шрифт не спасает. Пресса многократно объявляла, сколько Немцов заплатил с нее налогов и сколько на руки получил гонорара. Собчак с женой только намекали на прибыльность писательского ремесла, и правильно делали, иначе бы люди стали штурмом брать издательства, все бы кинулись писать брошюры. После обнародованных Немцовым гонораров некоторые мои знакомые, далекие от литературы и больших денег люди, стали очень нехорошо посматривать на меня.

Судя по моим тиражам, толстенным томам, моей завидной производительности, они быстро подсчитали, что я уже если не долларовый миллиардер, то миллионер точно. И когда некоторые, не выдержав, спрашивали открыто о моих гонорарах, то мой ответ, судя по их лицам, не выглядел убедительно. Словно сговорившись, они ссылались на «скромные» гонорары Немцова. Однажды в компании я сказал: конечно, можно получить, как Немцов, восемьдесят пять тысяч долларов за брошюрку объемом со школьную тетрадь, если отнесешь в издательство тысяч двести или окажешь услуги на подобную сумму. Все равно не поверили, хотя сомнения в их души я заронил. Но после дела «писателей» Коха и Чубайса меня больше расспросами про гонорары не донимают. Стали понимать, за что и сколько платят, поняли, что «писатель» писателю рознь. Брежнев, Ельцин, Немцов — одно, а Распутин, Маканин — дальше по своему вкусу — совсем другое.

Но вернемся в советское время... Писательское сообщество даже тогда называли кастовым. Зеленый свет в литературу загорался прежде всего для деток, зятьев, сватьев, невесток, тещ, кумовьев писате-

лей и, конечно, отпрысков крупных чиновников. И если появлялись среди них время от времени Шукшины, Беловы, Астафьевы или Вампиловы, то это скорее исключение, чем правило.

Читатель, возможно, до сих пор не знает, что право на книгу имел не писатель, а издательство, выпустившее ее. Сегодня такое положение кажется абсурдным, но так было до 91-го года. Если книга выходила за рубежом, то гонорар получал не писатель, а государство, и на презентацию книги ездил, скажем, в Париж, не автор, а чиновник из министерства. Ныне все мы знаем историю голливудского «Оскара» за фильм «Москва слезам не верит» — режиссер Владимир Меньшов сумел взять в руки свой «Оскар» только через десять лет после присуждения, да и то силой, со скандалом.

До выхода книги на нее обязательно писались открытая или закрытая рецензии, а после выхода еще одна — секретная. Рецензии писались случайными, но доверенными людьми, зачастую далекими от литературы. Работа эта хорошо оплачивалась, оттого не всякому она попадала. В одной отрицательной рецензии на мою книгу, вышедшую в «Советском писателе», отмечалось, что у меня плохо прописаны женские образы. Хотя в этом произведении у меня женщин не было вовсе. Человек, уносивший кипы рукописей на рецензию, уже имел установку — кого миловать, а кого похоронить. Рецензии со знаком «плюс» и со знаком «минус» оплачивались по одной ставке, поэтому могли и не такое отписать.

А выпуск многотомных собраний сочинений решался на закрытых правлениях Союза писателей СССР, а то и на уровне Политбюро ЦК КПСС. Из откровений Е. Евтушенко узнаем, что он свои миллионные тиражи поэмы «Мама и нейтронная бомба» решал на высшем государственном уровне. Сейчас все это воспринимается как бред, плохой сон, но так мы жили. Издательства были сконцентрированы в Москве, но и тут их можно было пересчитать по пальцам одной руки, а издательства в столицах республик так и назывались — периферийными. Перечень нелепых негласных установок, правил можно перечислять долго, и все они унижали писателя, заставляли его идти на компромисс, даже в мелочах. Так стоит ли жалеть о том времени, когда писатель всегда оказывался в положении просителя, а главное, приносил в жертву свой труд — тут перепиши, это убери, этого нельзя, это не годится, это не понравится...

Рынок не избавил писателей от проблем, просто теперь они другие. Может, требования стали даже более жесткими, чем в советское

время, но они связаны только с творчеством. И отношения писателя с издателями теперь совсем иные, без хамства, без подбострастия, без десятка прожорливых посредников.

О чем же тогда та толика печали, о которой я заявил в начале? Переход писателей из привилегированного класса общества в никакой, падение в пустоту отразилось на мироощущении писателя. Сегодня, кажется, это единственная категория граждан, не нашедшая своего места в новой России. Люди, считавшие себя поводырями общества, властителями его дум, оказались самыми неприспособленными к переменам. В пустых склоках и раздорах они в мгновение ока лишились принадлежавшего им имущества, а оно, поверьте, было громадным, не стану перечислять, чтобы не травить душу обывателя уже прошлым непомерным богатством.

Жалею о «Литературной газете», — она отражала культурную жизнь огромной страны, знакомила с новыми талантами и упоминала тех, кто покинул нас. Может, тогда мы этому не придавали значения, а теперь запоздало поняли, что потеряли.

Жаль Домов творчества, где мы вольно или невольно знакомились друг с другом, сиживали за одним столом и узнавали творчество собратьев по перу.

Жаль Дней советской литературы, проводившихся регулярно во всех уголках страны, декад национальных литератур. На таких встречах, форумах народ напрямую встречался со своими писателями.

Вот, пожалуй, и все.

Остальное отмерло сразу, потому что было лживо изначально. Возродить советскую литературу невозможно, да и нужно ли? И кто ее возродит, если бывшие интеллектуалы не могут объединиться даже в профсоюз? Придут другие мастера слова, возможно, им захочется создать новое сообщество. А пока... Пока мы — всяк сам по себе.

*Казань, Москва,
2006*

Культуру Восстановить труднее, чем экономику

Интервью

Р

ауль Мирсаидович, ваше имя все больше и больше на слуху в Татарстане. Тому есть веские причины — и книги ваши стали издаваться у нас, и в журнале «Казан утлары» вы желанный автор, и газеты дают о вас какие-то, хотя бы отрывочные, сведения. Но, на мой взгляд, интерес к вам обусловлен иным: впервые в нашу литературу пришел писатель с устоявшимся именем, с огромным багажом, и, как волшебник, без паузы, вынимает из сказочного сундука роман за романом, повесть за повестью, рассказ за рассказом, и сундук этот кажется нам бездонным — вы написали много.

Лучшие наши литераторы: Айдар Халим, Факиль Сафин, Марс Шабаетов, Флюс Латифи, Марат Закиров, Рашид Башир переводят вас. Конечно, жаль, что вы только к шестидесяти стали печататься на родине, и в шестьдесят два у вас вышла первая и пока единственная книга на татарском, хотя уже переведены на татарский язык все ваши романы. Но зато у вас есть преимущество, татарский читатель имеет возможность читать ретроспективу всех ваших произведений без перерыва. Переведенные один за другим, почти одновременно, они — открытие для поклонников литературы, такое в татарской прозе случилось впервые.

Оттого вопросы, задаваемые мне после моих публикаций и выступлений о вас: на встречах, по телефону, в поездках по республике и как одному из руководителей писательской организации — теперь носят конкретный, а точнее, личностный характер. Читатели хотят знать о вас подробнее, знать вашу жизнь в деталях.

Как выразился о вас незабвенный Рафаэль Сибат: «Рауль Мир-Хайдаров — это для нас, татар, неоткрытая Америка. Колумбы нужны, Колумбы...».

А я добавлю опять же слова Рафаэля Сибата о вас, о вашей непростой судьбе: «пора нам своих возвращать к себе, в свою культуру, к своему народу...».

Поэтому нашу сегодняшнюю встречу я предлагаю обозначить беседой, а не интервью. Пусть вопросов будет меньше, а ответы прозвучат основательнее — такое пожелание высказал нам один из ваших ярых поклонников из Набережных Челнов.

В связи с этим вопрос: как, когда и где пересекались ваши пути в литературе с татарскими писателями?

— Впервые я опубликовался в московском альманахе «Родники» в 1971 году, там вышел рассказ «Полустанок Самсона». Альманах попался на глаза Тауфику Айди, и он прислал мне теплое письмо и подробную анкету, которую следовало заполнить. Письмо Тауфика Айди я много лет принимал за официальное, думал, что я попал в орбиту внимания Казани, гордился, что меня взяли на учет в Татарстане, поражался чуткости, душевности, оперативности татарских чиновников. В общем, это письмо сильно окрылило меня. Как наивен я был! В 1979 году, когда Заки Нури пригласил меня на съезд писателей, я познакомился с Тауфиком Айди, и только тогда узнал, что письмо его — частная инициатива. Тауфик Айди, оказывается, всю жизнь собирал материалы об известных татарах в мире. У него остался огромный архив, он проделал титаническую работу, которую, к сожалению, до сих пор не опубликовали. Честь и хвала ему! Можно сказать, что Тауфик Айди первый увидел во мне татарского писателя.

В 1976 году я стал участником VI съезда молодых писателей СССР и был в одном семинаре с Марселем Галиевым. В дни съезда в «Литературной России» опубликовали мой рассказ «Такая долгая зима», а по итогам совещания мой рассказ «Голубые самосвалы» попал в альманах «Мы — молодые». Из четырехсот участников съезда туда вошли тридцать шесть авторов. Руководство семинара рекомендовало издательству «Молодая гвардия» выпустить мою книгу «Оренбургский платок», это и была моя первая книга в Москве. Марсель писал об этом в свое время в Казани.

Когда я впервые приехал в Казань, он познакомил меня со многими молодыми писателями, сегодня некоторые из них — наши живые классики. Впрочем, и до поездки я уже начал активно знакомиться с татарскими писателями. С зимы 1975 года я регулярно бывал в Малеевке, а летом в Ялте, Коктебеле. Пицунде. Татарские и башкирские писатели любили Дома творчества, особенно зимнюю Малеевку. В Малеевке я не пропустил ни одну зиму с 1975 по 1991 год включительно, а с 1980 года, когда ушел на «вольные хлеба», я бывал там, да и на море, всегда по два срока.

В 1976 году в Малеевке я познакомился с Мусой Гали и Мустаем Каримом, и все последующие годы был с ними рядом. Они во многом сформировали меня как литератора, привили любовь к татарской литературе. Благодаря им в 1977 году меня в Уфе впервые перевели на татарский, сделал это Айдар Халим. Позже в Уфе, в журнале «Агидель», напечатали повесть «Не забывайте нас».

Мои недоброжелатели в Казани по незнанию упрекают меня, что я не знаю татарской литературы, ее истории, наверное, оттого, что я не закончил факультет татарской филологии Казанского университета. Но если подходить с такой меркой, то я одолел не только этот факультет, но и его аспирантуру. Почему? Объясню. Моим татарским университетом и моими профессорами на долгие годы оказались лучшие татарские писатели, только мой университет был выездным — в Домах творчества и для одного благодарного студента. Могу утверждать, что долгие зимние вечера в Малеевке почти каждый день проходили в совместных чаепитиях, застольях, частных беседах, и разговоры там шли только о литературе. На таких посиделках я впервые услышал о Заки Валиди, Маджите Гафури, Гаязе Исхаки, Шаехзаде Бабиче, Чонакае, Марджани, Ризе Фахретдинове, Юсуфе Акчуре. С тем, что я услышал о татарской литературе от Мустая Карима, Мусы Гали, Ибрагима Нуруллина, Амирхана Еники, Атиллы Расиха, Мухаммеда Магдеева, Заки Нури, Рината Мухамадиева, Виля Ганиева, Наби Даули, Айдара Халима, ни одна университетская программа сравниться не может. Я ведь получал знания без идеологической подкладки, без оглядки на цензуру, от людей, создававших литературу.

Одно общение с Амирханом Еники чего стоит! В Малеевке я трижды был у него на праздновании дня рождения — это пир для души, для слуха, для сердца! Разве постные университетские лекции могут сравниться с воспоминаниями его гостей на этих скромных торжествах?! Какие забытые страницы татарской литературы, какие канувшие в Лету фамилии всплывали вдруг за столом! Кроме дней рождения Амирхана Еники, я сидел с ним за одним столом в Переделкино, Ялте, Пицунде. Семьде-

сят два дня по три раза в день рядом с Еники! Такое выпало не каждому. Он, как в прозе, дозировал и свое устное слово, но иногда его прорывало, страсти сидели в нем глубоко, жизнь научила его смолоду сдерживать себя. Многое из тех давних разговоров я понял позже, когда прочитал его воспоминания «Страницы прошлого». В последние годы жизни он приезжал в Переделкино, где я прожил в Доме творчества в комнате № 106 безвыездно восемь лет, и я всегда приглашал его в гости, иногда одного, иногда с другими писателями, но чаще с Мустаем Каримом и Мусой Гали. На память о таких встречах, к счастью, остались фотографии. К концу жизни чуть ослабли тугие струны внутри, и он был гораздо добрее, мягче. Я называл его Патриархом. Он поистине и был Патриархом татарской литературы.

В 1980 году в Ялте я тесно общался с Рашатом Низамиевым, с ним же встретился зимой 1985 года в Голицине, он тоже вразумлял меня по части татарской литературы, особенно ориентировал по современной, больше рассказывал о поэзии. У него педагогический талант, он готовый университетский профессор, и я благодарен ему за профессиональные лекции.

Существенно повлиял на меня и Мухаммат Магдеев, мы с ним познакомились в Пицунде в 1988 году, он отдыхал вместе с сыном, вернувшимся из армии. По моей просьбе он прочитал роман «Пешие прогулки», только вышедший в журнале, и рукопись романа «Двойник китайского императора». На сегодня эти романы выдержали уже по двадцать изданий и переведены на татарский язык Маратом Закировым. Он дал много ценных советов, замечаний. Меня окрылила его похвала, он сказал: «Как это тебе удастся сразу взять быка за рога, быстро переходить к теме, проблеме?» Он тоже рассказывал о духовной жизни Казани, о писателях, чьи книги я должен читать, на кого следует ориентироваться. Светлый, чистый был человек Мухаммет-абы, пусть земля ему будет пухом! Я не забуду его наставлений.

Были в моем татарском образовании и приватные лекции. Когда я впервые приехал в Казань, Заки Нури три дня подряд показывал мне столицу, точнее, литературную Казань, связанную с выдающимися именами просветителей, деятелей культуры и духовенства. Я уже тогда понимал, что прохожу редкий университетский курс для избранных.

Сегодня, когда я вынимаю из почтового ящика роскошно изданные журналы «Идель» и «Майдан», мне на память приходит холодная зима 1978 года в Малеевке и совсем молодой Мансур Валеев. Через день, несмотря на сорокаградусные морозы, он ездил в Москву, в ЦК ВЛКСМ, в ЦК КПСС, в тот самый печально известный суловский отдел, в Гос-

компечать и еще в десятки организаций, добываясь издания в Казани молодежного журнала. Возвращался всегда затемно, путь не близкий, почти три часа в один конец, замерзший, голодный, всегда опаздывая на ужин, но мы ждали его, ждали вестей, как с передовой. Тогда, при Брежнев, решить вопрос с журналом не удалось. И позже ездили ходоки в Москву не один раз. Сегодняшним молодым и представить трудно, что надо было брать у кого-то разрешение! И это хорошо — так думают свободные люди.

Долгая, до самой его смерти, была у меня переписка с Рафаэлем Сибатом, мы говорили с ним по телефону часами. Он один из тех, кто знал все мое творчество.

Раз уж зашла речь о переписке, я должен упомянуть и Газиза Кашапова, с которым познакомился в Малеевке, и позже встречался в Ялте и Пицунде.

Частые искренние встречи в Домах творчества были у меня с Нурисламом Хасановым, он первый написал обо мне большую статью, считая меня татарским писателем.

Полный курс университетского образования я прошел с Адхатом Синегулом, который в конце 70-х годов женился на дочери ташкентского писателя Шамиля Алядина и переехал в Узбекистан. Кто знал Синегула, может подтвердить, что он очень любил поговорить и обладал педагогическим талантом, как и Рашат Низамиев.

Обязательно следует упомянуть и Лирона Хамидуллина, и его жену Данию-апа, с которыми я долгие годы состоял в переписке. Вот кто поистине радуется тому, что я наконец-то, на склоне лет, появился в татарской литературе. К моему пятидесятилетию в 1990 году в Таткнигоиздате подготовили к изданию книгу моих повестей и рассказов под его редакцией и с его предисловием. Но в очередной раз сорвалось. Мы с ним часто общались в Ташкенте, Казани и в Домах творчества. Он учил меня терпению, любви к Казани, к своим национальным корням — видимо, прочувствовал мой долгий и тернистый путь в татарскую литературу.

Лекции о татарской культуре я слышал не только от писателей. В 1978 году в Ялте я сблизился с Ильгамом Шакировым, он тогда и познакомил меня с Амирханом Еники, и при первой же встрече я получил от него в дар книгу «Гуляндам» о Салихе Сайдашеве в переводе Рустема Кутуя. Ильгам Шакиров отдыхал в Крыму один, и мы часто проводили время вместе. От него я узнал редкие факты из жизни С. Сайдашева, Ф. Яруллина, Н. Жиганова, А. Ключарева, Ф. Мансурова и других корифеев музыкальной культуры. Эти имена я, конечно, знал,

но по-настоящему они были открыты для меня персонально великим Ильгамом Шакировым.

В Ташкенте, где я прожил тридцать лет, работали Аскад Мухтар и Зиннат Фатхуллин, классики узбекской литературы. Аскад-абы и Зиннат-абы, заметившие татарскую направленность в первых же моих публикациях, всячески поощряли мой ориентир на Казань. Когда к ним приезжали гости из Татарстана, они часто приглашали и меня. Конечно, все разговоры за столом были только о литературе, о писателях. Оба они имели крепкие связи с Татарстаном. Аскад Мухтар познакомил меня с Гарифом Ахуновым, а Зиннат Фатхуллин — с Заки Нури. Я знаю, оба они писали, говорили обо мне в Казани. Наверное, поэтому в 1979 году меня пригласили на съезд, и Заки Нури очень настойчиво пытался ввести меня в круг татарских писателей, но наткнулся на стену равнодушия и очень огорчился этому. Мне кажется, он не ожидал от коллег такого отношения ко мне, молодому человеку, с восторгом и надеждой приехавшему на родину отцов. Вот тогда я стал утверждать, что фраза: «Иван, не помнящий родства» — татарская. Чем больше живу, тем больше в этом убеждаюсь. До последних дней своей жизни Заки Нури следил за моими успехами в русской литературе и искренне радовался им. Светлая память о вас, Заки-абы, легендарном человеке, всегда будет в сердцах людей, близко знавших вас.

Не только мои пути, мои планы пересекались с татарскими писателями, даже конкретные произведения связаны с общением с ними. Не могу не сказать несколько слов о создании повести «Знакомство по брачному объявлению». В 1982 году в Ялте отдыхало много писателей из Казани и Уфы: Заки Нури, Наби Даули, Рахмай Хисматуллин, Рафаэль Сафин, человек десять, не меньше. Однажды после ужина, когда писатели собрались вокруг Заки Нури, я обратился к обществу, мол, хочу завтра всех вас пригласить к себе в гости и заодно почитать новую повесть. В Домах творчества существовала традиция — читать друг другу новые тексты. Заки-абы, как всегда, отвечает с юмором: если выпивки и угощения будет достаточно, готовы послушать. Моя комната на третьем этаже располагала просторной верандой с видом на море, там я и накрыл столы. Пришли все, началась читка, время от времени перебиваемая гомерическим хохотом. В общем, застолье удалось, слушали внимательно, с любопытством, повесть имела почти детективную интригу. Бутылки не успели ополовинить, как я закончил читать написанное. Сразу дружно стали спрашивать, чем же закончится история и на ком женится Акрам-абзы? Вдруг Заки-абы встал и сказал грозно: «Что ж ты втянул уважаемое об-

щество в историю с недописанной повестью? Нехорошо. Чтобы вернуть наше расположение к себе, ты обязан дописать повесть до нашего отъезда и тем искупить свою вину». Раздались аплодисменты всеобщего одобрения, не возражал и я. Кто мало-мальски знает меня, тот всегда отмечает мою обязательность. Я забыл про море, пляж, соблазнительные компании, вечеринки и дописал повесть. За день до отъезда я снова собрал гостей у себя на веранде. Среди гостей из Уфы был поэт Рафаэль Сафин, холостяк, и во время читки все невольно поглядывали на него — мол, смотри, как геройски действует Акрам-абзы. Повесть имела счастливую судьбу. Впервые я напечатал ее той же осенью в журнале «Дальний Восток», в Хабаровске, там служил мой сын. Она много переводилась, но особенно я рад публикации в журнале «Казан утлары». Строки из повести часто цитируются: «Акрам Галиевич не знал, что такое аэробика, но понял, что с кухней это никак не связано». В том же 1982 году я отправил повесть в Казань, в театр Марселю Салимжанову, которого знал лично, принимал его с коллегами дома в Ташкенте. Я всегда был уверен, что повесть — готовая пьеса. Но, как обычно поступают в Казани, мне не ответили. Жаль, тридцать лет назад это была бы первая в СССР пьеса о знакомстве по брачному объявлению на татарской основе. В 2008 году поэт Ркаиль Зайдулла написал пьесу по этой повести, и ее поставил Оренбургский театр, идет она и в Мензелинском театре с успехом. Упущено три десятилетия! А в искусстве ценятся новизна, первое слово.

В Домах творчества я познакомился и с русскоязычными писателями-татарами: Рустамом Валиевым, Ильгизом Кашафутдиновым, Романом Солнцевым, Рустемом Кутуем, Альбертом Мифтахутдиновым, Явдатом Ильясовым. С Альбертом, жившим в Магадане, я долгое время состоял в переписке, где мы постоянно затрагивали болезненную для нас проблему — отношения к нам Казани. Возможно, это огромная страстная переписка когда-нибудь всплывет, все-таки он был известным писателем. Из названных мною литераторов только я и Рустам Валиев крепко держались в творчестве татарской линии и все время стремились в Казань. Но даже те, кто чурался татарских тем, даже они были в обиде на Казань, говорили, что нас там не вспоминают, не приглашают, не издают. А ведь нас, татар, пишущих прозу, состоявшихся в русской литературе, и десятка не наберется, говорю вам ответственно, в эту десятку входят и казанские писатели Рустем Кутуй, Диас Валиев. Отчего к нам, единоверцам, такое равнодушие? Мы дети одного народа, и на нас, наверное, распространяется татарская государственность?

Возвращаясь к моим татарским университетам, хочу отметить отрядную деталь. Всякий новый писатель, с кем я знакомился, считая своим долгом просветить меня, говорил: это тебе обязательно надо знать! Это могли быть беседы о Дэрдменде или моем земляке Мирхайдаре Файзи, или о Наки Исанбете и Нури Арслане, Гумере Баширове и Абдрахмане Абсалямове, Аделе Кутуе и Кави Наджми. Я все впитывал как губка и никогда не путал Назара Наджми с Кави Наджми. Особенно любезны были со мной писатели, не обласканные славой и вниманием, они уделяли мне много времени, дарили книги, татарские словари. Уроки-лекции, данные ими от души, не забываются. Я всегда помню о них с благодарностью и могу заверить, что был благодарным студентом.

Мустай Карим уже лет двадцать пишет мемуары, они охватывают целую эпоху, надеюсь, мы увидим их в ближайшее время. Я знаю, в них много места занимает Малеевка, туда он ездил больше тридцати лет. Он любил Малеевку. В его воспоминаниях найдется место и многим татарским писателям, тоже любившим лунные дорожки Малеевки. По совету Мустая-абы я тоже вел записи в Домах творчества. Правда, большинство страниц посвящено Мустаю Кариму, я понимал, с каким человеком-титаном мне выпала честь общаться. В моих записях упомянуты все татарские писатели, с которыми мне довелось встречаться. Когда-нибудь я обязательно засяду за мемуары, и тогда более широко отвечу на ваш вопрос: где, как и с кем пересеклись мои литературные пути.

Когда-то в Ялте я подписал книгу Ильгаму Шакирову так:

«Человеку, видевшему весь свой народ в лицо, глаза в глаза».

Это поистине так, не было в СССР поселения, где живут татары и где бы не побывал Ильгам Шакиров. Увидеть весь свой народ в лицо не удавалось даже императорам, посчастливилось только великому певцу.

Перефразируя сказанное в адрес Ильгама Шакирова, могу утверждать, что я — один из немногих, кто общался почти со всеми известными татарскими писателями за последние тридцать лет, и о каждом из них оставил страницы в дневнике.

— Скажите, пожалуйста, что, на ваш взгляд, сильнее в татарской литературе: проза, поэзия, драматургия?

— Безусловно, поэзия!

— Почему?

— Татарская поэзия выросла из тысячелетней традиции, она всегда питалась из вечного родника устного народного творчества. А проза от Галимджана Ибрагимова до Факиля Сафина имеет за плечами

только век. Татарская романистика еще не сказала своего слова, в сравнении с поэзией.

— *Какой жанр, на ваш взгляд, будет востребован в XXI веке?*

— Исторический роман. Несмотря на глобализацию, XXI век пройдет под знаком национальной самоидентификации народов. В силу известных исторических причин на татарскую историю был наложен жирный крест, табу. История народа познается не только по учебникам и научным трактатам, а прежде всего по выдающимся романам, тому примеров много. История казачества — это «Тихий Дон» М. Шолохова, история казахов — роман-эпопея Мухтара Ауэзова «Путь Абая».

Даже первые исторические романы Флюса Латифи и Вахита Имамова вызвали огромный интерес, они уже переиздаются, переводятся. Я отвез эти романы в татарские общины Актюбинска, Мартука, передал родственникам в Ташкенте, Оренбурге, Алма-Ате, и там их уже зачитали до дыр, передавая из дома в дом, из рук в руки. В тех краях они сегодня самые известные писатели. Народ хочет знать свою историю в художественных образах, мелодиях, играх и даже в национальных костюмах. Такой интерес проявился у всех тюркских народов. У казахов, например, один за другим переиздаются романы Ильяса Есенберлина, в Ташкенте — романы о Тимуре Великом.

Я думаю, уже в ближайшие годы мы увидим новые романы, освещающие татарскую историю, они обязательно поднимут тонус народа. Уверен, найдется и библиотека татарских рукописей, исторических документов, пропавшая при взятии Казани, и писатели смогут работать с первоисточниками.

— *Оптимист вы, однако!*

— Почему же нет, если бы какой-нибудь татарский меценат объявил, что даст миллион долларов тому, кто укажет, где спрятана библиотека царицы Сююмбике, я думаю, долго ждать не пришлось бы, может, даже очередь образовалась.

— *Рауль Мирсаидович, мне не дает покоя ваша похвала поэзии. Не пытаетесь ли вы льстить поэтам? Поэтому задам каверзный вопрос: отчего, в таком случае, поэзия не прозвучала во всю мощь в советское время, когда к литературе относились всерьез?*

— Татарская поэзия обойдется без моей лести и без моих похвал. А не прозвучала она только по одной причине — отсутствия государственной поддержки, понимания властями важности литературы не только для своего народа, но и для утверждения его места в семье народов страны, мира.

— *Можно понятнее, подробнее?*

— Вы думаете, грузинская или какая-либо другая поэзия интереснее, глубже, тоньше татарской? Я отвечаю — нет, и меня поддержат татарские поэты. Они ведь чувствуют емкость, образность, философию любой поэзии. Нужны только умные, талантливые, тонкие переводчики. Вернемся к грузинам, которых я очень хорошо знаю и люблю, они еще лет двадцать пять назад перевели на грузинский язык мою книгу «Чти отца своего». Я дружил со многими деятелями культуры Грузии, с ее футболистами: Месхи, Метревели, Цховребовым. Кто переводил грузин: Пастернак, Тарковский, Заболоцкий, Антокольский, Тихонов, Ахмадулина, Евтушенко, Луконин, Межиров, Леонович, Корнилов. Если буду продолжать, могу назвать еще два десятка достойнейших имен. Даже в годы войны Пастернак мало бедствовал, потому что переводил Тициана Табидзе, Реваза Маргиани, Карло Каладзе, Ираклия и Григола Абашидзе, Георгия Леонидзе, Паола Яшвили. Евтушенко даже построили дачу на море в Гульрипшах. Это в то время, когда под Казанью шесть соток невозможно было получить. А мы даже переводчика нашего великого дастана «Идегей» Семена Израилевича Липкина, переведившего, кстати, и Мусу Джалиля, не обласкали как следует. Я ведь последние годы жил в Переделкино с ним по соседству. Что ему запоздалая Государственная премия Татарстана в девяносто лет, он нуждался в тепле, заботе, ремонте своей разваливающейся дачи. В начале 1980-х он вышел из Союза писателей из-за запрещенного журнала «Метрополь» и вовсе бедствовал, больше, чем Пастернак во время войны. Жаль, Липкину не довелось грузин переводить. Хороший переводчик внимания, любви, заботы требует, повышенные гонорары — само собой. Переводчиков, а точнее, пропагандистов грузинской литературы принимали как оперных примадонн или великих теноров, сам не раз видел это в Тбилиси, гулял с ними на закрытых госдачах. У нас в Казани самих-то поэтов вряд ли часто привечают на госдачах и госприемах, какой уж тут разговор об их переводчиках.

К сожалению, не выпало татарской поэзии иметь своего Наума Гребнева и Якова Козловского, хотя свои Гамзатовы у нас были и есть. Не буду называть фамилии, сыпать соль на раны, имена наших корифеев у всех у нас на устах. Искать переводчиков, ублажать их должны не сами поэты, это дело литературных чиновников, власти. Государство должно заботиться о своих творцах.

Пишу эти строки, а перед глазами стоит недавно ушедший от нас растерянный от дикого российского капитализма прекрасный поэт, если не сказать больше, Мударрис Аглямков. Когда ему было думать о перевод-

чиках, чтобы про его талант узнали в Европе, в мире? У него проблема была важнее — как выжить сегодня, и что будет завтра, если искусство, литературу переведут на коммерческие рельсы?

Даже в Узбекистане, на грандиозном юбилее Аскада Мухтара в 1980 году, году его 60-летия, я видел, сам устраивал в гостиницах и на госдачах переводчиков прозы и поэзии Аскада-абы, провожал их в аэропорт тяжело груженными. Думаете, это были заботы Аскада Мухтара? Нет, это ему и в голову не приходило, он встречался с гостями только за богато накрытыми столами, все остальное делали те, кому поручили курировать узбекскую литературу, и, конечно, высшая власть. Да и сам юбилей, отмечающийся в лучших залах Ташкента и только что отстроенном роскошном ресторане «Зеравшан», вряд ли отнял у Аскада-абы много времени и сил, от него требовалось одно — дать подробный список высоких гостей, которых он хотел бы видеть на своем торжестве. День рождения крупного поэта — это государственная забота.

Запомнилось, как Аскад Мухтар говорил мне в дни юбилея: «Единственное место в стране, где еще почитается писатель, это Кавказ и Восток. Я даже в Москве никогда не признаюсь, что я писатель, ибо это вызовет только негативную реакцию». Он знал, что говорил. В конце 1970-х всем наиболее известным писателям в Ташкенте построили в черте города в лучших районах двухэтажные особняки с хорошими участками. Хотя они имели в Дурмене (это как Переделкино или Рублевка в Москве) двухэтажные каменные госдачи с огромной территорией и персональными садовниками. Даже я, только вступив в Союз писателей, имея квартиру, тут же получил новую четырехкомнатную в элитном доме на Гоголя, где сосед справа был прокурор республики, слева — министр строительства. А после романа «Пешие прогулки» сразу получил участок под строительство загородного дома там же, в Дурмене, где через забор моим соседом был президент Усманходжаев. Только теперь, пытаясь издать свои книги в Казани и устроить там творческий вечер, я понимаю, как мудр был Аскад-абы, когда говорил: «только Восток ценит своих писателей».

Вот какую господдержку поэзии я имел в виду. Повторю очевидную истину: искусство, литература без любви, внимания, заботы, без меценатов, без финансирования — вообще умирает.

— *Может вы и правы, наших поэтов государство так не баловало. Но это было давно, а теперь повсюду намекают на самокоупаемость, самофинансирование.*

— Приносить прибыль, быть рентабельными могут только бордели и шоу-бизнес. А мы с вами говорим о национальном искусстве. Для на-

шего большого и разбросанного по всему свету народа культура куда важнее экономики, только она еще объединяет татар и ничего больше. Даже такая еще вчера цементирующая сила, как религия, вдруг потеряла свою значимость. Любой татарин в европейской, арабской, азиатской стране может легко удовлетворить религиозную потребность без Казани. Какие мечети в Лондоне, Париже, Амстердаме, Варшаве, Мадриде, Хельсинки! Чтобы расцвела культура, нужна, как модно сейчас выражаться, только политическая воля. Хотите пример? Пожелали в Казани иметь конный спорт, автоспорт, футбол, хоккей, баскетбол европейского уровня — он мгновенно и появился. Чему я, большой болельщик, безусловно, рад. Радуюсь взлету профессионального спорта в Казани, как человек, знающий, что почем в спорте, сколько стоят приглашенные со стороны игроки, тренеры, содержание команд, спортивных баз, стадионов, медицинского обслуживания, миллионное страхование звезд, их быт, их передвижения, зарплата чиновничьего аппарата и еще многое другое, хотел бы обратить внимание на эти астрономические суммы. Могу с погрешностью в пять-семь процентов даже назвать суммы этих затрат, но не хочется сыпать соль на раны коллегам, людям чутким и эмоциональным. Однако сравнить попытаюсь, уверен — надо. Как вы помните, в советское время деньги на культуру выделялись по остаточному принципу, главными статьями расходов были: армия, космос и содержание левацких режимов во всем мире. Но даже тот период в Казани вспоминают как лучшее время для искусства. На мой взгляд, все яркие достижения литературы и искусства связаны с советским периодом, имена, известные миру: Рудольф Нуриев, София Губайдулина, Ирек Мухамедов — из того времени. Если бы культура получала хотя бы двадцатую часть того, что имеет сегодня спорт, у нее настал бы золотой век! Я не ставлю задачу противопоставлять культуру спорту, слава Аллаху, хоть спорт у власти в почете. Но в условиях российской действительности, где вся жизнь пронизана коррупцией, взяточничеством, и спорт весь продажный: от судей до самих игроков. Оттого любая победа, успех — сомнительны, не греют душу, не радуют. Если бы спорт в России был чистым, честным, то победы как-то оправдывали бы столь высокие расходы, а так — деньги на ветер.

Я вырос вдали от Татарстана, но кто знает меня, может подтвердить, во мне татарского гораздо больше, чем у многих живущих там. И эти качества сложились благодаря силе искусства, благодаря тем песням и мелодиям, что я слышал в детстве, тем рассказам, которым я внимал в застольях родителей. Для меня, повторюсь, человека не чуждого спорту,

творчество одного Ильгама Шакирова гораздо выше любых побед «Рубина» и «Ак Барса» или кубка в ралли Париж — Дакар, или награды за победу любимого жеребца президента на ипподроме.

Уже почти век живет на сцене пьеса «Зангар шаль», уверен, что и следующие сто лет она будет греть сердца людей. Искусство, литература, как правило — труд одиночек. И их, творцов, казалось бы, поддерживать легче, чем спортивные команды, но не получается, к сожалению.

Балетные спектакли готовят годами, но идут они десятилетиями, балетам Дягилева, Фокина уже почти сто лет и они не сходят со сцены. Музыка Фарида Яруллина к балету «Шурале», его оркестровые пьесы уже полвека пробуждают в татарах гордость за свою культуру, задевают в душе национальные струны. Я уверен, что победы слетевшихся со всего света за огромные деньги в не очень богатую республику варягов-легионеров, бьющихся за казанский футбол, хоккей, баскетбол, не могут вызывать подобные глубокие чувства. Уверен, гораздо больший эмоциональный подъем чувствуют зрители, когда чувствуют на сабантуях истинных богатырей земли татарской.

Профессиональный спорт — часть масс-культуры, и я думаю, он не должен иметь преимуществ в финансировании перед национальной культурой. Это несравнимые величины, ни по каким параметрам, ни в краткосрочной перспективе, ни с оглядкой на будущее нашего народа. А спорт, прежде всего массовый, конечно, надо развивать, татары — спортивная нация, это общеизвестный факт.

Позволить себе рассчитывать на окупаемость культуры может только очень большой народ, например, русский, где читателей, слушателей десятки миллионов. В России одних писателей, даже сегодня, под сто тысяч. Они могут рискнуть пойти рыночным путем, хватит и тех, кто выживет, не умрет. Коммерциализация русской культуры уже дает себя знать, результат известен каждому, и нет нужды обсуждать ее плоды. Татарская культура может выжить только с помощью государства — это аксиома. Она не выдержит даже кратковременного эксперимента.

Убежден, культуру восстановить гораздо труднее, чем экономику. Примеров тому немало: возьмите процветающую Турцию, там нет профессионального театра, книгоиздания, в нашем понимании, да и литература не развита. То же самое и в Греции, где бываю часто, там только восемь лет назад появился оперный театр европейского уровня. А казанскому оперному театру уже более полвека. Отстав однажды в культуре, останешься навсегда на задворках истории, это не спорт — сегодня проиграл, завтра выиграл.

Есть решение этой проблемы и в условиях рынка, пример совсем недалеко, в братском Казахстане.

Недавно Нурсултан Назарбаев дал обширное интервью «Литературной газете». Касался он там и проблем культуры, наравне с другими проблемами, и не по остаточному принципу — останется время, скажу пару слов и о культуре. В Казахстане принята и уже реализуется государственная программа развития культуры. Давно определен перечень книг, которые в обязательном порядке переведут и издадут на русском и английском языках. Другого пути заявить о себе в мире — нет. Вот праздник-то у казахских писателей, не грех и выпить за здоровье власти! А я изданные миллионными тиражами на русском языке книги не могу выпустить на татарском. Книги, кстати, уже переведенные по моей инициативе. Чувствуете разницу в государственном подходе?

— *И все-таки я хочу вернуть вас к поэзии, которую вы так высоко оценили. Какой период поэзии, какие поэты вам близки по духу?*

— К поэзии я приобщился в возрасте, когда формируются вкусы, взгляды на жизнь, на искусство — в пятнадцать лет. В Актюбинске мне дали на ночь аккуратно переписанную от руки толстую в коленкоре тетрадь запрещенного в ту пору Сергея Есенина, с тех пор я и дружу с Поэзией. В ней, как я уже не раз говорил, есть ответы на все вопросы бытия. Поэзия мне нужна и в радости, и в дни печали, в нее я убегаю от невзгод, неудач, плохого настроения. Не побоюсь сказать крамольную, на взгляд литературоведов и национал-патриотов, мысль, что большая поэзия вне-национальна, она не имеет границ. Хотя я прекрасно понимаю, что любая поэзия сильна национальными корнями. Но лучшие ее образцы становятся достоянием всего человечества и воспринимаются вне национального контекста. В этом сила больших литератур, больших поэтов, питаюсь национальными корнями, им удается воспарить над местечковостью и подняться не только над своим аулом, но и над всем миром. В последние десятилетия, когда открылся мир, я часто бываю за границей, всегда захожу в Европе в книжные магазины и везде встречаю прекрасно изданные книги Омара Хайяма, Рудаки, Хафиза. Впервые этих поэтов перевели англичане еще полтора века назад, а от них, да и от русских переводов А. Тхоржевского, отпочковались немецкие, французские, испанские, итальянские переводы. Но это сути не меняет, важна данность, поэзия Востока востребована как никогда.

Мое увлечение поэзией пришлось на время, когда она оказалась на пике своего расцвета, популярности, могла соперничать с эстрадой, собирала полные залы Дворцов и переполненные трибуны стадионов.

Тиражи поэзии равнялись тиражам прозы. Шестидесятые-семидесятые годы стали временем поэтов, ежегодно издавался альманах «День поэзии», страна знала, любила своих поэтов. Увлечшись поэзией, я, конечно, не пропускал и татарскую, прежде всего Мусу Джалиля и Габдуллу Тукая. В начале 1970-х я приобрел книгу стихов Равиля Файзуллина «Саз», изданную в «Молодой гвардии», до этого я часто встречал его стихи в периодике, его имя уже гремело в литературе. По-настоящему я полюбил татарскую поэзию, когда начались мои татарские университеты в Домах творчества. Стихи Туфана, Сибгата Хакима, Зульфата я впервые услышал из уст Мустая Карима и Мусы Гали. Очень красиво читал стихи Рафаэль Сафин. На всех вечеринках в Домах творчества читали стихи. В Домах творчества сложилась традиция устраивать творческие вечера с участием приехавших на отдых поэтов. Однажды в 1978 году в Коктебеле я слушал на таком поэтическом вечере Рената Хариса. Помню, на русском он читал стихотворение «Русские ворота» и еще четыре стихотворения по-татарски. Читал великолепно, зал аплодировал ему долго, хорошая поэзия чувствуется по ритму, размеру, звуковому ряду. К этому вечеру в Крыму я уже ориентировался в татарской поэзии.

К восьмидесятым годам, хотя и работала еще старая гвардия больших поэтов: Туфан, Сибгат Хаким, уже сформировалась группа литераторов, которая на долгие годы станет определять лицо нашей поэзии. Уже четверть века я внимательно слежу за их творчеством, редко в какой поэзии выпадает на один временной отрезок такой щедрый звездопад талантов. На всякий случай зарезервирую для себя в литературоведении определение этой группы как Великое поколение. Большинству из них сегодня за шестьдесят, кому чуть больше, кому чуть меньше. Это, на мой взгляд, Равиль Файзуллин, Зульфат, Радиф Гаташ, Мударрис Аглям, Ренат Харис, Гарай Рахим, Рустем Мингалимов, Зиннур Мансуров, Роберт Ахметзанов, некоторых из упомянутых, к сожалению, уже нет с нами. Выскажу и такую парадоксальную мысль: родись они в разные периоды истории, каждый из них, индивидуально, стоял бы на золотом пьедестале поэзии. Нам выпало счастье знать, видеть, читать их в одно время, но по-настоящему разглядят их только наши потомки. Бывает так, что среди многих бриллиантов трудно разглядеть единственный, самый-самый. О них написано столько статей, исследований, монографий, что моя хвалебная оценка их творчества — излишняя. Любопытна она одним — это взгляд человека любящего, знающего поэзию и наблюдающего, что ни говори, со стороны. В этом мое право на оценку. Обидно, что никому их них, кроме Файзуллина, не удалось вырваться на все-

союзную орбиту, но это не их вина и не слабость их поэзии. Повторюсь, поэзия нуждается в покровительстве.

— *Я согласен с оценкой названных вами поэтов, но вы сами говорите, средний возраст у них за шестьдесят, а поэзия — дело молодое. Отчего ярко не заявляют о себе, как ваши кумиры, молодые?*

— Поколение поэтов, которых я назвал, подняло планку поэзии столь высоко, что еще десятилетиями мы будем замечать этот провал, немощь идущих вслед поэтов. Тут причин много — и слабость образования в последние двадцать пять лет, и резкое падение уровня культуры, и потеря интереса к самой литературе, признаем это. Каждый из названных мною поэтов и все они вместе сделали революцию в татарской поэзии. Они раздвинули ее границы, обогатили рифмой, формой и, прежде всего, философичностью, интеллектом, кругозором, образностью. Это поколение имеет прекрасное образование, за плечами некоторых и очная аспирантура, оно впитало не только родную культуру, историю, но и мировую. Идущий впереди них по возрасту Марс Шабаев, чувствуя потребность в развитии границ поэзии, перевел даже Уитмена. Сегодня я думаю, что его перевод в первую очередь был адресован этому поколению. К сожалению (может, я ошибаюсь в своём личном мнении), это первое такое мощное интеллектуальное поколение и, скорее всего, последнее. Этому поколению, к которому принадлежу и я, повезло, нас воспитало время, расцвет национальных культур, благополучие и мощь страны и высокое место писателя в культурной жизни общества.

Конечно, поэзия никогда не иссякнет, есть и в молодом поколении таланты: Ркаиль Зайдулла, Марат Закиров, но перед ними взяты такие высоты, такие эвересты, что дух захватывает! Это, если сравнить со спортом, всё равно что после Боба Бимона, двадцать семь лет назад прыгнувшего в длину на восемь метров девяносто сантиметров,— заниматься прыжками. И после Боба Бимона каждый год появляются чемпионы мира, Европы, олимпийские чемпионы, им вручают золотые медали, безумные гонорары, но никто, уверяю вас, не забывает, что были восемь метров девяносто сантиметров! Великое поколение оставит после себя не только большую поэзию, но и высоко поднятую планку ее возможностей. Вот такими ориентирами и сильна мировая поэзии.

— *Сегодня в беседе с вами мы забрели далеко в литературу, и, пользуясь тем, что вы не уходили от вопросов, отвечали искренне и на все имели свой выстраданный взгляд, не шутка — тридцать лет биться за место в татарской литературе, имея за собой реализованный успех в русской словесности,— я задам вам вопрос, очень волнующий меня само-*

го, кстати, он неожиданно возник из нашего разговора. В шестидесятые у идеологов Кремля родилась благая идея — выделить из национальных литератур яркие имена и, всячески поддерживая их, продемонстрировать заботу о литературах больших и малых народов. Для примера напому: Киргизия — Чингиз Айтматов, Казахстан — Мухтар Ауэзов, Туркмения — Берды Кербабаяев, Таджикистан — Мирзо Турсунзаде, Узбекистан — Гафур Гулям, Калмыкия — Давид Кугультинов, Башкирия — Мустай Карим, Дагестан — Расул Гамзатов, Чукотка — Юрий Рытхэу. Почему не нашлось такого лидера у нас, и кто, на ваш взгляд, мог претендовать на такую миссию?

— Этот вопрос беспокоит не вас одного, он беспокоит уже некоторое поколение татар, волновал он и меня. В опубликованных в «Казан утлары» записных книжках Аязя Гилязова он касался этой темы. Он назвал несколько фамилий, в том числе и Амирхана Еники, на его взгляд, не подходивших на эту роль. Но кого он хотел бы видеть лидером, так и не сказал. Наверное, не хотел никого обидеть и унес тайну с собой навсегда. Но вопрос вы задали настолько больной, острый, что его обязательно надо ставить перед всеми известными писателями, и из их ответов мы получим картину — почему и кто? Конечно, часто обсуждали эту тему и в Домах творчества, потому она для меня не нова. Сегодня мне шестьдесят три года, я вошел в возраст пророка, отдал десятки лет литературе, и я выскажу свое мнение об этой старой ране, а точнее, об упущенном нашей литературой шансе.

Я вижу кандидатуру только Туфана, он имел для этого все: талант, авторитет, любовь народа.

— Но вы упустили из виду, что он был репрессирован и долгие годы провел в Сибири.

— Знаю, хорошо знаю. Много о нем читал, много слышал от людей, близко знавших его. В такой же ситуации и там же, в Сибири, находился и Давид Кугультинов, но это не помешало ему стать одним из самых заметных поэтов страны. Дело не в Туфане, а во власти, если бы в ту пору обком возглавлял человек уровня Минтимера Шаймиева, он, безусловно, сделал бы ставку на Туфана. Но не было в ту пору таких людей, к сожалению. Думаю, и писатели не очень рвались отдать пальму первенства кому-то одному, даже Туфану. Тут я должен оговориться, что эту мысль о писательском «единстве» я не раз слышал от старшего поколения татарских писателей. И Аяз Гилязов в упомянутых записных книжках говорит вскользь о такой ментальности своих собратьев по перу, говорит с сожалением. Если не я, то и никто другой — и сегодня прослеживается

в наших рядах. Не судьба, не повезло ни татарской литературе, ни великому Туфану, как не везло ему в жизни с книгами, переводами. Жаль, какое прекрасное сочетание, какая великая преемственность получилась бы: Тукай — Туфан! Но это реально упущенный вариант, а был еще один, теоретический, для многих он может показаться фантастическим. Но я все же пофантазирую на эту тему, ибо так поступили мудрые казахи. Вместе со стареющим Мухтаром Ауэзовым они все время упорно поднимали молодого Олжаса Сулейменова. Когда Мухтар-ага ушел из жизни, Олжас автоматически занял его место. Я хочу сказать, что вместе с Туфаном следовало делать ставку и на Равиля Файзуллина, звезда которого в то время разгорелась даже ярче, чем Олжаса Сулейменова, кстати, ровесника и друга Равиля Файзуллина.

Сегодня, когда прошли десятилетия, Равиль Файзуллин своей жизнью, талантом, многотомным творчеством подтвердил, что вырос в крупнейшего поэта, и ставка на него в свое время оказалась бы только любезностью, авансом. Я думаю, что в те годы он уже стоял рядом с Евтушенко, Вознесенским, Рождественским, теми же Олжасом Сулейменовым, Мумином Каноатом, который мгновенно сменил умершего Мирзо Турсунзаде. Но в творчестве Равиля Файзулина случился неожиданный перерыв. Почти пятилетняя командировка в Альметьевск, а перед этим еще два года в армии — и он потерял на время высоко набранный со студенческих лет яркий полет. Зная творчество Файзуллина, думаю, что работа в Альметьевске не пошла на пользу его поэзии, он не чиновник по своей сути, душевному складу, он глубоко литературный человек, в его жилах течет поэтическая кровь. Надо отметить, что и власть не очень баловала его, но, слава Аллаху, она и не очень мешала ему работать, жить своей жизнью, своими взглядами. Но поверьте моему литературному чутью, он еще крепко удивит нас неожиданными гранями своего таланта, новыми произведениями.

Вот такой расклад ситуации я даю, думаю, он вызовет новые дискуссии, так бывает, когда перевязывают старые раны.

— *Почему вы выбрали для жизни Ташкент? И что вас натолкнуло на занятие литературой?*

— Я пришел в литературу из строительства. Пришел поздно — первый рассказ написал в 1971 году в тридцать лет. Меня с молодых лет, с юности влекло искусство: музыка, балет, живопись, литература, театр, кино, эстрада. В Ташкент я приехал в 1961 году и поставил себе задачу пересмотреть весь репертуар всех столичных театров. За год я с этой программой справился, включая и узбекский театр Хамзы,

где тогда блистали непревзойденные актеры Шукур Бурханов, Аброр Хидоятов, Сара Ишантураева. Я даже стал ходить на концерты узбекской музыки, и с тех пор для меня лучшим певцом остается Фахретдин Умаров. Репертуар театров я пересмотрел не один раз. Мое постоянное присутствие в театрах было замечено кругом ташкентских театралов и меломанов. В те годы я подружился с молодым балетмейстером Ибрагимом Юсуповым, учеником Юрия Григоровича. Почти вся вторая половина XX века узбекского балета связана с его именем. В 1964 году Ибрагим Юсупов поставил в Ташкенте балет «Спартак». На премьеру приезжал сам великий композитор Арам Ильич Хачатурян. В ту пору любой творческий коллектив, гастролировавший по стране, непременно посещал Ташкент.

Не могу удержаться от перечисления коллективов, бывавших в Ташкенте, или, точнее, тех, чьи выступления мне удалось увидеть самому: Ленинградский БДТ Георгия Товстоногова, театр Николая Акимова, Кировский балет, где блистала ташкентская балерина Валентина Ганнибалова. Знаменитый МХАТ, «Современник», Театр сатиры, театр Аркадия Райкина. В Ташкенте регулярно с большой помпой проводились Декады национальных искусств всех республик. Столица в ту пору имела пять больших концертных залов: театр имени Свердлова у сквера, театр эстрады на Навои, Ледовый дворец, концертный зал с органом «Бахор» и, конечно, великолепный театр оперы и балета имени Навои, а чуть позже появится и роскошный Дворец дружбы народов. Кто только в них не выступал! Доминико Модунио, Жильбер Беко, Марсель Марсо, Сальваторе Адамо, Том Джонс, Хампердинк, Джорж Марьянович, Радмила Караклаич, Эмил Димитров, Лили Иванова, великий Николай Гяуров, Марьяля Родович, Карел Готт, Дан Спатару и т. д.

О советских звездах и именитых коллективах я и не говорю, все достойные побывали в Ташкенте, и не раз. В те годы были модны мюзик-холлы, был и ташкентский мюзик-холл, в котором блистали Юнус Тураев, Науфаль Закиров. Ни один мюзик-холл, а их в стране было четырнадцать, не проехал мимо Ташкента. Гастролировали у нас и мюзик-холлы из-за рубежа. Приезжали в Ледовый дворец Ташкента и мюзик-холлы на льду — незабываемое красочное зрелище!

А какие оркестры, великие биг-бенды оставили свой след в Ташкенте: оркестр из ГДР «Шварц-вайс», испанский оркестр «Маравелья», оркестры Олега Лундстрема, Эдди Рознера, Юрия Саульского, Александра Цфасмана, Рауфа Гаджиева, Мурада Кажлаева, оркестр Дмитрия Покрасса, Леонида Утесова, оркестр Анатолия Кролла «Современник». В 1960-е

годы А. Кролл возглавлял Государственный эстрадный оркестр Узбекистана, в котором пел незабвенный Батыр Закиров!

Знаменитый джаз-оркестр Карела Влаха с его бессмертным «Вишневым садом»! А несравненный саксофонист Папетти с итальянским оркестром «Палермо»! Даже легендарный оркестр Бенни Гудмана (США), давший в СССР всего два концерта, один из них провел в Ташкенте.

Когда в столице появился новый органый зал «Бахор», по тем временам лучший в СССР, все известные органисты, такие как Гарри Гродберг, бывали у нас по пять-шесть раз в году. Обязательно надо упомянуть и Государственный симфонический оркестр Захида Хакназарова, выступать с его коллективом приезжали выдающиеся музыканты со всего мира.

А какие шумные проводились в столице поэтические вечера, на которых с блеском выступал молодой поэт Александр Файнберг!

Вот такой пространственный ответ на ваш короткий вопрос — почему я выбрал для жизни Ташкент.

Такое высокое искусство формировало зрителя, и я благодарен времени, Ташкенту, своему окружению, что они повлияли на мои вкусы, мировоззрение. Дали мне культурный багаж, с которым можно было вступать в литературу, в жизнь.

Но прежде чем перейти к тому, как я начал писать прозу, мне хотелось сказать несколько важных для меня слов о самом массовом явлении культуры — кино.

Наверное, человек, внимательно читающий этот текст, уже задался вопросом: почему молодой провинциал из казахской глубинки решил одолеть репертуар всех ташкентских театров? Верно. Человек не может вдруг, в одночасье, стать заядлым театралом или меломаном, для этого нужна веская причина или чье-то влияние: семьи, друзей, возлюбленной.

Ташкент прельщал меня как культурный центр, он близок мне по ментальности, а к решению переехать сюда подтолкнул кинематограф, давший мне первые представления о культуре, другой жизни. Я дружу с кино с детства.

Моему поколению повезло с кинематографом: он родился в нашем веке, стал зрелым к нашим юным годам и на наших глазах вместе с нами умирает.

С киношниками Ташкента я познакомился сразу. Я хорошо знал Джамшита Абидова, Мелиса Авзалова, Равиля Батырова, Али Хамраева, Адильшу Агишева. Киношники и указали мне путь в литературу, можно сказать — командировали. Как-то на презентации фильма Али Хамраева я сделал невинное, на мой взгляд, замечание, которое задело мэтра,

и он мне ответил с иронией: напиши что-нибудь сам, а я обязательно это экранизирую. Сказано было прилюдно, и меня это очень затронуло. Я вернулся домой и за три дня написал рассказ «Полустанок Самсона». Он был напечатан в московском альманахе «Родники» и с тех пор издавался раз тридцать, по нему делали радиопостановки. Это случилось осенью 1971 года.

Сегодня я понимаю, что те десять первых лет жизни в Ташкенте, прошедшие в насыщенной высокой культурой среде, и явились причиной того, что я начал писать, а реплика знаменитого режиссера лишь послужила толчком, рано или поздно это все равно бы случилось. В сорок лет я оставил строительство и уже тридцать лет живу жизнью профессионального писателя. Написав с десятков книг повестей и рассказов, я вдруг почувствовал, что мне тесно в рамках малого жанра. Наверное, к роману меня подтолкнуло и время, я видел закат коммунистической эпохи. К тому времени я общался не только с людьми искусства, среди моих друзей уже были представители высшей власти. В начале 1980-х годов меня стала волновать тема «человек во власти», «власть и закон». Я видел заметное раздвоение личности у людей во всех структурах власти, ощущал все нарастающую несправедливость вокруг, как и сегодня. Общество ждало перемен. И я написал роман «Пешие прогулки». Роман почти одновременно вышел в Москве и в Ташкенте, причем местный тираж был 250 000 экземпляров! Беспрецедентный случай! С выходом «Пеших прогулок» я получил широкую известность.

— В тетралогии «Черная знать» сквозной герой — Артур Шубарин по кличке Яполец. Фигура, на первый взгляд, отрицательная, но по мере того, как мы его узнаем, невольно происходит метаморфоза восприятия — он вызывает симпатию, уважение. Он — личность. Где вы встречали подобных героев, и есть ли они вообще? Любопытен и герой вашего романа «За всё — наличными» — Тоглар. Вы его не приукрашиваете, начинаете с его уголовного прошлого, с побега из чеченского плена, указываете на криминальный характер его деятельности. Но ваш герой, вопреки вам, опять вызывает если не уважение, то сочувствие точно. А это немало в наше бессердечное время. Во всех романах чувствуется прекрасное знание вами делового мира с его непростыми взаимоотношениями, кодексом поведения — откуда столь специфические сведения?

— Ташкент всегда славился людьми энергичными, хваткими, как их тогда называли — деловыми. Из Ташкента братья Черные, бывшие алюминиевые магнаты, миллиардеры Алишер Усманов, Искандер

Махмудов. О простых миллионерах я не упоминаю, хотя могу назвать навскидку десятки ташкентских миллионеров, живущих сейчас в Москве. Из Ташкента всемирно известный Алимджан Тохтахунов, в прессе его чаще называют Тайванчик, хотя правильно — Тайванец. Он является президентом Ассоциации высокой моды со штаб-квартирой в Париже. Я знаю его с юных лет, с 1964 года, знал и его младшего брата Малика, к сожалению, рано ушедшего из жизни. Могу утверждать, что он человек с очень тонким вкусом, прекрасно разбирается в живописи, антиквариате. Уроки балета его дочери Лоле, танцующей в Большом театре, давала в свое время на дому сама великая Суламифь Мессерер, недавно умершая в Лондоне. О дружбе Тохтахунова со знаменитыми артистами слышаны все, но имеют в виду только московских, а он прекрасно знал цвет артистической богемы Ташкента, особенно в семидесятые-восемидесятые годы. Мало кто ведает, что в Лондоне, в самых уважаемых районах, есть сеть роскошных магазинов люксовых товаров, которыми руководит наша молодая землячка очаровательная Гуля Талипова. Эти магазины возникли только благодаря знанию мира высокой моды Алика, как называют его близкие друзья. Наверное, у многих еще в памяти скандал, связанный с олимпийскими медалями в фигурном катании, в который он попал. Тогда выдающиеся деятели культуры встали горой на его защиту. Алик присутствует в двух моих романах — «Ранняя печаль» и «За все — наличными». Уверен, такой яркой личности, как Алик Тохтахунов, будут посвящены десятки книг, о нем снимут фильмы. Судьба его гораздо интереснее самого захватывающего детектива, никакой сериал не сравнится с его жизнью. Алимджан Тохтахунов имеет и высочайшие европейские награды. Об одной из них следует рассказать.

В 1920 году, когда из Крыма уходила армия генерала Врангеля, она воспользовалась остатками российского боевого флота на Черном море. Флот из ста двадцати кораблей возглавлял контр-адмирал Михаил Андреевич Беренс, он вывез в эмиграцию сто пятьдесят тысяч офицеров и солдат. Флот нашел пристанище в порту города Бизерты Туниса, тогдашней колонии Франции. Оттуда русские растеклись по всему миру, но огромная их часть прижилась в Тунисе. В городе Мегрине есть русское кладбище, где похоронен контр-адмирал М. А. Беренс. Власти Туниса в 2001 году решили снести бесхозное кладбище. Русские эмигранты во всем мире стали собирать пожертвования на перенос в другое место хотя бы части кладбища, где похоронены многие достойные люди России, в том числе адмирал Беренс. Кстати, Беренс — одна из старейших

морских фамилий России и ее гордость. Но сбор денег успеха не имел. Тогда русские эмигранты первой волны и их потомки обратились к жившему в ту пору в Париже Тохтахунову, и он дал необходимую сумму. За этот великодушный и щедрый поступок его посвятили в рыцарский сан и наградили орденом святого Константина.

Тохтахунов — известнейший меценат, одно перечисление адресатов его пожертвований может занять сотни страниц.

Конечно, узнав о моем общении в Ташкенте с такими людьми, вы понимаете, что образы Артура Шубарина, Коста, Ашота, Аргентинца в тетралогии «Черная знать» не случайны. Кстати, алюминиевый король Лев Черный и Алик Тохтахунов — одноклассники. Щедра ташкентская земля, если в одном классе вырастила сразу двух ярких людей XX века.

Несколько глубже и трагичнее фигура Тоглара-Фешина из романа «За все — наличными». Фешин по происхождению дворянин, его дед Н. Н. Фешин — реальное лицо. В 1922 году, уже известным художником, академиком живописи, он эмигрирует в Америку. Там его талант развернется во всю мощь, он познает славу, успех, большие деньги. Но даже те картины, которые остались в России и хранятся в Казани в Государственном музее изобразительных искусств Татарстана — бесценное наследие.

Одной из моих тайных задач в работе над романом было привлечь к имени Фешина широкое внимание, и, кажется, мне это удалось. Я сам известный коллекционер, и мне очень нравятся картины Фешина, хотя, к сожалению, в моей коллекции их нет.

Но вернемся к роману. Оставшийся в России внебрачный сын Фешина, в двадцать два года потеряв на войне руку, кормит семью тем, что рисует для базара в нищем послевоенном Мартуке картины. Внук Фешина становится самым известным «гравером» — так на жаргоне называют фальшивомонетчиков, он создает тот самый супердоллар.

Книга — о падении дворянского рода Фешиных из-за перманентных исторических катаклизмов в России. История о Тогларе-фальшивомонетчике мне понадобилась, чтобы показать, какую экономическую диверсию совершили американцы в России. За бумажки-доллары, которые Америка печатает денно и нощно и отправляет в Москву тоннами, гигантскими транспортными самолетами, каждую неделю уже тринадцать лет подряд, скуплены национальные богатства России: земля, недра, леса, заводы, фабрики, шахты, политики, власть.

— В романе «За все — наличными», он напечатан в «Казан утлары», прекрасно описан Париж, Дом моды Кристиана Лакруа, балетный фестиваль Джона Кранко, вечера в известных парижских ресторанах.

Есть запоминающиеся сцены в Лондоне, в отеле «Лейнсборо». Лучшие всего, конечно, описан московский ресторан «Пекин». Как вам пришла в голову идея этого романа о роскошной жизни, крупных аферах, о великих «каталах» и больших деньгах, приносящих не только радость, но и гибель? И много ли у вас в запасе таких историй для следующих романов? Упомяните хотя бы одну из них вкратце.

— Идея возникла у меня давно, но не хотелось бы лишний раз искушать людей, подливать масло в огонь, кругом и без того давно кипят страсти. Ведь вдруг, в одночасье, вся мораль рухнула, перевернулась с ног на голову. У людей появился новый бог, новая религия — деньги. Поистине — искушение дьявола. За деньги люди готовы не только душу продать, но и, не задумываясь, убить, украсть. И в этот момент разгула дикого капитализма в России, когда миллионерами становились по росчерку пера высокого чиновника или в результате откровенного разбоя, я неожиданно получил заказ от одного издательства.

В те годы, в начале девяностых, у меня книги выходили потоком, тетралогия «Черная знать» переиздавалась и переиздавалась, и мое имя было у многих на слуху. Просили написать роман с хорошей интригой, желательно на реальной основе, как и все мои романы, но... главным было условие — показать роскошную жизнь, как я понял — пособие для нуворишей, как красиво тратить большие деньги. Сначала разговор с издателем я не принял всерьез, но он запал мне в душу, чуть позже я объясню почему. Но второй, третий звонок и личный визит издателя, да и эксклюзивный гонорар убедили меня. Табу, что я поставил себе как писатель — не искушать людей всеу, уже давно было снято вокруг: прессой, телевидением, западным кино, кстати, и высокой модой тоже. И отказываться не имело смысла. Как раз в те годы пошлость заполонила все вокруг, и с тех пор пошлость и маразм с каждым годом все крепчают и крепчают в геометрической прогрессии. Пошлость во всем. Пошлость стала нормой жизни, пошлой стали даже власть, политика.

Начиная роман, я знал одно: не буду потрафлять вкусам толпы — клубнички, вульгарности в романе не будет. Еще до «Пеших прогулок» я поставил перед собой задачу писать так, чтобы мои книги читали и интеллектуальные снобы, и дальнобойщики, и студенты, и рабочая молодежь. И мне это удалось. Я сужу по тем мешкам писем, что получал в свое время после «Пеших прогулок», и продолжаю получать их сейчас по электронной почте.

Но вернемся к вашему вопросу. В Париже я бывал и в советское время. Первый раз в 1979 году, кстати, в одной группе с дочерью Шарафа Ра-

шидова Светланой, очаровательной, культурной, прекрасно воспитанной, знающей иностранные языки молодой женщиной. И ресторан «Пекин» в романе не появился случайно. С 1963 года я часто ездил в Москву в командировки. Сорок лет назад «Пекин» был очень стильным отелем с лучшим в Москве рестораном. Поселившись там однажды случайно, я всеми правдами и неправдами добивался там места. Рядом был «Бродвей», и «Пекин» находился в окружении пяти театров: «Современника», Театра сатиры, театра «Эрмитаж», театра Сергея Образцова и Концертного зала имени Чайковского. Все — в трех минутах ходьбы. Согласитесь, для театра, меломана — это подарок Всевышнего. В гостинице имелось бюро обслуживания иностранцев, куда я очень быстро нашел ход, и проблема с билетами в театр, любой, была решена навсегда. Но когда в 1975 году я стал писателем, проблемы с гостиницами и билетами снялись сами собой. Лет двадцать пять я регулярно жил в «Пекине», отсюда мое знание Москвы шестидесятых-семидесятых годов. Отсюда ностальгическая любовь к «Пекину», где прошли мои зрелые годы, поэтому он и появился на страницах романа.

Еще в семидесятые я собирал материал «о другой жизни», в основном из журналов «Америка», «Англия», «Плейбой», из зарубежных газет, тайком приобретаемых опять же в «Пекине». Нынешним молодым кажется, что только с Абрамовичем и с новыми русскими мир увидел роскошные яхты, личные самолеты, часы «Адемар Пиге» и «Патек Филипп», «Юлисс Нардан» с непременным турбиййоном, стоимость которых зашкаливает за миллион. Или вечеринки в Куршавеле, где новые русские оставляют за вечер сотни тысяч долларов и которые всегда заканчиваются дракой и битьем посуды. Ведь кроме денег для красивой жизни нужно еще много чего, например — культура для начала.

Получив заказ, я стал копаться в своем архиве и нашел там много заманчивых материалов: о султанине Брунея Балдияхе, короле Марокко Хасане Втором, прекрасно одевавшемся и дружившем со многими кутюрье. Нашел материалы об Ага-хане, лидере исмаилитов, понимавшем толк в изысканной жизни, он был одним из богатейших людей мира до середины 80-х. Отыскал материалы об арабских шейхах, они удивляли свет в 60-х, 70-х, 80-х, — все лучшее в мире приобреталось ими. Высокая мода, дожившая до наших дней, обязана долголетием прежде всего им, они двинули индустрию роскоши на десятки лет вперед. Но все эти материалы, к сожалению, мне никак не подходили, нужен был русский кутюрье, герой вроде князя Феликса Юсупова, человека рафинированной культуры. Но, увы, такого персонажа я не на-

шел и с грустью отказался от архивов, не пригодившихся для романа «За все — наличными».

Но сегодня, готовясь к интервью, я понял, кое-что из моих старых записей вызовет интерес у ваших читателей. Какое-нибудь забытое для знатоков светской жизни имя теперь для многих может прозвучать впервые. Выбирая для журнала персонаж поколоритнее, я обнаружил такую странность, а, точнее, закономерность: великими транжирами были в основном восточные люди, мусульмане. У них тяга к роскоши в крови, хотя я нашел в своих записях и нескольких европейцев с королевскими фамилиями, принцев крови, или фамилии, принадлежащие к известным банкирским домам. Они тоже внесли свою лепту в безумную гонку роскошной жизни, но все равно, во всех их поступках, даже вызывавших у меня восхищение, я чувствовал европейскую рациональность, видел предел их увлечений, у всех них есть тормоза. А я хочу поведать моим землякам о человеке без тормозов, он умел зарабатывать миллиарды и тратил их без оглядки, без сожаления, со вкусом, широко, с шиком. Я имею в виду легендарного плейбоя 60-х — 70-х Аднана Кашоги.

Он сириец по происхождению, из простой семьи, отец его служил врачом у короля Саудовской Аравии — Абдель Азиза. Первые десять тысяч долларов Аднан заработал в США, куда приехал учиться. Восемнадцатилетний первокурсник становится в Сиэтле агентом завода грузовых машин. В 1956 году ему удалось запродать эти грузовики саудовской армии, был ему в ту пору двадцать один год. Одолеl Кашоги только три семестра университета в Чико, хотя начинал в Денвере, мечтал стать нефтяником, далеко смотрел. Не сложилось, но нефть он если и не добывал, то продал ее — океан. Уже с первых своих скромных заработков он начал давать запоминающиеся приемы с изысканно накрытыми столами и непременно с красавицами из своего университета. В двадцать пять лет напористый дилер представляет в Эр-Рияде «Крайслер», «Роллс-Ройс», «Фиат» и две всемирно известные вертолетные компании.

Когда в 1964 году на трон взошел король Фейсал, дела Аднана Кашоги пошли резко в гору. Он стал единственным посредником по продаже американского оружия арабам. К тому времени он только приближался к своему первому миллиарду. Настоящие деньги пошли к нему после арабо-израильской войны 1973 года, когда нефть впервые резко подорожала, а все напуганные арабские страны начали лихорадочно вооружаться. В те годы Кашоги создал свою финансовую империю, оцениваемую в четыре миллиарда долларов.

Его домом поистине был весь мир — он имел дела в тридцати семи странах! Только огромных имений, разбросанных во всех частях света, у него было двенадцать. Знаменитое ранчо площадью 200 000 акров в Кении, куда на охоту на львов, леопардов, слонов приезжали президенты, члены королевских фамилий и простые миллиардеры. Организация такой охоты стоит миллионы долларов и считается высшим шиком среди избранных.

Он имел дворцы в Марбелье, которые Абрамович и Гусинский только-только обживают, дворцы на Канарских островах, столь модных в 70-е. А ещё невиданной архитектуры апартаменты, обставленные с немыслимой роскошью: в Париже, Лондоне, Каннах, Мадриде, Риме, Монте-Карло, в прекрасном Бейруте, еще не разрушенном войной, Эр-Рияде, Джидде.

Владел он и двумя этажами огромного небоскреба на Манхэттене. Его яхта «Набилла» с площадкой для вертолетов была столь роскошна, что затмила яхту английской королевы «Британия», до того считавшуюся эталоном величия и красоты. Да что затмила, ехидные журналисты писали, что в сравнении с «Набиллой» яхта королевы выглядела туристическим паромом для простолюдинов. Его автопарк, состоявший из всех известных в мире супердорогих машин, изготовленных для Кашоги индивидуально, приближался к двум сотням!

Собирал он и живопись, и антиквариат, но это отдельная тема, о его коллекции мы, наверное, узнаем только после его смерти. Об одежде, обуви, драгоценностях Кашоги как-то и упоминать неловко, все делалось в единственном экземпляре, без права повтора.

В начале 80-х он купил за четыре миллиона долларов самолет, надежный «Ди-Си-8», и переоборудовал его по своему вкусу еще за девять миллионов. Газеты того времени взахлеб писали о соболином покрывале в его спальне на борту лайнера размером три с половиной на два с половиной метра, стоимостью 200 000 долларов. Писали и том, что в самолете, имевшем три спальни, гостей годами угощали только французским шампанским «Шато Марго» 1961 года, не забывая упоминать о столовом серебре и хрустале, разумеется, сделанным для Кашоги в единственном экземпляре известными кутюрье, стоимостью в миллион долларов.

Лев по гороскопу, он был тщеславен, самолюбив, щедр до безрассудства. Даже бывшей жене, принцессе Сурайи, которой при разводе дал отступного в два с половиной миллиарда, однажды подарил на Новый год рубиновое кольцо стоимостью два миллиона долларов. Тогда же

на Рождество он и новой жене Ламии подарил ожерелье из бриллиантов, изумрудов, рубинов стоимостью почти в три миллиона.

В 1985 году Аднан Кашоги отмечал пятидесятилетие, о котором с восторгом писали все глянцевого журналы мира, все скандальные и светские газеты. Правда, в его жизни были приемы гораздо круче, шумнее, но так он гулял в молодости. Но и это «тихое» празднество в имении «Ля Барака» на Средиземном море принимало пятьсот именитых гостей со всего света, а таких особ сопровождают еще три-четыре десятка слуг. Торжество длилось три дня, были использованы сотни километров киноплёнки, сделаны десятки тысяч фотографий, разошедшихся по всем мировым изданиям. Даже сегодня эти снимки выплывают то тут, то там, поражая наше воображение.

Кульминацией праздника оказалась поздравительная телеграмма от американского президента, она гласила: «Наилучшие вам пожелания, Аднан. Ронни и Нэнси Рейган».

Кашоги вообще был накоротке со всеми американскими президентами, и с европейскими тоже, а в королевских семьях и вовсе свой человек.

Для нынешнего читателя хочу добавить свой комментарий: растраченные с 60-х по 80-е годы нашим героем гигантские суммы сегодня следует умножать на коэффициент — десять. Чтобы почувствовать масштаб в современных цифрах. В ту пору доллар был другим, полновесным, да и цены были другие.

Свой комментарий хочу подтвердить сценой из романа тех лет Ирвина Шоу «Вечер в Византии», где тоже показана роскошная жизнь. В Венеции на веранде дорогого ресторана сидят финансовые магнаты, и чтобы подчеркнуть богатство этих людей, автор пишет: «...в столларовых рубашках от Кардена...». Ныне рубашки от Китон, Лилиан Вествуд идут уже и по тысяче долларов, а Карден есть Карден.

Кашоги и сегодня жив, в следующем году он отмечает свое семидесятилетие. Он никогда не был администратором, не имел системного образования, всегда руководствовался только интуицией. В начале 90-х Аднан Кашоги понес огромные потери — время романтических авантюристов закончилось. Денег заметно поубавилось, и он не сорит ими как прежде, да и устал, видимо, возраст сказывается. Но он оставил свой след и в деловом мире, и в светской жизни XX века, и его запомнят как человека, растратившего несметные богатства без сожаления. Запомнят, потому что на смену ему пришли другие богатые.

Невольное сравнение. Когда миллиардер Гусинский попал в «Матросскую тишину», он захватил с собой в общую камеру холодильник,

а, освобождаясь, забрал его с собой. Почувствуйте разницу, как советует рекламный слоган.

Заканчивая историю феерического пути Аднана Кашоги, с которым я прожил один временной отрезок, отмеренный нам Всевышним, пытаюсь хоть как-то соотнести его жизнь со своей, понимая, что никакой связи, параллелей быть не может, даже теоретически — другие миры, другая жизнь, другая судьба. Но мысль, не дававшая мне покоя несколько дней, заставила вспомнить реальную историю из моей жизни, и я думаю, следует рассказать о ней. История эта может показаться писательским вымыслом, фантазией, чтобы увязать хотя бы тончайшей нитью реальность моего бытия с жизнью легендарного мультимиллиардера Аднана Кашоги. Но что было, то было, и я благодарен памяти, выудившей из своих глубин эту историю, которой уже сорок два года. Слава Аллаху, еще живы люди, о которых пойдет речь, иные из них до сих пор еще обитают в Ташкенте, с другими я по сей день общаюсь в Москве, в Казани.

Осенью 1962 года, когда Аднан Кашоги стал представителем «Роллс-Ройса» и «Крайслера» в Эр-Рияде, я получил место в общежитии для ИТР Авиационного завода на Чиланзаре. Комендантше я чем-то приглянулся, и она говорит: «Поселю-ка я вас к хорошим людям». Хорошие люди оказались дипломниками Казанского авиационного института и приехали на практику. Среди них был и сын тогдашнего директора Ташкентского авиазавода Герман Пospelов.

Общежитие оказалось типовой пятиэтажкой, и студенты жили в квартире из четырех комнат, одна из которых была оборудована под холл с телевизором, диваном, сервантом с посудой, а в остальных жили мы. Было нас человек десять, из местных, кроме Пospelова, еще Геннадий Внучков, позже очень известный в Ташкенте человек. Он стал секретарем парткома завода, секретарем горкома партии. Страхуюсь фамилиями для подтверждения достоверности истории. Герман и Гена жили дома, на Урде, но имели свои кровати и у нас. Дипломные проекты тех лет отличались серьезностью, и они по ночам часто корпели над чертежами.

Ташкент 60-х — баснословно дешевый город, сухие вина «Хосилот», «Баян-Ширей», «Ак-Мусалас» стоили по шестьдесят семь копеек, а ведро персиков — три рубля. Сходить в хороший ресторан с девушкой можно было за десять рублей. Фантастическое время!

Днем дипломники работали мастерами в цехах и деньги получали приличные. Мы были молоды, азартны, по вечерам дома бывали редко. Но иногда, перед получкой, когда сидели на мели, коротали вечера у себя в холле. Если о походе в ресторан «Шарк», «Зеравшан» или в мою лю-

бимую «Регину» не могло быть и речи, то накрыть стол с сухим вином, фруктами проблем не возникало. Заводилой в нашей компании, лидером стал москвич, сын заместителя Генерального прокурора СССР Николая Венедиктовича Жогина — Валентин. Жогин-старший работал вместе с Руденко, возглавлявшим Нюрнбергский процесс, лет тридцать. Вот откуда тянутся корни моего интереса к прокурорским историям.

Однажды глубокой осенью в слякотный вечер мы собрались в холле за скромно накрытым столом. Сегодня, через сорок два года, когда я пишу эти строки о застолье на Чиланзаре, мне кажется, что в тот же ноябрьский вечер Аднан Кашоги тоже давал прием, а вокруг него порхали его подруги из университета, который он оставил без сожаления. Время для Аднана означало — деньги.

Вечер поначалу не складывался, и Валентин, чтобы как-то встряхнуть нас, предложил игру — как истратить миллион, если бы он был у каждого из нас. Идею от скуки приняли «на ура». Быстро накрутили бумажки и начали тянуть жребий — мне выпало выступать четвертым. Все трое выступавших передо мной студентов были из Казани, не из простых семей и старше меня года на три-четыре, а то и пять, в молодости это серьезная разница. Первых «миллионеров» я слушал вполуха, мои фантазии уже вырвали меня из убогой «хрущевки» и понесли в неведомо сказочный мир прожигателей жизни. Голос Жогина вернул меня за наш скромный стол, и я, уже разгоряченный фантазиями, начал...

В Ташкенте шел дождь с мокрым снегом, была пора сырого предзимья, и я сразу из заводской общаги перебрался на острова Фиджи в далеком и теплом океане, там как раз начинался курортный сезон для миллионеров. Тут я должен оговориться, что мои предшественники, «миллионеры» из Казани, не покидали страну, а я подумал — гулять — так гулять. В 1962 году, а это были годы хрущевской оттепели, счастливые сограждане, а, точнее, избранные, уже колесили по миру, мог же я и себе позволить хотя бы... теоретически. В ту пору миллион рублей равнялся почти полутора миллионам долларов, об обмене по курсу я объявил сразу, что было встречено восторженным ревом, в котором я кое у кого все же уловил нотки зависти. На островах среди роскошных пальм, на золотых пляжах я пробыл три недели, одиночество мне скрашивала одна очаровательная француженка русского происхождения, и вместе с ней я переехал в Европу. Прибыли мы в Зальцбург, где давали ежегодные зимние балы, затем перебрались в Вену, я давно грезил венской оперой и венскими кафе, где звучали вальсы Штрауса. Потом на появившейся в ту пору впервые роскошной маши-

не «мазерати», которую мне доставили прямо в Вену, мы с Жаннет перебрались в Париж. Рассказывал я и о шикарных отелях, где мы жили, о ресторанах, в которых я никогда не бывал, но ясно их видел, заказывал такие закуски, вина, диковинные блюда, от которых, наверное, у бедных дипломников текли слюнки. Перечислял, какие драгоценности я дарил своей очаровательной спутнице, каким гардеробом обзавелся, какие шикарные швейцарские часы «Шафхаузен» приобрел, через много лет я узнал, что такие часы носит знаменитый немецкий киноактер Клаус Мария Брандауэр.

Фантазии сорвали меня со стула, я кружил по тесному холлу, изображая, какие томные танго танцевал с Жаннет на приемах или в ресторанах, изображал, какие курил сигары, которые сегодня снова входят в моду, и это вызывало единодушный восторг, сопровождавшийся возгласами: во дает!

Когда меня утомил слякотный Париж и я собрался переехать южнее, в Венецию, где уже зацвели каштаны и знаменитые кафе вынесли столики на улицу — меня вдруг одновременно, словно сговорившись, прервали те, кто должен был выступать после. И Жогин, перекрывая гвалт, восторженные крики, сказал: «Рауль, возьми наши миллионы, мы хотим путешествовать с тобой!».

Но тут-то и произошла самая замечательная сцена за весь дивный вечер. Один из казанцев, выступавших передо мною, с нескрываемой обидой, словно их бросили, растерянно пробормотал: а как же мы?

Раздался гомерический хохот, и игра на этом закончилась.

Сегодня, когда бываю на Лазурном берегу или в Венеции, вспоминаю тот осенний вечер в Ташкенте. Добравшись сюда запоздало, через десятилетия, я не испытываю той радости, которую испытал тогда, в те минуты, когда потешал давних друзей фантазиями о роскошной жизни.

И вспоминаю я не Кашоги и других моих современников, красиво прожигавших здесь жизнь, память возвращает меня в начало века, в эпоху героев Фицджеральда. Вот они умели гулять красиво, со вкусом, достойно. В принципе, они были первыми прожигателями жизни на длинной дороге в целый век. Я прекрасно понимаю, что герои Фицджеральда, моего любимого писателя, автора моих любимых романов «Великий Гэтсби» и «Ночь нежна», не могли позволить себе того, что позволял себе Аднан Кашоги.

Нет, я не завидую Аднану Кашоги, своему современнику, я завидую времени, когда он посещал эти благословенные места. Его время,

мое время, было другим, оно вписывалось в рамки культуры, приличия. Нынче богатство стало агрессивным, злобным, вульгарным. Вы скажу парадоксальную мысль: слишком много стало богатых, имею в виду только миллионеров. На днях объявили, что и у нас, в нищей России, их уже больше сотни тысяч, это выявленных налогоплательщиков, а в реальности опять нужно умножать на десять. А сколько их, богатеев, в заживевшей Европе, Америке и вообще по миру? И все они спешат в Старый свет, оттого затоптаны самые желанные, романтические места в мире, воспетые поэтами, художниками. Думаю, что нынешнее время даже богатеям не в радость, и мне невольно приходит на память строка Тимура Кибирова: «Грядет чума, готовьте пир». Кстати, это эпитафия к моему бестселлеру — роману «За все — наличными».

И все-таки, пытаюсь рассказать вам об Аднане Кашоги, о давнем воображаемом путешествии по миру с полутора миллионами в кармане, когда я не слышал еще о великом плеябое ни слова и когда у нас обоих всё было впереди, я вдруг понял, что время сроднило меня с ним. Все в мире упирается в определенные сроки, и я желаю легендарному Кашоги, так красиво поражавшему мир в XX веке, здоровья и успехов в оставшейся жизни.

— *И последний вопрос, Рауль Мирсаидович, что бы вы напечатали в первую очередь, если бы вдруг стали директором Таткнигоиздата?*

— Первое, что бы я сделал, перевел на русский и английский языки всего Хасана Туфана, издал бы о нем книгу в серии «ЖЗЛ», в которую бы вошли книги и об Амирхане Еники, Мухаммете Магдееве, Гарифе Ахунове, Заки Нури, Мирсае Амуре, Гумере Баширове, Нури Арсланове и о ранних деятелях нашей культуры: Гаязе Исхаки, Кави Наджми, Аделе Кутуе, Хади Такташе. Все издал бы на трех языках, как казахи. Надо признать как данность: к сожалению, две трети татар не знают родного языка и вряд ли когда-то будут знать его. Отрезать их от татарской культуры только из-за того, что они не знают языка — значит потерять нацию окончательно. Остается одно, доносить татарское до татар на других языках. В XXI веке одна лишь культура цементирует нашу нацию, а новый век будет ассимилировать татар еще быстрее.

Следующим моим шагом было бы издание избранного всех тех, кого я назвал Великим поколением, конечно, открыв дорогу в этот список еще нескольким достойным поэтам. Из старшего поколения добавил бы Сибгата Хакима, Марса Шабаева, Ильдара Юзеева, оставил бы место и молодым: Ркаилю Зайдулле, Мударису Валиеву, Кады-

ру Сибгатуллину. Издал бы всех их на двух языках: русском и английском, на родных языках их творчество и так широко известно.

Отдельным томом издал бы рубаи Равиля Файзуллина, это особо мудрая поэзия, форма, дающаяся редко кому. Когда я вижу в западных магазинах книги Омара Хайяма, Хафиза, Амира Хосрова Дехлеви, Рудаки, Саади, я невольно воображаю этот том Равиля Файзулина, уверен, он будет востребован, ибо у Файзуллина нет прописных истин, банальщины, он отразил весь XX век, самый сложный и кровавый в истории человечества.

Перевел бы на татарский романы: Рустама Валеева «Земля городов», Явдата Ильясова «Заклинатель змей» и «Золотой истукан».

Издал бы книгу о парижанине Харуне Тазиеве, его родители ташкентские татары. В шестидесятые-семидесятые годы он был на Западе культовой фигурой. Он самый именитый в мире вулканолог, спустился в кратеры почти всех известных вулканов. Его знают на Западе не меньше, чем океанолога Ива Кусто.

Издал бы книги о выдающихся спортсменах: Гайнанае Сайтхужине, Галимзяне Хусаинове, Ренате Дасаеве, Вагизе Хидиятуллине, Зинэтуле Билялетдинове, Габдрахмане Кадырове, Венере Зариповой.

В татарскую серию «ЖЗЛ» включил бы книги об Ильгаме Шакирове, Рашиде Вагапове, Хайдаре Бигичеве, Зифе Басыровой, Алмазе Монасыпове, Назибе Жиганове, Салихе Сайдашеве, Фариде Яруллине и других деятелях культуры — такие книги сегодня нужны как воздух. И многое, многое другое — но об этом в следующей нашей беседе.

*Казань, Переделкино,
2003*

СОДЕРЖАНИЕ

ТОМ ТРЕТИЙ

Интервью для столичной газеты

Мать пиковая. Роман	13
Знакомство по брачному объявлению. Повесть	343
Пьянея звуком голоса, похожего на твой. Повесть	399
Интервью для столичной газеты. Повесть	433
Отец. Рассказ	489
Горный король и другие. Рассказ.....	507
Джинсовый костюм. Рассказ.....	520
Слагать из встречных лиц один портрет. Интервью.....	531
Культуру восстановить труднее, чем экономику. Интервью.....	543

Литературно-художественное издание

Мир-Хайдаров Рауль Мирсаидович

Собрание сочинений в шести томах

Том третий

Казань. Издательство «Kazan-Казань». 2011

Редактор
Ю. А. Балашов

Художественное оформление:
Г. Л. Эйдинов

Техническое редактирование и компьютерная верстка:
А. Р. Ермолаева, Р. М. Шарафутдинов, С. А. Саакян

Корректор *Л. З. Саямова*

Собрание сочинений оформлено картинками из личной коллекции
Рауля Мир-Хайдарова.

На обложках использованы картины
Айдара Шириязданова.

В оформлении книг использованы картины
Сергея Широкова.

С оригинал-макета подписано в печать 05.12.2011. Формат 70x100 ¹/₁₆.
Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная.
П. л. 36. Усл. печ. л. 46,8. Тираж 2000. Заказ ????.

Издательство «Kazan-Казань». 420066, Казань, ул. Чистопольская, 5
Филиал ОАО «Татмедиа» Полиграфическо-издательский комплекс
«Идел-Пресс»
420066, Казань, ул. Декабристов, 2